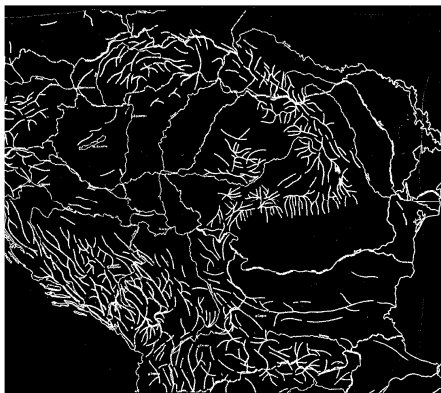

КАРПАТО-БАЛКАНСКИЙ ДИАЛЕКТНЫЙ ЛАНДШАФТ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

2

Российская академия наук
Институт славяноведения

**Карпато-балканский
диалектный ландшафт:**

Язык и культура

2009–2011

Вып. 2

Москва • 2012

УДК 800.879
К26

Редколлегия издания:

д. ф. н. А. А. Плотникова (отв. редактор),
к. ф. н. Е. С. Узенева, М. Н. Толстая, О. В. Трефилова

Рецензенты:

д. ф. н. С. М. Толстая, к. ф. н. А. В. Тер-Аванесова

Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура. 2009–2011. Вып. 2: Сборник статей / Ин-т славяноведения РАН; [Отв. ред. А. А. Плотникова]. – М., 2012. – 456 с.

Настоящий сборник представляет собой продолжение начатой в 2008 г. серии «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура» и включает статьи и материалы, ориентированные, прежде всего, на ареалогический аспект изучения карпато-балканской проблематики. Представленные в сборнике статьи отражают современное состояние ареального и сравнительно-сопоставительного изучения языковых и культурных явлений на территории пространственного континуума Юго-Восточной Европы. Значительная часть исследований посвящена современным этнолингвистическим исследованиям карпато-балканского ареала. В заключительном разделе сборника публикуются материалы полевой работы в румынских и венгерских селах по единому этнолингвистическому вопроснику, созданному первоначально для изучения балканославянского ареала, а впоследствии применяемого в иных регионах Карпат и Балкан.

Сборник адресован широкому кругу специалистов в области языка и традиционной народной культуры: диалектологам, этимологам, этнолингвистам, фольклористам, этнографам.

The collection of articles deals with Carpathian-Balkan issues as well, as the first issue in the series that was published in 2008. This collection includes the articles and field materials linked with geographic aspect in the languages and culture of the Carpathian-Balkan area. The articles are devoted to the processes of geographic distribution of linguistic and cultural-linguistic phenomena in the space of South-Eastern Europe. The majority of studies in question can be denoted as ethno-linguistic investigations of the Carpathian-Balkan area. The final part of the collection consists of publications of field ethno-linguistic materials collected in Romanian and Hungarian villages by means of the single questionnaire that was primary created for the purposes of the Balkan-Slavic area and afterwards was used in other regions of the Carpathians and Balkans.

The edition appeals to a wide range of specialists in languages and folk culture: dialectologists, etymologists, ethno-linguists, folklorists, ethnographers.

Авторская работа осуществлена при финансовой поддержке Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей» в рамках проекта «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе»

ISBN-10 5-7576-0243-0
ISBN-13 978-5-7576-0243-1

© Институт славяноведения РАН, 2012

Содержание

Введение	5
----------------	---

I

<i>О. Младенова.</i> По следам архивных документов: участие Болгарии в «Общекарпатском диалектологическом атласе»	7
<i>Н. П. Лесюк.</i> Динамика гуцульского диалекта украинского языка	12
<i>С. Л. Николаев.</i> Восточнославянские рефлексy акцентной парадигмы <i>d</i> и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с <i>o-</i> и <i>и-</i> основами	32
<i>Введение.</i> Замечания об истории балто-славянской акцентуации	32
Происхождение балто-славянских акцентных парадигм <i>o-</i> и <i>и-</i> основ	49
<i>Сводная таблица индоевропейских основ</i>	52
Основания для реконструкции особого варианта неподвижной а. п. (а. п. <i>d</i>) у славянских существительных с <i>o-</i> и <i>и-</i> основами мужского рода	66
Рефлексы а. п. <i>c, d</i> и <i>b o-</i> и <i>и-</i> основ мужского рода в карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах	91
1. Балто-славянские рецессивные основы муж. рода, славянская а. п. <i>c</i>	93
2. Балто-славянские доминантные <i>o-</i> основы муж. рода, славянская а. п. <i>d</i>	126
3. Балто-славянские доминантные основы ср. рода, славянская а. п. <i>b</i>	165
<i>Списки славянских, германских и индоевропейских праформ</i>	171
<i>Литература и сокращения</i>	178
<i>М. Н. Толстая.</i> Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе	190

II

<i>А. А. Плотникова.</i> Карпатские традиции в балканской перспективе: этнолингвистический аспект	211
<i>К. А. Климова.</i> Карпато-балканские параллели в народной мифологии (нереида и ей подобные персонажи)	223
<i>О. В. Чёха.</i> «Звезды скину на поднос и луну на землю»: греко-славянские параллели в быличках о колдуньях	230
<i>В. Васева.</i> Погребальные обычаи болгар Румынии (полевые наблюдения 90-х гг. XX века)	247

<i>О. В. Трефилова.</i> Народная мифология из Твырдицы (Болгария, Верхняя Фракия)	269
<i>Е. С. Узенёва.</i> Словацкая народная традиция в свете полевых этнолингвистических исследований карпато-балканской зоны	285
<i>М. М. Валенцова.</i> Этнолингвистическое обследование села Гельпа на Верхнем Гроне	298
<i>П. А. Бушуев.</i> Терминологическая лексика зимней обрядности лемков	328

III

<i>Н. Г. Голант, А. А. Плотникова.</i> Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Буззу, села коммуны Мерей, Мынзелешть, Пьетроаселе, Скорцоаса)	361
<i>Д. Ю. Анисимова.</i> Этнолингвистические материалы из венгерской деревни Ипойфедемеш, Словакия	424

Введение

Настоящий сборник представляет собой продолжение начатой в 2008 г. серии «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура». Первый сборник был посвящен памяти Г. П. Клепиковой и включал статьи и материалы, ориентированные, прежде всего, на ареалогический аспект изучения карпато-балканской проблематики. В настоящем выпуске сохраняется идея представления языковых и этнолингвистических исследований в единой плоскости карпато-балканской специфики. В первой части собраны статьи, отражающие процессы ареального и сравнительно-сопоставительного изучения языковых явлений в лингвистическом пространстве Юго-Восточной Европы. Вторая часть посвящена современным этнолингвистическим исследованиям карпато-балканского ареала. В третьей публикуются материалы полевой работы по единому этнолингвистическому вопроснику, созданному первоначально для изучения балканославянского ареала, а впоследствии применяемого в иных регионах Карпат и Балкан.

Многие из представленной в сборнике подборки комплексных исследований по карпато-балканской проблематике нашли отражение в докладах и их обсуждениях в ходе конференций и круглых столов, состоявшихся в 2009–2011 гг. (круглый стол «Этнолингвистические исследования карпато-балканского ареала», февраль 2009; круглый стол «Полевые исследования Карпат в балканской перспективе», февраль 2010; конференция «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе», ноябрь 2011).

Содержание собранного для публикации сборника «Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. 2009–2011» составляют научные работы разных типов. В первом разделе представлены публикации, посвященные собственно лингвистическому изучению карпатских и балканских языков, диалектов, говоров – их описанию (Н. П. Лесюк) и сопоставлению (М. Н. Толстая); историко-фактологическому экскурсу в историю создания дополнения к болгарским материалам «Общекарпатского диалектологического атласа», опубликованным в предыдущем сборнике 2008 г. (О. Младенова). Глоттогенетический аспект исследований представлен в статье, посвященной индоевропейским истокам праславянских акцентных парадигм существительных, основанной на

полевым материале архаичных карпатоукраинских, западных и северо-западных русских говоров (С.Л. Николаев). Второй раздел сборника посвящен сравнительно-сопоставительному изучению карпато-балканских явлений в традиционной народной духовной культуре и соответствующих корреспонденциях языка (статьи А. А. Плотниковой, Е. С. Узенёвой, М. М. Валенцовой, О. В. Трефиловой, В. Васевой, О. В. Чёхи, К. А. Климовой, П. А. Бушуева). Кроме того, в третьем разделе сборника публикуются полевые материалы, собранные по единому этнолингвистическому вопроснику: румынские (Н. Г. Голант и А. А. Плотниковой), венгерские (Д. Ю. Анисимовой).

От редколлегии

О. Младенова
(Калгари, Канада)

По следам архивных документов: участие Болгарии в «Общекарпатском диалектологическом атласе»

Появление сборника статей «Карпато-балканский диалектный ландшафт», первого тома новой серии Института славяноведения РАН (ответственный редактор А. А. Плотникова), вызвало у меня как у свидетеля ранней истории карпатистики большую радость. Книга посвящена памяти Г. П. Клепиковой и содержит разносторонние статьи, свидетельствующие о том, что карпатистика, которой Галина Петровна занималась всю свою жизнь, привлекает интерес и молодого поколения славистов. Меня порадовала и публикация болгарских материалов¹, собиравшихся несколько десятилетий назад для «Общекарпатского диалектологического атласа» (ОКДА) моим отцом Максимом Сл. Младеновым. Я помню со студенческих лет груды карточек и вопросники, частые полевые экспедиции отца и поездки на заседания Комиссии ОКДА при Международном комитете славистов, откуда он всегда возвращался воодушевленным общением с коллегами – членами Комиссии из других славянских стран и из Венгрии. Тем более удивительными оказались для меня начальные предложения публикации «Болгарские материалы для “Общекарпатского диалектологического атласа”»: «Болгарские материалы для “Общекарпатского диалектологического атласа” собраны в 1981 и 1982 гг. ст. н. с. Тинкой Костовой и ст. н. с. д-ром Лиляной Василевой. Были обследованы 15 сел, представляющие основные болгарские диалекты в пределах государственных границ Болгарии».

Чтобы разобраться с этим противоречием, мне пришлось порыться в семейном архиве, и вот что я обнаружила. Представителем Болгарии в Комиссии ОКДА с начала работы над этой темой в 1973 г. был М. Младенов. Непосредственное участие с болгарской стороны принимали также Василка Радева, Таня Бехар и в выполнении некоторых заданий – Марта Кырпачева. М. Младенов со-

---

¹ *Василева Л., Витанова М., Керемидчиева Сл.* Болгарские материалы для «Общекарпатского диалектологического атласа» // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. М., 2008. С. 355–479.

ставил болгарский индекс атласа [Младенов 1979], принимал активное участие в обсуждении концепции атласа, его вопросника и места южнославянских языков в нем [Младенов 1976; Клепикова, Младенов 1981]. Он определил и болгарскую географическую сетку атласа, испытал в полевых условиях пригодность трех разных версий вопросника ОКДА, руководил сбором материалов в болгарских пунктах сети и лично собирал материалы². Например, в пунктах № 212 (Долна Рикса) и № 216 (Пастра) материалы были собраны М. Младеновым во время экспедиции 1978 г., в которой приняла участие и В. В. Усачева. Материалы пункта № 213 (Врачеш) были собраны В. Радевой. М. Младенов

---

² Из писем моему отцу от 15 июня и 19 августа 1980 г. Януша Ригера, представителя Польши в Комиссии ОКДА, к которым приложены списки населенных пунктов сетки ОКДА и бланковки карт атласа, видно, что была принята следующая сетка болгарских пунктов: № 211 – Тошевцы, Видинская околия; № 212 – Долна Рикса, Михайловградская околия; № 213 – Врачеш, Ботевградская околия; № 214 – Плана, Самоковская околия; № 215 – Поибрене, Панагюрская околия; № 216 – Пастра, Станкедимитровская околия; № 217 – Яково, Санданская околия; № 218 – Триград, Девинская околия; № 219 – Кривеник, Севлиевокая околия; № 220 – Брест, Никопольская околия; № 221 – Кацелово, Беленская околия; № 222 – Медвен, Котленская околия; № 223 – Черничино, Ивайловградская околия; № 224 – Стоилово, Малкотырновская околия; № 225 – Комарево, Провадийская околия. В публикации Василевой, Витановой и Керемидчиевой нет материалов из пункта Тошевцы (№ 211). Пункты Яково (№ 217) и Кривеник (№ 219) заменены близлежащими пунктами Гега (Петричская околия) и Стоките (Севлиевокая околия) и добавлен пункт № 226 – Подвис (Карнобатская околия). В своем отчете работы по теме ОКДА, сделанном по указанию Владимира Георгиева, директора Центра языка и литературы БАН 13 октября 1980 г., М. Младенов пишет 27 октября 1980 г.: «Пока собраны материалы из следующих 8 пунктов: Долна Рикса (Михайловградская околия), Кацелово (Беленская околия), Кривеник (Севлиевокая околия), Поибрене (Панагюрская околия), Пастра (Станкедимитровская околия), Яково (Петричская околия), Врачеш (Ботевградская околия), Комарево (Провадийская околия). Необходимо перепроверить предварительно собранные материалы из 2 пунктов: Плана (Софийская околия) и Тошевцы (Видинская околия). Предстоит собрать материалы в следующих 5 пунктах: Брест (Никопольская околия), Медвен (Котленская околия), Триград (Девинская околия), Черничино (Ивайловградская околия), Стоилово (Малкотырновская околия). Чтобы справиться с этой задачей, в 1981 г. необходимо официально регламентировать мое дальнейшее участие в решении этой научной задачи, а именно обеспечить как мне, так и к.ф.н. Василке Радевой командировочные и возможность отвести около двух месяцев в году для полевой работы. К.ф.н. Василка Радева приняла обязательство в летние месяцы участвовать в собирательской деятельности, несмотря на то что она в настоящее время является лектором болгарского языка в Лейпциге».

участвовал с докладами во всех конференциях и симпозиумах по карпатистике, организовывавшихся в эти годы³, и некоторые из этих докладов опубликованы [Младенов 1973а; 1975]. М. Младенов являлся автором сообщений в научной печати о заседаниях Комиссии ОКДА при МКС [Младенов 1973б; 1974] и членом редколлегии книги «Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник» (М., 1981).

Впоследствии участие М. Младенова в этом международном проекте, в который он вкладывал на протяжении нескольких лет много идей, энергии и добросовестного труда, внезапно оборвалось. Вот как это произошло. Очередное, седьмое, заседание Комиссии ОКДА при МКС должно было состояться в октябре 1978 г. в Софии. Его организатором был Институт болгарского языка и конкретно М. Младенов как представитель Болгарии в этой международной комиссии. Из-за отсутствия средств заседание было отложено на апрель 1979 г. Тем временем приказом от 13 марта 1979 г. Максим Младенов и Христо Холиолчев были уволены из Института болгарского языка и перемещены в Этнографический институт с музеем – событие, ставшее одной из кульминационных точек драмы, разыгравшейся в болгарском языкознании в конце 1960-х и имевшей отголоски до конца 1980-х гг. [Жуков 1990; Младенов 1990; Михайлов 1993: 63–65; Маркова 2007]. Несмотря на все возражения, высказанные Димитром Тилковым, Валентином Станковым и Диной Станишевой, вскоре после удаления Младенова из Института болгарского языка Ивану Кочеву удалось склонить Директорский совет Института к решению повторно отложить конференцию, о чем участникам было сообщено телеграммами. В ответ на эти телеграммы, о которых М. Младенов узнал от их адресатов, Институт славяноведения и балканистики АН СССР назначил на 18–22 июня 1979 г. конференцию в Москве с той же повесткой дня. Это последняя конференция, в которой М. Младенову разрешили участвовать. На следующих конференциях, состоявшихся в Москве и в Братиславе в феврале и октябре 1980 г., болгарского представителя не было. Так был положен конец занятиям М. Младенова в области карпатистики.

В октябре 1980 г. Иван Кочев сообщил авторскому коллективу «Общеславянского лингвистического атласа», что Болгария отказывается от участия

---

³ Имеются в виду следующие шесть международных конференций по проблемам карпатского языкознания: в Москве 24–26 апреля 1973 г., в Братиславе 15–17 мая 1974 г., в Кишиневе 21–23 апреля 1975 г., в Ужгороде 16–19 июня 1976 г., в Кракове 17–20 ноября 1976 г. и в Москве 29 ноября – 3 декабря 1977 г.

в ОКДА⁴. По распоряжению руководства БАН болгарские материалы ОКДА были депонированы в Институте болгарского языка. Дома у М. Младенова остались блокноты с его полевыми записями и экземпляры их машинописной обработки. М. Младенов долго не мог примириться с принятым политическим руководством Болгарии и претворенным в жизнь Дорой Мирчевой, тогдашним директором Института болгарского языка, решением, что Болгария выходит из ОКДА и не предоставляет к публикации болгарские материалы атласа [Радева, Холиолчев 2008: 15]. После перерыва в четверть века, в 2005 г., когда эти материалы можно было представить всего лишь как приложение к уже опубликованным семи томам атласа [Клепикова 2006: 68], Болгария возвращается к участию в решении этой международной задачи. Я уверена, что М. Младенов был бы счастлив узнать, что многолетний труд его команды оказался в конце концов ненепригодным. Я же посчитала своим долгом добавить к публикации отсутствующие в ней необходимые вводные слова.

Литература

- Жуков 1990 – *Жуков Н.* Непатриотична история // Труд. 1990. № 60. 27 марта 1990 г. С. 3.
- Клепикова, Младенов 1981 – *Клепикова Г. П., Младенов М. Сл.* Общкарпатски лингвистичен атлас. Проблеми и резултати // Съпоставително езикознание. 1981. № 2. С. 92–98.
- Клепикова 2006 – *Клепикова Г. П.* К завершению проекта «Общкарпатский диалектологический атлас» // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 2003–2005. М., 2006. С. 52–79.
- Маркова 2007 – *Маркова Г.* Гонят видни учени от БАН през 1979 г. // 24 часа, 17 июля 2007 г. С. 16–17; 18 июля 2007 г. С. 18–19.
- Михайлов 1993 – *Михайлов С.* Живковизмът през призмата на една лична драма. София, 1993.
- Младенов 1973а – *Младенов М. Сл.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // Симпозиум по проблемам карпатского языкознания (24–26 апреля 1973 г.): Тезисы докладов и сообщений. М., 1973. С. 36.

---

⁴ По этому поводу С. Б. Бернштейн пишет в письме моему отцу от 27 октября 1980 г. следующее: «Только что вернулись наши участники конференции по “Общеславянскому лингвистическому атласу”, которая проходила в ГДР. На этой конференции Кочев официально заявил, что Болгария не будет принимать участия в работе над Общкарпатским диалектологическим атласом».

- Младенов 1973б – *Младенов М. Сл.* Международна конференция по въпросите на карпатското езикознание // Български език. 1973. № 1–2. С. 150–151.
- Младенов 1974 – *Младенов М. Сл.* Международна конференция за Карпатския лингвистичен атлас // Български език. 1974. № 5. С. 448–449.
- Младенов 1975 – *Младенов М. Сл.* Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 220–235, 4 карты.
- Младенов 1976 – *Младенов М. Сл.* За мястото на южнославянските езици в Общкарпатския лингвистичен атлас // Zborník Filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Philologica. 1976. № 1–2. С. 47–48.
- Младенов 1979 – *Младенов М. Сл.* Характеристика на българския индекс към Програмата-въпросник за Карпатския лингвистичен атлас // Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. D. 4. Kraków, 1979. S. 47–50. (Prace językoznawcze; Z. 61).
- Младенов 1990 – *Младенов М. Сл.* Има ли я България сред славянството? // Литературен фронт. № 11. 15 марта 1990 г. С. 1, 6.
- Радева, Холиолчев 2008 – *Радева В., Холиолчев Х.* Максим Славчев Младенов (1930–1992) // *М. Младенов.* Диалектология. Балканистика. Етнолингвистика. София, 2008. С. 11–17.

Н. П. Лесюк
(Ивано-Франковск, Украина)

Динамика гуцульского диалекта украинского языка

В начале 2008 г. появилась уникальная возможность сравнить состояние гуцульского говора украинского языка начала XX и XXI вв., проследить динамические процессы, происходившие в нем на протяжении почти столетнего периода. Такую возможность дает книга П. Шекерика-Доныкова «Дідо Иванчік» [Дідо Їв́анчик], написанная еще в 30-е гг. XX в., т. е. 80 лет назад. Эта книга ценна для нас в первую очередь тем, что язык автора свободен от каких-либо внешних влияний, особенно влияния украинского литературного языка того времени. В книге в принципе отсутствуют также полонизмы, русизмы, другие заимствования.

Книга «Дідо Иванчік» написана уроженцем «глубокой» Гуцульщины – деревни Головы ныне Верховинского р-на Ивано-Франковской области на «чистом», как было отмечено, гуцульском диалекте. Автор книги, Петр Шекерик-Доныков (Петро Шекерик-Доників¹), талантливо описал гуцульский быт, материальную и духовную культуру гуцулов, народные обычаи, особенно верования и др., но главное – во всей первоизданной чистоте воспроизвел местный гуцульский говор, его лексические, фонетические и грамматические особенности, насколько это было возможно передать на письме.

У автора романа, как и у многих других представителей украинской интеллигенции, была тяжелая судьба. В 1940 г., когда на Западную Украину пришла советская власть, он был репрессирован и сослан в Сибирь, где его следы пропали, как и сотен других известных и менее известных украинцев. Книгу же его сберегли жена и дочь. Рукопись ее более 60 лет пролежала закопанной в земле. К счастью, она все же дождалась времени, когда ее смогли опубликовать.

Петр Шекерик-Доныков был чрезвычайно талантливым человеком, его высоко ценили известный польский писатель и этнограф Станислав Винценз, деятели украинской (галичской) науки и культуры того времени. Он владел

---

¹ У гуцулов отмечено интересное явление: сына ласкательно (в звательном падеже) зовут «доньку», а дочь, наоборот, – «сынку». Доників – это притяжательное прилагательное, и его (именно эту фамилию) склоняют как прилагательное. Но подведем его под общие правила – Доникова, Доникову и т. д.

даром слова, умел использовать и применять неисчислимые языковые сокровища, которые сохранились в народной речи гуцулов, – редкую, ныне уже многим непонятную лексику, фразеологию, синонимы, различные художественные средства. Например, *собака* у него имеет синонимы *пужла* [púžla], *пурга* [púgha], *кутюга* [kut'úha], *гайда* [gáida], *пес* [pes], *песé* [pəs'és]² ‘маленькая собачка’. Богатство языка автора наблюдается и в описаниях природы, бытовых сцен, будней, обычаев, верований гуцулов и т. п. Для того чтобы по достоинству оценить и продемонстрировать этот печатный шедевр, необходимо его монографическое исследование и описание, но главные черты зафиксированного в книге гуцульского говора мы попробуем проанализировать в этой статье.

Как известно, передать на письме тонкости произношения нелегко. Для этого существует специальная система фонетического письма (транскрипция) с большим количеством условных знаков, которые не могут быть применены в обычной печати. И все же орфография писателя дает возможность воспроизвести родной для него гуцульский (жабьевский) говор. Можем констатировать, что все основные фонетические черты гуцульского диалекта здесь имеют место.

Во-первых, необходимо выделить такую определяющую собственно гуцульскую черту, которая не повторяется ни в одном говоре юго-западного украинского диалекта, как изменение праславянской гласной фонемы заднего ряда /a/ на /э^м/ после [j], например: *аé!* [айэ] – утвердительная частица, т. е. ‘да’, *дерев'эний* [дэрэўйэный] ‘деревянный’, *эблínка* [йэблынка] ‘яблоня’, *эворóвий* [йэ'ворóвий] ‘яворовый, из явора’, *эк* [йэк] – укр. лит. *як* ‘как’, *эма* [йэма] ‘яма’, *эрмó* [йэрмó] ‘ярмо’, *эсний* [йэсны] ‘ясный’, *эшэрка* [йэш'эрка] ‘ящерица’, *нiэка* [н'йэка] – укр. лит. *ніяка* ‘никакая’, *смiэлиси* [с'м'йэлысы] ‘смеялись’, *з'эв'элоси* [зйэўйэлысы] – лит. з'являлося ‘появлялось’, *стоэла* [стойэла] ‘стояла’, *схон'этиси* [схонпйэт'ы'сы]³ ‘резко вскакивать’, *флoэра* [флойэра] ‘дудка’ и др. Такой же рефлекс имеет после [j] и праславянская фонема /e/: **jезуьк* – *эзык* [йэзык] ‘язык’, **vezati* > *в'езати*, *прив'езати* [ййэзат'ы] ‘вязать, привязать’. Почти во всех приведенных примерах фонема /э/ после [j] находится под ударением и произносится, хотя на письме это не отражено, как [э] близкое к [ы] или наоборот: [йэма], [с'м'йэлысы], [йэш'эрка] и т. д. В неударной позиции рефлекс праславянских фонем /a/ и /e/ произносились как [ы] близкое к [i] или просто как [i]: [йэ'ворóвий], [прыўйэ'зат'ы], [йэ'рмó], [покайiн'э] ‘по-

² Знаком э обозначаем звук [ы^е] или [э^м].

³ В инфинитивном суффиксе **-ти** звук [ы] произносится как близкий к [i]. Согласный перед ним слегка смягчается. Это легкое смягчение обозначаем точкой сверху справа от буквы.

каяние'. Правда, в текстах почти везде по аналогии написано *с* [йе], кроме слова *покаїне*.

Аналогично изменилась праславянская фонема [а] после других мягких согласных: *білєвий* [б'іл'эвыї] 'беловатый', *втеџи* [ўтэ́т'ыї] 'урезать', *заповнєв* [запоўн'эў] 'заполнял', *змінєти* [зм'ін'э́т'ыї] 'сменять', *молодєк* [молод'э́к], *молодєчьок* [молод'эч'э́к] 'юноша', *грєди* [грэ́ды] 'в крестьянской избе жерди под потолком, на которые складывают одежду', *повторєли* [поўтор'э́лы] 'повторяли', *похмурєвси* [похмур'э́ўсы] 'хмурился', *уклєк* < *уклекнџти* [укл'э́к] 'стал на колени', *усєкі* [ус'э́к'і] 'всякие', *христєнин* [хрыст'э́нын] 'христианин'. В украинских литературных соответствиях этих слов везде **я**: *білявий*, *втяџи*, *мінџи* и т. д. Такое же изменение последовательно происходило и после шипящих: *жєль* [ж'э́л'] 'жаль', *жєлісно* [ж'э́л'існо] 'жалобно', *жєлувати* [ж'э́луват'ыї] 'жалеть', *жєба* [ж'э́ба] 'жаба', *чєс* [ч'э́с] 'час', *кленчєти* [кл'э́нч'э́т'ыї] 'стоять на коленях', *шєпка* [шэ́пка] 'шапка', *лишєти* [лыш'э́т'ыї], *лежєти* [лэ́ж'э́т'ыї], *тришиєв* [трыш':э́ў] 'трещал'. В украинских литературных формах везде [а]: *жаль*, *час*, *жаба*, *шапка*, *лишати*, *лежати*, *тріщав*.

Еще шире представлен звук [ы'] или [э^н], который мы обозначаем знаком э, на месте праславянской фонемы /є/, причем как после мягких согласных, так и после шипящих, которые, кстати, в гуцульском говоре тоже мягкие: *дєкувати* [д'э́куват'ыї] 'благодарить', *досєгаємо* [дос'э́га́йэ́мо] 'достаем', *заклєтий* [закл'э́тыї] 'зажытый', *кісє* [к'іс'э́] 'ручка от косы, которой косят', *колєдникї* [кол'э́дныкы] 'колядовщико', *пэтетко* [пэ́тэ́тко] 'птичка', *рєд* [р'э́д] 'ряд', *свєто* [с'в'э́то] 'праздник', *сімдєсєтка* [с'імдэ́с'э́тка] 'семидесятка – 70 лет', *тєгати* [т'э́гат'ыї] или часто [к'э́гат'ыї], *тєжшє* [т'э́жш'э́] 'тяжелый', *тєшко* [т'э́шко] 'тяжело', *тємити* [т'э́мыт'ыї] 'помнить', *пчєтий* [пчэ́тыї] 'начатый', *зачєли* [зач'э́лы] 'начали', *жєти* [ж'э́т'ыї] 'жыть серпом'. В безударной позиции здесь произносится скорее [і], нежели [э] ([дос'і́га́ймо], [кол'і́дникэ́], [пчэ́т'і́ок]), но в книге это не отражено. Заметим, что согласные перед рефлексом праславянской носовой фонемы /є/ сохранили мягкость, причем это характерно для всех украинских говоров, в том числе и для литературного языка. Однако лексема *князь*, покутское [кн'э́з'], здесь имеет форму *книзь* с твердым предыдущим согласным: *Єк ків одитий у луб, то книзь будет богатий. Єк голлий, то й книзь будет бідний. Єк ків правий, то будет книзь файний, а єк будет ків кривий, то книзь будет поганий, охаблений* – с. 61⁴ (Если кол [в изго-

⁴ Примеры даем по книге: *Петро Шекерик-Доників*. Дідо Иванчік / Роман. Верховина, 2007. Далее после тире указывается страница.

роди, заборе. – Н.Л.] не обкорнанный, то и суженый будет богатый. Если кол голый, то и суженый будет бедный. Если кол прямой, то суженый будет красивый, а если кривой, искривленный, то суженый будет некрасивый, безобразный).

Важной и характерной чертой жабьевского говора, сохранившейся донныне, является употребление на месте исконной фонемы /o/ в закрытом слоге, т. е. на месте современного украинского литературного [i] после губных, фонемы /и/ (ы). Здесь имеет место аккомодация твердого губного согласного звука и гласного [i], вследствие которой последний вынужден был под влиянием твердого губного измениться в [и] ([ы]): *вид* [выд] – укр. лит. *від* ‘от’, *викóнце* [выкóнца] ‘окошко’, *говиркiй* [говыркый] ‘говорливый’, *бiльше* [быльше] ‘больше’, *вин* [вын] ‘он’, *пизнáв* [пызнáв] ‘опознал’, *видсы́нав* [выдсы́пав] ‘отлил, отсыпал’, *видверну́ти* [выдвэрну́т ы] ‘отвернуть’, *вiвци* [выйци] ‘овцы’, *писна́* (*стрáва*) [пысна́] ‘постное (блюдо)’, *пишьóв* [пышьóв] ‘пошел’, *витáк* [вытáк] ‘потом, после’ и др. Иногда это явление может распространяться и на те случаи, когда [i] происходит из ё (ятя): *зацви́ло* [зацвы́ло] ‘расцвело’, *обищевси* [обыщ’эсы] ‘обещал’. Встречается [и] ([ы]) и после других твердых согласных на месте ожидаемого [i]: *добрáничь* [добрáныч] ‘спокойной ночи’, *зигнав* [зыгнáв] ‘сигнал’, *злисно* [злысно] ‘сердито’, диждати [дыждáт ы] ‘дождаться’, *на серéдним, на черлénим, в усiм* – ‘на среднем, на красном, во всем’. Можно встретить и префикс *вид-* (*видразу* – с. 322), но это, очевидно, ошибка составителей, редакторов книги или «самовольное вмешательство» компьютера.

В книге «Дiдо Иванчiк» широко представлена такая характерная черта гуцульского говора, как мягкость шипящих согласных. Эта мягкость передана написаниями после шипящих *i, я, ю, є, ь*, например: *пéчiра* ‘пещера’, *невелiчка* ‘небольшая’, *чьóртови* ‘чёрту’, *первовiчыне* ‘древнее’, *смеречé* ‘ветви «смереки», ели’, *чьо* ‘что, чего’, *кичэра* ‘крутая гора’, *викручювавси* [выкруч’уваўсы], *шумнючюв рiчьков* [шумн’уч’оў р’ич’коў] ‘шумящей рекой’, *чєс* ‘время’, *плачь, чьорний, чiсте* ‘чистое’, *учiт* [ы] ‘учить’, *пiчь* ‘печка’, *нiчь* ‘ночь’, *колачь, прiпiчьок* ‘выступ у печи, лежанка’, *добрáничь* ‘доброй ночи’, *молодечьóк* ‘юноша’, *дiвчэта* ‘девчата’, *мóвчкi* ‘молча’, *чюжiй, шє, шиє* ‘еще’, *нашя* ‘наша’, *лишєласи* ‘осталась’, *свершьóк* ‘сверчок’, *шiпка* [ш’эпка] ‘шапка’, *лежэв* [лэж’эв] ‘лежал’, *дрижэв* [дрыж’эв] ‘дрожал’, *Бóжя* ‘прилаг. Божья’, *бжьóли* ‘пчелы’ и под. Мягкое произношение шипящих в Верховинском районе, как было отмечено, сохранилось до сих пор.

В родном говоре автора книги «Дiдо Иванчiк» отсутствуют звуко сочетания [шч], [жч], которые образовались в украинском языке вследствие диссимилиации [шш], [жш]. Здесь такой диссимилиации не было, и это иллюстрируют сле-

дующие примеры: *ще* ‘еще’, *видпу́шиїне* ‘отпущение’, *тэ́жше* – лит. *тяжче* ‘тяжелее’, *э́шерка* – лит. *ящірка*, *шэ́рбі* (зуби) [ш’э́рб’і] ‘щербатые’, *ші́рий* – лит. *щирій* ‘щедрый’, *ші́ре* ‘щедро’, *ше́сте* – лит. *щастя* ‘счастье’, *муші́нін* ‘мужчина’ (*Муші́їне* здоймали крисані з головий, а челідь низко клонила їх, побожно ирстечіси – с.46 – Мужчины снимали шляпы с голов, а женщины низко склоняли их, набожно крестяся), *триші́ев* ‘трещал’, *милі́ши* – лит. *миліші* ‘милее, мн. ч.’, *блі́шише* ‘ближе’ (*Дай Боже й вам ші́стят та здоровя й многа літ. Та будьте ласкави у хату. Прошу блі́шише заходити* – с.84 – Дай Бог и вам счастья, здоровья и многих лет. Будьте любезны в хату. Прошу ближе, заходите), *изні́шиіти* лит. *зниціти* ‘уничтожить’, *ири́єний* ‘крещеный’, *дворі́шия* ‘род. п. дворище, усадьба’, *кра́шиий* лит. *краціий* ‘лучший’, *бэ́шиість* ‘бесчестье’, *дожь* ‘дождь’.

В гуцульском говоре последовательно отражается закономерный переход староукраинского [i] в [и], причем не только в середине, но и в начале слова. Примеры из книги: *Ива́нчик*, *иті*, *игр́авси*, *ишів*, *іноді* ‘иногда’, *інчий* ‘другой, иной’, *інде* ‘в ином месте’, *ишэ́*, *игла́*, *ичь* (род. пад. мн. ч. существительного *очи* ‘глаза’). В тексте: *Раз ти кажю, тьяй ми з перед ич⁵, бо зараз перерву те, ек жебу* – с. 30 (Раз я тебе говорю, с глаз моих долой, а то порву тебя, как жабу). Перед сонорными возникает приставной [ы] (в литературном языке – приставной [і]): *иртóm* ‘твор. пад. ртом’, *ири́єний* ‘крещеный’, *ирчі* ‘ректи, говорить’ который выполняет еще и эвфоническую функцию – разделяет группу согласных, облегчая при этом произношение. Такую же функцию выполняет [ы] в предлогах-префиксах *ид*, *из*: *изкутив* [ыз’купиў] ‘скупил’, *изсипав* [ыс:ыпаў] ‘ссыпал’, *ид-міні*, *ид-собі* ‘ко мне, к себе’: *Мині видразу велькло на души, бо на Ріжу вихопивси дідо Иванчик тай, сміючіси, побіг борше ид’міні* – с. 11 (Мне сразу стало легче на душе, так как на Рижу [гору. – Н.Л.] выбежал дед Иванчик и, смеясь, побежал быстро ко мне).

В гуцульском диалекте отчетливее, нежели в литературном языке, слышно смешение безударных [э] и [ы], и это ярко демонстрирует роман. Так, частица или приставка *не* здесь последовательно передается как *ны*: *ни хотів*, *ни зняю*, *нига́мирно* ‘не шумно’, *нира́з*, *ниделэ́ко*, *низадóвго*, *ниві́стка*, *нимі́тий* (*А за ними иззаду нанизав, завірючіси на мене погано охабленим, нимі́тим, зарослим лицем...градовий царь* – с. 41 – А за ними следовал, оскаливаясь на меня очень сердитым, немытым заросшим лицом... градовый [повелитель града. –

5 В украинском языке, как известно, исконная фонема /о/ в закрытом слоге переходит в /і/: *очи* > *ичь* > *ич*. Перед начальным [і] появилась протеза [в]: *віч*. В анализируемом говоре протетический [в] отсутствует, поэтому [і] перешел в [ы] – [ыч].

Н.Л.] царь); также буквой *и* передается фонема /э/ в предлоге *мижи*, местоимении *міні* (дат. пад.) и др., однако перед сонорным [р] везде встречаем *е*: *позерáти* ‘поглядывать’, *зберáет* ‘собирает’, *вiвбераний* ‘разодетый’, *сперáло* ‘останавливало’, *утерáв* ‘вытирал’, *умерáти* ‘умирать’. Фонема /э/ представлена также в существительных *Хрестóс*, *хрестéнин*, очевидно, под влиянием существительного *хрест* ‘крест’ (*В тот раз привидiлося Иванчiкови, що Хрестос так ласкаво усмихнувся д'нему, що аж ййго тот усмих заскобитав у п'ятах* – с. 300. – В тот раз показалось Иванчику, что Христос так ласково улыбнулся ему, что его эта улыбка защекотала в пятках). Интересно, что после заднеязычного [х] на месте фонемы /и/ (ы) независимо от ударения автор последовательно употребляет букву *є*: *хéтро* ‘хитро’, *изхелéний* ‘наклоненный’, *трóхе* ‘немного’, *мурахé* ‘муравьи’, *порохé* ‘пыль’: ...була паськудна дорога. Камiне, грузи та промiси, а в посуху **порохе** – с. 9 (...была скверная дорога. Камни, грязь и месиво, а в засуху пыль).

Гуцульский говор как один из наиболее архаичных украинских говоров сохраняет мягкую фонему [р'] в конце слов и слогов: *царь*, *нéхарь* ‘нечисть’, *зiрь* (род. пад. мн. ч. от *зоря*), *горьшкiй* ‘горшки’, *гирькiй* ‘горький’, *верьх* и под.: *Зострахе я лелiв ек лист на трепетi... Прикривавси лiжником, у мацiцькiй климачьок корчiвси, ек слимбуи у скаралушу. Однакo нiчьo ми ни помагало, бо та **нехарь** уся ише гирше ми си мантила* – с. 41 (Со страха я дрожал, как осинный лист... Накрывался лижником [тканое покрывало из овечьей шерсти. – Н.Л.], в маленький комочек скрючивался, как улитка в раковину. Однако мне ничего не помогало, вся та нечисть еще сильнее меня преследовала); *Писаний Камiнь* [название горы. – Н.Л.] *запалав золотом. Здавалоси, що цiлий **верьх** горiв у золотiй половени* – с. 45 (Писанный Камень воспламенился золотом. Казалось, что вся вершина горела в золотом пламени).

В книге «Дiдо Иванчiк» зафиксирована такая черта гуцульской фонетики, как смешение свистящих и шипящих согласных. Если частица *чи* ‘или’ употребляется в варианте *ци* почти во всех западных говорах и засвидетельствована даже в произведениях галичских писателей, то целый ряд других слов, в которых имеются отклонения от современных литературных норм, встречаются только в гуцульской речи. Во многих случаях это можно объяснить дистантной ассимиляцией по способу образования, когда шипящий [ш] влияет на свистящий [с], например в неопределенном местоимении *шош* – лит. *щось* ‘что-то’, в существительном *шушенiця* ‘сухофрукты’, прилагательном *нашiшиний* ‘насущенный (хлеб)’, в глаголе *зашушiйвси* ‘засушился’. В глаголе *мотлóсилиси* ‘возились’, наоборот, свистящий постфикса *си* повлиял на предыдущий [ш]

и изменил его на [с]. Очевидно, дистантной ассимиляцией следует объяснить появление [с] в слове *серсть* ‘шерсть’. Нет удовлетворительных объяснений и взаимным заменам *с/ш* в словах *шнідав* – лит. *снідав* ‘завтракал’, *шнур* ‘шнур’, *вискірѣлиси* – лит. *вишкірялися* ‘оскаливались’, *поцтіві* (дівчєта) ‘учтивые (девушки)’. В слове *запіцьок* ‘пространство за печью’ можно усмотреть польское влияние (пол. *piec* ‘печь’); параллельно употребляется лексема *опѣцок* (в Покутье – *опіцок*).

В книге отражена фонетическая черта, которая присуща не только гуцульскому, но и покутскому говору – употребление суффиксов *-ск, -зк, -цк* с твердым свистящим: *нізко, трáцка пила* ‘лесопильная’, *лю́дска худі́бка* ‘народная скотинка’, *па́нским корова́м, старо́віцкый* ‘древний’, *кі́нцков* ‘лошадиной’: *До пото́ка Гранчи́ного мож бу́ло ити до ді́да кі́нцков доро́гов по́над рі́чкьов* – с. 9 (До ручья Гранчиного можно было идти к деду лошадиной дорогой вдоль речки). В других местах это прилагательное выступает с суффиксом *-ск*: *Покла́в під сті́в ці́ле кі́нске сі́дло й е́рем вид во́лів та со́киру й се́рп, заткнений у е́чмінний сні́п* – с. 65 (Положил под стол целое конское седло, ярмо от волов, и топор, и серп, воткнутый в ячменный сноп). Твердый свистящий выступает также в конце местоимений или наречий; это явление распространено также на территории других западноукраинских говоров: *куда́с* ‘куда-то’, *ика́с* ‘какая-то’, *икóс* (вариант *йкос*) ‘как-то’, *икійіс, йкийіс, чьогóс* ‘чего-то’, *цєс* ‘этот’, *дєс* ‘где-то’ и др.: *...ді́до ни спит на печі, бо перевертавси з бо́ку на бі́к. Чьогос сніту́вавси* – с. 40 (...дед не спит на печке, переворачивался с боку на бок. Чем-то обеспокоен).

П. Шекерик-Доныков зафиксировал такое явление, как отверждение [л] в конце закрытого слога, причем не только в старых действительных причастиях, но и в существительных, чего нет в литературном языке: *орѣв* ‘орел’, *вўгов* ‘угол’, *ків* ‘кол’, *сті́в* ‘стол’, *причі́вку* – лит. *причі́лку* (род. пад.) ‘боковая стена, боковая часть крыши’, *світівка* ‘светилка – подружка невесты в свадебном ритуале’, *вів* ‘вол’: *Чьоловік гаруєт на світі ці́ле житє, єк вів у е́рмі* – с. 44 (Человек горбатится на свете всю жизнь, как вол в ярме).

Для гуцульского, а также покутского говоров характерно отверждение свистящей глухой аффрикаты [ц] в конце слова (*столѣ́ц* ‘скамеечка’, *конѣ́ц, ка́ганец* ‘керосиновый светильник’). У Шекерика-Доныкова, как и в целом в гуцульском говоре, аффриката [ц] произносится твердо и в косвенных падежах существительных женского рода: *дурні́цу* ‘ерунду’, *свѣту́ землі́цу* ‘святую землю’, *здзі́цу* ‘задницу’, *на лави́ци* ‘на лавке’, в местоимении *цу* ‘эту’ и др.: *...уни обоє мало насмерть си не вибили, й то через дурни́цу* – с. 33 (...они оба чуть ли не

насмерть подрались, и то из-за мелочи). Аналогично ведет себя фрикативный [с]: *Биньо, високий мушшїнин... трохе дурнековатий, а так поволи ходив, ек вів.. Усу роботу робив, так ек будь-котрий хрестенин* – с. 127 (Биньо, високий мужчина... немного глуповатый, а так медленно ходил, как вол. Всю работу делал, как любой христианин).

Книга фиксирует также утрату эпентетического [лʹ], что характерно и для других говоров Украины (з'ев'єлоси 'появлялось', люб'ю 'люблю', видів'ювалиси 'высматривали'); возникновение на месте [j] вследствие прогрессивной ассимиляции носового мягкого [нʹ] (змнєк – лит. зм'як 'смягчился', вїмня 'вымя', зємню, земня, земнійцу 'земля', лómнєт 'ломают'; ассимиляцию сочетаний [т'с] (дівитци – лит. дивиться 'смотрит', боїтци 'боится'), [чц] (дрáноцци 'предл. пад. от дрáночка – старая рубашка'): Дїдо у вилатаній **дрáноцци**, оперезаний в широкий ремїнь на п'єть прежсок – с. 25 (Дед в латаной рубашке, подпоясанный широким ремнем на пять пряжек⁶), диссимиляцию [чн] (молóш-на 'молочная'), отсутствие диссимиляции [чн] (їнчий, мєнчий – лит. формы іниший, менший), ассимиляцию гласных [о-у] (пуку́ту 'искупление', гуту́єт 'готовит', гудува́ли 'кормили'): Уни гудували котів пирогами... аби знати, котрі дівки віддадутси, а котрі зведутси – с. 79 – Они кормили кошек пирогами... чтобы знать, какие девки выйдут замуж, а каких совратят); усечения слов, особенно местоимений (цєї < цієї 'этой', тої < тієї, тє < тебе 'тебя', ми < мені 'мне', ти < тобі 'тебе', чьо < чого, нічьó < нічого 'ничего', мнє < мене 'меня', на ню < на неї 'на нее', попри ні < попри них 'мимо них', мóму < моєму), усечение (апокопа) гласного [о] в предлоге до – д, ид: ид-сóбі 'к себе', д-хáті 'к дому', ид-міні 'ко мне': Але ек ишов [Иванчик. – Н. Л.] **д'столови** з тов горівков, то клав її оперед дідика з таким страхом, шо аж зубами клєнцкотів – с. 178 (Но когда шел к столу с той водкой, ставил ее перед дедушкой с таким страхом, что аж зубами клацал).

Западным украинским говорам, в том числе и гуцульскому, присуща такая фонетическая черта, как выпадение гласного [о] в личном местоимении вона, воно, вони, в результате чего эти лексемы принимают формы вна, вно, вни [ўна], [ўно], [ўны]. Часто на месте неслогового [ў] выступает обычный [у]: уна, уно, уни: **Уна** [зозуля] куст уночі на великий мїр між народом або на їкєс инче нешєстє – с. 114 (Она [кукушка] кукует ночью к большому мору среди людей или к какой-то другой беде).

⁶ Гуцулы носили (и носят) очень широкие ремни, пояса, до 20 см; нужно было несколько пряжек, застежек, чтобы его застегнуть. Эти пояса лесорубы надевали, чтобы не надорваться при перетаскивании бревен.

В гуцульском и покутском говорах можно встретить уникальный случай прогрессивной ассимиляции по мягкости, причем ассимиляции подвержен твердый заднеязычный [к] в позиции перед гласным заднего ряда, что в украинском литературном языке невозможно. Так, в некоторых селах можно встретить формы *донькя*, *молонькьо* [дон'к'á], [молон'к'ó] 'дочка, молочко'. В романе «Дідо Иванчік» смягченное [к'] обозначено буквами *ть*: *дідьтьо* – лит. укр. *дідько* 'чёрт' (*Танцівники в данцях на всій рот викрикували: «Гий мо-о-о! Русь, весіле! Дідьтьо бабу видає!»*) – с. 226 – Танцующие во время танца во всю глотку кричали: «Эй мо-о-о! Русь, веселье! Черт бабу выдает!»).

П. Шекерик-Доньков не получил хорошего образования, он, конечно, не вносил корректив в народную речь, а воспроизводил ее так, как слышал от своих родителей и односельчан. Так, следуя общей закономерности, он в основном передает рефлекс исконного [о] после губного посредством *и*, о чем уже шла речь выше. Это касается и личного местоимения 3 л. м. р. *він*, которое автор только изредка передает как *вин*, а в большинстве случаев – *він*. Смешиваются эти буквы и в прилагательном *біришій* 'большой', и производном от него наречии: *Перед тим, ек мав дідо лєчі спати, казав, шо завтрішнє свєто Уведєніє є найбіришим свєтом...* – с. 59 (Перед тем как дед должен был лечь спать, он сказал, что завтрашний праздник Введение является самым большим праздником); *Тої зими Иванчік уже бірише ни ходив полонинами на стрілецтво* – с. 205 (В ту зиму Ыванчик больше не ходил по горам на охоту). Не исключено, что буква *і* в этих словах вставлена составителями книжки, готовившими ее к печати (или опять же мог исправить с «вин» на «він» сам компьютер).

По-разному переданы в книге лексемы *кріс* и *крес*, *крєсик* 'ружье', *вєчер* и *вєчир*, *поратунок* и *ретунок* 'спасение' (...*хоть низадовго вже мав [Иванчік – Н.Л.] змінєти й вісімдєстку, то йиму нічьо ни значіло – одним бігом біг ми на поратунок* – с. 11 – ...хотя вскоре уже должен был [Ыванчик] разменять восьмой десяток, это ничего не значило – бегом бежал меня спасать; *Я був напнув гвавту крикнути на всу хату, аби усіх скорнєти міні на рєтунок* – с. 41 – Я было хотел крикнуть «На помощь!» на всю хату, чтобы всех поднять меня спасать), *тепєр* и *тінєр* (*Тай нас тінєр хотєт вороги* [речь, очевидно, о поляках. – Н.Л.] *изгладити из лиця земні. Але доків ми си будєм свого держєти, то дотів уни нас ни забізуют изнишиити* – с. 86 – Теперь нас хотят враги стереть с лица земли. Но пока мы будем держаться своего, до тех пор нас не смогут уничтожить).

Несмотря на то что фонема [р] в говоре может быть мягкой, на месте исконного [о] в книге после нее, как и после губных, выступает преимущественно [и] ([ы]): *Риздвó* 'рождество', *доріжєчька* 'дорожка', *стримкі* 'отвесные',

воріття ‘ворота’, *криз* (*шпáру*) ‘сквозь щель’, хотя может быть и [i] ([и]) – *скрізь* ‘везде’, *гріб* ‘гроб’, *хорім* (род. пад. мн. ч. существ. *хорóми* ‘сени’) и др. Иногда на месте прежнего *ѣ* (ятя) может быть [ы]: *дірка*, *дірочка*, *дирáвий*, также [и] ([ы]) выступает в приставке *ди* < *до* (*диждáти* ‘дождаться’), может употребляться после [д] и в других позициях (*дідив син* ‘дедов’), но на месте украинского ожидаемого [и] ([ы]) < [і] засвидетельствовано [і]: *дівітиси*, *подівітиси* (*Уно* [Сонечько] *видвертаєт своє лице від грішних людей. Ни хочєт так дівітиси на світ, єк дівилоси у давнині* – с. 14 – Оно [Солнышко] отворачивает свое лицо от грешных людей. Не хочет так смотреть на мир, как смотрело раньше).

Можно привести и другие примеры, в которых гласные не совпадают с гласными современных украинских соответствий: *цулува́ло* – лит. *цілувало*, *делéко* ‘далеко’, *примівник* ‘тот, кто приговаривает’, *слізи* – лит. укр. *сльози*, *скобита́ли* – лит. *скоботали* ‘щекотали’, *пидрі́стки* ‘подростки’, *диямéнтовий* ‘бриллиантовый’, *Гóспидку* – лит. *Господ(онь)ку* и др. Примеры из текста: *А мо-лодечьки-пидристки мислили, де би то си файно тих светків мож було набути* – с. 76 (А подростки думали, где бы можно было в те праздничные дни хорошо погулять); *Вітер гуляв та кочевси, філюючі буйними травами... Стрєсав из трав слизи ранішної роси на земню. Здував и сушив срібний піт з лица земні* – с. 45 (Ветер гулял и катался, волнует буйные травы... Страхивал с трав слезы ранней росы на землю. Сдувал и сушил серебряный пот с лица земли).

В гуцульском говоре почти не употребляется фонема /a/ после йота, она переходит обычно в [э], о чем уже шла речь (*éсний*, *éма*). Однако отмечены и другие рефлексy – [и], [й]: *икóс* ‘как-то’, *икійс* ‘какой-то’, *икіс* ‘какие-то’, *йкос*, *йкєс*: *Баба зачєла си до бійки рвати. Лєдвѣ її вуйко Лєсьо йкос уговкєв, так си камузила на дїда* – с. 37 (Баба стала рваться в драку. Еле её дядя Лесь как-то успокоил, так она сердилась на деда). После других мягких согласных здесь может выступать [’а], т. е. местные формы совпадают с литературными: *молоді́ця*, *газдíня*, в род. пад. – *коня́*, *сєрця́ зайця́*, *хло́пця́*, *царя́* (ср. в покутском говоре – *коньї́*, *сєрці́*, *заяці́*, *хло́пці́*, *царьї́* ‘коня, сердца, зайца, парня, царя’, *молоді́ці*, *газдíні* ‘молодица’ (женщина), ‘хозяйка’ (им. пад.): *...жила Иванчікова стариня на гірших ґрунтах, єк живєт він післїдє неї, то однакò в них бідно си дієло на газдівстві* – с. 133 (... жили Ыванчиковы родители на худших землях... у них очень бедно было в хозяйстве). Вероятно, по воле редактора в текст проникли и другие, неприсущие гуцульскому говору формы, которые совпадают с литературными: *гóстєм* (с. 93), *чєля́дков* (< челядь), *коля́дков* (с. 83),

пальцями (с. 11), *газдиня́ми* (с. 76). Возможно, однако, что это авторские формы, навеянные галичскими печатными источниками того времени.

Из фонетических особенностей гуцульского говора, переданных писателем в романе «Дідо Иванчік», обращает на себя внимание факт отсутствия в глагольных формах аффрикаты [дж], образованной еще в староукраинском языке из сочетания [d+j]. Здесь она, по всей видимости, упростилась, в результате чего остался только фрикативный [ж]: *порóжений* ‘порожденный’, *осáжена* лит. укр. *обсаджена* ‘обсаженная’, *прилагóжений* ‘приготовленный’, *залагожéв* лит. *залагоджував* ‘устроивал’, здесь – ‘заговаривал’, ‘загадывал’, *пидлагожéв* ‘готовился’: *Залагожéв опередь Благовішінем у вечір манну у своїх коровок тай си пидлагожéв до видбираня манни у чюжеї худібки* – с. 111 (Заговаривал перед Благовещением вечером жирное молоко для своих коровок и готовился к отбиранию его у чужой скотины).

В гуцульской речи часто можно услышать произношение мягких переднеязычных [д’], [т’] как мягких заднеязычных [г’], [к’]. Такое произношение, однако, возможно и в других регионах Украины. В книге таких фактов зафиксировано сравнительно мало. Возможно, что сам автор не произносил эти звуки как заднеязычные, иначе это было бы отражено. Нами выявлены только существительное *кімне* ‘темя’ и глагол *скига́тиси*, лит. *стягати́ся* ‘стягиваться’, но здесь – ‘скромничать, стыдиться’: *Изсипав [дідо] видгашеної ватри собі на кімне* – с. 30 (Насыпал [дед] себе пепла из костра на темя); – *Ануко досегайте. Будьте ласкави, харчуйте. Ни скигайтеси, диждалибесте...* – с. 91 (Ну-ка доставайте. Будьте добры, кушайте. Не стыдитесь, дождались бы вы...). По нашему мнению, в речи автора вообще преобладают переднеязычные, ибо даже там, где должен быть [к’], автор пишет *ть: дідьтьо* – правильная форма *дідько*, *тева́тиси* – вм. *кива́тиси* ‘двигаться, кивать’, *потéвуючі* – вм. *покі́вуючі* ‘кивая’ (*Вуйна штрикла на постіль у кут мижі задніми стінами. Лиш вуйко нікуди не тсавси из місця* – с. 39 – Тётка вскочила на кровать в угол между задними стенами. Только дядя не трогался с места).

Можно привести такие фонетические черты, как выпадение интервокального йота и стяжение гласных – *мат* < *мает* ‘имеет’: ...*газдиня... мает великий устанць. Ни мат припочівку* – с. 102 (...хозяйка... сильно занята. Не имеет отдыха); нефонетическая замена секундарного (вторичного, появившегося благодаря слогообразующему л) [о] на [і] (*тівк* (< *тълкь*) *бури́шку* – вм. *товк* ‘мял картошку’ – с. 102); отвердение [т] в форме творит. пад. *дітми*, его смягчение в сущ. *дріть* ‘проволка’, в связи с чем это существительное перешло в женский род; закономерное отвердение согласного в основах прилагатель-

ных перед [ы] < [і] (*серéдний, Великóдний* ‘Пасхальный’, *кра́йний* – так должно было быть и в литературном языке); отверждение согласных перед [е] и сохранение этого [е] (*цéго* ‘этого’, *у нéго, сéрбати*, лит. *сьóрбати* ‘хлебать’), изменение безударного [о] на [и] в косвенных падежах местоимения *він – йи́го, йиму́*; отсутствие субституции фрикативного [ф] (*фіст* ‘хвост’); утрата одного или нескольких конечных звуков (апокопа) – *не мож < можна, ек хоч < хочеш, нічó < нічого, коло двер* ‘возле двери’ < *дверей: Рано на Видорші, ек идет пін воду светити на Ардан, то дівки засідають йиго у церкві коло **двер*** – с. 96 (Утром на Крещение, когда поп идет святить воду на Иордан, девки поджидают его в церкви у дверей). Сложные фонетические процессы имели место в глаголе *ирстїти* ‘крестить’. Очевидно, под влиянием сонорного [р] произошло озвончение глухого фрикативного [х] (регрессивная ассимиляция), а потом он (звук [г]) вообще исчез. В местах скопления согласных (если предыдущее слово оканчивалось на согласный) произошла метатеза звуков [р↔е], гласный [э] в безударной позиции перешел в [и]: *хрестити > грестити > рестити > ерстити > ирстїти*: *Одни си смієли, а другі жєлували, шо здурів* [дідок], *трєті ирстїлиси* – с. 176 (Одни смеялись, другие жалели, что [дед] сошел с ума, третьи крестились). Произошла метатеза также в слове *ирчі < рєчи < *rekti*.

Гуцульский говор отличается еще целым рядом фонетических особенностей, которые, к сожалению, невозможно было воспроизвести в книге. Только в устной речи можно услышать специфическое гуцульское смягчение переднеязычных *д, т, н* перед гласными переднего ряда [э], [ы] < [і] (*д`ит`їна* ‘ребенок’, *д`єс* ‘где-то’, *т`єплиї, т`ихóн`ко* ‘тихо’, *н`ив`їстка, н`єн`ка* ‘мамка, мамочка’)⁷, только в устной речи можно уловить приближение [ы] к [і] в окончании инфинитива *-ти* (*робїти, ходїти, їїсти*), ассимиляцию согласных по мягкости (*с`в`это, с`в`їтло, с`м`їїєлиси* ‘смеялись’), приближение [э] к [ы] и наоборот, ассимиляцию сочетания [дн] по способу образования (влияние носового резонатора): *сн`їннїц`а* ‘«сподница» (юбка)’, *б`їннї* ‘бедный’, *оннá* ‘одна’ и др. Все эти черты можно проследить и в современной речи гуцулов. Конечно, и то, что передано в книге графически, является ярким свидетельством самобытности и оригинальности фонетики, которая была характерной для гуцулов почти сто лет тому назад.

Отметим самые главные грамматические особенности, которыми характеризуется гуцульский говор, представленный в книге «Дідо Иванчік». Во-первых,

⁷ Полусмягченные звуки обозначаем, как было отмечено, соответствующими буквами и точкой справа от буквы. Произносятся эти согласные тверже, нежели в русском, но мягче, чем в украинском литературном языке.

необходимо отметить, что здесь сохранена старая форма сослагательного наклонения с аористой формой глагола *быть* в 1 л. ед. ч.: *Я так урадувався, як бих си на світ народив..* – с. 59 (Я так обрадовался, словно на свет родился); *Та ти йди в церкву, бо там муσιш свічки гасити. А я йкої там бих си пхала?* – с. 330 (Ты иди в церковь, так как тебе нужно там свечи гасить. А я какого бы там толкалась). Весьма распространены в романе формы старого перфекта: *Чюлисте, йке перше галасував по надвирю, як би з розуму зійшов* – с. 46 (Вы слышали, как недавно выкрикивал во дворе, словно с ума сошел); *Декую... що есте помогли у мирности й радости та веселости сьогоднішну днину зоднювати, вечера дидждати* – с. 33 (Спасибо, что вы помогли в мире, радости и веселье нынешний день провести, вечера дожждаться). Часто употребляется старая форма 1 л. мн. ч. *сми* < *есмь* (*есми*, *есмо*) с конечным [х], которая возникла по аналогии с формой 1 л. ед. ч. аориста глагола *быти*: *Ни розумів смих, ци він [дідо] був добрий, ци сердитий* – с. 47 (Я не понимал, был ли он [дед] добрый или сердитый). Часто остатки презентных форм глагола *быти* могут употребляться в роли сказуемого: *Він [дідо]... запрошеє усіх до святої вечері: «Прошу вас усіх живих, що есте у моїм домі... шобесте усі були ласкаві засісти зо мнов разом до цієї святої вечері»* – с. 66 (Он [дед]... приглашал всех к трапезе в Рождественский сочельник: «Прошу вас всех живых, которые есть в моем доме... чтобы вы все были любезны сесть со мной вместе к этому рождественскому столу»). Иногда эти старые формы могут выступать в роли вспомогательного глагола в составе именного сказуемого: *Говкайси, сарака, як єс така чємна. Біда те бери», – погадав я злисно* – с. 47 («Кричи себе, бедолага, если ты такая порядочная. Черт тебя побери», – подумал я со злостью).

В роли связки в составном глагольном сказуемом могут выступать также архаические формы древнего глагола *яти* < *jetī* < **jetī* (гуц. форма *éти*): *А видколи єли люде ни чтити праведне Сонечько, вид тогди стало на світі туго жити. Сонце єло червонне сходити й заходити. До нас зачєло брудне приходити, бо люде забруднили йго своїми проступками* – с. 15 (С тех пор как люди перестали чтить праведное Солнышко, стало туго жить на свете. Солнце стало красным восходить и заходить. К нам начало приходиться грязным, так как люди загрязнили его своими проступками). Привычными для гуцульского и других западноукраинских говоров здесь являются и аналитические формы будущего времени со вспомогательным глаголом *мати* ‘иметь’ в препозиции: *(ти) меш відіти* ‘ты увидишь’ (с. 179); *(він) мет відіти* ‘он увидит’ (с. 395), *мете робіти* ‘будете делать’, *ни мут відіти* ‘не будут видеть’ (с. 42). В украинском литературном языке образовалась сложная (лексикализованная) форма

будущего времени с глаголом *мати* в постпозиции: *робитимете, не бачитимуть* и т. п.

Автор часто использует действительные причастия настоящего времени, которые весьма редко употребляются в украинском литературном языке: *жию́чя диха́ния* ‘всё живое’ (с. 45), *цвиту́чими чі́чкáми* ‘цветущие цветочки’, *сходю́чьому Со́нцу: Усі поклонелиси сходю́чьому Со́нцу, праведному Богови* – с. 46 (Все поклонялись восходящему Солнцу, праведному Богу); деепричастия (*сповивáючись* ‘пеленаясь’, *руші́ючи* ‘двига́я’, *розвивáючись* ‘развиваясь’, *заперáючі* ‘запирая’ и др.), использует двойственное число (*дві ха́ті, дві квар́ті*), исторические падежные окончания существительных женского и мужского рода в род., дат. и предл. падежах, которые только по воле случая не стали литературной нормой (*на цві́нтари* ‘на кладбище’, *на душі́* ‘на душе’, *на ла́вици* ‘на лавке’, *на місци* ‘на месте’, *по кúпели* ‘по купанию’, *в ста́рости* и др.). В литературном украинском языке в этих формах выступает везде неисторический, «незаконный» звук [i]. В твор. падеже существительные 1 склонения и согласованные с ними прилагательные и другие части речи имеют окончание *-ов*, которое свойственно всем западноукраинским говорам (*кі́нцков доро́гов, трéтою́ хáтою́, з гирько́в бідо́в* ‘с горькой бедой’). По аналогии с ними такую форму могут принимать существительные современного 3 склонения: *се́рстьов* (*примов’єв та зівав над се́рстьов з коров* – с. 162 – приговаривал и возился над шерстью с коров). Под влиянием существительных древних *й-основ в род. пад. мн. ч. окончания *-ий* принимают даже существительные 1 склонения: *хаті́й* ‘хат’, *го́ловій* ‘голов’, *мо́литві́й* ‘молитв’, *і́глий* ‘игло́к’, а также существительные *pluralia tantum*: *люди́й, діти́й*. Существительные м. р. в дат. пад. ед. ч. имеют окончания древнего *й-склонения *-ови* (*чьо́ртovi, дідо́vi, чолові́кови*), прилагательные с конечным шипящим основы в род. пад. ед. ч. имеют окончания *-еї, -его* (*бі́ршеї* ‘большей’, *ме́ншеї* ‘меньшей’, *сві́жсеї* ‘свежей’, *пе́ршего* ‘первого’). При торжественном обращении в звательном пад. мн. ч. существительных м. р. употребляются окончания *-ове*: *ко́леднико́ве* (*Деку́ю вам, панове ко́леднико́ве, за ко́леду* – с. 84 – Благодарю вас, господа колядующие, за колядку).

Глаголы I спряжения в 3 л. ед. ч., в отличие от глаголов в литературном языке, имеют окончания *-т*: *ка́жет, ма́ст, ста́нет, уб’є́т*; такое же твердое [т] имеют формы 3 л. мн. ч.: *му́сет* ‘должны’, *ло́мнет* ‘лома́т’, *гни́вет* ‘гнева́т’; иногда [т] может опускаться (*дохóде* ‘доходят’). Глагольный постфикс имеет только форму *си*. На самом деле это частица, которая может выступать и в позиции к глаголу, причем в любом месте предложения: *То [лісна] си діда*

держит, а ни нас иршєних – с. 43 (То [лесная] держится деда, а не нас, крепєных).

Книга фиксирует многочисленные случаи употребления усеченных форм обращения, свойственных только гуцульскому и покутскому говорам – *Дми < Дмитре, Слє < Слено, Васі < Василю, Ива́ < Иване: Ива-а-а! Недоля би те втела тежка та солоня. Та ци ти мо-о-о... меш водно ми ни давати Богу си помолити?* – с. 38 (Ива-а-ан! Чтоб тебя рок недобрый и соленый срубил. Ты мо-о-о, всегда мне будешь мешать Богу молиться?). Это явление следует связывать, очевидно, с бытом гуцулов, с условиями жизни в горной местности. Лесорубы или пастухи, которые находятся на значительном расстоянии, могут «докричаться», позвать друг друга только короткими, одно- или двусловными восклицаниями, поэтому и подверглись редукции гласные звуки в заударных слогах. Силу голоса при этом брал на себя ударный слог, а те, которые его окружали, обеззвучивались, редуцировались. Такие усеченные формы имеют преимущественно собственные имена, но часто встречается также обращение *хло < хлопе* (*хлоп* – человек), *брє < брате*.

В конце наречий употребляется преимущественно *и* (в лит. языке – *о*): *помали* ‘помалу’, *потихоньки* ‘тихо’, иногда также [о] – *злисно* ‘сердито’; часто используется побудительная частица *-ко* (*послухай-ко*), для выражения гнева – частица *мой!*, *мо* (см. выше: *Та ци ти мо-о-о... меш водно ми ни давати...*); частотны предлоги *попри, до, ид, зо, зу, из, вид, пид* и др.

Что касается структуры предложений, то в романе они различны: простые, сложные, союзные и бессоюзные, которые принципиально не отличаются от современных синтаксических структур. К специфическим особенностям следует отнести отсутствие показателя грамматической категории одушевленности существительных, употребление одушевленных существительных в винительном падеже в форме, идентичной форме именительного: Видразу *штрик* [вуйко] *межу старі. Розривав їх, аби ни повидирали собі... очі* – с. 39 (Сразу вскочил [дядя] между старых. Растаскивал их, чтобы не выдирали себе глаза); *Старші легіні, шо прийшов уже їм час си женити, видив’ювалиси на дівчєта, котра би си їм удала, аби на ню у старости пити* – с. 76 (Старшие парни, которым пришло время жениться, высматривали себе девушек, которая бы подошла, чтобы пойти к ней свататься). Обычными на Гуцульщине считаются неполные предложения типа *Вуйна пишла дров у дроворуб, аби було чім запораїти піч...* – с. 30 (Тетка пошла за дровами в «дроворуб» (‘небольшое строение, где хранятся дрова’), чтобы было чем затопить в печи), в которых пропущенный инфинитив в роли обстоятель-

ства – *пошла набрать, взять, принести* дров. Аналогично говорят *пишлá во-ди́* ‘за водой’ и т. п.

Значительный интерес представляет лексика романа. Здесь почти, как было отмечено, нет иностранных слов, иногда встречаются церковнославянизмы (*суждáли, труждáнок, дихáнис, вiхрями, в облакáх, оскорби́ти*), но очень частотна собственно гуцульская лексика, которая требует объяснений и комментариев. Многие из этих слов уже незнакомы молодым гуцулам, поэтому лексике романа должна быть посвящена отдельная публикация. Приведем некоторые примеры: *банéнка* ‘топорище’, *белéга* ‘перегной, навоз’, *белемоти́ти* ‘бормотать’, *бéчка* ‘освященная на Вербное воскресенье ветка вербы’, *биндéк* ‘шмель’, *бiзiвно* ‘безопасно’, *бiзувати́* ‘мочь’, *бóжжа* ‘постный день’, *борта-вити́* ‘о дереве – становиться дуплистым’, *бури́шка* ‘картошка’, *ва́дитиси* ‘ссориться’, *вайдо́читиси* ‘жаловаться’, *варiнник* ‘кастрюля’, *варувáтиси* ‘беречься’, *ва́терник* ‘летняя кухня’, *ви́глюзити* ‘вимазать’, *ви́йгра* ‘девушка, женщина легкого поведения’, *випанáха* ‘критика, выговор’, *ви́рда люди́й* ‘группа, толпа’, *ви́шинiй* ‘верхний’, *видéв* ‘наверное’, *ви́цiв* ‘отсюда’, *вуд* ‘споры’, *га́ба* ‘волна’, *га́йда* ‘собака’, *га́ла* ‘гадючье, нечисть’, *ги́ря* ‘незамужняя женщина’, *головни́цтво* ‘убийство’, *гуджинáти (собóв)* ‘стараться везде успеть’, *гудзи́чиники* ‘штаны’, *гу́зiр* ‘нижняя часть дерева’, *го́вня* ‘неуваж. голова’, *делiнь* ‘в скором времени’, *джвинíти* ‘гундосить, надоедливо повторять, просить что-то’, *джерга́* ‘старое покрывало из овечьей шерсти’, *дзифáти* ‘спешить’, *довлéгу* ‘очень сильно’, *досколóб’ювати* ‘допекать кого-то, досаждать кому-то’, *дотéк* ‘достаток’, *дручкувáтиси* ‘дразниться’, *забомбу́рений* ‘нахмуренный’, *затка́вницi* ‘ставни на окнах’, *зашипéтина* ‘щель, ущелье’, *звáдка* ‘ссора’, *згардéгати* ‘закричать’, *зiми* ‘снега’, *изишлофóститиси* ‘двигаться, вертеться’, *инклю́з* ‘баловник, непоседа’, *ирчi* ‘говорить’, *кайлачóк* ‘отпиленная часть дерева’, *катушi* ‘тюрьма’, *кичéра* ‘гора’, *клéтчи́к* ‘отколотая часть «кайлачка»», *полено*’, *климачóк* ‘связанный пласт сена’, *корнéти* ‘поднимать, пробуждать’, *кóлокiль* ‘колокол’, *колокóлити* ‘звонить’, *котю́га* ‘собака’, *кунтéтний* ‘удовлетворенный’, *куцуб’éк* ‘клубочек’, *лунути́* ‘хлынуть’, *мантiти́си* ‘казаться, показываться’, *марéа* ‘скот’, *мéришi* ‘дохлятина’, *ми́р* ‘мор’, *мудеру́нки* ‘нововведения, новые порядки’, *му́нево* ‘вяло’, *наблискóнити* ‘загрязнить, наплескаться’, *нази́стрiть* ‘навстречу’, *нэхарь* ‘нечисть’, *нишькувати́* ‘вынохивать, искать’, *обнихарити* ‘загрязнить’, *осовiто* ‘живо, бодро’, *оха́блено* ‘сердито’, *пáзити* ‘стеречь’, *палцетувáтиси* ‘спорить’, *папу́чи, папуцéта* ‘самодельные галоши’ (др. название – «ходаки»), *перевéрьхувати* ‘взять верх’, *передовóжа* ‘ведущий’, *пéржитиси* ‘покрываться’, *пи́рга* ‘собака’, *пи́ика* ‘ал-

коголизм, зависимость от алкоголя', *пóвид* 'слово, распоряжение': *мий пóвид рéдит* 'моё слово важнее', *покабзувати* 'раскритиковать, пренебречь', *полибичьок* 'бочка', *помагнётитиси* 'измениться в лице', *помётки* 'мусор', *портеніці* 'брюки', *протó* (союз) 'потому что', *прошуматиси* 'пробудиться, пужма' 'собака', *пугэра* 'сила', *ретенно* 'наверно, точно', *сербувати* 'поддерживать, визнавать', *сквацитиси* 'сморщиться (о лице)', *слимбуш* 'слизень', *сокотити* 'стеречь', *спригиркувати* 'заставить сделать что-то', *страпувати* 'уничтожить, потолочь', *теслічети* 'вырезать, стругать', *тэти* 1) 'рубить, резать'; 2) 'бежать', *тимунь* 'потому', *торанити* 'тарабарить', *трабувати* 'беспокоиться', *турати* 'уважать кого-либо', *турма* 'группа, толпа', *уриститиси* 'надоест', *уциритиси* 'упереться глазами, всматриваться', *фанте* 'одежда', *фиглёво* 'кокотливо, заигрывая', *фифоля* 'девушка, которая ведет себя вызывающе', *форнути* 'украсть', *фудулэти* 'заноситься, бахвалиться', *цвайковатий* 'худощавый, стройный', *чирохлэпник* 'о бедняке, который хлебает только «чир» (кашу)', *штранэник* 'баловень, хулиган' и многие другие. В украинском литературном языке этих слов, конечно, нет.

Если сравнить современную речь гуцулов старшего возраста, то вряд ли можно будет найти какие-то отличия от речи, представленной в книге. Приведем текст песни «Файна жи'нка», написанной Параской Бодоряк, 1934 года рождения, из с. Перехресне Верховинского района:

оу мо́йім город'эч'ку ви́росла топол'а/ л'іпшэма́ти^і фа́йну жи́нку/ йэґ с'ім мо́рг'іу пол'а// та і во́ліу/ мо́йа ма́мко/ сам сорóч'ку шіт'и/ лиш абіх ма́у фа́йну жи́нку ма́жи л'у́ди ўз'эґ'и// та сорóч'ку сам изші́йу/ н'і'хто ми н'э зна́й/ а йэґ ма́йу фа́йну жи́нку/ ко́жд иі о́бзира́йи// а йэґ ма́йу фа́йну жи́нку/ ко́жд иі до́бра зич'і/ ко́жд иі ле́г'ін' мо́йу жи́нку на горі́уку кліч'і/ оу мо́йім город'эч'ку ч'і'сн'ич'ок та і ма́ч'ок/ цулу́ї/ цулу́ї/ лэґ'ін'ику/ лиш н'э зроби́ знач'ок// т'и с'ім г'івок измудрува́у та і из н'их см'ійес:и/ та т'и ма́н'э н'э змудру́йеш/ так ма́н'і зда́йэтси// а йэґ бу́ла ў сво́йі ма́мк'і он:а од'ин'иц'а/ йа по во́ду н'э ход'іла/ бо ў са́ду кэрн'иц'а// йа по во́ду н'э ход'іла/ дриве́ц н'э рубáла/ та лиш т'ілко ў сво́йі ма́мк'і гара́здү зазна́ла// а йэґ бу́ла ў сво́йі ма́мк'і/ н'эсла вод'и́ ли́ж'коу́/ ма́мка б'ігла та і крич'эла/ то/ синку/ заґ'эж'ко// а йэґ пи́шла до свэ́рху'і/ н'эсла коно́ука́ми/ а ўна бі́гла та і крич'эла: к'і'ва́ї-ко лаба́ми!

А вот рассказ о карпатских дорогах Василя Бельмеги, 1966 года рождения, жителя с. Устерики Верховинского района:

ви би н'э пизна́ли вопше́ там н'ич'о́// до́роги таґ йаґ до́роги/ йаґ ви йіхали ко́лис грузо́воу ма́шино́у/ то н'эма́// то ўс'і л'у́ди хо́д'іт п'ішкóм/ таґ йаґ у поло́н'ину́ дай́т коро́ву/ то ўс'і хо́д'іт п'ішкóм/ бо то наро́били/ ро́зумі́е'т'э/

страшн'е д'іло// то коліс знайе'тэ/ йа ў колгосп'і робіў/ йаг пришоў з арм'її/ то проробіў д'евйт' рок'іў на камаз'ї// то йа вийізжаў на полон'ину/ ле'тгов'і машин'и вийізжали/ такé/ іномáрок ш'е н'э було... і то ш'е на ц'ї сторон'і ч'эрн'івецк'і/ то ш'е н'э дужэ так/ а ў нас тут... хлóпц'і подорожуйут/ це тут тожэ цим вэр'хóm була дорóга і це йёл'і-йёл'і зробили і то ш'е н'э мóжут ск'інку ц'у по'будувáти// це ўзим'і тут вопшé н'эможливо пройхати/ в'ї'дувáйэ воду// та богáто авáр'її/ хлóпц'іў у р'їц'і було... тут так'ї буў в'їт'эр/ уравóн так'ї буў/ так шо ломіло ўсплошнў ўс'о// це поўн'иск'у поломіло// тут н'ич'ó н'э рубáли а поломіло ўс'о// фáйн'її л'їс так'ї буў/ то ўс'о ўсплошнў – молодн'ак поломіло ўс'о поўн'иск'у//

Проанализировав приведенные, а также другие тексты, можем констатировать, что фонетика говора современных жителей Верховинского района почти не отличается от фонетики речи романа «Дідо Иванчік», а это значит, что фонетическая система гуцульского говора весьма устойчива. Так же, как в анализируемом печатном источнике, в современной речи выделяются следующие основные фонетические особенности:

– на месте этимологического [о] после твердых губных ожидаемый [і] произносится как [ы]: *пын* 'поп', *выд* 'от', *надвыр* 'на двор', *выдм'иньити* 'отменить', *выкно* 'окно'. Такой же рефлекс праславянского [о] находим и после других твердых согласных: *майстрыў* 'мастеров', *Рожныў* 'Рождество';

– мягкое произношение шипящих: *ч'итáйэ* 'читает', *ч'о, ч'огó* 'чего', *ч'ут*, *горбич'ók* 'бугорок', *крич'эла* 'кричала', *сорóч ку* 'рубашку'. Здесь необходимо заметить, что у людей младшего возраста под влиянием украинского литературного языка наблюдается смешение мягких и твердых шипящих, особенно в часто употребляемых словах: *чоловік, шо* 'что', *ше* 'еще', *хóчтэ* 'хотите', *звéчора, чо́го*;

– последовательно сохраняется в речи звук, средний между [э] и [ы], который обозначаем знаком э, под ударением почти [і] в безударной позиции на месте этимологического (праславянского) [а] или [э]: *д'эж* 'дьяк', *вэс'іл'э* 'свадьба', *лыш'эйэ* 'оставляет', *схóд'этсы* 'сходятся', *хорóн'їт* 'хоронят', *д'їкóви* 'дьяку', *м'їс'їц* 'месяц'. Такие же рефлексы имеет исконное [а] после [ј]: *йáг'як*, *йáгрáз* 'якраз', *заўйэзуйут, заўйэзали* 'завязали'. Однако в такой позиции некоторые молодые носители диалекта, стремясь «окультурить» свою речь, произносят [а]: *пыдн'áласы* 'поднялась', *т'эл'áтко* 'теленок', *вывóд'ат, д'эс'áту, молодн'áк, пйáный*, в то время как старшие односельчане произносят *пыдоїмыласы, т'эл'этко, вывóд'эт, д'эс'эту, молодн'эк, пйэный*;

– даже у людей, давно покинувших родную Гуцульщину, чувствуется легкое смягчение согласных [д], [т], [н] перед гласными [э], [ы], о чем уже шла

речь: *д'ен'*, *д'ес* 'где-то', *т'эта* 'тётя', *т'эл'э* 'теленок', *саўт'ыр'а* 'Псалтырь', *н'эма* 'нет', Н'икола;

– мягкое произношение [р'] в конце закрытого слога: *цёр'кви*, *цвы́нтар'* 'кладбище', *вёр'хом*;

– твердое произношение [с] в неопределенных местоимениях и наречиях: *колы́с*, *кудáс*, *хтос*, *йкос*, *йк'йис* 'когда-то, куда-то, кто-то, как-то';

– закономерный твердый согласный перед [ы] < [і] в прилагательных: *посл'ін:ыі* 'последний', *трёт'ыі*, *т'э"пёр'ишныі* 'современный', *сусін:ыі* 'соседний';

– озвончение [к] в лексеме *як*: *йаг умрэ*, *йэгрáз*: *йэ"г майэ" бут'ыі так будэ"*;

– ассимиляция по способу образования в сочетании [дн]: *с'огон':і*, (*сэгон':і*) 'сегодня', *посл'ін:ыі*, *н'э гон:а* (не годна) – 'не могу';

– дифференцированное произношение на месте мягких [т'], [д'] заднеязычных [к'], [г']: *ск'інка* 'стенка', *к'іло* 'тело', *г'іўка* 'девка' и под.;

– твердый свистящий в суффиксах *-ск,- цк,- зк*: *черн'івэцка*, *с'іл'скыі*, а также твердая аффриката [ц] в конце слов: *хлопэц*, *молодэц*, *конэц*;

– сохранение исторического [е] после отвердевшего согласного: *н'эго*, *цэго*, *сэмыі*, *сэгон':і*, *т'эта* и др.

В сфере грамматики можно отметить следующие особенности:

– отвердевший звук [т] в глагольных окончаниях 3 л. ед. и мн. ч: (они) *барут*, *сп'іваіут*, *замотуйут* 'заматывают', (он) *бóрытсы* (*бóрытцы*) 'борется', *выход'ыт*, *сыдыт*;

– возвратное местоимение *сиę (постфикс *ся*) имеет форму *си* [сы]: *с'м'і-йэсы*, *напытысы*;

– употребление в дат. пад. сущ. м. и ср. р. исключительно окончания *-овы*, *-евы*: *д'ікóвы*, *конéвы*, *ч'олов'іковы*, *л'ісгбсповы*. Окончания *-у*, *-ю* не встречаются;

– в сущ. 1 склонения и согласованных с ними формах ж. р. окончание творит. пад. *-ов*, *-ев*: *вўлыцеў*, *дóўгоў пáлыцеў*, *з гыркоў б'ідóў*;

– окончания *-и* в род., дат., и предл. падежах ед. ч. сущ. ж. и м. р.: *óбласт'ы*, *злóст'ы*, *крóвы на кон'ыі*, *на зэ"млыі*, *на душыі*;

– употребление форм староукраинского перфекта: *бўлы-смо у мэри'а*, *ч'ўлы-ст'э*, *йаг уна говоры́ла*.

Когда-то украинский галичский ученый Я. Головацкий говорил: «Каждый уголок, защищенный горами или отрезанный реками, сохраняет свою родную речь... Язык, который горы имеет в своей власти, не пропадет, пусть бы везде по долинам утратилось и погибло родное слово»⁸. Это напрямую касается гу-

⁸ См.: Розправа о язицѣ южноруским и его нарѣчьях / Сочинена Яковом Головацким. Во Львовѣ, 1849. С. 28–29.

цульского говора, который сохранил до сих пор многие фонетические и грамматические черты праславянского языка. Здесь можно провести немало параллелей с русским языком и выделить те черты, которые когда-то были общими, в частности: наличие в речи мягкого [ч']; наличие мягкого [р'] в конце слова или слога; наличие твердого [ц] в сущ. м. р. (*конéц, палéц*), а также в сущ. ж. р. в косвенных падежах (*вúльцу, молодýцу*); диссимиляция сочетания [чн] (*молóшина*); отсутствие аффрикаты [дж] (*выдлáгоженный*); сохранение недиссимилированных сочетаний [шш] [жш] (*мушии'ине, изниши'ити, тэжше*); сохранение твердого свистящего в суффиксах *зк, ск, цк* (*с'іл'скá, к'інцá, блы́зко*); сохранение конечного [т] в 3 л. ед. ч. I спряжения глаголов (*ма́йэ́т, збэра́йэ́т*), твердый [т] в глагольных формах 3 л. ед. и мн. ч. (*му́сыт, л'у́быт, нэсу́т, ка́жут*), употребление побудительной частицы *-ко* (*пода́й-ко мэ́н'і вод'і, рус. возьми-ка*); наличие редуцированного указательного местоимения м. р. *тот* <*ть-ть* и др.

Конечно, было бы неправильно утверждать, что гуцульский говор не подвергся влиянию украинского литературного языка. Молодые люди, получившие хорошее образование, отличающиеся внимательным отношением к своей речи, изменяют привычное произношение на литературное. У многих гуцулов, особенно младшего возраста (но не имеющих достаточного образования), можно заметить в речи немало русизмов. В речи западных украинцев, не говоря уже о жителях восточных областей Украины, мы насчитали около 1300 русизмов⁹. Из этого можем сделать вывод, что активным языковым контактам и влиянию доминирующего в общественном дискурсе русского языка, вопреки высказываниям Я. Головацкого, не могут противостоять ни горы, ни реки, ни расстояния.

---

⁹ См. Микола Лесюк. Доля моєї мови. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2004. С. 214–251.

С. Л. Николаев
(Москва)

Восточнославянские рефлексы акцентной парадигмы *d* и индоевропейские соответствия славянским акцентным типам существительных мужского рода с *o*- и *u*-основами*

Владимиру Антоновичу Дыбо к 80-летию

ВВЕДЕНИЕ. ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОРИИ БАЛТО-СЛАВЯНСКОЙ АКЦЕНТУАЦИИ

Балто-славянские морфемы (корневые и служебные) распределяются по двум акцентно-морфонологическим классам, характеризующимся двумя «акцентуационными валентностями»¹, «доминантной» (морфемы I класса) или «рецессивной» (морфемы II класса). Согласно *контурному правилу* В. А. Дыбо, реконструировавшего балто-славянскую акцентную систему, балто-славянский «иктус² ставится в начале первой последовательности морфем высшей валентности» [Дыбо 2000: 14]. Основной единицей описания балто-славянской акцентной системы является *акцентная*, или *акцентуационная, парадигма*. В. М. Иллич-Свитыч дал ей следующее определение: «Термин *акцентуационная парадигма* (а. п.) подразумевает характерную для определенной группы слов, относящихся к какой-либо

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «История восточнославянского лингвистического ландшафта»). Автор благодарен М. Каповичу и М. Н. Толстой за ценные замечания и помощь при подготовке статьи к печати.

¹ Термин «валентность» применительно к акцентно-морфонологическим признакам балто-славянских морфем был введен В. А. Дыбо в качестве русского перевода сосюрковского термина *valeur*. Термины «доминантный» и «рецессивный» были заимствованы В. А. Дыбо из генетики. Морфонологическая доминантная валентность является высшей по отношению к рецессивной, так как морфемам с доминантной валентностью принадлежит «приоритет» в правилах постановки иктуса. Так как доминантные и рецессивные морфемы в реконструкциях графически изображаются подстрочными диакритиками $\cdot$ («плюс») и $\_$ («минус»), иначе эти валентности называются также «плюсовой» и «минусовой».

² Иктусом (который обозначается диакритикой $\cdot$) называется место ударения безотносительно к интонационной (краткость $\approx$ циркумфлекс vs. акут) и количественной характеристике слога. Генезис балто-славянских интонаций был установлен Ф. де Соссюром и А. Беценбергером. В некоторых позициях (например, в инфинитивах глаголов с корнями на сонант) слоги с «сосюрковским» акутом ведут себя иначе, чем слоги с «беценбергерским» акутом.

грамматической категории, совокупность акцентных отношений в различных формах слова, своего рода “акцентную кривую грамматической парадигмы”» [ИАБС: 4, сн. 1]. В настоящей статье, согласно уже установившейся традиции, используется термин *акцентная парадигма*: «Ряд акцентных кривых может быть объединен по определенным их характеристикам в класс дополнительно распределенных акцентных кривых. Такой класс (или единицу, характеризующую этим классом) принято называть акцентной парадигмой» [Дыбо 2000: 8].

Первоначальное место иктуса в акцентной кривой производного от любого балто-славянского корня в конечном счете определяется контурным правилом В. А. Дыбо. Из контурного правила следует, что балто-славянский иктус расставлялся автоматически – он был всего лишь фонологическим маркером первой доминантной морфемы в словоформе, а словоформы, состоявшие из одних рецессивных морфем, были фонологически безударными. Следовательно, система, предшествовавшая балто-славянской (индоевропейская), скорее всего была фонологически устроена таким образом, что все слоги в фонетических словах характеризовались по крайней мере одним из двух просодических признаков, которые отразились в балто-славянской морфонологии в виде *валентностей*. Затем система последовательностей слогов с различной просодией превратилась в морфонологизованную парадигматическую акцентную систему³. По крайней мере уже в балто-славянском существовало фонологическое ударение – иктус. Просодическое выделение одного из слогов фонетического слова, по-видимому, существовало в изолированной фразовой позиции и в сплошь рецессивных словоформах – в них иктус находился на первом слоге. Уже в древней истории балто-славянских языков старые тривиальные правила расстановки иктуса согласно тональному контуру изменились под воздействием различных фонологических и морфонологических факторов: примером может служить оттяжка ударения на акут по правилу Хирта–Иллич-Свитыча (см. ниже).

---

³ См. подробно о типологии акцентных систем, в частности парадигматических, в [Дыбо 2000: 5–14; 2011в: 66]. Реконструкция морфонологизованных парадигматических акцентных систем – предмет исторической морфонологии. Между системами-потомками наблюдаются регулярные соответствия акцентных парадигм (или их морфонологических субститутов) как морфонологических категорий; соответствия между акцентными парадигмами конкретных лексем и между валентностями конкретных морфем утрачивают регулярность по мере удаления от праязыка.

К моменту распада праславянского в нем сформировалась реконструированная Хр. Стангом система, состоящая из трех акцентных парадигм именных и глагольных основ, обозначенных им как а. п. *a* (акцентная парадигма с исконной неподвижностью иктуса на корне), *b* (акцентная парадигма с исконной неподвижностью иктуса непосредственно после корня соответственно) и *c* – с исконной подвижностью ударения, которая зависит от класса суффиксов, которые бывают морфонологически безударными («рецессивные», «минус-суффиксы») и ударными, ортотоническими («доминантные», «плюс-суффиксы»). Позднее были выявлены их позиционные разновидности (в том числе а. п. *d* существительных). В восточнобалтийском (который представлен единственным языком с подвижным ударением – литовским) сформировались четыре а. п. (1-я, 2-я, 3-я и 4-я). Ф. де Соссюр установил, что 1-я и 2-я а. п. восходят к единой неподвижной а. п. (с колонным иктусом), а 3-я и 4-я а. п. – к единой подвижной (с чередованием баритонированных и окситонированных форм). Эти акцентные парадигмы попарно комплементарны по признаку «циркумфлекс (краткость) vs. акут». В свою очередь В. А. Дыбо установил, что праславянские а. п. *a* и *b*, считавшиеся Хр. Стангом принципиально различными а. п., восходящими соответственно к индоевропейским баритонезам и окситонезам, на самом деле дополнительно распределены по тому же принципу, что и литовские 1-я и 2-я а. п. (а. п. *a* имеют основы с корневым акутом, а. п. *b* – основы с корневыми краткостью/циркумфлексом). Таким образом, корневые морфемы поделились на те же два морфонологических класса, «рецессивный» и «доминантный». В. М. Иллич-Свитычем было показано, что именные основы славянской окситонированной а. п. (а. п. *b*) исторически тождественны не индоевропейским окситонированным основам, как теоретически предполагалось, а основам с баритонезой в балтийском, греко-арийском и германском. Был сделан вывод, что в праславянских основах а. п. *b* произошел сдвиг балто-славянского автономного иктуса на слог вправо.

Первоначально В. А. Дыбо и В. М. Иллич-Свитыч считали сдвиг автономного ударения на слог вправо единым праславянским процессом [ИАБС: 93–96; Дыбо СА: 18–20]. В дальнейшем автором настоящей работы была высказана гипотеза, которую принял В. А. Дыбо, согласно которой славянская единая неподвижная а. п. характеризовалась колонным ударением на корне, и лишь в позднепраславянских диалектах параллельно осуществился правосторонний дрейф ударения с краткостных и циркумфлектированных слогов в тех или иных позициях [АССЯ 7–31;

Дыбо 2000: 65–96]. По-видимому, наименее затронутой правосторонним дрейфом ударения является восточноболгарская система. Например, в памятниках «тырновского» круга (см. [ОСА: 166–170]) ударение сдвигалось направо на краткостный слог только в многосложных формах и только в случае, если в последующих за ударением слогах находился долготный слог: ст.-тырн. ном.-асс. sg. ПИСМА < *pīsmę⁴, gen. sg. ПИСМЕНЕ < *pīsmene, dat. sg. КЪ ПИСМЕНИ < *pīsmeni, instr. sg. ПИСМЕНЕМЪ < *pīsmenъmъ, dat. pl. ПИСМЕНЕМЪ < *pīsmenъmъ ⇔ ном.-асс. pl. ПИСМЕНА < *pīsmena; ном.-асс. sg. ст.-тырн. ПЛѐМА < *plēmę; gen. sg. ст.-тырн. ПЛѐМЕНЕ; loc. pl. ст.-тырн. ПЛѐМЕНЕХЪ ⇔ gen. pl. ст.-тырн. ПЛѐМЕНЬ < *plēmēnъ⁵.

Наряду с диалектным позднепраславянским сдвигом ударения направо существовал и балто-славянский правосторонний дрейф на последующий акутированный слог (как «доминантный», так и «рецессивный» – закон де Соссюра), действие которого в славянском до недавнего времени отрицалось, так как было затемнено вторичными процессами (ср. [ИАБС: 95]). Новый славянский материал (так наз. «новые ортоны», обнаруженные автором настоящей работы, см. [АССЯ: 30–31]) подтвердил действие этого закона и в славянском. В. А. Дыбо уточнил формулировку закона Ф. де Соссюра для балто-славянского, согласно которой «ударение с краткостного или циркумфлектированного слога переносилось на непосредственно следующий акутированный слог, если оба имели одинаковую акцентуационную валентность». Согласно В. А. Дыбо, «новые ортоны» могут рассматриваться как остаток системы, вызванной к жизни действием закона де Соссюра, который (закон) был затем устранен процессом унификации форм-энклиноменов. В литовском унификация пошла в противоположном направлении: сохранение «новых ортонов» и ликвидация системы переносов ударения в системе имени [Дыбо 2000: 96]. В результате последовательных корректировок реконструкции славянская неподвижная а. п. и по месту иктуса (колонное ударение на корне/основе) оказалась тождественной балтийской.

Славянскую а. п. с с чередованием окситонированных форм (если аффиксы доминантны) и форм-энклиноменов имеют рецессивные корни. Литовские подвижные 3-я и 4-я а. п., дополнительно распределенные по ин-

⁴ В праславянских реконструкциях " обозначает «старый акут»; ~ – неоакут (независимо от долготы вокалического компонента слога); ^ ставится на первом слоге фонологически безударных энклиноменов; ` – перенесенное ударение (только в позднепраславянских формах); ^ – условное обозначение интонации в ном.-асс. sg. а. п. d.

⁵ О реконструкции праславянского «долгого ера» в gen. pl. см. [Дыбо 2000: 38].

тонации корневого гласного, соответствуют одной славянской а. п. с, так как «минусовый акут» и «минусовый циркумфлекс» нейтрализовались в единой интонации «славянского циркумфлекса» (не имеющего прямого отношения к балто-славянскому циркумфлексу, как доказал В. А. Дыбо). «Доминантный» и «рецессивный» акуты различаются в латышском (и части литовских диалектов; в латышском в виде оппозиции плавной и прерывистой интонаций), но до сих пор неясно, отражает ли латышская прерывистая интонация соответствующую балто-славянскую слоговую интонацию («минусовый акут») или является генерализованной интонацией безударных слогов с акутом. Более приемлемой представляется первая гипотеза.

Ранее при анализе балто-славянской акцентно-морфонологической системы мы вполне могли удовлетвориться разбиением всех морфем на ортотонические (они же доминантные, «плюсовые») и безударные (они же рецессивные, «минусовые»). Эти их свойства могли в опосредованном виде отражать сколь угодно древнее состояние, и не обязательно было видеть за «плюсами» и «минусами» фонетическую реальность. Метатония в односложных рецессивных морфемах, находящихся перед односложными доминантными⁶, заставляет нас взглянуть на эту проблему иначе. Позиция балто-славянской метатонии «акут ⇒ циркумфлекс» была установлена автором настоящей работы [Николаев 1989].

Изучение славянского и балтийского отглагольного словообразования с *прикорневыми* суффиксами приводит к выводу, что в балто-славянском они также делились на два класса: 1) балто-славянские прикорневые «рецессивные» суффиксы, (-)суффиксы, и 2) балто-славянские прикорневые «доминантные» суффиксы, (+)суффиксы. Согласно контурному правилу, при рецессивных суффиксах производные сохраняли акцентную парадигму производящих, тогда как при доминантных суффиксах производные получали неподвижный акцентный тип независимо от а. п. производящего. Наряду с этим тривиальным результатом был получен также результат, который непосредственно теорией не предсказывался: оказалось, что в производных с доминантными суффиксами от акутированных корней рецессивного класса происходит метатония «акут ⇒ циркумфлекс», тогда как в этих же производных от акутированных корней доминантного класса метатония отсутствует. Например, литовские произ-

---

⁶ В общем виде правило формулируется так: *метатония «акут ⇒ циркумфлекс» происходит в слове рецессивной морфемы, за которой непосредственно следует первично доминантный слог другой морфемы.*

водные с доминантными суффиксами *-to-, *-sto-, *-tlo- от рецессивных корней (судя по балто-славянской подвижной парадигме производящих глаголов и прерывистой интонации в латышском) имеют регулярную метатонию⁷: диал. *pabūklas* ‘орудие’ ~ слав. *bŭ- (аог. *bŭ, ртс. *bŭlь, *bŭlá и т. д.) а. п. с; диал. *nuodētas* ‘грех’, *dēklas* ‘чехол’, *padēklas* ‘подкладка, подставка’ ~ лтш. *dēt* ‘legen’, слав. *dějŭ, *dējētь а. п. с ‘класть’; диал. *dōtas* ‘долг’ ~ лтш. *duōt* ‘geben’, слав. *dājŭ, *dajētь а. п. с; *klōstas* ‘половик; пласт, слой’, диал. *klōtas* ~ лтш. *klāt* ‘ausbreiten’, слав. *klādŭ, *kladetь а. п. с; диал. *kliūtas* ‘карша, замоина’ ~ лтш. *klaūt* ‘neigen, schmiegen’, диал. ‘hauen’; *lañstas* ‘разводы; узор’ ~ лтш. *leñt*, *leñt*² ‘bestimmen’; *apmaūtas* ‘чехол’ ~ лтш. *maūt* ‘streifen’; *mōtas в adv. (*instr. pl.) *mōtais* ~ лтш. *māt* (наряду с *māt*) ‘winken’, слав. *majáti, *mājŭ, *majetь а. п. с; диал. *pañtas* ‘javц, šieno šalinē, prēslas’ ~ лтш. *pīt* ‘flechten’, слав. *pēti, *pēnŭ, *pēnētь а. п. с; *plaūtas* ‘viena iš dviejų šoninių kelminio avilio lenteļu’, pl. *plaūtai* (2) ‘полок’ ~ слав. *plōvŭ, *plovetь а. п. с; *spīrklas* ‘подпорка’ ~ слав. *pērŭ, *perētь; *pьrŭ, *pьrētь а. п. с ‘попирать; (за-, от)переть’; *stōtas* ‘стать, осанка, фигура’ ~ лтш. *stāt* ‘sich stellen, hinzutreten’, слав. *stājŭ, *stajetь а. п. с; диал. *šluōstas* ‘тряпка для вытирания’ ~ лтш. *shuōt* ‘ohne Zweck umhergeben, schlendern, bummeln’ и т. д. Литовские производные с доминантными суффиксами *-to-, *-sto-, *-tlo- от доминантных корней (балто-слав. неподвижная парадигма, плавная интонация в латышском) метатонии, как правило, не имеют: *būrtas* ‘жребий’ при лтш. *buřt* ‘zaubern’; *dūrklas* ‘клинок, кинжал’ при лтш. *duřt* ‘stechen, stossen’; диал. *ginklas* ‘оружие; защита’ ~ слав. *žēti, *žьn(j)ŭ, *žьn(j)etь а. п. b₁⁸;

⁷ Литовский материал приводится по [LKŽ], латышский – по [М-Е].

⁸ Глаголы а. п. b подразделяются на два подкласса – b₁ и b₂ – согласно валентности «тематического» суффикса (-e-, -i-) в презенсе. Глаголы а. п. b₁ образуют презенс с доминантными «тематическими» гласными (je-, ne-*praesentia* от корней на шумный, редко от корней на сонант и гласный; e-*praesens* глагола *mogti; i-*praesentia* с итеративным -i-). Глаголы а. п. b₂ образуют презенс с рецессивными «тематическими» гласными (большинство тематических глаголов, je-, ne-*praesentia* от корней на сонант и гласный, i-*praesentia* с деноминативным и каузативным -i-, а также i-презенсы ē-глаголов). А. п. b₁ имеют глаголы как с рецессивными, так и с доминантными корнями. По глаголам а. п. b₁ валентность корня можно установить только для корней с и.-е. долготой, так как только в рецессивных корнях перед доминантными суффиксами происходит метатония «акут ⇒ циркумфлекс» (такая же, как перед перечисленными именными суффиксами). А. п. b₂ имеют только глаголы с доминантными корнями. На практике глаголы а. п. b₂ позволяют просто определить валентность корня, так как рецессивные корни с соответствующими презентными суффиксами имеют а. п. с. См. подробно [ОСА 109–121; АССЯ 31–53].

*gǔnǎti, *ženǒ, *žēnety a. п. b_2 ; pl. *miltai* ‘мука’ ~ лтш. *mālt* ‘mahlen’; слав. *mēlти, *meljǒ, *mēljety a. п. b_1 ; *pjūklas* ‘пила’ ~ лтш. *pļaut* ‘mahen’; *siūtas* ‘apsivilkimas, drabužiai’ ~ лтш. *šūt* ‘nähen’; слав. *šiti, *šijǒ, *šijety a. п. a ; *žióstas* ‘tai, kiek vienu kartu galima apžioti’ ~ слав. *žėjati, *žėjǒ, *žėjety a. п. a , и т. д. Такое же распределение производных с метатонией и с сохранением акута характерно для славянского. Метатония «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс» происходит и в составных суффиксах, в том числе в таких, которые в результате контракции становились односложными (например, окончания с «греческим циркумфлексом»). Разную валентность могут иметь также некоторые неслоговые окончания: доминантные пом. sg. $-s$ и $-h_2$, откуда пом. sg. $-\underline{os}$, $-\underline{is}$, $-\underline{us}$, $-(\underline{h})\underline{e}/\underline{or}$ $< *-(\underline{h})\underline{e}/\underline{or}-\underline{s}$, $*-\underline{m}\underline{e}/\underline{on}$ $< *-\underline{m}\underline{e}/\underline{on}-\underline{s}$ – ср. рецессивное $-\underline{es}$ в пом. pl.; пом. coll./fem. $-\underline{e}/\underline{oh}_2$ ($> -\underline{a}$) $< -\underline{e}/\underline{o}-\underline{h}_2$ и т. д. Подробности см. в [Николаев 1989; Dybo 2002; Дыбо 2009].

В результате установления позиции балто-славянской метатонии выяснилось, что многие двусложные аффиксы являются «вторично доминантными», в которых с морфонологической точки зрения первый слог имел особую «вторично доминантную» валентность, обозначаемую диакритикой $\pm$. Анализ греко-арийского словоизменения и учет парокситонного ударения таких ведийских форм от рецессивных корней, как *pavitra-*, *bhavitra-*, *bharitra-*, *khanitra-*, *caritra-* от корней-set (морфонологически соответствующих баритонированным формам типа *tantra-*), анализируемых как *pavi-tra-* $\rightarrow$ *pavitra-*, *bhavi-tra-* $\rightarrow$ *bhavitra-*, *bhari-tra-* $\rightarrow$ *bharitra-*, *khanitra-* $\rightarrow$ *khanitra-*, *cari-tra-* $\rightarrow$ *caritra-*, приводит к выводу, что «вторичная доминантность», описываемая «переходной» валентностью $\pm$ (а в фонологической интерпретации – восходящим тоном, аллофоном низкого тона перед последующим высокотональным слогом), возникла по крайней мере фонетически еще в индоевропейском [Николаев 1986: 194].

Метатония «акут $\Rightarrow$ циркумфлекс», по-видимому, имеет (поздне-)индоевропейское происхождение и происходит, как правило, при основообразовании. Оттяжка ударения на слоги с балто-славянским рецессивным акутом (закон Хирта–Иллич-Свительча) – балто-славянское явление, имеющее типологическую параллель в кельто-италийском. В современных терминах этот закон может быть сформулирован как «оттяжка ударения с краткостного или акутированного слога на предшествующий слог с рецессивным акутом». В отличие от метатонии, характерной для словообразования, оттяжка ударения «по Хирту» была характерна и для парадигматического словоизменения.

Балто-славянские именные основы с корневым рецессивным акутом имели сложные акцентные кривые словоизменительных и словообразовательных парадигм. Акцентная кривая при словоизменении основ с рецессивным акутом включала начальнударные формы-энклиномены с рефлексом «рецессивного акута», ортотонические формы с ударением на окончании и ортотонические формы с ударением на корне. Такие кривые обычно выравнивались по более простым моделям одного из контрастных типов, баритонированного или подвижно-окситонированного. В результате обычно мы встречаем лексикализованные варианты, распределенные по диалектам. В частности, в результате выравнивания парадигмы тематические основы ср. п. с рецессивным акутом, как правило, имеют 1-ю или 3-ю а. п. по литовским говорам, а. п. *a* или *c* в славянском и, как правило, рефлекс рецессивного акута (прерывистую интонацию) в латышском: лит. *kāušas* 1-я а. п. ⇔ лтш. *kaišs* ‘черпак, череп’ (также *kāuss*, с корневой метатонией); лит. *sietas* 1-я наряду с 3-й а. п., слав. *sīto а. п. *a* ⇔ лтш. *siēts* ‘сито’; лит. *krėslas* 1-я и 3-я а. п., слав. *krěslo а. п. *a* ⇔ лтш. *krėsls*; лит. *vokas* 1-я наряду с 3-й а. п., слав. *věko а. п. *a* ⇔ лтш. *vāks*; сосуществующие в диалектах пары а. п. *c/a* (в славянских), а. п. 3/1 (в литовских): лит. *kaina* а. п. 1 наряду с 3>4 ‘цена’, слав. *rěna а. п. *a* наряду с *rěná а. п. *c* (и *b*), *běrme а. п. *a* наряду с *běrme а. п. *c* и т. п. Пример парадигматических выравниваний приведен в табл. 1 (в квадратные скобки заключены формы, интонация которых заимствована из других падежей):

Таблица 1

	балто-слав.	латышский	литовский	славянский
nom.-acc. sg.	* <i>krěslo-m</i> ⁹	<i>krėsls</i>	<i>krėslas</i> 3 [<i>krėslas</i> 1]	[* <i>krěslo</i>]
nom.-acc. pl.	* <i>krěslā</i> > * <i>krěslā</i>	[<i>krėslī</i>]	<i>krėslai</i> 1 [<i>krėslai</i> 3]	* <i>krěsla</i>

Чередование энклиномических/окситонированных форм и ортотонических форм с акутом, возникших в результате действия закона Хирта, представлено в старолитовской парадигме рецессивной основы *sūpu ‘сын’, в которой нерегулярная (по сравнению с литературной окситонезой) баритонеза обнаруживается во всех ортотонических формах, кроме

⁹ В балто-славянских реконструкциях ‘ обозначает ударение на доминантном акуте; ~ – ударение на доминантном циркумфлексе; в ударных и безударных слогах: ^ – рецессивный акут; ^ – рецессивный циркумфлекс.

gen. sg. Материал приводится по [ИАБС: 76]. Показательна оппозиция gen. sg. *sunaūs* ↔ nom. sg. *sūnus*, instr. sg. *sūnum* в Катехизисе 1605 г. Единственная нерегулярная форма – это gen. pl. *sūnū* 2× в Библии 1755 г., причем баритонированные формы в этих памятниках, по-видимому, характерны для всей подпарадигмы мн. ч. (В. М. Иллич-Свитычем не приведены имеющиеся, вероятно, в источниках баритонированные рефлексy энклитоменов). По-видимому, в древнелитовских диалектах Прусской Литвы акцентная кривая вторично приобрела колонную баритонезу, при сохранении архаичной окситонезы в gen. sg. В других литовских говорах генерализовалась подвижная а. п. (3-я), с аналогическим восстановлением nom. sg. *sūnūs*.

В таблице 2 грависом маркированы балто-славянские формы-энклитомены. В квадратные скобки заключены предположительно вторичные формы.

Таблица 2

	до оттяжки ударения	после оттяжки ударения	др.-литовские рефлексy ¹⁰
Sg.			
nom.	*sūnūs	*sūnus	<i>sūnus</i> Daukša, Cat.
gen.	*sūnaūs	*sūnaūs	<i>sunaūs</i> Cat.
dat.	*sūn[ōi]	*sūn[ōi]	
acc.	*sūnun	*sūnun	
instr.	*sūnumí	*sūnumí	[<i>sūnum</i> Cat.]
Pl.			
nom.	*sūnaus	*sūnaus	
gen.	*sūnuōñ	*sūnuōñ	[<i>sūnū</i> Bib.]
dat.	*sūnumus	*sūnumus	<i>sūnumus</i> Bib.
acc.	*sūnūs	*sūnūs	
instr.	*sūnumís	*sūnumís	[<i>sūnumis</i> D., Bib.]

Рефлекс метатонии «рецессивный акут ⇒ доминантный циркумфлекс» имеют слав. *stānъ, *stānu; *vāľь, *vāľu; *žĭгъ, *žĭгу а. п. *d*¹¹. Корневой

¹⁰ D. – Daukša – Skardžius DA; Cat. – Катехизис 1605 г. – Bystroń; Bib. – Библия 1755 г., материал по [ИАБС: 75–76]. В квадратных скобках – по-видимому, вторичные *bagytona*, возникшие в результате выравнивания парадигмы.

¹¹ А. п. *d* является праславянским вариантом а. п. *b*. В *o*-, *u*- и *i*-основах а. п. *d* в ном. sg., а также, возможно, в acc. sg., ном. и acc. pl. реконструируется интонация, в большинстве

неоакут отражается не только в восточнославянской окситонированной а. п. данных слов, но и в виде долготных рефлексов в западнославянских языках (наряду с краткостными, отражающими циркумфлекс в nom.-acc. sg.): напр. чеш. *řád* ‘порядок’ и *řad* ‘ряд’, слвц. *řád* ‘порядок’ и *rad* ‘ряд’, польск. *rząd*, *rządu* ‘порядок’ и *rząd*, *rzędu* ‘ряд’; чеш. *žír*, словацк. *žír* ‘корм’; чеш. *stán* и *stan* ‘тент’; чеш. *vál* ‘валек’ при *val* ‘волна’ и т. д. Долгосложные формы не могут объясняться генерализацией корневой долготы окситонированных падежей а. п., потому что в западнославянских языках предупредительные долготы в основах а. п. с всегда сокращаются – в отличие от регулярно сохраняющих долготу слогов с неоакутом, становящихся предупредительными после правостороннего дрейфа ударения. Параллельные ряды лексем с долготой и краткостью могут быть возведены к парадигмам вида nom.-acc. sg. *rěďь, gen. *rědu, dat. *rědovi, instr. *rěďьмь, loc. *rědu, в которых «кривая долгот» повторяет акц. кривую а. п. d (см. ниже, с. 87). В карпатоукраинском ареале некоторые долгосложные u-основы а. п. с в результате сохранения исконной окситонезы в gen. и instr. sg. перешли в «смешанный» тип, который «по месту ударения» совпал с рефлексами исконной а. п. d: *dāгь, *darũ; *vāгь, *varũ, однако эти основы не имеют долготных рефлексов в западнославянских языках.

Формы с метатонией «рецессивный акут ⇒ доминантный циркумфлекс» обычны в словообразовательных парадигмах: слав. *тѣгь а. п. b (балто-слав. o-основа) ⇔ слав. *mĭгь а. п. c, лтш. *miērs* (балто-слав. u-основа), слав. *slěďь, gen. *slědu а. п. d (существительное) ⇔ лтш. *slāids* (прилагательное) и т. п.

Балто-славянский **акут** возникает на индоевропейских монофтонгах и дифтонгах с неапофонической («ларингальной») долготой; на первичных (индоевропейских) апофонических долготах¹²; на монофтонгах и дифтонгах, удлинённых по закону Винтера (перед и.-е. звонкими непродыхательными согласными); в последовательностях VRH. Балто-славянский **циркумфлекс** возникает на и.-е. кратких дифтонгах; в результате метатонии «акут ⇒ циркумфлекс»; на вторичных (балто-славянских) апофонических долготах; в ряде контракционных окончаний. Случайно в контракционных окончаниях литовский акут (в системах литературного типа – интонация с маркированной первой морой долгого гласного или дифтонга)

славянских языков совпавшая со «славянским циркумфлексом», т. е. интонацией, характерной для форм-энклиноменов в а. п. с. Подробно об а. п. d см. в следующих разделах статьи.

¹² Отраженных, например, в славянских дуративах типа *nāsati от *nestĭ.

соответствует греческому акуту (восходящему тону), а литовский циркумфлекс (интонация с маркированной второй морой долгого гласного – или дифтонга) – греческому циркумфлексу (восходяще-нисходящему тону). Из этого был сделан вывод об индоевропейском противопоставлении двух интонаций, непосредственно представленных в греческом и литовском. Однако как единая «интонация» балто-славянский акут представлен только в литовском, тогда как уже в латышском литовскому акуту соответствуют две интонации – плавная и прерывистая, а в славянском – «старый акут» и «циркумфлекс». Литовскому циркумфлексу соответствует единая нисходящая интонация в латышском, однако в славянском литовскому циркумфлексу соответствуют «новый акут» и «циркумфлекс». Интонация «минусового» слога с акутом меняется в случае правостороннего примыкания к этому слогу слога морфемы с «плюсовой» маркировкой, и это позволяет предположить, что оппозиции двух морфологических валентностей предшествовала фонологическая оппозиция двух супрасегментных единиц, «склеивающихся» с акутом, циркумфлексом и нейтральной краткостной интонацией, образуя слоговые суперсегментные комплексы – «доминантный акут», «рецессивный акут», «доминантный циркумфлекс», «рецессивный циркумфлекс», «доминантную краткость» и «рецессивную краткость»; также к этому списку следует добавить слоги с «вторичной доминантностью». Можно считать доказанным, что балто-славянская акцентная система оппозиции двух валентностей является отображением индоевропейского противопоставления регистровых тонов (высокого и низкого), как это уже давно предполагал В. А. Дыбо, см. [Dybo, Nikolayev, Starostin 1978; Дыбо 1980; 2003]. «Вторичная доминантность» в рамках гипотезы тонологического происхождения валентностей трактуется как восходящий тон.

Выведение балто-славянской акцентуационной системы из традиционно реконструируемой на основании сравнения индоиранского и греческого акцента затруднительно. В большинстве словообразовательных и особенно словоизменительных парадигм греко-арийский акцент жестко определяется морфологическим составом словоформы¹³. Однако ударение

¹³ Правила почти полностью морфонологизованного (кроме непроемных имен) акцента в ведийском в зависимости от предписываемых морфонологическими правилами одной из ступеней аблаута сформулированы А. А. Зализняком: «У определенной части глагольных и именных словоформ (с атематической основой) ударение подчиняется следующему правилу: в сильных формах оно падает на основу (в неодносложной основе – на последний слог), в слабых – на окончание (в двусложном окончании – на первый слог;

неморфологизовавшихся форм (например, тематических девербативов) непротиворечиво выводит из протосистемы, по устройству аналогичной «безыктусной» балто-славянской. Только в категориях, в которых ударение не подчинено жестким морфологическим правилам, обнаруживаются регулярные балто-славянско-греко-арийские соответствия, впервые установленные В. М. Иллич-Свитычем [ИАБС].

Анализ и внутренняя реконструкция глагола и девербативов в древнеиндийском, греческом и латинском языках показывает, что в них корни также распределяются по двум акцентно-морфонологическим классам. В этих языках акцентная составляющая по значимости уступает морфо(но)-логической, однако имеются основания предполагать первичность первой из них. Внешнее сравнение показывает, что два класса корневых и служебных морфем в древнеиндийском, греческом и латинском исторически тождественны морфемам двух балто-славянских акцентуационных классов [Николаев 1978; 1983; 1986; 1989; 1995а; Николаев, Старостин 1978; 1982]. Акцентологическая оппозиция двух классов корней в кельтском и германском также убедительно ставится в связь с балто-славянской дихотомией [Дыбо 1961а; 1961б; 2007; 2008; 2011в]¹⁴.

если окончания нет, ударение падает на последний слог основы; соединительное *i* в состав окончания не входит). (...) Приведенное правило – это по существу лишь частное проявление более общего принципа “морфонологически регулярного” ударения, который соблюдается (хотя и не всегда) также при построении других глагольных форм, а отчасти и при словообразовании. Этот принцип таков: ударение в словоформе падает на первую по порядку морфему, представленную в *guṇa* или *vṛddhi*, а если таковой не найдется – на последнюю морфему словоформы (при этом, однако, для неполноизменяемых корней учитывается не та ступень, которая у них реально представлена, а та, которая ожидается по общим правилам)» [Зализняк 1978: § 224].

¹⁴ Обнаружение этой древнейшей морфонологической дихотомии, к сожалению, не оказало влияния на основной тренд индоевропеистики. Сравнительный словарь «*Lexikon der indogermanischen Verben*» [Rix et al. 2001], являющийся итогом полуторавековой работы по реконструкции индоевропейского глагола, основан на устаревшем постулате, согласно которому все и.-е. глагольные корни и суффиксы были едины в своей морфонологии; на этом постулате основывается оценка форм языков-потомков как «первичных» и «вторичных». Однако анализ даже такой максимально генерализованной системы, как древнеиндийская, показывает морфонологическую дихотомию как корней, так и суффиксов, не связанную с мотивацией последними полной или нулевой ступени аблаута в корне; регулярная связь корневой безударности с нулевой ступенью аблаута прослеживается только в древнеиндийском словоизменении и является индийской или индоиранской инновацией. Имеющая принципиальное значение для реконструкции двух классов индоевропейских глагольных корней и суффиксов балто-славянская акцентологическая составляющая в [Rix et al. 2001] вообще не принимается во внимание.

В греческом и древнеиндийском различие между двумя классами корневых и суффиксальных морфем обнаруживается:

а) в выборе аллофонов корней-*set* в сочетании с прикорневыми суффиксами;

б) в акцентуации имен, зависящей от морфонологического состава словоформы (ударение в глагольной парадигме в подавляющем большинстве случаев морфологизовано);

в) в особой акцентуации цепочек, состоящих из корней-*set* II кл. и первичных суффиксов I кл. (др.-инд. *bhavitra-*, *bharitra-*).

В древнеиндийском и греческом языках два класса глагольных корней противопоставлены по нескольким параметрам – акцентологическому (различие ударения в производных именах), морфонологическому (распределение некоторых типов презенса, аориста и т. д. в зависимости от класса корня) и морфонологическому (использование различных аблаутных алломорфов корня в зависимости от класса корня и прикорневого суффикса).

Различное морфонологическое оформление корней двух классов, будучи вторичным по отношению к просодическому, по-видимому, восходит к индоевропейской эпохе. В древнеиндийском, латинском и славянском различие между корневыми морфемами двух классов проявляется в их различном морфонологическом оформлении. Наиболее ярким примером является жесткая привязка активных форм сигматического аориста к корням II (рецессивного) класса vs. активных форм тематического аориста к корням I (доминантного) класса в древнеиндийском, латинском и славянском [Николаев, Старостин 1982; Дыбо 1961b; 2000: 366–376]. По-видимому, мы имеем дело с тем, что просодически контрастные глагольные корни выбирали морфонологически (а возможно, и просодически) контрастные аористные форманты.

Древнеиндийские и греческие корневые и суффиксальные морфемы, относящиеся к I классу, генетически тождественны балто-славянским «доминантным» морфемам, а древнеиндийские и греческие морфемы II класса генетически тождественны балто-славянским рецессивным морфемам. Очевидно, что различие между этими двумя классами морфем имеет индоевропейское происхождение и связано с просодическими характеристиками морфем.

Если мы обратимся к правилам постановки иктуса в словоформе, то обнаружим, что балто-славянские и «греко-арийские» правила в основном совпадают. В балто-славянском иктус ставится на первой доминантной морфеме (если пренебречь тем фактом, что многие балто-славянские морфемы являются вторично доминантными). В греко-арийском правила

постановки ударения в словоформе в зависимости от валентностей морфем сохранились в немногих словообразовательных и словоизменительных классах – подробно см. [АССЯ: 53–69] и табл. 3, 4. Греко-арийские морфемы I и II морфологических классов исторически тождественны балто-славянским морфемам доминантного (+) и рецессивного (–) классов соответственно. Приводимые ниже в таблице 3 соответствия установлены по тематическим deverbative, в которых акцентуационная валентность корней и суффиксов устанавливается независимо. В частности, установлено, что тематический суффикс *-o-* имеет (–)-валентность в так называемых *nomina passiva* и в прилагательных, тогда как квазиомонимическое *-o-* в *nomina activa* (в том числе в составе суффикса *TRo-, *nomina instrumenti/loci*) и в субстантивированных прилагательных имеет (+)-валентность (см. [Николаев, Старостин 1982: 283–290; Николаев 1989; АССЯ: 58–70]).

Таблица 3

СООТВЕТСТВИЯ УДАРЕНИЯ ТЕМАТИЧЕСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ ПЕРЕД ФЛЕКСИЕЙ

Сочетание морфем		Древнеиндийский	Греческий
корень (валентность)	прикорневой суффикс (валентность)		
+	+	<u>oxytona</u>	<u>barytona</u>
+	–	barytona	barytona
–	+	barytona	barytona
–	–	oxytona	oxytona

Аналогичные соответствия обнаруживаются между *i-* и *u-* основами.

Первоначальная греко-арийская подвижность основ в словоизменении сохраняется только у атематических рецессивных основ [Дыбо 2003: 139–153]. В наиболее архаичном виде (с контрастным чередованием начальноударных форм, аналогичных балто-славянским формам *enclitomena*, и форм с ударением на последнем слоге) она представлена в гомеровском греческом у атематических имен с рецессивными суффиксами. Ниже в таблице 4 формы, возникшие в результате «выпрямления» акцентной кривой, заключены в квадратные скобки¹⁵.

¹⁵ Греческие формы приводятся по [L-S], древнеиндийские – по [Böhntlingk].

Таблица 4
РЕКОНСТРУКЦИЯ АКЦЕНТНОЙ КРИВОЙ МНОГОСЛОЖНЫХ АТЕМАТИЧЕСКИХ РЕЦЕССИВНЫХ ОСНОВ

	и.-е.	др.-инд.	греч.	балто-слав.	др.-лит. (Daukša)	лит.	слав.
Sg. nom.	*ph ₂ -ter-š; *dhugh ₂ -ter-š _±	<i>pitā́; duhitā́</i>	πατήρ, [θυάτηρ] вместо *θυατήρ	*dukiš	<i>duké</i>	<i>dukė</i>	[*dъkŭi] вместо *dъkŭi
acc.	*ph ₂ -ter-m; *dhugh ₂ -ter-m _±	<i>[pitā́m; duhitā́m] вместо *pitā́m; duhitā́m</i>	[πατέρα] вместо *πάτερα; гомер. θυατερα (вторичн. θυατέρα)	*dūktiN	<i>dūkeri</i>	<i>dūkeri</i>	*dъkterь
gen.	*ph ₂ -tr-ε/ος; *dhugh ₂ -tr-ε/ος	<i>pitūr; duhitūr</i> (с вторичным *-tr-š _±)	πατρός, θυατρός (вторичн. гомер. θυατέρος)	*dukerēs	<i>dukerēs</i>	<i>dukeĩš</i>	*dъkterē
Pl. nom.	*ph ₂ -tr-es; *dhugh ₂ -tr-es	<i>[pitā́ras; duhitā́ras] вместо *pitā́ras; *duhitā́ras</i>	[πατέρες] вместо *πάτρες; гомер. θυατρες (вторичн. θυατέρες)	*dūkteres	<i>dūkerēs</i>	<i>dūkerys</i>	*dъktere
acc.	*ph ₂ -ter-ns; *dhugh ₂ -ter-ns	<i>[pitēs; mātēs] вместо *pitā́ras; *mātāras</i>	[πατέρας] вместо *πάτερας; гомер. θυατρας (вторичн. θυατέρας)	*dūkterins	<i>dūkeris</i>	<i>dūkeris</i>	*dъkteri
gen.	*ph ₂ -tr-ōm; *dhugh ₂ -tr-ōm	<i>pitḗnām; mātḗnām</i>	πατρῶν; гомер. θυατρῶν (вторичн. θυατέρων)	*dukerōN	<i>dukeri</i>	<i>dukeri</i>	*dъkterǫ̃

Греко-арийская окситонеза в тематических основах $\langle \text{ROOT}=\text{SUFF} \rangle$ первоначально была присуща только формам с доминантной флексией ($\langle \text{ROOT}=\text{SUFF}=\text{FLEX} \rangle$), в дальнейшем (по крайней мере в греческом, индийском и германском) первично баритонированные формы структуры $\langle \text{ROOT}=\text{SUFF}=\text{FLEX} \rangle$ становились окситонированными в результате тенденции к «выпрямлению» акцентной кривой подвижного типа. Таким образом, предполагается, что первоначальные правила расстановки иктуса в греческом (и, по-видимому, в германском) аналогичны балто-славянским (т. е. иктус ставится в начале словоформ, состоящих из «минусов»; иктус ставится на первом «плюсе»). В отличие от перечисленных выше систем в древнеиндийском в словоформах, состоящих из трех и более «плюсов», ударение ставится на конечном слоге.

Наряду с морфо(но)логически прозрачными четырьмя типами производных существительных, валентности корня и суффикса которых задаются списками (они приведены ниже в сводной таблице 6), имеется ряд и.-е. первичных тематических именных основ¹⁶, которые имеют последовательности $\text{ROOT}+\underline{\text{V}}$ («высокотональные» основы)¹⁷ и $\text{ROOT}-\underline{\text{V}}$ («низкотональные» основы). Некоторые именные основы имеют структуру $\text{ROOT}+\underline{\text{V}}$. Не исключено, что в части подобных основ «тематические» гласные являются рудиментами вокалического ауслота корня.

Если оставить за скобками основы с автоматическим ударением (*и*-основы *neutra*, *es*-основы *neutra* и т. д.), а также девербативы, ударение которых подробно разобрано в [Николаев, Старостин 1982; АССЯ 53–74], то оказывается, что греко-арийские тематические и *и*-основы разбиваются на три, а не четыре группы, так как место ударения в рефлексах структур $\text{ROOT}-\underline{\text{V}}_{\text{tem}}$ и $\text{ROOT}-\underline{\text{V}}_{\text{tem}} < \text{ROOT}-\underline{\text{V}}_{\text{tem}}$ (в основном в девербативах)¹⁸

¹⁶ Под «тематическими гласными» (V_{tem}) здесь понимаются суффиксы *-o-*, *-i-*, *-u-*, не имеющие собственной семантики.

¹⁷ Представляется обоснованной гипотеза В. А. Дыбо о правостороннем сдвиге ударения в «высокотональных платформах» в древнеиндийском. Этот акцентный дрейф не затронул дардские (в частности, шина) и иранские языки, см. [Дыбо 1989; 2011a]. В то же время гипотеза В. А. Дыбо об аналогичном сдвиге низкотонального ударения одновременно в греческом, древнеиндийском и германском, которая, в частности, предполагает первичность греч. асс. *μᾶτέρᾱ, *θυγάτερᾱ, ном. pl. *μᾶτέρεϛ, *θυγάτερεϛ, асс. pl. *μᾶτέρας, *θυγάτερας [Дыбо 2011a], не представляется убедительной.

¹⁸ Первичные именные основы со структурой $\text{ROOT}-\underline{\text{V}}$ практически неизвестны. Единственный пример — рефлекс **wl̥kos* в греческом и древнеиндийском. В балто-славянском

в греческом и индоарийском не различается. Характерна малочисленность греко-арийских «низкотональных» основ, имеющих рефлексы окситонезы одновременно в греческом и в индоарийском. Это можно отнести за счет статистической случайности: судя по внешним соответствиям, таковыми являются др.-инд. *vīrás*, *mēśás*, *māmsám*, *stambhás*, иран. *karná-; греч. *καυλός*, *πηλός*, *πῦρός*, *ὀπός*, *στρουθός*.

ROOT-V_{tem}

*bheh₂gh₁-: др.-инд. *bāhú-s* m. 'arm' ~ греч. *πῆχυς* m. 'arm'

*g₁ǵndharw₁-: др.-инд. *gandharvá-s* m. 'male nature spirits, husbands of the Apsaras' ~ греч. *κένταυρος*¹⁹ Hom.+ 'a savage race, dwelling between Pelion and Ossa; monsters of double shape, half-man and half-horse'

*h₃en₁k₁-: др.-инд. *añká-s* 'hook, curve' ~ греч. *ὄγκος* 'barb of an arrow'

*k₁erabh₁- ~ -r₁mbh₁-: др.-инд. *śarabhá-s* m. 'eine Hirsch-Art' ~ греч. *κίραφος*²⁰ = *άλώπηξ* (*Λάκωνες*) Hsch.

*k₁[ǵ]nkH₁-: др.-инд. *śaṅkhá-s*, -m 'shell, conch-shell' ~ греч. *κόγχος* Aesch.+ (чаще *κόγχη*) 'shell, conch-shell'

*kaṇḍa₁-: др.-инд. *kandará-s*, -m 'an artificial or natural cave, glen, defile, valley' ~ греч. *κάνδαλοι* = *κοιλώατα*, *βάρα*, *κωλοβάρα* Hsch.

*k₁umb(h)₁-: др.-инд. *kumbhá-s* 'jar, pitcher' ~ греч. *κύμβος* Nic. (чаще *κύμβη*) 'drinking-cup, bowl'

*pe₁le₁k₁-: др.-инд. *paraśú-s* m. 'hatchet, axe' ~ греч. *πέλεκυς* m. 'two-edged axe for felling trees; battle-axe'

*st₁up₁-: др.-инд. *stupá-s* 'a knot or tuft of hair, the upper part of the head, crest' ~ греч. *στόπος* : *στόππη*, *κάλοι ἀπὸ στόπου* (Gal.)

*tk₁ye₁h₁n₁-/tk₁h₁n₁-: др.-инд. *śyēná-s* 'falcon' ~ греч. *ἰκτῖνος* 'вид хищной птицы'

ROOT-V_{tem} или ROOT-V_{tem} < ROOT-V_{tem}

*h₁e₁k₁w₁-: др.-инд. *ásva-s* ~ греч. *ἵπλος* Hom.+ 'horse'

*h₂r₁tk₁-: др.-инд. *ṛkṣa-s* ~ греч. *ἄρκτος* Hom.+ 'bear'

основа с рецессивными корнем и «темой» (лит. *vīlkas* 4 а. п., слав. *v₁lkъ а. п. с). По-видимому, в греко-арийском рецессивная «тема» была заменена доминантным -o- из *nomina activa* (можно предположить «народную этимологию» от *welk- 'волочь, тащить', затем повторенную в «кабинетной этимологии» *w₁kos как «тащащий, таскатель», встречающейся в индоевропейских работах XIX–XX вв.).

¹⁹ Фонетика греч. слова, по-видимому, изменена по аналогии с *ταῦρος* 'bull'.

²⁰ Лаконская форма с -i- < -e-.

*k[ɔ]w[o]ndho-/ *k_uw_undho-: др.-инд. *kāvandha-s*, -m ‘k. of vessel’ ~ греч. κύαθo-ς Ar.+ ‘черпак, ковш’

*h₃e_msɔ-: др.-инд. *ámsa-s* ~ греч. ὤμο-ς Hom.+ ‘shoulder’

*ǵh₂e_nu-: др.-инд. *hānu-s* f. ~ греч. γένυ-ς f. ‘jaw’

ROOT-V_{tem}

*ks_u-rɔ-: др.-инд. *kṣurá-s* ~ греч. ξυρό-v Hom.+ ‘razor’

*m₂ed_hu-: др.-инд. *mádhu* ~ греч. μέθυ ‘honey’

*H₁rg_upyo-: др.-инд. *ḡṛyá-s* (an epithet of *śyēnás* ‘falcon’), ср. н.-перс. *āluh* ‘Adler’ ~ греч. αἰγυπιό-ς Hom.+ ‘коршун’

*yugɔ-: др.-инд. *yugá-m* ~ греч. ζυγό-v Hom.+ ‘ярмо’

ROOT-V_{tem} (?)

*w_lkɔ-: др.-инд. *vṛka-s* ~ греч. λύκο-ς Hom.+ ‘wolf’

Вторичные греч. окситонезы в основах на -ro-: αἰγρός при др.-инд. *ájra-s* ‘поле, нива’; ἐκυρός при др.-инд. *śvásura-s* ‘свекор, теть’.

Структуры ROOT-(C)V₊, ROOT-(C)V₋, ROOT-(C)V₊ и ROOT-(C)V₋ характерны для производных имен, в первую очередь девербативов, в них валентность корней и суффиксов является лексической.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАЛТО-СЛАВЯНСКИХ АКЦЕНТНЫХ ПАРАДИГМ О- И U-ОСНОВ

Балто-славянские рецессивные о-основы с краткостным/циркумфлектированным корнем имеют славянскую а. п. с.

Балто-славянские рецессивные о-основы с акутированным корнем имеют славянскую а. п. с, парадигматические формы которой могут чередоваться с формами, формально относящимися к а. п. а (реже b/d); о происхождении этих чередований сказано на с. 38–42.

Балто-славянские доминантные о-основы с корневыми краткостью/циркумфлексом распределены по славянским а. п. b и d. Славянские существительные мужского рода а. п. b восходят к балто-славянским основам среднего рода, что подтверждается данными древнепрусского языка. Напротив, славянские основы мужского рода а. п. d (с вторичной а. п. с в языках «классического акцентологического сравнения») восходят к балто-славянским основам мужского рода [ИАБС: 30–42, 109–119, 154]. Подробно о рефлексах а. п. d в славянских языках см. ниже, с. 68–90.

Балто-славянские *o*-основы с доминантным акутом имеют славянскую а. п. *a*.

По-видимому, всё сказанное выше относится и к *u*-основам.

Балто-славянские *o*- и *u*-основы подвижной а. п. – иначе говоря, рецессивные основы, образованные корнем и прикорневым суффиксом с «минус-валентностью» – соответствуют окситонированным основам в древнеиндийском и греческом. «Индоевропейская окситонеза» устанавливается также по озвончению глухих спирантов в германском (закон Вернера) и сокращению долгих корневых монофтонгов в германском (перед сонантами) и в кельто-италийском (в любых позициях)²¹.

Балто-славянские *o*- и *u*-основы неподвижной а. п. – иначе говоря, доминантные основы, т. е. основы, образованные от корней с «плюс-валентностью», «доминантных», а также содержащие «вторичнодоминантные» корни (т. е. рецессивные корни перед доминантными прикорневыми суффиксами, см. [Николаев 1989: 75–101; ОСА: 85–105]), – соответствуют баритонированным основам в греческом, германском и кельто-италийском, а также, по-видимому, в дардском и иранском; в древнеиндийском эти основы являются окситонированными, если оба слога доминантны («высокотональны», см. [АССЯ: 91–95]), и баритонированными при иных комбинациях морфонологических валентностей.

Если первичнодоминантный корень имеет интонацию балто-славянского акута, то балто-славянские соответствия и.-е. баритонезе *o*- и *u*-основ однозначны: литовская а. п. 1, латышская основа с корневой плавной интонацией и слав. а. п. *a*, с колонным ударением на корневом гласном (напр., лит. *šármas* 3<1, лтш. *sārms*, греч. κέρμας).

Доминантные краткосложные и циркумфлектированные *o*- и *u*-основы мужского и среднего рода в литовском первоначально имели единую а. п. 2, однако в истории отдельных литовских диалектов 2-я (неподвижная) а. п. в большей или меньшей степени была подвержена общелитовской тенденции к замене неподвижных акцентных типов подвижными, в результате чего 2-я а. п. старых *o*- и *u*-основ заменялась на 4-ю, за исключением отдельных морфонологических типов: в основах среднего рода неподвижность ударения устойчивее, чем в основах мужского рода²²; в основах на *-ta-*, *-sta-* довольно устойчива а. п. 2 (что, возможно, указывает на их принадлежность к балто-славянскому среднему роду).

²¹ См. [Дыбо 1961а; 1983].

²² Материал, приводимый Иллич-Свитычем в его книге, может быть соотнесен с приложенной к ней «Картой-указателем литовских населенных пунктов». Оказывается, что

В праславянском краткосложные и циркумфлектированные *o*- и *u*-основы среднего рода, как правило, сохраняли исконную неподвижную а. п. *b*, в большинстве славянских систем ставшую «окситонированно-баритонированной» в результате правостороннего дрейфа ударения. Праславянская «смешанная» акцентная парадигма *o*- и *u*-основ была условно названа Р. В. Булатовой «акцентной парадигмой *d*» (см. [Булатова, Дыбо, Николаев 1988: 49–60]). Для некоторых основ традиционно реконструируются варианты а. п. *c/b* (напр., *gro**ǔ**ь, *(s)ter**ǔ**ь, *smě**ǔ**ь). Анализ всего корпуса материала показывает, что на самом деле речь идет о вариантах а. п. *d/b*, иными словами, о балто-славянских вариантах доминантных основ среднего (а. п. *b*) и мужского (а. п. *d*) рода. Было установлено, что а. п. *d* (наряду с *b* и *c*) имели не только существительные м. р. с *o*-основами, но и существительные с *u*- и *i*-основами²³.

Балто-славянские основы среднего рода с корневой краткостью (иногда с циркуфлексом) в славянском морфологически совпали с основами мужского рода после развития ном.-асс. sg. *-oN, *-u > ъ, таким образом, балто-славянские основы среднего рода вторично стали славянскими основами мужского рода [ИАБС: 134–140]. У славянских основ мужского рода, являющихся субститутами балто-славянских основ среднего рода, стабильно сохраняется неподвижная а. п., так как в их акцентную кривую первоначально не проникали формы-энклиномены из подвижного акцентного типа. У части основ сохранился средний род и акцентный тип, но балто-слав. окончание *-oN было заменено на прономинально-адъективное *-od > *-o, откуда пары *čě**ǔ**ь/*čě**ǔ**ьno, *pě**ǔ**ь/*pě**ǔ**ьsto, *tŕ**ǔ**ь/*tŕ**ǔ**ьno. Иногда основы на *-od не имеют вариантов м. р.: *čě**ǔ**ьslo = и.-е. *kértslom, *plŭ**ǔ**o = *plŭ**ǔ**wtom. Замена *-o на *-od последовательно произошла у долгосложных основ с рецессивными корнями (*mĕ**ǔ**so, *â**ǔ**je и т. п.; с оттяж-

---

следующие литовские говоры имеют в основном 2-ю (неподвижную) а. п. у слов, соответствующих славянской а. п. *d*: 1) говоры западной Литвы, восточная граница которых тянется приблизительно от истоков Бартувы к истокам Юры и по ее долине, далее она пересекает Неман приблизительно в районе Велюоны и по меридиану продолжается до границы с Польшей. К этой же лингвогеографической области принадлежали и говоры бывшей Прусской Литвы; 2) говоры района Паневежиса; 3) дзукские говоры. В прочих литовских говорах (в том числе в литературном литовском) нормальным соответствием славянской а. п. *d* является, по-видимому, 4-я (подвижная) а. п.

²³ В настоящей статье акцентуация праславянских *i*-основ не рассматривается. По-видимому, она была устроена аналогично акцентуации *u*-основ.

кой ударения по закону Хирта: *věko, *krěslo), благодаря чему эти основы сохранили балто-славянский грамматический род²⁴.

Таблица 5

СВОДКА АКЦЕНТНЫХ СООТВЕТСТВИЙ МЕЖДУ ТЕМАТИЧЕСКИМИ О-ОСНОВАМИ
В ГРУППАХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

И.-е.	Древне-индийский	Иранский, греческий, германский	Славянский (а. п.)	Литовский (а. п.)	Славянский (а. п.)	Литовский (а. п.)
			корни с краткостью и балто-слав. циркумфлексом		корни с балто-слав. акутом	
ROO <u>T</u> - <u>q</u>	*CVCó	*CVCó	B/D	2	A	1
ROO <u>T</u> - <u>o</u>	*CVCó	*CVCó	B/D	2	A	1
ROO <u>T</u> - <u>o</u>	*CVCó	*CVCó	C	4	C/A	3/1
ROO <u>T</u> - <u>q</u>	*CVCó	*CVCó	B/D	2	A	2

Сводная таблица индоевропейских основ

В таблицу включены славянские основы, рассматриваемые ниже в связи с их рефlekсами в восточнославянских диалектах, а также по разным причинам пропущенные в тексте статьи основы с более или менее надежно реконструируемой а. п. Также включены индоевропейские акцентологические сравнения, в которых славянский не участвует. Ср. сводки акцентологических соответствий между балто-славянским и другими индоевропейскими языками в [ИАБС] (в частности, таблица на с. 158–160) и в [Дыбо СА: 15–26; 40–44]. Балто-славянская неподвижная а. п. (у *o*- и *u*-основ мужского рода с колонным ударением на корне) имеет в славянском три рефlekса – а. п. *a*, *b* и *d*. Новые данные, подтверждающие реконструкцию а. п. *d* у *o*- и *u*-основ мужского рода, приводятся ниже в настоящей статье.

²⁴ По-видимому, часть рецессивных *o*-основ среднего рода в славянском оформилась вторичной доминантной «темой» *-q*-. В результате морфонологической перестройки основы ⟨*reŋ-q*⟩ ⇒ ⟨*reŋ-o*⟩ = *rěŋo (> *reŋò) и т. д. возникли парадоксальные соответствия слав. *rěŋo а. п. *b* ⇔ лит. *spārnas* а. п. 4; **dŕ(b)no* а. п. *b* ⇔ лит. *dūgnas* а. п. 4; *gnězdō а. п. *b* ⇔ лит. *līdzas* а. п. 4. Отождествление позднеславянской диалектной окситонезы в *reŋò < *rěŋo — с греческой окситонезой в πτερόν; *gŕŋnò < *gŕŋno – с древнеиндийской окситонезой в *ghṛṇá-s* (= слав. *gŕŋbŕ а. п. *c*) ошибочно, ср. [ИАБС: 120–121].

Таблица 6

и.-е. ²⁵	слав. о- и и-осн. ²⁶	литовский (и латышский)	герм. (+ латг.)	греч.	др.-инд.
Первичные основы (с «темами» -o-, -u-, -i-) «Высокотональные» основы ROOT ₊					
*b _h eh ₂ ǵhu- 'arm'				πῆχυς	bāhús
*b _h eb _h rtu- 'beaver'	*bǫbrъ D (и-осн.)	лит. <i>bėbras</i> 2			<i>babhrús</i>
*g _o /endharwǫ- 'a deity'				κένταυρος	<i>gandharvás</i>
*h ₃ enǵo- 'hook'		лит. <i>vėšas</i> 2		ῥυκος	<i>añkás</i>
*k _{er} mbho- 'a k. of small mammal'				κίραφος	<i>śar-abhás</i>
*k[ǫ]nkHǫ- 'shell'					<i>śañkhás, -m</i>
*k[ǫ]nkǫ- 'branch'	*sǫkъ D (и-осн.)		*xápxuz	κόγγος	<i>śankús</i>
*k _{and} ǫǫ- 'cavity'				κάνδαλοι	<i>kandarás, -m</i>
*k ^{ss} ǫk ^{ss} ǫ-/k ^{ss} ǫk ^{ss} ǫ- 'wheel'		лит. <i>kāklas</i> 4 < 2 ²⁷		κύκλος	<i>śakrám</i>
*k _{um} b(h)ǫ- 'cup'	*kǫbъ A			κύβος	<i>kumbhás</i>

²⁵ Диакритиками   и   , обозначаются рецессивная и доминантная валентности.

²⁶ В славянской реконструкции диакритикой   здесь и далее обозначается интонация формы ном. sg. а. п. *d* – независимо от ее интерпретации. Обоснование реконструкции большинства основ а. п. *d*, приводимых в таблице, приводится ниже в настоящей статье.

²⁷ 2-я а. п. отражена в *kákú* (2×) в Библии 1755 г. [Дыбо 2011б].

и.-е.	слав. <i>о-</i> и <i>и-</i> осн.	литовский (и латышский)	герм. (+ лат.)	греч.	др.-инд.
*m ₃ q ₃ - 'brain'	*m ₃ zgr̥ D (<i>о-</i> осн.)				иран. *mazgās
*p ₁ elēk ₁ - 'axe'				πέλεκυς	<i>parasáis</i>
*st ₁ p ₁ r̥ ₁ - 'tuft of hair'				στύλος	<i>stúpás</i>
*tk ₁ ye ₁ h ₁ n ₁ -/tk ₁ h ₁ n ₁ - 'bird of prey'				ἰκτίνοϋς	<i>suēnás</i>
*ud ₁ r̥ ₁ - 'otter'		[лит. <i>údras</i> 3, лтш. <i>údr̥s</i> ²⁸]		ἕδρος ²⁹	<i>udrás</i>

Основы со структурой ROQTU

*dhw ₁ rtH ₁ - 'doorway'	*d ₁ w ₁ rt̥ B (<i>о-</i> осн.)	лит. <i>dvāras</i> 2			<i>dvāram</i> (с черг. <i>d-</i> вместо *dh-)
*g ₁ h ₁ en ₁ - 'jaw'				γένυϋς	<i>hānus</i>
*h ₁ ek ^w ₁ - 'horse'				ἵπλοϋς	<i>ásvas</i>
*h ₂ rtk ₁ - 'bear'				ἄρκτοϋς	<i>ḥkzas</i>
*h ₃ ems ₁ - 'shoulder'				ᾠμοϋς	<i>āmsas</i>
*k ₁ er̥dh ₁ - 'train'	*č ₁ er̥d̥ B /*č ₁ er̥d̥ B (<i>о-</i> осн.)				<i>sārdhas</i>

²⁸ По-видимому, в восточнобалтийском валентность корня изменена в результате контаминации с *w₃d₁-/*č₁d₁- 'water'. Этимологическая связь и.-е. *č₁rt₁- с *w₃d₁- 'вода', вероятно, вторична в свете внешнего сравнения, ср. порк. *utif 'выдра' > чуваш. *ýdǎr*, якут. *it̥*, которое не является ни и.-е. заимствованием, ни производным от 'воды'. Ср. слав. *y₁d₁-а. п. а = лит. *údr̥-ta* а. п. 1 = греч. ἕδρ-*ā* < *č₁dr̥-č₁z₁-.

²⁹ Гр. ἕδρος m. 'water-snake, Coluber natrix' (Hom.+); 'a small water-animal (= φαλάγγιον от σαῦρος)' (Artem.).

*k[ɔ]w[ɔ]ndhō- /*k ₁ w ₁ ndhō- 'ladle'				кῦθη-ς	kávanthas, -m
*swēk ^w rō- 'wife's father'	*svékъ D (o-осн.)		*swéxuraz	[ἐκυρός]	śvāsūras
*t ₁ no- 'thorn'	*tъnъ B (o-осн.)				t ₁ ṇam
*wōlō- 'horse hair'		лит. vālas 2			vālas
*w[ɔ]l[ɔ]kō- 'hair'	*vōlsъ D (o-осн.)				vālsas
*wōnH/w ₁ n ₁ ō- 'outside'	*vъnъ B (o-осн.)				vānam

Основы с альтернативной реконструкцией ROQT₊ или ROQT₊

*ǵ(h)ōrdō- ~ *ǵ(h)ōrdō- 'drier' ³⁰	*zōrdъ A (o-осн.?)	лит. žárđas 1, лит. žārdis			
*grōdō- ~ *grōdō- > балто-слав. *grōdō- 'hail'	*grāđъ A (o-осн.?)	лит. grūđas 3 < l?, ср. adj. grūđotas 1			
*kērh ₂ mō- ~ *kērh ₂ mō- 'clay'		лит. šármas 3 < 1, лит. šārms		κέραμος	
*k ^(w) ēmō- ~ k ^(w) ēmō- 'kind of vessel'	*cēpъ B (o-осн.)			κέρνον	

³⁰ Балто-слав. основа. Сомнительно родство с «кентумным» и.-е. *ǵhōrdhō- 'огороженный участок, загородка' > лит. *gārđas*, слав. *ǵōrdъ а. п. d.

и.-с.	слав. о- и и-осн.	литовский (и лагышский)	герм. (+ лит.)	греч.	др.-инд.
*kōrbhō- ~ *kōrbhō- 'kind of basket'	*kōrbъ D (о-осн.)	лит. <i>karbas</i> 4 < 2?			
*k ^w erpō- ~ *k ^w erpō- 'vessel, skull'	*ĕęrpъ D (о-осн.)		*xwérfaz		
*lĕh ₁ tō- ~ *lĕh ₁ tō- 'summer, spring'	*lĕto A (о-осн.)		*lōḡa		
*līnō- ~ *līnō- 'linen'	*līnъ D / *līnъ B (о-осн.)	лит. <i>linai</i> 4 < 2?		λίνον	
*lōpō- ~ *lōpō- 'leaf'		лит. <i>lāpas</i> 2		λόπος	
*m[ō]lyō- ~ *m[ō]lyō- 'basket, bag'	*mĕхъ D (о-осн.)		*máisaz		
*mūšō- ~ *mūšō- 'moss'	*mĕхъ D / *mĕхъ B (о-осн.)		*mūsa		
*našy- ~ *našy- 'nose'	*nōsъ D (и-осн. ?)		*násuz		
*rĕkū- ~ *rĕkū- 'cattle'		лит. <i>rėkus</i> 2	*fėxu		<i>pásu</i>
*p[ō]rkō- ~ *p[ō]rkō- 'pig'		лит. <i>paĩšas</i> 2	*fār haz		
*rōgō- ~ *r[ō]gō- 'horn'	*rōgъ D (о-осн.)	лит. <i>rāgas</i> 2			
*sūHrō- ~ *sūHrō- 'sour'		лит. <i>sūras</i> , лит. <i>sūrs</i> (adj.)	*sūra- (adj.)		

*t _ɛ h ₂ m(m)ǫ- ~ *t _ɛ h ₂ m(m)ǫ- 'dwelling'	* (s)ǫtǣtmь D /* (s)ǫtǣtmь B (o-осн.)			pl. t. τέραμνα, τέρεμνα	
*w _ɛ ǫ(s)k ^w ǣǫ- ~ *w _ɛ ǫ(s)k ^w ǣǫ- 'evening'	*vėčėgь D (o-осн.)	лит. vėkaras 1		žspėros	
*w _ɔ ǫkskǫ- ~ *w _ɔ ǫkskǫ- 'wax'	*võskь D / *võskь B (o-осн.)	лит. vėškas 2			
*w _ɪ sǫ ~ *w _ɪ sǫ- 'top'	*vьǫхь D / *vьǫхь B (u-осн.)	лит. vėšius 2			

«Низкотональные» основы

*d _e ywo- 'deity'		лит. diėvas 4			dėvās
*dhr̥wǫghǫ- 'comrade'	*drūgь C (o-осн.)	лит. draiģas 4			
*h ₂ ǣl̥u- 'ale'	*ǫl̥ь C? (u-осн.)		*alūθ		
*h ₃ ngǫghǫ- 'nail'		лит. nāģas 4			nakhām (с перег. -kh-)
*k _ɛ h ₂ wlǫ- 'tube'		лит. kául̥as 1, лтш. kaul̥s (генерализация ак- цента форм с оття- нутым ударением)		καυλός	
*k _ɔ l̥(ə)h ₃ nǫ- 'hill'		лит. káhn̥as 3, лтш. kain̥s		κωνός	иран. *karmá-, судя по dim. *kármaка > афр. kármaу 'stone'
*k ^w ǣh ₂ ǫ- 'mud'	*kál̥ь C (o-осн.)			πηλός	

и.-е.	слав. о- и и-осн.	литовский (и латышский)	герм. (+ лат.)	греч.	др.-инд.
* <i>ǵedhu-</i> 'ice'	*ǵedъ С (и-осн.)	лит. <i>ledūs</i> 4			
* <i>ǵwbō-</i> > балто-слав. * <i>ǵwbō-</i> 'bast'	*ǵwbъ С (о-осн.)	лит. <i>liobas</i> 3, лтш. <i>liūbs</i>			
* <i>ǵHnkō-</i> , * <i>ǵHnkō-</i> 'bast'	*ǵko А (с оттянутым ударением)	лит. <i>lūnkas</i> 1 (с оттянутым ударением); лтш. <i>lūks</i>			
* <i>m̥msō-</i> 'meat'	*m̥so С (о-осн.)		* <i>mimzā</i>		<i>mānsām</i>
* <i>m̥ǵysō-</i> 'feil'	*m̥xъ С (о-осн.)				<i>mēsās</i>
* <i>m̥edhu-</i> 'honey'	*m̥edъ С (и-осн.)	лит. <i>medūs</i> 4		μέθυ	<i>mādhu</i>
* <i>p̥ēdō-</i> 'bottom'		лит. <i>pėdas</i> 3/1, лтш. <i>pėds</i>		πῆδον	
* <i>p̥uHrō-</i> 'gramineous plant'	*p̥rūtъ А (о-осн.) (генерализация акцента форм с оттянутым ударением)	лит. pl. <i>pūrai</i> 231 (генерализация акцента форм с метатонией)		πῦρος	
* <i>st̥embhō-</i> ; * <i>st̥embō-</i> > балто-слав. * <i>st̥embō-</i> 'stalk, twig'		лит. <i>stambas</i> 4 / <i>stāmbas</i> 3			<i>stambhās</i>
* <i>swōk̥^wō-</i> 'sap'	*sōkъ С (о-осн.)	лит. <i>sakaĩ</i> 4		ὄπτος	
* <i>tōrkū-</i> '(driving) belt'	*torkъ С? (и-осн.?)				<i>tarkūṣ</i>

³¹ В случае диалектных колебаний основы с краткостью/циркумфлексом между неподвижной (2-й) и подвижной (4-й) парадигмами в качестве общелитовского выбирается непродуктивный неподвижный тип.

*t _o w(H)k _o - 'fat'	*tūlkъ C? (o-осн.)	лит. <i>taukaĩ</i> 4			
*(s)trgsdhd _o - 'thrush'	*drōzdъ C? (o-осн.)	лит. <i>strāzdas</i> 4		отρουθός	
*weh ₂ k _o - 'lid'	*vėko A (o-осн.)	лит. <i>vokas</i> 1, лтш. <i>vāks</i>			
*wiHro- 'man'		лит. <i>vīras</i> 1, лтш. <i>vīrs</i>	(лат. <i>vīr</i>)		<i>vīrās</i>
*w _l k _o -/*w _l k _o - ³² 'wolf'	*vǫlkъ C (o-осн.) < *w _l k _o -	лит. <i>vīlkas</i> 4 < *w _l k _o -		λόκος < *w _l k _o - < *w _l k _o -	<i>vīrkas</i> < *w _l k _o - < *w _l k _o -
*yug-o-; *yū-n-g-o- > балто-слав. *yūng-o- 'yoke'		лит. <i>jūngas</i> 3/1, лтш. <i>jūgs</i>		ζυγόν	<i>yugām</i>

Деривативы³³

Деривативы: ROOT+SUFF

*h ₁ en/h ₁ on-(e)t- _o - 'entails'	(*ǫtr+o B, *ǫtr+a pl. B, o-осн.)		*enθrō n. pl.	ἔντερον	<i>āntrām</i> (с удлинением)
--	-------------------------------------	--	---------------	---------	---------------------------------

³² В балто-славянском рефлекс с по-видимому исходной рецессивной «темой»; в греческом и древнеиндийском доминантная «тема», как в «помина актива».

³³ В разделе «деривативы» даны 1) любые деривативы и 2) суффиксальные деноминативы, кроме «тематических» с нейтральными по значению суффиксами *-o*-, *-u*-, *-i*-, которые приведены в разделе «именные основы». В приводимых ниже деривативах семантически противопоставлены деривативы с *-o*- «помина актива» деривативам с *-o*- «помина passiva». Прикорневые субстантивные *-tro/-plo*-, *-to*-, *-sto*-, *-yo*-, *-lo/-ni*- — как правило «плюсовые», тогда как *-to*-, *-lo*- — как правило «минусовые». Так как семантика деривативов зачастую определяется значениями корней в конкретных группах языков, реконструкция индоевропейского значения условна.

и.-е.	слав. о- и и-осн.	литовский (и латышский)	герм. (+ лат.)	греч.	др.-инд.
*ke _h ₂l-sto- 'firewood'				κάστον ³⁴	kāṣṭhām ³⁵
*poys-to- 'pestle'	*pěštъ, *pěst+o B (о-осн.)	лит. piėstas 2			
*po ₊ -o- 'ford'				πόρος ³⁶	pāras, -m ³⁷
*p ₊ -sth₂-o- 'up'	*přstъ D / *přstъ B (о-осн.)	лит. piřstas 2			piṣṭhām
*t ₊ H-to- 'bridge'		лит. tilias 1, лтш. tilis			tū-thām

Деривативы: ROO₊+SU_{FF}

*bhrōdh-o- 'wade'	*brōbъ D (о-осн.)	лит. brādas 2			
*dhuH-mo- 'smoke' ³⁸	*dūmъ A (о-осн.)	лит. dūmai 1, лтш. dūmi	(лат. fūmus)	[θυμός < *dhuH-mo-ʃ]	[dhīmās < *dhuH-mo-ʃ]
*g _h ombh-o- 'tooth'	*zōbъ D (о-осн.)	лит. žambas 2		γόμφος	jambhas
*gōn-o- 'birth'				γόνος	jānas
*ghrōbh-o- 'sth. raked, dug'	*grōbъ D / *grōbъ B (о-осн.)	лит. grābas 2 (< слав. ?)			

³⁴ Греч. κάστον = ξύλον (Athaman.), Hsch.

³⁵ Др.-инд. kāṣṭhām 'a piece of wood or timber, stick'.

³⁶ Греч. πόρος m 'ford, ferry, narrow part of the sea, strait; way or means of achieving, accomplishing, discovering, etc.'.

³⁷ Др.-инд. pāras, -m 'the further bank, the opposite side'.

³⁸ Балто-слав. неподвижная а. п. и сохранение долготы в лат. fūmus соответствуют доминантной валентности корня, определяемой по а. п. слав. *dūti, *dūjo. Окситонеза греч. и др.-инд. основ, образованных с помощью рецессивного суффикса -mo-, возможно, указывает на греко-арийскую рецессивность рефлекса и.-е. *d_hewH-.

*g _h r̥ōndh-ǝ- 'range'	*gr̥ōdъ B (o-осн.)	лит. <i>grāndas</i> 2			
*h ₂ ǝǵ-mǝ- 'march'				ῥυμος ³⁹	<i>ájmas</i> ⁴⁰
*(s)kǝur-ǝ- 'sth. split'	*сѣръ D / *сѣръ B (o-осн.)			σκόιπτος	
*lǝnk-ǝ- 'sth. bent'	*lǝkъ D (?) (o-осн.)	лит. <i>lañkas</i> 2			
*pǝHs-mǝ- 'sth. strained'	*rǝsmo A (o-осн.)	лтш. <i>ruðsms</i>			
*snǝg ^w h-ǝ- 'snow'	*snǝgъ D (o-осн.)	лит. <i>sniēgas</i> 2			
*stǝl-ǝ- 'sth. spread'	*stǝlъ B (o-осн.)				<i>sthálam</i>
*tǝH-lǝ- 'sth. swollen'	*tǝlъ A, *tǝlo A (o-осн.)				<i>tálam</i>
*wǝyk-ǝ- 'strength'	*vǝkъ D (o-осн.)	лит. <i>viēkas</i> 2			

Деривативы: ROOT+SUFF

*g _l ǝyH-stǝ- >	*gl̃stъ B (o-осн.)	лит. <i>glaištas</i> 2			
*g _l ǝyHstǝ- 'sth. slippery'					
*g ^w ǝ ₁ -tǝ- >					
*g ^w ǝ ₃ -tǝ- 'bed'		лит. <i>gúltas</i> 1		*kúltaz	

³⁹ Греч. ῥυμος 'furrow in ploughing; strip of cultivated land'.

⁴⁰ Др.-инд. *ájmas* 'career, march'.

и.-с.	слав. <i>о-</i> и <i>и-</i> осн.	литовский (и латышский)	герм. (+ лат.)	греч.	др.-инд.
*g ^w erh ₃ -TR _q -, *g ^w h ₃ -TR _q - > *g ^w erh ₃ TR _o -, *g ^w h ₃ TR _o -, coll. *g ^w erh ₃ -TRoh ₂ -, *g ^w h ₃ -TRoh ₂ -, gullet'	*žėĩdlo, *žėĩdlo B (/ *žėĩrdlo A с генерализацией ударения пом.-асс. pl. *g ^w h ₃ -tl-eh ₂)	лит. <i>gĩrĩklai</i> 1 (генерализация ударения пом.-асс. pl. *g ^w h ₃ -tl-eh ₂)		βάραθρον	
*h ₂ erh ₃ -TR _q - > *h ₂ erh ₃ TR _o -, coll. *h ₂ erh ₃ -TRoh ₂ 'plow'		лит. <i>ārklas, ārklai</i> 1 (с генерализацией акцента пом.-асс. pl. *h ₂ erh ₃ -tl-eh ₂)		άρστρον	
*k _o r-t _q - > *k _o r-to- (~ *k _o r-t _q -?) 'step'	*kõŗtъ B (o-осн.)	лит. <i>kaŗtas</i> 2			
*mēdh-yo- > *mēdhyo- 'middle'		лит. <i>mēdis/mēdžias</i> 2		μέσoν	<i>mādhya</i>
*po-dhhi- _q - > *podhhi _o - 'bottom'	*põđъ B (o-осн.)	лит. <i>pãđtas</i> 2			
*say-t _q - > *sayto- 'tie'	*sĩŗtъ D / *sĩŗtъ B (o-осн.)	лит. <i>siŗtas</i> 2	*sáiθa		
*skeyH-t _q - > *skeyHto- 'sth. split'	*šćĩŗtъ B (/ *šćĩŗtъ A) (o-осн.)	лит. <i>skėĩetas</i> 2 (/ лтш. <i>škiėĩs</i> < *skeyH-t _q -? a verbal substantive)	(*skĩđá < *skeyH-t _q -, a verbal adjective)		
*sl _o yd- _u - > балто-слав. *sl _o ydu- 'sth. smooth'	*slěŗtъ D (u-осн.)	литш. <i>slaiđas</i> adj. < *sl _o yd- _u -)			

*steh ₂ -nū ₊ , *steh ₂ -nŋ ₊ > *steh ₂ -nū ₊ , *steh ₂ -nŋ ₊ 'post'	*stānъ D (и-осн.)	лит. <i>stānas</i> 2 (/ <i>stānas</i> 1 – генерализация акцента ном.-асс. pl. *steh ₂ -nŋh ₂)		<i>stānam</i>
*swop-n-yŋ ₊ > *swopnyŋ ₊ 'sleep'		лит. <i>sāpnis</i> 2		<i>svāpnyam</i>
*tmb ₂ -TRŋ ₊ > *tmb ₂ -TRŋ ₊ 'stretching'		лит. <i>tin̄klas</i> 2, лтш. <i>tikls</i> (с метатонией)		<i>tāntram</i>
*wŋgh-ŋ ₊ > *wŋghŋ ₊ 'cart'	*vŋzъ D (o-осн.)		Фѡχοι	<i>vāhas</i>

Деривативы: ROOT+SUFF

*bhŋyh ₁ -sŋ ₊ 'evil spirit'	*bēsъ C (o-осн.)	лит. <i>baišas</i> 4		
*dhew-sŋ ₊ 'spirit'	*dūxъ C (o-осн.)		*deuzá	
*g ^w h ₁ -nŋ ₊ 'forge'	*gъmъ C (o-осн.)			<i>ghr̄nās</i>
*gol-sŋ ₊ 'call'	*gŋlsъ C (o-осн.)		*kalzá	
*h ₂ ŋw-yŋ ₊ 'egg'	*āje C (o-осн.)			ωϊόν
*klew-sŋ ₊ 'hearing'	*slūxъ C (o-осн.)		*xliuzá	
*(s)klok-ŋ ₊ 'slush'		лит. <i>šlākas</i> 4	*slagá	
*kwŋyt-ŋ ₊ 'light'	*svētъ C (o-осн.)			<i>svētá-</i> (adj.)

и.-е.	слав. <i>о-</i> и <i>и-</i> осн.	литовский (и латышский)	герм. (+ лат.)	греч.	др.-инд.
*kr̥h ₁ s-l̥o- 'chair'	*kr̥slo A (генерализация акцента форм с оття- нутым ударением)	лит. <i>krėslo</i> 1 (генерализация ак- цента форм с оття- нутым ударением), лтш. <i>krēsls</i>			
*krow-yo- 'bloody meat'		лит. <i>kraujas</i> 4			<i>kraujām</i>
*ksu-r̥o- 'razor'				ξυρό-ν	<i>ksurás</i>
*l̥owǵ-o- > балто- слав. *l̥owǵ-o- 'sth. broken'		лит. <i>laužas</i> 3, лтш. <i>laužs</i>			<i>lōgás</i> (с черег. -g-)
*l̥oyk ^w -o- 'sth. left'		лит. <i>laikás</i> 4		λοπόν	
*h ₁ mbh-r̥o- 'foam'				ἀφρός ⁴¹	<i>abhrás, -m</i> ⁴²
*H ₂ gl̥p-yo- 'bird of prey'				αἰψός	<i>ǵiprás</i>
*meugh-o- 'blink'	*mǵь C (<i>о</i> -осн.)	лит. <i>mižgas</i> 4			<i>mēghás</i>
*mo _h 1-yo- 'degree'	*mǵь C (<i>и</i> -осн.)	лтш. <i>miērs</i>			
*ni-sd-o- 'nest'	[*gn̥ždo B, вторич- ная <i>o</i> -основа ср. р.]	лит. <i>lizdas</i> 4			<i>niḍām, -s</i>

41 Греч. ἀφρός 'foam, slaver, froth'.

42 Др.-инд. *abhrás, -m* 'cloud, rainy weather; sky, atmosphere'.

**ОСНОВАНИЯ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ОСОБОГО ВАРИАНТА
НЕПОДВИЖНОЙ А. П. (А. П. *D*) У СЛАВЯНСКИХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
С *o*- И *u*-ОСНОВАМИ МУЖСКОГО РОДА**

В. М. Иллич-Свитыч показал, что подвижная а. п. *c* вторично заменила неподвижную а. п. *b* у *o*-основ м. р. в большинстве славянских языков, однако отметил, что в чакавских говорах о. Сусак и Истрии⁴³ сохраняются следы неподвижной а. п. [ИАБС: 118–119]. «В говоре о. Суска ряд *-o*-основ мужского рода (представляющих подвижную а. п. во всех сербохорватских говорах) имеет необычную акцентуационную а. п. с окситонезой в косвенных падежах единственного числа ⟨...⟩ Как правило, такая акцентуация обнаруживается у имен, имеющих баритонированные соответствия в других индоевропейских языках» [ИАБС: 119]. После выхода в свет книги В. М. Иллич-Свитыча было установлено, что «смешанная» а. п. *o*-основ (а также исконных *u*-основ) м. р. была характерна не только для говора о. Сусак (система, представленная в написанной М. Храсте части описания говора – см. [ННГ], а также в [Shrager 2011]), но и первоначально для говора с. Сали (на о. Дуги Оток – запись Е. Э. Будовской).

Протосистема северночакавской группы, реконструируемая при сравнении акцентуации говоров о. Сусак и с. Сали, содержала четыре акцентных типа – *A*, *B*, *C* и *D*, продолжающих праславянские акцентные кривые существительных а. п. *a*, *b*, *c* и *d*. В говоре о. Сусак (согласно описанию М. Храсте) присутствует оппозиция ударных и предударных гласных по долготе и фонологические тоны на долгих гласных под ударением. В говоре переселенцев с о. Сусак в Нью-Джерси старые интонации совпали в нисходящих (ˆ, ˝); удлинённые гласные (а также гласные с оттянутым ударением?) имеют долгую восходящую интонацию ~ [Shrager 2011]. В говоре с. Сали (согласно описанию Е. Э. Будовской) фонологических тонов нет; фонологически краткие гласные в односложных формах спорадически удлиняются и нейтрализуются с соответствующими долгими гласными; устойчива фонологическая оппозиция долготы/краткости предударных гласных.

Акц. тип *A* (неподвижное ударение на корне, восходящее к «старому акуту»): Сали *brat/brāt*, gen. *brāta*, pl. *brāti*, Сусак *brät*, gen. *brāta*; Сали

⁴³ Система чакавского говора о. Истрии, родственного говорам о. Сусак и с. Сали, «вычленяется» из коллекции разнообразных форм, приведенных Неманичем [Nemanić 1883], однако использовать этот неоднородный материал для реконструкции не представляется возможным.

čas, gen. *časa*; Сали *dim*, gen. *dīma*; Сали *grah*/*grāh*, gen. *grāha*; Сали *krūh*, gen. *krūha*; Сали *kup*/*kūp*, gen. *kūpa*, pl. *kūpi* и т. д.⁴⁴

Акц. тип *B* (рефлекс неоакута в ном.-асс. sg., окситонеза косвенных падежей): Сали *bōb*/*bob*, gen. *bobā*, Сусак *bōp*, gen. *bobā*; Сали *čep*/*čēp*, gen. *čepā*, pl. *čepi*; Сали *dēl*, gen. *dēlā*, pl. *dēli*, Сусак *dēl*, gen. *dēlā*, pl. *dēli*; Сали *pōd*, gen. *podā*, pl. *podī*, Сусак *pōt*, gen. *podā*, pl. *pōdi* (*/pōdi/* с неясной баритонезой) и т. д.

Акц. тип *C* (рефлексy форм-энклиноменов в ном.-асс., dat. и instr. sg. и ном.-асс. pl.): Сусак *b^uōχ*, gen. *bōga*, Сали *bōg*, gen. *bōga*; Сусак *mⁱēt*, gen. *mēda*, Сали *mēd*, gen. *mēda*; Сусак *r^uōt*, gen. *rōda*, Сали *rōd*, gen. *rōda*; Сусак *χ^uōt*, gen. *χōda*, Сали *hōd*, gen. *hōda*; Сусак *ylās*, gen. *ylāsa*, pl. **ylāsi*⁴⁵, Сали *glās*, gen. *glāsa*; Сусак *kūm*, gen. *kūma*, pl. **kūmi*, Сали *kūm*, gen. *kūma*, pl. *kūmi*; Сусак *smrāt*, gen. *smrāda*, Сали *smrād*, gen. *smrāda*; Сусак *srām*, gen. *srāma*, Сали *srām*, gen. *srāma*; Сали *sīn*, gen. *sīna*, pl. *sīni* и т. д.

Акц. тип *D* (рефлексy форм-энклиноменов в ном., асс. sg. и pl., окситонированные формы косвенных падежей). В полупарадигме ед. ч. архаичное состояние представлено в говоре о. Сусак согласно описанию М. Храсте: рефлексy форм-энклиноменов с нисходящей интонацией в ном.-асс. sg. и ном.-асс. pl.⁴⁶ при окситонированных косвенных формах. В говоре Сали, вследствие утраты интонационных и разрушения количественных оппозиций, акцентология слов а. т. *D* практически неотличима от а. т. *B*. В отличие от Суска, формы ном., асс. pl. в говоре Сали обычно имеют нафлекссионное ударение:

Сусак *b^uōk*, gen. *bokā*, pl. *bōci*; Сали *bōk*, gen. *bokā*, pl. *boci*; Сусак *brūs*, gen. *brūsā*, pl. *brūsi*, Сали *brūs*, gen. *brūsā*, pl. *brūsi*; Сусак *yrāt*, gen. *yrādā*, pl. *yrādi*, Сали *grād*, gen. *grādā*, pl. *grādi*; Сали *līst*, gen. *līstā*, pl. *līsti*, Сусак *līst*, gen. *līstā*, pl. *līsti*; Сусак *pl^uōt*, gen. *plotā*, pl. *plōti*, Сали

⁴⁴ Подавляющее большинство форм из сербохорватских диалектов, используемых в настоящей статье, документировано в словарных статьях [АССЯ] и ниже в разделе «Рефлексy а. п. c, d и b о- и u-основ мужского рода в карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах». Документация остальных форм содержится в Материалах Акцентологического словаря славянских языков (картотека, хранящаяся в Отделе славянского языкознания Института славяноведения РАН).

⁴⁵ Под звездочкой приводятся формы, реконструируемые на основании описания.

⁴⁶ Неясно, унаследованы ли баритонированные (энклиноменные) формы ном.-асс. pl. в говорах Суска и Сали из «протосистемы», в которой асс. pl. -y < *-ons, *-uns продуцировал «метатонию», аналогичную той, которая происходила в ном. (и по аналогии с ним в асс.) sg., или они возникли по аналогии с формами ном.-асс. sg.

plōt, gen. *plotà*, pl. *plōti*; Сусак *r^uōχ*, gen. *royà*, pl. *ròzi*, Сали *rōg*, gen. *rogà*, pl. *ròzi*; Сусак *sât*, gen. *sādà*, pl. **sādi*; Сусак *vrât*, gen. *vrâtà*, pl. **vrâti*, Сали *vrât*, gen. *vrâtà*, pl. *vrâti/vrâti*; Сусак *χlât*, gen. *χlādà*, Сали *xlād*, gen. *xlādà* и т. д.

В обоих говорах часть слов а. п. *d* перешла в а. т. *C*, по-видимому, в результате выравнивания акц. кривой по формам пом. и асс. В основном переходе из типа *D* (Сали > *B*) в тип *C* подверглись долгосложные основы: *рогъх (Сусак *C*, Сали *B*), *sněгъ (Сусак *C*, Сали *B*), *zqъbъ (Сусак *D*, Сали *C*), *sadъ (Сусак *D*, Сали *C*). В говоре Сали в а. т. *C* переходят и долгосложные слова а. п. *b*, напр., gen. *grīxa* (наряду с *grixà*), *plāšt'a*, *sūda*, *strūka* (наряду со *strūkà*). На том же о. Дуги Оток, где расположено с. Сали, находится с. Кали (зап. Е. Э. Будовской) с говором, в котором наблюдается «стандартное» чакавское совпадение рефлексов а. п. *c* и *d* в акц. типе *C*.

Рефлексы «смешанной» акцентной парадигмы, аналогичной северно-чакавской, сохраняются в северной части косовско-ресавских говоров – в диалектной области Левач [Симић 1972; 1980]; в говорах Рачи [Павловић 1982], Грузии [Стевовић 1962], Трстеника [Јовић 1968]⁴⁷. В [АССЯ: 100–104] эти говоры условно названы «ресавскими». В этих восточноштокавских говорах иктус, оттянутый с ауслатных кратких гласных на предшествующие краткие, представлен кратким нисходящим ударением, не отличающимся от ударения в краткосложных энклиноменах (*gròba* < *gròbà как *gòda*). Окситонированные формы ед. ч. сохраняются при долготных окончаниях, напр. в instr. sg. – Трст. *nòn*, gen. *nòna* ~ instr. *nonèm*. В долгосложных основах (а также в праславянских краткосложных основах с вторичным удлинением) исконные окситонированные формы имеют новоштокавский вид с восходящим ударением, отличаясь таким образом от исконно баритонированных форм-энклиноменов с долгим нисходящим ударением.

Праслав. а. п. *a* и *c* (*o*- и *u*-основ) имеют «тривиальные» рефлексы соответственно в виде а. т. *A* и *C*.

А. п. *a* > а. т. *A*: Лев., Трст. *brām*, gen. *brāta*; Лев. *dèd, gen. *dèda*; *dīm*, gen. *dīma*; *grād*, gen. *grāda* и т. п.

А. п. *c* > а. т. *C*, краткосложные: *dòm*, gen. *dòma*, Трст. *dòm*, Рача *dòm*, gen. *dòma*; Рача *lèd*, gen. *lèda*, Трст. *lèd*; Лев. *lòv*, gen. *lòva*, Трст. *lòv*, gen. *lòva/lòva*; Рача *mèd*, gen. *mèda*; Лев. *ròd*, gen. *ròda*; *ròk*, gen. *ròka*;

⁴⁷ Следы этой же системы рефлексов обнаруживаются в говорах Обади [Симић 1978] и Горобиле [Николић 1972].

сѡк, ген. *сѡка* (в Раче вторично *сѡк*, ген. *сѡка*); Рача *ѡд*, ген. *ѡда* (вторичное удлинение) и т. д. Долгосложные: Лев., Трст. *дрѹг*, ген. *дрѹга*; Лев., Трст. *глас*, ген. *гласа*; Лев. *мѹр*, ген. *мѹра*; *мѹс*, ген. *мѹса*; *рѹс*, ген. *рѹста*; *срѹм*, ген. *срѹма*; Лев., Трст. *свѣт*, ген. *свѣта*; Лев. *сврѹб*, ген. *сврѹба*; *сѹн*, ген. *сѹна* и т. д.

В основах праслав. а. п. *b* в пом.-асс. sg. присутствует рефлекс неоакута, в прочих падежах – рефлекс окситонезы (в том числе в пом.-асс. pl.), т. е. акц. тип *B*:

Краткосложные: Лев. *глѡг*, ген. *глѡга* (вторичное удлинение), Рача *глѡг*, ген. *глѡга*; Лев. *грѡб*, ген. *грѡба*, Трст. *грѡб*, Рача *грѡб*, ген. *грѡба*; Трст. *грѡз*, ген. *грѡзда*, Рача *грѡзд*, ген. *грѡзда* (вторичное удлинение); Лев. *лѡм*, ген. *лѡма*; Лев. *пѡн*, ген. *пѡна*, Трст. *пѡн*, ген. *пѡна*, instr. *пѡнѣм*, Рача *пѡн*, ген. *пѡна*; Лев., Рача *скѡт*, pl. *скѡтѡви*; Лев., Трст. *снѡп*, pl. *снѡпѡви*; Лев. *вѡд*, ген. *вѡда*; Лев. *вѡ* < *вѡо, ген. *вѡла* и др. Долгосложные: Рача *бѹт*, ген. *бѹта*; Лев. *дрѣн*, ген. *дрѣна*; *лѣк*, ген. *лѣка*; Лев. *прут*, ген. *прута*, Рача *прут*, ген. *прута*; Лев. *стѹп*, ген. *стѹпа*; Лев. *трн*, ген. *трна*, Рача *трн*, ген. *трна* и т. д.

Долгосложные *и-* и *о-*основы а. п. *d* имеют «смешанный» а. т. *D*, в котором окситонеза косвенных падежей ед. ч. чередуется с первоначальной формой-энклиноменом в пом. и асс. sg. и pl. Варианты форм косв. падежей с нисходящей интонацией, по-видимому, возникли под влиянием пом.-асс. sg. – иными словами, в результате вытеснения «смешанного» а. т. *D*, восходящего к а. п. *d*, в пользу типа *C*, восходящего к а. п. *c*: Трст. *брѣг*, ген. *брѣга*; Лев. *брк*, ген. *брка*, pl. *брци*, Трст. *брк*, ген. *брка*; Лев., Трст. *црѣп*, ген. *црѣпа*, Рача *црѣп*, ген. *црѣпа*; Лев. *чѹн*, ген. *чѹна*; Лев. *дѹг*, ген. *дѹга/дѹга*; Лев., Трст. *глюб*, ген. *глюбa/глюбa*; Лев. *град*, ген. *града/града*; Лев., Трст. *јаз*, ген. *јаза*; Лев. *кљѹн*, ген. *кљѹна*, Рача *кљѹн*, ген. *кљѹна*; Лев., Трст. *клѹс*, ген. *клѹса*; Лев., Трст. *крѹг*, ген. *крѹга*, Рача *крѹг*, ген. *крѹга/крѹга*; Лев. *кѹк*, ген. *кѹка*, Рача *кѹк*, ген. *кѹка*; Лев. *лѹс*, ген. *лѹста*; Лев. *мрѹк*, ген. *мрѹка*; Лев. *рѣд*, ген. *рѣда/рѣда*; Лев. *сѹд*, ген. *сѹда*; Лев. *снѣг*, ген. *снѣга*, Трст. *снѣг*, ген. *снѣга/снѣга*; Рача *срп*, ген. *српа*, Трст. *срп*, ген. *српа*; Лев. *вѣк*, ген. *вѣка/вѣка*, ср. Трст. энклиномен в асс. sg. (нареч.) *нѹ-век*; Лев., Трст. *зѹд*, ген. *зида*, Рача *зѹд*, ген. *зида/зида*; Лев., Рача *зѹб*, ген. *зѹба* и др.

Краткосложные *о-* и *и-*основы а. п. *d* в говоре Левача имеют рефлекссы, тождественные а. п. *c* (а. т. *C*): Лев. *ѡк*, ген. *ѡка*; *брѡд*, ген. *брѡда*; *крѡв*, ген. *крѡва*; *мѡст*, ген. *мѡста*; *нѡс*, ген. *нѡса*; *плѡд*, ген. *плѡда*; *рѡг*,

gen. *pòga*. Редкая фиксация instr. sg. в описаниях рассматриваемых говоров не позволяет установить, являются ли формы типа *бòка*, *плòда* морфологически баритонированными или окситонированными. Предположение, что краткосложные основы а. п. *d* первоначально имели окситонезу в косвенных падежах ед. ч. (= акц. тип *D*), подтверждается развитием ударения в краткосложных основах с вторичным удлинением: Рача *tòp*, gen. *tòpa*/*tòpa* (Лев. без удлинения: *tòp*, gen. *tòpa*); Лев. *вòз*, gen. *вòза* (наряду с *вòза*), Рача *вòз*, gen. *вòза*/*вòза*; Рача *бòр*, gen. *бòра*/*бòра*); Рача *пòс*, gen. *пòста* (Лев. *пòст*, gen. *пòста*, pl. *пòсти* без удлинения).

Аналогично чакавским говорам Суска и Сали, пом. и асс. pl. основ праслав. а. п. *d* – как правило, barytona с рефлексом циркумфлекса (как у основ а. т. *C*): Лев. *крòвови*, *мòстови*, *нòсови*, *плòддови*, *рòгови*, *тòрови*, Лев. *брци*, Рача *црèнови* (наряду с *црèнови*), Лев. *дўгови*, Рача *кљўнови* (наряду с *кљўнови*), Рача *крўгови*, Рача *кўкови*, Трст. *лїстови*, Лев. *рèдови*, Лев. *снèгови* Рача *ср̀нови*/*ср̀нови* (Трст. только *ср̀нови*), Лев., Трст. *зїдови*; Лев., Рача *зўби* и т. д.

В современном болгарском языке акцентные парадигмы отражаются в виде баритонированной или окситонированной формы с постпозитивным артиклем («членные формы», det.). Во всех болгарских диалектах окситонированные членные формы образуются от основ а. п. *c*, баритонированные – от основ а. п. *a* и *b*. Основы а. п. *d*, как правило, имеют баритонированную членную форму в западноболгарских говорах и окситонированную в восточных, что соответствует распределению акцентных типов в староболгарских рукописях (ортотонические формы ед. ч. в рукописях западной локализации и энклиномические в рукописях восточной локализации). В центральноболгарских говорах (включая стандартный болгарский язык) членные формы от основ а. п. *d* колеблются между окситонированными и баритонированными, см. [АССЯ: 123–134].

В архаичном варианте верхнелужицкого языка рефлекс окситонезы обнаруживаются в некоторых существительных а. п. *d* с корнями вида ToRT/TeRT, см. материал в [Дыбо 1963]. В других западнославянских языках долгосложные *и*-основы представлены лексическими парами, противопоставленными по долготе/краткости корневого гласного (см. в предыдущем разделе, с. 41).

В восточновеликорусских говорах (в том числе в литературном русском), имеющих «древневосточную» (ростово-суздальскую) диалектную

основу (см. [ОСА: 111; 157–158; Николаев 2011]), в том числе в русском литературном языке, *o*-основы а. п. *d* с односложным корнем, как правило, имеют окситонезу ном.-асс. pl. на *-ы* и *-а* < **-a* ном.-pl. dual. (*круѹи́, цветы́, рога́, бока́* и т. д. – исключения: *снеги́/снега́, зу́бы*); *o*-основы а. п. *c* имеют баритонезу или ее субститут в виде исконно собирательного ударного *-а* (*во́лки, слѹхи, леса́*); *u*-основы а. п. *c* и *d* имеют в ном.-асс. pl. окончание *-ы* под ударением (*меды́, сады́, носы́, следы́*). Многосложные (в том числе «полногласные») основы исконной а. п. *d* имеют баритонезу как в ед., так и в ном.-асс. мн. ч.: *го́род*, асс. *за́ город*, pl. *города́* (как субститут **го́роды* – старое собирательное *-а́* замещает в системах типа русской литературной только безударное *-ы/-и*)⁴⁸. О деталях отражения а. п. *d* в славянских языках см. [АССЯ: 95–145].

⁴⁸ Согласно [Тер-Аванесова 2011: 275], в пинежско-вйских говорах «конечноударные счетные формы существительных мужского рода с подвижным ударением можно рассматривать как застывшие словоформы окситонированного акцентного типа – рефлекса а. п. *d*». Из материала, приведенного в «Акцентологическом словарики» в конце статьи, можно заключить, что в пинежско-вйских говорах представлена стандартная восточнорусская система, в которой праслав. *o*-основы а. п. *d* с односложным корнем имеют баритонезу gen. sg. и окситонезу ном.-асс. pl.: gen. *бо́ка*, pl. *бока́*; gen. *до́лга*, pl. *долѹи́*; gen. *бро́да*, pl. *броды́/брода́*; gen. *бру́са*, pl. *брусы́*; gen. *гро́ба*, pl. *гробы́*; gen. *кру́га*, pl. *круѹи́*; gen. *по́ла*, pl. *по́лы*; gen. *ро́га*, pl. *рога́*. Пинежско-вйские нумеративы от слов м. р. *o*-, *u*- и *i*-основ имеют генерализованное окончание *-а*, восходящее к праслав. окончанию ном.-асс. du. **-a o*-основ. Нумеративы от слов этого класса, в отличие от русского литературного языка, бывают как баритонированными (с ударением gen. sg.), так и окситонированными (с ударением ном.-асс. pl.), в некоторых основах ударение колеблется: (*два*) *во́за, до́лга, ло́га; гро́ба/гроба́, кру́га/круга́, ро́га/рога́; (два) бока́, брода́, бру́са, по́ла*. У *o*-основ а. п. *d* с «полногласием» нумеративы с накоренным ударением: (*два*) *бе́рега, ко́роба*. От основ а. п. *c*: (*два*) *го́да* (gen. *го́да*, pl. *го́ды*), *ле́са* (gen. *ле́су*) – однако *раза́/ра́за* (gen. *ра́за*). Нумеративы (*два*) *листа́, плода́, стога́* соответствуют gen. sg. *листа́, *плода́* (instr. с *плодо́м*), *стога́*, они образованы от *o*- и *u*-основ а. п. *b* (в славянских языках колебания а. п. *b/d*, т. е. балто-слав. доминантных основ ср. и м. р. соответственно). Колебание в ударении нумеративов характерно также для *u*-основ а. п. *c* и *d*, имеющих в восточнорусских говорах (включая пинежско-вйские) конечное ударение в ном.-асс. pl. независимо от а. п. основы. Нумеративы от основ а. п. *c*: (*два*) *сы́на* (gen. *сы́на*, суплетивное pl. *сыновья́*), *ду́ба* (gen. *ду́ба*, pl. *дубы́*); от основ а. п. *d*: *носа́/но́са* (gen. *но́са*, pl. *носы́*); *следа́/сле́да* (gen. *сле́да*, pl. *следы́*); *редá* (gen. *ряда́*, pl. *реды́*). Вызывает сомнение, что пинежские окситонированные нумеративы продолжают акцентуацию дв. ч. а. п. *d*. Судя по вариативности и привязке к ударению ном.-асс. pl. (окситонированные нумеративы образуются только от слов, имеющих окситонированное мн. ч. независимо от а. п.), представляется вероятным вторичное проникновение окситонезы в нумеративы по аналогии с ном.-асс. pl. в русле тенденции к акцентному противопоставлению квазиомонимичных морфологических форм в подвижной а. п. (род. ед. ⇔ нумератив). В украинском языке нумеративы имеют общее

В. М. Иллич-Свитыч процитировал формы *rogá, snigá* из работы [Hanusz 1884]. В [ИАБС: 117] он счел украинские диалектные окситонированные формы *rogá, snigá, zubí* и др. вторичными, однако в примечании на с. 119 предположил, что «эти факты, может быть, указывают на существование окраинных украинских говоров с аналогичным (северночакавскому. – С. Н.) акцентуационным распределением». Анализ всего материала, записанного Й. Ганушем в ряде сел в окрестностях Станислава (нынешнего Ивано-Франковска – Kołodziejówka, Dobrowlany, Uziń, Podłuże, Wołczyniec), показал, что предположение В. М. Иллич-Свитыча было верно в отношении окситонез в формах ед. ч. Напротив, окситонированные формы им.(-вин.) п. мн. ч. (*zubí, вовкí* и т. п.), как правило, неинформативны для реконструкции а. п.

В восточнославянском диалектном континууме рефлексы смешанной акцентной парадигмы (с окситонированными падежными формами) в ед. ч. сохраняются 1) в карпатоукраинских, или галицких *sensu lato* (галицких, покутско-буковинских, гуцульских, палеогуцульских⁴⁹, марамо-

окончание с мн. ч., и эти формы противопоставлены по месту ударения в подвижной а. п.: *nis*, gen. *nósa*, num. (два) *nósi* ⇔ pl. *nosí*. Пинежско-вуйские окситонированные нумеративы от *i*-основ м. р. (старых *i*- и консонантных основ), как правило, повторяют акцентовку gen. sg.: gen. *kóctя*, num. (два) *kóctя*; gen. *móля*, num. (два) *móля* (NB: *mǫль а. п. *b*); gen. *kórнья/korńя*, num. *kórнья*; род. *grúzьдя/gruzьдя*, num. (два) *gruzьдя*; gen. *гуся*, num. (два) *гуся* (три *гуся*, видимо, соответствует незавидетельствованному gen. *гуся); gen. *локтя/лóктя*, num. (два) *локтя*; gen. *лося/*лóся* (судя по instr. *за лóсѣм*), num. (два) *лося/лóся*; gen. *ноктя/нóктя*, num. (два) *ноктя*. Находящееся под ударением пинежско-вуйское окончание *-á* gen. sg. является субститутом доминантных *-í* и *-ě* в а. п. с. Восточно-русские формы *pot.-acc. pl. i*-основ всегда имеют ударение на корне, восходя к формам а. п. *a* и *c*. Отметим, что в восточнорусских говорах не обнаружено различие *i*-основ а. п. *d* и а. п. *c*, исключением не являются и пинежско-вуйские говоры.

⁴⁹ Палеогуцульскими среди обследованных нами говоров мы называем расположенные в исторической области Мараморош говоры сел Луг, Великий Бычков, Бороняво, Велятин на территории Украины и некоторых сопредельных сел в Румынии (в частности, Лунка-ла-Тиса, Рона-де-Сус и Репедя – материал по последним двум селам любезно предоставила автору О. Т. Ковач). Эти говоры имеют многие специфические черты, сближающие их с основным массивом гуцульских говоров, но сильно отличаются от прочих закарпатских. По формальным признакам палеогуцульские говоры относятся к прикарпатской лингвогеографической области. В них сохранились архаизмы, которые проливают свет на многие явления, имевшие место в истории собственно гуцульских говоров, что говорит о достаточно раннем отделении палеогуцульских говоров от «правосточногалицкого» континуума. Один из палеогуцульских говоров (видимо, г. Сигета – в настоящее время украинская «половина» румынского г. Сигету-Мармацией, с. Солотвина, имеет в основном венгерское население) отражен в старопечатном памятнике конца XVIII в. «Урбар», см. его издание в *А. Петров*.

рошских⁵⁰, боржавских, верховинских, ужанских говорах) и 2) в кривичских по происхождению⁵¹ северо-западных и западных великорусских и северных белорусских говорах.

Наиболее последовательно окситонеза ед. ч. а. п. *d* сохраняется в русских южно- и центральнопсковских, торопецких, холмских, селигерских и в западнорусских белорусских говорах, которые ниже объединяются термином «псковско-полоцкие». Особенный интерес представляют собой основы с двусложными корнями (*veǫgь) и корнями с «полногласием», в которых сохраняется оппозиция форм-энклиноменов ном. и асс. sg. и ортотонических форм других падежей. Выяснилось, что некоторые карпатоукраинские окситонированные *u*-основы вторичны, однако акцентуация основного корпуса *o*- и *u*-основ имеет праславянское происхождение. Материал и его анализ см. ниже в тексте настоящей статьи.

Предварительные сведения о карпатоукраинских (галицких *sensu lato*) и псковско-полоцких («кривичских») рефлексах а. п. *d* см. в [АССЯ: 134–138]. Материал по ударению *o*- и *u*-основ мужского рода в карпатоукраинских говорах систематически собирался экспедициями Института славяноведения с 1987 г., ранее сведения по этому предмету в основном ограничивались записями Й. Гануша. На момент издания [АССЯ] материал по «кривичским» рефлексам был скуден и разрознен.

Настоящая статья существенно восполняет эти недостатки, так как в ней приводится полный материал, собранный по специальным программам в нескольких говорах псковско-полоцкого ареала, в которых окситонеза основ а. п. *d* сохраняется наиболее устойчиво по сравнению с сопредельными русскими и белорусскими говорами «кривичского» происхождения.

Ниже в таблице 7 приводится иллюстративный материал по славянским рефлексам а. п. *c*, *d* и *b* в системах, в которых рефлекс а. п. *d* могут быть возведены к «смешанной» акцентной парадигме. В качестве внешнего сравнения приводятся литовские, греческие, германские и древнеиндийские соответствия. Полный сравнительный материал приведен в следующем разделе настоящей статьи.

Первый памятник угрорусского наречия. Урбар и иные связанные с крестьянской Марии Терезы реформой документы // Сб. ОРЯС. Т. 84, № 2. К сожалению, материал по ударению первичных *o*- и *u*-основ в «Урбаре» скуден для того, чтобы быть источником реконструкции.

⁵⁰ К собственно мараморшским (не «палеогуцульским») в цитируемом ниже материале относятся говоры с Широкий Луг, Убля, Липецкая Поляна.

⁵¹ См. [Николаев 1988; 1989].

Таблица 7⁵²

	северно-чакаские говоры	северные косовско-ресавские говоры	карпатоукраинские говоры ⁵³	псковско-полоцкие говоры ⁵⁴	литовский (и латышский)	греческий, прагерманский (и др.-индийский) ⁵⁵
а. п. с						
*dōmъ, gen. *domū а. п. с	Сус. <i>dōm</i> , gen. <i>dōma</i>	Лев. <i>dōm</i> , gen. <i>dōma</i>	Довге <i>dīm</i> , gen. <i>dōma</i>	Леж. <i>dom</i> , gen. <i>dōma</i> ; Ручьи <i>dom</i> , instr. <i>dōmъ</i> ; Феликс. <i>dom</i> , gen. <i>dōmu</i>		
*gōdъ, gen. *gōda а. п. с	Сали <i>gād</i> , gen. <i>gōda</i>	Гружа <i>gōd</i> , gen. <i>gōda</i>	Довге <i>yūt</i> , gen. <i>yōda</i>	Леж. <i>got</i> , gen. <i>gōda</i> ; Феликс. <i>got</i> , gen. <i>yōda</i>		(греч. μέθυ с нерелевантной баритонезой)
*lēdъ, gen. *ledū	Сали <i>lēd</i> , gen. <i>lēda</i>	Лев. <i>lēd</i> , gen. <i>lēda</i>	Дус. <i>let</i> , gen. <i>lēda</i>		<i>ledūs, lēdas</i> 4 а. п.	

⁵² В квадратных скобках приводятся нерегулярные формы (как правило, это баритонированные падежи в основах а. п. *d*). Для литовского не приводятся вторичные варианты 4-й а. п., если в говорах представлены архаичные варианты 2-й а. п.

⁵³ В качестве иллюстрации приводятся данные центральнокарпатских говоров (в основном боржавских), для которых характерна высокая сохранность окситонезы косвенных падежей основ а. п. *d*. В качестве «ключевых» выбраны боржавские говоры сел Керецки и Довге. Дополнительные примеры даны из восточнобойковских, гуцульских, верховинских, северноужанских и покутских говоров.

⁵⁴ В качестве иллюстрации выбраны данные трех равноудаленных говоров – д. Лежакино (среднепсковский), Ручьи (восточнополоцкий) и Феликсово (западнополоцкий). Дополнительный материал приводится из центральнопсковских, северносмоленских и северновитебских говоров.

⁵⁵ В этих языках баритонированные *o-* и *i-*основы соответствуют багто-славянским основам баритонированной а. п., окситонированные – багто-славянским основам подвижной а. п. Древнеиндийские формы приводятся только в необходимых случаях, чтобы не перегружать таблицу комментариями, так как древнеиндийские охутона могут регулярно соответствовать обеим багто-славянским акцентным парадигмам.

*mēdъ, gen. *medū а. п. с	Сус. m'ēt, gen. mēda	Лев. mēd, gen. mēda	Брод m'ūt, gen. mēdu	Лож. m'ót, gen. m'óda; Ручьи, Феликс. m'ót, gen. m'ódu	medūs 4 а. п.	
*rōdъ, gen. *rodū а. п. с	Сус. r'ōt, gen. rōda	Лев. rōd, gen. rōda	Брод rūt, gen. rōda; Довге rūt, gen. rōdā (суб- стигуг *rodū)	Лож. rot, gen. rōda; Феликс. rod, gen. rōdu		
*sōkъ, gen. *sōka а. п. с	[Сали sōk, gen. sōka]	Лев. sōk, gen. sōka	Кер. sūk, gen. sōka	Лож. sok, gen. sōka; Ручьи, Феликс. sok, gen. sōku	sakaī 4 а. п.	греч. ὀπός
*xōdъ, gen. *xōda а. п. с	Сус. x'ōt, gen. xōda	Рача dō, gen. dōda	Довге xūt, gen. xōda	Лож. xot, gen. xōda; Ручьи, Феликс. xot, gen. xōdu		
*bēsъ, gen. *bēsa а. п. с			Кер. bis, gen. bīsa	Лож., Ручьи b'ēs, gen. b'ésa	baisas 4 а. п.	
*dāгъ, gen. *darū а. п. с	Гружа instr. dāром		Лус. dar, gen. darū; Кер. dar, gen. darā (суб- стигуг *darū)			
*dōbъ, gen. *dōbū а. п. с	Гружа dōb, gen. dōba		Довге dup, gen. dūba	Лож., Феликс. dūp, gen. dūba; Ручьи dup, gen. dubā (субстигуг *dōbū), instr. dūbъm		
*drūгъ, gen. *drūga а. п. с	Лев. drūg, gen. drūga		Довге drux, gen. drūga	Лож. druk, gen. drūga; Ручьи, Феликс. drux, gen. drūga	draūgas 4 а. п.	

	северно-чакавские говоры	северные косовско-ресавские говоры	карпатоукраинские говоры	псковско-полоцкие говоры	литовский (и латышский)	греческий, прагерманский (и др.-индийский)
*dûxъ, gen. *dûxa а. п. с	Суч. <i>dûh</i> , gen. <i>dûha</i>		Кер. <i>dux</i> , gen. <i>dûxa</i>	Лож. <i>dux</i> , gen. <i>dûxa</i> ; Ручьи, Феликс. <i>dux</i> , gen. <i>dûxui</i>		герм. *deuzá
*kâlъ, gen. *kâla а. п. с	Гружа <i>kâl</i> , gen. <i>kâla</i>	Гружа <i>kâl</i> , gen. <i>kâlu</i> ; [Кер. <i>kal</i> , gen. <i>kâlû</i> (ударе- ние вторичной и- основы)]	Довге <i>lup</i> , gen. <i>lûba</i>	Лож., Ручьи <i>kâl</i> , gen. <i>kâla</i>		греч. <i>πῆλός</i>
*lûbъ, gen. *lûba а. п. с			Довге <i>lup</i> , gen. <i>lûba</i>		<i>liobas</i> 3 а. п.	
*râzъ, gen. *râza а. п. с			Кер. <i>ras</i> , instr. adv. <i>râzom</i>	Лож. <i>ras</i> , gen. <i>râza</i> ; Ручьи, Феликс. <i>râs</i> , gen. <i>râzu</i>	<i>riožas</i> 3 а. п.	
*rûxъ, gen. *rûxa а. п. с			Кер. <i>rix</i> , gen. <i>rixa</i>			герм. *rauzáz
*slûxъ, gen. *slûxa а. п. с			верховинск. СинП <i>slux</i> , gen. <i>slûxa</i>	Лож., Ручьи <i>slux</i> , gen. <i>slûxa</i> ; Феликс. <i>slux</i> , gen. <i>slûxui</i>		герм. *xliuzáz
*strûpъ, gen. *strûpa а. п. с			Кер. <i>strup</i> , gen. <i>strûpa</i>	Лож. <i>strup</i> , gen. <i>strû- pa</i> , [instr. <i>strupóm</i>]; Феликс. <i>strup</i> , [gen. <i>strupá</i>], instr. <i>strupъm</i>	<i>raupai</i> 4 а. п.	герм. *raubáz
*svêtъ, gen. *svêta а. п. с			Кер. <i>s'vit</i> , gen. <i>s'vita</i>	Лож. <i>s'v'et</i> , gen. <i>s'v'êta</i> ; Ручьи <i>s'v'et</i> , gen. <i>s'v'êtu</i>		(др.-инд. <i>svétá-</i> adj.)

*sŭnъ, gen. *sŭnŭ а. п. с	Сани <i>sĭn</i> , gen. <i>sĭna</i>		Кер. <i>vŏnъ</i> , gen. <i>vŏna</i>	Лож. <i>sŏn</i> , gen. <i>sŏna</i> ; Ручьи <i>sŏn</i> , gen. <i>sŏnu</i> / <i>sŏnŏ</i> (субституция *sŭnŭ)	<i>sĭnŭs</i> 3/1 а. п.	герм. *sŭnŭz
*vŏlкъ, gen. *vŏlka а. п. с			Кер. <i>vŏnъ</i> , gen. <i>vŏnъka</i>	Слёзы <i>vŏlk</i> , gen. <i>vŏlka</i> [Ручьи, Феликс. <i>vŏnъ</i> , gen. <i>vŏnъkŏ</i>]	<i>vŏlkas</i> 4 а. п.	[греч. λŏκος]
*znŏкъ, gen. *znakŭ а. п. с	Сус. <i>znŏk</i> , gen. <i>znŏka</i>	Лев. <i>znŏk</i> , gen. <i>znŏka</i>	Кер. <i>znak</i> , gen. <i>znŏka</i>	Ручьи, Феликс. <i>znak</i> , gen. <i>znŏku</i>		
*gŏlсъ, gen. *gŏlsa а. п. с	Сани <i>glŏs</i> , gen. <i>glŏsa</i>	Лев. <i>glŏs</i> , gen. <i>glŏsa</i>	Кер. <i>gŏlos</i> , gen. <i>gŏlosu</i>	Лож. <i>gŏlъs</i> , gen. <i>-a</i> ; Ручьи <i>gŏlъs</i> , gen. <i>-u</i> ; Феликс. <i>gŏlъs</i> , gen. <i>gŏlъsъ</i>		герм. *kalzŏ
*smŏrdъ, gen. *smŏrda а. п. с	Сус. <i>smrŏd</i> , gen. <i>smrŏda</i> <i>ŭs smrŏda</i>	Гружа <i>smrŏd</i> , gen. <i>smrŏda</i>	Кер. <i>smŏrot</i> , gen. <i>smŏrŏdu</i>	Кузн. <i>smŏrot</i> , gen. <i>smŏrŏda</i>	(лш. <i>smŏrŏds</i>)	
*vŏlкъ, gen. *vŏlka а. п. с			марамор. ЛП <i>vŏlok</i> , gen. <i>-a</i>	Лож. <i>vŏlъk</i> , gen. <i>-a</i> ; Феликс. instr. <i>vŏlъkъm</i>	<i>vŏlkas</i> 4 а. п.	греч. ŏλκος
*vŏrпъ, gen. *vŏrna а. п. с		Гружа loc. <i>o vrŏnu</i>	Кер. <i>vŏron</i> , gen. <i>-a</i>	Лож., Феликс. <i>vŏrъn</i> , gen. <i>-a</i>	<i>vŏrnas</i> 4 а. п.	
*vŏrхъ, gen. *vŏrхŭ (<i>и-ос-</i> <i>нова?</i>) а. п. с			Кер. <i>vŏrox</i> , gen. <i>-a</i>	Лож., Феликс. <i>vŏrъx</i> , gen. <i>-a</i>		герм. *wartzŭz

а. п. d						
	северно-чакские говоры	северные косовско-ресавские говоры	карпатоукраинские говоры	псковско-полоцкие горы	литовский (и лагьшский)	греческий, прагерманский (и др.-индийский)
*bókъ, gen. *boka > *boka а. п. d	Сус. b ^h ok, gen. bokà	Лев. bók, gen. bōka	с.-ужанск. Ставн. b ^h ik, gen. bokà [Кер. biik, gen. boka]	Леж. bok, [gen. bóka], instr. bakóm; Ручьи bok, gen. b ^h kál/boká ⁵⁶ ; Феллкс. bok, gen. b ^h ká		
*bōtъ, gen. *bōru > *bōrū а. п. d		Рача bōp, gen. bōpa	покутск. Печ. bir, gen. borá	Ручьи bor, [gen. bóra], instr. baróm; Феллкс. bor, gen. bóru		
*brōdъ, gen. *brōda > *brōdā а. п. d	Сали brōd, gen. brōdā [но Сус. br ^h ōt, gen. brōdā]	Лев. brōd, gen. brōda	НБ brūd, gen. brōdā [Кер. brūt, gen. brōda]	Феллкс. brot, gen. brādā [Лек., Ручьи brót, gen. brōdā]	brādas 2 а. п.	
*mōzгъ, gen. *mōzga > *mōzga а. п. d	Сали mōzak, gen. mōzga	Гружа mōzak, gen. mōzga	Брод mōzok, gen. mōzká	Леж. mōsk, gen. maz- gá; Феллкс. mōsk, gen. mōzgu mōzga		
*nōsъ, gen. *nōsu > *nosū (и-ос- нова?) а. п. d	Сали nōs, gen. nosá	Лев. nōs, gen. nōsa	[Кер. nīs, gen. nosa]	Леж. nos, gen. nasá, Ручьи nos, [gen. nōsa], instr. nasóm; Феллкс. nós, gen. nōsá		герм. *násuz

⁵⁶ Баритонированные формы gen. sg. на -и в псковско-полоцких и других системах кривичского происхождения регулярны у краткосложных основ в соответствии с исконно окситонированными формами gen. sg. на -и от долгосложных основ («антский» морфологический запрет на правосторонний сдвиг балто-славянского ударения с краткого гласного на последующий долгий).

*pǫtъ, gen. *pǫta > *pǫtā a. п. d	Сус. pǫtъ, gen. gen. pǫtā	Лев. plǫtъ, gen. plǫta	гущ. Луги pǫit, gen. [pǫtā] pǫitā [Кер. pǫitъ, gen. pǫtā]	Феликс. plǫtъ, gen. plǫtu / pǫtā		
*rǫtъ, gen. *rǫta > *rǫtā a. п. d	Сали pǫtъ, gen. pǫtā [Сус. pǫtъ, gen. pǫtā]		в.-бойк. Тур. pǫit, gen. pǫtā	сев.-смол. Ком. pǫtъ, gen. pǫtā/pǫtu [Лек., Феликс. pǫtъ, gen. pǫtā]		
*rǫgъ, gen. *rǫga > *rǫgā a. п. d	Сус. rǫgъ, gen. rǫgā [rǫgъ]; Сали rǫgъ, gen. rǫgā	[Лев. rǫgъ, instr. rǫgемъ; Рача rǫgъ, gen. rǫgъ]	Кер. rǫgъ, gen. rǫgā	Лек. rǫkъ, gen. rǫgā; Ручьи rǫxъ, gen. rǫgā	rǫgas 2 а. п.	
*stǫgъ, gen. *stǫga > *stǫgā a. п. d		Гружа stǫgъ, gen. stǫga	Кер. stǫxъ, gen. stǫgā	Лек. stǫkъ, gen. stagā; Ручьи, Феликс. stoxъ, gen. stǫgā		
*vǫzъ, gen. *vǫza > *vozā a. п. d		Лев. vǫzъ, gen. vǫza	в.-бойк. Тур. vizъ, gen. [vǫzā] vozā [Кер. vizъ, gen. vǫza]	Лек. vosъ, gen. vazā; Ручьи vosъ, gen. vǫzā; Феликс. vosъ, gen. vǫzā [vǫza]		греч. ὄχοι
*brūsъ, gen. *brūsa > *brusā a. п. d	Сус. brūsъ, gen. brūsā	Рача brūsъ, gen. brūsа	Довге brusъ, gen. brusā	Лек. brusъ, gen. brusā; Ручьи brusъ, gen. brusā; Феликс. brusъ, gen. brusā		
*krǫgъ, gen. *krǫga > *krǫgā a. п. d	Сали krǫgъ, gen. krǫgū	Лев. krǫgъ, gen. krǫga	Кер. krǫxъ, gen. krǫgā	Ручьи krǫxъ, gen. krǫgā; Феликс. krǫxъ, gen. krǫgā [krǫgā]		
*květъ, gen. *květa > *květā a. п. d	Сали cvětъ, gen. cvětā	Гружа cvětъ, gen. cvěta	НБ c'vitъ, gen. c'vitā [Кер. c'vitъ, gen. c'vitū]	Ручьи c'v'etъ, gen. c'v'itā; Феликс. c'v'ietъ, gen. c'v'etā [Лек. t'v'etъ, gen. t'v'etā]		

	северно- чакаские говоры	северные косовско- ресавские говоры	карпатоукраин- ские говоры	псковско-полоцкие говоры	литовский (и латыш- ский)	греческий, прагерман- ский (и др.- индийский)
*lǫgъ, gen. *lǫga > *lǫgā а. п. d		Рача lǫʒ, gen. lǫʒa	Кер. lux, gen. luyā	Ручы, Феллкс. tux, gen. luyā [Леж. tuk, gen. lūga]	lāngas 3 а. п.	
*mǝxъ, gen. *mǝxa > *mǝxā а. п. b или d '(lea- them) bag' (контамини- рует с *mǝxъ), gen. *mǝxa а. п. c 'fell')	Сали mǝx, gen. mǝxā (Суч. mǝx, gen. mǝxa)	Гружа mǝx, gen. mǝxa	(Довге mǝx, gen. mǝxa)	Леж. m'ǝx, gen. m'axā; Ручы m'ǝx, gen. m'ixā; Феллкс. m'ǝx, gen. mǝxā	(maĩšas 4 а. п.)	герм. *māisa-
*snǝgъ, gen. *snǝga > *snǝgā а. п. d	Сали snǝg, gen. snǝgā		с.-ужанок В. Ст. sn'ix, gen. sn'iyū [Кер. s'n'ix, gen. s'n'iyū]	[Леж. s'n'ek, gen. s'n'ėga; Ручы s'n'ex, gen. s'n'ėyu; Феллкс. s'n'ǝex, gen. s'n'ǝya]	snǝgas 2 а. п.	
*sǫktъ, gen. *sǫku > *sǫkū а. п. d			Дус. suk, gen. [sūkā/] sūkā [Кер. suk, gen. sūkā]	Леж, Феллкс. suk, gen. sūkā; Ручы suk, gen. sūkā		герм. *xāpхuz
*vāľъ, gen. *vāľu > *vāľū а. п. d		Обади vāľ, gen. vāľa [vāľa]	Кер. val, gen. valū	Леж. val, gen. vailā, Ручы val, gen. vǝlā [Феллкс. val, gen. vāľu]		
*vǝktъ, gen. *vǝka > *vǝkā а. п. d		Рача *vǝk, gen. vǝka	Кер. vik, gen. vikū	[Леж. v'ek, gen. -a; Ручы v'ek, gen. v'ėku]	viėkas 2 а. п.	

*zǫbъ, gen. *zǫba > *zǫbā a. п. d	Суч. <i>zǫp</i> , gen. <i>zǫbā</i>	Лев. <i>зѹб</i> , gen. <i>зѹба</i>	Довге <i>zup</i> , gen. <i>zubā</i> [<i>zǫbā</i>] [Кер. <i>zup</i> , gen. <i>zǫbā</i>]	Леж. <i>zup</i> , gen. [<i>zǫbā</i>] <i>zubā</i> , instr. <i>zubom</i> ; Ручьи <i>zup</i> , gen. <i>zǫbā</i> [Феликс. <i>zup</i> , gen. <i>zǫbā</i>]	жамбас 2 а. п.	греч. γόμφος
*bǣrgъ, gen. *bǣrga > *bǣrgā a. п. d	Сапи <i>brīg</i> , acc. <i>pōd brīg</i> , gen. <i>brīgā</i>		[Кер. <i>bérex</i> , gen. <i>béreyā</i>]	[Лек. <i>b'e' r' ek</i> , gen. - <i>ga</i> ; Ручьи <i>b' érx</i> , gen. - <i>ya</i> ; Феликс. <i>bérex</i> , gen. - <i>ya</i>]		
*bōrnъ, gen. *bōrna > *bōrnā a. п. d	Сапи <i>brān</i> , gen. <i>brānā</i>	[Лев. <i>брѣв</i> , gen. <i>брѣва</i>]		Дуд. <i>buórnъw</i> , gen. <i>buórnā</i> [<i>buórnā</i>] [Лек. <i>bórnъw</i> , gen. <i>bórnā</i>]		
*čǣrpъ, gem. *čǣrpa > *čǣrpā a. п. d	Рача <i>чрѣп</i> , gen. <i>чрѣпа</i>		[Кер. <i>čérep</i> , gen. - <i>a</i>]	Корп. <i>čér' ip</i> , gen. <i>čir' æpā</i> ; сев.-смог. Ком. <i>čér' ep</i> , gen. <i>čér' ipā</i> [Лек. <i>čér' ep</i> , gen. - <i>a</i> , Ручьи <i>čér' ep</i> , gen. - <i>a</i> , Феликс. <i>čérep</i> , gen. - <i>a</i>]		герм. *xwérfaz
*nō/erstb, gen. *nō/ersta > *no/erstā				Ручьи <i>nórst</i> , gen. <i>nъrstā</i> ; Феликс. <i>nórst</i> , gen. <i>nórstъ</i> [<i>nъrstā</i>], Леж. <i>nárst</i> , gen. - <i>a</i> (< <i>naróst</i> , gen. - <i>a</i>)	<i>něřtas</i> и <i>nařtas</i> 2 а. п.	
*kōlsъ, gen. *kōlsa > *kōlsā a. п. d	Лев. <i>кѣс</i> , gen. <i>кѣса</i>		[Кер. <i>kólos</i> , gen. - <i>a</i>]	Феликс. <i>kótsъ</i> , gen. <i>kъtsā</i> ; сев.-смог. Ком. <i>kótsъ</i> , gen. <i>kъtsā</i> [Лек., Ручьи <i>kótsъ</i> , gen. - <i>a</i>]		

	северно-чакавские говоры	северные косовско-ресавские говоры	карпатоукраинские говоры	псковско-полоцкие говоры	литовский (и латышский)	греческий, прагерманский (и др.-индийский)
*svěktь, gen. *svěkra > *svěkrà а. п. <i>d</i>			с.-ужанок. Ставн. svékor, [gen. svékora], instr. svékrotm [Кер. svékor, gen. -a]	Кост. s'v'ókьr, gen. [s'v'ékra] s'v'ákrá [Лиж., Ручьи s'v'ókьr, gen. s'v'ókra]	герм. *swékhraz, [греч. έκυρός]	
*věčьtь, *věčьta > *věčьta а. п. <i>d</i>			Брод v'ěč'ir, [gen. v'ěčera], instr. v'ěčeróm, loc. <i>u</i> v'ěč'ěri	[Лиж. v'ěčer, gen. -a; Ручьи v'ěчьr, gen. -a; Феликс. v'ěчьr, gen. -a]	vákaras I а. п.	греч. έσπερος
*vōlьtь, gen. *vōlsa > *volsà а. п. <i>d</i>			[Кер. vōlos, gen. -a]	Ручьи vōlьs, gen. vōlьsà [Лиж. vōlьs, gen. -a]	(др.-инд. vāśa-s)	
а. п. <i>dlb</i>						
*grōbь, gen. *grōba > *grōbà а. п. <i>b/d</i>	Сус. grōp, gen. grōbà	Лев. grōb, gen. grōba	в.-бойк. Тур. hr'ib, gen. hrōbà [/ hrāba]	Лиж. gror, gen. grabà; Ручьи yrор, gen. yrōbà [Феликс. yrор, gen. yrōba]	grābas 3 а. п.	
*vōskь/ vōskь, gen. *vōska > *voskà а. п. <i>dlb</i>	[Салл vōsàk, gen. vōska]	Лев. vōsàk, gen. vōska	[Черн. Пот. vīsk, gen. vōska]	[Лиж. vosk, gen. vōska; Ручьи, Феликс. vosk, gen. vōska]	vāškas 2 а. п.	

*vьrxъ, gen. *vьrxъ > *vьrxū а. п. d/b	Сус. <i>vārx</i> , gen. <i>vārxā</i>	[Лев. <i>вѣр</i> , gen. <i>вѣра</i>]	Кер. <i>веръ х</i> , gen. <i>веръ хā</i>	Лож. <i>v'ér'x</i> , gen. <i>v'ar'xā</i> ; Феликс. <i>v'érx</i> , gen. [<i>v'érxu</i>] <i>v'érxā</i> [Ручьи <i>v'érx</i> , gen. <i>v'érxā</i>]	<i>vīřius</i> 2 а. п.	
*xvōrstъ /*xvōrstъ, gen. *xvōrstā > *xvōrstā а. п. d/b		Гружа * <i>xpāct</i> , gen. <i>xpācta</i>	Дус. <i>xvōrōst</i> , gen. <i>xvōrostū</i> ; с.- ужанск. В. Ст. <i>xvōrōst</i> , gen. <i>xvōrostū</i> , instr. <i>xvōrostōm</i>	Ручьи <i>xvōrōst</i> , gen. [<i>xvōrōstū</i>] <i>xvōrstā</i> [Лож. <i>xvōrōst</i> , gen. -a, Феликс. <i>xvōrōst</i> , gen. -u]		

а. п. b						
*dvōrъ, gen. *dvōra > *dvōrā а. п. b	Сали <i>dvōr</i> , gen. <i>dvōrā</i>	Лев. <i>двѣр</i> , gen. <i>двѣра</i>	Кер. <i>dvūr</i> , gen. <i>dvōrā</i> ; верховинск. СинП <i>dvūr</i> , gen. <i>dvōru/dvōrā</i>	Лож. <i>dvor</i> , gen. <i>dvārā</i> ; Ручьи <i>dvor</i> , gen. <i>dvōrā/dvōru</i> ; Феликс. <i>dvōr</i> , gen. <i>dvōrā</i>	(<i>dvāras</i> 2 а. п.)	др.-инд. <i>dvāra-m</i>
*stōlъ, gen. *stōla > *stōlā а. п. b	Сали <i>stōl</i> , gen. <i>stōlā</i>	Рача <i>стѡ</i> , gen. <i>стѡла</i>	Кер. <i>stūl</i> , gen. <i>stolā</i>	Лож. <i>stol</i> , gen. <i>stalā</i> ; Ручьи <i>stol</i> , gen. <i>stblā</i> ; Феликс. <i>stol</i> , instr. <i>staiōm</i>		(др.-инд. <i>sthāla-m</i>)
*glīstъ, gen. *glīsta > *glīstā а. п. b			марамор. III <i>γlīst</i> , gen. <i>γlīstā</i>	Лож. <i>gl'ist</i> , gen. <i>gl'istā</i> ; Ручьи <i>γl'ist</i> , gen. <i>γl'istā</i>	<i>glāistas</i> 2 а. п.	
*ščētъ, gen. *ščēta > *ščētā а. п. b			Довре <i>ščēt</i> , gen. <i>ščētā</i>	Ручьи <i>ščēbt</i> , gen. <i>ščbtā</i> ; Феликс. <i>ščēbt</i> , gen. <i>ščbtā</i>	<i>ščētas</i> 2 а. п.	[герм. * <i>skēdā</i>]

Реконструкция праславянских акцентных кривых *o-* и *u-*основ а. п. *c*, *d* и *b* приведена в табл. 8. Реконструкция ударения gen.-loc. и dat.-instr. du. проблематична и в таблице не приводится. После знака «>» даются позднепраславянские диалектные («антские») ⁵⁷ формы, возникшие после правостороннего сдвига ударения и его оттяжки со слабых *ъ, *ь. Подробно о позициях правостороннего сдвига ударения в позднепраславянских «антских» говорах, к которым в конечном итоге восходят карпатоукраинские и псковско-полоцкие, см. [АССЯ: 18–31].

Таблица 8

РЕКОНСТРУКЦИЯ АКЦЕНТНЫХ КРИВЫХ *o-* и *u-*ОСНОВ А. П. *C*, *D* И *B*А. п. *c*

		<i>o</i> -ОСНОВЫ	<i>u</i> -ОСНОВЫ
Sg	nom.-acc.	*râz-ъ	*dôm-ъ
	gen.	*râz-a	*dom-ũ ⁵⁸
	dat.	*râz-u	*dom-õvi ⁵⁹
	instr.	*râz-омъ	*dom-ъмъ > *domъмъ
	loc.	*râz-ě/*raz-ě ⁶⁰	*dom-ĩ

⁵⁷ Выделяемая в основном по данным акцентологии «антская» группа позднепраславянских говоров соотносится с пеньковской археологической культурой, идентифицируемой с историческими антами [Седов 2002: 186–198; 203–295]. В Центральной Славии памятники пеньковской культуры и второй крупнейшей славянской культуры, пражско-корчакской («словенской») [Седов 2002: 295–324], расположены мозаично, что соответствует расположению говоров с «антскими» и «словенскими» диалектными чертами.

⁵⁸ Формы а. п. *c* с окончанием gen. sg. *-u* первоначально, по-видимому, имели метатонированный корень перед доминантным окончанием, ср. ст.-тырн. *do domu* и другие старотырновские баритонированные формы gen. sg. от *u*-основ [ОСА: 176]. В случае реконструкции праславянской окситонезы мы бы имели старотырновские конечнударные формы. Однако для «пракарпатоукраинского» и «прапсковско-полоцкого» предпочтительна реконструкция окситонированных форм gen. sg. на *-u*.

⁵⁹ Архаическое ортогоническое окончание *-õvi, доминантное в старотырновском (*миръови, мжжѣви* [ОСА: 195]) и в ряде карпатоукраинских говоров (палеогуц. Бороняво *сьтõви, китõви*), в псковско-полоцком сохранилось только в лексикализованных формах, восходящих к *domõvi ‘домой’ и *dolõvi ‘вниз, долой’.

⁶⁰ См. [АССЯ: 24–25].

Pl	nom.	*râz-i/*raz-í ⁶¹	*dom-ðve
	acc.	*râz-y	*dôm-y/*dom-ý ⁶²
	gen.	*raz-ь̃ > *râzь̃	*dom-ovь̃ > *dom-ðvь̃
	dat.	*raz-ðть	*dom-ь̃ть
	instr.	*raz-ÿ	*dom-ь̃мí
	loc.	*raz-ěхь̃ > *razěхь̃	*dom-ь̃хь̃ > *domь̃хь̃
Du	nom.-acc.	*râza/*razá ⁶²	*dôm-u/*dom-ú

А. п. d (и отличающиеся от форм а. п. d формы а. п. b)

		o-основы		u-основы	
		краткосложные	долгосложные	краткосложные	долгосложные
Sg	nom.-acc.	*rôg-ъ а. п. d (*pôd-ъ а. п. b)	*květ-ъ а. п. d (*ščit-ъ а. п. b)	*bôr-ъ а. п. d (*vôl-ъ а. п. b)	*vьгх-ъ а. п. d (*vьгх-ъ а. п. b)
	gen.	*rôg-a > *rogà	*květ-a > *květà	*bôr-u	*vьгх-u > *vьгхÿ
	dat.	*rôg-u > *rogù	*květ-u > *květù	*bôr-ovi > *boròvi	*vьгх-ovi > *vьгхòvi
	instr.	*rôg-омь > *rogòть	*květ-омь > *květòть	*bôr-ь̃ть > *borь̃ть	*vьгх-ь̃ть > *vьгхь̃ть
	loc.	*rôgě ⁶³	*květ-ě > *květě	*bor-ú	*vьгх-ú
Pl	nom.	*rôg-i	*květ-i > *květi	*bôr-ove > *boròve	*vьгх-ove > *vьгхòve
	acc.	*rôg-y	*květ-y > *květỳ	*bôr-y	*vьгх-y > *vьгхỳ

⁶¹ См. [АССЯ: 28–29].⁶² См. [АССЯ: 31].⁶³ Баритонированные формы типа *rôgě сохранились в западноболгарских говорах и на южной периферии смоленско-кривичских говоров: в говоре с. Погост Житковичского р-на Гомельской обл. *na lós'i, mós'i, snóp'i, sóm'i, stóz'i, vóz'i* при gen. sg. *los'á, mostá, stoyá, vozá* [АССЯ: 25]. В карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах рефлекс вторичного *rogě, имеющего конечное ударение по аналогии с gen., dat., instr.

	gen.	*rōg-ь	*kvěť-ь	*bōg-ovь > *bogōvь	*vьgxoвь > *vьgxoвь
	dat.	*rōg-омь > *rogomь	*kvěť-омь > *květomь	*bōg-ьмь > *bogomь	*vьgх-ьмь > *vьgхьмь
	instr.	*rōgy	*kvěť-y > *květŷ	*bōg-y	*vьgх-ьmь > *vьgхьmь
	loc.	*rōg-ѣхь	*kvěť-ѣхь > *květěхь	*bōg-ьхь > *bog-ьхь	*vьgх-ьхь > *vьgхьхь
Du	nom.- acc.	*rōga	*kvěť-a > *květà	*bōry (?)	*vьgх-y > *vьgхŷ

У краткосложных и циркумфлектированных *o*- и *u*-основ мужского рода, по-видимому, уже в праславянском nom. sg. стал формой-энклينوменом – неясно, по аналогии с подвижными *o*- и *u*-основами или в результате тонологической метатонии в корне перед *-s* > *-h* (далее > $\emptyset$) в окончаниях nom. sg. *-os, *-us > *-ь. Оппозиция окончаний nom. sg. и acc. sg. *o*-основ (и-е. *-os и *-om соответственно) сохранилась, по-видимому, только в псковском и западноновгородском ареалах, где nom. sg. имеет окончание *-e* неясного происхождения (*-e* < *-ə < *-os? – см. [Зализняк 2004: 99–102; 147–149]). Валентность окончания nom. sg. *-e* существительных неизвестна; соответствующие формы *l*-причастий являются рефлексами энклينوменов в севернопсковском говоре д. Островцы Гдовского р-на Псковской обл.: *né vьzьlє, prōpьlє* [Honselaar 1997: 271–274]⁶⁴. В результате фонетической или морфонологической «метатонии» у *o*- и *u*-основ, исконно принадлежавших к мужскому роду, возникла смешанная акцентная кривая, в которой nom. и acc. sg. были формами-энклينوменами, а прочие формы имели накоренное ударение. Прямые рефлексy этой акцентной кривой сохраняются, в частности, в псковско-полоцких, северносмоленских и северновитебских говорах⁶⁵ в парадигмах типа *kólos* (< *kōlsъ) ~ gen. *kolosá* (< *kolsà < *kōlsa), *čépen* (< *čēgrь) ~ gen. *čerepá* (< *čerpà < *čēpra). Во многих севернопсковских и новгородских говорах кривичского происхождения «смешанная» акцентная кривая была заме-

⁶⁴ В описании говора [Хонселаар 2001] *n'ě vьz'ьl'ь* 285, *prōp'ьl'ь* 362 в фонетической записи.

⁶⁵ Конфигурация говоров, называемых нами «северновитебскими», описана в [ГБРП].

нена колонной окситонезой на втором гласном «полногласия» (*волѡс, бє-рѣзъ*)⁶⁶. Судя по показаниям северночакавских (Сусак, Сали) и косовско-ресавских говоров, в некоторых позднепраславянских ареалах в парадигме *o-* и *u-*основ м. р. а. п. *d* энклиномичными были также *nom.* и *acc. pl.* (NB: *acc. pl. -y* < **-ons, *-uns*) – в перечисленных говорах эти формы как правило баритонированы при окситонированных формах косвенных падежей ед. ч. Можно предположить, что эти «новые энклиномены» образованы по аналогии с энклиноменами *nom.* и *acc. sg.* Для решения проблемы «энклиномизации» падежных форм, содержащих балто-славянские *s-*окончания, существенна оппозиция а. п. *c* и *d* у *es-*основ среднего рода, например, *dērvo, *gen. *dērvese/*dervesē* а. п. *c* в отличие от *kōlo (?), *gen. *kōlese* > *kolēse а. п. *d*. Рефлексы этой оппозиции обнаружены Г. И. Замятиной в словенском: *kolŏ*, *gen. kolĕsa* – в отличие от *drevŏ*, *gen. drevĕsa*; *okŏ*, *gen. očĕsa*; *telŏ*, *gen. telĕsa* и под. [АССЯ: 35]. Отражаемая словенским энклиномичность *nom.-acc. sg. kolŏ* < *kōlo < *kōlo (вместо ожидаемого в неподвижной а. п. *kōlo > *kolò) подтверждает тонологическое происхождение «энклиномичности» форм а. п. *d* с окончаниями, содержащими балто-слав. *-s* (в первую очередь *nom. sg.* на **-os, *-us, *-is*).

В восточнополесских говорах сел Плѣхов, Анисов Черниговского р-на и в южнопсковском говоре д. Фѣдоровское Локнянского р-на было обнаружено протитовое противопоставление между *ToRT*-основами со «старым циркумфлексом» и с «вторичным циркумфлексом», заменившим неоакут в формах *nom.-acc. sg.* (подробно см. в [Николаев 2000: 104–106]). Небольшое число сравнений и недостаточная уверенность в реконструкции праславянских акцентных парадигм допускали несколько решений относительно рядов соответствий, одно из которых было мною принято: рефлексам «старого циркумфлекса» являются нисходящий контур в Плѣхове и Анисове после анлаутных глухих согласных и восходяще-нисходящий после звонких; восходяще-нисходящий в Федоровском (соответствие нарушается после *v-* и *b-*); рефлексам «нового циркумфлекса» являются нисходящий контур в Плѣхове и Федоровском и восходяще-нисходящий контур в Анисове. Уточнение реконструкции праславянских акцентных парадигм благодаря привлечению новых данных позволило пересмотреть ряды соответствий, в результате чего теперь они выглядят следующим образом:

⁶⁶ Ср. формы от *bĕrgъ и *gŏrdъ а. п. *d* в Строевском списке Псковской 2-й летописи (роспись рукописи, хранящейся в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина под № 1413, сделана С. Л. Николаевым и А. И. Рыко): *и бѣрѣзъ* А Sg 13b; *и без Нова горѡда* G Sg 57a, *к Новоу горѡду* D Sg 146a, *в Новѣ горѡдѣ* L Sg 147b. Окситонированные падежи от основ а. п. *d* в рукописи отсутствуют ввиду оттяжки ударения с конечного слога на предшествующий («баритонизации») в древнепсковском городском говоре.

Таблица 9

	Плехов	Анисов	Федоровское
а. п. с			
*ǵōldь	<i>ǵōlad, ǵōlad</i>	<i>ǵōlad</i>	<i>ǵōłyt</i>
*ǵōlsь	<i>ǵōlas</i>	<i>ǵōlas</i>	<i>ǵōłys</i>
*kōǵрь ⁶⁷	<i>kōrap</i>	<i>kōrap</i>	
*smōrdь	<i>smōrad</i>	<i>smōrad</i>	
*sōldь	<i>sōlad</i>	<i>sōlad</i>	<i>sōłyt</i>
*sōgmь ⁶⁸	<i>sōram</i>	<i>sōram</i>	
*stōrǵь ⁶⁹	<i>stōraž</i>	<i>stōraž</i>	<i>stōrǵš</i>
*vōgmь	<i>vōran</i>	<i>wōran</i>	<i>vōrǵn</i>
а. п. d			
*bōgvь		<i>bōraw</i>	<i>bōrǵw</i>
*ǵōrdь ⁷⁰	<i>ǵōrad</i>	<i>ǵōrad</i>	<i>ǵōrǵt</i>
*kōlsь	<i>kōlas</i>	<i>kōlas</i>	<i>kōłys</i>
*mōltь ⁷¹	<i>mōlat</i>		
*pōgvь ⁷²	<i>nōraw</i>	<i>nōraw</i>	

⁶⁷ Основа неупотребительна в псковско-полоцких говорах, следов а. п. *d* в других славянских языках нет.

⁶⁸ Только Ручьи *sórǵm*, gen. *sórǵma*. В других славянских языках нет следов а. п. *d*.

⁶⁹ В псковско-полоцких говорах баритонеза ед. ч., за исключением вторичного Ручьи *stōrǵš*, gen. *stǵrǵžá*, instr. *stǵražóm*; сев.-витебск. *stōrǵи*, gen. *stōrǵжа*, instr. *stōrǵжам* наряду с зь *stǵražóm* [ГБРП: 178]. Балто-славянский рецессивный корень, лит. *sárgas* а. п. 3, лтш. *saĩgs* 'сторож'.

⁷⁰ В псковско-полоцких, северносмоленских и северновитебских материалах баритонеза ед. ч. Сев.-псковская акцентовка *gorōd*, gen. *gorōda*, dat. *gorōdu* в псковских памятниках XVI–XVII вв. – см. сноску 66, также [Колосов]; сев.-псков. loc. *na garōde* Гд., Оп., instr. *za gorōdom* Пуст. в значении 'город' и 'огород' [ПОС], новг. Вахрушево, Тихв. *в горōд'е* 'в городе' [СРГК].

⁷¹ Псковско-полоцк. Кузн. *mólyt*, gen. *mýlatá*, вилейск. *mólat, dat. *malatý*, instr. *malatóm, loc. *malacé* [Карский II: 508]; сев.-витебск. *mólyt*, gen. *mýlatý*, *mýltám*/мóлыта, instr. *mýlatóm*/мóлытэм [ГБРП: 174]; сев.-псков. *malót* [АРНГ Сев.-Зап., № 4], instr. *mýlatóm* Сл. [ПОС 2: 15]; ср. еще сев.-чак. Сали *mĭt*, gen. *mĭtā*, польск. диал. *mĭót* [Warsz. 2: 1011].

⁷² Сев.-зап. (псков., олон., арханг.) *nárov* 'нрав, норв' [СРНГ 20: 126], субституция старого *норѡв (ср. сев.-зап. *нáрост* при *нáрѡст*/норѡст, *нáрот* при *нáрѡт*/*норѡт, *хвáрост* при *хварѡст*/хворѡст) при *нѡров*, *нѡрав* в других псковских и полоцких говорах < *nōgvь, gen. *nōgva > *nogva а. п. *d*; парное образование балто-слав. ср. р.: неподвижная а. п. (но не

	Плехов	Анисов	Федоровское
*pólъzь		<i>pólaz</i>	<i>pòłъs</i>
*pòrхъ ⁷³	<i>pòrax</i>	<i>pòrax</i>	<i>pòrъx</i>
*vòłsъ ⁷⁴	<i>vòlas</i>	<i>wòlas</i>	<i>vòłъs</i>
*vòrgъ ⁷⁵	<i>vòray</i>	<i>wòray</i>	
*xòłdъ ⁷⁶	<i>xòlad, xòlad</i>	<i>xòlad</i>	[<i>xòłъt</i>]
*xvòrstъ	<i>xvòrast</i>	<i>xwòrast</i>	<i>xvòrъs</i>
*žèłbъ	<i>žòlab</i>	<i>žòlab</i>	

а. п. a!) в ст.-болг. тырн. [OCA: 181] и словен. *nràv*, gen. *nráva* (вторично вместо *nráv, gen. *nráva*) < *pòrgъ, gen. *pòrga > *pòrga а. п. b.

⁷³ В псковско-полоцких, северномолочанских и северновитебских материалах баритонированные формы ед. ч., однако однообразная семантика (‘оружейный порох’) говорит о заимствовании лексемы из стандартного русского. На существование в вятских (переселенческих новгородских) говорах окситонированной формы *poròx указывает вокализм заимствованного в язык коми (диал.) слова *porox*, восходящего к русск. диал. *poròx (*nóporox отразилось бы в виде *nòpòx*, см. [Лыткин 1949: 191]). Окситонированная форма отмечена также в старорусском нижегородском говоре с. Григорово (находящемся в «кривичском посяе») – см. [Николаев 1989; 2011]: *poròxъ* [Аввакум 228б]. Таким образом, для ряда переселенческих северо-восточных, псковско-кривичских по происхождению говоров можно предположить исконную а. п. d. Ср. сев.-чак. Сали *prāx*, gen. *prāxà*. Производное от доминантно-го корня, ср. *ryǫšati, *ryǫšiti b₂ (малопольск. *pyrsy*, в.-ляш. *pyršeć* [АССЯ: 38]).

⁷⁴ Псковско-полоцк. Ручьи *vòłъs*, gen. *vòłъsá*, instr. *vòłъsъm*, сев.-смол. Ком. *vòłъs*, gen. *vòłъsá*, instr. *vòłъsóm*, сев.-витебск. *vòłъs*, gen. *vòłъsá*, instr. *vòłъsъm/vòłъsóm* [ГБРИ: 169] и сев.-псков. *валòс* Куккин Берег Слан. [ПОС 4: 120] в совокупности с рефлексами а. п. c в других языках < *vòłsъ, gen. *vòłsa > *vòłsà а. п. d.

⁷⁵ Основа *vòrgъ в псковско-полоцких говорах неупотребительна (заменена заимствованием *враг*). Судя по материалам староболгарских рукописей и западноболгарских говоров, а также великопольск. сваженск. *vruk*, gen. *vruga* [Кульбакин 1903: 48, 118], в праславянском может реконструироваться *vòrgъ, gen. *vòrga > *vorgà а. п. d. Неясен рефлекс а. п. c в восточноштокавских говорах (Левач *vrāg, gen. *vrāga* 240, 556; Гружа *vrāg*, gen. *vrāga 538; Обади gen. *vrāga* 99) – возможно, акцентный тип заимствован из диалектов литературного типа. Славянская основа а. п. d регулярно соответствует лит. *vaĩgas* ‘горе, беда’ (а. п. 2 по говорам, чаще вторичная а. п. 4 [LKŽ]). А. п. d праслав. *vorgъ, предполагающая исконную принадлежность основы к м. р., подтверждается герм. *warga-z ‘злодей; волк’ (др.-исл. *vargr* и т. д.).

⁷⁶ Селигерск. Заб. *xòłъt*, gen. *xòładá*, instr. *xòłъdъm*, вост.-шток. Трстеник *lād*, gen. *lāda* 61, 89; Левач *lād, gen. *lāda* 241, 244, сев.-чак. Сусак *xlāt*, gen. *xlāda* [ННГ], Сали *xlād*, gen. *xlāda/xlāda* в совокупности с рефлексами а. п. c в других языках < *xòłdъ, gen. *xòlda > *xòlda а. п. d.

Как видно из таблицы, 1) контуры в говоре Плехова в действительности не имеют исторического распределения, причем восходяще-нисходящий преимущественно обнаруживается после *y* и *v*; 2) в говоре Анисова «старый циркумфлекс» отражается как нисходящий контур в словах с глухим и сонантным анлаутом и как восходящий (совпадающий с рефлексом «вторичного циркумфлекса») – в словах со звонким анлаутом; «вторичный циркумфлекс» – как восходящий контур в словах с любым анлаутом; 3) в говоре Федоровского рефлекс «старого циркумфлекса» – восходящий контур, рефлекс «вторичного циркумфлекса» – восходящий контур после звонких губных (*b*-, *v*-, *xv*-), нисходящий в других позициях; нерегулярный восходящий контур в *xǫtyt* – по-видимому, под влиянием «рифмующегося» регулярного *uǫtyt*. Таким образом, с одной стороны, различия между восточнославянскими тональными контурами подтверждают просодическое различие между *pot.*-*acc. sg. a. p. c* и *a. p. d* (являясь к тому же серьезным аргументом в пользу фонетического происхождения «вторичного циркумфлекса» в *pot. sg. a. p. d*). С другой стороны, регулярные соответствия между праславянской реконструкцией и тональными контурами в говорах Анисова и Федоровского подтверждают фонологический характер последних. К сожалению, во всех восточнославянских говорах, в которых обнаружены тональные различия, – восточно-полесских (Плехов, Анисов, Москали Черниговского р-на, Бакланова Муравейка Куликовского р-на Черниговской обл.), ужанских (Новоселица Перечинского р-на Закарпатской обл.), псковско-полоцких (Федоровское Локнянского р-на Псковской обл., Шихотово Жарковского р-на Тверской обл.), восточнорусских (Леушино Пошехонского р-на Ярославской обл.) – в односложных формах наблюдается вариативность, а регулярные соответствия между *pot.*-*acc. sg. m. p.* в этих говорах и праславянскими формами до сих пор не установлены. Тональные различия в перечисленных говорах малофункциональны, а потому, хотя и осознаются носителями, неустойчивы и подвержены разнонаправленным фразовым нейтрализациям. Дополнительную трудность создает наличие в восточнославянских говорах особого рефлекса «вторичного циркумфлекса» в *pot.*-*acc. sg. основ a. p. d*, который совпадает с «первичным циркумфлексом» в остальных славянских языках и реконструируется на теоретических основаниях. Сравнение подверженных колебаниям восточнославянских тонов в односложных словах с гипотетической праславянской просодемой пока не привело к убедительным результатам, несмотря на усилия автора настоящей статьи⁷⁷.

⁷⁷ См. [Николаев 1995; 1996; 2000; 2001; 2002; 2003; Дыбо, Николаев 1998].

**РЕФЛЕКСЫ А. П. С, D И В О- И U-ОСНОВ МУЖСКОГО РОДА
В КАРПАТОУКРАИНСКИХ И ПСКОВСКО-ПОЛОЦКИХ ГОВОРАХ**

Ниже рассматриваются «твердые» основы славянских а. п. *c* и *d*, которые анализировались в научной литературе и/или акцентуация которых имеет внешнее сравнение. Не рассматриваются основы, материал по которым скудно представлен и «диалектологическая чистота» которых сомнительна (в их числе *gôrdь а. п. *d* и *sôkolъ а. п. *d*?). Не приводится большинство основ с чередованием а. п. *a/c*, *a/d* (*časъ, *ladъ, *lazъ, *stavъ и др.). Как правило, не рассматриваются слова с неопределенным «тематическим гласным» (напр., *gněvъ, *kumъ, *směхъ, *vidъ *o? u?*-основы). Не анализируются имеющие сложную акцентологическую историю композиты на *-dь* < *-dhh₁om, -s, *-dhh₁us : *per-dь, *na-dь, *po-dь, *pri-dь, *sq-dь ('vessel' и 'court'), *u-dь, *za-dь. Из основ с *ГьТ/*ГьТ, *ГьRT/*ГьRT приводится только *u*-основа *vьгхъ. Основы с устойчивой а. п. *a* также не рассматриваются. Основы с бесспорной а. п. *b* приводятся в качестве иллюстрации их отличия от основ со «смешанным акцентом». Формы мн. числа карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров как правило не рассматриваются ввиду вторичности их акцентуации, и их ударение приводится только в специально оговоренных случаях. О рефлексах акцентных парадигм в славянских языках и диалектах, на основании которых делается реконструкция, см. [АССЯ: 95–148]. Индоевропейская акцентологическая реконструкция дается в двух вариантах: 1) морфонологическом (без иктуса, но с указанием валентности морфем); 2) традиционном (в кавычках): по традиции в основах мужского рода реконструируются окситонеза/баритонеза по греческим, германским и отчасти древнеиндийским рефлексам, хотя в реальности речь идет о тональных контурах, мотивировавших окситонезу или баритонезу в конкретных языках.

Основы а. п. *b* в своей парадигме не имели безударных форм (энклиноменов), иными словами, все формы были ортотоническими, а накоренное или насуффиксальное положение определялось морфонологически: иктус находился на краткосложных корнях, если окончание было морфонологически долгим (*-u gen. sg.; *-y acc. pl. masc. и nom.-acc. pl. fem.; *-a nom.-acc. neut. и др.). У долгосложных основ а. п. *b* окончания были ударными независимо от их «морфонологического количества».

Благодаря простым правилам акцентовки карпатоукраинские долгосложные основы а. п. *b* имеют устойчивую окситонезу. Обычно она сохра-

няется в говорах и у краткосложных основ, несмотря на наличие баритонированных форм в ряде падежей. Парадигма таких основ (в результате смешения падежных форм старых *o*- и *u*-основ) в «наддиалектном» виде выглядит как nom.-acc. *dvór*, gen. *dvorá/dvóru*, instr. *dvoróm*, loc. *dvoré/dvorú*, nom. pl. **dvorí/*dvoróve*, acc. pl. *dvóry*, gen. pl. *dvór/dvorów*, dat. pl. *dvoróm/dvorám*, instr. pl. *dvóry/dvórmi/dvorámi*, loc. pl. *dvórěx/dvoróx/dvoráx*. Основы а. п. *d*, помимо ортотонических форм с разноместным ударением, имели формы-энклиномены в nom.-acc. sg. и в nom. и acc. pl. на **-i*, **-y*: nom.-acc. *rôy*, gen. *royá/róyu*, instr. *royóm*, loc. *rozé/royú*, nom. pl. *rôzi/royóve*, acc. pl. **rôyы*, gen. pl. *rów/*royów*, dat. pl. *royóm/royám*, instr. pl. *róyы/rówmi/royámi*, loc. pl. *rozěx/royóx/royáx*. Сложные, но морфонологически мотивированные акцентные кривые краткосложных основ а. п. *d* постепенно превращались в «смешанные», с более или менее свободным выбором окситонезы/баритонезы в любом из падежей. Смешанные парадигмы основ а. п. *d* широко распространены в карпатоукраинских говорах, в записях они обычно проявляются в произвольной акцентовке форм gen. и instr. sg. (например, gen. *róya*, instr. *royóm*, или gen. *royá*, instr. *royom*, или gen. *róya/royá*, instr. *róyom/royóm*). Вследствие тенденции к унификации места ударения в косвенных падежах ед. ч. основы а. п. *d* по говорам достаточно произвольно получают баритонированную (gen. *róya*, instr. *róyom*) или окситонированную (gen. *royá*, instr. *royóm*) парадигмы. Долгосложные основы а. п. *d* сохраняют окситонезу косвенных падежей ед. ч. гораздо устойчивее, так как первоначально они не имели баритонированных ортотонических форм, и «новая баритонеза» у них возникала только в связи с генерализацией баритонированных форм-энклиноменов.

Всё сказанное выше относится и к истории псковско-полоцких (кривичских) говоров, для которых было характерно действие морфонологических правил расстановки ударения в зависимости от количества гласных корня и окончания, аналогичных тем, что действовали в карпатоукраинском (галицком) ареале.

Источники форм из балтийских и славянских языков и диалектов, для которых в приводимом ниже материале не даются ссылки: литовский [LKŽ], латышский [М.-Е.], древнепрусский [Trautmann], русский [Аванесов], белорусский [СБМ], украинский [ОСУМ], словенский [Pleteršnik], сербский [РСХКJ], болгарский [ПРБЕ], хорватский [НJP], чешский [Trávníček], словацкий [SSJ], словинцкий и сев.-кашубский [PW], кашубский [Sychta], малопольский [Kusała]. Остальные источники указаны в списке сокращений.

Материал по карпатоукраинским (кроме станисл. и Тор.) и псковско-полоцким говорам приводится по [МЭ]. Расшифровка магнитофонных записей (таковы

все записи после 1994 г.) принадлежит автору, если в списке сокращений не указано иное. В материалах приводятся полевые записи с разной степенью «графической фонологизированности». Этим объясняется вариативность передачи на письме одной и той же фонемы (напр., колебания заударных *ы/ь/а* на месте фонемы /ь/ в псковско-полоцких говорах, непоследовательное обозначение повышения подъема гласных в результате вокальной гармонии в карпатоукраинских). Станиславская группа говоров (станисл.) цитируется по [Hanusz 1884]; говор с. Торунь Межгорского р-на Закарпатской обл. (Тор.) – по [Николаев, Толстая 2001]. Говор с. Тисов Долинского р-на Ивано-Франковской обл. (Тис.) представлен двумя различающимися фонетически и акцентологически вариантами (см. расшифровку информантов в списке сокращений).

В полевых записях по акцентологическим программам значения слов, к сожалению, приводятся непоследовательно. Часто отсутствие значения означает, что слово имеет обычное для данной группы говоров значение; ниже оно приводится после названия группы говоров.

Ниже для экономии места при диалектных формах приняты обозначения падежных форм N, G, D, A, Ins, L, а также сокращения Sg, Pl, Num и Coll.

1. БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ РЕЦЕССИВНЫЕ ОСНОВЫ МУЖ. РОДА, СЛАВЯНСКАЯ А. П. С

В карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах баритонеза (первоначально энклиномичность) косвенных падежей ед.ч., кроме loc. sg. на *-и* < **-ǫ* с «надпарадигматической» окситонезой. Окситонированные формы единичны, бóльшая их часть – результат неправильной записи или интерпретации.

У краткосложных основ архаичные окситонированные формы gen. sg. в карпатоукраинских и в псковско-полоцких говорах сохраняются как редкие архаизмы. В карпатоукраинских говорах некоторые долгосложные *и*-основы а. п. с обобщили первоначальное окситонированное ударение gen. sg. и instr. sg., тогда как псковско-полоцкие говоры и в этом классе основ как правило имеют баритонезу (см. ниже материал и комментарии). Ударение loc. sg. на *-и* (< **-ǫ*) для определения а. п. основ нерелевантно.

КРАТКОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

*dōmъ, gen. *domĩ а. п. с [АССЯ: 176–181] < балто-слав. **dōmu-*. Судя по слав. а. п. с, и.-е. рецессивный корень: *dōm, **dōm-*, «тематизация» **dōm-ѳ-*. Другие варианты «тематизации» в греч. *δομος*, *δομή*, др.-инд. *dāma-s*.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘(большой) дом’: Черн. *dīm*, G *dótu*; Миж. *dim*, G *dótu*; Гдеш. *dīm*, G *dótu*; Чапли *dim*, G *dótu*; В. Ст. *dum*, G *dóta*, Ins -*om*, L *dóm’i*; Ставн. *d’im*, G *dóta*, Ins -*om*; Люта *d’im*, G *dótu*; Нов. *dym*, G *dóta*; Ирл. *dum*, G *dóta*, Ins -*om* ‘большое здание’; ТП *dym*, G *dóta* ‘большой дом’; Дус. *dūm*, G *dóta*, Ins -*om*; Довге *dūm*, G *dóta*; НБ *dūm*, G *dóta*; Син. *dūm*, G *dóta* ‘многокомнатный дом’; Новос. *d’im*, G *dótu*; Скот. *d’im*, G *dóta*; Влс. *d’im*, G *dótu*, Ins -*om*; Тис. *d’im*, G *dótu*, L *u dómi* (ЮА), *d^him*, G *dóta* (ВАН); Быстр. *dim*, G *dótu*, Ins *dótom*; ЛП *dūm*, G *dóta*; станицл. *đōm*, G *đómu Нап. 329; Бринь *d’im*, G *dótu*, L -*i*; Крыл. *d’im*, G *dótu*; Тур. *d’im*, G *dóta*; Ясень *d’im*, G *dótu*; Неб. *d’im*, G *dótu*, *dóta*, Ins -*om*, L -*i*; Пер. *d’im*, G *dótu*, Ins -*om*, L -*i*; Косм. *d’im*, G *dótu*, Ins -*om*; Стопч. *d’im*, G *dótu*; Коб. *dim*, G *dótu*, Ins -*om*, L -*i*; Сем.⁷⁸ *dim*, G *dótu*, L *dómi*; Ябл. *gim*, G *dótu*; Луги *dim*, G *dótu* ‘дом’ (редк.); Красн. *dīm*, G *dóta*; Бан. *dīm*, G *dótu*, Ins -*om*, L -*i*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘дом’: Дуд. *dom*, G *dóta*; Гавр. *dom*, G *dóta*; Кузн. *dom*, G *dóta*; Смехн. *dom*, G *dóta* ‘пятистенок’; Корп. *dom*, G *dóta*, Ins -*ьт*; Леж. *dom*, G *dóta*, Num -*a*, Ins -*ьт* ‘пятистенок’; Слёзы *dom*, G *dóta*, Ins -*ьт*; Корш. *dom*, G *dóta*, Ins -*ьт*; Рем. *dom*, G *dóta*, Ins -*ьт*; Ручьи *dom*, Ins *dómьт* ‘дом’; Феликс. *dēm*, G *dētu*, L *w dēm’i*.

***gōdъ**, gen. ***gōda** а. п. с [АССЯ: 191–193] < балто-слав. *gōdo- < и.-е. *ghodh-*o*- (“*ghodhós”) (?). Рецессивность корня определяется по а. п. с глаголов *žьdāti, *žēdō; каузатив и деноминатив⁷⁹ *godīti, *gōdjq.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘год’: Брод *yūt*, G *yóda*; Довге *yūt*, G *yóda*; НБ *yūd*, G *yóda*; Негр. *yūt*, G *yódu*; Син. *yūt*, G *yóda*, L *yód’i*; СинП *y’id*, G *yóda*, *yódu*, Ins *yódom*; Новос. *yūd*, G *yóda*, *yódu*; Тор. *y’id*, G *yóda*; РМ *yvt*, G *yóda*, Ins -*om*; Бруст. *yvt*, G *yóda*; ЛП *yūt*, G *yóda*; ШЛ *yvd*, G *yóda*;

⁷⁸ Из с. Семаково имеется ряд записей в фонетической транскрипции с различным обозначением звуков. В настоящей статье все формы даются в унифицированной фонологической орфографии.

⁷⁹ Каузативные и деноминативные *i*-глаголы имеют праславянский рецессивный *i*-суффикс, поэтому их а. п. позволяет установить а. п. производящей основы. От рецессивных основ образуются *i*-глаголы а. п. с. От доминантных основ с корневой краткостью и циркумфлексом образуются *i*-глаголы а. п. *b*₂, от доминантных корней с акутом – *i*-глаголы а. п. *a*. Итеративные глаголы имеют доминантный *i*-суффикс, и по ним валентность корня установить можно только для корней с и.-е. долготой (в рецессивных корнях происходит метатония «акут ⇒ циркумфлекс»), в доминантных не происходит; см. выше, сноски б.

Углы *yvd*, G *yóda*, Ins -om; Вел. *yvt*, G *yóda*; Луг *yvd*, G *yódu*; Рона *yud*, G *yóda*; Реп. *yud*, G *yóda*; станисл. *zòd*, G *zóda Нап. 328; Ябл. *h'it*, G *h'ódu*; Луги *y'it*, G *y'ódu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'год': Дуд. *yot*, G *yóda*; Гавр. *got*, G *góda*; Кузн. *got*, G *góda*; Корп. *got*, G *góda*; Леж. *got*, G *góda*, Ins -ьт; Слёзы *got*, G *góda*, Ins -ьт; Корш. *got*, G *góda*, Ins -ьт; Рем. *got*, G *góda*, Ins -ьт; Феликс. *yot*, G *yóda*.

*lědъ, gen. *ledŭ а. п. с [АССЯ: 216–219] < балто-слав. *lėdu-. Ср. лит. *ledùs* и с вторичной о-основой *lėdas*, а. п. 4 во всех диалектах [LKŽ и ИАБС: 145].

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'лед': Черн. *l'it*, G *lédu*; Миж. *l'it*, G *lédu*; Гдеш. *l'i't*, G *lédu*; Чапли *l'it*, G *lédu*; Мшан. *lit*, G *lédu*; В.Ст. *let*, G *lédu*; Ставн. *let*, G *léda*, Ins -om; Люта *let*, G *léda*; Нов. *let*, G *lédu*; Ярок *let*, G *léda*, *lédv*; Худл. *led*, G *lédv*; Ирл. *let*, G *léda*, -и, Ins -om; Бен. *let*, G *lédu*, Ins -om; ТП *let*, G *léda*, Ins -om; Черн. Пот. *l'üt*, G *lédu*, Ins -om; Брод *l'üt*, G *lédu*; Заг. *l'üt*, G *lédu*; Клим. *l'iid*, G *lédv*; Дус. *let*, G *léda*, Ins -om; Кер. *l'it*, G *lédu*; Довге *l'it*, G *lédu*; НБ *l'iid*, G *lédu*; Нерп. *l'üt*, G *lédu*, Ins -om; Син. *l'üt*, G *lédu*; СинП *l'id*, G *lédu*, Ins -om; Новос. *l'id*, G *lédu*; Тор. *l'id*, G *lédu*; Скот. *l'it*, G *lédu*; Влс. *l'id*, G *lédu*, Ins -om; РМ *let*, G *lédu*, Ins -om; Бруст. *l'it*, G *lédu*, Ins -om; Битля *l'it*, G *lédu*; Тис. *l'id*, G *lédu*, Ins *pid lédom* (ЮА); Быстр. *lit*, G *lædu*, Ins -om; ЛП *l'it*, G *lédu*; ШЛ *l'vd*, *led*, G *lédu*, *léda*, Ins -om; Вел. *let*, *l'vt*, G *lédu*; Луг *l'id*, G *lédu*; Рона *l'id*, G *l'ida*, Ins -om; Реп. *led*, G *lédu*; станисл. *lêd*, G *lědu Нап. 334; Бринь *l'id*, G *lédu*, Ins -ом; Крыл. *l'id*, G *lédu*; Тур. *l'id*, G *lédu*, L *léd'i*; Ясень *l'id*, G *lédu*; Неб. *l'id*, G *lédu*, Ins -om; Пер. *l'id*, G *lédu*, Ins -om, L *ledú*, *léd'i*; Печ. *l'it*, G *lédu*; Косм. *l'id*, G *lédu*, Ins -om; Стопч. *l'it*, G *lédu*; Коб. *l'id*, G *lædu*, Ins -om; Сем. *lid*, G *lædu*, Ins -om; Луги *lit*, G *lédu*; Красн. *lit*, G *lædu*; Яв. *l'it*, G *lædu*; Бан. *lid*, G *lédu*, Ins -ом; Тышк. *li'q*, G *lédu*.

Ударение *ledú* в станисл. *lêd*, G *lědu/*ledú Нап. 334, по-видимому, представляет архаизм – сохранение праслав. *lėdŭ.

В псковско-полоцких говорах, как и в большинстве великорусских говоров, преобразование основы *led-* > *lěd-* и ударение в формах с вторичным корнем *lěd-* непоказательно: Дуд. *l'ot*, G *l'da*, Гавр. *l'ot*, G *l'da*, Кузн. *l'ot*, G *lda* и т. д.

*mědъ, gen. *medŭ а. п. с [АССЯ: 222–226] < балто-слав. *mėdu-, лит. *medùs*, а. п. 4 во всех диалектах [LKŽ и ИАБС: 63]. И.-е. *medh₂

("*médhu"); баритонеза греч. μέθυ 'wine', др.-инд. *mádhu* 'сладкий напиток, мед' регулярна в рецессивном корневом имени без флексии в ном.-асс. sg.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'мед': Черн. *m̄'it*, G *médu*; Миж. *mit*, G *médv*; Гдеш. *mi^wt*, G *médu*; Чапли *m̄it*, G *médu*; Мшан. *m̄it*, G *médu*; В.Ст. *met*, G *médu*, Ins -om; Ставн. *med*, G *méda*, Ins -om; Люта *met*, G *méda*, *médu*, Ins -om, L -ov̄; Нов. *met*, G *médu*; Ярок *med*, G *medv*; Худл. *med*, G *médu*; Ирл. *met*, G *méda*, -u, Ins -om; Бен. *met*, G *médu*, Ins -om; ТП *met*, G *médu*; Черн.Пот. *m̄'it*, G *médu*, Ins -om; Брод *m̄'it*, G *médu*, L *méd'i*; Заг. *met*, G *médu*; Клим. *med*, G *médv*; Кер. *m̄it*, G *médu*; Довге *mit*, G *médu*; НБ *m̄id*, G *médu*; Негр. *m̄it*, G *médu*, Ins -om; Син. *m̄it*, G *médu*, L -ov̄; СинП *mid*, G *médu*, Ins -om; Новос. *m̄id*, G *médu*, L *médov̄*; Тор. *mid*, G *médu*; Скот. *m̄it*, G *médu*; Влс. *mid*, G *médu*, Ins -om; РМ *met*, G *médu*, Ins -om; Бруст. *mit*, G *médu*; Битля *m̄it*, G *médu*; Тис. *mid*, G *médu*, Ins z *médom* (ЮА); *m^hid*, G *médu* (ВАН); Быстр. *mit*, G *mædu*, Ins -om; ЛП *mit*, G *médu*; ШЛ *med*, G *médu*; Вел. *met*, G *médu*; Луг *mid*, G *médu*; Рона *mid*, G *médu*; Реп. *med*, G *médu*; станицл. *m̄êd*, G *médu Нап. 329; Бринь *mit*, G *médu*, Ins -om; Тур. *mid*, G *médu*, Ins -om, L *méd'i*; Ясень *mid*, G *médu*; Неб. *mid*, G *médu*, Ins -om, L *méd'i*; Пер. *mid*, G *médu*, Ins -om, L *méd'i*; Печ. *mit*, G *médu*; Косм. *mid*, G *médu*, Ins *médom*; Стопч. *m̄it*, G *médu*; Коб. *mit/mæt*, G *mædu*, Ins -om; Сем. *mid*, G *mædu*, Ins -om, L *mægi*; Луги *mit*, G *médu*; Красн. *m̄it*, G *mædu*; Яв. *m'it*, G *mædu*; Бан. *m̄id*, G *médu*, Ins -om, L *mégi*; Тышк. *mi^wd*, G *mædu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'мед': Дуд. *m'ot*, G *m'oda*; Гавр. *m'ot*, G *m'oda*; Кузн. *m'ot*, G *m'oda*; Смахн. *m'ot*, G *m'oda*; Корп. *m'ot*, G *m'oda*, Ins -ьт; Леж. *m'ot*, G *m'oda*, Ins -ьт; Слёзы *m'ot*, G *m'odu*, Ins -ьт; Корш. *m'ot*, G *m'oda*, Ins -ьт; Рем. *m'ot*, G *m'oda*, Ins -ьт; Ручьи *m'ot*, G *m'odu*, Ins -ьт; Феликс. *m̄iot*, G *m'odu*, Ins *m̄iodьт*.

***rōdь**, gen. ***rodŭ** а. п. с [АССЯ: 256–261] < балто-слав. *rōdu-, ср. а. п. с деноминатива *rodīti, *rōdj̥q.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'род, родня': Черн. *r̄it*, G *rōdu*; Миж. *rit*, G *rōdv*; Гдеш. *ri^wt*, G *rōda*; Чапли *rit*, G *rōdu*; Мшан. *r'it*, G *rōdu*; Ставн. *r'id*, G *rōda*, Ins -om; Люта *r'it*, G *rōda*, Ins -om, L -ov̄; Ирл. *rut*, G *rōda*, Ins -om, L u *ród'i*; ТП *r̄it*, G *rōdu*; Черн.Пот. *r̄it*, G *rōdu*, Ins *rōdom*; Брод *r̄it*, G *rōda*; Дус. *r̄it*, G *rōdu*, Ins -om; Дус. *r̄it*, G *rōdu*, Ins -om; Кер. *r̄it*, G *rōdu*; Негр. *r̄it*, G *rōdu*, Ins *rōdom*; Син. *r̄it*, G *rōdu*; СинП *r'it*, G *rōdu*, Ins *rōdom*; Новос. *r'id*, G *rōdu*, L *rōdov̄*, *rodŭ*; Тор. *r'it*, G *rōdu*; Скот. *r'it*, G

ródu; Влс. *r'id*, G *ródu*, Ins -om; РМ *rvt*, G *ródu*, Ins -om; Бруст. *rnt*, G *róda*; Битля *r'it*, G *ródu*; Тис. *r'id*, G *ródu*, L w *ród'i* (ЮА), *r'id*, G *ródu* (ВАН); Быстр. *r'it*, G *ródu*, Ins -om 'родня'; ЛП *rüt*, G *ródu*; ШЛ *rvd*, G *ródu*, Ins *ródom*; станисл. *pôd*, G *pódu Нап. 328; Бринь *r'it*, G *ródu*, Ins -om; Тур. *r'id*, G *ródu*, Ins -om, L *ród'i*; Ясень *r'id*, G *ródu*; Неб. *r'id*, Ins *ródom*, L *ród'i*; Пер. *r'id*, G *ródu*, Ins -om, L *ród'i*; Печ. *r'it*, G *ródu*; Стопч. *r'it*, G *ródu*; Коб. *rid*, G *ródu*, Ins -om, L *ród'i*; Сем. *rid*, G *ródu*, Ins -om; Луги *rit*, G *ródu*; Яв. *rit*, G *ródu*; Бан. *rid*, G *ródu*, Ins -om, L *ródu*, *rógi*; Тышк. *ri'd*, G *ródu*. Отклоняются с архаическим ударением gen. sg.: Вел. *rvd*, G *ródú*; Луг *rvd*, G *ródú*; Довге *rüt*, G *rodá*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'род, родня': Дуд. *ruót*, G *ruóda*; Гавр. *rot*, G *róda*; Кузн. *rot*, G *róda*; Смехн. *rot*, G *róda*; Корп. *rot*, G *róda*, Ins -ьт; Леж. *rot*, G *róda*; Слёзы *rot*, G *róda*, Ins -ьт; Корш. *rot*, G *róda*, Ins -ьт; Рем. *rot*, G *róda*, Ins -ьт; Феликс. *rod*, G *ródu*.

sǫkъ**, gen. ***sǫka** а. п. с [АССЯ: 274–276] < балто-слав. ***sōko**-m, лит. *sakai* 'смола', а. п. 4 во всех диалектах [LKŽ и ИАБС: 37] < и.-е. ***swok**^w-o-s ("swok**^wó-s"), отсюда же греч. ὀπός m. 'vegetable juice, the milky juice' (Ном.+).

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'сок': Черн. *sžk*, G *sóku*; Миж. *sik*, G *sóku*; Гдеш. *si'k*, G *sóku*, Ins -um; Чапли *sik*, G *sóku*; Мшан. *šik*, G *sóku*; Ставн. *s'ik*, G *sóka*, Ins -om; Черн.Пот. *süik*, G *sóku*, Ins *sókom*; Брод *süik*, G *sóka*; Заг. *süik*, G *sóku*; Дус. *süik*, G *sóku*, Ins -om; Ганьковица *süik*, G *sóku* 'березовый сок'; Кер. *süik*, G *sóka*; Довге *süik*, G *sóku*; Негр. *süik*, G *sóku*, Ins *sókom*; СинП *s'ik*, G *sóku*, Ins *sókom*; Новос. *s'ik*, G *sóku*, L *sóc'i*; Тор. *s'ik*, G *sóku*; Влс. *s'ik*, G *sóku*, Ins -om; Битля *šik*, G *sóku*; Быстр. *sik*, G *sóku*, Ins -om; Вел.Копаня *süik*, G *sóku* 'древесный сок'; станисл. *cǫk*, G *cóku Нап. 330; Бринь *s'ik*, G *sóku*; Крыл. *s'ik*, G *sóku*; Ясень *s'ik*, G *sóku*; Пер. *s'ik*, G *sóku*, Ins -om, L *sóc'i*; Печ. *s'ik*, G *sóku*; Баня-Березов *s'ik*, G *sóku*, Ins -om; Косм. *s'ik*, Ins *sókom*, L *sóc'i*; Стопч. *s'ik*, G *sóku*, Ins -om; Коб. *sik*, G *sóku*, Ins -om; Сем. *sik*, G *sóku*; Ябл. *s'ik*, G *sóku*; Красн. *sžk*, G *sóku*; Яв. *sik*, G *sóku*; Бан. *sik*, G *sóku*, Ins -om; Тышк. *šik*, G *sóku*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'сок': Дуд. *sok*, G *sóka*; Гавр. *sok*, G *sóka*; Кузн. *sok*, G *sóka*; Смехн. *sok*, G *sóka*; Корп. *sok*, G *sóka*, Ins -ьт; Леж. *sok*, G *sóka*, Ins -ьт; Слёзы *sok*, G *sóka*, Ins -ьт; Корш. *sok*, G *sóka*, Ins -ьт; Рем. *sok*, G *sóka*, Ins -ьт; Ручьи *sok*, G *sóku*, Ins -ьт; Феликс. *sok*, G *sóku*, Ins -ьт.

***хѡдѣ**, gen. ***хѡда** а. п. с [АССЯ: 297–299]. Сравнение с греч. ὁδός f. (οὐδός Od.17.196) ‘way, road; travelling, journeying’, др.-инд. *sādā-* m. ‘sitting (on horseback), riding’ < и.-е. **s_od-_o-* соблазнительно, но фонетически необоснованно⁸⁰. Однокоренной глагол *ходĭti, *ходjǫ а. п. *b*₁ является итеративом и неинформативен для определения валентности корня.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘ход, ходьба; проход’: Черн. *x'it*, G *xódu*; Миж. *xit*, G *xóda*; Гдеш. *xí'it*, G *xódu*, Ins *-um*; Чапли *xit*, G *xódu*; Мишан. *x'it*, G *xódu*; Нов. *xnt*, G *xóda*; Ярок *xnd*, G *xóda*, Ins *-om*; Худл. *xnd*, Ins *xódom* ‘ходьба’; ПП *xnt*, G *xódu*; Черн. Пот. *xüt*, G *xódu*, Ins *-om*; Брод *xüt*, G *xódu*; Дус. *xüt*, G *xódu*, Ins *-om*; Кер. *xüt*, G *xódu* ‘походка’; Син. *xüt*, G *xóda*, *xódu*, Ins *xódom* ‘проход’; СинП *x'id*, G *xódu*, Ins *xódom*; Новос. *xid*, G *xódu*, Ins *-om*; Тор. *x'id*, Ins adv *xódom* ‘ход, движение; проход’; Скот. *x'id*, G *xódu*; Влс. *x'id*, G *xódu*, Ins *-om*; Бруст. *xnt*, G *xóda*; Битля *xit*, G *xódu*; Тис. *x'id*, G *xódu* (ЮА), *x'uid*, G *xódu* (ВАН); Быстр. *xit*, G *xódu*, Ins *-om* ‘ход (действие)’; станицл. *xòd*, G *xódu Нап. 328; Бринь *x'it*, G *xódu*; Тур. *x'id*, G *xódu*, Ins *-om*, L *xód'i*; Ясень *x'id*, G *xódu*; Неб. *x'it*, G *xódu*, Ins *-om*, L *xód'i*; Пер. *xid*, G *xódu*, Ins *-om*; Печ. *x'it*, G *xódu*; Косм. *x'id*, G *xódu*, Ins *-om*; Стопч. *x'it*, G *xódu*, Ins *-om*; Коб. *xit*, G *xódu*, Ins *-om*, L *xód'i*; Сем. *xid*, G *xódu*; Луги *x'it*, G *xódu*; Красн. *x'it*, G *xóda*; Яв. *x'it*, G *xódu*, Ins *-om*; Бан. *x'id*, G *xódu*, Ins *-om*; Тышк. *x'id*, G *xódu*. Отклоняются Ставн. *x'id*, G *xodá* при Ins *xódom*; Довге *xüt, G *xodá*; ЛП *xüt*, G *xodá*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘ход, ходьба; проход’: Дуд. *xiot*, G *xíoda* ‘ход’; Гавр. *xot*, G *xóda* ‘проход, лаз’; Кузн. *xot*, G *xóda*; Смехн. *xot*, G *xóda*; Зал. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Сопки *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Заб. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Овин. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Леж. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Слёзы *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Кост. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт*; Рог. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт* ‘хождение; проход’; Корш. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт* ‘хождение’; Рем. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт* ‘проход’; Ручь *xot*, G *xódu*, Ins *-ьт*; Феликс. *xot*, G *xóda*, Ins *-ьт* ‘проход’. Отклоняется Мыза *xot*, G *xadá* – при Ins *xódьт*.

Окситонированные формы в Ставн., Довге, ЛП и Мыза, возможно, восходят к ***хѡдѣ**, ***хѡда** > ***ходá** а. п. *b*, вторичному deverbative от итератива *ходĭti, *ходjǫ а. п. *b*₁ – ср. словен. *hòd*, *hóda* (при *hòd*, *hodá* < ***хѡдѣ**, gen. ***хѡда** а. п. с, имеющем акцентуацию первичного имени).

⁸⁰ В. А. Дыбо предполагает, что слав. *ходѣ, **шѣd-* заимствовано из иранского [Dybo 2002: 479].

ДОЛГОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

***běsь**, gen. ***běsa** а. п. с: хорв. *bijēs*, G *bijēsa; болг. *бяс*, det. *бесѣть*; рус. *бес*, G *беса*, Pl *бесы*, отсюда а. п. с деноминативного глагола *běsīti, *běsjo деноминатив. Балто-слав. **bōiso-* < и.-е. *bə₁y-sō-s ("*bhHysós"). Ср. лит. редк. *baĩsas* 'baisus sutvėrimas, vaiduoklis' а. п. 4. Рецессивность корня **bhe*Hy- определяется по лтш. *bītiēs*; слав. *bōjō, *bojītь а. п. с.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'бес, черт': Черн. *bis*, G *bisa*; Миж. *bis*, G *bisa*; Чапли *bis*, G *bisa*; Ставн. *b'is*, G *b'isa*, Ins -om; Люта *bis*, G *bisa*, Ins -om, L -ovr; Нов. *bis*, G *bisa*; Ярок *bis*, G *bisa* 'бес; бешенство'; Худл. *bis*, G *bisa*; Ирл. *b'is*, G *b'isa*, Ins -om 'бешенство'; Бен. *b'is*, G *b'isa* 'черт'; ТП *bis*, G *bisa*; Черн. Пот. *bis*, G *bisa*; Брод *bis*, G *bisa*; Заг. *bis*, G *bisa* 'бешеная собака'; Дус. *bis*, G *bisa*, Ins -om; Кер. *bis*, G *bisa*; Довге *bis*, G *bisa*; НБ *bis*, G *bisa*; Нерп. *bis*, G *bisa*, Ins -om; Син. *bis*, G *bisa*, L -ovr 'бес, черт'; СинП *bis*, G *bisa*, Ins -om; Новос. *bis*, G *bisa*; Тор. *bis*, D *bisu* 'бес, черт'; Влс. *bis*, G *bisa*, Ins -om; РМ *bis*, G *bisa*, Ins -om; Бруст. *bis*, G *bisa*; Битля *bis*, G *bisa*; Тис. *bis*, G *bisa* (ЮА, ВАН); Быстр. *bis, G *bisa*; ЛП *bis*, G *bisa*; ШЛ *bis*, G *bisa*; Вел. *bis*, G *bisa*; Луг *bis*, G *bisa*; Рона *bis*, G *bisa*; Реп. *bis*, G *bisa*; станицл. *бѣс*, G *бѣса Нап. 329; Бринь *bis*, G *bisa*, do *bisa* 'черт; бешенство'; Крыл. *bis*, G *bisa*; Неб. *bis*, G *bisa*, Ins -om; Пер. *bis*, G *bisa*, Ins -om; Печ. *bjes*, G *bjesa*; Стопч. *bis*, G *bisa*; Сем. *bis*, G *bisa*, Ins -om, L na *bis'i*; Луги *bis*, G *bisa*; Красн. *bis*, G *bisa*; Тышк. *bis*, G *bisa*. Исключение: Гдеш. *bis*, G *bisá*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза; НВ: баритонеза архаичного пом. pl. на -i, имеющая праславянское происхождение) 'бес, черт': Дуд. *bjes*, G *b'jesa*; Гавр. *b'es*, G *b'esa*; Кузн. *b'es*, G *b'esa*; Смехн. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт; Зал. *b'esa*, G *b'esa*, Ins -ьт; Сопки *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт; Мал. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт; Заб. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Овин. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Корп. *b'esa*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Леж. *b'es*, G *b'esa*; Слэзы *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Мыза *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Кост. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Корш. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Рем. *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт, Pl *b'es'i*; Ручьи *b'es*, G *b'esa*, Ins -ьт.

***dārgь**, gen. ***darŭ** а. п. с; во всех языках рефлексы а. п. с: чеш., словц. *dar*; словинц. *daw*, G *daru* хорв. *dār*, G *dāra; вост.-шток. Груза Ins *dārom* 450 и т. д.; деноминативный глагол *darīti, *dārjō а. п. с. Балто-слав. **dōrgu-* = и.-е. **deh₂-ru-*s ("*deh₂rús"). Сходная основа **deh₃-rō-* в греч. *δῶρον* 'gift, present, gift of honour' (Ном.+). Образование от рецессивного корня **deh₃-* 'давать': лтш. *duôt*, слав. *dāti, *dājō а. п. с.

Карпатоукраинские говоры 'свадебный подарок':

Окситонеза: В.Ст. *dar*, G *dará* 'Св. Дары при причастии'; Ставн. *dar*, G *dará*, Ins *dárom*; Люта *dar*, G *darú*, -á; Ярок *dar*, G *darŭ*; Худл. *dar*, G *dáru*, *darŭ*; Ирл. *dar*, G *dará*, Ins *dárom*, *daróm* 'дар в церковь; дар неимущему'; Бен. *dar*, G *dará*, Ins -óm 'свадебный подарок'; ТП *dar*, G *dará*; Брод *dar*, G *dará*; Дус. *dar*, G *darú*, Ins -óm; Кер. *dar*, G *dará*; Довге *dar*, G *dará*; НБ *dar*, G *dará*, Ins *dárom*; Син. *dar*, G *darú* (только *idiom. bóžoj dár*); Скот. *dar*, G *dará*; Битля *dar*, G *darú*; Тис. *dar*, Ins *z daróm* (ЮА), *dar*, G *darú* (ВАН); ЛП *dar*, G *dará* 'свадебный подарок' (sg. редк.); Угля *dar*, G *dára*, *dará*, Ins *dárom*, *daróm*; Луг *dar*, G *darú*; Рона *dar*, G *dará*, Ins -óm, L *dár'i*; Бринь *dar*, G *darú*, Ins *dárom*, *daróm*; Крыл. *dar*, G *darú*; Пер. *dar*, G *darú*, Ins *dárom*; Печ. *dar*, G *darú*; Коб. *dar*, G *dará*; Сем. *dar*, Ins *daróm*; Луги *dar*, G *dáru*, *dará*; Красн. *dar*, G *dará*; Яв. *dar*, G *dará*; Тышк. *dar*, G *darú*.

Баритонеза: Гдеш. *dar*, G *dáru*; Нов. *dar*, G *dáru*; Нерп. *dar*, G *dáru*, Ins -om (только *idiom. bóžoj dár*); СинП *dar*, G *dára*, Ins -om; Тор. *dar*, G *dáru*; Влс. *dar*, G *dáru*, Ins -om 'дар (талант)'; РМ *dar*, G *dára*, Ins -om; Бруст. *dar*, G *dára*; Быстр. *dar*, G *dáru*, Ins -om; ШЛ *dar*, G *dáru*, *dára*, Ins -om; Реп. *dar*, G *dára*; станицл. *дар*, G *dáru Нан. 330; Тур. *dar*, G *dáru*, Ins -om, L *dár'i*; Неб. *dar*, G *dáru*, Ins -om, L *dár'i*; Стопч. *dar*, G *dáru*; Ябл. *dar*, G *dáru*.

Псковско-полоцкие говоры 'подарок':

Окситонеза: Кузн. *dár*, G *dará* 'свадебный подарок'; Мыза *dar*, G *dará*, Ins -óm; Овин. *dar, G *dára*, Ins *daróm* 'подарок'.

Баритонеза: Дуд. *dar*, G *dára*; Гавр. *dar*, G *dára* 'свадебный подарок'; Смехн. *dar*, G *dára*; Зал. *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Сопки *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Мал. *dar*, G *dára*, Ins *dárъм*; Заб. *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Корп. *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Леж. *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Слезы *dar*, G *dára*, Ins -ъм 'подарок'; Рог. *dar*, G *dára*, Ins -ъм 'способность, природный дар'; Корш. *dar*, G *dára*, Ins -ъм; Рем. *dar*, G *dára*, Ins -ъм.

***dǫbъ**, gen. ***dǫbŭ** а. п. с: все языки имеют рефлексы а. п. с, в том числе вост.-шток. Гружа *дѹб*, G *дѹба 53; словен. *dǫb*; хорв. *dŭb*, G *dŭba; чеш., слвц. *dub*; словинц. *dǫb*, G *dǫba*; болг. *дѹб*, det. *дѹбѹт* и т. д. < балтослав. **dāmbu-* = и.-е. *dhanw-ō-s ("*dhanwós") (?) с уникальным развитием *-nwo-* > *-nbu-*⁸¹. И.-е. *dhanu-s, *dhanwo-s, *dhanweh₂ > др.-инд. *dhánvan-* n., *dhanu-* m., *dhánuṣ-* n. 'bow'; *dhanvana-* m. n., *dhanvaga* m. 'Grewia ela-

⁸¹ Ср. аналогичное развитие и.-е. *manw-yo-s > *mangju-s > слав. *mǫžь, «*ju-*основа».

stica; n. its fruit', авест. *danvan-*, *danvar-* 'Bogen', герм. *danná-z 'хвойное дерево' > ср.-н.-нем. *dan* m. 'Wald', **danno*⁸² > др.-сакс. *danna*, др.-в.-нем. *tanna* f. 'Nadelbaum'.

Карпатоукраинские говоры 'дуб':

Баритонеза: Миж. *dur*, G *dúba*; В.Ст. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Ставн. *dub*, G *dúba*, Ins -om; Нов. *dur*, G *dúba*; Ярок *durb*, G *dúba*, Ins -om; Ирл. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Бен. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Черн. Пот. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Заг. *dur*, Ins *dúbot*; Дус. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Довге *dur*, G *dúba*; НБ *dub*, G *dúba*; Нерп. *dur*, G *dúba*, Ins -om; Син. *dur*, G *dúba*, L -i, -ovr; Новос. *dub*, G *dúba*, Ins -om, L -i; Тор. *dub*, G *dúba*; Скот. *dub*, G *dúba*; Влс. *dub*, G *dúba*, Ins -om; РМ *dur*, G *dúba*, Ins -om; Бруст. *dur*, G *dúba*; Тис. *dub*, G *dúba*, L на *dúbi* (ЮА), *dúb*, G *dúba* (ВАН); Быстр. *dúb*, G *dúba*, Ins -om; ЛП *dur*, G *dúba*; Вел. *dur*, G *dúba*; Луг *dub*, G *dúba*, Ins -om; Рона *dub*, G *dúba*; Реп. *dub*, G *dúba*; Крыл. *dur*, Ins *dúbot*; Тур. *dub, L *dúbi*; Лукв. *dub*, G *dúba*, Ins -om, L на *dúb* 'i; Ясень *dub*, Ins *dúbot*, L -i; Неб. *dub*, G *dúba*, Ins -om, L -i; Пер. *dub*, G *dúba*, Ins -om, L -i; Косм. *dub*, G *dúba*, Ins -om; Стопч. *dur*, G *dúba*, L -i; Коб. *dur*, G *dúba*, Ins -om, L -i; Ябл. *dur*, G *dúba*; Яв. *dur*, G *dúba*; Бан. *dur*, G *dúba*, Ins -om, L -i; Тышк. *dub*, G *dúba*. Отклоняется Сем. *dub*, G *dúbu*, Ins *dúbot*, *dubóm* – видимо, сохранение архаического ударения instr. sg. *и-основы*.

Архаичная окситонеза gen. и instr. sg. *и-основы* в части псковско-полоцких говоров⁸³ 'дуб':

Окситонеза: Дуд. *dur*, G *dubá*; Гавр. *dur*, G *dúba*, *dubá*; Кузн. *dur*, G *dubá*; Мал. *durb*, G *dubá*, Ins -om; Овин. *dur*, G *dúba*, *dubá*, Ins *dubóm*; Мыза *dur*, G *dubá*, Ins -om; Кост. *dur*, G *dúbu*, *dubá*, Ins *dúbъm*, *dubóm*; Ручьи *dur*, G *durbá*, Ins *dúbъm*; Феликс. *dur*, G *dúba*, L *нъ dubjé*⁸⁴.

Баритонеза: Смехн. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Зал. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Сопки *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Заб. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Корп. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Леж. *dur*, G *dúba*, Ins *dubóm*; Слёзы *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Рог. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Корш. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm; Рем. *dur*, G *dúba*, Ins -ъm.

*drûgъ, gen. *drûga а. п. с: вост.-шток. Лев. *дрûгъ*^с 123, 239, G *дрûга 239, *дрûга* 240, instr. *дрûгем* 225; словен. *drûg*; хорв. *drûg*, G *drûga; сев.-

⁸² Прагерманская окситонеза, если на этот пример экстраполировать правило Клуге.

⁸³ Также сев.-смогл. Ком. *dur*, G *dubá*, Ins -om; сев.-витебск. *дун*, G *дуба*, Ins *нд дубъm* / *нд дубом*, L *w дуб'и* [ГБРИ: 171].

⁸⁴ Субститут L *dubú.

чак. Сусак *drûx*, G *drúya* [Shrager 2011: 221]; чеш., слвц. *druh*; словинц. *drëx*; рус. *друг*, G *дрúга*, Pl *друзья́* и т. д., деноминативный глагол *družiti, *drûžjo а. п. с. Балто-слав. **drūgo-* м., лит. *draũgas* а. п. 4 во всех диалектах [LKŽ и ИАБС: 113] < и.-е. *dhrowgh-o-s ("*dhrowghós") (?). Реконструкция м. р. подтверждается герм. *drauga-z > др.-исл. *draugr* 'супруг'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'друг': Миж. *druh*, G *drúya*; Гдеш. *druh*, G *drúya*; Чапли *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; Мшан. *druh*, G *drúya*; Ставн. *druh*, G *drúha*, Ins -*om*; Люта *druh*, G *drúya*, Ins -*om*, L -*ovi*; Нов. *druh*, G *drúya*; Ярок *druh*, G *drúya*; Худл. *druh*, G *drúya*; Ирл. *druh*, G *drúha*, Ins -*om*; Бен. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; ТП *druh*, G *drúya*; Черн.Пот. *druh*, G *drúya*; Дус. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; Довге *druh*, G *drúya*; НБ *druh*, G *drúya*; Негр. *druh*, G *drúya* (редк. синоним к *c'imbora*); Син. *druh*, G *drúya*, L -*ovi* (редк.); Новос. *druh*, G *drúya*; Тор. *druh*, G *drúya*; Скот. *druh*, G *drúya*; Влс. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; Бруст. *druh*, G *drúya*; Битля *druh*, G *drúya*; Тис. *druh*, G *do drúya*, Ins *z drúyom* (ЮА), *drúy*, G *drúya* (ВАН); Быстр. *drúx*, G *drúha*, Ins -*om*; ШЛ *druh*, G *drúya*; Вел. *druh*, G *drúya*; Луг *druh*, G *drúya*; станицл. *друг*, G *дрúга Нан. 330; Бринь *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; Крыл. *druh*, G *drúya*; Тур. *druh*, G *drúha*, Ins -*om*, L *drúz'i*; Ясень *druh*, G *drúya*; Неб. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*, L *drúz'i*; Пер. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*, L *drúz'i*; Печ. *druh*, G *drúya*; Коб. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*; Сем. *druh*, G *drúha*, Ins -*om*; Ябл. *druh*, G *drúha*; Луги *druh*, G *drúya*; Красн. *druh*, G *drúya*; Яв. *druh*, G *drúha*; Бан. *druh*, G *drúya*, Ins -*om*, L -*u*; Тышк. *druh*, G *drúha*. Отклоняется В.Ст. G *druhá*, Ins *drúyom*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'друг': Дуд. *druh*, G *drúya*; Гавр. *druk*, G *drúga*; Кузн. *druk*, G *drúga*; Смехн. *druk*, G *drúga*; Заб. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Овин. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Корп. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Леж. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Слезы *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Мыза *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Кост. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Рог. *druk*, G *drúga*, D -*u*, Ins -*ьт*; Корш. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Рем. *druk*, G *drúga*, Ins -*ьт*; Ручьи *druh*, G *drúya*, Ins -*ьт*; Феликс. *druh*, G *da drúya*.

***dûxъ**, gen. ***dûxa** а. п. с. словен. *dûh*, G *dûha*; хорв. (Дубровник) *dûh*, G *dûha* [HSF] (с сокращением *dûh*, G *dûha* [HJP]; с сокращением и вторичной окситонезой серб. *дѹх*, G *дѹха*); сев.-чак. Сусак *dûx*, G *dûxa* [Shrager 2011: 221]; чеш., слвц. *duch*; словинц. *dëx*; рус. *дух*, G *дѹха*, Pl *дѹхи* и т. д.; деноминативный глагол *dušiti, *dûšjo а. п. с. Балто-слав. **dūšo-*⁸⁵

⁸⁵ Балто-слав. рецессивный циркумфлекс в корне, ср. лит. *daĩsos* 'воздух', нулевая ступень *и в слав. *дѹхоті.

< и.-е. *dhew-sō-m ("*dhewsóm"), отсюда же герм. *deuzá-n 'зверь' > гот. **díus n.*, др.-исл. *dǫr n.*, др.-англ. *dēor*, др.-в.-нем. *tior*.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'дух, дыхание': Черн. *dux*, G *dúxa*; Гдеш. *dux*, G *dúxa*; Чапли *dux*, G *dúxu*, *dúxa*; Мшан. *dux*, G *dúxa*; Люта *dux*, G *dúxa*; Нов. *dux*, G *dúxa*; Ярок *dux*, G *dúxa*; Ирл. *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Бен. *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Черн.Пот. *dux*, G *dúxa*; Брод *dux*, G *dúxa*, *dúxu*; Заг. *dux*, G *dúxa*; Дус. *dux*, G *dúxa*, *dúxu*, Ins -om; Кер. *dux*, G *dúxa*; Довге *dux*, G *dúxa*; НБ *dux*, G *dúxa*; Негр. *dux*, G *dúxa* '(Св.) Дух; душа; совесть'; Син. *dux*, G *dúxa* '(Св.) Дух; душа'; СинП *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Новос. *dux*, G *dúxa*, *dúxu*; Тор. *dux*, G *dúxa*; Скот. *dux*, G *dúxa*; Влс. *dux*, G *dúxa*, Ins -om; РМ *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Бруст. *dux*, G *dúxa*; Битля *dux*, G *dúxa*; Тис. *dux*, G *dúxu* (ЮА), *dúx*, G *dúxa* (ВАН); Быстр. *dux*, Ins -om; ЛП *dux*, G *dúxa*; ШЛ Ins adv. *dúxom* 'скорее, мигом'; Вел. *dux*, G *dúxa*; Луг *dux*, G *dúxa* 'дыхание'; станисл. *dux*, G *dúxu, *dúxa Нап. 330; Бринь *dux*, G *dúxa*; Тур. *dux*, G *dúxa*, -и; Ясень *dux*, G *dúxa*; Неб. *dux*, G *dúxa*, Ins -om, L *dús*'i; Пер. *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Печ. *dux*, G *dúxu*; Стопч. *dux*, G *dúxu*; Коб. *dux*, G *dúxa*, Ins -om; Сем. *dux*, G *dúxa*, -и; Ябл. *dux*, G *dúxa*; Луги *dux*, G *dúxa*; Красн. *dux*, G *dúxa*; Яв. *dux*, G *dúxu*; Бан. *dux*, G *dúxu*, *dúxa*, Ins -om; Тышк. *dux*, G *dúxu*. Отклоняется Угля *dux*, G *dúxa*, *duxá*, Ins *dúxom*, *dúxóm*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'запах': Дуд. *dux*, G *dúxu* 'запах (напр., в бане)'; Гавр. *dux*, G *dúxa* 'дух (святой, нечистый)'; Кузн. *dux*, G *dúxa* id.; Смехн. *dux*, G *dúxa* 'дух (святой, нечистый); запах'; Корп. *dux*, G *dúxa*, Ins -ьт 'запах'; Леж. *dux*, G *dúxa*, Ins -ьт 'запах'; Слезы *dúx*, G -а, Ins -ьт 'запах'; Корш. *dux*, G *dúxa*, Ins -ьт 'Святой Дух'; Рем. *dux*, G *dúxa*, Ins -ьт 'дух; запах'; Ручьи *dux*, G *dúxu*, Ins -ьт 'запах'; Феликс. *dux*, G *dúxu*.

*kāľь, gen. *kāľa а. п. с: сев.-витебск. *kal*, G *kāľu*, Ins *kāľьm* [ГБРП: 172]; словен. *kāľ*; хорв. *kāľ*, G *kāľa; вост.-шток. Груза *kāľ*, G *kāľa 538; чеш., словц. *kal*; словинц. *kaľ*, G *kaľu* и т. д. < балто-слав. **kāľo-* m. < и.-е. **k^weh₂l-o-s* ("**k^weh₂lós*"), отсюда же греч. πηλός, dog. πᾶλός m. 'clay, earth, used by masons and potters; mud, mire; thick or muddy wine, lees'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза)⁸⁶ 'дорожная грязь': Миж. *kal*, G *kāľa*; Гдеш. *kal*, G *kāľa*; Чапли *kal*, G *kāľu*; Мшан. *kal*, G *kāľu*; Черн.Пот. *kal*, G *kāľu*, Ins -om; Заг. *kal*, G *kāľu*; Клим. *kal*, G *kāľu*; Довге *kal*, G *kāľu*; НБ *kal*, G *kāľa*; Негр. *kal*, G *kāľu*; Син. *kal*, G *kāľu*, L *kāľovǫ*, *kāľovǫ* (окситонеза по

⁸⁶ Встречающееся в говорах слово со значением 'кал' заимствовано из русского и в данный список не включено.

*kalú); СинП *kal*, G *kálu*, Ins -*om*; Новос. *kal*, G *kálu*, L -*ovr*; Влс. *kal*, G *kálu*, Ins -*om* ‘грязь’; РМ *kal*, G *kálu*, Ins -*om*; Бруст. *kal*, G *kála* ‘грязь’; ЛП *kal*, G *kálu*; ШЛ *kal*, G *kála*; Вел. *kal*, G *kálu*; Бор. *kal*, G *kálu*; Бринь *kal*, G *kálu*; Тур. *kal*, G *kálu*, Ins -*om*, L *kál’i* ‘экскременты; грязь’; Ясень *kal*, G *kálu*. Отклоняются: Быстр. *kal*, G *kalá*, Ins *kálot* ‘грязь после дождя’; Кер. *kal*, G *kalú* – по-видимому, в этих примерах сохраняется архаическое ударение gen. sg. *и-основы*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘кал’: Дуд. *kál*, G *kála*; Гавр. *kał*, G *kála*; Кузн. *kał*, G *kála*; Смехн. *kał*, G *kála*; Зал. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Сопки *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Заб. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Овин. *kał*, G *kála*; Корп. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Леж. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Слёзы *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Кост. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Рог. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Рем. *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*; Ручьи *kał*, G *kála*, Ins -*ьт*.

***kvâsь**, gen. ***kvasu** а. п. с: сев.-смоленск. Ших. *kvas*, G *kvása*, Ins -*ьт*; сев.-витебск. Ем. *kvas*, G *kvása*, Ins -*ьт*; Луч. *kvas*, G *kvása*, Ins -*ьт*; сев.-чак. Сали *kvâs*, gen. *kvâsa*; словен. *kvâs*; хорв. *kvâs*, G *kvâsa; болг. *kvas*, det. *квасът*; чеш. слвц. *kvas*; словинц. *kvas*; русск. *kvas*, G *kvása*, Pl *квасы* и т. д. < и.-е. **kweh₂t-su-* (?). В каузативном *и-глаголе* *kvâsiti а. п. а оттяжка ударения по закону Хирта–Иллич-Свитыча.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза)⁸⁷: Черн. *kvas*, G *kvâsu* ‘про-тухшая жидкость’; Миж. *kvas*, G *kvâsu* ‘квас’; Чапли *kvas*, G *kvâsu* ‘капуст-ный рассол’; Мшан. *kvas*, G *kvâsa* ‘квас; хлебные дрожжи’; Ставн. *kvas*, G *kvâsu*, Ins -*om* ‘хлебная закваска’; Люта *kvas*, G *kvâsa* ‘хлебная закваска’; Ярок *kvas*, G *kvâsu* ‘хлебная закваска (из теста)’; Худл. *kvas*, G *kvâsu* ‘хлебная закваска’; Бен. *kvas*, G *kvâsa*, Ins -*om* ‘хлебная закваска’; Брод *kvas*, G *kvâsu* ‘хлебная закваска’; Заг. *kvas*, G *kvâsu* ‘хлебная закваска’; Кер. *kvas*, G *kvâsu* ‘хлебная закваска; минеральная вода’; Довге *kvas*, G *kvâsu*, L -*ovr* ‘квас из хлеба’; НБ *kvas*, G *kvâsa*⁸⁸ ‘минеральная вода; хлеб-ные дрожжи’; Непр. *kvas*, G *kvâsu* ‘напиток из хлеба’; Син. *kvas*, G *kvâsu*, L -*ovr* ‘хлебные дрожжи; квасцы (для обработки кож)’; СинП *kvas*, G *kvâsu*, Ins -*om*, Pl -*ы* ‘минеральная вода’; Новос. *kvas*, G *kvâsu*, L -*ovr* ‘хлебная закваска’; Тор. *kvas*, G *kvâsu* ‘минеральная вода’; Скот. *kvas*, G *kvâsa* ‘хлеб-ная закваска’; Влс. *kvas*, G *kvâsu*, Ins -*om* ‘квас’; РМ *kvas*, G *kvâsa*, Ins -*om*

⁸⁷ Приводятся формы говоров, в которых записано значение лексемы.

⁸⁸ Окситонеза L *kvâsovr* по *kvâsu.

‘хлебная закваска’; Бруст. *kvas*, G *kvás* ‘минеральная вода’; Битля *kvásu*, G *kvásu* ‘кислота’; Тис. *kvas*, G *s kvásu*, Ins *za kvásom* (ЮА); *kwás*, G *kwásu* (ВАН) ‘щавель’; Быстр. *kvas*, G *kvása*, Ins *-om* ‘хлебная закваска’; ШЛ *kvas*, G *kvásu*, Ins *-om*, L *kvás’i* ‘хлебная закваска’; Луг *kvas*, G *kvásu* ‘уксус’; Бринь *kvas*, G *kvásu* ‘щавель; хлебные дрожжи’; Крыл. *kvas*, G *kvásu* ‘щавель’; Тур. *kvas*, G *kvásu*, Ins *-om*, L *kvás’i* ‘щавель’; Неб. *kvas*, G *kvásu*, Ins *-om*, L *kvás’i* ‘щавель; квас’; Пер. *kvas*, G *kvása*, Ins *-om*, L *kvás’i* ‘щавель’; Печ. *kvas*, G *kvása* ‘щавель’; Косм. *kvas*, G *kvásu*, Ins *-om* ‘щавель’; Стопч. *kvas*, G *kvásu* ‘рассол (капустный, огуречный)’; Сем. *kvas*, G *kvása*, *-u*, Ins *-om*, L *w kvás’i* ‘щавель’; Луги *kvas*, G *kvásu* ‘напиток из овса’; Красн. *kvas*, G *kvásu* ‘квас; щавель’; Яв. *kvas*, G *kvásu* ‘щавель’; Бан. *kvas*, G *kvásu*, Ins *-om*, Ins *kvási* ‘щавель; напиток’.

Архаичный оситонированный gen. sg. в Тор. *kvas*, G *kvasú*, L *-óvi* ‘хлебные дрожжи, закваска; квасцы (для выделывания шкур)’; ЛП *kvas*, G *kvásá* ‘хлебная закваска’.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘квас’: Дуд. *kvas*, G *kvása*; Гавр. *kvas*, G *kvása*; Кузн. *kvas*, G *kvása*; Смахн. *kvas*, G *kvása*; Корп. *kvas*, G *kvása*, Ins *-ьт*; Леж. *kvas*, G *kvása*, Ins *-ьт*; Слёзы *kvas*, G *kvása*, *-u*, Ins *-ьт*; Корш. *kvas*, G *kvásu*, *kvása*, Ins *-ьт*; Рем. *kvas*, G *kvása*, Ins *-ьт*; Ручьи *kvas*, G *kvásu*, Ins *-ьт*; Феликс. *kvas*, G *kvásu* ‘квас; хлебная закваска’.

lěsъ**, gen.lěsa** а. п. с: сев.-витебск. *л’ес*, G *л’эсу*, *л’эса*, D *л’эсу*, Ins *л’эсѣм* [ГБРП: 173]; словен. *lēs*; хорв. *lijēs*, G *lijěsa; чеш., словц. *les*; слов.-винц. *las*; рус. *лес*, G *лэса*, D *пó лесу*, РІ *лесá* вместо *лэсы и т. д. < балтослав. ***lěso-** m. < и.-е. ***leh₁s-_o-s** (“*leh₁sós”) (?). Точное внешнее соответствие слав. основе отсутствует.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘лес’: Черн. *l’is*, G *l’isa*; Миж. *l’is*, G *l’isu*; Гдеш. *l’is*, G *l’isu*; Чапли *l’is*, G *l’isa*; Мшан. *l’is*, G *l’isa*; Ставн. *l’is*, G *l’isa*, Ins *-om*, L *l’is’i*; Люта *l’is*, G *l’isa*, Ins *-om*⁸⁹; Нов. *l’is*, G *l’isu*; Ярок *l’is*, G *l’isa*; Ирл. *l’is*, G *l’isa*, Ins *-om*; Бен. *l’is*, G *l’isa*, Ins *-om*; ТП *l’is*, G *l’isa*; Черн.Пот. *l’is*, G *l’isa*; Брод *l’is*, G *l’isa*, L *l’is’i*; Кер. *l’is*, G *l’isu*; Довге *l’is*, G *l’isu*; НБ *l’is*, G *l’isa*; Син. *l’is*, G *l’isu*, L *l’is’i*; СинП *l’is*, G *l’isu*, Ins *-om*; Новос. *l’is*, G *l’isu*, L *l’is’i*; Тор. *l’is*, G *l’isu*, *-a*, D *-ovi*, Ins *-om*, L *l’is’i*; Скот. *l’is*, G *l’isu*; Влс. *l’is*, G *l’isu*, Ins *-om*; РМ *l’is*, G *l’isu*, Ins *-om*; Бруст. *l’is*, G *l’isu*; Битля *l’is*, G *l’isu*; Тис. *l’is*, G *l’isu*, L *w l’is’i* (ЮА), *l’is*, G *l’isa* (ВАН);

⁸⁹ Ударение нового L *l’isóvi* – по модели L **l’isú*.

Быстр. *lis*, G *lisa*, Ins -om; ШЛ *l'is*, G *l'isu*, Ins -om; Вел. *l'is*, G *l'isu*; Луг *l'is*, G *l'isa*; Рона *l'is*, G *l'isa*; Реп. *l'is*, G *l'isa*; станицл. *лѣс*, G *лѣсу Нан. 329; Бринь *l'is*, G *l'isu*, Ins -om; Крыл. *l'is*, G *l'isa*; Тур. *l'is*, G *l'isu*, Ins -om, L *l'is'i*; Ясень *l'is*, G *l'isa*; Неб. *l'is*, G *l'isa*, Ins -om; Пер. *l'is*, G *l'isu*, Ins -om; Печ. *l'ies*, G *l'iesu*; Косм. *l'is*, G *l'isa*; Стопч. *l'is*, G *l'isu*, L *l'is'i*; Коб. *l'is*, G *l'isa*, Ins -om; Сем. *lis*, G *lisa*, -u, Ins -om, L w *l'is'i*; Луги *lis*, G *lisu*; Красн. *lis*, G *lisa*; Яв. G *l'isa*, L u *l'is'i*; Бан. *lies*, G *liesa*, Ins -om; Тышк. *lʹs*, G *lʹsa*. Отклоняется Дус. *l'is*, G *l'isa*, *l'isu*, Ins *l'isom*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'лес': Дуд. *l'ies*, G *l'iesu*; Гавр. *l'es*, G *l'esa*; Кузн. *l'es*, G *l'esa*; Смехн. *l'es*, G *l'esa*; Мал. G s *l'esu*; Корп. *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Леж. *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Слёзы *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Кост. *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Корш. *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Рем. *l'es*, G *l'esa*, Ins -om; Ручьи *l'es*, G *l'esu*, Ins -om; Феликс. *l'ies*, G *l'iesa*, -u, Ins -om.

***лѹбъ**, gen. ***lŭba** а. п. с: словен. *lŭb*; чеш., слвц. *lub*; словинц. *lŭb*, G *lěba*; рус. *лѹб*, G *лѹба* и т. д. < балто-слав. **lŭbo-* m., отсюда же лит. *lŭobas* 'древесная кора; луб' а. п. 3, лтш. *luòbs* < и.-е. *lowb-s ("*lowbós"), в балто-славянском удлинении по закону Винтера. Реконструкция м. р. подтверждается герм. *lauba-z > др.-исл. *laup-r*, др.-англ. *lēap* m. 'basket'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'луб, твердая кожа': Чапли *lur*, G *lŭbi*, *lŭba*; Черн. Пот. *lur*, G *lŭba* 'задник обуви'; Довге *lur*, G *lŭba* 'верхняя часть обуви; какая-то болезнь'; Син. *lur*, G *lŭba*, L -i 'пласт, кусок коры дерева с волокнистой частью'; Новос. *lub*, G *lŭba*; Скот. *lub*, G *lŭba*; Влс. *lub*, G *lŭba*, Ins -om 'кора'; РМ *loyp*, G *lŭyba*, Ins -om 'твердая кожа'; Битля *lur*, G *lŭba*; Тис. *lub*, G z *lŭbi*, L w, na *lŭbi* (ЮА), *lŭb*, G *lŭba* (ВАН) 'луб (еловый)'; Тур. *lub*, G *lŭba*, -u; Лукв. *lub*, G *lŭba*; Ясень *lub*, G *lŭbi*; Неб. *lub*, G *lŭba*, Ins -om; Косм. *lub*, G *lŭba*, Ins -om; Луги *lur*, G *lŭba*; Яв. *lur*, G *lŭba*; Бан. *lub*, G *lŭba*, Ins -om, L -i.

В псковско-полоцких говорах по-видимому вторичная окситонеза: Слёзы *lur*, G *lŭbá*, Ins *lŭbom* 'деталь ткацкого стана, на которую наматывают нитки'; Мыза *lur*, G *lŭbá*, Ins -om id.

***мѣхъ**, gen. ***měxa** 'снятая как мешок шкура животного; раздуваемый мех; мешок'.

Большинство форм слав. языков восходит к ***мѣхъ**, gen. ***měxa** а. п. с: словен. *měh*, G *měha*, *měhŭ*; хорв. *mijeh*, G *mijeha; чеш. *měch*; слвц. *mech*; словинц. *mex* [SIW]; малопольск. *mek*, G *mexa*; др.-рус. Чуд. G Sg **мѣ**

мѣха 32в, мѣхи 29а, А Рl мѣхи 17в, въ мѣхи | 17в, въ мѣхи 29а (⇔ N Рl á мѣси | 17в); рус. мех, G мѣха, -у, Рl мехá (вместо *мѣхи) 'выделанная шкура пушного животного; волосяной покров на теле животного, шерсть'; формы карпатоукраинских говоров, в том числе архаические баритонированные поп.-асс. рl; формы псковско-полоцких говоров в значении 'выделанная шкура пушного животного'; вост.-рус. Пуст. т'ѣх, Ins т'ѣхѣт, Рl т'ехá; юж.-рус. Лабынки т'ех, G т'ѣха, Ins т'ѣхѣт, Рl т'ехá; белор. мех, G мѣха [СБМ]; болг. мях, det. мехѣт и т. д. < балтослав. *mōišo- m., ср. лит. maišas а. п. 4 во всех диалектах [ИАБС: 39; LKŽ] < и.е. *mōys-ǝ-s ("*moysós"), отсюда же др.-инд. mēśá-s 'баран < *овечья шкура'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'мешок': Черн. mīx, G mīxa, Рl mīx'ŕ; Миж. mīx, G mīxa; Гдеш. mīx, G mīxa, Рl -i; Чапли mīx, G mīxa, L mīsí, Рl mīxu; Мшан. mīx, G mīxa, Рl -j; Люта mīx, G mīxa, Рl mīx'ŕ, mīx'ŕ; Нов. mīx, G mīxa, Рl -ŕ; Ярок mīx, G mīxa, Рl -ŕ; Худл. mīx, G mīxa; Ирл. т'ix, G т'ixa, Ins -om, Рl т'ix'ŕ; Бен. т'ix, G т'ixa, Ins -om, Рl -ŕ; ТП mīx, G mīxa, Рl -ŕ; Черн. Пот. mīx, G mīxa, Рl -oo; Брод mīx, G mīxa, Рl -oo; Заг. mīx, G mīxa; Клим. G mīxa; Кер. mīx, G mīxa, Рl -ы; Довге mīx, G mīxa, Рl -oo; НБ mīx, G mīxa, Рl mīxóo; Негр. mīx, G mīxa, Ins -om, L -ovŕ, Рl -oo 'большой мешок'; Син. mīx, G mīxa, Рl -oo id.; СинП mīx, G mīxa, Ins -om, Рl -ы id.; Новос. mīx, G mīxa, L mīxovŕ, mīxú; Тор. mīx, G mīxa, Рl -oo; Скот. mīx, G mīxa, Рl -y; Влс. mīx, G mīxa, Ins -om, Рl mīxŕ; РМ mīx, G mīxa, Ins -om, Рl -oo; Бруст. mīx, G mīxa, Рl -ŕ; Битля mīx, G mīxa; Тис. mīx, G mīxa, Ins -om (ЮА), mīx, G mīxa, Рl -y (ВАН); Быстр. mīx, G mīxa, Рl mīxŕ; ЛП mīx, G mīxa, Рl -oo; ШЛ mīx, G mīxa, Рl mīxŕ; Луг mīx, G mīxa, Рl -y; станицл. мѣх, G *мѣха, Рl *мѣхи, *мѣхи Нап. 330; Бринь mīx, G mīxa; Тур. mīx, G mīxa, Ins -om, L mīs'ŕ, Рl mīxu; Лукв. т'ix, G т'ixa, Рl -ə; Ясень mīx, Ins mīxom; Неб. mīx, G mīxa, Ins -om; Пер. mīx, G mīxa, Ins -om; Печ. mīx, G mīxa; Косм. mīx, G mīxa; Стопч. mīx, G mīxa; Коб. mīx, G mīxa, Ins -om; Сем. mīx, G mīxa, Ins -om; Луги mīx, G mīxa, Рl mīx'ŕ; Красн. mīx, G mīxa, Рl mīx'ŕ; Яв. т'ix, G т'ixa, Рl м'ix'ŕ; Бан. mīx, G mīxa, Ins -om, Рl mīx'ŕ; Тышк. mīx, G mīxa.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'мех': Дуд. т'ѣх, G т'ѣха 'мех'; Сопки т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт 'мех'; Мал. т'ех, G т'ѣха 'мех'; Рем. т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт 'мех'. С таким же ударением в части говоров со значением 'мешок; кузнечный мех': Гавр. т'ех, G т'ѣха; Кузн. т'ех, G т'ѣха; Заб. т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт; Овин. т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт; Корп. т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт; Слезы т'ех, G т'ѣха, Ins -ѣт.

К ***мѣхъ**, **G *мѣха** > ***мѣха̀** а. п. **b** или **d**, кроме псковско-полоцких форм со значением ‘мешок, раздувальный мех’, восходят также сев.-смоленск. Ком. *m'ex*, G *m'ixá*, Ins *m'axóm*, Pl *m'ixá* ‘мешок’; сев.-витебск. *m'ex*, G *m'xá*, Ins *m'axóm* ‘мешок’ [ГБРП: 174]; вост.-шток. Груза *mēx* 539, G (*из*) *mēxa* 539, 543; сев.-чак. Сусак (с колебаниями) *mīx*, G *mīxa* [NHG: 104], *mīx*, G *mīxà*, *mīxa* [Shrager 2011: 217]; Сали *mīx*, G *mīxá*, Pl *mīsi*; белор. зап.-полесск. Смоленя. *m'ex*, G *mexá*, Ins *mexóm*, L и *mex'žév'i*, Pl *mex'í* ‘мешок’; загор. Симон. *m'ix*, G *mīxá*, Ins *mīxóm* ‘мешок’; ст.-рус. Новг. L Sg въ **мѣсъ** 140а; др.-рус. Чуд. N Pl **á мѣси** 17в; рус. pl. t. *mexú* ‘раздувальные мехи (в кузнечном горне, в гармонии); (устар.) мешок из шкуры животного для жидких и сыпучих тел, бурдюк’. Славянская основа с неподвижной а. п. соответствует и.-е. ***moys-o-s** (“*móyosos”), отсюда же герм. ***máisa-z** ‘Tragkorb’ (значение может происходить из ‘любая заплечная ноша’ < [заплечный] мешок): др.-исл. *meis-s* m. ‘Korb’, норв. *meis* ‘Korb, Weidengeflecht als Traggerät’, швед. диал. *mes* ‘Tragkorb’.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) ‘мешок; кузнечный мех’: Смехн. *m'ex*, G *m'axá*, Pl *m'ax'í* ‘мешок; кузнечный мех’; Зал. *m'ǫx*, G *m'axá*, Ins *-óm*, Pl *m'ax'í* ‘большой мешок’; Леж. *m'ex*, G *m'axá*, Ins *-óm*, Pl *-á* ‘кузнечный мех’; Мыза *m'ex*, G *m'axá*, Ins *-óm* ‘мешок’; Кост. *m'ex*, G *m'axá*, *m'ěxa*, Ins *m'axóm*, *m'ěxóm*, Pl *m'ax'í* ‘мешок’; Рог. *m'ex*, G *m'axá*, Ins *-óm*, Pl *m'ax'í* id.; Корш. *m'ex*, G *m'ěxa*, Ins *m'axóm* ‘мехи (в гармонии)’; Ручьи *m'ex*, G *m'ixá*, Ins *m'axóm* ‘мешок’; Феликс. *mīx*, G *m'xá*, Ins *m'axóm*, Pl *m'ax'í* ‘мешок’.

*mĭrĭ, gen. ***mĭrĭ** а. п. **c**: рефлекс а. п. **c** во всех языках, включая сев.-витебск. *m'ur*, G *m'úru*, D *na m'úru* [ГБРП: 174]; сев.-чак. Сусак *mĭr*, G *mĭra* [Shrager 2011: 222]; ср. деноминативный глагол ***mĭrĭti**, ***mĭrĭo** а. п. **c** < балто-слав. ***mōĭru-** m. < и.-е. ***meĥ₁u-ru-s** (“*meĥ₁rugús”). Отсюда же лтш. *mĭers* с вторичной *o*-основой. Рефлексы неоакута в словен. *mĭr* (наряду с *mĭr*, G *mĭra*, *mĭrŭ*); кашуб. *mĭr*, G *mĭru*; серб. *mĭr*, G *mĭra*, возможно, под влиянием слав. ***mĕrĭ**, G ***mĕra** > ***mĕra** ‘мир’ а. п. **b**: чеш. *mĭr* (др.-чеш. *mĭer*); словц. *mĭer*; зап.-укр. *mĭr*, G *mĭru* [Желеховский] (с вторичной баритонезой gen. sg.), ср. деноминатив ***mĕrĭti**, ***mĕrĭo** а. п. **b₂** < балто-слав. ***mōĭro-** n. (с метатонией) < и.-е. ***moĥ₁u-ro-m** (?).

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘мир (рах)’: Черн. *mĭr*, G *mĭru*; Миж. *mur*, G *mŭru*; Гдеш. *mur*, G *mŭru*; Чапли *mur*, G *mŭru*, *-a*, L *mŭr'í*; Мшан. *mĭr*, G *mĭru*; В.Ст. ***mĭr**, G *mĭru*, Ins *-om* ‘мир, согласие’; Ставн. *mĭr*, G *mĭra*,

Ins -om; Люта *mir*, G *míra*, Ins -om; Худл. *mǫr*, G *mǫ́rŭ*; Ирл. *mir*, G *míra*, Ins -om; Бен. *mir*, G *míra*, L *mír'i*; Черн.Пот. *mir*, G *míru*; Брод *mir*, G *míra*, -u, L *mír'i*; Заг. *mir*, G *míru*; Довге *mir*, G *míru*; НБ *mir*, G *míra* 'рах'; Негр. *mir*, G *míru* 'мир, согласие'; Син. *mir*, G *míru*, L -ovi; СинП *mir*, G *míru*, Ins -om; Новос. *mir*, G *míru*, L *mír'i*; Тор. *mir*, G *míru*; Скот. *mir*, G *míru*; Влс. *mir*, G *míru*, Ins -om; Бруст. *mir*, G *míra*; Битля *mir*, G *míru*; Тис. *mǎr*, G *mǎru* (ЮА), *mǎr*, G *mǎru* (ВАН); Быстр. *mǎr*, G *mǎru* 'мир (peace)'; ЛП *mir*, G *míru*; ШЛ *mir*, G *míra*; Вел. *mir*, G *míra*, -u; Луг *myr*, G *mýru*; Рона *тыr*, G *ты́ra*; Реп. *mǎr*, G *mǎru*; станицл. *мир*, G *míru Нап. 331; Бринь *mǎr*, G *mǎru*, L w *mǎr'i*; Тур. *mǎr*, G *mǎra*; Ясень *mǎr*, G *mǎru*; Неб. *mýr*, G *mýru*, Ins -om 'мир, лад'; Пер. *mǎr*, G *mǎru*, Ins -om, L *mǎr'i*; Печ. *mǎr*, G *mǎru*; Косм. *mer*, G *méru*, Ins -om; Стопч. *mǎr*, G *méru*; Сем. *mǎr*, G *mǎru*, Ins -om; Луги *mǎr*, G *mǎru*; Красн. *mer*, G *méru*; Яв. *mǎr*, G *méru* 'peace'; Бан. *mǎr*, G *mǎru*; Тышк. *myǎr*, G *myǎru*. Окситонеза gen. sg. в ТП *mir*, G *mírú*; Кер. *mir*, G *mírú*; Угля *myr*, G *mýrú*, Ins *mýrom* – вероятно, архаизм (рефлекс gen. *mírū).

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'мир (рах)': Дуд. *m'ir*, G *m'ira*, -u; Гавр. *m'ir*, G *m'ira*; Смехн. *m'ir*, G *m'ira*; Корп. *m'ir*, G *m'iru*, Ins -ьт; Лож. *m'ir*, G *m'ira*, Ins -ьт; Слезы *m'ir*, G *m'ira*, Ins -ьт; Корш. *m'ir*, G *m'ira*, Ins -ьт; Феликс. *m'ir*, G *m'iru* 'рах'.

*njúxъ, gen. *njúxa а. п. с: словц. *ňuch*; хорв. *njuh*, G *njúha; рус. *нюх*, G *нóxa* и т. д. < и.-е. *newks-ǝ-s ("*newksó-s") (?). Относительно формы корня ср. герм. **neuxsan-*, **neuxsian-* > гот. *bi-niuhspan* wk. 'spy out', др.-исл. *núsa* wk. 'spähen, untersuchen', др.-англ. *nēosan*, *nēosian* 'untersuchen, nachspüren, besuchen', др.-сак. *niusian*, *niuson* 'untersuchen', др.-в.-нем. *bi-niusan*, *ar-niusan* 'experiri'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'нюх': Черн. *n'ux*, G *n'ixu*; Миж. *n'ux*, G *n'ixu*; Гдеш. *n'ux*, G *n'ixu*; Чапли *n'ux*, G *n'ixu*; Мшан. *n'ux*, G *n'ixu*; Ставн. *n'ux*, G *n'ixa*, Ins -om; Нов. *n'ux*, G *n'ixa*; Ярок *n'ux*, G *n'ixa*; Худл. *n'ux*, G *n'ixu*; Ирл. *n'ux*, G *n'ixa*, Ins *n'ixom*; Бен. *n'ux*, G *n'ixa*, Ins -om; ТП *n'ux*, G *n'ixu*; Брод *n'ux*, G *n'ixa*; Довге *n'ux*, G *n'ixa*; НБ *n'ux*, G *n'ixu*; Негр. *n'ux*, G *n'ixu*; Син. *n'ux*, G *n'ixu*; СинП *n'ux*, G *n'ixu*, Ins -om; Новос. *n'ux*, G *n'ixu*; Тор. *n'ux*, G *n'ixu*; Скот. *n'ux*, G *n'ixu*; Влс. *n'ux*, G *n'ixu*, Ins -om; РМ *n'оцх*, G *n'оцха*, Ins -om; Бруст. *n'ux*, G *n'ixa*; Битля *n'ux*, G *n'ixu*; Тис. *n'ux*, G *n'ixu* (ЮА, ВАН); Быстр. *ñux*, G *ñixu*, Ins -om; ЛП *n'ux*, G *n'ixu*; ШЛ *n'ux*, G *n'ixa*; Вел. *n'ux*, G *n'ixa* 'запах'; Луг *n'ux*, G *n'ixa*; Бринь *n'ux*, G *n'ixu*; Тур. *n'ux*, G *n'ixu*, Ins -om, L *n'ús'i*; Ясень *n'ux*, G *n'ixu*;

Неб. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -om; Пер. *n'ux*, G *n'úxi*, Ins -om; Печ. *n'ux*, G *n'úxi*; Косм. *n'ux*, G *n'úxi*; Стопч. *n'ux*, G *n'úxi*, Ins -om; Коб. *n'ux*, G *n'úxi*, Ins -om; Сем. *ñux*, G *ñuxi*; Луги *ñux*, G *ñuxi*; Красн. *ñux*, G *ñuxi*; Яв. *n'ux*, G *n'úxi*; Бан. *ñux*, G *ñuxi*; Тышк. *ñux*, G *ñuxi*. Отклоняется Кер. *n'ux*, G *n'úxá*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'нюх': Дуд. *n'ux*, G *n'úxa*; Гавр. *n'ux*, G *n'úxa*; Кузн. *n'ux*, G *n'úxa*; Смехн. *n'ux*, G *n'úxa*; Заб. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт; Овин. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт; Леж. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт; Слёзы *n'ux*, G *n'úxi*, Ins -ьт; Корш. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт; Рем. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт; Ручьи *n'ux*, G *n'úxi*, Ins -ьт; Феликс. *n'ux*, G *n'úxa*, Ins -ьт 'нюх у собаки'. Отклоняется ударение варианта gen. sg. в Корп. *n'ux*, G *n'úxa*, *n'úxá*, Ins -ьт.

*rǎzъ, gen. *rǎza а. п. с: сев.-витебск. G *n'ú rǎzu* [ГБРП: 176]; словен. *râz*; словц. adv. *raz*, *na jeden raz*, *zrazu*, *zaraz*, *paraz*⁹⁰; хорв. *râz*, G **râza*; словинц. *rôz*, G *raza*; рус. *раз*, G *rǎza* [вторична окситонеза Pl *разы́*] и т. д.; деноминативный глагол **razǐti*, **rǎzjo* а. п. с. Балто-слав. **rôžō-* m. (?), ср. лит. *riuožas* а. п. 3 во всех диалектах < и.-е. **wroh₁ǵ-o-s* ("wroh₁ǵós"). Рецессивность корня подтверждается метатонией «акут ⇒ циркумфлекс» в лит. глаголе *rēžti*, *-ia*, *-ė* ⇔ диал. *rēžti* 'резать'; *ryžtis*, *-tasi* (диал. темат. praes. *-asi*), *-osi* (диал. *-ėsi*) 'решаться'; итер. *raizyti*, *-o*, *-ė* / *raizyti*, *raizō*, *raizē*.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'раз': Миж. *ras*, G *rǎza*; Гдеш. *ras*, G *rǎzu*; Чапли *ras*, G *rǎzu*, Ins -ом; Ставн. *ras*, G *rǎza*, Ins -om; Люта *ras*, G *rǎza*; Нов. *ras*, G *rǎzu*; Ярок *ras*, G *rǎzu*; Ирл. *ras*, G *rǎzu*, Ins -om; Бен. *ras*, G *rǎzu*, Ins -om; Брод *ras*, G *rǎza*; Кер. *ras*, Ins adv. *rǎzom*; НБ *raz*, G *rǎzu*; Нерп. *ras*, G *rǎzu*; Син. *ras*, G *rǎzu*; СинП *raz*, G *rǎzu*, Ins -om; Тор. *raz*, G *rǎzu*; Скот. *ras*, G *rǎza*; Влс. *raz*, G *rǎzu*, Ins -om; РМ *ras*, G *rǎzu*, Ins *rǎzom*; Бруст. *ras*, G *rǎzu*; Битля *ras*, G *rǎzu*; Быстр. *ras*, G *rǎzu*, Ins -om; ЛП *ras*, G *rǎza*; ШЛ *raz*, G *rǎzu*, *-a*, Ins -om; Вел. *ras*, G *rǎzu*; Луг *raz*, G *rǎzu*, *-a*, Ins *rǎzom*; станисл. *раз*, G **pǎzu* Nap. 330; Бринь *raz*, G *rǎzu*, Ins -ом; Крыл. *raz*, Ins *rǎzom*; Тур. *raz*, G *rǎzu*; Неб. *raz*, G *rǎzu*, Ins -om; Пер. *raz*, G *rǎza*, Ins -om; Стопч. *ras*, G *rǎzu*, Ins -om; Коб. *raz*, G *rǎzu*; Сем. *raz*, G *rǎzu*, Ins -om; Ябл. *ras*, G *rǎzu*; Луги *ras*, G *rǎza*, *-u*; Красн. *raz*, Ins *rǎzom*; Яв. *ras*, G *rǎzu*; Бан. *raz*, G *rǎzu*, Ins -om, L *rǎzi*; Тышк. *raz*, G *rǎzu*. В следующих говорах отмечено adv. **razъmъ*

⁹⁰ Чеш. *ráz*, G *rǎzu* с неясной долгой (распространение номинативной? Последняя объясняется удлинением гласного в «новозакрытом» слоге перед звонким согласным). Словц. *ráz*, *-u* m 'povaha, charakter', 'skupina zvierat istého plemena' – заимствование из чешского.

‘вместе’ с архаичной окситонезой: Битля, Бринь *razóm*, Тис., Тур. *razóm* наряду с *rázom*. Отклоняется Мшан. *ras*, G *razú*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘раз’: Дуд. *ras*, G *ráza*; Гавр. *ras*, G *ráza*; Кузн. *ras*, G *ráza*; Смехн. *ras*, G *ráza*; Корп. *ras*, G *ráza*; Леж. *ras*, G *ráza*, Ins -ьт; Слёзы *ras*, G *ráza*, Ins -ьт; Корш. *ras*, G *ráza*, Ins -ьт; Рем. *ras*, G *ráza*, Ins -ьт; Ручьи *ras*, G *rázu*, Ins -ьт; Феликс. *ras*, G *rázu*, Ins *rázьт*.

***rŭixъ**, gen. ***rŭixa** а. п. с: хорв. *rŭh*, G *rŭha; чеш., слвц. *ruch*; словинц. *rëx* и т. д. < и.-е. *rows-ǝ-s ("*rowsós"), отсюда же герм. *rauzá-z > др.-исл. *reyrr* ‘куча камней’.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘движение’: Черн. *ruх*, G *ríxu*; Миж. *ruх*, G *ríxv*; Гдеш. *ruх*, G *ríxa*; Чапли *ruх*, G *ríxu*; Мшан. *ruх*, G *ríxu*; Худл. *ruх*, G *ríxv*; Ирл. *ruх*, G *ríxa*, Ins -om ‘движение’; Бен. *ruх*, G *ríxa*, Ins -om; Брод *ruх*, G *ríxa*; Кер. *ruх*, G *ríxa*; Довге *ruх*, G *ríxa*; Негр. *ruх*, G *ríxu* ‘движение’; Син. *ruх*, G *ríxa*, -и; СинП *ruх*, G *ríxu*, Ins -om; Новос. *ruх*, G *ríxu*, L *rús’i*; Тор. *ruх*, G *ríxu*; Скот. *ruх*, G *ríxa*; Влс. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om; Битля *ruх*, G *ríxu*; Тис. *ruх*, G *ríxu*, Ins *v rús’i* (ЮА), *ruх*, G *ríxu* (ВАН); Быстр. *ruх*, G *ríxa*, Ins -om; ЛП *ruх*, G *ríxu*; Вел. *ruх*, G *ríxu*; Бринь *ruх*, G *ríxu*; Крыл. *ruх*, G *ríxu*; Тур. *ruх*, L *rús’i*; Ясень *ruх*, G *ríxu*; Неб. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om, L *rús’i*; Пер. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om, L *rús’i*; Печ. *ruх*, G *ríxu*; Косм. *ruх*, G *ríxu*; Стопч. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om, L *rús’i*; Коб. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om, L *rús’i*; Сем. *ruх*, G *ríxu*; Ябл. *ruх*, G *ríxu*; Луги *ruх*, G *ríxu*; Красн. *ruх*, G *ríxu*; Яв. *ruх*, G *ríxu*; Бан. *ruх*, G *ríxu*, Ins -om, L *rúši*; Тышк. *ruх*, G *ríxu*.

В псковско-полоцких говорах основа не представлена.

***sādъ**, gen. ***sādŭ** а. п. с ‘фруктовое дерево, фруктовый сад’. В большинстве языков рефлекс а. п. с: чеш., слвц. *sad*; словинц. *sod*, G *sadu* и т. д. < балто-слав. **sādu-s*⁹¹. Образование от корня **sed-* > балто-слав. **sēd-/sād-*, рецессивность балто-слав. корня⁹² определяется по слав. *sěděti, *sědĭq, каузативу и деноминативу (?) *sadĭti, *sādĭq а. п. с.

⁹¹ Кроме карпатоукраинского, праславянская окситонеза gen. и instr. sg. сохраняется в сев.-смол. Ком. *sat*, G *sāda*, Ins *sadóm*; сев.-витебск. *cam*, G *sāda/cadŭ*, Ins *za cādъm* [ГБРП: 176]; сев.-чак. Сус. *sād*, G *sādŭ*. В чеш. диал. *sād* ‘межевой камень’ [Корецнŭ: 54] – удлинение перед звонким согласным в «новозакрытом» слог.

⁹² В отличие от балто-славянского, в греческом, древнеиндийском и латыни корень I класса (доминантный). О двух морфо(но)логических классах глаголов в древнеиндийском, греческом и латинском и их балто-славянских соответствиях подробно см. в [Николаев 1978; 1983; 1984; 1989; 1995а; Николаев, Старостин 1978; 1982].

Карпатоукраинские говоры ‘плодовые деревья; сад’:

Окситонеза: Черн. *sat*, G *sadú*; Миж. *sat*, G *sadú*; Гдеш. *sat*, G *sadú*; Чапли *sat*, G *sadú*, L w *sad'í*; Мшан. *sat*, G *sádu*, Ins *sadóm*; В.Ст. *sat*, G *sadú*, Ins -óm; Ставн. *sad*, G *sadá*, Ins -óm; Люта *sat*, G *sáda*, -u, Ins -om, L *sad'í*; Ярок *sad*, G *sadŭ*; Худл. *sad*, G *sadŭ*; Ирл. *sat*, G *sadá*, Ins -óm; ТП *sat*, G *sadú*; Черн.Пот. *sat*, G *sadú* ‘фруктовые деревья’; Брод *sat*, G *sadá*, -ú; Заг. *sat*, G *sadú*; Кер. *sat*, G *sadú*; Довге *sad*, G *sáda*, *sadá*; НБ *sad*, G *sadá*, Ins -óm; Син. *sat*, G *sadú* ‘сад; плодое дерево; плоды, фрукты’; Новос. *sad*, G *sádu*, *sadú*, Ins *sádom*, *sadóm*; Тор. *sad*, G *sádu*, *sáda*, D *sadóvi*, Ins *sádom* ‘сад’; РМ *sat*, G *sáda*, Ins *sadóm*; Битля *sat*, G *sadú*; Тис. *sad*, G *sadú*, Ins -óm (ЮА), *sád*, G *sadú* (ВАН); Быстр. *sad*, G *sadá*, Ins -óm; ЛП *sat*, G *sadá*; ШЛ *sad*, G *sádu*, *sadá*, Ins *sádom*, *sadóm*; Вел. *sat*, G *sádu*, *sadá*; Луг *sad*, G *sadá*, Ins -óm; Рона *sad*, G *sadá*; Реп. *sad*, G *sáda*, Ins -om, L *sad'í*; станицл. *cad*, G *cadú Нан. 331; Бринь *sat*, G *sadú*, Ins -óm; Тур. *sad*, G *sadú*, Ins *sádom*, L *sad'í*; Лукв. *sad*, G *sadú*; Ясень *sad*, G *sadú*; Неб. *sad*, G *sadú*, Ins -óm, L *sad'í*; Пер. *sad*, G *sadú*, Ins -óm, L *sad'í*; Печ. *sat*, G *sadú*; Косм. *sad*, G *sadú*, Ins -óm; Стопч. *sat*, G *sadú*, *sádu*, L *sad'í*; Коб. *sat*, G *sádu*, Ins *sadóm*; Сем. *sad*, G *sádu*, *sadú*; Ябл. *sat*, G *sadá*; Луги *sat*, G *sadú*, *sádu*, Ins *sádom*; Яв. *sat*, G *sadá*; Бан. *sad*, G *sádu*, Ins *sádom*, *sadóm*; Тышк. *sad*, G *sádu*, Ins *sadóm*.

Баритонеза: Нов. *sat*, G *sádu*; Ирл. *sat*, G *sáda*, Ins -om; Бен. *sat*, G *sáda*, Ins -om; Негр. *sad*, G *sádu*, Ins -om; СинП *sat*, G *sádu*, Ins -om; Скот. *sad*, G *sádu*, L w *sádu*; Влс. *sad*, G *sádu*, Ins -om; Бруст. *sat*, G *sádu*, Ins -om; Красн. *sat*, G *sádu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘сад’: Дуд. *sat*, G *sáda*; Гавр. *sat*, G *sáda*; Кузн. *sat*, G *sáda*; Смехн. *sat*, G *sáda*; Зал. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Сопки *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Мал. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Заб. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Овин. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Корп. G *sáda*, Ins -ъм; Леж. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Слезы *sat*, G *sádu*, Ins -ъм; Мыза *sat*, G *sáda*, D -u, Ins -ъм; Рог. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Корш. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Рем. *sat*, G *sáda*, Ins -ъм; Ручьи *sat*, G *sádu*, Ins -ъм; Феликс. *sat*, G *sádu*, *bъs sáda*, Ins *sádъм*.

*slûxъ, gen. *slûxa а. п. с: сев.-витебск. *слух*, G *слûху*, Ins *са слûхъм* [ГБРП: 177]; словен. *slûh*; хорв. *slûh*, G *slûha; чеш., слвц. *sluch*; словинц. *slêx*; рус. *слух*, G *слûха*, Pl *слûхи* и т. д. < и.-е. *klew-so-m (*klewsóm)⁹³,

⁹³ Корень **klewh₁-*; в **klew-so-* утрата лагингала перед -s-, нулевая ступень *u в герм. *xluzá-n > др.-исл. *hlör* ‘подслушивание’. Ср. выше **dhew-so-* от **dhewh-*.

отсюда же герм. *xliuzá-n ‘Wange; flache Seite des Axtblattes’ > др.-исл. *hlǫr* n., др.-англ. *hlēor*, -es n., др.-сакс. *hlior*, ср.-голл. *lier*, *liere* n., др.-франк. *thunni-chleura* ‘auriculum’.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘слух’: Черн. *slux*, G *slúxu*; Миж. *slux*, G *slúxv*; Гдеш. *slux*, G *slúxu*; Чапли *slux*, G *slúxu*, -a; Мшан. *slux*, G *slúxu*; Ставн. *slux*, G *slúxa*, Ins -om; Люта *slux*, G *slúxa*; Нов. *slux*, G *slúxu*; Худл. *slux*, G *slúxv*; Ирл. *slux*, G *slúxa*, Ins -om; Бен. *slux*, G *slúxa*, Ins -om; ТП *slux*, G *slúxu*; Черн. Пот. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Брод *slux*, G *slúxu*; Дус. *slux*, G *slúxa*, Ins *slúxom*, *sluxóm*; Кер. *slux*, G *slúxu*; Довге *slux*, G *slúxu* ‘способность слышать; слух, сплетня’; НБ *slux*, G *slúxa*; Нерп. *slux*, G *slúxa* ‘способность слышать; слух, сплетня’; Син. *slux*, G *slúxu* ‘способность слышать’, -a ‘слух, сплетня’; СинП *slux*, G *slúxa*, Ins -om; Новос. *slux*, G *slúxu*; Тор. *slux*, G *slúxu* ‘способность слышать’; Скот. *slux*, G *slúxa*; Влс. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; РМ *sloux*, G *slóuxa*, L -ov; Бруст. *slux*, G *slúxa*; Тис. *slux*, G *slúxu* (ЮА, ВАИ); Быстр. *slux*, G *slúxa*, Ins -om ‘способность слышать’; ЛП *slux*, G *slúxa*; ШЛ *slux*, G *slúxa*, Ins -om; Вел. *slux*, G *slúxu*; Луг *slux*, G *slúxa*; станисл. *slux*, G *slúxu Нап. 330; Бринь *slux*, G *slúxu*; Крыл. *slux*, G *slúxu*; Тур. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Ясень *slux*, G *slúxu*; Пер. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Печ. *slux*, G *slúxu*; Косм. *slux*, G *slúxu*; Стопч. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Коб. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Сем. *slux*, G *slúxu*, -a; Ябл. *slux*, G *slúxa*; Луги *slux*, G *slúxu*, -a; Красн. *slux*, G *slúxu*; Яв. *slux*, G *slúxu*; Бан. *slux*, G *slúxu*, Ins -om; Тышк. *slux*, G *slúxu*. Отклоняются Битля *slux*, G *sluxú*; Угля *slux*, G *sluxá*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘слух’: Дуд. *slux*, G *slúxa* ‘способность слышать’; Гавр. *slux*, G *slúxa*; Кузн. *slux*, G *slúxa*; Смехн. *slux*, G *slúxa* ‘способность слышать; сплетня’; Зал. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Сопки *slux*, G *slúxu*, Ins -ьт; Мал. *slux*, G *slúxu*, -a, Ins -ьт; Заб. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Овин. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Корп. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Леж. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт ‘способность слышать; сплетня’; Слёзы *slux*, G *slúxu*, Ins -ьт; Мыза *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Кост. *slux*, G *slúxa*, -и, Ins -ьт; Корш. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Рем. *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Ручьи *slux*, G *slúxa*, Ins -ьт; Феликс. *slux*, G *slúxu* ‘способность слышать; слух, сплетня’. Отклоняется Рог. *slux*, G *sluxá*, Ins *slúxьт*.

***strǫpъ**, gen. ***strǫpa** а. п. с: словен. *strǫp*; чеш., слвц. *strup*; словинц. *strǫp* < балто-слав. *(s)ǫpuro- m., лит. *raupaĩ* ‘оспа’, а. п. 4 по всем диалектам [LKŽ и ИАБС: 111–112] < и.е. *srowp-ǫ-s (“*srowpós”). Отсюда же герм. *raubá-z > ср.-голл. *roof* m., ср.-н.-нем. *rōf* m., др.-в.-нем. *roup* m. ‘Raub, Beute; Ernte eines Feldes’, ср.-в.-нем. *roup* (-b-) st. m.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘струп, струпя’: Черн. *strup*, G *strúpa*; Миж. *strup*, G *strúpa*; Гдеш. *strup*, G *strúpa*; Чапли *strup*, G *strúpa*; Мшан. *strup*, G *strúpa*; Люта *strup*, G *strúpa*; Черн. Пот. *strup*, G *strúpa*; Брод *strup*, G *strúpa*; Кер. *strup*, G *strúpa*; Довге *strup*, G *strúpa*; НБ *strup*, G *strúpa*; Негр. *strup*, G *strúpa*, Ins -om ‘струп, струпя’; Син. *strup*, G *strúpa* ‘болячка, струп’; СинП *strup*, G *strúpa*, Ins -om; Новос. *strup*, G *strúpa*; Тор. *strup*, G *strúpa*; Скот. *strup*, G *strúpa*; Влс. *strup*, G *strúpu*, Ins -om; РМ *stroupa*, G *stróupa*, Ins -om; Бруст. *strup*, G *strúpa*; Битля *strup*, G *strúpa*; Тис. *strup*, G *strúpa* (ЮА, ВАН); Быстр. *strup*, G *strúpa*, Ins -om; ЛП *strup*, G *strúpa*; ШЛ *strup*, G *strúpa*, Ins -om; Вел. *strup*, G *strúpa*; Луг *strup*, G *strúpa*; станицл. *сгупн*, G *сгупна Нан. 330; Бринь *strup*, G *strúpa*, Ins -om; Крыл. *strup*, G *strúpa*; Тур. *strup*, G *strúpa*, -и, Ins -om, L -i; Неб. *strup*, G *strúpu*, Ins -om, L -i; Пер. *strup*, G *strúpu*, Ins -om, L -i; Косм. *strup*, G *strúpu*, Ins -om; Стопч. *strup*, G *strúpa*; Коб. *strup*, G *strúpa*, Ins -om; Сем. *strup*, G *strúpa*, -и; Ябл. *strup*, G *strúpa* ‘есадина’; Луги *strup*, G *strúpa/strupá*; Красн. *strup*, G *strúpa*; Яв. *strup*, G *strúpa* (на голове); Тышк. *strup*, G *strúpa*. Отклоняется Бан. *strup*, G *strúpa*, *strupá*, Ins -óm, L -iě.

В псковско-полоцких говорах, по-видимому, вторичная окситонеза: Дуд. *strup*, G *strupá* ‘струп, заживающая рана’; Гавр. *strup*, G *strupá*; Смехн. *strup*, G *strupá*; Леж. *strup*, G -а, Ins *strupóm*; Слёзы *strup*, G *strupá*, Ins *strupъм* ‘струп’; Корш. *strup*, G *strúpa*, *strupá*, Ins *strupóm* ‘короста на голове у детей’; Феликс. *strup*, G *strupá*, Ins *strupъм* ‘струп’.

*svěť, gen. *světa а. п. с: словен. *svět*, G *světâ*; хорв. *svijêt*, G *svijêta*; чеш. *svět*; слвц. *svet*; словинц. *svat*; рус. *свет*, G *свѣта*, D *нó свету* и т. д.; деноминативный глагол *ob-, pro-světíti, *-světjъ а. п. с (параллельный глагол *světíti, *světjǫ а. п. b₁ является итеративным) = и.-е. *kwoyt-o-s (“*kwoytós”) (?). Основа *svěť а. п. с акцентологически противопоставлена *kvěť, G *květa > *květa а. п. d. Балто-слав. рецессивный корень, на что указывает насуффиксальное ударение лит. *šveistūvas*; *šveistūvis*; *šveistūvė*⁹⁴.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘мир (mundus)’: Черн. *śvit*, G *śvitu*; Миж. *śvit*, G *śvitr*; Гдеш. *śvit*, G *śvita*; Чапли *śvit*, G *śvita*, -и; Мшан. *śvit*, G *śvita*; В.Ст. *sv’it*, G *sv’ita*, Ins -om; Ставн. *sv’it*, G *sv’ita*, Ins -om; Люта *svit*, G *svita*, Ins -om, L -ovi; Нов. *svit*, G *svita*; Ярок *svit*, G *svita*; Худл. *svit*, G *svita*;

⁹⁴ Об ударении литовских образований с суффиксом -*uv*- см. [ОСА: 99–102].

Ирл. *sv'it*, G *sv'ita*, Ins -om; Бен. *sv'it*, G *sv'ita*, Ins -om; ТП *swit*, G *swítu*; Черн.Пот. *svit*, G *svíta*; Брод *svit*, G *svíta*; Заг. *svit*, L *svítu*; Кер. *s'vit*, G *s'víta*; Довге *svit*, G *svíta*; НБ *s'vit*, G *s'víta*; Нерп. *s'vit*, G *s'vítu*, Ins -om, L *s'vít'i* 'мир (mundus)'; Син. *s'vit*, G *s'víta*, L *s'vít'i*, *s'vítu*; СинП *s'vít*, G *s'vítu*, Ins -om; Новос. *s'vit*, G *s'vítu*, -a; Тор. *s'vit*, G *s'vítu* 'мир (mundus); дневной свет'; Скот. *svit*, G *svíta*; Влс. *svit*, G *svítu*, Ins -om; Бруст. *svit*, G *svíta*; Битля *švit*, G *švítu*; Тис. *swit*, G *swíta* (ВАН); Быстр. *svit*, G *svíta*, Ins -om; ЛП *s'vit*, G *s'víta*; ШЛ *s'vit*, G *s'vítu*; Вел. *svit*, G *svíta*; Лыг *svit*, G *svítu*; Рона *svit*, G *svíta*; Реп. *svit*, G *svíta*; станисл. *свьѣт*, G *свьѣту Нап. 329; Бринь *s'vit*, G *s'vítu*; Крыл. *s'vit*, L *po s'vít'i*; Тур. *svit*, G *svítu*, -a, Ins -om, L *svít'i*; Ясень *svit*, L *svít'i*; Неб. *svit*, G *svíta*, Ins -om, L *svít'i*; Пер. *svit*, G *svíta*, Ins -om, L *svít'i*; Печ. *sviēt*, G *sviētu*; Косм. *s'vit*, G *s'vítu*; Стопч. *svit*, G *svítu*; Коб. *svit*, G *svíta*, Ins -om, L *svít'i*; Сем. *svit*, G *svíta*, -u, L *svíki*; Ябл. *s'vit*, G *s'v'íta*; Луги *svit*, G *svítu*; Красн. *svit*, G *svíta*; Яв. *s'vit*, G *s'v'íta*, L *s'v'ít'i*; Бан. *šwiēt*, G *šwiētu*, Ins -om, L *šwiēki*; Тышк. *sviēt*, G *svítu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'свет': Дуд. *s'v'iet*, G *s'v'ieta*; Гавр. *sv'et*, G *sv'eta*; Кузн. *s'v'et*, G *s'v'etu*; Смехн. *sv'et*, G *sv'eta*, idiom. *dó s'v'etu*; Корп. **sv'et*, G *sv'eta*, Ins -ьт; Леж. *s'v'et*, G *s'v'eta*, Ins -ьт; Слѣзы *s'v'et*, G *s'v'etu*, Ins -ьт; Корш. *s'v'et*, G *s'v'eta*, Ins -ьт; Рем. *s'v'et*, G *s'v'eta*, Ins -ьт; Ручьи *s'v'et*, G *s'v'etu*, Ins -ьт.

***сѣнь**, gen. ***synū** а. п. с: сев.-витебск. G *сына*, In *сынѣм* [ГБРП: 178]; сев.-чак. Сали *sīn*, gen. *sīna*, pl. *sīni*; словен. *sīn*, G *sīna*, *sīnū*; хорв. *sīn*, G *sīna; чеш., словц. *syn*; словинц. *sīn*, G *səna*; рус. *сын*, G *сына*, Pl *сыновья*; деноминативный i-глагол *synovīti, *synovjō а. п. с. Балто-слав. **sūnu-* (чередующееся с **sūnu-* с оттяжкой ударения по закону Хирта-Иллич-Сви-тыча), ср. лит. *sūnūs* а. п. 3 в современных диалектах, с архаическими баритонированными формами в древнелитовских памятниках [ИАБС: 75–76]) < и.-е. *suH-nu-s ("*suHnús"), отсюда же др.-инд. *sūnú-ṣ*, герм. *sunú-z с сокращением безударного гласного; ср. также греч. *υῖος*, диал. *υῖος 'son'* с другим суффиксом.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'сын': Черн. *syn*, G *syna*; Миж. *syn*, G *syna*; Гдеш. *syn*, G *syna*; Чапли *syn*, G *syna*; Мшан. *syn*, G *syna*; В.Ст. *сын*, G *сына*, Ins -om; Ставн. *syn*, G *syna*, Ins -om; Люта *syn*, G *syna*, Ins -om, L -ovr; Нов. *soon*, G *soóna*; Ярок *sən*, G *sóna*; Худл. *sən*, G *sóna*; Ирл. *syn*, G *syna*, Ins -om; Бен. *syn*, G *syna*, Ins -om; ТП *syn*, G *syna*; Черн.Пот. *soon*, G *soóna*; Брод *soon*, G *soóna*; Кер. *сын*, G *сына*; Довге *soon*, G *soóna*; НБ *soon*, G

soóna; Негр. *soon*, G *soóna*, Ins -*om*; Син. *soon*, G *soóna*, L -*ovi*; СинП *сын*, G *сы́на*, Ins -*om*; Новос. *soon*, G *soóna*, Ins -*om*; Тор. *soon*, G *soóna*, D -*u*, Ins -*om*, L *soón* 'i; Скот. *syn*, G *сы́на*; Влс. *syn*, G *сы́на*, Ins -*om*; РМ *soon*, G *soóna*, Ins -*om*; Бруст. *sin*, G *сы́на*; Битля *syn*, G *сы́на*; Тис. *sân*, G *сы́на*, u *сы́на* (ЮА); *sân*, G *сы́на* (ВАН); Быстр. *sæn*, G *сы́на*, Ins -*om*; ЛП *soon*, G *soóna*; ШЛ *сын*, G *сы́на*, Ins -*om*; Вел. *soon*, G *soóna*; Луг *syn*, G *сы́на*; Реп. *sæn*, G *сы́на*; станицл. *син*, G **сы́на* Нан. 329; Бринь *sæn*, G *сы́на*; Крыл. *sæn*, Ins *сы́ном*; Тур. *sæn*, G *сы́на*, Ins -*om*, L *sæn* 'i, *сы́нову*; Ясень *sæn*, G *сы́на*; Неб. *syn*, G *сы́на*, Ins -*om*, L *сын* 'i; Пер. *sæn*, G *сы́на*, L *sæn* 'i; Печ. *sæn*, G *сы́на*; Косм. *sen*, G *сы́на*, Ins -*om*, L *сэн* 'i; Стопч. *syn*, G *сы́на*, Ins -*om*; Коб. *sæn*, G *сы́на*, Ins -*om*, L -*ovæ*; Сем. *sæn*, G *сы́на*; Ябл. *sæn*, G *сы́на*; Луги *sæn*, G *сы́на*; Красн. *sen*, G *сы́на*; Яв. *sæn*, G *сы́на*, Ins -*om*; Бан. *sæn*, G *сы́на*, Ins -*om*; Тышк. *sæn*, G *сы́на*. Отклоняется Рона *сын*, G *сы́на*, Ins -*om*, L на *сын* 'i – видимо, формы с архаическими ударениями *и*-основы.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'сын': Дуд. *сын*, G *сы́на*; Гавр. *сын*, G *сы́на*; Кузн. *сын*, G *сы́на*; Смехн. *сын*, G *сы́на*; Корп. G *сы́на*, Ins -*ьт*; Леж. *сын*, G *сы́на*, Ins -*ьт*; Слёзы *сын*, G *сы́на*, Ins -*ьт*; Корш. *сын*, G *сы́на*, Ins -*ьт*; Рем. *сын*, G *сы́на*, Ins -*ьт*. Отклоняется Ручьи *сын*, G *сы́ни*, *сы́на*, Ins *сынóm*, Pl *сы́ны* – реликтовые формы со старой акцентуацией *и*-основы а. п. с?

***trûpъ**, gen. ***trûpa** а. п. с: словен., хорв. *trûp*, G *trûpa; чеш., словц. *trup*; рус. *труп*, G *трупá*, Pl *трупы* (отклоняется словинц. *trûp*, G *trûpa* с рефлексом а. п. b) < и.-е. *trǫwr-ǫ-s ("*trǫwrós"). Балто-славянский циркумфлекс (?), ср. ступень редукции в лит. *trupùs* 'ломкий' < *trup-u-. Основа не имеет прямого соответствия в других и.-е. языках.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'труп': Черн. *trup*, G *trûpa*; Гдеш. *trup*, G *trûpa*; Чапли *trup*, G *trûpa*; Мшан. *trup*, G *trûpa*; Ставн. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; Люта *trup*, G *trûpa*; Нов. *trup*, G *trûpa*; Ярок *trup*, G *trûpa*; Худл. *trup*, G *trûpa*; Ирл. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; Бен. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; ТП *trup*, G *trûpa*; Черн.Пот. *trup*, G *trûpa* 'труп; ствол'; Брод *trup*, G *trûpa*; Заг. *trup*, G *trûpa*; Кер. *trup*, G *trûpa*; Довге *trup*, G *trûpa*; НБ *trup*, G *trûpa*; Негр. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; Син. *trup*, G *trûpa*, L -*ovi*; СинП *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; Новос. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; Тор. *trup*, G *trûpa*; Скот. *trup*, G *trûpa*; Влс. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; РМ *troupa*, G *troupa*, Ins -*om*; Бруст. *trup*, G *trûpa*; Битля *trup*, G *trûpa*; Тис. *trup*, G *trûpa* (ЮА), *trûp*, G *trûpa* (ВАН); Быстр. *trup*, G *trûpa*, Ins -*om*; ЛП *trup*, G *trûpa*; ШЛ *trup*, G *trûpa*; Вел. *trup*, G *trûpa*; Луг

trup, G *trúpa*; станисл. *трун*, G **trúna* Нан. 328; Бринь *trup*, G *trúpa*; Тур. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*, L -*i*; Ясень *trup*, G *trúpa*; Неб. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*; Печ. *trup*, G *trúpa*; Стопч. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*; Коб. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*; Сем. *trup*, G *trúpa*; Луги *trup*, G *trúpa*; Красн. *trup*, G *trúpa*; Яв. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*; Бан. *trup*, G *trúpa*, Ins -*om*, L -*i*; Тышк. *trup*, G *trúpa*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘труп’: Дуд. *trup*, G *trúpa*; Гавр. *trup*, G *trúpa*; Кузн. *trup*, G *trúpa*; Смехн. *trup*, G *trúpa*; Корп. **trup*, G *trúpa*, Ins -*ьт*; Леж. *trup*, G *trúpa*, Ins -*ьт*; Слёзы *trup*, G *trúpa*, Ins -*ьт*; Корш. *trup*, G *trúpa*, Ins -*ьт*; Рем. *trup*, G *trúpa*, Ins -*ьт*; Феликс. *trup*, G *trúpa*.

*vârġ, gen. ***varũ** а. п. с: везде, кроме карпатоукраинских говоров, в которых окситонеза возникла в результате генерализации окситонезы в парадигме и-основы, рефлексy а. п. с: чеш., слвц. *var*; словинц. *var*, G *varu* и т. д. Балто-слав. ***wâgu-** m. Образование от рецессивного корня ***weġH-**: лтш. *vîrt*, *veġda*, слав. каузатив ***varġiti**, ***vârġo** а. п. с.

Карпатоукраинские говоры ‘отвар, компот’:

Окситонеза: Мшан. *var*, G *váru*; Худл. *var*, G *váru*, *varú*; ТП *var*, G *vára*, *váru*, *varú*; Черн. Пот. *var*, G *váru*; Брод. *var*, G *váru*; Заг. *var*, G *váru*; Тор. *var*, G *váru* ‘древесный сок’; Тис. *var*, G *váru*, L *w var’i* (ЮА), *vár*, G *váru* (ВАН); Крыл. *var*, G *váru*, *váru*; Печ. *var*, G *váru*; Сем. *var*, G *váru*, Ins -*om*.

Баритонеза: Ставн. *var*, G *vára*, Ins -*om* ‘компот’; Люта. *var*, G *vára*, -*u*; Нов. *var*, G *váru*; Ярок. *var*, G *vára*; Ирл. *var*, G *vára*, Ins -*om* ‘компот из сухофруктов’; Кер. *var*, G *vára*; Довге. *var*, G *váru*; Нерп. *var*, G *váru*, L *vár’i* ‘отвар; сок’; Син. *var*, G *váru* ‘картофельный отвар’; Новос. *var*, G *váru*, L -*ovi*; Скот. *var*, G *váru*; Влс. *var*, G *váru* ‘бульон’; Бруст. *var*, G *váru*; Битля. *var*, G *váru* ‘варево’; Быстр. *var*, G *váru*, Ins -*om* ‘компот из яблок’; ЛП. *var*, G *vára*; ШЛ. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Луг. *var*, G *váru*; Бринь. *var*, G *váru*; Тур. *var*, G *váru*, Ins -*om*, L *vár’i*; Лукв. *var*, G *váru*; Ясень. *var*, G *váru*; Неб. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Пер. *var*, G *váru*, Ins -*om*, L *vár’i*; Косм. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Стопч. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Коб. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Ябл. *var*, G *váru* ‘компот’; Луги. *var*, G *váru*; Красн. *var*, G *váru*; Яв. *var*, G *váru*, Ins -*om*; Бан. *var*, G *váru*, Ins -*om*, L *vári* ‘компот; вар (смола) для обмазки деревьев’; Тышк. *var*, G *váru*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘вар (смола)’: Дуд. *var*, G *vára*, Ins -*ьт* ‘смола’; Гавр. *var*, G *vára*, Ins -*ьт* id.; Кузн. *var*, G *vára* id.; Смехн. *var*, G *vára*, Ins -*ьт*; Зал. *var*, G *vára*, Ins -*ьт* ‘смола’; Сопки. *var*, G *vára*, Ins -*ьт* id.; Заб. *var*, G *vára*, Ins -*ьт*; Овин. *var*, G *vára*, Ins -*ьт*; Корп. *var*, G *vára*, Ins -*ьт*; Леж. *var*, G *vára*, Ins -*ьт* id.; Слёзы. *var*, G *vára*, Ins -*ьт*; Мыза.

var, G *vára*, Ins -ьт; Кост. *var*, G *vára*, Ins -ьт; Рог. *var*, G *vára*, Ins -ьт; Корш. *var*, G *vára*, Ins -ьт; Рем. *var*, G *vára*, Ins -ьт; Феликс. *var*, G *vára*, Ins -ьт ‘кипяток’.

***вѣлкь**, gen. ***вѣлка** а. п. с: словен. *vôlk*, G *vôlka*, *volkā*; хорв. *vûk*, G *vûka; вост.-шток. Обади *вѣк* 100, Р1 *вѣци* 96; чешск., словц. *vlk*; кашуб. *vîlk*, G *vílka*; рус. *волк*, G *вóлка*, Р1 *вóлки* < балто-слав. **wîlko-* m., лит. *vîlkas* а. п. 4 во всех диалектах [LKŽ и ИАБС: 40–41] < и.-е. **wl̥k-o-s* ("**wl̥kós*")⁹⁵. Балто-слав. акцентуация не согласуется с греч. *λύκο-ς* (Ном+), др.-инд. *v̥ṛka-s* (Rig-Veda) ‘волк’: последние формы, по-видимому, восходят к **wl̥ko-s* < **wl̥k-o-s* с доминантной темой -*o-*.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘волк’: Черн. *vowk*, G *vówka*; Ниж. *vowk*, G *vówka*; Гдеш. *vowk*, G *vówka*; Чапли *vowk*, G *vówka*; Мшан. *vowk*, G *vówka*; В.Ст. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Ставн. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Люта *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*, L -*ovi*; Нов. *vowk*, G *vówka*; Ярок *vo-wk*, G *vówka*; Худл. *vowk*, G *vówka*; Ирл. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Бен. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; ТП *vowk*, G *vówka*; Черн.Пот. *vowk*, G *vówka*; Брод *vowk*, G *vówka*, L *vówc’i*; Заг. *vowk*, G *vówka*; Кер. *vowk*, G *vówka*; Довге *vowk*, G *vówka*; НБ *vowk*, G *vówka*; Негр. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Син. *vowk*, G *vówka*, L -*ovi*; СинП *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Новос. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Тор. *vowk*, G *vówka*, D -*ovi*, Ins -*om*, L -*ovi*, *vówc’i*; Скот. *vowk*, G *vówka*; Влс. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; РМ *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Бруст. *vowk*, G *vówka*; Битля *vowk*, G *vówka*; Тис. *vowk*, G *vówka*, L *na vówc’i* (ЮА); *wowk*, G *wówka* (ВАН); Быстр. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; ЛП *vówka*, G *vówka*; ШЛ *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Вел. *vowk*, G *vówka*; Луг *vowk*, G *vówka*; Рона *vowk*, G *vówka*; Реп. *vowk*, G *vówka*; станисл. *vowk*, G *vówka Нап. 329; Бринь *vowk*, G *vówka*; Крыл. *vowk*, G *vówka*; Тур. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*, L *vóvc’i*, -*ovv*; Ясень *vowk*, G *vówka*; Пер. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*, L *vówc’i*; Печ. *vowk*, G *vówka*; Косм. *vowk*, G *vówka*, Ins *vówkom*; Стопч. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Коб. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*, L -*ovə*; Сем. *vowk*, G *vówka*; Луги *vowk*, G *vówka*; Красн. *vowk*, G *vówka*; Яв. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Бан. *vowk*, G *vówka*, Ins -*om*; Тышк. *vowk*, G *vówka*.

⁹⁵ Реконструкция **k^w*- избыточна. Герм. *wulfaz восходит к и.-е. **wl̥p-*, ср. лат. *vulpēs* ‘лиса’, лит. *vilpiš̄is* m. ‘wilde Katze, Felis catus’, лат. *lupus* – к **lup-*, ср. др.-инд. *lopāka-*, *lopāsá-* m. ‘jackal, fox or a similar animal’; вайгали *liwašā*, *lawāša* ‘fox’, *lawāša* ‘jackal’, авест. *uripi-* m. ‘eine Art Hund’, гаōpi- ‘Fuchs, Schakal’, ср.-перс. *rōpās* ‘Fuchs’; н.-перс. *rōbāh* ‘Fuchs’; сак. *rruvāsa-*, ишкашим. *urvēs*, сангличи *vərvēs*, *wərvēs* ‘Fuchs’.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘волк’: Дуд. *volk*, G *vólka*; Гавр. *volk*, G *vólka*; Смехн. *volk*, G *vólka*; Слёзы *volk*, G *vólka*, Ins -ьт; Корш. *volk*, G *vólka*, Ins -ьт; Рем. *volk*, G *vólka*, Ins -ьт.

С вторичной «окситонезой названий животных» в смоленско-полоцком ареале (*волка́, медведя́, лося́, зайца́* и т. п.): Кузн. *wolk*, G *valká*; Ручьи *vowk*, G *vowká*, Ins -óm; Феликс. *wowk*, G *vъwká*, Ins *z vawkóm*; сев.-витебск. *волк/вowк*, G *вълка́/вowкá*, D *вълку́*, Ins *валкóм/ваwкóм* [ГБРП: 169].

*znâkь, gen. *znakŭ а. п. с. Карпатоукраинская окситонированная парадигма – результат генерализации окситонезы gen., instr. и loc. sg. *u*-основы. В других языках рефлексy а. п. с: сев.-чак. Сусак *znôk*, G *znôka* [Shrager 2011: 218]; чеш., словц. *znak*; словинц. *znak*; вост.-шток. Лев. *znâk*, G **znâka* 238 и т. д. И.-е. *ǵneh₃-ku-, образование от рецессивного корня *ǵneh₃-: слав. *znajâti, *znâjô а. п. с, морфологический II кл. в древнеиндийском и греческом, сокращение гласного в лат. ртс. *gnôtus (*co-gnitus*, *a-gnitus*); *nôta*.

Карпатоукраинские говоры ‘родимое пятно’:

Окситонеза: Черн. *znak*, G *znakú*; Миж. *znak*, G *znáku*, *znakú*; Гдеш. *znak*, G *znáká*; Чапли *znak*, G *znakú*; Мшан. *znak*, G *znakú*; Ставн. *znak*, G *znáká*, Ins *znákom* ‘шрам’; Ярок *znak*, G *znáká* ‘родимое пятно’; Худл. *znak*, G *znáká*; Бен. *znak*, G *znáká*, Ins -óm; ТП *znak*, G *znáká*; Черн. Пот. *znak*, G *znáká*; Брод *znak*, G *znáká* ‘шрам’; Заг. *znak*, G *znakú*; НБ *znak*, G *znáká*, Ins -óm; Син. *znak*, G *znáká*, L -óni ‘родимое пятно’; СинП *znak*, G *znakú*, -á, Ins *znákom* ‘родимое пятно’; Новос. *znak*, G *znáka*, *znáká*, *znáku*, *znakú*; Тор. *znak*, G *znakú* ‘родимое пятно’; Скот. *znak*, G *znáká*; РМ *znak*, G *znáká*, Ins -óm; Бруст. *znak*, G *znáká*, *znáka* ‘родимое пятно’; Битля *znak*, G *znakú*; Тис. *znak*, G *znakú*, Ins -óm (ЮА); *znak*, *znáka* (ВАН); Быстр. *znak*, G *znáká*, Ins *znákom*; ШЛ *znak*, G *znáká*, L -óm ‘родимое пятно’; Луг *znak*, G *znakú*, -á ‘родимое пятно; татуировка’; станисл. *znak*, G **znáká* Нап. 333; Бринь *znak*, G *znakú*, *znáku*, Ins -om; Крыл. *znak*, G *znáká*; Тур. *znak*, G *znakú*, Ins -óm, L *znac’i*, *znakú*; Ясень *znak*, G *znáká*; Неб. *znak*, G *znakú*, Ins -óm; Пер. *znak*, G *znakú*, Ins -óm, L *znac’i*; Печ. *znak*, G *znakú*; Косм. *znak*, G *znáká*, Ins -óm; Коб. *znak*, G *znáku*, *znáká*, Ins -óm, L *znákovə*; Сем. *znak*, G *znáká*, -ú, *znáka*, Ins -om, L *znac’i*; Луги *znak*, G *znáká*; Красн. *znak*, G *znáká*; Яв. *znak*, G *znáká*, Ins -óm ‘родимое пятно’; Бан. *znak*, G *znakú*, Ins -óm; Тышк. *znak*, G *znakú*.

Баритонеза: Люта *znak*, G *znáka*; Нов. *znak*, G *znáku*, -a ‘родимое пятно’; Ирл. *znak*, G *znáka*, Ins -om id.; Кер. *znak*, G *znáka*; Довге *znak*, G *znáku*, -a; Негр. *znak*, G *znáka*, Ins -om ‘знак, зарубка, заметка; клеймо (на скотине);

родимое пятно, родинка'; Влс. *znak*, G *znáku*, Ins -*om*; ЛП *znak*, G *znáka* 'вешка'; Вел. *znak*, G *znáka*; Стопч. *znak*, G *znáku*, Ins -*om*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'знак': Дуд. *znak*, G *znákъ*, Pl *znák'i*; Гавр. *znak*, *znákыс'* (< *znakъ ti), G *znáka*, Pl *znák'i*; Кузн. *znak*, G *znáka*, Pl *znák'i*; Заб. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Овин. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i* 'дорожный знак'; Слёзы *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Мыза *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Кост. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Рог. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Корш. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Рем. *znak*, G *znáka*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i*; Ручьи *znak*, G *znáku*, Ins -*ьт*, Pl *znák'i* 'номер на доме'; Феликс. *znak*, G *znáku*, -*ь*, Ins *znákът*, Pl *znák'i*.

*zvǫkъ, gen. *zvǫka а. п. с: чеш., словц. *zvuk*; сев.-кашуб. *zvqk*, G *zvqk'u*; рус. *звук*, G *звúка*, Pl *звúки* < и.-е. *ǵwǫnǵ-ǵ-s ("ǵwǫnǵós") (?). Внешнего соответствия славянская тематическая основа не имеет.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'звук': Черн. *zvuk*, G *zvúka*; Миж. *zvuk*, G *zvúku*; Гдеш. *zvuk*, G *zvúku*; Чапли *zvuk*, G *zvúku*; Мшан. *zvuk*, G *zvúku*; Ставн. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; Люта *zvuk*, G *zvúka*; Нов. *zvuk*, G *zvúka*; Ярок *zvuk*, G *zvúka*; Худл. *zvuk*, G *zvúku*, -*a*; Бен. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; ТП *zvuk*, G *zvúku*; Черн.Пот. *zvuk*, G *zvúka*; Кер. *zvuk*, G *zvúka*; Довге *zvuk*, G *zvúka*; НБ *zvuk*, G *zvúka*; Негр. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; Син. *zvuk*, G *zvúku*, L -*ovi*; СинП *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; Новос. *zvuk*, G *zvúku*, -*a*; Тор. *zvuk*, G *zvúku*; Скот. *zvuk*, G *zvúka*, -*u*; Влс. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; РМ *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; Тис. *zvuk*, G *zvúku* (ЮА), *zwúk*, G *zwúku* (ВАН); Быстр. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; ШЛ *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*; Вел. *zvuk*, G *zvúka*; Бринь *zvuk*, G *zvúku*; Неб. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*om*, L *zvúс'i*; Пер. *zvuk*, G *zvúku*, Ins -*om*, L *zvúс'i*; Печ. *zvuk*, G *zwúka*; Коб. *zvuk*, G *zvúku*, Ins -*om*, L -*u*; Сем. *zvuk*, G *zvúku*; Луги *zvuk*, G *zvúku*; Красн. *zvuk*, G *zvúku*; Яв. *zvuk*, G *zvúku*; Бан. *zvuk*, G *zvúka*; Тышк. *zvuk*, G *zvúku*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'звук': Дуд. *zvuk*, G *zvúka*; Гавр. *zvuk*, G *zvúka*; Кузн. *zvuk*, G *zvúka*; Смехн. *zvuk*, G *zvúka*; Леж. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*ьт*; Рем. *zvuk*, G *zvúka*, Ins -*ьт* 'звук, голос'; Ручьи *zvuk*, G *zvúku*, Ins -*ьт*; Феликс. *zvuk*, G *zvúku*.

ОСНОВЫ С «ПОЛНОГЛАСИЕМ»

*ǵǫldъ, gen. *ǵǫlda а. п. с: сев.-витебск. *ǵóлт*, G з *ǵóльд*, Ins *ǵóльдъм* [ГБРП: 170]; сев.-чак. Сусак *ǵlǵd*, G *ǵd ǵlǵda* [Shrager 2011: 221]; словен. *ǵlād*, G *ǵlāda*, *ǵlādū*; чеш., словц. *hlad*; кашуб. *ǵlòd*, G *ǵlodu*; рус. *ǵóлод*, G

góloда и т. д. < и.-е. *gholdh-o-s ("*gholdhós") (?), ср. м. р. др.-инд. *gardha-s* 'desire, greediness' (ударение неизвестно).

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'голод': Черн. *ýólot*, G *ýólođu*; Миж. *ýólot*, G *ýólotda*; Гдеш. *ýólot*, G *ýóluda*; Чапли *ýólot*, G *ýólođu*; Мшан. *ýólot*, G *ýólođu*; В.Ст. *hólot*, G *hólodu*, Ins -om; Ставн. *hólot*, G -a, Ins -om; Люта *ýólot*, G *ýóloda*, *ýólođu*, Ins *ýólodom*, L *ýólot'di*; Ярок *ýólot*, G -a; Худл. *ýólot*, G *ýólotdtr*; Ирл. *hólot*, G *hóloda*, Ins -om; Бен. *ýólot*, G *ýóloda*, Ins -om; ТП *ýólot*, G *ýóloda*; Черн.Пот. *ýólot*, G *ýólođu*; Брод *ýólot*, G *ýóloda*, *ýólođu*, L *ýólot'di*; Заг. *ýólot*, G -a; Дус. *ýólot*, G *ýóloda*, -u, Ins -om; Кер. *ýólot*, G *ýólođu*; Довге *ýólot*, G *ýóloda*; Негр. *ýólot*, G *ýólođu*; Син. *ýólot*, G *ýólođu*; СинП *ýólot*, G *ýólođu*, Ins *ýólodom*; Новос. *ýólot*, G -a, -u; Тор. *ýólot*, G *ýólođu*; Скот. *ýólot*, G *ýólođu*; Влс. *ýólot*, G -u, Ins -om; РМ *ýólot*, G *ýóloda*, Ins -om; Бруст. *ýólot*, G *ýóloda*; Битля *ýólot*, G *ýólođu*; Тис. *ýólot*, G -u (ЮА, ВАН); Быстр. *hólot*, G *hólodu*, Ins -om; ЛП *ýólot*, G *ýóloda*; ШЛ *ýólot*, G -a; Угля *ýólot*, G *ýólođu*, Ins *ýólodom*; Вел. *ýólot*, G *ýóloda*; Луг *ýólot*, G -u; Рона *ýólot*, G -a; Реп. *ýólot*, G -a; станицл. *gólot*, G *gólotu Нап. 343; Бринь *ýólot*, G *ýólođu*; Тур. *hólot*, G -u, Ins -om, L *hólot'di*; Ясень *ýólot*, G -u; Неб. *ýólot*, G -u, Ins -om, L *ýólot'di*; Пер. *ýólot*, G -u, Ins -om, L *ýólot'di*; Печ. *ýólot*, G -u; Косм. *ýólot*, G -u, Ins -om; Стопч. *ýólot*, G *ýólotu*; Коб. *ýólot*, G *ýólotu*, Ins -om, L *ýólot'di*; Сем. *hólot*, G -u; Ябл. *hólot*, G *hólodu*; Луги *ýólot*, G *ýólotu*; Красн. *ýólot*, G *ýólotu*; Яв. *hólot*, G *hólodu*; Бан. *ýólot*, G -u, Ins -om, L *ýólot'gi*; Тышк. *hólot*, G *hólotu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'голод': Дуд. *gótyt*, G *gótyda*; Гавр. *gótyt*, G *gótyda*; Кузн. *gótyt*, G *gótyda*; Смехн. *gótyt*, G *gótyda*; Зал. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Сопки *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Мал. *gótyt*, G *gótydu*, Ins -ьт; Заб. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Овин. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Корп. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Леж. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Слезы *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Мыза *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Кост. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Рог. *gólat*, G *gótyda*, Ins -ьт; Корш. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Рем. *gótyt*, G *gótyda*, Ins -ьт; Ручьи *ýótyt*, G *ýótydu*, Ins -ьт; Феликс. *ýótyt*, G *ýótydu*.

*gōlsъ, gen. *gōlsa а. п. с: сев.-чак. Сали *glās*, G *glāsa*; словен. *glās*, G *glāsa*, *glasū*; хорв. *glās*, G *glāsa; вост.-шток. Лев. *glāc* 61, G *glāca* 240; чеш., словц. *hlas*; кашуб. *głos*, G *głosu*; рус. *гóлос*, G *гóлоса*, Pl *голосá* и т. д.⁹⁶ < и.-е. *gols-o-s ("*golsós"). Ср. и.-е. *gols-o-m ("*golsóm") > герм.

⁹⁶ Вторична контрастная а. п. в сев.-витебск. *гóльс*, G *гъласá/гóльсу*, Ins *гóльсьм/гъласóm* [ГБРП: 170] – по-видимому, она возникла по аналогии с «рифмующимся» регулярным *кóльс*, G *къласá*, Ins *къласóm* < *kōlsъ а. п. d.

*kalzá-n > др.-исл. *kall* n. 'Ruf, Name'. Ср. деноминатив *golsíti, *golsjo а. п. с.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'голос': Черн. *yólos*, G -u; Миж. *yóltus*, G -u; Гдеш. *yóltus*, G -a; Чапли *yólos*, G -u; Мшан. *yólos*, G -a; Ставн. *hólos*, G -a, Ins -om; Люта *yólos*, G -a; Ярок *yólos*, G -a; Ирл. *hólos*, G -a, Ins -om; Бен. *yólos*, G -a, Ins -om; ТП *yólos*, G *yólosu*; Черн.Пот. *yólos*, G *yólosu*; Брод *yólos*, G -a; Заг. *yólos*, G *yólosu*; Дус. *yólos*, G -a, -u, Ins -om; Кер. *yólos*, G *yólosu*; Довге *yólos*, G -a; НБ *yólos*, G -a; Негр. *yólos*, G -a; Син. *yólos*, G -a, L *yólos* 'i 'голос; напев, мелодия'; СинП *yólos*, G -a, Ins -om; Новос. *yólos*, G -u; Тор. *yólos*, G *yólosa*, *yólosu*, D *yólosovi*, Ins -om, L *yólos* 'i; Влс. *yólos*, G -u, Ins -om; РМ *yólos*, G -a, Ins -om; Бруст. *yólos*, G -a; Битля *yólos*, G -a; Тис. *yólos*, G -u (ЮА, ВАН); Быстр. *hólos*, G *hólosu*, Ins *hólosom*; ЛП *yólos*, G -a; ШЛ *yólos*, G -a; Угля *yólos*, G *yólosu*, Ins *yólosom*; Вел. *yólos*, G *yólosu*; Луг *yólos*, G -a 'голос; звук'; станицл. *gólos*, G *gólosu Нап. 343; Бринь *yólos*, G -u; Тур. *hólos*, G -u, Ins -om, L *hólos* 'i; Лукв. *yólos*, G -u; Ясень *yólos*, G -u; Пер. *yólos*, G -u, Ins -om, L *yólos* 'i; Печ. *yólos*, G -u; Косм. *yólos*, G -u, Ins -om; Стопч. *yólos*, G -u; Коб. *yólos*, G -u, Ins -om; Сем. *hólos*, G -u; Ябл. *hólos*, G *hólosu*; Луги *yólos*, G -u; Красн. *yólos*, G -u; Яв. *hólos*, G *hólosu*; Бан. *yólos*, G -u, Ins -om, L *yólosi*; Тышк. *hólos*, G *hólosu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'голос': Дуд. *yóltus, G *yóltusa*; Гавр. *gótyis*, G -a; Кузн. *gótyis*, G -a; Смехн. *gótyis*, G *gótasa*; Зал. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Сопки *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Мал. *gótyis*, G -a, -u, Ins -ьт; Заб. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Овин. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Корп. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Леж. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Слёзы *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Мыза *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Кост. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Рог. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Корш. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Рем. *gótyis*, G -a, Ins -ьт; Ручьи *yótyis*, G -u, Ins -ьт; Феликс. *yótyis*, G -ь, Ins -ьт.

***smôrdь**, gen. ***smôrda** а. п. с: сев.-витебск. *smóрът*, G *smóръда*, Ins *smóръдьм* [ГБРИ: 177]; вост.-шток. Груза *smrâd*, G *smrâda 538; сев.-чак. Сусак *smrâd*, G *smrâda*, *is smrada* [ННГ: 104]; Сали *smrâd*, G *smrâda*; словен. *smrâd*, G *smrâda*, *smradû*; хорв. *smrâd*, G *smrâda; чеш., словц. *smrad*; словинц. *smôrd*, G *smardu* и т. д. < балто-слав. *smôrdo- m.⁹⁷, лтш. *smârd̃s* 'запах' < и.-е. *smôrd-o-s ("*smordós"). Рецессивный корень согласнo а. п. с *смьрдѣти, *смьрдѣть (краткость в южнолехитских говорах: мало-польск. *śmierzi*, см. [АССЯ: 38]). Второй просодический вариант основы,

⁹⁷ Акут вследствие удлинения корневого гласного по закону Винтера.

*smǫrdъ, gen. *smǫrda а. п. а (широко распространенный в украинских и белорусских говорах, в том числе в карпатоукраинских), < балто-слав. *smǫrdo-, лит. диал. smǫrdas 'зловоние' а. п. 1, вост.-лтш. smǫrds (*smǫrds или *smǫrds), с имобилизацией ударения в результате действия закона Хирта–Иллич-Свитьча. Просодия этого варианта соответствует просодии глагола *smǫrditi, *smǫrditъ а. п. а (сев.-кашуб. smarzэс, smarzэ; wэ-smrozі; чеш. smraditi, слвц. smradit', хорв. smrǫditi, словен. smrǫditi, smrǫdim), а-основы *smǫrda а. п. а (рус. диал. сморѡда, рус. сморѡдина и т. д.).

Рефлексы *smǫrdъ, gen. *smǫrda а. п. с:

Карпатоукраинские говоры 'смрад': Бен. smǫrot, G smǫroda, Ins -om 'вонь'; Кер. smǫrot, G smǫrǫdu; Новос. G smǫrodu; Влс. smǫr'id, G smǫrodu, Ins -om.

Псковско-полоцкие говоры 'запах горелого': Кузн. smǫryt, G smǫryda 'запах горелого', с преобразованиями ауслаута: Корп. smǫrѣt, smor(t); Гавр. smǫrѣk, smork, G smǫrka 'запах горелого'; Смехн. smǫrѣk, G smǫrѣga, Ins -ѣt id.; Дуд. smort, G smǫrda, Ins -ѣt id.

Рефлексы *smǫrdъ, gen. *smǫrda а. п. а:

Карпатоукраинские говоры 'смрад': Миж. smurit, G smurǫdu; Гдеш. smurit, G smurǫdu; Чапли smurit, G smurǫdu; Мшан. smor'it, G smorǫdu; ТП smor'it, G smorǫdu; Битля smor'it, G smorǫdu; Стопч. smor'it, G smorǫdu.

Псковско-полоцкие говоры 'запах горелого': Корш. smǫrѣt, G smǫrѣdu, smǫrѣda, Ins -ѣt с вторичной оттяжкой ударения на -а-: smorod > smarǫd > smǫrod.

*sǫldъ, gen. *sǫldŭ а. п. с: сев.-витебск. sǫlyt, G sǫlydu, -а, Ins sǫlydъm [ГБРП: 177]; словен. slǫd, G slǫda, slǫdŭ; хорв. slǫd, G *slǫda; чеш., слвц. slad; словинц. slǫd, G slodu; рус. sǫlod, G sǫloda и т. д. < балто-слав. *sǫldu- < и.-е. *salH-du- ("*salHdŭs"). Рецессивность основы устанавливается по лтш. sǫlds 'süss', слав. *sǫldъkъ, *sǫldъkǫ, *sǫldъko 'сладкий' а. п. с, деноминативу *sǫlditi, *sǫldjq а. п. с.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'солод': Черн. sǫlot, G sǫloду; Миж. sǫlyt, G sǫlyda; Чапли sǫlot, G sǫloду; Мшан. sǫlot, G sǫloду; ТП sǫlot, G sǫloду (малоизвестное слово); Новос. G sǫloду; Бруст. sǫlot, G sǫloda 'сладкая субстанция'; Битля sǫlot, G sǫloду; ШЛ sǫlod, G -а; Луг sǫlod, G -а «сладкость»; станисл. sǫlod, G *-у Нап. 343; Бринь sǫlot, G sǫloду; Ябл. sǫlot, G sǫloda.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘солод’: Дуд. *sótyt*, G *sótyda*, Ins -*ьт*; Гавр. *sótyt*, G *sótyda*; Кузн. *sótyt*, G *sótyda*; Смехн. *sótyt*, G *sótyda*; Корп. *sótyt*, G -*a*, Ins -*ьт*; Леж. *sótyt*, G *sótyda*, Ins -*ьт*; Слёзы *sótyt*, G *sótyda*, Ins -*ьт*; Корш. *sótyt*, G *sótyda*, Ins -*ьт*; Ручьи *sótyt*, G *sótyda*, Ins -*ьт*; Феликс. *sótyt*, G *sótydu*.

*vôlkъ, gen. *vôlka а. п. с: словен. *vĭlak*; хорв. *vĭlak*, G **vĭlaka*; чеш., словц. *vĭlak*; кашуб. *vĭlok*; рус. *волок*, G *волока*, Pl *волоки* < балто-слав. **wôlko-* m., ср. лит. *vaĩkas* а. п. 4 по всем диалектам [LKŽ и ИАБС: 38] < и.-е. **(s)wolk-* o-s (*“(s)wolkós”*). Отсюда же греч. *ὄλκός* ‘furgow, track, trace’ (Aesch.+), «*nomem passivum*» от корня **welk-*. Рецессивность корня определяется по слав. **velktí*, **vêlko* (*/*vĭlkŏ*), **velčeti* (*/*vylčeti*) а. п. с⁹⁸.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) – приводятся только формы из говорков, в которых указано значение лексемы): Черн. *vólok*, G -*a* ‘невод’; Мшан. *vólok*, G -*a* ‘длинная веревка’; Ставн. *vólok*, G -*a*, Ins -*om*: *šo za hr’ibátu kolí zérno ... kós’at*; Бен. Ins adv. *vólokom*; Брод. *vólok*, L *vólŏku* ‘место, по которому вывозят деревья из лесу’; Негр. *vólok*, G -*a*, Ins adv. -*om*, L *vólŏc’i* ‘груз, тащимый волоком; куча древесного мусора’; Син. *vólok*, G -*a*, L *vólŏc’i* ‘место, по которому с гор спускают сваленные деревья’; СинП *vólok*, G *vóloka*, *vólŏku*, L *vólokom* ‘делянка (на лесоповале)’; Быстр. *vólok*, G -*a*, Ins -*om* ‘дорога, по которой тянут с горы лес’; Любинцы *vólok*, G -*a*, Ins -*om* ‘вид рыболовной снасти’; ЛП *vólok*, G -*a* ‘просека’; Луг. *vólok*, G -*a* ‘хлыст (срубленное дерево с обрубленными сучьями, волокомое должьем)’; станисл. *волок*, G **волока* Нап. 343; Стопч. *vólok*, G -*a*, Ins -*om* ‘перекладина для вешания одежды’, adv. *vólokom* ‘волоком’; Коб. *vólok*, G -*a*, Ins -*om*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘волок’: Дуд. *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Гавр. *vótyk*, G -*a*; Смехн. *vótyk*, G -*a*; Зал. *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Сопки *vótyk*, G -*a*, D -*u*, Ins -*ьт*; Леж. *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Слёзы *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Кост. Ins adv. *vótykьт*; Рог. Ins adv. *vótykьт*; Корш. *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Рем. *vótyk*, G -*a*, Ins -*ьт*; Феликс. Ins adv. *vótykьт*. Отклоняется Кузн. *vótyk*, G *vylaká*.

*vôrňъ, gen. *vôrňa а. п. с: сев.-витебск. *вóрън*, A *вóръна* [ГБРП: 169]; словен. *vřân*, G *vřâna*; хорв. *vřân*, G **vřâna*; вост.-шток. Груза L *o vřânu* 540; чеш. *vran*; рус. *ворон*, G *ворона*, Pl *вороны* и т. д. < балто-слав.

⁹⁸ О реконструкции на месте традиционной а. п. с тематических и *ě/i*-глаголов двух акцентных парадигм, а. п. b₂ (с доминантными корнями) и а. п. с (с рецессивными корнями), см. [АССЯ: 31–53]; уточнение реконструкции см. [Николаев 2001].

*wǫgn-s, лит. *vaĩnas* а. п. 4 в говорах и литературном языке [LKŽ, ИАБС: 113]; прабалт. м. р., судя по др.-прусск. *Warnis*. И.-е. *wǫgn-ǫ-s ("*wornós").

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'ворон': Миж. *vórn*, G -a; Гдеш. *vórn*, G -a; Мшан. *vóron*, G -a; В.Ст. *vóron*, G -a, Ins -om; Ставн. *vóron*, G -a, Ins -om; Люта *vóron*, G -a, Ins -om, L -ovr; Нов. *vóron*, G -a; Ирл. *vóron*, G -a, Ins -om; Бен. *vóron*, G -a, Ins -om; ПП *vóron*, G -a; Черн.Пот. *vóron*, G -a; Брод *vóron*, G -a, L *vóron* 'i; Дус. *vóron*, G -a, Ins -om; Кер. *vóron*, G -a; НБ *vóron*, G -a; Негр. *vóron*, G -a, Ins -om 'самец вороны; фамилия'; Син. *vóron*, G -a (редк.); СинП *vóron*, G -a, Ins -om; Новос. *vóron*, G -a, L -ovr; Тор. *vóron*, G -a; Влс. *vóron*, G -a, Ins -om; Битля *vóron*, G -a; Тис. *vóron*, G -a (ЮА); *wóron*, G -a (ВАН); Быстр. *vóron*, G -a, Ins -om; ЛП *vóron*, G -a; ШЛ *vóron*, G -a; Угля *vóron*, G -a, Ins -om; Вел. *vóron*, G -a; Рона *vóron*, G -a; Реп. *vóron*, G -a; станицл. *vóron*, G *-a Нап. 343; Бринь *vóron*, G -a; Тур. *vóron*, G -a, Ins -om, L *vóron* 'i; Ясень *vóron*, G *vórona*; Неб. *vóron*, G -a, Ins -om, L *vóron* 'i; Пер. *vóron*, G -a, Ins -om, L *vóron* 'i; Печ. *vóron*, G -a, Ins -om; Коб. *vórn*, G *vórona*, Ins -om, L *vóron* 'i; Сем. *vóron*, G -a; Ябл. *vóron*, G -a; Луги *vóron*, G -a; Красн. *vóron*, G -a; Яв. *vóron*, G -a.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'ворон': Дуд. *vórn*, G -a; Гавр. *vóryn*, G -a; Кузн. *vóryn*, G -a; Смехн. *vórn*, G -a; Леж. *vórn*, G -a, Ins -ьт; Слёзы *vórn*, G -a, Ins -ьт; Корш. *vórn*, G -a, Ins -ьт; Рем. *vórn*, G -a, Ins -ьт; Феликс. *vórn*, G *vórnа*.

*vǫghъ, gen. *vǫghĩ (и-основа?): рефлекс а. п. с в сев.-витебск. *vóрах*, G *vóръхъ*, Ins *vóръхъм* 'деревянные грабли для сена' [ГБРП: 169]; в западных и восточных болгарских диалектах: болг. Боб. *врах*, det. *враб* 20; Г. Дж. *врах*, det. *враб* 186; Кюст. *вра^h*, det. *враб* 65; Банат *врах*, det. *врахъ* 183; Елена *врах* / *ўрах*, det. *връхъ* 21; Разл. *врах*, det. *враб* 433, 510; в.-фрак. det. *врахът* 89; макед. Малеш. *врах*, *враб*; рус. *vóрох*, G *vóроха* < и.-е. *wǫrs-ǫ-s ("*worsú-s"), отсюда же герм. *warzú-z: др.-исл. *vǫr-r* m. 'Ruderschlag, Welle'. Карпатоукраинское ударение адвербиального instr. sg. и внешнее сравнение говорит в пользу реконструкции праслав. и-основы.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'куча': Черн.Пот. *vóрох*, G -a; Кер. *vóрох*, G -a; Довге *vóрох*, G -a; Негр. *vóрох*, L adv. *uvóros* 'i 'вместе'; Син. A adv. *u vóрох*, L *u vóros* 'i 'вместе'; СинП *vóрох*, Ins -om, L adv. *u vóros* 'i 'вместе'; Новос. *vóрох*, L *vóros* 'i; Тор. *vóрох*, L *vóros* 'i 'куча; стог без палки, копна'; Скот. *vóрох*, G -a; Бруст. L adv. *w vórus* 'i; ЛП *vóрох*, G -a (сена); ШЛ *vóрох*, G -a, Ins -om; Вел. *vóрох*, G -a; Луг L adv. *uvóros* 'i 'вместе'; Тур. *vóрох*, G -u, Ins -om, L *vóros* 'i; КП *vóрох, G *do vóроха*, L adv. *uvóros* 'i 'вме-

сте'. Форма *Ins voroxót* с адвербиальным значением имеет архаическое ударение *instr. sg. и-основ* (отмечена в Кер., Негр., Син., Новос.).

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'куча непровеянного зерна; ворошилка': Дуд. *vórgъx*, G -a; Гавр. *vórgъx*, G -a; Кузн. *vórgъx*, G -a; Смехн. *vórgъx*, G -a; Леж. *vórgъx*, G -a, *Ins -ьт*; Слёзы *vórgъx*, G -a, *Ins -ьт*; Кост. *vórgъx*, G -a, *Ins -ьт*; Рем. *vórgъx*, G -a, *Ins -ьт*; Феликс. *vórgъx*, G *vórgъxa*, *Ins z vórgъxът* 'сеноворошилка'.

2. БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ДОМИНАНТНЫЕ О-ОСНОВЫ МУЖ. РОДА, СЛАВЯНСКАЯ А. П. D

В карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах смешанные акцентные парадигмы (например, окситонеза *gen. sg* при баритонезе *instr. sg.* и *vice versa*), или генерализация окситонированного или баритонированного вариантов.

КРАТКОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

При реконструкции краткосложных основ и основ с *-и-, *-о- а. п. *b* и *d* не учитываются и ниже обычно не приводятся формы говоров, в которых из косвенных форм ед. ч. записан только *gen. sg.* на -и, как правило имеющий баритонезу независимо от акцентного типа основы, ср. укр. литер. *двір*, *дворá/двору*; *суд*, *судá/суду* и т. п. Ударение этих форм отражает «антский» запрет на правосторонний сдвиг ударения с кратких гласных на последующие доминантные долгие гласные и дифтонги (праслав. *dvōgi > «антск.» *dvōgi ↔ праслав. *řědu > «антск.» *řědū). Основы с -и- и -о- (по-видимому, сократившимися под ударением в неконечных словах) ведут себя как краткосложные в украинском и западноболгарском ареалах – в отличие от штокавского, где эти гласные сохраняют долготу во всех позициях.

***bōkъ**, *gen.* ***bōka** > ***bokà** а. п. *d* ([АССЯ: 161–164], возможна реконструкция *и-основы*) = и.-е. *bhok-o-s ("*bhókos") (?). Рефлексы и.-е. *bhog-o (без акцентологической информации): герм. *baka-n, -z 'back'; др.-инд. *bhaga-m* 'female organ, pudendum muliebre, vulva; perinaeum of males'.

Карпатоукраинские говоры 'бок':

Окситонеза: В.Ст. *buk*, G *bókъ*, *Ins bókot*, L *bóc'и*, *boc'и* 'бок; сторона'; Ставн. *b'ik*, G *boká*, *Ins pid bókot*; СинП *bik*, G *boká*, *Ins bókot*, L *w bóc'и*; Бринь *bik*, *Ins pid bókot*, L *w boc'и*; Тур. *bik*, G *bóku*, *Ins -ot*, L *bóc'и*, *boc'и*;

Неб. *bik*, G *bóku*, Ins -*om*, L *boc'í*; Печ. *bik*, G *boká*, L *boc'í*; Коб. *bik*, Ins *bókot*, L *boc'í*; Луги *bik*, G *bóku*, L *boc'í*; Тышк. *b^wik*, G *bóku*, L *boc'í*.

Баритонеза: Черн. *bik*, G *bóku*, L *w boc'í*; Миж. *bik*, G *bóku*, L *u bóci*; Гдеш. *bi^wk*, G *bóku*, L *bóc'í*; Чапли *bik*, G *bóku*, Ins *pid bókot*; Мшан. *bik*, G *bóku*, L *bóc'í*; Люта *bik*, G *bóku*, Ins *bókot*, L *bóc'í*; Нов. *b^wk*, G *bóka*, L *bóc'í*; Ярок *b^wk*, Ins *bókot*, L *na boc'í*; Худл. *b^wk*, G *bóka*, L *bóc'í*; Ирл. *buk*, G *bóka*, *bóku*, Ins -*om*; Бен. *buk*, G *bóku*, Ins -*om*, L *u bóci*; ТП *b^wk*, L *bóc'í*; Черн. Пот. *bük*, G *bóku*, L *bóc'í*, *na boc'í*; Брод *bük*, G *bóka*, L *bóc'í*; Заг. *bük*, Ins *bókot*; Клим. *bük*, Ins *bókot*; Дус. *bük*, G *bóka*, Ins -*om*; Кер. *bük*, G *bóka*, L *bóc'í*; Довге *bük*, G *bóka*; НБ *bük*, G *bóka*; Негр. *bük*, G *bóku*, Ins *bókot*, L *bóc'í*; Син. *bük*, G *bóka*, *bóku*, L *bóc'í*, *na boc'í*; Новос. *bik*, G *bóku*, Ins -*om*, L *bóc'í*; Тор. *bik*, G *bóka*, D -*ovi*, Ins -*om*, L *bóc'í*; Скот. *bik*, G *bóka*; РМ *b^wk*, *na b^wk*, G *bóka*, Ins -*om*; Битля *bik*, G *bóku*; Бруст. *b^wk*, G *bóku*; Тис. *bik*, Ins *pid bókot* (ЮА), *b^wik*, G *bóka*, L *u bóci* (ВАН); Быстр. *bik*, G *bóku*, L *bóc'í*; ЛП *bük*, G *bóka*; ШЛ *b^wk*, G *bóka*, L *bóc'í*; Вел. *b^wk*, G *bóka*; Луг *b^wk*, G *bóku*, L *bóc'í*; Рона *buk*, G *bóka*, L *u bóci*; Реп. *buk*, *na buk*, G *bóka*; станицл. *bók*, G *bóku Нап. 330; Лукв. *b'ik*, G *bóku*, L *bóc'í*; Ясень *bik*, Ins *bókot*, L *bóc'í*; Пер. *bik*, G *bóka*, Ins -*om*, L *bóc'í*; Косм. *bik*, G *bóku*, Ins -*om*, L *bóc'í*; Стопч. *bik*, G *bóku*, L *bóc'í*; Сем. *bik*, G *bóku*, Ins -*om*, L *bóci*; Красн. *bik*, G *bóka*, L *bóc'í*; Яв. *bik*, G *bóku*, L *na boc'í*; Бан. *bik*, G *bóku*, Ins *bókot*, L *bóc'í*.

Псковско-полоцкие говоры 'бок':

Окситонеза: Леж. *bok*, G *bóka*, Ins *bakót*; Слёзы *bók*, G *baká*, D *bóku*, Ins -*ьт*; Кост. *bók*, G *bóka*, -*и*, Ins *рьд bakót*; Рог. *bók*, G *bóka*, Ins -*ьт*, *idiom. рьд bakót*; Ручьи *bók*, G *bьká*, *bóku*, Ins *bakót*; Феликс. *bok*, G *baká, Ins *bókьт*.

Баритонеза: Дуд. *b^wok*, G *b^wóka*; Гавр. *bok*, G *bóka*, -*и*; Кузн. *bok*, G *bóka*; Смехн. *bok*, G *bóka*; Зал. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Сопки *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Мал. *bok*, G *bóka*, Ins *bókьт*; Заб. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Овин. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Корп. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Мыза *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Корш. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*; Рем. *bok*, G *bóka*, Ins -*ьт*.

bōgr̥*, gen. *bōru > *borū а. п. *d* [АССЯ: 164–167] < и.-е. **bh[ǝ]ru-s* ("bh[ǝ]rus*") (?). «Тематизация» *и*-основы в герм. *bagwa-z: др.-англ. *bearu*, G *bearwes* м. и т. д.

Карпатоукраинские говоры:

Окситонеза: станицл. *bōp*, G **бору́* Нап. 333; Печ. *bir*, G *borá* 'густой лес, чаща'; Неб. *Bir*, G *Bóru*, Ins -*om*, L *Bor'í* (название поля); Стопч. *bir*, G *bóru*, Ins *borót* 'большой густой лес'.

Баритонеза: Бринь *bir*, G *bóru*, Ins -*om*; Пер. *Bir*, G *Bóru*, Ins -*om*, L *Bór'i* (топоним).

Псковско-полоцкие говоры:

Окситонеза: Овин. *bór*, G *bará*, Ins -*óm* 'сосновый лес'; Сопки *bór*, G -*a*, Ins *baróm* 'сосновый лес'; Ручьи *bór*, G *bóra*, Ins *baróm* 'редколесье на болоте'.

Баритонеза: Дуд. *buor*, G *buóra* 'сосновый лес'; Гавр. *bor*, G *bóra* id.; Кузн. *bor*, G *bóra* id.; Смехн. *bor*, G *bóra* 'сосняк на опушке леса'; Зал. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт* 'хвойный лес'; Заб. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт* 'сосновый лес'; Корп. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Леж. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт* 'сосновый лес'; Слёзы *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Мыза *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Кост. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Пор. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Корш. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Рем. *bor*, G *bóra*, Ins -*ьт*; Феликс. *bor*, G *bóru* 'пригорок в лесу'.

*brôdъ, gen. *brôda > *brodà а. п. *d* ([АССЯ: 167–170]; реконструкция варианта с а. п. *c* избыточна) < балто-слав. *brôdo- m.; лит. *brãdas* 'грязь; бредень' а. п. 2 в говорах Прусской Литвы, чаще а. п. 4 [LKŽ и ИАБС: 140] < и.-е. *bhrqdh-o-s ("*bhródhos"). Доминантность корня определяется по лит. образованию с рецессивным суффиксом *brastà* 'брод'⁹⁹ а. п. 2 и слав. *brestí, *bredǫ/*brǣdǫ, *brĕdetь/brĕdetь а. п. *b*₂. Однокоренной итеративный *i*-глагол а. п. *b*₁ *brodítì, *brodjǫ итератив не дает информации о валентности корня.

Карпатоукраинские говоры 'брод':

Окситонеза: В.Ст. *brut*, G *brodá* 'брод'; НБ *brüd*, G *brodá*, Ins -*óm*; Сем. *brid*, G *bródu*, *brodá*, Ins *bródom*, L *broǧí*.

Баритонеза: Ставн. *br'it*, G *bróda*, Ins -*om* 'брод'; Люта *br'it*, G *bródu*, *bróda*, Ins *bródom*, L *bród'i*; Нов. *brut*, G *bróda*; Худп. *brud*, G *bróda*; Бен. *brut*, G *bróda*, Ins -*om*, L *u bród'i*; ТП *brut*, G *bróda*; Заг. *brüt*, G *bróda*; Клим. *brüd*, G *bróda*; Дус. *brüt*, G *bródu*, Ins -*om*; Кер. *brüt*, G *bróda*; Негр. *brüt*, G *bróda*, L *bród'i*; Син. *brüt*, G *bródu*, *bróda*; Влс. *brid*, G *bródu*, Ins -*om*; РМ *brut*, G *bródu*, Ins *bródom*; Быстр. *brít*, G *bródu*, Ins -*om*; ЛП *brüt*, G *bróda*; ШЛ *brud*, G *bróda*; Вел. *brut*, G *bróda*; Луг *brud*, G *bróda*; Реп. *brud*, G *bróda*; Крыл. *br'id*, G *bródu*, Ins -*om*; Тур. *br'id*, G *bródu*, Ins -*om*, L *bród'i*; Неб. *br'id*, G *bródu*, Ins -*om*, L *bród'i*; Пер. *br'id*, G *bródu*, Ins -*om*, L *bród'i*; Косм.

⁹⁹ Субстантивный суффикс *-tā < *-teh₂ является рецессивным, в отличие от доминантного *-to-. О доминантности балто-слав. и и.-е. *-to- существительных (в отличие от *-to- отглагольных прилагательных) подробно см. [Николаев 1989: 47–56; 90–95].

br'id, G *br'odu*, Ins -om; Коб. *brit*, G *br'odu*, Ins -om, L *br'od'i*; Яв. *brit*, G *br'odu*, Ins *za br'odom*; Бан. *brít*, G *br'odu*, Ins -om, L *br'ógi*.

Псковско-полоцкие говоры 'брод':

Окситонеза: Кузн. *brot*, G *bradá*; Корп. *brot*, G *bradá*, Ins *bródьт*; Феликс. *brot*, G *bradá*; Кост. *brot*, G *bróda*, Ins *brádóm*, *bródьт*.

Баритонеза: Смехн. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Зал. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Сопки *brot*, G *bróda*, Ins -ьт, L *u bród'ę*; Мал. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Заб. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Овин. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Леж. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Слёзы *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Мыза *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Пог. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Корш. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Рем. *brot*, G *bróda*, Ins -ьт; Ручьи *brot*, G *bróda*, Ins -ьт.

*grôbъ, gen. *grôba > *gròbà а. п. *d* наряду с ***grôbъ, gen. *grôba > *gròbà** а. п. *b* [АССЯ: 194–199] < и.-е. «nomen passivum» *ghrôbh-*o*-s ("*ghrôbh-*o*-s") и *ghrôbh-*o*-m (ср. герм. *graba-n) (?). Возможно, исконным, а не заимствованным из славянского, является лит. *grâbas* 'karstas; rakštis', а. п. 2 в части говоров.

Карпатоукраинские говоры 'могила':

Окситонеза: Тис. *yr'ib*, G *do yróba*, Ins *nad yróbot*, L *u yróbi* (ЮА), *yr^hib*, G *yróbu*, L *u yróbi* (ВАН); Рона *yrub*, G *yróbá*, Ins *yróbot*, L -i; Реп. *yrub*, G *yróbá*, L -i; Тур. *hr'ib*, G *hírobá*, *hírbá*, D *hírobóvy*, Ins *hírbot*, L *hírobi*, *hírbí*; Сем. *hírib*, G *híribu/hírobá*, L *hírobi*; Красн. *yríp*, G *yróbá*; Яв. *hírip*, G *hírobá*; Коб. *yríp*, G *yróbu*, Ins -om, L *yróbi*; Бан. *yríb*, G *yróbu/yróbá*, Ins *yróbot*, *yróbьт*, L *yróbi*.

Баритонеза: Миж. *yr'ip*, G *yróbu*, L -i; Гдеш. *yrí^wp*, G *yróba*, L -i; Чапли *yríp*, G *yróbu*, L -i; Мшан. *yr'ip*, G *yróbu*, L -i; В.Ст. *hírup*, G *híroba*, Ins -om; Ставн. *hírib*, G *híroba*, Ins -om; Люта *yr'ip*, G *yróba*, Ins -om, L *yróbovi*, *yróbi*; Нов. *yrup*, G *yróba*; Ярок *yrub*, G *yróba*, L *yróbi*; Худл. *yrub*, G *yróba*, L *yróbi*; Ирл. *hírip*, G *híroba*, Ins -om, L *u hírob'i*; Бен. *yrup*, G *yróba*, Ins -om; ТП *yrup*, G *yróba*, L *yróbi*; Черн.Пот. *yrüp*, G *yróba*; Брод *yrüp*, G *yróba*, L *yróbi*; Заг. *yrüb*, L *yróbi*; Дус. *yrüp*, G *yróba*, Ins -om; НБ *yrüb*, G *yróbá*, Ins *yróbot*; Негр. *yrüp*, G *yróba*, L *yróbi*; Син. *yrüp*, G *yróba*, L *yróbi*; СинП *yr'ib*, G *yróba*, Ins -om; Новос. *yr'ib*, G *yróba*, -u, L -i; Тор. *yr'ib*, G *yróba*; Скот. *yr'ib*, G *yróba*, *yróbu*; РМ *yrup*, G *yróba*, Ins -om; Бруст. *yrup*, G *yróba*; Быстр. *hírib*, G *híribu*, Ins *hírbot*; ЛП *yrüp*, G *yróba* 'могильная яма'; ШЛ *yrub*, G *yróba*, L *yróbi*; Вел. *yrup*, G *yróba*; Луг *yrub*, G *yróba*, Ins -om; станисл. *zrôb*, G *zrôba Нап. 330; Бринь *yr'ib*, Ins *yróbot*, L -i; Крыл. *yr'ib*, L *yróbi*; Лукв. *yr'ib*, G

yróba; Неб. *yr'ib*, G *yróbu*, Ins -om, L -i; Пер. *yr'ib*, G *yróba*, Ins -om, L -i; Печ. *yr'ib*, G *yróba*, L -i; Косм. *yr'ib*, G *yróba*, L -i; Стопч. *yr'ip*, G *yróbu*, L -i; Коб. *yrp*, G *yróbu*, Ins -om; Луги *yrp*, G *yróbu*, L -i; Тышк. *hriḃ*, G *hróba*.

Псковско-полоцкие говоры 'гроб':

Окситонеза: Дуд. *yr̥op*, G *yrabá*; Гавр. *grop*, G *grabá*; Кузн. *grop*, G *grabá*; Смехн. *grop*, G *grabá*; Сопки *grop*, G *grabá*, Ins -óm; Леж. *grop*, G *grabá*, Ins -óm; Рог. *grop*, G *gróba*, Ins *gróbъm*, рѣд *grobóm*; Корш. *grop*, G *grabá*, Ins *gróbъm*; Ручьи *yr̥op*, G *yr̥bá*, Ins *yr̥óbъm*.

Баритонеза: Зал. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Мал. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Заб. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Овин. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Корп. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Слѣзы *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Мыза *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Кост. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Рем. *grop*, G *gróba*, Ins -ъm; Феликс. *yr̥op*, G *yróba*.

*môzǵь, gen. *môzga > *mozgà а. п. *d* [АССЯ: 230–233] < и.-е. *mōsg-ǵ-s ("*mōsgo-s"). В древнеиндийском окситонированная основа *mājjān-m*. < и.-е. *mōsg-ǵ-p. Иранская окситонеза, возможно, также не противоречит славянской баритонезе: пушту *māzǵə*, *māzǵá* m. < праир. *mazgá-s, ср. поздне-авест. *mazga*- m.

Карпатоукраинские говоры 'мозг':

Контрастная парадигма¹⁰⁰: Ставн. *mózog*, G *mozgá*, Ins *mózgom*; Люта *mózok*, G *mozgá*; Брод *mózok*, G *mózká*; Клим. *mózok*, G *mozgá*.

Баритонеза: Гдеш. *mózuk*, G *mózga*; Нов. *mózok*, G *mózga*; Ярок *mózok*, G *mózga*; Ирл. *mózok*, G *mózga*, Ins -om; Бен. *mózok*, G *mózga*, Ins -om; ТП *mózok*, G *móska*; Черн.Пот. *mózok*, G *móska*; Заг. *mózok*, G *mózoka*; Дус. *mózok*, G *mózga*, -и, Ins -om; Довге *mózok*, G *móska*; Негр. *mózok*, G *mózga*, L *mózgu*; Син. *mózok*, G *mósku*, L *móskovi*; СинП *mózok*, G *mósku*, Ins *móskom*; Новос. *mózok*, G *mózku*, L -ovi; Тор. *mózok*, G *mósku*, *móska* 'мозг (головной, костный)'; Скот. *mózok*, G *mózga*, *móska*; Влс. *mózok*, G *mósku*, Ins -om; РМ *mózok*, G *móska*, Ins -om; Бруст. *mózok*, G *mózka*; Быстр. *mózok*, G *mósku*, Ins -om; ШЛ *mózok*, G *móska*, Ins -om; Угля *mózok*, G *mósku*, Ins *móskom*; Вел. *mózok*, G *mózka*; Тур. *mózok*, G *mósku*, *móska*, Ins -om; Неб. *mózok*, G *mózku*, Ins -om; Пер. G *mózku*, Ins -om; Косм. *mózok*, G *mózka*; Коб. *mózok*, G *mósku*, Ins -om; Сем. *mózak*, *mózka*, -и; Бан. *mózok*, G *mósku*, Ins -om.

¹⁰⁰ Контрастными здесь называются карпатоукраинские и псковско-полоцкие акцентные парадигмы основ а. п. *d*, имеющие баритонированную двусложную форму в пом.-асс. sg. и окситонированное ударение в формах косвенных падежей.

Псковско-полоцкие говоры 'мозг':

Окситонеза: Дуд. *tuosx*, G *mazgá*; Заб. *mosk*, G *mózga*, *mazgá*, Ins -ьт; Леж. *mosk*, G *mazgá*, Ins -óm; Слёзы *mosk*, G *mózga*, Ins *mazgóm*; Кост. *mosk*, G *mózga*, -и, Ins *mózgьт*, *mazgóm*; Феликс. *mosk*, G *mózgu*, *бъз тьзга*.

Баритонеза: Кузн. *mosk*, G *mózga*; Смахн. *mosk*, G *mózga*; Сопки *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт; Мал. *mosk*, G *mózgu*; Овин. *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт; Корп. *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт; Мыза *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт; Корш. *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт; Рем. *mosk*, G *mózga*, Ins -ьт.

*nôšь, gen. *nôsu > *nosū (u-основа?) а. п. *d* [АССЯ: 233–237]. И.-е. *nāš, gen. *nāš-ęš ("*nāses"), доминантная корневая основа; ее «тематизации» *nāši-, *nāšu- ("и.-е. *nāsi-, *nāsu-"). Ср. герм. *nāsi-z, *nāsu-z (?), *nāsō, *nōsōn; лит. *nōsis*, G *-ies* f. 'нос' а. п. I (общелит.); лтш. *nāss* (G -s), *nāse* 'Nasenloch, Nüster', Pl *nāsis* 'Nase'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'нос': Черн. *nš*, G *nósa*; Миж. *nis*, G *nósa*; Глеш. *ni^ws*, G *nósa*; Чапли *nis*, G *nósa*; Мшан. *n'is*, G *nósa*; В.Ст. *nus*, G *nósa*, Ins -ом; Ставн. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом; Люта *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Нов. *nъs*, G *nósa*; Ярок *nъs*, G *nósa*, Ins -ом; Худл. *nъs*, G *nósa*, Ins -ом; Ирл. *nus*, G *nósa*, Ins *nósom*, L *na nós'i*; Бен. *nus*, G *nosá*, Ins *nósom*; ТП *nъs*, G *nósa*; Черн.Пот. *nüs*, G *nósa*, Ins -ом; Брод *nüs*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Заг. *nüs*, Ins *nósom*; Дус. *nüs*, G *nósa*, Ins -ом; Кер. *nüs*, G *nósa*; Довге *nüs*, G *nósa*; НБ *nüs*, G *nósa*; Нерп. *nüs*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Син. *nüs*, G *nósa*, L *nós'i*; СинП *n'is*, G *nósa*, Ins -ом; Новос. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L -ови; Тор. *n'is*, G *nósa*, D -ови, Ins -ом, L *nós'i*; Скот. *n'is*, G *nósa*; Влс. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом; РМ *nъs*, G *nósa*, Ins -ом; Бруст. *nъs*, G *nósa*; Битля *n'is*, G *nósa*; Тис. *n'is*, L *na nós'i* (ЮА), *n^wis*, G *nósa* (ВАН); Быстр. *nis*, G *nósa*, Ins -ом; ЛП *nüs*, G *nósa*; ШЛ *nъs*, G *nósa*; Угля *nъs*, G *nósa*, Ins -ом; Вел. *nъs*, G *nósa*; Луг *nъs*, G *nósa*; Рона *nus*, G *nósa*; Реп. *nus*, G *nósa*; станисл. *nôc*, G *nóca Нан. 328; Бринь *n'is*, Ins *nósom*; Крыл. *n'is*, Ins *nósom*; Тур. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L *v nós'i*; Лукв. *n'is*, G *nósa*, L *na nós'i*; Ясень *n'is*, G *nósa*, Ins -ом; Неб. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Пер. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Печ. *n'is*, G *nósa*; Косм. *n'is*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Коб. *nis*, G *nósa*, Ins -ом, L *nós'i*; Сем. *nis*, G *nósa*, Ins -ом; Луги *nis*, G *nósa*; Красн. *nšs*, G *nósa*; Яв. *nis*, G *nósa*; Бан. *nšs*, G *nósa*, Ins -ом, L *nóš'i*; Тышк. *ni^ws*, G *nósa*.

Псковско-полоцкие говоры 'нос':

Окситонеза: Дуд. *tuos*, G *nasá*; Леж. *nos*, G *nasá*, Ins -óm; Рог. *nos*, G *nósa*, Ins -ьт, idiom. *рѣд nasóm*; Корш. *nos*, G *nósa*, Ins *nasóm*; Ручьи *nos*, G *nósa*, Ins *nasóm*; Феликс. *nos*, G *бъз нъсá*, Ins *nóšьт*.

Баритонеза: Гавр. *nos*, G *nósa*; Кузн. *nos*, G *nósa*; Смехн. *nos*, G *nósa*; Зал. *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Сопки *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Заб. *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Овин. *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Корп. *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Слѣзы *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Мыза *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*; Кост. *nos*, G *nósa*, -*и*, Ins -*ьт*; Рем. *nos*, G *nósa*, Ins -*ьт*.

*plōtь, gen. *plōta > ***plotà** а. п. *d* [АССЯ: 241–244] < и.-е. *plok-tō-s ("*plóktos"), девербатив с доминантным суффиксом *-tō- от рецессивно-го корня *plek-: слав. *plestí, *plētō, *pletetъ а. п. *c*; лат. *plectō*, perf. *plēxī* (II кл. определяется по сигматическому перфекту) с генерализованным *t*-презентом.

Карпатоукраинские говоры 'забор':

Окситонеза: станисл. *plōt*, G *плотá, *плóта Нан. 335; Бринь *pl'it*, G *plóta*, *plóta*, *plótu*, Ins *za plótōt*, L *w plót'i*; Яв. *plit*, G *plótu*, L *na plót'i*, *na plōtū* 'изгородь'; Коб. *plit*, G *plótu*, Ins -*om*, L *plót'i*; Сем. *plit*, G *plótu*, *plótá*, Ins -*om*, L *plókí*; Луги *plit*, G *plóta*, *plótá*, Ins *plótom*.

Баритонеза: Черн. *plīt*, G *plóta*; Миж. *plit*, G *plóta*, L *na plót'i*; Гдеш. *plī^wt*, G *plóta*, L *na plót'i*; Чапли *plīt*, G *plóta*, L *na plót'i*; Мшан. *pl'it*, G *plótu*, L *plóc'i*; В.Ст. *plut*, G *plótu*, Ins -*om*; Ставн. *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*; Люта *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *plót'i*; Нов. *plūt*, G *plóta*; Ярок *plūt*, G *plóta*, L *plót'i*; Худл. *plūt*, G *plóta*, L *plót'i*; Ирл. *plut*, G *plóta*, Ins -*om*, L *plót'i*; Бен. *plut*, G *plóta*, Ins -*om*; ТП *plūt*, G *plótu*, L *plót'i*; Дус. *plüt*, G *plóta*, Ins -*om*; Кер. *plüt*, G *plóta*, L *plót'i*; Негр. *plüt*, G *plóta*, L *plót'i*; Син. *plüt*, G *plóta*, L *plót'i*; СинП *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *na plót'i* 'штaketник'; Новос. *pl'it*, G *plóta*, -*и*, L *plót'i*; Тор. *pl'it*, G *plótu*, D *plótovi*, Ins -*om*, L *plót'i*; Скот. *pl'it*, G *plóta*; Влс. *pl'it*, G *plótu*, Ins -*om*; РМ *plvt*, G *plóta*, Ins -*om*; Бруст. *plūt*, G *plóta*; Тис. *pl'it*, G *plóta*, L *na plót'i* (ЮА), *pl^wit*, G *plóta*, L *na plót'i* (ВАН); Быстр. *plit*, G *plóta*, Ins -*om* 'забор'; ШЛ *plvt*, G *plóta*, Ins -*om*, L *na plót'i*; Угля *plvt*, G *plóta*, Ins -*om*; Вел. *plvt*, G *plóta*; Луг *plvt*, G *plóta*, Ins -*om*; Рона *plut*, G *plóta*; Реп. *plut*, G *plóta*; Крыл. *pl'it*, G *plóta*; Тур. *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *na plót'i*; Ясень *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *plót'i*; Неб. *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *plót'i*; Пер. *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*, L *plót'i*; Печ. *pl'it*, G *plótu*, L *plókí*; Косм. *pl'it*, G *plóta*, Ins -*om*; Стопч. *pl'it*, G *plótu*, Ins -*om*; Бан. *plīt*, G *plótu*, Ins -*om*, L *plókí*, *plótú*; Тышк. *plīt*, G *plótu*, L *plókí*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза): Феликс. *plót*, G *plótu*, *b'ьs plъ-tá*, Ins *plátōt* 'забор'.

*rōtъ, gen. *rōta > *rotà а. п. **d** [АССЯ: 254–256] < и.-е *r_{ok}^w-t_o-s ("*r_{ok}^wtos"), девербатив с доминантным суффиксом *-t_o- от рецессивного корня *r_{ek}^w-: слав. *rek^{tí}, *r_{ek}q, *реcетъ а. п. с; лат. *coquō*, perf. *coxī* (П кл. определяется по сигматическому перфекту).

Карпатоукраинские говоры 'пот':

Окситонеза: ШЛ *pot*, G *rotà*; Тур. *pit*, G *pōtu*, *potá*, Ins *s pōtom*, L *v pōt'i*; Тышк. *p^ut*, G *pōtu*, L *roki*, *pōki*.

Баритонеза: Гдеш. *p^ut*, G *róta*, L *f pót'i*; Чапли *pit*, G *pōtu*, L *w pót'i*; Стави. *p'it*, G *róta*, Ins -*om*; Черн. Пот. *pūt*, G *pōtu*, Ins *pōtom*; Брод *pūt*, G *pōtu*, L *pót'i*; Дус. *pūt*, G *róta*, Ins -*om*; Син. *pūt*, G *pōtu*, L *pōtov*; СинП *pīt*, G *pōtu*, Ins -*om*; Новос. *pīt*, G *pōtu*, L *pót'i*; Тис. *pit*, G *pōtu*, L *u pót'i* (ЮА), *p^ut*, G *pōtu* (ВАН); Быстр. *pit*, G *pōtu*, Ins -*om*; Луг *pvt*, G *róta*; Бринь *pīt*, G *pōtu*, Ins -*om*, L *w pót'i*; Стопч. *pīt*, G *pōtu*, Ins -*om*; Сем. *pit*, G *pōtu*, Ins -*om*; Яв. *pit*, G *pōtu*, Ins *s pōtom*; Бан. *pīt*, G *pōtu*, L *pōki*.

Псковско-полоцкие говоры 'пот':

Окситонеза: Зал. *pot*, G -*a*, Ins *patóm*¹⁰¹.

Баритонеза: Дуд. *puot*, G *ruóta*; Гавр. *pot*, G *róta*; Смехн. *pot*, G *róta*; Сопки *pot*, Ins *pótъm*; Мал. *pot*, Ins *pótъm*; Заб. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Овин. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Корп. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Леж. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Слѣзы *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Мыза *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Кост. *pot*, G *pōtu*, Ins -*ъm*; Рог. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Корш. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Рем. *pot*, G *róta*, Ins -*ъm*; Ручьи *pot*, G *pōtu*, Ins -*ъm*; Феликс. *pot*, G *pōtu*, Ins -*ъm*.

*rōgъ, gen. *rōga > *rogà а. п. **d** [АССЯ: 261–265] < балто-слав. *rōgo-s, лит. *rāgas* а. п. 2 в памятниках Прусской Литвы, в юго-восточных дзукских диалектах; вторичная а. п. 4 у Даукши, в памятниках Прусской Литвы, в большинстве современных диалектов [ИАБС: 117; LKŽ]. Прабалт. м. р.: др.-прусс. *Ragis* 'рог'.

Карпатоукраинские говоры 'рог':

Окситонеза: Черн. *r'ix*, G *rouá*; Миж. *rix*, G *rujá*; Гдеш. *r^ux*, G *rujá*; В. Ст. *rix*, G *rohá*, Ins -*óm*; Ставн. *r'ix*, G *rohá*, Ins -*óm*; Люта *r'ix*, G *róya*, *rouá*, Ins *rouóm*, L *róyov*; Бен. *rix*, G *rouá*, Ins -*óm*; ТП *rux*, G *rouá*; Черн. Пот. *rūy*, G *rouá*, Ins -*óm*, L *roqz'i*; Брод *rūx*, G *róya*, Ins *rouóm*, L *na roqz'i*; Заг. *rūx*, G *rouá*; Дус. *rūx*, Ins -*óm*, L *roqz'i*; Кер. *rūx*, G *rouá*; Довге *rūx*, G *rouá*; Негр. *rūx*,

¹⁰¹ Ср. еще сев.-смог. Ком. *pót*, G *pýtá*, *pōtu*, Ins *pótam*; Ших. *pot*, G *pýtá*, Ins *patóm*.

G *róya*, Ins *royóm*, *róyom*, L *roz'í*; СинП *r'ix*, G *royá*, *róyu*, Ins *royóm*; Новос. *r'iy*, G *royá*, *róya*, Ins *royóm*, *róyom*, L *roz'í*; Тор. *r'iy*, G *royá*, Ins *-óm*; Скот. *r'ix*, G *royá*; Бруст. *rxh*, G *róya*, Ins *royóm*; ШЛ *rvy*, G *royá*, Ins *-óm*; Угля *rvy*, G *royá*, Ins *-óm*; Луг *rvx*, G *royá*, Ins *-óm*; Рона *rvy*, G *royá*; Реп. *rvy*, G *royá*; станисл. *rdz*, G **rogá*, **róga* Нан. 335; Бринь *r'ix*, G *royá*, Ins *-óm*; Крыл. *r'iy*, G *royá*; Тур. *r'ih*, G *rohá*, *róha*, Ins *róhom*, L *róz'i*; Печ. *r'ix*, G *royá*; Луги *riy*, G *royá*; Красн. *rix*, G *royá*; Тышк. *ri'h*, G *rohá*.

Баритонеза: Чапли *rix*, G *róya*, Ins *-om*; Мшан. *r'ix*, G *róya*, Ins *-om*; Нов. *rxh*, G *róya*; Ярок *rxh*, G *róya*, Ins *-om*; Худл. *rxu*, G *róya*; Ирл. *rix*, G *róha*, Ins *-om*; НБ *riiy*, G *róya*; Син. *riih*, G *róya*, L *róz'i* 'рог (анат.)'; рог (муз. инструмент из рога)'; Влс. *r'iy*, G *róyu*, *róya*, Ins *-om*; РМ *rvx*, G *róya*, Ins *-om*; Битля *r'ix*, G *róya*; Тис. *r'ih*, G *róya*, L *na róz'i*; *r^hiy*, G *róya*, Ins *-om* (ВАН); Быстр. *rix*, G *róha*, Ins *-om*; ЛП *riix*, G *róya*; Вел. *rvh*, G *róya*; Лукв. *r'iy*, G *róya*; Яесьн *r'iy*, G *róya*, Ins *róyom*; Неб. *r'iy*, G *róya*, Ins *róyom*, L *róz'i*; Пер. *r'ih*, G *róya*, Ins *-om*, L *róz'i*; Косм. *r'iy*, G *róya*, Ins *-om*, L *róz'i*; Стопч. *r'ix*, G *róya*, Ins *-om*; Коб. *rix*, G *róya*, Ins *-om*, L *róz'i*; Сем. *rih*, G *róha*, Ins *-om*; Ябл. *r'ix*, G *róha*; Яв. *rix*, G *róha*, Ins *-om*; Бан. *rix*, G *róya*, Ins *-om*, L *rózi*.

Псковско-полоцкие говоры 'рог':

Окситонеза: Дуд. *riox*, G *rayá*; Гавр. *rok*, G *ragá*, Ins *ragóm* 'рог; пастуший рожок'; Кузн. *rok*, G *ragá*; Зал. *rok*, G *ragá*, Ins *-óm*; Сопки *rok*, G *ragá*, Ins *-óm*; Мал. *rok*, G *ragá*, Num *-á*, Ins *-óm*; Леж. *rok*, G *ragá*, Ins *-óm*; Рем. *rok*, G *ragá*, Ins *-óm*; Смехн. *rok*, G *róga*, Ins *ragóm*; Заб. *rok*, G *ragá* / *róga*, Ins *-ьт*; Кост. *rok*, G *róga*, *-u*, Ins *ragóm*, *rógьт*; Рог. *rok*, G *róga* (/ *ragá*), Ins *rógьт*; Корш. *rok*, G *ragá*, *róga*, Ins *rógьт*; Ручьи *rox*, G *ryá*, Ins *róyьт*.

Баритонеза: Овин. *rok*, G *róga*, Ins *-ьт*; Корп. *rok*, G *róga*, Ins *-ьт*; Слёзы *rok*, G *róga*, Ins *-ьт*; Мыза *rok*, G *róga*, Ins *-ьт*.

*stôgь, gen. *stôga > *stogà а.п. *d* [АССЯ: 278–280] < балто-слав. *stôgo-s < *stog-o-s < *stog-o-s ("stôgos") (?). Ср. герм. *stakká-z¹⁰² < и.-е. *stog-no-s: др.-исл. *stakk-r* m. 'Heuschober, Haufen', швед. *stack* 'Schober', ср.-н.-нем. *stak* 'schräger Damm aus Pfählen und Reisig'. И.-е. корень *(s)teg- 'палка, кол'. В балто-славянском по неясным причинам отсутствует удлинение по закону Винтера. Возможно, корневая краткость выделена из не сохранившихся в современных балтийских и славянских языках образо-

¹⁰² Германская геминация по правилу Клуге, которое подразумевает первоначальную окситонезу подобных форм; см. о его действии в глаголах [Дыбо 2011в: 76–82].

ваний с *-gn-, в которых удлинение по Винтеру регулярно отсутствует; кроме германской основы, ср. еще арм. *thakn* ‘Knüttel, Schlägel’, лат. *tignum* ‘Bauholz, Balken’; см. также [Дыбо 2002: 501–502].

Карпатоукраинские говоры ‘(большой) стог’:

Окситонеза: Черн. *stîx*, G *stojá*; Люта *s't'ix*, G *stóya/stojá*, Ins *stóyom*, L *stóz'î*; Ярок *stîx*, G *stojá* ‘большая укладка соломы’; Худл. *stîxy*, G *stóyû*; Ирл. *stux*, G *stohá*, Ins -óm ‘большая укладка снопов’; Бен. *stux*, G *stojá*, Ins -óm; Брод *stîx*, G *stojá*; Кер. *stîx*, G *stojá* ‘большая укладка соломы’; Довге *stîx*, G *stojá*, L -óni ‘большая укладка сена’; Новос. *s't'iy*, G *stoyál-ú*, L -óni; Тор. *s'c'ix*, G *stojá*, *stoyú*, L *stoyóni*; РМ *stux*, G *stojá*, Ins -óm; Бруст. *stîx*, G *stojá*; Тис. *s't'iy*, G *stoyú*, L *w stoz'î* (ЮА), *s'c'iy*, G *stóya* ‘большой стог’ (ВАН); Любинцы *s'c'iy*, G *stojá*, Ins -óm; Опака *s'c'ix*, G *stojá*, Ins -óm, L *stoz'î*; ШЛ *stvy*, G *stojá*, Ins -óm; Угля *stvy*, G *stvyá*, Ins -óm; Бор. *stux*, G *stoyú*; станицл. *cmôz*, G *cmozá Нан. 333; Коб. *stux*, G *stojá*, Ins *stóyom*, L *stóz'î*.

Баритонеза: Чапли *stix*, G *stóya*; Мшан. *šc'ix*, G *stóya*; Нерп. *stîx*, G *stóya*, Ins -om, L *stóz'î*; Влс. G *stóyu*, Ins -om; Битля *šc'ix*, G *stóya*; Быстр. *stix*, G *stóha*, Ins -om; Стопч. *s't'ix*, G *stóyu*, Ins -om; Сем. *stîh*, G *stóha*, Ins -om; Бан. *stîx*, G *stóya*, Ins -om.

Псковско-полоцкие говоры ‘(большой) стог’:

Окситонеза: Дуд. *stox*, G *stajá*; Гавр. *stok*, G *stagá*; Кузн. *stok*, G *stagá*; Зал. *stok*, G *stagá*, Ins -óm; Мал. *stok*, G *stagá*, Ins -óm; Заб. *stok*, G *stagá*, Ins *stogóm*; Овин. *stok*, G *stagá*, Ins *stogóm*; Леж. *stok*, G *stagá*, Ins -óm; Ручьи *stox*, G *stъjá*, Ins *stajóm*; Феликс. *stox*, G *stъjá*, Ins *ръt stajóm*; Сопки *stok, G *stagá*, Ins *stógъt*; Корп. *stok*, G *stagá*, Ins *stógъt*, *stajóm*; Слёзы *stok*, G *stagá*, Ins *stajóm*, *stógъt*; Кост. *stok*, G *stóga*, *stagá*, Ins -óm; Рог. *stok*, G *stóga*, *stagá*, Ins *stógъt*, *stajóm*.

Баритонеза: Мыза *stok*, G *stóga*, Ins -ъt; Корш. *stok*, G *stóga*, Ins -ъt; Рем. *stok*, G *stóga*, Ins -ъt.

vôzъ**, gen. ***vôza** > ***vozà** а. п. **d** ([АССЯ: 294–297]; в реконструкции варианта а. п. **c**, по-видимому, нет необходимости) < балто-слав. ***wôžom**. Семантика ‘то, что везут’ противоречит значению и.-е. «*nomem acti-vum*» ***wōǵho-s** < ***wōǵh-ǵ-s** (“wóǵho-s**”), откуда др.-инд. *váha-* (Atharva-veda) ‘плечо вьючного животного’ (‘то, что везет’), греч. ὄχοι pl. t. ‘carrriage’ (Ном. ὄχεα pl. t. ‘chariot’): ἐπὶ χρυσέοισιν ὄχοισιν h. Cer. 19; ἐπ’ εὐκύκλοις ὄχοις (of the Scythian wagons), Aesh. Pr. 710, τρόχαλοι ὄχοι ‘the swift or round bearers of the chariot, i.e. the wheels’, Eur. IA 146. Ср. «по-

men passivum» *w_oǵh-o-s > др.-инд. *vāhá-* ‘повозка’ (‘то, что везут’). Рецессивный корень в слав. *vezǫtǐ, *vĕzo, *vezetǔ а. п. с. и. -е. корень II кл.: др.-инд. *vah* ‘carry’ II кл.: prs. I *vāhati*; s/t. aor. act. *ávākṣīt, ávāt, vákṣat*; греч. {wek^he} ‘convey’ II кл.: ὀχετός; «nomen activum» ὄχος m.; лат. *vehō, -ere, perf. vēxī* ‘fahren, führen, tragen, bringen’ (II кл. определяется по сигматическому перфекту). Славянский итератив а. п. b₁ *vozǫtǐ, *vozjǫ итератив не дает информации о валентности корня.

Карпатоукраинские говоры ‘телега’:

Окситонеза: Бен. *vis, G vozá, Ins -óm*; Довге *vüs, G vozá, vozú*; Тур. *viz, G vozá, vozá, Ins vozom, vozóm, L voz’i, voz’i*.

Баритонеза: Черн. *vís, G vozá*; Миж. *vis, G vozá, L voz’i*; Гдеш. *vi^us, G vozá, L voz’i*; Чапли *vis, G vozá, L voz’i*; Мшан. *vís, G vozá, L voz’i*; Ставн. *v’is, G vozá, Ins -om*; Люта *vís, G vozá*; Нов. *vns, G vozá*; Яроч *vns, G vozá, L voz’i*; Худл. *vnz, G vozá, L voz’i*; Ирл. *vus, G vozá, Ins -om*; ТП *vns, G vozá*; Черн. Пот. *vüs, G vozá, L voz’i*; Брод *vüs, G vozá, L voz’i*; Заг. *vüz, G vozá, L voz’i*; Дуч. *vüs, G vozá, Ins -om*; Кер. *vüs, G vozá*; НБ *vüz, G vozá*; Нерп. *vüs, G vozá, Ins -om, L voz’i*; Син. *vüs, G vozá, L voz’i*; Син II *viz, G vozá, Ins -om*; Новос. *viz, G vozá, Ins -om*; Тор. *viz, G vozá, D -ovi, Ins -om, L voz’i*; Ског. *vís, G vozá*; Влс. *viz, G vozá, Ins -om*; РМ *vus, G vozá, Ins -om*; Бруст. *vns, G vozá*; Битля *vís, G vozá*; Тис. *viz, G vozá, L na voz’i* (ЮА); w^h*iz, G vozá* (ВАН); Быстр. *vis, G vozá, Ins -om*; ЛП *vüs, G vozá*; ШЛ *vôz, G vozá, Ins -om, L voz’i*; Угля *vuz, G vozá, Ins -om*; Вел. *vuz, G vozá*; Луг *vus, G vozá*; станицл. *vôz, G *vozá* Нан. 330; Бринь *viz, G vozá, L voz’i*; Крыл. *viz, G z vozá*; Лукв. *viz, G vozá, Ins -om*; Ясень *viz, G vozá*; Неб. *viz, G vozá, Ins -om, L voz’i*; Пер. *viz, G vozá, Ins -om, L voz’i*; Печ. *vis, G vozá*; Косм. *viz, G vozú, Ins -om*; Стопч. *viz, G vozá, Ins -om*; Коб. *viz, G vozá, Ins -om, L voz’i*; Сем. *viz, G vozá, -u, L voz’i*; Ябл. *v’is, G vozá*; Луги *vis, G vozá*; Красн. *vís, G vozá, L voz’i*; Яв. *vis, G vozá*; L *vôzi*; Бан. *wiz, G vozá, vozú, Ins vozom, L vôzi, vozú*; Тышк. *viz, G vozá, L vôzi*.

Псковско-полоцкие говоры ‘воз’:

Окситонеза: Леж. *vos, G vozá, Ins -óm*; Ручьи *vos, G vǫzá, Ins vazóm*; Мыза *vos, G vazá, Ins vozǫm*; Рог. *vos, G vozá, vazá, Ins vozǫm, vazóm*; Феликс. *vos, G vǫzá, vozá, Ins rǫd vazóm*.

Баритонеза: Дуд. *vȳos, G vȳoza*; Гавр. *vos, G vozá*; Кузн. *vos, G vozá*; Смехн. *vos, G vozá*; Зал. *vos, G vozá, Ins -ǫm*; Сопки *wos, G vozá, Ins -ǫm*; Заб. *vos, G vozá, Ins -ǫm*; Овин. *vos, G vozá, Ins -ǫm*; Слѣзы *vos, G vozá, Ins -ǫm*; Кост. *G vozá, A ná vǫs, Ins vozǫm*; Рем. *vos, G vozá, Ins -ǫm*.

*zǫbь, gen. *zǫba > *zobà а. п. *d*. В [АССЯ: 301–302] а. п. *d* предполагалась на основании косвенных данных, теперь она подтверждается псковско-полоцким материалом и деноминативным *i*-глаголом *zobíti, *zobjǫ а. п. *b*₂. И.-е. корень *ǵerH-, *ǵebH- (?) (авест. *zafarə, zafan-* ‘Mund, Rachen’, герм. *kífjan- ‘gnaw’ при балто-слав. *žeb-, *žob-), валентность корня неизвестна.

Псковско-полоцкие говоры ‘зоб’:

Окситонеза: Дуд. *zop*, G *zabá* ‘зоб (у курицы)’; Кузн. *zop*, G *zóba, zabá* id.; Смехн. *zop*, G *zóba*, Ins *zabóm*; Сопки *zop*, G *zabá*, Ins *-óm*; Мыза *zóp*, G *zabá*, Ins *zóbьт* ‘зоб (у курицы)’; Рог. *zop*, G *zabá*, Ins *zóbьт* ‘птичий зоб’.

Баритонеза: Гавр. *zop*, G *zóba* ‘зоб (у курицы)’; Зал. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт*; Заб. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт*; Овин. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт*; Леж. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт*; Слёзы *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт* ‘зоб у курицы’; Кост. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт* ‘зоб у курицы; зоб (болезнь)’; Корш. *zob*, G *zóba*, Ins *-ьт* ‘зоб (болезнь)’; Рем. *zop*, G *zóba*, Ins *-ьт* ‘зоб у курицы; зоб (болезнь)’; Ручьи *zop*, G *zóbu*, Ins *-ьт* ‘зоб (болезнь)’.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

Отсутствие окситонезы в рефлексах основ а. п. d в карпатоукраинских и псковско-полоцких говорах

*grǫmь, gen. *grǫma > *gromà а. п. *d* и ***grǫmь, gen. *grǫma > *gromà** а. п. *b* [АССЯ: 199–202; ИАБС: 116] < и.-е. *ghrǫm-ǵ- или *ghrǫm-o- (“*ghrǫmo-s, -m”), ср. греч. χρόμος; ψύχος. ψόφος ποίος. οἱ δὲ χρεμετισμός Hsch. Валентность и.-е. корня *ghrem- не установлена.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) ‘гром’: Миж. *yrim*, G *yróma*; Гдеш. *yrí'm*, G *yróma*; Ставн. *hr'im*, G *hróma*, Ins *-om*; Нов. *yrьт*, G *yróma*; Ярок *yrьт*, G *yróma*; Худл. *yrьт*, G *yróma*; Ирл. *hirum*, G *hiróma*, Ins *-om*; Бен. *yrum*, G *yróma*, Ins *-om*; ТП *yrьт*, G *yróma*; Брод *yrüm*, G *yróma*; Заг. *yrüm*, G *yróma*; Дус. *yrüm*, G *yróma*, Ins *-om*; Довге *yrüm*, G *yróma*; НБ *yrüm*, G *yróma*; Негр. *yrüm*, G *yróma*; Син. *yrüm*, G *yróma*; СинП *yrim*, G *yrómu*, Ins *-om*; Новос. *yr'im*, G *yrómu*, *-a*, Ins *-om*; Тор. *yr'im*, G *yróma*; Скот. *yr'im*, G *yróma*; РМ *yrum*, G *yróma*, Ins *-om*; Бруст. *yrьт*, G *yróma*; Тис. *yr'im*, G *yróma* (ЮА), *yr²im*, G *yrómu* (ВАН); Быстр. *hirim*, G *hirómu*, Ins *hirótom*; ЛП *yrüm*, G *yróma*; ШЛ *yrum*, G *yróma*; Угля *yrum*, G *yróma*, Ins *-om*; Вел. *yrum*, G *yróma*; Бринь *yr'im*, G *yrómu*, Ins *-om*; Крыл. *yr'im*, Ins *yrótom*; Тур. *hir'im*, G *hirómu*, Ins *-om*, L *-i*; Неб. *yr'im*, G *yrómu*, Ins *-om*, L *-i*; Пер. *yr'im*, G *yrómu*, Ins *-om*, L

-i; Косм. *yr'im*, G *yrómu*, Ins -om; Коб. *yrim*, G *yrómu*, Ins -om; Сем. *yrim*, G *yrómu*, Ins -om; Бан. *yrim*, G *yrómu*, Ins -om.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'гром': Дуд. *yrúom*, G *yrúóma*; Гавр. *grom*, G *gróma*; Кузн. *grom*, G *gróma*; Смехн. *grom*, G *gróma*; Зал. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Сопки *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Мал. *grom*, G *grómu*; Заб. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Овин. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Корп. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Леж. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Слёзы *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Мыза *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Кост. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Рог. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Корш. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Рем. *grom*, G *gróma*, Ins -ьт; Ручьи *grom*, G *grómu*, Ins -ьт; Феликс. *grom*, G *grómu*, Ins -ьт.

*vōskь, gen. *vōska > *voskà а. п. *d* и ***vōskь, gen. *vōska > *voskà** а. п. *b* [АССЯ: 291–294]. Окситонеза форм ед. ч. сохраняется в старорусском памятнике «Целебник» с северо-западной («псковско-новгородской») акцентуацией¹⁰³: G *voskŭ* Цел. 80б, 128а, *vos'kŭ же* 127б, Ins *с во'кóмь* 434б; в западноновгородском по происхождению заонежском говоре Выр. G *voskŭ*; вост.-шток. Лев. *vōsak* 10б, G *од вōска* 67; словен. *vōsək*, G *vōska* и *vōsk*, G *vōska* – трансформации первичной парадигмы **vōsək*, **vōska*; ю.-шток. Пипери *vosək*, G **voskà* 90 < **vōskь* а. п. *b* < балто-слав. **vōškom*. (?), **vōškom*-м, лит. *vāškas* а. п. 2 наряду с вторичной а. п. 4. На ср. род в прабалтийском указывают фин. *vaha*, эст. *vaha* 'воск' [ИАБС: 128–129], ср. герм. **waxsa-n* > др.-исл. *wax n.*, др.-в.-нем. *wahs n.*, др.-англ. *weax n.*

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'воск': Ставн. *v'isk*, G *vóska*, -u, Ins *vóskom*; Люта *vísk*, G *vósku*, *vóska*; Ярок *vŭsk*, G *vóska*, *vósku*; Ирл. *vusk*, G *vóska*, Ins -om; Черн.Пот. *viisk*, G *vósku*, Ins *vóskom*; Дус. *viisk*, G *vóska*, -u, Ins -om; НБ *viisk*, G *vóska*; Нерп. *viisk*, G *vósku*, Ins *vóskom*; Син. *viisk*, G *vósku*, L *vóskovr*; СинП *viisk*, G *vósku*, Ins *vóskom*; Новос. *viisk*, G *vósku*, L -ovr; Влс. *visk*, G *vósku*, Ins -om; РМ *vŭsk*, G *vósku*, Ins -om; Бруст. *vŭsk*, G *vóska*; Быстр. *visk*, G *vósku*, Ins -om; ЛП *viisk*, G *vóska*; ШЛ *vŭsk*, G *vósku*, Ins *vóskom*; Угля *vŭsk*, G *vósku*, Ins *vóskom*; Рона *vusk*, G *vóska*; Бринь *visk*, G *vósku*, Ins -om; Тур. *visk*, G *vósku*, Ins -om; Неб. *visk*, G *vósku*, Ins -om;

¹⁰³ Локализация памятника в [Зализняк 1985: 232] – «район, охватывающий лачские, поморские и северновологодские говоры» – не противоречит акцентуационной системе, так как указанный район входит в зону древней новгородской колонизации, где в настоящее время представлена мозаика из говоров псковско-новгородского, тверского и ростово-суздальского происхождения.

Пер. *visk*, G *vósku*, Ins -om, L *vósc'i*; Косм. *visk*, G *vósku*, Ins -om; Стопч. *visk*, G *vósku*, Ins -om; Коб. *visk*, G *vósku*, Ins -om; Яв. *visk*, G *vósku*, Ins -om; Бан. *wisk*, G *vósku*, Ins -om.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'воск': Дуд. *vjosk*, G *vjoska*; Гавр. *vosk*, G *vóska*; Кузн. *vosk*, G *vóska*; Смехн. *vosk*, G *vóska*; Зал. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Сопки *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Заб. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Овин. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Леж. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Слёзы *vosk*, G *vósku*, Ins -ьm; Мыза *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Кост. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Пог. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Рем. *vosk*, G *vóska*, Ins -ьm; Ручьи *vosk*, G *vósku*, Ins -ьm; Феликс. *vosk*, G z *vóska*, *vósku*, Ins -ьm.

ДОЛГОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

*brūsь, gen. *brūsa > *brusà а. п. *d*: кроме карпатоукраинских, псковско-полоцких, северносмоленских (Ком. *brús*, G *brusá*, Ins *brusóm* 'четырёхгранное бревно') и северновитебских (*брус*, G *брусá*, D z *брусý*, Ins *брусъм/брусóм*, L нъ *брус''é* [ГБРП: 168]; Ем. *brus*, G *brúsa/brusá*, Ins *brúsъm*), рефлекс неподвижной а. п. в сев.-чак. Сусак *brūs*, G *brūsà* [ННГ: 106]; Сали *brūs*, G *brūsá*, Ins *brūsún*, Pl -'i; вост.-шток. Рача *брýс*, G *брýса* 20; рефлексy *brūsь, gen. *brūsa > *brusà а. п. *b* в центральных и восточных болгарских говорах: Банат *брус*, det. *брýса* 156; Б. Слат. *брус*, det. *брýса*; Ихт. det. *брýса* 69; Смол. *брус*, det. *брýса* 55; Тет. *брус*, det. *брýса* 80; словц. *brús*. Остальные слав. языки имеют рефлексy а. п. *c*: словен. *brūs*; хорв. *brūs*, G *brūsa; чеш. *brus*. И.-е. *bhr̥w̥k̥-o-s ("*bhr̥w̥kos") (?). Производное от и.-е. корня *bhr̥w̥k̥-/*bhr̥w̥k̥-, доминантного, судя по первоначальной баритонезе форм на -*tuv*- в литовских диалектах: *braũktivas* 1; *brauktuvẽ* 3^b < *1; *brauktuvỹs* 3^b < *1 (вторичное насуффиксальное ударение в *brauktĩvas*; pl. t. *brauktĩvai*; *brauktĩvẽ*) от *braũkti*, -*ia* 'трепать, вытирать, совать'.

Карпатоукраинские говоры 'брус (обтесанное дерево)':

Окситонеза: Довге *brus*, G *brusá*; Бруст. *brus*, G *brusá*.

Баритонеза: Черн. *brus*, G *brúsa*; Миж. *brus*, G *brúsa*; Гдеш. *brus*, G *brúsa* (балка); Чапли *brus*, G *brúsa*, L *na brús'i* 'бревно'; Мшан. *brus*, G *brúsa* 'брус (дерев.)'; Люта *brus*, G *brúsa*; Черн. Пот. *brus*, G *brúsa* 'кривое дерево ("derevá krívi")'; палка, к которой привязываются *jásl'i*; Негр. *brus*, G *brúsa*; Син. *brus*, G *brúsa*, L -ov; СинП *brus*, G *brúsa*, Ins -om 'брус (бревно)'; Новос. *brus*, G *brúsa*, Ins -om 'брус (обтесанное дерево)'; Тор. *brus*, G

brúsa; Скот. *brus*, G *brúsa*; Влс. *brus*, G *brúsa*, Ins -om ‘обтесанное дерево’; РМ *brouc*, *bróuca*, Ins -om; Тис. *brus*, G *brúsa* (ЮА, ВАН) ‘брус (бревно)’; Быстр. *brús*, G -a, Ins -om (точильный); ЛП *brus*, G *brúsa*; Вел. *brus*, G *brúsa*; Луг *brus*, G *brúsa*; Рона *brus*, G *brúsa*; Реп. *brus*, Ins *brúsom*; станицл. *брус*, G *брýca Нап. 328; Бринь *brus*, G *brúsa*; Ясень *brus*, G *brúsa* ‘брус (бревно)’; Неб. *brus*, G *brúsa*, Ins -om ‘брус (бревно)’; Печ. *brus*, G *brúsa* ‘точильный брусок’; Косм. *brus*, G *brúsa*, Ins -om; Стопч. *brus*, G *brúsa* ‘точильный брусок’; Коб. *brus*, G *brúsa*, Ins -om, L *brús* ‘i’ ‘брус (балка)’; Сем. *brus*, G *brúsa*, Ins -om, L *brús* ‘i’; Ябл. *brus*, G *brúsa*; Луги *brus*, G *brúsa*, Ins -om ‘оселок’; Красн. *brus*, G *brúsa* ‘оселок’; Яв. *brus*, G *brúsa* ‘оселок’; Бан. *brus*, G *brúsa*, Ins -om, L *brúsi*; Тышк. *brus*, G *brúsa*.

Псковско-полоцкие говоры ‘брус (обтесанное дерево)’:

Окситонеза: Дуд. *brus*, G *brusá* ‘брус (балка)’; Гавр. *brus*, G *brusá* ‘оселок; брус (балка)’; Кузн. *brus*, G *brusá* ‘брус (балка)’; Смехн. *brus*, G *brusá* ‘брус (балка); оселок’; Зал. *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘брус (балка); оселок’; Сопки *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘брус (балка); оселок’; Мал. *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘брус (балка)’; Заб. *brus*, G *brúsa*, Ins *brúсьт*; Овин. *brus*, G *brusá*, Ins *brusóm*; Корп. *brus*, G *brusá*, Ins *brúсьт*; Леж. *brus*, G *brusá*, Ins *brusóm* ‘брус (балка)’; Мыза *brus*, G *brusá*, Ins *brúсьт* ‘брус (балка)’; Пог. *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘оселок’; Корш. *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘брус (балка)’; Рем. *brus*, G *brusá*, Ins -óm ‘оселок’; Ручьи *brus*, G *brusá*, Ins *brúсьт* ‘брус (балка)’; Феликс. *brus*, G *brusá* ‘дерево обрубленное’.

Баритонеза: Слёзы *brus*, G *brúsa*, Ins -ьт ‘брус (балка)’.

krōgъ**, gen. ***krōga** > ***krōgà** а. п. *d*. Помимо карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, рефлексы а. п. *d* в сев.-смол. Ком. *kriх*, G *kruyá*, Ins -óm ‘круглая вьюшка; половичок’; сев.-витебск. *kriх*, G *kruyá*/ *kryga*, Ins *krygьм* [ГБРИП: 173]; рус. литер. *круг*, G *kryga*, Р1 *krygú*; вост.-штук. Лев. *krŭg* 42, G *krŭga 242; Груза *krŭg*, G (из) *kryga* 538, Ins *krygom* 540; сев.-чак. Сали *krŭg*, G *krŭgá*; болг. *кръг*, det. *кръгьт* (наряду с *кръгьт*); центрально-болг. Кюст. *крак*, det. *krágo* 65; в остальных языках рефлексы а. п. с. Ср. деноминативный глагол ***krōžiti**, ***krōžjǫ** а. п. *b*₂. И.-е. ***krōngh-** или ***krōngh-q-s** (“krōnghos**”) (?). Реконструкцию м. р. подтверждает герм. ***xrēngaz** ‘круг, кольцо’ < ***krēngho-s**.

Карпатоукраинские говоры ‘круг’:

Окситонеза: Черн. *kriх*, G *kruyá*; Гдеш. *kriх*, G *kruyá*; В.Ст. *kriх*, G *kruhá*, Ins -óm; Ставн. *kriх*, G *kruhá*, Ins -óm; Ирл. *krŭх*, G *kruhá*, *krŭha*, Ins *krŭhom*,

kruhóm; ПП *kruх*, G *kruyá*; Заг. *kruх*, G *krúya*, L *kruz'í*; Клим. G *krúya*, L *kruz'í*; Дус. *kruх*, G *kruyá*, Ins -óm; Кер. *kruх*, G *kruyá*; Довге *kruх*, G *krúya*, *kruyá*; НБ *kruу*, G *kruyá*, Ins -óm 'столешница'; СинП *kruх*, G *kruyá*, *krúya*, Ins *krúyom*; Тор. *kruу*, G *kruyá*; РМ *kruх*, G *kruyá*, Ins -óm; Битля *kruх*, G *kruyá*; Луг *kruу*, G *kruyá*; станицл. *круз*, G *крузá Нан. 331; Ясень *kruу*, G *krúya*, Ins *kruyóm*, L *krúz'í*; Неб. *kruу*, G *krúya*, Ins *kruyóm*, L *krúz'í*; Пер. *kruу*, G *kruyá*, Ins -óm, L *kruz'í*; Сем. *kruh*, G *kruhá*, *krúha*, -и, Ins -om, L *krúz'í*; Тышк. *kruh*, G *kruhá*, *krúha*.

Баритонеза: Миж. *kruх*, G *krúya*; Чапли *kruх*, G *krúya*, -и, Ins -om; Мшан. *kruх*, G *krúya*; Люта *kruх*, G *krúya*, Ins -om, L -ovr; Нов. *kruх*, G *krúya*; Ярок *kruх*, G *krúya*; Худл. *круу*, G *krúya*; Бен. *kruх*, G *krúya*; Черн.Пот. *kruу*, G *krúya*; Брод *kruх*, G *krúya*, L *krúz'í*; Негр. *kruх*, G *krúya*, L *krúz'í* 'круг (напр., дно бочки)'; Син. *kruh*, G *krúya*, L *krúz'í* 'круг'; *krúh*, G *krúya*, L -ovr 'деревянный круг (для прижимания солений)'; Новос. *kruу*, G *krúya*, Ins -om, L *krúz'í*, *krúyon*; Скот. *kruх*, G *krúya*; Влс. *kruу*, G *krúya*, Ins -om; Бруст. *kruх*, G *krúya*; Тис. *kruу*, Ins *pid krúyom*, L *na krúz'í* (ЮА), *krúy*, G *krúya* (ВАН) 'круг (прижимать соленья)'; Быстр. *kruх*, G *krúha*, Ins -om; ЛП *kruх*, G *krúya*; ШЛ *kruу*, G *krúya*, Ins -om, L *krúz'í*; Вел. *kruх*, G *krúya*; Бринь *kruх*, G *krúya*; Тур. *kruh*, G *krúha*, Ins -om, L *krúz'í* 'дно в бочке'; Лукв. *kruу*, G *krúya*; Печ. *kruх*, G *krúya*; Косм. *kruу*, G *krúya*, L *krúz'í*; Стопч. *kruх*, G *krúya*; Коб. *kruх*, G *krúyu*, Ins -om, L *krúz'í*; Луги *kruх*, G *krúya*, L *krúzi*; Красн. *kruх*, G *krúya*; Яв. *kruх*, G *krúha*, Ins -om; Бан. *kruх*, G *krúya*, Ins -om, L *krúzi*.

Псковско-полоцкие говоры 'круг':

Окситонеза: Дуд. *kruх*, G *kruyá* 'круг; лишай (округлой формы)'; Гавр. *kruk*, G *krugá* id.; Кузн. *kruk*, G *krugá* id.; Зал. *kruk*, G *krugá*, Ins -óm; Мал. *kruk*, G *krugá*, Ins -óm; Ручьи *kruх*, G *kruyá*, Ins *kruyóm*; Рем. *kruk*, G *krúga*, *krugá*, Ins *krúgьт*; Феликс. *kruх*, G *kruyá*, *krúya*.

Баритонеза: Смехн. *kruk*, G *krúga* 'круг; стригущий лишай'; Сопки *kruk*, G *krúga*, Ins -ьт; Заб. *kruk*, G *krúga*, Ins -ьт; Корш. *kruk*, G *krúga*, D *pь krugú*, Ins *krúgьт*.

*kvěť, gen. *květa > *květa а. п. *d*: помимо карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, рефлексy окситонезы в сев.-смол. Ших. *cv'et*, G *cv'eta*, Ins *cv'etóm*; сев.-витебск. *ц'в'ет*, G *ц'в'ѣтá/ц'в'ѣта*, Ins *ц'в'ѣтóm* [ГБРП: 179]; вост.-шток. Грузжа *цвѣт* 538, G *из цвѣта* 539; Рача *цвѣт*, G *цвѣта*, *цвѣта* 20; сев.-чак. Сусак *cvět/cvīt*, G *cvietà/cvità* (/ *cvīta*) 'flower on grapes' [Shrager 2011: 217]; Сали *cvět*, G *cvěta*; рус. *цвет*, G *цвѣта*, Pl *цве-*

ты́; в остальных языках рефлексы а. п. с. И.-е. девербатив *kwɔyt-o-s или *kwɔyt-ɔ-s ("*kwóytos") (?), валентность корня не установлена. Основа акцентуационно противопоставлена *svěť, gen. *světa а. п. с.

Карпатоукраинские говоры 'цвет (дерева); цветок':

Окситонеза: Гдеш. *čvit*, G *čvítá* 'цветок'; Ставн. *c'v'it*, G *c'v'itá*, Ins *c'v'itóm*, *c'v'itóm*; Худл. *cvit*, G *cvitŕ*; Бен. *c'v'it*, G *cv'itá*, Ins *-óm*; Дус. *cvit*, G *cvítu*, Ins *cvítom*, *c'vítóm*; НБ *c'vit*, G *c'vitá*, Ins *-óm* 'цветок'; Бруст. *c'vit*, G *c'vitá*; ШЛ *cvit*, G *cvitá*, *cvita* 'цветок'; Бринь *cvit*, G *cvítu*, *cvítú*.

Баритонеза: Мшан. *čvit*, G *čvítá*; В.Ст. *cv'it*, G *cv'ítu*, Ins *-om* 'цвет (дерева)'; Люта *cvit*, G *cvita*, Ins *-om*¹⁰⁴; Нов. *c'vit*, G *c'vítá*; Яроч *cvit*, G *cvítu*, *cvíta*; Ирл. *cvit*, G *cvíta*, Ins *-om* 'цвет (дерева)'; ТП *cwit*, G *cwítu* 'цветение'; Черн. Пот. *cvit*, G *cvíta*; Брод *cvit*, G *cvítu*, L *cvít' i*; Заг. *cvit*, G *cvítu*; Кер. *c'vit*, G *c'vítu*; Довге *c'v'it*, G *c'v'ítu*; Негр. *c'vit*, G *c'v'ítu* 'цвет (деревьев, кустарников); семена цветов'; Син. *c'vit*, G *c'vítu*, L *-ovl* 'цвет (деревьев, кустарников); сенная труха'; СинП *c'v'it*, G *c'v'ítu*, Ins *-om* 'цвет (на деревьях, кустарниках)'; Новос. *cvit*, G *cvítu*, *cvíta*, L *cvítú*, *cvítovl* 'цветок'; Тор. *c'vit*, G *c'v'ítu* 'цвет (дерева), цветение; цвет (окраска)'; Скот. *cvit*, G *cvíta*; Влс. *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*; Битля *čvit*, G *čvítu* 'цветение'; Тис. *cvit*, G *cvítu* (ЮА, ВАН) 'цвет (дерева), цветение'; ЛП *c'vit*, G *c'v'ítu*; Вел. *cvit*, G *cvítu*; Луг *cvit*, G *cvítu*; Рона *svyt*, G *svýta*; станисл. *цьвѣт*, G *цьвѣту Нап. 330; Крыл. *cvit*, G *cvítu*; Тур. *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*, L *cvít' i* 'пора цветения'; Лукв. *cv'it*, G *cv'ítu*; Ясень *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*, L *cvít' i*; Пер. *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*, L *cvít' i*; Печ. *cvīet*, G *cvīetu*; Косм. *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*; Стопч. *cvit*, G *cvítu* 'цвет (дерева); цветок'; Коб. *cvit*, G *cvítu*, Ins *-om*; Сем. *çvit*, G *çvítu*, Ins *-om*; Луги *cvit*, G *cvítu* 'цвет (дерева); цвет лица'; Красн. *cvit*, G *cvítu*; Яв. *c'v'it*, G *c'v'ítu*, Ins *-om* 'цвет (дерева)'; Бан. *swīet*, G *swīetu* 'цветение'; Тышк. *cvī'et*, G *cvī'etu*.

Псковско-полоцкие говоры 'цветок':

Окситонеза: Гавр. *c'v'et*, G *c'v'atá* 'цветок'; Кузн. *cv'et*, G *cv'etá* 'цветок'; Сопки *cv'et*, G *cv'atá*, Ins *-óm*; Мал. *c'v'et*, G *c'v'atá*, Ins *-óm*; Овин. *cv'et*, G *cv'atá*, Ins *-óm* 'цветок'; Корп. *cv'et*, G *cv'etá*, Ins *-óm*; Феликс. *c'v'īet*, G *c'v'ь-тá* 'цветок'; Заб. *cv'et*, G *cv'etá*, Ins *cv'этѣт*, *cv'atóm*; Слѣзы *k'v'et*, G *k'v'atá*, Ins *k'v'этѣт* 'цветок плодовых растений'; Мыза *k'v'et*, G *k'v'atá*, Ins *k'v'этѣт* id.; Кост. *c'v'et*, G *c'v'ētu*, *c'v'atá*, Ins *c'v'этѣт* 'цветок'; Ручьи *c'v'et*, G *c'v'itá*, Ins *c'v'этѣт*.

¹⁰⁴ Новый L *cvítovl*, по-видимому, имеет ударение незасвидетельствованого L *cvítú.

Баритонеза: Дуд. *c'vjet*, G *c'viéta* 'цветок'; Смехн. *c'v'et*, G *c'v'éta*; Леж. *t'v'et*, G *t'v'éta*, Ins -ьт; Рог. *k'v'et*, Ins *k'v'étm* 'цветок плодовых растений'; Корш. *k'v'et*, G *k'v'éta*, Ins -ьт 'цветок огурцов, картофеля'; Рем. *k'v'et*, G *k'v'éta*, Ins -ьт 'цветок огурца в бутоне'.

*lǫggъ, gen. *lǫgga > *lǫgà а. п. *d* 'заливной луг, пастбище': кроме карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, окситонеза в вост.-шток. Рача *lǫg*, G *lǫga*, *lǫga* 20; Грузжа *lǫg*, G *из lǫga* 539; в остальных языках рефлекс а. п. *c*. Судя по акц. парадигме, славянская основа восходит к балто-слав. *lǫngos < *lǫngos с метатонией «акут ⇒ циркумфлекс» < и.-е. *lǫng-q-s. В восточнобалтийских языках основа без метатонии *lǫngo- > лит. *lāngas* 'окно' а. п. 3 у Донелайтиса, в литературном языке и по говорам [ИАБС: 152, LKŽ], лтш. *luōgs* 'дыра; окно'. И.-е. рецессивный корень *lǫng- не засвидетельствован вне балто-славянского; корневой акут объясняется винтеровским удлинением перед звонким смычным. Оттяжка ударения по закону Хирта–Иллич–Свитыча в слав. *lǫga¹⁰⁵ а. п. *a* < балто-слав. *lǫngā, ср. лит. диал. *lėngė* 'лощина; долина' а. п. 1 < балто-слав. *lǫngiā; нерегулярный акут в лит. *lėnkė*, судя по *lākà* 2/4 а. п. = слав. *lǫkǎ а. п. *b*, возник под влиянием *lėngė*.

Карпатоукраинские говоры 'заливной луг':

Окситонеза: Ставн. *lux*, G *luhā*, Ins -ом, L *na lúz'i*; Ирл. *lux*, G *lúha*, Ins -om, L *na luhóv*; Бен. *lux*, G *luyá*, Ins *lúyom*; Кер. *lux*, G *luyá*; Новос. *luy*, G *lúya*, *lúyu*, *luyú*, L *lúz'i*; станицл. *луг*, G *лугá Нап. 333.

Баритонеза: Чапли *lux*, G *lúyu*, *lúya*, Ins *lúyom*; Мшан. *lux*, G *lúya*; Люта *lux*, G *lúya*, Ins -om, L -ovr; Худл. *luy*, G *lúy*, L *lúz'i*; ТП *lux*, G *lúyu*, L *lúz'i*; Черн.Пот. *lux*, G *lúya*; Брод *lux*, G *lúya*, L *lúz'i*; Клим. *luy*, G *lúya*; Довге *lux*, G *lúya*; НБ *luy*, G *lúya*; Негр. *lux*, G *lúya*, Ins -om, L *lúz'i*; Син. *luh*, G *lúya*, L *lúz'i* 'заливной луг; топоним'; СинП *lux*, G *lúya*, Ins -om; Тор. *luy*, G *lúya*, D -ovr, Ins -om, L *lúz'i*; Скот. *lux*, G *lúya*; Влс. *luy*, G *lúyu*, Ins -om, L *lúz'i*; РМ *lux*, G *lúya*, L *lúz'i*; Бруст. *lux*, G *lúya*; Тис. *luy*, Ins *za lúyom*, L *w lúz'i* (ЮА), *lúy*, G *lúya* (ВАН); Быстр. *lux*, G *lúha*, Ins -om; ЛП *lux*, G *lúya*; ШЛ *luy*, G *lúya*,

¹⁰⁵ С основой *lǫga связана другая проблема: она известна только из великорусских говоров псковско-новгородского происхождения, поэтому не исключено ее древнее заимствование из балтийского. С другой стороны, в псковско-новгородском ареале она регулярно восходит к *lǫdja (с псковско-новгородско-смоленским развитием *-dj- > -ǫ- > -g-), и ее значения не отличаются от значений *lǫda, *lǫdo на этой же территории (см. [Николаев 1988]). В случае возведения русск. сев.-зап. *лѣга* к *lǫdja не исключено древнее заимствование лит. *lėngė* из кривичского славянского.

L *lúz'í*; Вел. *luh*, G *lúyu*; Реп. *luγ*, G *lúya*; Бринь *luγ*, G *lúyu*, Ins *lúyom*, L *lúz'í*; Крыл. *lux*, Ins *lúyom*, L *w lúz'í*; Тур. *luh*, G *lúha*, *lúhu*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Ясень *luγ*, G *lúyu*, L *lúz'í*; Неб. *luγ*, G *lúyu*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Пер. *luγ*, G *lúyu*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Косм. *luγ*, G *lúya*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Стопч. *lux*, G *lúya*, L *lúz'í*; Коб. *lux*, G *lúyu*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Сем. *luh*, G *lúha*, *-u*, Ins *-om*, L *lúz'í*; Луги *lux*, G *lúya*; Бан. *lux*, G *lúya*, Ins *-om*, L *lúzi*. Также в топонимах: В.Ст. *Lux*, G *Lúha*, Ins *-om* (с. Луг Великоберезнянского р-на); Нов. *Lux*, G *Lúya* (микротопоним); Луг *Lux*, G *Lúya* (название села).

Псковско-полоцкие говоры 'луг':

Окситонеза: Дуд. *lux*, G *luyá*; Кузн. *luk*, G *lugá*; Ручьи *lux*, G *luyá*, Ins *luyóm*; Феликс. *lux*, G *luyá*; Слезы *luk*, G *lugá*, Ins *lúgьm*; Мыза *luk*, G *lugá*, Ins *lúgьm*; Рог. *luk*, G *lúga*, *lugá*, Ins *lúgьm*, *lugóm*.

Баритонеза: Гавр. *luk*, G *lúga*; Смехн. *luk*, G *lúga*, *lugá*; Зал. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Сопки *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Заб. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Овин. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Корп. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Леж. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Кост. *luk*, G *lúga*, D *-u*, Ins *-ьm*; Корш. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*; Рем. *luk*, G *lúga*, Ins *-ьm*.

***rĕďь**, gen. ***rĕďu** > ***rĕďũ** а. п. *d*. Рефлексы корневой долготы (resp. неподвижной а. п.) в чеш. *řád*, G *řádu* 'порядок' (при *řad*, G *řadu* 'ряд'); словц. *riad* 'посуда, инструмент, орудие; порядок' (при *rad*, G *radu* 'ряд', 'совет'); кашуб. *řod*, G *řodu* 'ряд' наряду с *řod*, G *řadu* 'ряд снопов'. Балтослав. ***rińdu**-. Кроме карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, окситонеза в сев.-смол. Ком. *r'at*, G *r'idá*, Ins *r'adóm*; Горов. *r'at*, G *r'idá*, Ins *r'ádьm*; сев.-витебск. *p'am*, G *p'ědá/p'ádь*, Ins *p'ádьm* [ГБРИ: 176]. В остальных языках рефлекс а. п. *c*, включая сев.-чак. Сусак *riēt*, G *riēda* [Shrager 2011: 216]. Ср. также деноминативный глагол ***rĕďiti**, ***rĕďjĭ** а. п. *b*₂ в сев.-кашуб. *řazэс*, *řoza* 'regieren', *řэзэс*, *řĭza* 'mieten', малопольск. *żożić*, *sp^uożożić*, *sp^uożożiću*, *uoр^uożożiś*, *uoбzożiś*, чеш. *řiditi* (наряду с *řaditi*), словц. *riadiť* (наряду с *radit'*), Новоград. *rejd'it'i*, рус. *на-, за-ряд-дѣть*, *-ряжѣ*, *-рядѣм*. Балто-славянский доминантный циркумфлектированный корень, ср. лит. жемайтск. *rindà* а. п. 2 (наряду с а. п. 4) 'ряд, линия'¹⁰⁶.

Карпатоукраинские говоры 'ряд':

Окситонеза: Черн. *rət*, G *rydú*; Миж. *ret*, G *rydá*; Гдеш. *r'jet*, G *r'idá*; Чапли *reť*, G *rydú*, *-á*; Мшан. *r'at*, G *r'adá*; В.Ст. *r'at*, G *r'adú*, Ins *r'ádom*; Ставн. *r'ad*, G *r'adá*, Ins *-óm*; Люта *r'at*, G *r'adá*, Ins *-óm*, L *-ónv*; Нов. *r'at*, G *r'adá*; Ярок

¹⁰⁶ Плавная интонация лтш. «куронизма» *riĩnda* нерелевантна.

r'ad, G *r'áda*, *r'adá*, Ins adv. *r'ádom*; Ирл. *r'at*, G *r'adá*, Ins *-óm*; Бен. *r'at*, G *r'adá*, Ins *-óm*; ТП *r'at*, G *r'adú*; Брод *r'at*, G *r'áda*, *r'adú*, Ins adv. *-óm*; Кер. *r'at*, G *r'adá*; Нерп. *r'at*, G *r'ádu*, L *r'adóvi* 'ряд посаженных растений; норма выдачи молока хозяину (при отгонном овцеводстве)'; Син. *r'at*, G *r'adá*, L *-óvi*, *-u* id.; СинП *r'ad*, G *r'adú*, Ins *-óm*; Тор. *r'ad*, G *r'adú*, Ins adv. *r'ádom* 'рядом, возле'; Скот. *rjad*, G *rjadá*; Влс. *r'ad*, G *r'ádu* 'толку', *r'adú* 'ряда', Ins adv. *r'ádóm* 'рядом'; Битля *r'at*, G *r'adú*; Тис. *r'ed*, G *r'edú* (ЮА), *rjéd*, G *r'idá* (ВАН); Быстр. *r'jét*, G *r'edá* 'черёд (в очереди идти на полонину)'; ЛП *r'at*, G *r'ada*; ШЛ *r'ad*, G *r'adú*, *-á*, Ins *-óm*; Вел. *r'at*, G *r'adá*; Луг *rad*, G *radú*; Рона *r'ad*, G *r'adá*; Реп. *r'ad*, G *r'adá*; станисл. *рjад*, G **рjадú* Нан. 331; Бринь *r'et*, G *r'ydá*, *-ú*, Ins *-óm*; Крыл. *r'ed*, Ins *r'эдóm*; Тур. *r'эд*, G *r'ydá*, *-ú*, Ins *-óm*, L *r'yd'i*; Лукв. *r'ied*, G *r'iedá*; Неб. *r'ed*, G *r'edá*, Ins *-óm*, L *r'ed'i*; Пер. *r'ad*, G *r'adú*, Ins *-óm*, L *r'ad'i*; Печ. *r'jjet*, G *r'idá*; Косм. *r'ed*, G *r'idá*, Ins *-óm*; Стопч. *r'et*, G *r'idú*, Ins *-óm*; Коб. *r'ed*, G *r'idá*, Ins *-óm*, L *r'id'i*; Сем. *r'ed*, G *r'edu*, *r'edá*; Ябл. *r'et*, G *r'idá*; Луги *rjet*, G *rjedá*; Красн. *rjet*, G *rjidá*; Яв. *r'et*, *r'jjet*, G *r'edu*, Ins *r'idóm*; Бан. *rjæd*, G *r'idú*, *-á*, Ins *-óm*, L *rjigje*; Тышк. *rjed*, G *r'idú*.

Баритонеза: Худл. Ins adv. *r'ádom* 'около'; Довге *r'at*, G *r'ádu* 'порядок'; *r'ad*, G *r'áda* 'ряд'; НБ *r'ad*, G *r'áda*; РМ *r'at*, G *r'ádu*, Ins *-om*; Бруст. *r'at*, G *r'ádu*.

Псковско-полоцкие говоры 'ряд':

Окситонеза: Кузн. *r'át*, G *r'adá*; Сопки *r'at*, G *r'adá*, Ins *r'áďьm*; Кост. *r'at*, G *r'áda*, *-u*, Ins *r'ádóm*; Феликс. *rat*, G *ráďь*, *-u*, Ins adv. *ráďьm*, L *raz'jé*.

Баритонеза: Дуд. *r'at*, G *r'áda*; Гавр. *r'at*, G *r'áda*; Смехн. *r'at*, G *r'áda*; Зал. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Мал. *r'at*, Ins *r'áďьm*; Заб. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Овин. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Корп. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Леж. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Слёзы *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Мыза *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Рог. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Корш. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Рем. *r'at*, G *r'áda*, Ins *-ьm*; Ручьи *rat*, G *ráda*, Ins *-ьm*.

*slěďь, *slěđu > *slěďū а. п. *d*: кроме карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, окситонеза еще в сев.-смол. Ком. *sl'et*, G *sl'idá*, Ins *sl'ádóm*; Ших. *s'l'et*, G *s'l'edá*, Ins *s'l'édьm*; сев.-витебск. *с'л'em*, G *с'л'ьда*, Ins *с'л'эдьм* [ГБРП: 177]; смешанная парадигма (с сосуществованием окситонированных и баритонированных форм) в большинстве восточнорусских говоров, в том числе литер. *след*, G *слéда*, *следá*, D *пó следу*, Pl *следьы*; русск. владим. Пустоша *sljjet*, G *sljedá*, D *рь slidú*, *sljjetu*, Ins adv. *sljjetьm*, Pl *sljedá*, *slidy*. В остальных языках рефлекс а. п. *c*. Доминант-

ность основы видна также в деноминативе *slědǫti, *slědǫ a. п. b₂: словинц. *slězэс, slězэ*, чеш. *sliditi*, словц. *sliedit'*, рус. *слѣдѣть, слѣжѣ, слѣдѣт*. Балто-слав. *slāidu-s (с удлинением корневого гласного по закону Винтера и метатонией «акут ⇒ циркумфлекс») < и.-е. *sloydu-s < *sloyd-у-s (*sloydu-s). Без метатонии балто-слав. адъективная основа *slāidu-: лтш. *slāids* 'покатый, гладкий'. Ср. балтийский рецессивный глагольный корень *slīd-/*slīd- в лит. *slýsti, slýsta, slýdo* ⇔ *slýsti, sleñda, slýdo*.

Карпатоукраинские говоры 'след':

Окситонеза: Черн. *sl'it, G sl'idá, -ú*; Миж. *sl'it, G sl'idú*; Гдеш. *sl'it, G sl'idú*; Чапли *sl'it, G sl'idú, -á, L -óm*; Мшан. *sl'it, G sl'idú*; В.Ст. *sl'it, G sl'idú, Ins -óm*; Ставн. *sl'id, G sl'idá, Ins -óm*; Люта *sl'it, G sl'idá, Ins -óm, L -óvɪ*; Нов. *sl'it, G sl'idú*; Ярок *sl'id, G sl'idá*; Худл. *sl'id, G sl'idú*; Ирл. *sl'it, G sl'idá, Ins -óm*; Бен. *sl'it, G sl'idá, Ins -óm*; Черн.Пот. *sl'it, G sl'idá*; Брод. *sl'it, G sl'idá, L sl'id'í*; Заг. *sl'it, G sl'idá*; Кер. *s'l'it, G s'l'idá*; Довгре *sl'it, G sl'idá*; СинП *s'l'id, G s'l'idu, s'l'idá*; Новос. *sl'id, G sl'idú, Ins -óm*; Скот. *sl'id, G sl'idá*; Влс. *sl'id, G sl'idu, Ins sl'idóm*; РМ *sl'it, G sl'idá*; Бруст. *sl'it, G sl'idá*; Битля *sl'it, G sl'idú*; Тис. *sl'id, G sl'idú* (ЮА), *sl'idá* (ВАН); Быстр. *słid, G sładá, Ins -óm*; ШЛ *sl'id, G sl'idá, Ins -óm*; Вел. *sl'it, G sl'idá*; Луг. *sl'id, G sl'idá*; Рона *sl'id, G sl'ida, L u sl'id'í*; Реп. *sl'id, G sl'idá*; станицл. *сѣѣѣ, G *сѣѣѣу* Нан. 331; Бринь *sl'it, G sl'idú*; Крыл. *sl'id, G sl'idá*; Тур. *sl'id, G sl'idú, -á, Ins -óm, L sl'id'í*; Лукв. *sl'id, G sl'idá, Ins -óm*; Ясень *sl'id, G sl'idá*; Неб. *sl'id, G sl'idá, Ins -óm, L sl'id'í, sl'idú*; Пер. *sl'id, G sl'idá, Ins -óm, L sl'id'í*; Печ. *sl'iet, G sl'idá*; Коб. *sl'id, G sl'ida, Ins sl'idóm*; Сем. *słid, G sładu, sładú, Ins sładóm, L sładí*; Луги *słit, G sładu, sładá, Ins sładom, sładóm*; Бан. *słied, G sładu, sładú, -á, Ins sładom, sładóm*; Тышк. *słid, G sładá, sładú*.

Баритонеза: Косм. *sl'id, G sl'idu, Ins -om*; Стопч. *sl'it, G sl'idu, Ins -om*; Ябл. *sl'it, G sl'idú, Красн. słit, G sładu*; Яв. *sl'it, G sl'idu, Ins za sl'idom*.

Псковско-полоцкие говоры 'след':

Окситонеза: Гавр. *s'let, G s'l'adá*; Кузн. *s'let, G s'l'edá*; Смехн. *s'let, G s'l'adá*; Сопки *s'let, G s'l'adá, Ins -óm*; Мал. *s'let, G s'l'adá*; Корп. *s'let, G s'l'edá, Ins s'l'édьт, s'l'édóm*; Леж. *s'let, G s'l'adá, Ins -óm*; Зал. *s'let, G s'l'adá, Ins s'l'édьт*; Заб. *s'let, G s'l'adá, Ins s'l'édьт*; Овин. *s'let, G s'l'adá, Ins s'l'édьт*; Слезы *s'let, G s'l'adá, Ins s'l'édьт* 'след; ступня'; Рог. *s'let, G s'l'eda, s'l'adá, Ins s'l'édьт*.

Баритонеза: Дуд. *s'l'iet, G s'l'iedá*; Мыза *s'let, G s'l'eda, Ins -ьт*; Кост. *s'let, G s'l'eda, D pa s'l'edu, Ins s'l'édьт, adv. s'l'édьт*; Корш. *s'let, G s'l'eda, Ins -ьт*; Рем. *s'let, G s'l'eda, Ins -ьт*; Ручьи *s'let, G s'l'eda, Ins -ьт*.

***snĕgъ**, gen. ***snĕga** > ***snĕgà** а. п. *d*: помимо приводимого ниже материала, рефлекс окситонезы также в сев.-витебск. *с'н'ех*, G *с'н'егу*, Ins *с'н'а-гóm/с'н'егъм* [ГБРИ: 177]; сев.-чак. Сали *snīg*, G *snīgà*; в остальных языках рефлекс а. п. *c*. Балто-слав. ***snōigo-s**, ср. лит. *snĕgas* а. п. 2 в сев.-зап. жемайтском говоре Švėkšna при а. п. 4 в других говорах и литературном языке [LKŽ и ИАБС: 117]. Балто-слав. м. р. согласно др.-прусск. *Snaugis*. И.-е. deverбатив ***snouyǵ**^h-o-s; реконструкцию м. р. подтверждает герм. ***snai(g)wa-z** (гот. *snaiws*, др.-англ. *snāw*, -es м. 'snow', др.-в.-нем. *snēo*, G *snēwes* 'Schnee' и т. д.).

Карпатоукраинские говоры 'снег':

Окситонеза: Миж. *śn'ix*, G *śn'iyú*; Гдеш. *sn'ix*, G *sn'iyú*, *sn'iyu*; В.Ст. *sn'ix*, G *sn'ihú*, *sn'ihu*, Ins -*óm*; Люта *sn'ix*, G *sn'iyá*; Нов. *sn'ix*, G *sn'iyú*; Ярок *sn'ix*, G *sn'iyá*, -*ú*, *sn'iyu*, Ins *sn'iyom*; Худл. *sn'iy*, G *sn'iyú*; Черн.Пот. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om* 'снегом', *sn'iyóm* 'по снегу'; Заг. *s'n'ix*, G *s'n'iyú*, *s'n'iyu*; Ганьковица *sn'ix*, G *sn'iyú*, *sn'iyu*; НБ *s'n'iy*, G *s'n'iyá*, Ins *s'n'iyóm*; СинП *s'n'ix*, G *s'n'iyú*, *s'n'iyu*, Ins *s'n'iyóm*; Новос. *s'n'iy*, G *s'n'iyu*, Ins *s'n'iyom*, *s'n'iyóm*; Битля *śn'ix*, G *śn'iyú*; станисл. *snĕz*, G *snĕzy, *snĕzy Нап. 334; Бринь *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins (*pit*) *sn'iyom*, *pit sn'iyóm*; Тур. *s'n'ih*, G *sn'ihú*, *s'n'ihu*, Ins -*om*; Сем. *sn'ih*, G *sn'ihu*, *sn'ihú*, Ins *sn'ihom*, *sn'ihóm*.

Баритонеза: Черн. *śn'ix*, G *śn'iyu*; Чапли *śn'ix*, G *śn'iyu*; Мшан. *śn'ix*, G *śn'iyu*, Ins -*om*; Ставн. *sn'ix*, G *sn'ihá*, Ins -*om*; Ирл. *sn'ix*, G *sn'ihá*, -*u*, Ins -*om*; Бен. *sn'ix*, G *sn'iyá*, Ins -*om*; ТП *sn'ix*, G *sn'iyu*; Брод *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Кер. *s'n'ix*, G *s'n'iyu*; Довге *sn'ix*, G *sn'iyu*; Негр. *s'n'ix*, G *s'n'iyu*, Ins -*om*; Син. *s'n'ih*, G *s'n'iyu*, L -*ovi*; Тор. *s'n'iy*, G *s'n'iyu*; Скот. *sn'ix*, G *sn'iyu*, -*a*; Влс. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; РМ *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Тис. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om* (ЮА), *sn'iy*, G *sn'iyu* (ВАН); Быстр. *sn'ix*, G *sn'ihu*, Ins -*om*; ЛП *sn'ix*, G *sn'iyá*; ШЛ *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Вел. *sn'ix*, G *sn'iyu*; Луг *sn'iy*, G *sn'iyu*; Рона *sn'iy*, G *sn'iyá*; Крыл. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Лукв. *sn'iy*, G *sn'iyu*; Ясень *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Неб. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Пер. *sn'ih*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Печ. *sn'ix*, G *sn'iyu*; Косм. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Стопч. *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Коб. *sn'iy*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Ябл. *sn'ix*, G *sn'iyu*; Луги *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Красн. *sn'ix*, G *sn'iyu*; Бан. *sn'ix*, G *sn'iyu*, Ins -*om*; Тышк. *sn'ih*, G *sn'ihu*.

Псковско-полоцкие говоры 'снег':

Баритонеза: Дуд. *s'n'ix*, G *s'n'iyá*; Гавр. *sn'ek*, G *s'n'ega*; Кузн. *s'n'ek*, G *s'n'ega*, -*u*; Смехн. *s'n'ek*, G *s'n'ega*, D -*u*; Зал. *s'n'ek*, G *s'n'egu*, -*a*, Ins -*ьт*; Сопки *s'n'ek*, G *s'n'ega*, Ins -*ьт*; Мал. *s'n'ek*, G *s'n'egu*, Ins -*ьт*; Заб. *sn'ek*, G *sn'ega*, Ins -*ьт*; Овин. *sn'ek*, G *sn'ega*, Ins -*ьт*; Корп. *sn'ek*, G *sn'ega*, Ins -*ьт*;

Леж. *s'n'ek*, G *s'n'éga*, Ins -ьт; Слёзы *s'n'ek*, G *s'n'éga*, Ins -ьт; Мыза *s'n'ek*, G *s'n'éga*, -и, D -и, Ins -ьт; Рог. *s'n'ek*, G *s'n'éga*, Ins -ьт; Корш. *s'n'ek*, G *s'n'é-gu*, *s'n'éga*, Ins -ьт; Рем. *s'n'ek*, G *s'n'éga*, Ins -ьт; Ручьи *s'n'ex*, G *s'n'éyu*, Ins -ьт; Феликс. *s'n'jex*, G *s'n'jéya*, Ins *s'n'jéyьт*.

*sōkь, gen. *sōku > *sqkū а. п. *d*: рефлексy неподвижной а. п. в сев.-смол. Ком. *suk*, G *suká*, Ins *sukóm*; сев.-витебск. *сук*, G *сукá*, Ins *сукóm* [ГБРП: 178]; Ем. *suk*, G *suká/súka*, Ins *súkьт*; Луч. *suk*, G *suká*, Ins -óт; болг. *сък*, det. *съкьт* и в (восточно)русских говорах, напр. литер. *сук*, G *сукá*, Pl *сукí*, и в приводимом ниже материале; остальные языки имеют рефлексy а. п. *c*. И.-е. *k[ɔ]nkʷ-, отсюда же герм. *xáпхu-z > др.-исл. *hā-r*, норв., швед. *hå* 'Ruderklamp, -dolle; Hai', др.-инд. поздн. (Śatapatha-Bṛāhmaṇa) *śankú-s* 'острый колышек'; ср. [ИАБС: 144].

Карпатоукраинские говоры 'ветка':

Окситонеза: Миж. *suk*, G *сuká*; Гдеш. *suk*, G *suká*; Чапли *suk*, G *suká*, *súka*; Дус. *suk*, G *súka*, *suká*, Ins *súkom*, *sukóm*; Бан. *suk*, G *suká*, *súka*.

Баритонеза: Черн. *suk*, G *súka*; Мшан. *suk*, G *súka*; В.Ст. *suk*, G *súka*, Ins -ом; Ставн. *suk*, G *súka*, Ins -ом; Люта *suk*, G *súka*, Ins -ом, L -овi; Нов. *suk*, G *súka*; Бен. *suk*, G *súka*, Ins -ом; Черн.Пот. *suk*, G *súka*; Брод *suk*, G *súka*, *béz suka*, L *na súc'i*; Заг. *suk*, G *súka*; Кер. *suk*, G *súka*; Довге *suk*, G *súka*; НБ *suk*, G *súka*; Негр. *suk*, G *súka*, L -овi 'сук; сучок (в древесине)'; Син. *suk*, G *súka*, L -овi 'сучок (в древесине)'; Новос. *suk*, G *súka*, Ins -ом, L *súc'i*; Тор. *suk*, G *súka*; Скот. *suk*, G *súka*; Влс. *suk*, G *súka*, Ins -ом; РМ *suk*, G *súka*, Ins -ом; Бруст. *suk*, G *súka*; Битля *suk*, G *súka*; Тис. *suk*, Ins *iz súkom*, L *na súc'i* (ЮА), *súk*, G *súka* (ВАН); Быстр. *suk*, G *súka*, Ins -ом; ЛП *suk*, G *súka*; ШЛ *suk*, G *súka*, Ins -ом; Вел. *suk*, G *súka*; Луг *suk*, G *súka* 'сучок (в древесине)'; Бринь *suk*, G *súka*; Тур. *suk*, G *súka*, Ins -ом, L *na súc'i*; Ясень *suk*, G *súka*; Неб. *suk*, G *súka*, Ins -ом, L *súc'i*; Печ. *suk*, G *súka*; Косм. *suk*, G *súka*, Ins -ом; Стопч. *suk*, G *súka*; Коб. *suk*, G *súku*, Ins -ом; Сем. *suk*, G *súka*; Ябл. *suk*, G *súku*; Луги *suk*, G *súka*; Красн. *suk*, G *súka*; Яв. *suk*, G *súka*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) 'сук': Дуд. *suk*, G *suká*; Гавр. *suk*, G *suká*; Кузн. *suk*, G *suká*; Зал. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Мал. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Заб. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Корп. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Леж. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Рем. *suk*, G *suká*, Ins -óт; Смехн. *suk*, G *suká* D *súku*; Сопки *suk*, G *suka*, Ins -óт; Овин. *suk*, G *suká*, Ins *súkьт*; Слёзы *suk*, G *suká*, Ins *súkьт*; Мыза *suk*, G *suká*, Ins *súkьт*; Кост. *suk*, G *suká*, Ins *sukóm*, *súkьт*; Рог. *suk*, G *suká*, Ins *súkьт*; Корш. *súk*, G *súka*, *suká*, Ins *sukóm*; Ручьи *suk*, G *сuká*, Ins *súkьт*; Феликс. *suk*, G *suká*, Ins *súkьт*.

*stānъ, gen. *stānu > *stanũ а. п. d: рефлексы неоакута в корне также в чеш. *stán* (наряду со *stan*); словинц. *stōn*, G *stōnu*; сев.-чак. Сали *stān*, A *nà stan*, G *stānà*; болг. *стан*, det. *стàнът*; в большинстве языков рефлекс а. п. с. Балто-слав. *stānu- < и.-е. *steh₂-nu- < *steh₂-нү-. Сходные образования в лит. *stónas* а. п. 1 (<*stānos < *steh₂-no-s без метатонии и с баритонизацией по закону Хирта–Иллич–Свитыча) и *stōnas* а. п. 2 (? < *stā-nu-s < *steh₂-nu-s < *steh₂-нү-s с метатонией). Судя по разветвленной семантике, их заимствование из сопредельных славянских говоров сомнительно: ‘visuomenės sluoksniš pagal kilme, profesija, užsiėmima, luomas; būklė šeimininės padėties atžvilgiu; būklė, stovis, padėtis; toks ilgio matas, stuomuo; liemuo, stotas; nugaros dalis per juosmenį; liemenėlė ar krūtinėlė, prisiuvama ar prisegama prie sijono ar kelnaičių, kad nesmuktų; ratelio krės-las’ [LKŽ]. Лит. *stónas* а. п. 1 = др.-инд. *sthāna-m* (Rig-Veda) ‘standing’, лит. *stōnas* а. п. 2 (вторичная о-основа?) сопоставимо со слав. *stānъ, gen. *stānu. И.-е. рецессивный корень *steh₂-: лтш. *stāt*, слав. *stojāti, *stōjō а. п. с, II (рецессивный) морфологический класс в древнеиндийском.

Карпатоукраинские говоры ‘стан, торс’:

Окситонеза: Черн. *stan*, G *stanú*; Гдеш. *stan*, G *staná*; Чапли *stan*, G *stanú*, L *stán’i*; Люта *stan*, G *staná*, *stánu*; Ярок *stan*, G *stanŭ*; Брод *stan*, G *staná*; Заг. *stan*, G *stanú*; Кер. *stan*, G *stanú*; НБ *stan*, G *stána*, Ins *stanóm* ‘стан, торс’; Син. *stan*, G *stanú*, L -óvi ‘торс, фигура; рубаха, свитер (к которым не пришиты / недовязаны рукава)’; Битля *stan*, G *stanú*; Тис. *stan*, G *stanú* (ЮА, ВАИ); ЛП *stan*, G *staná*; ШЛ *stan*, G *staná* ‘рубанок’; Печ. *stan*, G *staná*; Сем. *stan*, G *stánu*, *stanú*, Ins *stánom*; Луги *stan*, G *stánu*, *staná*; Красн. *stan*, G *staná*; Бан. *stan*, G *stánu*, Ins -om, L *stanĭe*, *stanú*.

Баритонеза: Миж. *stan*, G *stánŭ*; Мшан. *stan*, G *stánu*; Ставн. *stan*, G *stána*, Ins -om ‘фигура (человека)’; Нов. *stan*, G *stánu*; Бен. *stan*, G *stána*, Ins -om ‘торс, фигура’; Черн.Пот. *stan*, G *stánu*; Нерп. *stan*, G *stánu*, Ins -om; СинП *stan*, G *stánu*, Ins -om; Новос. *stan*, G *stánu*, Ins -om; Тор. *stan*, G *stánu* ‘стан, торс’; Скот. *stan*, G *stána*; Влс. *stan*, G *stánu*, Ins -om; Бруст. *stan*, G *stánu*; Быстр. *stan*, G *stánu*, Ins -om ‘фигура’; Вел. *stan*, G *stánu*; Луг *stan*, G *stána* ‘фигура (taille)’; станисл. *стан*, G *стána Нан. 330; Бринь *stan*, G *stánu* ‘лагерь; фигура’; Крыл. *stan*, G *stánu*; Неб. *stan*, G *stánu*, Ins -om, L *stán’i*; Пер. *stan*, G *stánu*, Ins -om, L *stán’i*; Косм. *stan*, G *stánu*, Ins -om; Стопч. *stan*, G *stánu*, Ins -om; Коб. *stan*, G *stánu*, Ins -om; Ябл. *stan*, G *stánu*; Яв. *stan*, G *stána* ‘фигура’; Тышк. *stan*, G *stánu*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза): Гавр. *stan*, G *stána* ‘ткацкий станок’; Кузн. *stan*, G *stána* id.; Смехн. *stan*, G *stána* ‘фигура’; Корп. *stan*, G

stána, Ins -ьт ‘ткацкий стан’; Рем. *stan*, G *stána*, Ins -ьт ‘фигура’; Феликс. *stan*, G *stánu*, Ins *stánьт* ‘фигура’.

*vâlь, G *vâlu > *valũ а. п. *d*: помимо карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, рефлексы окситонированной а. п. в сев.-смол. Ком. *val*, G *vъlá*, Ins *vátьт* ‘валок сена’ (но *vát*, G *vátu*, Ins -ьт ‘волна на озере’); сев.-витебск. *вал*, G *vála/валá*, D *валу́*, Ins *váльтм/валóм* [ГБРП: 168]; вост.-шток. Обади *vâl*, G **vâla*, **vála* 24; рефлекс неоакута в чеш. *vál* ‘скалка’ (наряду с *val* ‘течение’), моравск. Мистр. *vál*, G **vála* < балто-слав. **vâlu-*. Производное с балто-слав. удлинением и метатонией «акут ⇒ циркумфлекс» от и.-е. рецессивного корня **welH-*: лтш. *vel̃t* ‘катать, валять’, ср. слав. каузатив **valŭti*, **vâljq* а. п. *c*, лит. *volẽ* ‘*arvalus medinis kamštis alaus statinei užkimšti*’, а. п. 4 во всех диалектах.

Карпатоукраинские говоры ‘вал (сена)’:

Окситонеза: Черн. *val*, G *valá*; Гдеш. *val*, G *valá*; Чапли *val*, G *valá*, -ú; Мшан. *val*, G *valá*; В.Ст. *val*, G *valá*, Ins -óm; Ставн. *val*, G *valá*, Ins -óm; Люта *val*, G *valá*, Ins *váлом*, L -ов; Ярок *val*, G *valá*; Худл. *val*, G *valá*; Ирл. *val*, G *valá*, Ins -óm; Бен. *val*, G *valá*, Ins -óm; ТП *val*, G *valá*; Черн.Пот. *vaw*, G *valá*; Брод *val*, G *valá*; Заг. *val*, G *valá*; Кер. *val*, G *valú*; Довге *val*, G *valá*, *válu*; НБ *val*, G *valá*, Ins -óm; Негр. *val*, G *vála*, Ins *valóm* ‘валок (сена); вал (техн.)’; Син. *val*, G *valá*, L -óni id.; СинП *val*, G *valá*, Ins -óm; Новос. *val*, G *valú*, -á, Ins -óm, L *val’i*; Тор. *val*, G *valú*; Скот. *val*, G *valá*; Битля *vâw*, G *valú*; Тис. *vaw*, Ins *za valóm*, L *u val’i* (ЮА), *val*, G *valá* (ВАН); Быстр. *val*, G *valá*, Ins -óm; ЛП *val*, G *valá*; ШЛ *val*, G *vála*, *válu*, *valá*, Ins *váлом*, *valóm*; Бел. *val*, G *vála*, *valá*; Луг *val*, G *valá*; Рона *val*, G *vála*, L *u val’i*; Реп. *val*, G *valá*; Бринь *val*, G *válu*, *valá*, L *na val’i*; Крыл. *val*, G *valá*; Лукв. *val*, G *valú*; Ясень *val*, G *valá* ‘мельничный вал’; Неб. *val*, G *valá*, *vála*, Ins *valóm*; Печ. *val*, G *valú*; Стопч. *val*, G *valá*, Ins -óm; Коб. *val*, G *valá*, Ins -óm, L *val’i* ‘вал (сена); волна’; Сем. *val*, G *valá*, *vála*, Ins *valóm*, L *val’i*; Луги *val*, G *vála*, *valá* ‘вал (сена); вал в мельнице’; Красн. *val*, G *valá*; Яв. *val*, G *vála*, Ins *valóm*; Бан. *val*, G *valá*, Ins -óm ‘вал (сена); оглобля; мельничный вал’.

Баритонеза: Миж. *val*, G *vála*; Нов. *val*, G *válu*; Влс. *val*, G *válu*, Ins -om; станил. *вал*, G **válu* Нап. 329; Пер. *val*, G *válu*, Ins -om ‘мельничный вал’; Косм. *val*, G *vála*, Ins -om ‘вал (колодезный)’.

Псковско-полоцкие говоры ‘вал (сена)’:

Окситонеза: Гавр. *val*, G *valá*; Кузн. *val*, G *valá*; Корп. *val*, G *valá*, Ins *vátьт*; Леж. *val*, G *valá*, Ins -óm; Ручьы *val*, G *vъlá*, Ins *valóm*.

Баритонеза: Смехн. *val*, G *vála*; Зал. *val*, G *vála*, Ins -ьт; Сопки *val*, G *vála*, Ins -ьт; Заб. *val*, G *vála*, Ins *vátьт*; Овин. *val*, G *vála*, Ins *vátьт*; Слёзы *val*, G *válu*, Ins -ьт; Мыза *val*, G *vála*, -и, Ins -ьт; Рог. *val*, G *vála*, Ins -ьт; Корш. *val*, G *vála*, Ins -ьт; Рем. *val*, G *vála*, Ins -ьт; Фелликс. *val*, G *vála*, Ins *vátьт* ‘вал (деталь механизма)’; *val*, G *válu* ‘валок сена’.

*vĕkь, gen. *vĕka > *vĕkà а. п. d: помимо приводимого ниже материала, рефлексы окситонезы в вост.-шток. Рача G *véka* 2; болг. Кюст. *vek*, det. *véko*, det. *veko* 65; в большинстве языков рефлексы а. п. c < балтослав. *wōikos, лит. диал. *vīėkas* ‘век, возраст; сила’ а. п. 2 при более редкой а. п. 4 < и.-е. *wōyk-o-s (?). И.-е. доминантный корень, судя по морфологии лат. *vincō*, perf. *vīcī* (I класс определяется по корневому перфекту).

Карпатоукраинские говоры ‘срок жизни’:

Окситонеза: Черн. *vik*, G *vikú*; Миж. *vik*, G *vikú*; Гдеш. *vik*, G *vikú*; Чапли *vik*, G *do vikú*, *do vikú*, Ins *vikóm*; Мшан. *vik*, G *vikú*; Ставн. *v'ik*, G *v'iká*, Ins -óm ‘столетие; срок жизни’; Ярок *vik*, G *viká*; Худл. *vik*, G *vikú*; Бен. *v'ik*, G *v'ika*, Ins *v'ikóm*; Брод *vik*, G *viká*; Заг. *vik*, G *vikú*; Кер. *vik*, G *vikú*; Нерп. *vik*, G *viká* ‘срок жизни’; Син. *wik*, G *wiká*, *wiku*, Ins -óm, L *wic'í* id.; СинП *vik*, G *viká*, Ins -óm; Новос. *vik*, G *vikú*; Тор. *vik*, G *vikú*; Скот. *vik*, G *viká*; РМ *vik*, G *vikú*, Ins *vikóm*; Битля *wik*, G *wikú*; Тис. *wik*, G *wiká* (ЮА, ВАИ); Быстр. *wik*, G *wiku*, Ins *wikóm* ‘срок жизни’; ШЛ *wik*, G *wiká*; Вел. *wik*, G *wiká*; Луг *wik*, G *wiká*; станицл. *ѣѣк*, G *ѣѣкú*, *ѣѣку* Nap. 335; Бринь *wik*, G *wiká*, -ú; Крыл. *wik*, G *wikú*; Тур. *wik*, G *do wiku*, *do wíká*, Ins *z wíkóm*, *z wíkom*; Лукв. *v'ik*, G *v'ikú*; Ясень *wik*, G *wiká*; Неб. *wik*, G *wikú*, Ins -óm; Пер. *wik*, G *wikú*, Ins -óm; Печ. *wiek*, G *wikú*; Коб. *wik*, G *wikú*, Ins *wíkom*; Сем. *wik*, G *wiku*, -a, *wiká*, Ins *wíkom*, L *wic'í*; Луги *wik*, G *wiká*; Красн. *wik*, G *wikú*; Яв. *v'ik*, G *v'ikú*; Тышк. *w'ek*, G *wikú*.

Баритонеза: Люта *wik*, G *wika*; Нов. *wik*, G *wiku*; Ирл. *v'ik*, G *v'ika*, Ins -om; ТП *wik*, G *wiku*; Черн.Пот. *wik*, G *wiku*; Довге *wik*, G *wiku*; НБ *wik*, G *wika*; Влс. *wik*, G *wiku*, Ins -om; Бруст. *wik*, G *wika*; Косм. *wik*, G *wika*; Стопч. *wik*, G *wiku*, Ins -om; Ябл. *v'ik*, G *v'ikú*; Бан. *wiek*, G *wieku*, L *wieci*.

Псковско-полоцкие говоры ‘срок жизни’:

Окситонеза: Дуд. *v'iek*, G *v'akú*.

Баритонеза: Гавр. *v'ek*, G *v'éka*; Кузн. *v'ek*, G *v'éka*; Смехн. *v'ek*, G *v'éka*; Зал. *v'iek*, G *v'ieka*, Ins -ьт; Сопки *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Заб. *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Овин. *v'ek*, G *v'éka*; Корп. *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Леж. *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Слёзы *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Мыза *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Корш. *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Рем. *v'ek*, G *v'éka*, Ins -ьт; Ручьи *v'ek*, G *v'eku*, Ins -ьт.

***вѣгхъ**, gen. ***вѣгху** > ***вѣгхѹ** а. п. *d*: переход в а. п. *c* в словен. *vřh*, G *vřha*, *vřhā*; словц. *vřch*; словинц. *véřx*; болг. *врѣх*, det. *врѣхѣт*; рус. *верх*, *наверх*, G *вѣрха*, Pl *верхѹ*. Вариант ***вѣгхъ**, gen. ***вѣгху** > ***вѣгхѹ** а. п. *b*: моравск. Мистр. *vřch* словинц. *véřx*, G *véřx^u*; малопольск. *ýyrk*, G *ýyrxa* и т. д.; ср. также деноминативный глагол ***вѣгхѣти**, ***вѣгхѣ** а. п. *b*₂. Балтослав. *wīřsu-s и *wīřsu, лит. *vīřsus* а. п. 2 по диалектам и в памятниках, чаще а. п. 4 [LKŽ и ИАБС: 62, 145–146] < и.-е. **wīřsu-*.

Карпатоукраинские говоры 'верх; чердак':

Окситонеза: Миж. *verx*, G *vyrxú*; Чапли *ver'x*, G *vyr'xá*; Мшан. *verx*, G *vir'xá*; В.Ст. *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm* 'горка'; Ставн. *verx*, G *verxá*, Ins *vir'xóm*; Люта *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*, L *-óvi*; Нов. *ver'x*, G *ver'xá*; Ярок *ver'x*, G *ver'xá*, adv. *zvéř'xa*; Худл. *ver'x*, G *vir'xá*, Ins adv. *-óm*; Ирл. *ver'x*, G *do ver'xá*, Ins *-óm*, L *na verxóni*; Бен. *ver'x*, G *verxá*, Ins *-óm*; ТП *ver'x*, G *ver'xá*; Черн.Пот. *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm* 'верх; крыша'; Брод *ver'x*, G *ver'xá*; Заг. *vir'x*, G *vir'xá*; Кер. *ver'x*, G *ver'xá*; Довге *ver'x*, G *ver'xá*; НБ *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; Негр. *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm* 'верх; крыша'; Син. *ver'x*, G *ver'xá* 'верх; вершина'; СинП *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; Новос. *vir'x*, G *vir'xá*, Ins *-óm*; Тор. *ver'x*, G *ver'xá*; Скот. *ver'x*, G *vir'xá*; Влс. *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; РМ *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; Бруст. *ver'x*, G *ver'xá*; Битля *ver'x*, G *ver'xá*; Тис. *ver'x*, G *ver'xá* (ЮА), *vérx*, G *verxá* (ВАН); Быстр. *vær'x*, G *vyr'xá*, Ins *-óm*; ЛП *ver'x*, G *ver'xá*; ШЛ *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; Вел. *ver'x*, G *ver'xá*; Луг *ver'x*, G *ver'xá*; Рона *ver'x*, G *ver'xá*; Реп. *ver'x*, G *ver'xá*; станисл. *верх*, G *вѣрху, *верхá Nap. 335; Бринь *verx*, G *vérxa*, *vérxu*, *vyrxú*, Ins *z vyrxóm*; Крыл. *verx*, G *værxá*; Тур. *verx*, G *verxá*, Ins *-óm*, L *vær's'í*, *verxú* 'вершина горы'; Лукв. *verx*, G *verxá*, Ins *-óm*; Ясень *ver'x*, G *vær'xá*, Ins *-óm*; Неб. *ver'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*, L *ver's'í*; Пер. *verx*, G *verxú*, Ins *-óm*; Печ. *ver'x*, G *vær'xá*; Косм. *verx*, G *verxá*, Ins *-óm*; Стопч. *verx*, G *verxá*, Ins *-óm*; Коб. *vær'x*, G *vær'xá*, Ins *-óm*; Сем. *værx*, G *værxá*, L *na væřs'í*; Луги *verx*, G *verxá*; КП *vær'x*, G *ver'xá*, Ins *-óm*; Красн. *værx*, G *verxá*; Яв. *vær'x*, G *ver'xá*; Бан. *węřx*, G *węřxá*, Ins *-óm*; Тышк. *verx*, G *verxá*.

Баритонеза: Черн. *verx*, G *vęřxu*; Гдеш. *verx*, G *vęřxu*, L *na vęřs'í*.

Псковско-полоцкие говоры 'верх':

Окситонеза: Леж. *v'er'x*, G *v'ar'xá*, Ins *-óm*; Слѣзы *v'ar'óx*, G *v'arxá*, Ins *v'érxĕt*; Кузн. *v'erx*, G *v'érxa*, *v'erxá*; Зал. *v'ⁱerx*, G *v'ⁱérxa*, Ins *s v'arxó'm*; Мыза *v'ar'óx*, G *v'arxá*, Ins *v'érxĕt*; Феликс. *v'erx*, G *z v'érxu*, *z v'ърxá*, L *na v'ęrs'í*.

Баритонеза: Дуд. *v'ierx*, G *v'ierxu* 'верх'; Гавр. *v'erx*, G *v'érxa* 'верх'; Смехн. G *v'érxa*; Сопки *v'er'x*, G *v'ér'xa*, Ins *-ъм*; Заб. *v'er'x*, G *v'érxa*, Ins *-ъм*;

Овин. *v'ér'x*, G *v'ér'xa*, Ins -ьт; Слёзы *v'érx*, G *v'érxa*, Ins -ьт; Кост. *v'ér'óx*, *v'érx*, G adv. *sv'érxi*, Ins *v'érxьт*; Пор. *v'érx*, G *v'érxa*, Ins -ьт; Корш. *v'érx*, A adv *náv'irx*; Рем. *v'érx*, G *v'érxa*, Ins -ьт, L adv *něv'arxú*; Ручьи *v'érx*, G *v'érxa*, Ins -ьт.

*zǫbъ, gen. *zǫba > *zǫbà а. п. *d*: сев.-витебск. *зуп*, G *зубá/зуба*, Ins *зубóm/зубьм* [ГБРП: 172]; вост.-шток. Лев. *зуб*, G *зуба* 244; сев.-чак. Су-сак *зуп*, G *зубà* [ННГ: 106]; в других языках рефлексы а. п. *c*. Балто-слав. *žom̃bo-s, лит. *žam̃bas* 'край; угол; острый конец бревна' а. п. 2 в ряде жемайтских и центальноаукштайтских говоров при а. п. 4 в других говорах [LKŽ; ИАБС: 31, 114]. И.-е. *ǵhombh-ǵ-s ("*ǵhómbhos"), отсюда же др.-инд. *jámbha-s* (Rig-Veda) 'зуб', греч. ὀμφος 'bolt, dowel' (Ном.+).

Карпатоукраинские говоры 'зуб':

Окситонеза: Чапли *зуп*, G *зубá*, Ins -óт; В.Ст. *зуп*, G *зубá*, *зубá*, Ins *зубóт*; Довге *зуп*, G *зубá*, *зубá*, Ins *зубом*; Новос. *зуб*, G *зубá*, *зубá*, Ins *зубом*, *зубóт*, L *зубí*, -овí; станисл. *зуб*, G *зубá, *зуба Нап. 335; Бринь *зуп*, G *зубá*, *зубá*.

Баритонеза: Черн. *зуп*, G *зубá*; Миж. *зуп*, G *зубá*; Гдеш. *зуп*, G *зубá*, Ins -ит; Мшан. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Ставн. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Люта *зуп*, G *зубá*, Ins -ом, L -овí; Нов. *зуп*, G *зубá*; Ярок *зуб*, G *зубá*; Худл. *зуб*, G *зубá*; Ирл. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Бен. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; ТП *зуп*, G *зубá*; Черн.Пот. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Брод *зуп*, G *зубá*, L -í; Заг. *зуп*, G *зубá*; Кер. *зуп*, G *зубá*; НБ *зуб*, G *зубá*; Негр. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Син. *зуп*, G *зубá*, L -í; СинП *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; Тор. *зуб*, G *зубá*; Скот. *зуб*, G *зубá*; Влс. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; РМ *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Бруст. *зуп*, G *зубá*; Битля *зуп*, G *зубá*; Тис. *зуб*, G *bez зубá*, L *na зубí* (ЮА), *зуб*, G *зубá* (ВАН); Быстр. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; ЛП *зуп*, G *зубá*; ШЛ *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; Вел. *зуб*, G *зубá*; Луг *зуб*, G *зубá*; Рона *зуб*, G *зубá*; Реп. *зуб*, G *зубá*; Крыл. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; Тур. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Лукв. *зуб*, G *зубá*; Ясень *зуб*, G *зубá*, L -í; Неб. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Пер. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Печ. *зуп*, G *зубá*; Косм. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Стопч. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Коб. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Сем. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом; Луги *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Красн. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Яв. *зуп*, G *зубá*, Ins -ом; Бан. *зуб*, G *зубá*, Ins -ом, L -í; Тышк. *зуб*, G *зубá*, L -í.

Псковско-полоцкие говоры 'зуб':

Окситонеза: Кузн. *зуп*, G *зубá*; Сопки *зуп*, G *зубá*, Ins -óт; Ручьи *зуп*, G *зубá*, Ins *зубóт*; Заб. *зуп*, G *зубá*, Ins *зубьт*; Овин. *зуп*, G *зубá*, Ins *зубьт*; Леж. *зуп*, G *зубá* (! *зубá*), Ins *зубóт*; Слёзы *зуп*, G *зубá*, Ins *зубьт*; Мыза *зуп*,

G *zubá, zúba*, Ins *zubóm, zúbьm*; Рог. *zur*, G *zúba, zubá*, Ins *zúbьm*; Рем. *zur*, G *zubá, zúba*, Ins *zúbьm*.

Баритонеза: Дуд. *zur*, G *zúba*; Гавр. *zur*, G *zúba*; Смехн. *zur*, G *zúba*; Корш. *zur*, G *zúba*, Ins -ьm; Феликс. *zur*, G *zúba, bьz zúba*, Ins -ьm.

*žāgь, gen. *žāru > *žarũ а. п. *d*: рефлексы неоакута в чеш. *žár*; слвц. *žiar*; болг. *жар*, det. *жарьm*; в остальных языках, в том числе в псковско-полоцких говорах, рефлекс а. п. *c*. Балто-слав. *gēgu- с удлинением и вторичной доминантностью в результате метатонии «акут ⇒ циркумфлекс» от и.-е. корня *ǵh₂er-: греч. θερμός и т. д. Этот же алломорф корня в прилаг. *žāgьkь, *žāgьka, *žāgьko а. п. *b* [Дыбо 2000: 165], деноминативе *žariti, *žarjǫ а. п. *b*₂ (сев.-кашуб. *žōřq*, чеш. стар. и диал. *žíriti*, слвц. *žiarit'*, Новоград. *žerit'i, žejrit'i* при вост.-рус. *жарить, жарю, жарим*).

Карпатоукраинские говоры 'жар':

Окситонеза: Чапли *žar*, G *žarú, žáru*; Мшан. *žar*, G *žarú* 'жар, горение'; Брод *žar*, G *žará* 'жара'; Кер. *žar*, G *žarú*; Негр. *žar*, G *žáru*, L *žar'i* 'жар, высокая температура воздуха'; Син. *žar*, G *žarú*, L -óni, *žároni* 'жар, высокая температура (в печи)'; Новос. *žar*, G *žáru*, Ins -óm, L *žar'i*; Скот. *žar*, G *žarú* 'уголья'; Битля *žar*, G *žarú* 'жаркое, то, что жарится'; Тис. *ž'er*, G *ž'erú* (ЮА) (но *ž'er*, G *ž'erú* (ВАН)) 'высокая температура тела'; Лут *žar*, G *žarú*; Печ. *žar*, G *žarú*.

Баритонеза: Миж. *žar*, G *žáru*; Люта *žar*, G *žáru*; Довге *žar*, G *žáru* 'жар (в печи), жара'; СинП *žar*, G *žáru*, Ins -om 'горящий уголек'; Влс. *žar*, G *žáru*, Ins -om 'горячие угли'; ЛП *žar*, G *žáru* 'высокая температура тела'; ШЛ *žar*, G *žáru*, Ins -om; Вел. *žar*, G *žáru*; станицл. *жар*, G *жáру Нан. 329; Бринь *žar*, G *žáru*; Пер. *ž'ar*, G *ž'arú*, Ins *ž'arém*, L *ž'ar'i*; Косм. *ž'er*, G *ž'erú*, Ins -om; Сем. *žer*, G *ž'erú*; Красн. *žar*, G *žáru*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза): Дуд. *žar*, G *žára* 'тлеющие уголья'; Гавр. *žar*, G *žára* 'жара; высокая температура; уголья'; Кузн. *žar*, G *žára* 'уголья'; Смехн. *žar*, G *žára* 'тлеющие уголья'; Зал. *žar*, G *žára*, Ins -ьm 'тлеющие уголья'; Сопки *žar*, G *žára*, Ins -ьm 'тлеющие уголья; пожарище в лесу'; Заб. *žar*, G *žára*, Ins -ьm; Овин. *žar*, G *žára*, Ins -ьm; Леж. *žar*, G *žára*, Ins -ьm; Слёзы *žar*, G *žáru*, Ins -ьm 'раскаленные уголья'; Мыза *žar*, G *žára*, Ins -ьm 'раскаленные уголья'; Кост. *žar*, G *žára*, -и, Ins -ьm 'раскаленные уголья; жара'; Рог. *žar*, G *žára*, Ins -ьm id.; Корш. *žar*, G *žára*, Ins -ьm 'раскаленные уголья'; Рем. *žar*, G *žára*, Ins -ьm 'жара'; Ручьи *žar*, G *žáru*, Ins -ьm 'тлеющие уголья'; Феликс. *žar*, G *žáru* 'уголья'.

ОСНОВЫ С «ПОЛНОГЛАСИЕМ» И ДВУСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

*bêrgъ, gen. *bērga > *bergà а. п. *d*: вост.-шток. Трст. *brêg* 89, Ins *brêgēm* 87; Гружа *brêg* 539, G **brêga* 539; сев.-чак. Сусак *brîx/brîx*, G *brîyâ* [Shrager 2011: 215] (однако *brîx*, G *brîya*, D *-u*, Ins *-on*, Pl *brîyi* [ННГ: 104]); Сали *brîg*, A *pòd brig*, G *brîgà*, Pl *brîzi*. В остальных языках рефлексы а. п. *c*. В наших материалах по псковско-полоцким говорам представлены только баритонированные формы ед. ч., однако в совокупности с сев.-витебск. *b'êrix*, G *b'êp'ьga*, Ins *b'êp'ьгьм/б'ьp'агóm* [ГБРП: 167]; сев.-псковск. *бер'ók* [АРНГ Сев.-Зап., №1], на *бер'ók* [Колесов 1975: 56]; Челмужи Медвежьегорск. на *бер'эг* [КСРГК] они восходят к псковско-полоцкой парадигме **bérez*, G **beréga*. В остальных славянских языках рефлексы а. п. *c*. И.-е. **bh̥ergh-o-s* ("**bh̥érgho-s*"), реконструкция м. р. подтверждается герм. **berga-z* m. (наряду с **berga-n* п.) 'гора'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'невысокая гора': Черн. *bérix*, G *béreya*; Миж. *bérix*, G *béryya*; Гдеш. *bér'ix*, G *béryya*; Чапли *bérix*, G *béryya*; Мшан. *béryx*, G *béryya*; В.Ст. *bérex*, G *do béreha*, Ins *puđ bérehom*; Ставн. *bér'ix*, G *do béreha*, Ins *bérehom* 'небольшая гора'; Люта *bérex*, G *béreya*, Ins *-om*, L *bérez'i*; Нов. *bérex*, G *béreya*; Ярок *bérex*, G *béreya*, L *bérez'i* 'небольшая гора'; Худл. *bérey*, L *bériz'i* 'гора'; Ирл. *bérex*, G *béreha*, Ins *-om*; Бен. *bérex*, G *béreya*, Ins *-om*; ТП *bérex*, G *béreya*; Черн.Пот. *bérex*, G *béreya*, L *bérez'i* 'склон'; Брод *bérex*, G *béreya*, L *bérez'i*; Заг. *bérex*, G *béreya*; Дус. *bérex*, G *béreya*, Ins *-om*; Кер. *bérex*, G *béreya*; Довге *bérex*, G *béreya* 'берег; холм'; НБ *bérey*, G *-a* 'гора'; Негр. *bérex*, G *béreya*, Ins *-om*, L *bériz'i*; Син. *béreh*, G *béreya*, Ins *-om*, L *bériz'i* 'склон горы; гора со склоном к реке'; СинП *bérex*, G *béreya*, Ins *-om*; Новос. *bérey*, G *-a*, Ins *-om*; Тор. *bérey*, G *-a* 'берег реки, ручья; склон горы'; Влс. *bérey*, G *-a*, Ins *-om*; РМ *bérex*, G *béreya*, L *bérez'i*; Бруст. *bérex*, G *béreya*; Битля *bérex*, G *béreya*; Тис. *bér'iy*, Ins *béreyom*, L *bérez'i* (ЮА), *bérey*, G *-a* (ВАН); Быстр. *bárex*, G *báreya*, Ins *-om*; ЛП *bérex*, G *béreya*; ШЛ *bérey*, G *-a*; Угля *bérey*, G *-a*, Ins *-om*; Вел. *béreh*, G *béreya*; Луг *bérey*, G *-a*, Ins *-om*; Рона *bérey*, G *-a* 'гора'; Реп. *bérey*, G *-a*, Ins *-om*, L *bérez'i*; станицл. *bérez*, G **-a* Нан. 343; Бринь *bér'ix*, G *béryyu*, L *béryz'i*; Тур. *bér'ih*, G *béreha*, Ins *-om*, L *bérez'i*; Лукв. *bér'iy*, G *béreya*; Неб. *bér'iy*, G *béreya*, Ins *-om* 'гора; берег'; Пер. *bérey*, G *-a*, Ins *-om*, L *-z'i*; Печ. *bér'iy*, G *béraya*; Косм. *bér'iy*, G *béreya*, Ins *-om*, L *bérez'i*; Стопч. *bérêx*, G *bérêya*; Луги *bérex*, G *béreya*; Красн. *bárex*, G *báreya*; Яв. *bárex*, G *báreha*; Бан. *béryy*, G *béraya*, Ins *-om*; Тышк. *bér'ih*, G *bérêha*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) ‘берег’: Дуд. *b'ér'ix*, G *b'ér'iyá*; Гавр. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*; Кузн. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*; Смехн. *b'ér'ek*, A *ná b'ér'ik*, G *b'ér'iga*; Зал. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, D -u, Ins -ьт; Сопки *b'ér'ik*, G *bér'iga*, Ins -ьт; Мал. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Заб. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Овин. *b'ér'ek*, G *b'ér'ega*, Ins -ьт; Корп. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Леж. *b'ér'ek*, G *b'ér'ega*, Ins -ьт; Слёзы *b'ér'ik*, G *b'ér'iga* D -u, Ins -ьт; Мыза *b'ér'ik*, G *b'ér'iga* D -u, Ins -ьт; Кост. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, D -u, Ins -ьт; Рог. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Корш. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Рем. *b'ér'ik*, G *b'ér'iga*, Ins -ьт; Ручьи *b'ér'yx*, G *b'ér'ya*, Ins -ьт; Феликс. *bérex*, G *b'éreya*.

*bōrnъ, gen. *bōrnva > *borvā а. п. *d*: сев.-витебск. *бóръw*, G *бóръва* / *баръва́*, Ins *боръвъм* / *бъравóм* [ГБРП: 168]; в дополнение к приведенному ниже материалу, псковск. [ПОС] G Sg *баравá* Оп. [6: 42], Остр. [6: 49], *ад баравá* Оп. [4: 108], *бъраву́* Пушк. [5: 134], *бараву́* Пуст. [6: 152], сев.-пск. «окситонизация» ном. sg. *борóф* Палк. [6: 94]; сев.-чак. Сали *brāv*, G *brāvá*. В остальных языках рефлексы а. п. *c*, включая вост.-шток. Лев. *брáв*, G *брáва 239. И.-е. **bh[ǝ]rw-o-s*, «тематизация» *u*-основы **bh[ǝ]ru-*. С уменьшительным суффиксом герм. *baruga-z < **bh[ǝ]ru-ko-s* или **bh[ǝ]ru-kó-s*, ср. аналогичную пару др.-инд. *babhrú-s* и *bábhru-ka-s* ‘*Viverga ichneumon*’. Относительно «тематизации» *u*-основ ср. слав. *богъ < **bh[ǝ]rus* при герм. *barwa-z.

Псковско-полоцкие говоры ‘боров; горизонтальная часть дымохода’:

Контрастная парадигма: Дуд. *бѹóръw*, G *бъравá*, *бѹóръва* ‘боров; горизонтальная часть дымохода’¹⁰⁷.

Баритонеза: Гавр. *бóръw*, G *бóръва* id.; Кузн. *бóръw*, G *бóръва* id.; Смехн. *бóръw*, G *бóръва*; Зал. *бóръw*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Сопки *бóръv*, G -a, Ins -ьт id.; Мал. *бóръw*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Заб. *бóръf*, G *бóръва*, Ins -ьт; Овин. *бóръf*, G *бóръва*, Ins -ьт; Корп. *бóръf*, G *бóръва*, Ins -ьт; Леж. *бóръw*, G *бóръва*, Ins -ьт; Слёзы *бóръw*, G *бóръва*, Ins -ьт; Мыза *бóръw*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Рог. *бóръy*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Корш. *бóръv*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Рем. *бóръf*, G *бóръва*, Ins -ьт id.; Ручьи *бóръw*, G *бóръва* ‘боров (свинья)’.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

¹⁰⁷ Ударение *борová*, приведенное в настоящей статье как рефлекс окситонированной формы а. п. *d*, не может объясняться «окситонезой названий животных», так как употребляется в том числе и в псковских говорах, далеких от смоленско-полоцкого ареала (см. комментарий к *вълкъ).

*čęrpъ, gen. *čęrpa > *čęrpa а. п. d: рефлексы этой а. п., кроме псковско-полоцких говоров, в сев.-смол. Ком. *čęr'ęp*, G *čęr'įpá*, Ins *čęr'aróm*; сев.-витебск. *čęr'ın*, G *čęr'ına*, Ins *čęr'ınъм/чєr'aróm* [ГБРП: 179]; вост.-штук. Рача *чрѣп*, G *чрѣпа*; Обади *чрѣп* 24, G *чрѣпа* 89. И.-е. *k̑erpos ("*k̑erpos"), ср. герм. *xwérfa-z > др.-в.-нем. *wērēf* 'кубок' (с другим значением в [ИАБС: 115]).

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'череп; черепица': Черн. *čárар*, G -и 'череп'; Миж. *čęrup*, G -а 'осколок керамики'; Гдеш. *čęrup*, G -а; Чапли *čęrup*, G -а 'черепок'; Мшан. *čęrар*, G -а; В.Ст. *č'ęrep*, G -и, Ins -ом 'черепица; череп'; Ставн. *č'ęrep*, G -а, Ins -ом 'черепица'; Люга *š'ęrep*, G *š'ęre-ri*, -а, Ins -ом; Нов. *č'ęrep*, G -а 'черепичина'; Ярок *č'ęrep*, G -а, Ins -ом; Худл. *č'ęrep*, G -а; Ирл. *č'ęrep*, G -а, Ins -ом 'черепица; череп'; Бен. *č'ęrep*, G -а, Ins -ом, L и *č'ęrep'i* 'черепица; верхняя передняя часть головы'; ПП *čęrep*, G -а; Черн.Пог. *čęrep*, G -и, -а, Ins -ом; Брод *čęrep*, G -а, L *čęrepі*; Заг. *č'ęrep*, Ins -ом; Клим. *č'ęrep*, Ins -ом; Дус. *č'ęrep*, G -а, Ins -ом; Кер. *čęrep*, G -а; Довге *čęrep*, G -а; НБ *čęrep*, G -а 'посуда; черепица'; Негр. *čęrep*, G -а, L -ові 'череп'; Син. *čęrep*, G -а, L *čęrepі* 'череп'; СинП *čęrep*, G -а, Ins -ом 'череп'; Новос. *čęrep*, G -и 'череп; черепица'; Тор. *čęrep*, G -а 'череп'; *čęrep*, G -и 'черепица'; Влс. *čęrep*, G -а, -и, Ins -ом 'череп'; Бруст. *čęrep*, G -а 'череп; посуда; черепица'; Битля *čęrp*, G -а 'череп; черепок; черепичина'; Тис. *čęrep*, Ins *pid čęrepom* (ЮА), *čęrep*, -а 'череп' (ВАН); Быстр. *čęrep*, G -а, Ins -ом 'черепичина'; ЛП *čęrep*, G -а 'череп; посудина'; ШЛ *čęrep*, -а 'черепица; череп'; Вел. *čęrep*, G -а; Луг *čęrep*, G -и; Рона *čęrep*, G -а; Реп. *čęrep*, G -а; станисл. *čęrep*, G *čęrepa Нап. 343; Бринь *čęrup*, G -а, -и; Тур. *čęrep*, G -и, -а, Ins -ом, L -і 'череп; черепица'; Пер. *čęrep*, G -и, Ins -ом, L -і; Печ. *čęrар*, G -и 'черепица; череп'; Косм. *čęrep*, G -и, Ins -ом; Стопч. *čęrep*, G -и 'череп; черепица'; Коб. *čęrар*, L -і; Сем. *čęrар*, G -а, -и, L -і; Ябл. *čęrep*, G *čęrepi*; Луги *č'ęrep*, G -и, -а, Ins -ом, L -і; Красн. *č'ęrep*, G -и; Бан. *č'ęrар*, G -и, Ins -ом, L -і; Тышк. *čęrар*, G -и.

Псковско-полоцкие говоры 'череп':

Контрастная парадигма: Мал. *čęr'įp*, G -а, Ins *čır'aróm*, *čęr'įrъm* 'череп'; *čır'ará vyb'arác* 'делать в срубе выемки для балок'; Корп. *čęr'įp*, G *čęr'įpa*, *čır'ęrá*, Ins *čęr'įrъm*; Слѣзы *čęr'įp*, G *čarpá*, *čęr'įpa*, Ins *čęr'įrъm*.

Баритонеза: Гавр. *čęr'ęp*, G -а; Кузн. *čęr'įp*, G -а; Смехн. *č'ęr'įp*, G *č'ęr'įpa*; Зал. *č'ęr'įp*, G -а, Ins -ъm; Сопки *č'ęr'ęp*, G *č'ęr'įpa*, Ins -ъm; Заб. *čęr'ęp*, G -а, Ins *čęr'įrъm*; Овин. *čęr'ęp*, G -а, Ins *čęr'įrъm*; Леж. *čęr'ęp*, G -а, Ins -ъm; Мыза *čęr'įp*, G -а, Ins -ъm; Кост. *čęr'įp*, G -а, Ins -ъm; Пог. *čęr'įp*, G

-а, Ins -ът; Рем. *č'ér'er*, G -а, Ins -ът; Ручьи *čérъp*, G -а, Ins -ът; Феликс. *čérep*, G -а.

*kôlsъ, gen. *kôlsa > *kolsà а. п. *d*: кроме псковско-полоцких говоров, контрастная парадигма в сев.-смол. Ком. *kólys*, G *kъlysá*, Ins *kъlasóm*; Ших. *kólas*, G *kaъsá*, Ins *kólasът*; сев.-витебск. *kólys*, G *kъласá*, Ins *kъласóm* [ГБРП: 172]; рефлексы окситонезы в вост.-шток. Трст. *klâc*, G *klâca*, Ins *klâcêm*, *klâcem* 88; Лев. *klâc 241, G *klâca* 163; в остальных языках рефлексы а. п. *c*. И.-е. **ko̥lso-s* ("*kólsos"). Славянская основа сравнивается с алб. *kall* 'колос'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'колос': Черн. *kólos*, G -а; Миж. *kólus*, G -а; Гдеш. *kólus*, G -а; Чапли *kólos*, G -а; Мшан. *kólos*, G -а; В.Ст. *kólos*, G -а, Ins -ом; Ставн. *kólos*, G -а, Ins -ом; Люта *kólos*, G -а, Ins -ом, L -онг; Нов. *kólos*, G -а; Ярск *kólos*, G -а; Ирл. *kólos*, G -а, Ins -ом; Бен. *kólos*, G -а, Ins -ом; ТП *kólos*, G -а; Черн.Пог. *kólos*, G -а; Брод *kólos*, G -а, L *kólos'i*; Заг. *kólos*, G -а; Клим. G *kólosa*; Дус. *kólos*, G -а, Ins -ом; Кер. *kólos*, G -а; Довге *kólos*, G -а; НБ *kólos*, G -а; Негр. *kólos*, G -а; Син. *kólos*, G -а, L *kólos'i*; Новос. *kólos*, G -а; Тор. *kólos*, G -а, D -онг, Ins -ом, L *kólos'i*; Скот. *kólos*, G -а; Влс. *kólos*, G -у, Ins -ом; РМ *kólos*, G -а, Ins -ом; Бруст. *kólos*, G -а; Битля *kólos*, G -а; Тис. *kólos*, G -а (ЮА); *kólos*, G -у (ВАН); Быстр. *kólos*, G -а, Ins -ом; ЛП *kólos*, G -а; ШЛ *kólos*, G -а; Угля *kólos*, G -а, Ins -ом; Вел. *kólos*, G -а; Луг *kólos*, G -а; Рона *kólos*, G -а; станисл. *кóлос*, G *кóлоса Нап. 343; Бринь *kólos*, G -а, Ins -ом; Тур. *kólos*, G -а, Ins -ом, L -s'i; Ясень *кólos*, G -а; Неб. *kólos*, G -а, Ins -ом, L *kólos'i*; Пер. *kólos*, G -а, Ins -ом, L *кólos'i*; Печ. *кólos*, G -а; Косм. *кólos*, G -а, Ins -ом; Стопч. *кólos*, G -а; Коб. *кólos*, G -а, Ins -ом, L *кólos'i*; Сем. *kólos*, G -а, Ins -ом; Луги *кólos*, G -а; Красн. *кólos*, G -а; Яв. *kólos*, G -а; Бан. *кólos*, G -а, Ins -ом, L *кólos'i*; Тышк. *кólos*, G -а.

Псковско-полоцкие говоры 'колос':

Контрастная парадигма: Феликс. *kólys*, G *kъlysá*.

Баритонеза: Дуд. *kuólys*, G -а; Гавр. *kólys*, G -а; Кузн. *kólys*, G -а; Смехн. *kólys*, G -а; Зал. *kólys*, G -а, Ins -ът; Сопки *kólys*, G -а, Ins -ът; Мал. *kólys*, G -а, Ins -ът; Заб. *kólys*, G -а, Ins -ът; Овин. *kólys*, G -а, Ins -ът; Корп. *kólys*, G -а, Ins -ът; Леж. *kólys*, G -а, Ins -ът; Слёзы *kólys*, G -а, Ins -ът; Мыза *kólys*, G -а, Ins -ът; Кост. *kólys*, G -а, Ins -ът; Рог. *kólys*, G -а, Ins -ът; Корш. *kólys*, G -а, Ins -ът; Рем. *kólys*, G -а, Ins -ът; Ручьи *kólys*, G -а, Ins -ът.

*kôrbъ, gen. *kôrba > *korbà а. п. *d*: прямые рефлексы в контрастной парадигме псковско-полоцких и северносмоленских говоров (Ком. *kórap*,

G *kъrbá*, Ins *kъrabóm* ‘борт лодки’), в остальных языках рефлексy а. п. с: рус. *кóроб*, G *кóроба*, Pl *кóробá*; чеш. диал. *krab* ‘полость; неровность’ [Kott]; моравск. *krab* ‘морщина’ [Malina: 47; Gregor: 81]. В литовских диалектах у *kā̃bas* ‘*kręþys, pintinė, rėtelis; didelė pintinė pašarui nešioti, doklas*’ известна только 4-я а. п.; рефлекс циркумфлекса в лтш. *kārba* ‘туесок; складка’. И.-е. *k₁rbh-o-s (“*k₁orbhos”) (?). Другая основа в лат. *corbis*, -is f., m. ‘Корб’.

Псковско-полоцкие говоры:

Контрастная парадигма: Дуд. *кѳóрър*, G *къrabá* ‘тележный «короб»’; Кузн. *кóрър*, G *кыrabá*; Рем. *кóрър*, G *karbá*, Ins *karbóm* ‘ларь для зерна’.

Баритонеза: Смехн. *кóръб*, G *кóръба* ‘санный «короб»’; Сопки *кóрър*, G *кóръба*, Ins -ьт; Мал. *кóрър*, G *кóръба*, Ins -ьт; Зал. *кóрър*, G *кóръба*, Ins -ьт; Корп. *кóрър*, G *кóръба*, Ins -ьт.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

*nōr̥stь, gen. *nōr̥sta > *nor̥stà и *nēr̥stь, gen. *nēr̥sta > *ner̥stà а. п. d: помимо приводимых ниже псковско-полоцких форм, еще сев.-витебск. *нóръст*, G *нóръста/нар̥стá*, Ins *нóръстьм/нърастóm* [ГБРП: 174]; сев.-псков. *нарóст* Печ. [ПЮС 4: 71], *посли нарóсту* Сер. [ПЮС 1: 97], с другой огласовкой заонеж. G *нер̥ста* В. Губа Медв. [КСРГК]; формы остальных слав. языков восходят к а. п. с. Балто-слав. *nõr̥sto-s, *nẽr̥sto-s, лит. (станд. и диал.) *nė̃štas* и *nãštas* а. п. 2. Образование от корня *ner̥k- неизвестной валентности с помощью доминантного суффикса -tq-, ср. лит. диал. (Приекуле Клайпедского р-на) *nãšas* ‘икра’ а. п. 4 от лит. *nė̃šti, nė̃šia* ‘метать икру’.

Псковско-полоцкие говоры (контрастная парадигма) ‘нерест’: Ручьи *нóръст*, G *нъръстá*, Ins *narastóm*; Феликс. *нóръст*, G *нóръсть, нъръстá* ‘нерест’. С вторичной оттяжкой ударения на -а- 1-го слога: *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Овин. *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Корп. *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Леж. *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Слѣзы *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Мыза *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Кост. *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт; Корш. *нар̥ст*, G -а, Ins -ьт.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

*pólzь, gen. *pólza > *polzà а. п. d. Помимо псковско-полоцких говоров, контрастная а. п. также в сев.-витебск. Ем. *рóлъс*, G *рълъzá, рóлъза*, Ins *рóлъзьт* ‘санный полоз’; Луч. *рóлъс*, G *рóлъза*, In *рóлъзьт, рълazóm* id., ср. также заимствование из русского диалекта псковско-новгородского происхождения в коми диал. *полоз* < *нол̥оз (*н̥лоз отразился бы в виде

*nōlōz) [Лыткин 1949: 191]. В других языках рефлексы а.п. с. Балто-слав. *rōlžos < и.-е. *rōlHǵh-o-s < *rōlHǵh-ǵ-s ("*rōlHǵhos"), с метатонией «акут ⇒ циркумфлекс» перед «активным» тематическим гласным. Образование от рецессивного корня *relHǵ-: слав. *rélzti, *rǐlzq а.п. с.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза): Луг *róloz*, G -a 'змея'; станисл. *póloz*, G *nóloza Нап. 343 [значение?]; Тур. *póloz*, G -a, L *róloz*'i 'вид змеи (уж?)'; Неб. *pólos*, G *póloza*, Ins -om 'откормленный кот, поросенок'; Луги *pólos*, G *póloza* 'змея (мифол. – сосущая молоко у коров)'; КП *róloz*, G -a 'лага моста'.

Псковско-полоцкие говоры 'санный полоз':

Смешанная парадигма: Гавр. *rótyś*, G *rytazá*; Слёзы *rótyś*, G *rótyza*, Ins *rótyzъt*, *rylazóm*; Пор. *rótyś*, G *rótyza*, Ins *rótyzъt*, *ryt rylazóm*; Ручьи *rótyś*, G *rytyzá*, Ins *rylazóm* 'санный полоз'.

Баритонеза: Дуд. *ryótyś*, G *ryótyza*; Кузн. *rótyś*, G *rótyza*; Смехн. *rótyś*, G *rótyza*; Зал. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Сопки *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Мал. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Заб. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Овин. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Корп. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Леж. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Мыза *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Корш. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът; Рем. *rótyś*, G *rótyza*, Ins -ът.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

*svĕkrъ, gen. *svĕkra > *svekrâ а.п. d: кроме приводимого ниже материала, рефлексы окситонированной а.п. в словен. *svĕkar*, G *svĕkra* («баритонизация», вместо *svĕkra); болг. *svĕkъp*, det. *svĕkъpъt*; серб. *svĕkar*, G *svĕkra* и *svĕkra*; обобщение окситонезы в хорв. *svĕkar*, G *svĕkra* < и.-е. *swĕkw̥r-o-s ("*swĕkw̥ros"). Отсюда же герм. *swĕxura-z > др.-англ. *swĕor* (*swehor*), -es m. 'father-in-law; consobrinus, cousin', др.-в.-нем. *swehur* m. (с IX в.) 'Schwiegervater' и т. д.; др.-инд. *śvásura-s*. Вторичная окситонеза в греч. ἑκυρός 'father-in-law' (Ном.+).

Карпатоукраинские говоры 'свекор':

Контрастная парадигма: Ставн. *svĕkor*, G -a, Ins *svĕkróm*; Люта *svĕkor*, G *svĕkrá*.

Баритонеза: Черн. *svĕkor*, G *svĕkra*; Нов. *svĕkor*, G *svĕkra*; Бен. *svĕkor*, G *svĕkra*, Ins *svĕxrom*; Кер. *svĕkor*, G -a; Негр. *svĕkor*, G -a, Ins -om; Син. *svĕkor*, G *svĕkra*, L -ovr; СинII *svĕkor*, G -a, Ins -om; Тор. *svĕkor*, G -a; Скот. *svĕkor*, G -a; Влс. *svĕkor*, G *svĕkra*, Ins -om; РМ *svĕkor*, G *svĕkra*, Ins -om; Бруст. *svĕkor*, G *svĕkra*; Битля *svĕkor*, G *svĕkra*; Тис. *swĕkor*, G *swĕkra* (ВАН); Быстр. *svĕkor*,

G *svækra*, Ins *-om*; Луг *svékor*, G *svékra*; Печ. *svékor*, G *svékra*; Стопч. *svékor*, G *svékra*, Ins *-om*; Ябл. *svækor*, G *svækra*; Луги *svékor*, G *-a*; Бан. *svékqor*, G *svékra*; Тышк. *svékor*, G *svékra*.

Псковско-полоцкие говоры 'свекор':

Контрастная парадигма: Кост. *s'v'ókъr*, G *s'v'ékra*, *s'v'akrá*, D *s'v'ekrú*, Ins *s'v'akrótm*, *s'v'ókъrmt*; Корш. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, *s'v'ókъra*, Ins *s'v'akrótm*, *s'v'ókъrmt*.

Баритонеза: Дуд. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*; Гавр. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*; Кузн. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*; Смехн. *s'v'ókъr*, G *s'v'ók(ъ)ra*; Зап. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*; Заб. *sv'ókъr*, G *'v'ók(ъ)ra*, Ins *-ъm*; Овин. *sv'ókъr*, G *s'v'ókъra*, Ins *-ъm*; Корп. *sv'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*; Леж. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*; Слезы *s'v'ókъr*, G *-a*, Ins *-ъm*; Мыза *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*; Рог. *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*; Рем. *s'v'ókъr*, G *-a*, Ins *-ъm*; Ручьи *s'v'ókъr*, G *s'v'ókra*, Ins *-ъm*.

*věčerъ, *věčera > *večera а. п. *d*: во всех слав. языках, кроме карпатоукраинских и псковско-полоцких говоров, рефлекс вторичной а. п. *c*. Балто-слав. *wēkego-s, лит. *vākaras* а. п. I у Даукши, в памятниках Прусской Литвы, в части жемайтских говоров; вторичная а. п. 3b (аналог а. п. 4 в трехсложных основах) в большинстве говоров и в литературном языке [LKŽ и ИАБС: 36, 114] < и.-е. *we(s)k^wer-o-s ("*wé(s)k^weros"), отсюда и греч. ἑσπερος 'вечерний; вечер' (Ном.).

Карпатоукраинские говоры 'вечер':

Во всех говорах G Sg *večera/večora*. Для определения первоначальной акцентной кривой релевантно ударение адвербиальных форм, instr. sg. *večeróm* (вместо *večeróm, нафлекссионное ударение по аналогии с instr. sg. и-основ а. п. *c* типа *voroxóm*) и loc. sg. *u večér'i* < *въ *večerě* < *въ *věčerě* / (вторичное) *večer'i*. Ниже приводятся формы говоров, в которых записаны формы instr. и/или loc. sg.

Контрастная парадигма: Гдеш. *večir*, G *večura*, Ins *večyróm*; Чапли *večur*, G *večora*, Ins *večyróm*; Нов. *več'ur*, G *več'era*, Ins *več'erom*, *več'eróm*; Ярок *več'ur*, G *več'ora*, Ins *večeróm*; Черн.Пот. *večür*, G *večera*, Ins *večeróm*; Брод *v'ěč'ür*, G *večera*, Ins *večeróm*, L *u več'ér'i*; Син. *večür*, G *večera*, L adv. *u več'ér'i*, *večor'i*; Заг. *več'ür*, G *več'era*, L *u več'ér'i*; Непр. *večür*, G *večora*, Ins *-om*, L adv. *u več'ér'i*; СинП *več'ir*, *večer* (?), G *večera*, Ins *-om*, L *u več'ér'i*; Новос. *več'ir*, G *večera*, Ins *večerom*, *večeróm*; Тор. *večür*, G *večera*, L *u več'ér'i*; ШЛ *večur*, G *večera*, *večora*, Ins *večeróm*, *večorom*; Пер. *več'ir*, G *večera*, Ins *večeróm*, L *večor'i*; Печ. *več'ir*, G *večora*, Ins adv. *večoróm*.

Баритонеза: Миж. *věc'ir*, G *věcyra*, Ins -*um*; В.Ст. *věč'ir*, G *věč'era*, Ins -*om*; Ставн. *věč'ur*, G *věč'ora*, Ins *věč'erom*; Люта *věš'ir*, G *věš'era*, Ins -*om*, L *věš'er'i*; Худл. *věč'ur*, Ins adv. *věčorom*; Ирл. *věč'ir*, *věč'ur*, G *věč'ora*, *věč'era*, Ins *věč'erom*; Бен. *věč'ur*, G *věč'ora*, Ins -*om*; Влс. *věč'ir*, G *věč'ora*, Ins -*om*; РМ *věč'ur*, G *věč'era*, Ins -*om*; Бруст. *věč'ur*, G *věč'ora*, Ins adv. *věč'erom*; Тис. *věč'ir*, G *věč'eru*, Ins *věč'erom*, L *u věč'er'i*; Быстр. *věč'ir*, G *věč'era*, Ins -*om*; Бринь *věč'ir*, G *věč'ora*, Ins -*om*; Крыл. *věč'ir*, Ins *věčorom*; Неб. *věč'er*, G -*a*, Ins -*om*; Стопч. *věč'ir*, G *věč'ora*, Ins -*om*; Коб. *věč'ir*, G *věč'era*, Ins -*om*, L *u věč'or'i*; Бан. *věč'ir*, G *věč'ira*, Ins -*om*, L *věč'iri*; Тышк. *věč'ir*, G *věč'ora*, Ins *věč'orom*.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза) 'вечер': Дуд. *v'ěč'ьr*, G -*a*; Гавр. *v'ěč'ьr*, G -*a*; Кузн. *v'ěč'ьr*, G -*a*; Смехн. *v'ěč'ir*, G -*a* D -*u*; Зап. *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Сопки *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Заб. *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Овин. *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Корп. *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Леж. *v'ěč'er*, G -*a*, Ins -*ьт*; Слёзы *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*; Мыза *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*; Кост. *v'ěč'er*, G -*a*, Ins -*ьт*; Рог. *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*; Корш. *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*; Рем. *v'ěč'ir*, G -*a*, Ins -*ьт*; Ручьи *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*; Феликс. *v'ěč'ьr*, G -*a*, Ins -*ьт*.

*(s)těrmь, gen. *(s)těрма > *(s)termà а. п. **b:** словц. *triem*; хорв. *trijem*, G *trijeta* [HSF]; рус. диал. *терём*; зап.-укр. *терём* 'grosses, schönes Gemacht' [Желеховский] и ***(s)těrmь, gen. *(s)těрма > *(s)termà** а. п. **d:** сев.-витебск. *ч'ёр'ьм*, G *ч'ёр'ьма*, Ins *ч'ёр'амом* [ГБРИ: 178]; переход в а. п. **c:** словен. *trēm*, *strēm* 'Vordach'; хорв. *trijem*, G **trijeta* [HJP]; кайк. Дельн. *strēm*, G **strēma* 'tugurium, casa repentia, receptaculum' 144; рус. *тёрем*, G *тёрема* < и.-е. **(s)terHm(n)om* ("*(s)térHm(n)om"), греч. pl. t. *τέραμνα* и *тёрεμνα* (h. l.) Eur. 'chamber, house'.

Псковско-полоцкие говоры 'большой, хороший дом':

Контрастная парадигма: Слёзы *c'ar'óm*, G *c'ar'má*, Ins *c'ér'mьт*; Кост. *c'ér'ím*, G *c'ér'ima*, *c'ir'atá*, Ins *c'ir'amóm*, *c'ér'ímьт* 'хоромы'; Корш. *c'ér'ím*, G *c'ér'ma*, *c'ar'má*, Ins *c'ar'móm*¹⁰⁸.

Баритонеза: Гавр. *c'ér'em*, G *c'ér'ima* 'хороший дом'; Кузн. *c'ér'ím*, G *c'ér'ma* id.; Смехн. *t'ér'ëm*, G -*a* 'птичьё дуло; хорошенький домик'; Заб. *t'ér'ëm*, G *t'ér'ma*, Ins -*ьт*; Корп. *t'ér'ëm*, G -*a*, Ins -*ьт*; Леж. *t'ér'ëm*, G -*a*, Ins -*ьт* 'большой роскошный дом'; Мыза *c'ér'ím*, G *c'ér'ima*, Ins -*ьт*; Рем. *c'ér'ím*, G *c'ér'ima*, Ins -*ьт*; Ручьи *c'ér'ьт*, G -*a*, Ins -*ьт*.

В записанных нами карпатоукраинских говорах основа не представлена.

¹⁰⁸ Контрастная а. п. также в сев.-смоленск. Ших. *t'ér'ím*, G *t'er'imá*, Ins -*óm*.

*vêrsь, gen. *vêrsa > *versà а. п. *d*: в наших псковско-полоцких материалах нет акцентированных форм, однако они известны из сев.-псковских и новгородских говоров: G *verécy* [ПОС 3: 63] (без указания места); сев.-пск. Ins *veréсам* Гд. [ПОС 3: 63]; новг. *вер'ос* Муратово Чудск. [КСРГК]. В остальных слав. языках рефлексы а. п. *c*: словен. *vřēs*; хорв. *vrijēs*, G *vrijêsa*; чеш. *vřes*; словц. *vres*, словинц. *vřos*; рус. *véреск*, G *véреска* = и.-е. *wērċ-o-s ("*wérċos"). И.-е. *wřġ-g-iyo-s¹⁰⁹ > лит. *viržiai* а. п. 1, Pl *viržiai* (акут в результате удлинения по закону Винтера) и с метатонией «акут ⇒ циркумфлекс» *vīržis* 2, *viržys* 4, *viržiai* 4 'Calluna sp.'. Баритонеза также в греч. ἑρείκη 'heath, Erica arborea' (Aesch.+) < *wéreyk-eh₂, ср. рефлекс дифтонга в ирл. *froech*.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'вереск': Мшан. *vérys*, G *vérys-ta*; Влс. *véres*, G -и, Ins -ом; Бринь *véryst*, G -и; Стопч. *véres*, G -и, Ins -ом.

Псковско-полоцкие говоры (баритонеза): Дуд. *v'ér'is*, G -а 'можжевеличник'; Гавр. *v'ér'is*, G -а 'вереск?'; Кузн. *v'ér'is*, G -а; Смехн. *v'ér'is*, G -а, Ins -ьт; Сопки *v'ér'is*, G -а, Ins -ьт; Заб. *v'ér'is*, G *v'ér'isa*, Ins -ьт; Овин. *v'ér'ēs*, G *v'ér'isa*, Ins -ьт; Корп. *v'ér'is*, G *v'ér'isa*, Ins -ьт 'можжевеличник'; Леж. *v'ér'ēs*, G -а, Ins -ьт 'можжевеличник'; Слёзы *v'ér'is*, G -а, Ins -ьт; Кост. *v'ér'is*, G -а, Ins -ьт; Корш. *v'ér'is*, G -а, Ins -ьт; Рем. *v'ér'ist*, G -а, Ins -ьт; Ручьи *v'ér'ьs*, G -и, Ins -ьт 'ядовитое для коров болотное растение'.

*vôlsь, gen. *vôlsa > *volsà а. п. *d*: кроме псковско-полоцких говоров, контрастная а. п. еще в сев.-смол. Ком. *vôl'ьs*, G *vъl'ьsá*, Ins *vъlasóm*; сев.-витебск. *вôльс*, G *въльсá*, Ins *вôльсѣм/въласѣм* [ГБРП: 169]; сев.-пск. *валѣс* Куккин Берег Слан. [ПОС 4: 120]. В прочих языках рефлексы а. п. *c*: словен. *lâs*, *vlâs*, G *lâsa*, *lasû*; хорв. *vlâs*, G *vlâsa; чеш., словц. *vlas*; словинц. *vlós*, G *vlósá* и т. д. И.-е. *w[ǝ]lċ-o-s ("*w[ǝ]lċos"), отсюда же др.-инд. поздн. (Tāittīrġya-Samhita) *vâlśa-s* 'побег, ветка'.

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'волос': Черн. *vólos*, G -а; Ниж. *vólus*, G -а; Гдеш. *vólus*, G -а; Чапли *vólos*, G -а; Мшан. *vólos*, G -а; Ставн. *vólos*, G -а, Ins -ом; Люта *vólos*, G -а; Нов. *vólos*, G -а; Ярок *vólos*, G -а; Ирл. *vólos*, G *vólósa*, Ins -ом; Бен. *vólos*, G -а, Ins -ом; ТП *vólos*, G -а; Черн.Пот. *vólos*, G -а; Брод *vólos*, G -а; Дус. *vólos*, G -а, Ins -ом; Кер. *vólos*, G -а; Довге *vólos*, G -а; НБ *vólos*, G -а; Непр. *vólos*, G -а, Ins -ом; Син. *vólos*, G -а, L

¹⁰⁹ *wēřġ- – и.-е. алломорф корня *wēřċ- в слабой морфонологической позиции, в которой глухие и звонкие смычные нейтрализуются в звонком смычном.

vólos 'i 'волос; леска'; СинП *vólos*, G *vólosu*, Ins *vólosom*; Новос. *vólos*, G -a, Ins -om; Тор. *vólos*, G -a, D *vólosu*, Ins *vólosom*, L *vólos* 'i 'волос'; Скот. *vólos*, G -a; Влс. *vólos*, G -u, Ins -om; РМ *vólos*, G -a, Ins -om; Бруст. *vólos*, G -a; Битля *vólos*, G -a; Тис. *vólos*, G -u (ЮА); Быстр. *vólos*, G -a, Ins -om; ЛП *vólos*, G -a; ШЛ *vólos*, G -a, Ins -om; Угля *vólos*, G -a, Ins -om; Вел. *vólos*, G -a; Луг *vólos*, G -a, станицл. *vólos*, G *-a Нан. 343; Бринь *vólos*, G -a; Тур. *vólos*, G -a, Ins -om, L *vólos* 'i; Лукв. *vólos*, G -a; Неб. *vólos*, G -a; Пер. *vólos*, G -a, Ins -om, L *vólos* 'i; Печ. *vólos*, G -a; Косм. *vólos*, G -a; Стопч. *vólos*, G -u; Сем. *vólos*, G -a; Ябл. *vólos*, G -a; Луги *vólos*, G -a; Красн. *vólos*, G -a; Яв. *vólos*, G -a; Бан. *vólos*, G -u; Тышк. *vólos*, G -a.

Псковско-полоцкие говоры 'волос':

Контрастная парадигма: Ручьи *vólys*, G *vólysá*, Ins *vólysъm*.

Баритонеза: Дуд. *vólys*, G -a; Гавр. *vólys*, G -a; Кузн. *vólys*, G -a; Смехн. *vólys*, G -a; Зал. *vólys*, G -a, Ins -ъm 'волос; червь-волосатик'; Сопки *vólys*, G -a; Заб. *vólys*, G *vólysа*, Ins -ъm; Овин. *vólys*, G *vólysа*, Ins -ъm; Леж. *vólys*, G -a, Ins -ъm 'волос; болезнь «волос»'; Слёзы *vólys*, G -a, Ins -ъm; Кост. *vólys*, G -a, Ins -ъm; Рог. *vólys*, G -a, Ins -ъm; Корш. *vólys*, G -a, Ins -ъm 'волос; болезнь «волос»'; Рем. *vólys*, G -a, Ins -ъm.

*žělъbъ, gen. *žělba > *želbà а. п. *d*: контрастная а. п. в сев.-смол. Ком. *žólъp*, G *žělъbá*, Ins *žólabat* 'колодезный журавль'; сев.-витебск. *жólъп*, G *жólъба/жólъбъ-тъm*, Ins *жълабóm* [ГБПП: 171]. В остальных языках рефлексы а. п. *c*: словен. *žlêb*, G *žlêba*, *žlêbû*; словинц. *žlob*, G *žlob^u*; хорв. *žlijêb*, G *žlijêba*; рус. *жóлоб*, G *жóлоба*, Р1 *желобá* и т. д. И.-е. *g^(w)ǵlbh-o-s ("*g^(w)élbhos") (?).

Карпатоукраинские говоры (баритонеза) 'водосточный желоб; ложбина': Черн. *žólop*, G *žóloba*; Миж. *žólop*, G *žólvba*; Гдеш. *žólop*, G *žóluba*; Чапли *žólop*, G *žóloba*; Мшан. *žólop*, G *žóloba*; В.Ст. *žólop*, G *žóloba*, Ins -om; Люта *žól'ip*, G *žóloba*, Ins -om, L -ovr; Нов. *žólop*, G *žóluba*; Ярск *žólъb*, *žólob*, G *žólъba* 'желоб (на крыше)'; Худл. *žóloh*, G *žóluba*; Ирл. *žólop*, G *žóluba*, Ins -om; ТП *žólop*, G *žóluba*; Черн.Пот. *žólob*, G -a, L *žólobi*; Брод *žólop*, G *žóloba*, L *žólobi*; Заг. *žólop*, G *žóloba*; Кер. *žólop*, G *žóloba*; Довге *žólop*, G *žóloba* 'лощина'; НБ *žólob*, G -a; Негр. *žólop*, G *žóloba*, Ins -om 'ложбина в горах; водосточный желоб'; Син. *žólop*, G *žóloba* 'желоб (для стока воды); ложбина, лощина'; СинП *žólob*, G -a, Ins -om 'ложбина'; Новос. *žólob*, G -a, L -i; Тор. *žólob*, G -a 'ложбинка между горами'; Скот. *žólob*, G -a; Влс. *žólob*, G -a, Ins -om 'водосточный желоб'; РМ *žólop*, G *žóloba*, Ins -om 'неглубо-

кое ущелье'; Бруст. *žólor*, G *žóloba*; Битля *žól'ip*, G *žólqba*; Тис. *žólob*, G *žžóloba*, L u *žólobi* (ЮА), *žólob*, G -a (ВАН); Быстр. *žólob*, G *žóloba*, Ins -om; ЛП *žólor*, G *žóloba* 'неровность на поле, на крыше'; ШЛ *žólob*, G -a, Ins -om; Вел. *žólob*, G -a; Рона *žólob*, G -a; Реп. *žólob*, G -a; станицл. *жóлоб*, G *-a Нан. 343; Бринь *žólup/žólor*, G *žóluba*; Тур. *žólob*, G *žžóloba*, Ins -om, L -i 'ложбина между горами'; Ясень *žólob*, G *žžóloba*; Неб. *žólob*, G -a, Ins -om, L -i; Пер. *žólob*, G -a, Ins -om, L -i; Печ. *žólor*, G *žžóloba*; Косм. *žól'ib*, G *žžóloba*, Ins -om, L -i; Стопч. *žól'ip*, G *žžóloba*; Коб. *žólup*, G *žžóloba*, Ins -om; Сем. G *žóloba*; Луги *žžólor*, G *žžóloba* 'седловина (геогр.)'; Красн. *žólor*, G *žžóloba*; Яв. *žólor*, G *žólqbu*; Бан. *žžl'ib*, G *žžólqba*, Ins -om, L -i; Тышк. *žólob*, G *žóloba*.

Псковско-полоцкие говоры 'долбленое корыто':

Контрастная парадигма Мыза *žóťpr*, G *žalbé*, Ins -óm; Кост. *žóťpr*, G *žalbé*, Ins -óm; Рог. *žóťpr*, G *žetbé*, Ins -óm; Корш. *žóťpr*, G *žóťba*, Ins *žalbéom*; Рем. *žóťpr*, G *žalbé*, Ins -óm.

Баритонеза: Дуд. *žóťpr*, G *žžóťba*, D -u; Гавр. *žóťpr*, G *žžóťba*; Кузн. *žóťpr*, G *žžóťba*; Смехн. *žóťpr*, G *žžóťba*; Зал. *žóťpr*, G *žžóťba*, Ins -ьт; Заб. *žóťpr*, G *žžóťba*, Ins -ьт 'поилка для лошадей'; Овин. *žóťpr*, G *žžóťba*, Ins -ьт 'корыто'; Леж. *žóťpr*, G *žžóťba*, Ins -ьт 'поилка для лошадей'; Слэзы *žóťpr*, G *žžóťba*, Ins -ьт 'долбленое корыто'.

3. БАЛТО-СЛАВЯНСКИЕ ДОМИНАНТНЫЕ ОСНОВЫ СР. РОДА, СЛАВЯНСКАЯ А. П. В

КРАТКОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

dvõrь**, gen. ***dvõra** > ***dvora** а. п. **b** [АССЯ 185–189; ИАБС: 124]; де-номинативный глагол ***dvorjiti**, ***dvorjõ** а. п. b_2 < и.-е. ***dhwqrH-o-m** ("dhwóqHóm**"), отсюда же др.-инд. поздн. *dvāra-m* (Śatapatha-Bṛāhmaṇa) 'двери, ворота'; для реконструкции и.-е. ср. р. еще лат. *forum* 'форум', герм. ***dura-n** 'ворота'. Возможно, лит. *dvāras* (а. п. 2 и 4 по говорам) является исконным, а из славянского заимствованы только значения. И.-е. доминантный корень ***dhwqrH-**, ср. слав. ***dvõrь** а. п. **b**.

Карпатоукраинские говоры (окситонеза) 'двор': Черн. *dvir*, G *dvorá*; Миж. *dvir*, G *dvurá*; Гдеш. *dvir*, G *dvurá*; Чапли *dvir*, G *dvorá*, L *dvor'í*; Мшан. *z'wir*, G *dvorá*; В.Ст. *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm, L *dvor'í*; Ставн. *dv'ir*, G *dvorá*, Ins -óm; Люта *dvir*, G *dvorá*, Ins -óm, L *dvor'í*; Нов. *dvur*, G *dvorá*; Ярок *dvur*, G *dvorá*, L *dvor'í*; Худл. *dvur*, G *dvorá*, L *dvor'í*; Ирл. *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm; Бен. *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm; ТП *dvur*, G *dvorá*; Мокрая *dvur*, G *dvorá*; Черн. Пот.

dvür, G *dvorá*, L *dvor'í*; Брод *dvür*, G *dvorá*, L *dvor'í*; Заг. *dvür*, L *dvor'í*; Клим. L *dvor'í*; Дус. *dvür*, G *dvorá*, Ins -óm; Кер. *dvür*, G *dvorá*; Довге *dvür*, G *dvorá*; НБ *dvür*, G *dvorá*; Негр. *dvür*, G *dvorá*, L *dvorí*; Син. *dvür*, G *dvorá*, L *dvorí* ‘двор (не занятая постройками и не засаженная площадка перед домом)’; СинП *dvjr*, G *dvóru*, *dvorá*, Ins -óm, L *u dvor'í* ‘палисадник’; Новос. *dvür*, G *dvorá*, L *dvor'í*; Тор. *d'vür*, G *dvorá* ‘двор; подворье’; Скот. *dvür*, G *dvorá*; Влс. *dvir*, G *dvóru*¹¹⁰, Ins -om; РМ *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm; Бруст. *dvur*, G *dvorá*; Битля *dvir*, G *dvóru*; Тис. *dvir*, G *zi dvóru*, L *na dvor'í* (ЮА), *dv'ir*, G *dvorá* (ВАН); Быстр. *dvier*, G *dvóra*, Ins -om; ЛП *dvür*, G *dvorá*; ШЛ *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm; Угля *dvur*, G *dvorá*, Ins -óm; Вел. *dvur*, G *dvorá*; Луг *dvur*, G *dvorá*; Рона *dvur*, G *dvóra*, L *na dvor'í*; станицл. *dvôp*, G *dvorá, *dvóru Нан. 335; Бринь *dvir*, A *na dvir*, L *pô dvor'í*; Тур. *dvir*, G *dvorá*, *dvóru*, Ins -om, L *dvor'í*; Лукв. *dv'ir*, G *dvorá*, *z dvóru*; Ясень *dvir*, L *dvor'í*; Неб. *dvir*, G *dvorá*, Ins *dvórom*, L *dvor'í*; Пер. *dvir*, G *dvorá*, Ins -óm, L *dvor'í*; Печ. *dvir*, G *dvorá*; Стопч. *dvir*, G *dvóru*, Ins *dvoróm*, L *dvorí*; Сем. *dvir*, G *dvóra*, Ins *za dvórom*; Ябл. *dv'jær*, G *dvóru*; Луги *dvir*, G *dvorá*, *dvóru*; Красн. *dvir*, G *dvorá*; Бан. *dwir*, G *dvorá*, *dvóru*, Ins *dvoróm*, L *dvor'ig*; Тышк. *dvir*, G *dvorá*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) ‘скотный двор’: Дуд. *dvuor*, G *dvará*, L *въ dvar'jé*, Pl *dvarbí*; Гавр. *dvor*, G *dvará*, Pl *dvarbí*; Кузн. *dvor*, G *dvará*, Pl -bí; Смехн. *dvor*, G *dvará*, Pl -bí; Корп. *dvor*, G *dvará*, Ins -óm, Pl -bí; Леж. *dvór*, G *dvará*, Ins -óm, Pl -bí; Слезы *dvor*, G *dvará*, Ins -óm, Pl -á; Корш. *dvor*, G *dvará*, Ins -óm, Pl -bí; Рем. *dvor*, G *dvará*, Ins -óm, Pl -bí; Ручьи *dvor*, G *dvěrá*, *dvóru*, Ins *dvórъм*, Pl *dvarbí*; Феликс. *dv'or*, G *dvěrá*, Ins *zъ dvaróm*, *za dvórъм*, L *na dvaré*, Pl *dvarí*.

*stōľь, gen. *stōľa > *stolà а. п. *b* [АССЯ: 280–283] < и.-е. *stǫl-o-m (“*stólo-m”), отсюда же др.-инд. поздн. (Tāaittirīya-Samhitā, Śatapatha-Brāhmaṇa) *sthála-m*. И.-е. доминантный корень **stǫl-*: слав. *steljǫ, *stěljеть, *stьlǎľ; «девербатив» *stelíti, *steljǫ а. п. *b*₂.

Карпатоукраинские говоры (окситонеза) ‘стол’: Миж. *stiw*, G *stulá*; Гдеш. *stíw*, G *stulá*; Чапли *stiw*, G *stólá*; Мшан. *śc'iw*, G *stolá*; В.Ст. *stul*, G *stolá*, Ins -óm; Ставн. *s't'il*, G *stolá*, Ins -óm; Люта *s't'il*, G *stolá*, Ins -óm, L -ónv; Нов. *stul*, G *stolá*; Ярок *stul*, G *stolá*; Худл. *stul*, G *stolá*; Ирл. *stul*, G *stolá*,

¹¹⁰ Баритонированные формы gen. на -*u* сохранили праславянское место ударения благодаря диалектному позднепраславянскому («антскому») запрету правостороннего дрейфа ударения с кратких слогов на последующие доминантные долгие; так же объясняются карпатоукр. pl. *dvóru*, *stóly*, *kóty* (с доминантным -*u* из асс. pl. *u*-основ), см. [АССЯ: 18–27].

Ins -óm, L *na stol'í*; Бен. *stul*, G *stolá*, Ins -óm; ТП *stul*, G *stolá*; Черн.Пот. *stül*, G *stolá*; Брод *stül*, G *stolá*, L *na stol'í*; Заг. *stül*, G *stolá*; Клим. G *stolá*; Дуч. *stül*, G *stolá*, Ins -óm; Кер. *stül*, G *stolá*; Довге *stül*, G *stolá*; НБ *stül*, G *stolá*, Ins -óm; Нерп. *stül*, G *stolá*, Ins -om, L *stol'í*; Син. *stül*, G *stolá*, L *stol'í*; СинП *s'c'íl*, G *stolá*, Ins -óm; Новос. *s'c'íw*, G *stolá*, L *stol'í*; Тор. *s'c'íw*, G *stolá*, Ins -óm, L *stol'í*; Скот. *s't'íl*, G *stolá*; Влс. *s'c'íl*, G *stolá*, Ins -óm; РМ *stul*, G *stolá*, Ins -óm; Бруст. *stul*, G *stolá*; Битля *stiw*, G *stolá*; Тис. *s't'íw*, G *stolá*, L *na stol'í* (ЮА), *s'c'íw*, G *stolá* (ВАН); Быстр. *stil*, G *stolá*, Ins -óm; ЛП *stül*, G *stolá*; ШЛ *stul*, G *stolá*, Ins -óm; Угля *stul*, G *stolá*, Ins -óm; Вел. *stul*, G *stolá*; Луг *stul*, G *stolá*, Ins -óm; Рона *stul*, G *stolá*; Реп. *stul*, G *stolá*; станицл. *cmól*, G **cmóla*, **cmolá* Нан. 335; Бринь *s't'íl*, *s't'íw*, G *stolá*, L *na stol'í*; Крыл. *s't'íw*, G *stolá*; Тур. *s'c'ív*, G *stolá*, Ins -óm, L *stol'í*; Лукв. *śc'íw*, G *stolá*; Ясень *s't'íw*, G *stolá*; Неб. *s'c'íw*, G *stolá*, Ins -óm, L *stol'í*; Пер. *s't'íw*, G *stolá*, Ins -óm, L *stol'í*; Косм. *s't'íl*, G *stolá*, Ins -óm; Стопч. *s't'íw*, *s't'íl*, G *stolá*, Ins -óm; Коб. *strw*, G *stolá*, Ins -óm, L *stol'í*; Сем. *strw*, G *stolá*, L *na stol'í*; Ябл. *s'kíl*, G *stolá*; Луги *stil*, G *stolá*; Красн. *stíw*, G *stolá*; Яв. *stiw*, G *stolá*; Бан. *stíw*, G *stolá*, Ins *stolóm*, L *stol'í*; Тышк. *škíw*, G *stolá*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) 'стол': Дуд. *stol*, G *stalá*; Гавр. *stol*, G *stalá*; Кузн. *stol*, G *stalá*; Смехн. *stol*, G *stalá*; Корп. *stol*, G *stalá*, Ins -óm; Леж. *stol*, G *stalá*, Ins -óm; Слёзы *stol*, G *stalá*, Ins -óm; Корш. *stol*, G *stalá*, Ins -óm; Рем. *stol*, G *stalá*, Ins -óm; Ручьи *stol*, G *stólá*, Ins *stalóm*; Феликс. *stol*, Ins *зь stalóm*, L *нъ stal'jé*.

ДОЛГОСЛОЖНЫЕ ОСНОВЫ

*glistь, gen. *glista > *glistà а. п. **b** 'дождевой червь': чеш. *hlíst*, G *glísta*; рус. *глист*, G *глиста́*, Pl *глисты́*; болг. Тет. *глиц*, det. *глицта* 80 и т. д. < и.-е. *gley-stǝ-m ("*gléystom") с доминантным суффиксом *-sto-. Ср. и.-е. *gloy-stǝ-m > лит. *glaištas* 'слой глины, штукатурка' а. п. 2 наряду с а. п. 4 [ИАБС: 139; LKŽ].

Карпатоукраинские говоры (окситонеза) 'дождевой червь': Ставн. **filist*, G *filístá*, Ins -óm; Люта *ylíst*, G *ylístá*; Новос. *ylíst*, G *ylístá* (sic), Ins *ylístóm*; ЛП *ylíst*, G *ylístá*. Отклоняется Баян-Березов *yləst*, G *ylásta*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) 'дождевой червь; глист': Дуд. *yl'is(θ)*, G *yl'istá*; Гавр. *gl'ist*, G *gl'istá*; Кузн. *gl'ist*, G *gl'istá*; Смехн. *gl'ist*, G *gl'istá*; Леж. *gl'ist*, G *gl'istá*, Ins -óm; Слёзы *gl'ist*, G *gl'istá*, Ins -óm; Рем. *gl'ist*, G *gl'istá*, Ins -óm; Ручьи *yl'ist*, G *yl'istá*, Ins -óm. Исключение: Корш. *gl'ist*, G -a, Ins -эм.

*šćitъ, gen. *šćita > ***šćità** а. п. **b** ‘shield; wooden shield, screen’: чеш., словц. *šít*; словинц. *šćit*, G *šćitu*; рус. *щит*, G *щитá*, Pl *щиты́* и т. д.; деноминатив ***šćitǫti**, ***šćitǫ** а. п. **b₂** < балто-слав. (с метатонией «акут ⇒ циркумфлекс») ***skeitoN**, ***skoitoN**, лит. *skiētas* ‘бердо’, а. п. 2 в диалектах (наряду с вторичной а. п. 4) и в литературном языке [LKŽ; ИАБС: 52]. Прабалтийский ср. р.: др.-прусс. *Staytan* (вместо **Scaytan*). Варианты без метатонии – балто-слав. ***skēito-m** > лтш. *škīēts* ‘бердо’; ***skēito-m** с «баритонизацией» по закону Хирта–Иллич-Свитыча > словен. *ščit*, G *ščita*; лит. *skietas* а. п. 1 [Šlapelis]. Отглагольное существительное от рецессивного корня ***skęN-**, от него же герм. ***skīdā-n** ‘полено’ (др.-в.-нем. *skīt* и т. д.) с ударением *ю*-причастия.

Карпатоукраинские говоры (окситонеза) ‘щит из досок; фронтон’: Мшан. *ščit*, G *ščitá*; Ставн. *š'č'it*, G *š'č'itá*, Ins *-óm*; Ярок *š'č'it*, G *š'č'itá*; Худл. *ščit*, G *ščitá*; Бен. *š':it*, G *š':itá*, Ins *-óm*; Брод *ščit*, G *ščitá*; Довге *ščit*, G *ščitá* ‘фронтон; перегородка’; НБ *ščit*, G *ščita* ‘помост’; Негр. *ščit*, G *ščitá* ‘щит из досок; фронтон’; Син. *ščit*, G *ščitá*, L *-óvri*; СинП *ščit*, G *ščitá*, (*ščita*), Ins *-om*; Новос. *ščit*, G *ščitá*, L *-óvri*; Тор. *ščit*, G *ščitá*; Скот. *ščit*, G *ščitá*; Влс. *ščit*, G *ščitá*, Ins *-óm*; РМ *ščit*, G *ščitá*, Ins *-óm*; Битля *ščit*, G *ščitá*; Тис. *ščət*, Ins *iz ščətot* (ЮА), *ščət*, G *ščytá* (ВАН); Любинцы *ščət*, G *ščytá*, Ins *-óm* ‘загородка из досок’; ЛП *ščit*, G *ščita* ‘поддон’; ШЛ *ščyt*, G *ščytá*; Вел. *š'č'it*, G *š'č'itá*; Луг *ščyt*, G *ščytá* ‘частокол для ловли рыбы’; станицл. *щит*, G **щитá* Нан. 331; Бринь *ščət*, G *ščytú*, Ins *-óm*; Неб. *ščyt*, G *ščytá*, Ins *-óm*, L *ščyt'í*; Ябл. *š'č'ět*, G *š'č'ětú*, G *na š'č'itú*; Луги *š'č'ət*, G *š'č'ytá* ‘щит из досок для защиты молодых посадок от снега’; КП *ščət*, G *ščətá*, Ins *-óm* ‘плетеная из прутьев загородка для защиты молодых лесопосадок’; Бан. *š'č'ət*, G *š'č'ytá*. Исключение: Нов. *š'č'it*, G *š'č'itá*.

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза) ‘щит из досок’: Дуд. *ššyt*, G *ššytá* ‘деревянный щит’; Гавр. *ššyt*, G *ššytá* id.; Кузн. *ššyt*, G *ššytá* id.; Корп. *š':it*, G *š':itá*, Ins *-óm*; Слезы *ššyt*, G *ššytá*, Ins *ššytъm*; Корш. *ššyt*, G *ššytá*, Ins *-óm*; Рем. *šš'it*, G *šš'itá*, Ins *-óm*; Ручьи *ščyt*, G *ščytá*, Ins *ščytóm* ‘деревянный щит (около печки)’; Феликс. *ščyt*, G *ščytá*, Ins *ščytъm*.

ОСНОВЫ С «ПОЛНОГЛАСИЕМ»

*čěrdъ, gen. čěrda > ***čěrdà** а. п. **d**: укр. *čéred*, G *čéreda*; белор. Лук. *čéred*, G *čéreda*; рус. диал. (Даль: моск., нижегор.) *чэред*, G *чэреда* < и.-е. ***kərđh-ǝ-s** (“*kérđhos”) и ***čěrdъ, gen. čěrda** > ***čěrdà** а. п. **b**: рус. *чepéd*, G

čeredá < и.-е. *k_{er}dh-o-m ("*k_{er}dhom"), ср. др.-инд. *śárdha-s* (Rig-Veda) 'стадо' (ср. [ИАБС: 127]). Доминантность основы *čerdo- отражается также в деноминативе *čerdǫti, *čerdjǫ а. п. b₂ (чеш. *tříditi*, словен. *čréditi*, *črédim* вместо *črédim; рус. *чередить*, *чередим*).

Псковско-полоцкие говоры (окситонеза): Дуд. *čer'ót* 'очередь (пасти скот)'; Гавр. *čer'ót*, G *čer'óda* id.; Кузн. *čar'ót*, G *čer'edá* 'очередь'; Корп. *čer'ót*, Ins *čer'edóm*; Слёзы *čar'ót*, G *čar'óda*, Ins -ьm 'очередь'; Корш. *čar'ót*, G *čar'adá*, Ins -óm 'чередь'; Рем. *č'er'ót*, G *č'er'óda*, Ins -ьm, adv. *č'er'edóm*.

В карпатоукраинских говорах основа не представлена.

*sěrnъ, gen. *sěrna > *serna а. п. b: чеш. *střín*, G *střínu; словц. *srien*, G *srienu*; вост.-рус. Кондраково *s'er'ón*, G *s'ьr'oná* 'снежный наст' < и.-е. *k_{er}sn-o-m ("*k_{er}snom") и слав. *sěrnъ, gen. *sěrna > *serna а. п. d: псковско-полоцкие говоры и словен. *srĕn* < и.-е. *k_{er}sn-o-s ("*k_{er}snos") (?). Ср. р. в герм. *herzha-n > др.-исл. *hjarn* 'наст'.

Карпатоукраинские говоры (окситонеза) 'иней': Люта *serén*, G -a; Ярок *serén*, G -u; Черн.Пот. *serén*, G *serenú*; Кер. *serén*, G *serenú*; Довге *serén*, G *serená*; Негр. *serén*, G *serenú*, -á, Ins -óm; Син. *serén*, G *serenú*, L -óv; СинП *serén*, G *serená*, Ins -óm; Скот. *serén*, G *serená*; Влс. *serén*, G *serenú*, Ins -óm; РМ *serén*, G *seréna*, Ins *serenóm*; Бруст. *serén*, G *serená*; Битля *serén*, G *serenú*; Быстр. *seræñ*, G *serenú*, Ins -óm, L *serení*; ЛП *serén*, G *serená*; Ябл. *seræñ*, G *serenú*, L *serení*; Луги *serén*, G *serenú*; Яв. *seræñ*, G *serænu* 'иней'. С имобилизацией ударения на 2-м слог: Луг *serén*, G *seréna*.

Псковско-полоцкие говоры (контрастная парадигма): Ручьи *s'érъn*, G *s'érъna*, Ins *s'iranóm* 'наст'.

*xvōrstъ, gen. *xvōrsta > *xvorstà а. п. b: чеш. *chrást*; словинц. *xrōst*, G *xrōstu*; серб. *xpâct*, G *xpâcta* вост.-рус. ряз. Деул. *xvaróst*, D *xvarastú* и т. д. и периферийное *xvōrstъ, gen. *xvōrsta > *xvorstà а. п. d: словен. *hrâst*; хорв. *hrâst*, G *hrâsta; сев.-кашуб. *xarst*, G *xarstu*; рус., белор., укр. *xvopost*. И.-е. *(s)kwōrsto- ("*(s)kwōrstom" и "(s)kwōrstos") (?). Точного внешнего соответствия нет, ср. герм. *xurstō, *xursti-z > др.-в.-нем. *hursti* 'cristas', ср.-в.-нем. *hurst* st. f., *hürste* wk. f.? 'Gesträuch, Hecke, Dickicht'.

В карпатоукраинских говорах ('хворост') рефлексy как *xvōrstъ а. п. b («окситонеза»), так и *xvōrstъ а. п. d («баритонеза»).

Окситонеза: Черн. *fōróst*, G *fōrustú*; Миж. *fūróst*, G *fūrurstú*; Гдеш. *xfuróst*, G *xforustá*; Чапли *xvōróst*, G *xvorostú*; В.Ст. *xvoróst*, G *xvorostu*, *xvōrostú*, Ins

xvorostóm ‘хворост’; Ставн. *xvoróst*, G *xvorostá*, Ins *xvórostrom*; Нов. *xvoróst*, G *xvorostá*, *xvorostú*, *xvórosta*; Худл. *xvoróst*, G *xvorostá*; Ирл. *xvoróst*, G *xvorósta*, *xvorostá*, *xvórostu*, Ins *xvoróstrom*, *xvorostóm* ‘хворост’; ТП *xvoróst*, G *xvórostu*; Черн.Пот. *xvoróst*, G *xvórostu*; Брод. *xvoróst*, G *xvorostá*; Заг. *xvoróst*, G *xvórostu*; Клим. G *xvórostu*; Дус. *xvoróst*, G *xvorostú*, Ins *-óm*; НБ *xvoróst*, G *xvórostu*, Ins *xvorostóm*; Нерп. *xvoróst*, G *xvórostu*, Ins *xvorostóm* ‘хворост, ветки’; Син. *xvoróst*, G *xvórostu*, L *xvorostóni* ‘хворост’; Новос. *xvoróst*, G *xvorostá*, *xvorósta*, Ins *-óm*; Скот. *xvoróst*, G *xvorostá*; РМ *xvoróst*, G *xvorostá*, Ins *-óm*; Бруст. *xvoróst*, G *-a*; Тис. *xvoróst*, G *xvorostú* (ЮА), *xworóst*, G *xworostá* (ВАН); Быстр. *xvoróst*, G *-u*, Ins *xvórostrom*; ЛП *xoróst*, G *xorostú* ‘хворост’; ШЛ *xvoróst*, G *xvorostá*, *xvórostu*, Ins *xvorostóm*; Угля *xvoróst*, G *xvórostu*, Ins *xvorostóm*; Вел. *xvoróst*, G *xvórostu*; Лугт. *xvoróst*, G *xvorostú*; Рона. *xvoróst*, G *xvorostú*; Тур. *xvoróst*, G *xvorostú*, Ins *-óm*, L *xvoros 'c 'i*; Лукв. *xvoróst*, G *xvorostú*; Ясень. *xvoróst*, Ins *xvorostóm*; Неб. *xvoróst*, G *xvorostú*, Ins *-óm*, L *xvoros 'c 'i*; Печ. *foróst*, G *forostú*; Сем. *foróst*, G *forostú*, *foróstu*, *-a*, Ins *forostóm*, L *foroski*; Луги. *foróst*, G *forostú*; Красн. *foríst*, G *forostá*; Яв. *foróst*, G *forostá*, Ins *-óm*; Бан. *foróst*, G *forostú*. С морфонологической баритонезой gen. sg. на *-u*: Реп. *xvoróst*, G *xvorostu*; Косм. *foróst*, G *-u*, Ins *forostóm*, L *foros't'i*.

Баритонеза: Ярок *xvórost*, G *xvórostru* ‘цветки вербы’; Люта *xvórost*, G *-a* ‘вид дерева’; Бен. *xvórost*, G *-a*, Ins *-om* ‘хворост’; Довге *xvórost*, G *xvórostru*; Тышк. *xvórost*, *fórost*, G *xvórosta*, *fórosta*.

В *псковско-полоцких говорах* превалируют рефлексы ***xvǫr̥stь** а. п. *d* («контрастная парадигма» и «баритонеза»).

Контрастная парадигма: Ручьи *xvórst*, G *xvórstu*, *xvǫrstá*, Ins *xvǫrastóm* ‘хворост’.

Баритонеза: Дуд. *xvǫrst*, G *-a*; Гавр. *xvóryst*, G *xvórysta*; Кузн. *xvóryst*, G *-a*; Смехн. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Зал. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт* ‘хворост (обычно еловый или сосновый)’; Сопки *xórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Заб. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Овин. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Леж. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Мыза *xvórst*, G *-a*, Ins *xvórstьт*; Кост. *xvórst*, G *-a*, *-u*, Ins *-ьт*; Рог. *xvórst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Феликс. *xvórst*, G *-u*, Ins *-ьт* ‘хворост’.

Вариант ***xvǫrstь** а. п. *h* имеет особые рефлексы с позднейшей оттяжкой ударения на *-a-* < *-o-* в первом слоге: Слёзы *xvárst*, G *-a*, Ins *-ьт* ‘нарубленные еловые ветки’; Кост. *xvárst*, G *-a*, Ins *-ьт*; Корш. *xvárst*, G *-a*, Ins *-ьт* ‘хворост’.

**Список упомянутых праславянских о-, и-, і- и ā-основ
существительных с реконструкциями акцентных парадигм¹¹¹**

*āje C 51, 63	*glīstь B 61, 83, 167
*bêrme C, *bérme A 39	*gněvь C? 91
*bêrgь D 81, 87, 155	*gnězdo B 52, 64
*běszь C 63, 75, 99	*gôdь C 74, 94
*bōbь D 53	*gōldь C 88, 120
*bōkь D 78, 126	*gōlsь C 63, 77, 88, 121
*bōrvь D 81, 88, 156	*gōrdь D 55, 87, 88, 91
*bōgь, D 78, 85, 86, 127, 156	*grādь A 55
*brōdь D 60, 78, 128	*grōbь D, *grōbь B 51, 60, 82, 129
*brūsь D, *brūsь B 79, 139	*grōdь B 61
*cěpь D, *cěpь B 61	*grōmь D, *grōmь B 137
*časь A, *časь D 91	*grno B 52
*čerdь B, *čerdь D 54, 168	*grьmь C 52, 63
*černo B 51, 55	*kâlь C 57, 76, 103
*černь B 51, 55	*kōlo D 87
*čerpь D 56, 81, 86, 157	*kōlsь D 81, 86, 88, 121, 158
*čerslo B 51	*kōrbь D 56, 158
*dāгь C 41, 75, 99	*kōrpь C? 88
*dērvо C 87	*kōrtь B 62
*dōmь C 74, 84, 85, 93	*kǫbь A 53
*dǫbь C 75, 100	*krěslo A 39, 52, 64
*drōzdzь C? 59	*krǫgь D 79, 140
*drūгь C 57, 75, 101	*kūmь C 91
*dūxь C 63, 76, 102	*kvāsь C 105
*dvōгь B 54, 83, 126, 165	*květь D 79, 85, 86, 114, 141
*dvьгь B 165	*lādь A, *lādь D? 91
*dъ(b)no B 52	*lāzь A, *lāzь D? 91
*dŭmь A 60	*lědь C 58, 74, 95
*ĕtra pl. B 59	*lěszь C 105

¹¹¹ О значении диакритик в праславянских формах см. сноску 4. Праславянские акцентные парадигмы а, b, c и d обозначены символами А, В, С и D соответственно.

- *lěto A 56
 *lěda A 143
 *lědja (?) A 143
 *lědo A 143
 *lěga A 143
 *lǫká B 143
 *lǫkъ D? 61
 *lǫgъ D 80, 143
 *lǫbъ C 58, 76, 106
 *lǫko A 58
 *lǫpъ B, *lǫpъ D 56
 *mēdъ C 58, 75, 95
 *mēxъ C 106
 *mēxъ D, mēxъ B? 56, 80, 106, 108
 *mēgъ B 41, 108
 *mēso C 51, 58
 *mīgъ C 64
 *mīgъ C 41, 64, 108
 *mōlъ B 72
 *mōltъ D 88
 *mōzgъ D 54, 78, 130
 *mǫžjъ C 100
 *mъxъ B, *mъxъ D 56
 *nādъ C или *nādъ D (?) 91
 *nērstъ, *nōrstъ D 81, 159
 *njūxъ C 109
 *nōgvъ D, *nōgvъ B 88, 89
 *nōsъ D 56, 78, 131
 *ōlъ C? 57
 *ǫtro B 59
 *rāsno A 61
 *rěna A, *rěná C 39
 *rěsto B 51, 60
 *rěstъ B 51, 60
 *rērdъ B, *rērdъ D 91
 *rēro B 52, 65
 *rīsmę B 35
 *rīlēmę B 35
 *rīlōtъ D 79, 132
 *rīlūto, B 51
 *rōdъ B, *rōdъ D 62, 91
 *rōghъ D 68, 89
 *rōtъ D 79, 133
 *rōlзъ, D 89, 159
 *rīdъ A, *rīdъ B, *rīdъ D 91
 *rǫgъ A 58
 *rǫgrstъ D, *rǫgrstъ B 60
 *rāzъ C 65, 76, 84, 85, 110
 *rēzъ C 65
 *rēdъ D 41, 126, 144
 *rōdъ C 75, 96
 *rōgъ D 56, 79, 85, 86, 133
 *rūxъ C 65, 76, 111
 *sādъ C 68, 111
 *sērnpъ B, *sērnpъ D 169
 *sīto A 39
 *sītъ D, *sītъ B 62
 *slēdъ D 41, 62, 145
 *slūxъ C 63, 76, 112
 *smēxъ D, *smēxъ B 51
 *smōrdъ C, *smōrdъ A 65, 77, 88, 122, 123

- *smórda A 123
 *sněgъ D 61, 68, 80, 147
 *sôkolъ D? 91
 *sôkъ C 58, 75, 97
 *sôldъ C 65, 88, 123
 *sôrmъ C 88
 *sôdъ 'court' B 91
 *sôdъ 'vessel' C 91
 *sôkъ D 53, 80, 148
 *stâny D 40, 63, 149
 *stâvy A, *stâvy D 91
 *(s)těrmъ D, *(s)těrmъ B 51, 57, 162
 *stôržъ C 88
 *stôgъ D 79, 134
 *stôlъ B 61, 83, 166
 *strûpъ C 65, 76, 113
 *svêkrъ D 55, 82, 160
 *světъ C 63, 76, 114, 142
 *sûny C 65, 77, 115
 *ščitъ B, *ščitъ A? 62, 83, 168
 *tokъ C? 58
 *trûpъ C 116
 *tûkъ C? 59
 *týlъ A 61
 *týlo A 61
 *tûmo B 51
 *tûny B 51, 55
 *ûdъ B, *ûdъ D? 91
 *vâlъ D 40, 80, 150
 *vâgъ C 41, 117
 *vêceгъ D 57, 73, 82, 161
 *vêrsъ D 163
 *vêko A 39, 52, 59
 *vêkъ D 80, 151
 *vîdъ C? 91
 *vôlkъ C 65, 77, 124
 *vôlsъ D 55, 82, 89, 163
 *vôrgъ D 89
 *vôrmъ C 65, 77, 88, 124
 *vôrхъ C 65, 77, 125
 *vôskъ D, *vôskъ B 57, 82, 138
 *vôzъ D 63, 79, 135
 *vûny B 55
 *vûdra A 54
 *vûlkъ C 49, 59, 77, 118, 156
 *vûrхъ D, *vûrхъ B 57, 83, 85, 86, 91, 152
 *xôdъ C *xôdъ B 75, 98
 *xôldъ D 89
 *xvôrstъ B, *xvôrstъ D 83, 89, 169, 170
 *zâdъ C? 91
 *znâkъ C 77, 119
 *zôrdъ A 55
 *zôbъ D 60, 68, 81, 137, 153
 *zvôkъ C 120
 *žâgъ D 154
 *žêlbъ D 89, 164
 *žêrdlo B 62
 *žîgъ D 40
 *žûrdlo B, *žûrdlo A 62

**Список упомянутых прагерманских форм
с реконструированным ударением**

*alúθ 57	*rauzá-z 65, 76, 111
*danná-z, *dannó 101	*sáiθa-n 62
*deuzá-n 63, 76, 103	*skīdā-n 62, 83, 168
*fárxaz 56	*slagá-n 63
*féxu 56	*stakká-z 134
*kalzá-n 63, 77, 122	*sunú-z 65, 77, 115
*kífjan- ‘gnaw’ 137	*súra- (adj.) 56
*kúlθa-z 61	*swéxura-z 55, 82, 160
*lóθa-n 56	*warzú-z 65, 77, 125
*máisa-z 56, 80, 108	*wúlfa-z 118
*mimzá-n 58	*xánxu-z 53, 80, 148
*músa-n 56	*xliuzá-n 63, 76, 113
*nási-z, *násu-z (?), *násō,	*xluzá-n 112
*nósōn 56, 78, 131	*xwérfa-z 56, 81, 157
*raubá-z 65, 76, 113	

**Список упомянутых индоевропейских корней и основ
с реконструированными валентностями**

*bhḗbhṛṭ- 53	*deh ₃ - 99
*bhēh ₁ y- 99	*dēh ₃ -rṭ- 99
*bhēh ₂ ḡhṭ- 48, 53	*dēh ₂ -rū- 99
*bhērg̃ho- (?) 155	*deyw-ṡ- 57
*bhḡ ₁ y-sṡ- 99	*dhanu-, *dhanw-ṡ-, *dhanw-e _h ₂ ,
*bhḡko-, *bhḡgo- (?) 126	100
*bh[ṡ]ru- ‘pine’ 127	*dhewH-/*dhewH- 60, 112
*bh[ṡ]ru-, *bh[ṡ]rw-o- ‘hog’ 156	*dhew-sṡ- 63, 103, 112
*bhoyh ₁ -sṡ- 63	*dhrōwghṡ- (?) 57, 102
*bhṛēwĕ/*bhṛēwk- 139	*dhugh ₂ -ter-ṡ, acc. sg. *dhugh ₂ -ter-
*bhṛṡdh-o- 60, 128	m̄, gen. sg. dhugh ₂ -tr-ē/ṡs, nom. pl.
*bhṛṡwĕ-o- (?) 139	

- *dhugh₂-tr-es, acc. pl. dhugh₂-
 ter-n₃, gen. pl. *dhugh₂-tr-ōm 46
 *dhuH-mo-/*dh₁H-mo- 60
 *dhwerH- 165
 *dhwōrH-o- 54, 165
 *ġneh₃- 119
 *ġneh₃-ku- 119
 *ġon-o- 60
 *ġ(h)ōrdo- 55
 *ġwōnk-o- 120
 *g^wēlbh-o- (?) 164
 *gle₁y-stō- 167
 *gloyH-stō- 61, 167
 *gōls-o- 63, 121
 *gō/ēndharwō- 48, 53
 *g^werh₃-TRō-, coll. *g^werh₃-TRōh₂
 62
 *g^wē₃l-tō- 61
 *g^wrh₃-TRō-, coll. *g^wrh₃-TRōh₂
 62
 *ġhe₁nu- 48, 54
 *ġher- 154
 *ġhombh-o- 60, 153
 *ghōdh-o- (?) 94
 *ghōldh-o- (?) 121
 *ghōrdho- (?) 55
 *ghrōbh-o- 60 129
 *ghrōm-o- или *ghrōm-o- 137
 *ghrōndh-o- 61
 *g^whr-no- 63
 *h₁ēk^w-o- 48, 54
 *h₁ēn/h₁ōn-t(ē)r-o- 59
 *h₁m₁bh-rō- 64
 *h₂ēlu- 57
 *h₂erh₃-TRō-, coll. *h₂erh₃-TRōh₂
 62
 *h₂ōġ-mō-, 61
 *h₂ōw-yō- 63
 *h₂rtkō- 48, 54
 *h₃ēmsō- 48, 54
 *h₃ēnkō- 48, 53
 *h₃noghō- 57
 *Hrg[ū]p-yō- 49, 64
 *k₁erābhō- ~ -rm- 48, 53
 *k₁erh₂mō- 55
 *k₁erpo- 157
 *k₁ersn-o- 169
 *klew-sō- 63, 112
 *(s)klōk-o- 63
 *kōnkHō- 48, 53
 *k[ō]nkū- 53, 148
 *kwoyt-o- (?) 63, 114
 *kandālo- 48, 53
 *kēh₂l-stō- 60
 *kēh₂wlō- 57
 *kērdh-o- 54, 168, 169
 *k^(w)erno- 55
 *kol(ē)h₃nō- 57
 *kōlso- 158
 *kōrbho- 56, 159
 *kōr-tō- 62
 *k[ō]w[ō]ndho-/*kūw₁ndho- 48, 55
 *(s)kōyp-o- 61
 *krehs-lō- 64

- *krow-yo- 64
 *ksu-ro- 48, 64
 *kumb(h)q- 48, 53
 *kweh₂t-su- 104
 *(s)kworsto- (?) 169
 *k^weh₂lo- 57, 103
 *k^wek^wlo₊-/kuk^wlo₊- 53
 *k^werpo- 56
 *ledhu- (?) 58
 *leh₁s-o- (?) 105
 *leh₁to- 56
 *leng- 143
 *lino- 56
 *long-o- 143
 *lonk-o- 61
 *lqpo- 56
 *lowbo- 58, 106
 *lowg-o- 64
 *loyk^w-o- 64
 *luHko-, *luHnk-o- 58
 *manw-yo- 100
 *medhu- 49, 58, 96
 *medh-yo- 62
 *meh₁y-ru- 108
 *mēms-o- ‘meat’ 58
 *meygh-o- 64
 *moh₁y-ro- 64, 108
 *mqsgo- 54, 130
 *m[o]yso- ‘basket, bag’ 56, 107,
 108
 *m[o]yso- ‘fell’ 58
 *mūso-, 56
 *nās, gen. *nās-ēs; *nāsi-, *nāsu-
 (?) 56, 131
 *newks-o- 109
 *ni-sd-o- 64
 *pēdo- 58
 *peku- 56
 *pek^w- 133
 *peleku- 48, 54
 *pelHġ- 160
 *ph₂-ter-š, gen. sg. *ph₂-tr-ē/os, acc.
 sg. *ph₂-ter-m̄, nom. pl. *ph₂-tr-es,
 acc. pl. *ph₂-ter-n̄s, gen. pl.
 *ph₂-tr-ōm 46
 *plek- 132
 *plok-to- 132
 *plowH-to- 51
 *po-dhh₁-o- 62
 *pōHs-mo- 61
 *pok^w-to- 133
 *pōHġh-o- 160
 *p[ō]rko- 56
 *pqr-o- 60
 *pqys-to- 60
 *pr₁-sth₂-o- 60
 *(s)pter-o-, *(s)pter-no- 65
 *puHro- 58
 *rogo- (?) 56
 *rowH-so- 65, 111
 *(s)rowp-o-, 65, 113
 *salH-du- 123
 *say-to- 62
 *skeyH- 168
 *skeyH-to- adj. 62

- *skeyH-t₊o- subst. 62
 *sloyd-u- adj. 62
 *sloyd-u- subst. 62, 146
 *smord-o- 65, 122
 *sn_oy_g^wh-o- 61, 147
 *sod-o- (?) 98
 *sol-du- 65
 *steh₂- 149
 *steh₂-no- nom.-acc. pl. *steh₂-no_h₂,
 63, 149
 *steh₂-n₊u- 63, 149
 *stęł- 166
 *stembh_o-; *stemb_o- 58
 *stog-no- 134
 *stol-o- 61, 166
 *stup_o- 48, 54
 *suH-n₊u- 65, 115
 *suHro- 56
 *swękwro- 55, 160
 *swok^w-o- 58, 97
 *swop-n-y_o- 63
 *(s)teg- 134
 *(s)terHm(n)o- 57, 162
 *tkyeh₁n_o-/tkih₁n_o- 48, 54
 *t₊H-t_o- 60
 *tn_h₂-TR_o- 63
 *tor_{ku}- (?) 58
 *tow(H)k_o- 59
 *trno- 55
 *(s)tro_sdh_o- 59
 *trowp-o- 116
 *tu₊H-l_o- 61
 *udro₊-, *udr-eh₂- 54
 *weh₂k_o- 59
 *we(s)k^wer-o-s 57, 161
 *weIH- 150
 *welk- 49, 124
 *węreyk-eh₂ 163
 *werH- 117
 *węrk₊-, *węrg₊- 163
 *węrk-o- 163
 *wiHro- 59
 *w_lk-o-/*w_lk-o- 49, 59, 118
 *wod-/*ud- 54
 *wog_h-o- 136
 *wog_h-o- 63, 135
 *wo₊ksko- 57
 *w[_o]lk_o- 55, 163
 *(s)wolk-o- 65, 124
 *wolo- 55
 *wono-/wn_o- 55
 *worno- 65, 125
 *wors-u- 65, 125
 *woyk-o- 61, 151
 *wreh₁g_o- 65
 *wr₊g₊-iyo- 163
 *wroh₁g_o- 65, 110
 *wr₊su- 57, 152
 *yug-o-; *yū-n-g-o- 49, 59

Литература и сокращения

- Аванесов – Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1985.
- Аввакум – Житие протопопа Аввакума в рукописи собрания Дружинина, XVII в. – БАН, № 746.
- АРНГ Сев.-Зап. – Атлас русских народных говоров центральных областей к северо-западу от Москвы (рукописи карт и комментариев к ним, хранятся в Отделе диалектологии и лингвогеографии Института русского языка РАН).
- АССЯ – Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии: Словарь. М., 1993.
- Булатова, Дыбо, Николаев 1988 – Булатова Р. В., Дыбо В. А., Николаев С. Л. Проблемы акцентологических диалектизмов в праславянском // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988.
- ГБРП – Букринская И. А., Кармакова О. Е., Тер-Аванесова А. В. Говоры белорусско-русского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 118–180.
- Даль – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955. Т. 1–4.
- Дыбо 1961а – Дыбо В. А. Сокращение долгот в кельто-италийских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии // Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М., 1961. С. 9–34.
- Дыбо 1961б – Дыбо В. А. Некоторые германо-славянские акцентологические параллели // I Всесоюзная конференция по вопросам славяно-германского языкознания. Минск, 23–30 ноября 1961 г. Минск, 1961.
- Дыбо 1963 – Дыбо В. А. Об отражении древних количественных и интонационных различий в верхнелужицком языке // Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963. С. 54–83.
- Дыбо 1980 – Дыбо В. А. Балто-славянская акцентная система с типологической точки зрения и проблема реконструкции индоевропейского акцента // Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 91–150.
- Дыбо 1983 – Дыбо В. А. Еще к вопросу о балто-славяно-германских акцентологических соответствиях // Балто-славянские этноязыковые отношения в историческом и ареальном плане. М., 1983. С. 16–18.
- Дыбо 1989 – Дыбо В. А. Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии. II: Глагольная акцентуация // Славянский и балканский фольклор. Просодия: Сб. ст. М., 1989. С. 106–147.
- Дыбо 2000 – Дыбо В. А. Морфонологизированные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. 1. М., 2000.
- Дыбо 2002 – Дыбо В. А. Balto-Slavic accentology and Winter's law // Studia Linguarum. 3. М., 2002. С. 295–515.
- Дыбо 2003 – Дыбо В. А. Балто-славянская акцентологическая реконструкция и индоевропейская акцентология // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Люблина, 2003. Доклады российской делегации. М., 2003. С. 131–161.

- Дыбо 2007 – Дыбо В. А. Рефлексy индоевропейских слоговых долгих плавных и носовых в кельто-италийских языках (в защиту концепции Х. Педерсена) // Аспекты компаративистики. Вып. 2 / Ред. А. В. Дыбо, В. А. Дыбо и др. М., 2007. С. 11–27.
- Дыбо 2008 – Дыбо В. А. Германское сокращение индоевропейских долгот, германский «Verschärfung» (закон Хольцмана) и балто-славянская акцентология // Аспекты компаративистики. Вып. 3 / Ред. А. В. Дыбо, В. А. Дыбо и др. М., 2008. С. 537–608.
- Дыбо 2009 – Дыбо В. А. Система порождения акцентных типов производных в балто-славянском языке и балто-славянская метатония // Вопросы языкового родства = Journal of language relationship. Междунар. науч. журнал. М., 2009. № 2. (Вестник РГГУ. № 16. Сер. «Филологические науки. Языкознание»). С. 25–64.
- Дыбо 2011а – Дыбо В. А. Древнеиндийский акцент в дардском языке шина как проблема индоевропейской акцентологии // Лексика, этимология, языковые контакты: Сборник посвящается юбилею Д. И. Эдельман. М., 2011. С. 92–167.
- Дыбо 2011б – Дыбо В. А. Система акцентных парадигм в прусском глаголе // Accent Matters. Papers on Balto-Slavic accentology / Ed. by Tijmen Pronk, Rick Derksen. Rodopi, Amsterdam – New York, 2011. P. 85–95.
- Дыбо 2011в – Дыбо В. А. Балтославянская акцентная система как рефлекс «западноевропейского» варианта праиндоевропейской акцентной системы // Baltistica. Suppl. VII. Vilnius, 2011. P. 63–86.
- Дыбо СА – Дыбо В. А. Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Дыбо, Николаев 1998 – Дыбо В. А., Николаев С. Л. Новые данные и материалы по балто-славянской акцентологии // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов. М., 1998. С. 5–70.
- Желеховский – Желеховский С., Недильский С. Малоруско-немецкий словарь. Львів, 1886. Т. 1–2.
- Зализняк 1978 – Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита // Приложение к: Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1978. (Переизд. 1987, 2005).
- Зализняк 1985 – Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- ИАБС – Иллич-Свитыч В. М. Именная акцентуация в балтийском и славянском. Судьба акцентуационных парадигм. М., 1963.
- ИССФ – Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. София.
- Јовић 1968 – Јовић Д. Трстенички говор // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 17. Београд, 1968.
- Карский П – Карский Е. Ф. Белорусы. Т. 2: Язык белорусского племени. Варшава, 1908.
- Кепов 1936 – Кепов Ив. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево-Дупнишко // Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 42. София, 1936.
- Колесов 1975 – Колесов В. В. Фонетические условия заонежского «яканья» // Русские говоры. К изучению фонетики, грамматики, лексики. М., 1975. С. 53–58.
- Колосов – Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия // Сб. Отделения рус. яз. и словесности. 1877. Т. 17, № 3.
- КСРГК – картотека Словаря русских говоров Карелии. Хранится в С.-Петербургском гос. университете. Выписки сделаны А. В. Тер-Аванесовой.
- Кульбакин 1903 – Кульбакин С. М. К истории и диалектологии польского языка. СПб., 1903.

- Кънчев 1968 – *Кънчев И.* Говорът на село Смолско, Пирдопско // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 4. София, 1968.
- Лыткин 1949 – *Лыткин В. И.* Фонетика северновеликорусских говоров и заимствования из русского языка в комийский // Материалы и исследования по русской диалектологии П. М.; Л., 1949.
- МДА – Македонски диалектен атлас (рукописная картотека, хранится в: Институт на македонскиот јазик. Скопје; расписал Дж. Шаллерт).
- Младенов 1966 – *Младенов М.* Ихтиманският говор // Трудове по българска диалектология. Т. 2. София, 1966.
- Молерови 1954 – *Молерови Д. и К.* Бележки за разложкия говор // Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 48. София, 1954.
- Младенов, Кодов 1935 – *Младенов С., Кодов Х.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Част 2: Език // Тракийски сборник. Т. 6. София, 1935.
- МЭ – материалы экспедиций Института славяноведения РАН под рук. С.Л.Николаева.
- Николаев 1978 – *Николаев С. Л.* Два класса глагольных корней вида CV(C)CV в древнегреческом // Конференция: Проблемы реконструкции (Тезисы докладов). М., 1978. С. 112–113.
- Николаев 1983 – *Николаев С. Л.* К исторической морфонологии древнегреческого глагола // Балто-славянские исследования 1982. М., 1983. С. 68–103.
- Николаев 1986 – *Николаев С. Л.* К исторической морфонологии древнегреческого глагола (окончание) // Балто-славянские исследования 1984. М., 1986. С. 157–208.
- Николаев 1988 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–153.
- Николаев 1989 – *Николаев С. Л.* Балто-славянская акцентуационная система и ее индоевропейские истоки // Историческая акцентология и сравнительно-исторический метод. М., 1989. С. 46–109.
- Николаев 1995 – *Николаев С. Л.* Новые данные о восточнославянском вокализме и просодии // Russian linguistics. Vol. 19, № 3, November 1995. P. 349–370.
- Николаев 1995а – *Николаев С. Л.* К реконструкции акцентных парадигм праславянских тематических глаголов с корнями на шумные // Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы / Под ред. В. Н. Топорова. М., 1995. С. 104–116.
- Николаев 1996 – *Николаев С. Л.* Рефлексы праславянских интонаций в восточнополюских говорах // Полісся: мова, культура, історія. Матеріали міжнародної конференції. Київ, 1996. С. 78–82.
- Николаев 2000 – *Николаев С. Л.* Рефлексы праславянских тонов в восточнославянских языках // Балто-славянские исследования 1998–1999. М., 2000. С. 83–113.
- Николаев 2001 – *Николаев С. Л.* Из исторической фонетики и просодии северо-западных говоров // Вопросы русского языкознания. Вып. 9: Диалектная фонетика русского языка в диахронном и синхронном аспектах. М., 2001. С. 86–121.
- Николаев 2002 – *Николаев С. Л.* Некоторые результаты инструментального изучения фонетики и просодии восточнославянских говоров // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 8: Восточнославянская диалектология, лингвогеография и славянский контекст / Ин-т славяноведения РАН. М., 2002. С. 142–167.

- Николаев 2003 – *Николаев С. Л.* Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров // Славянское языкознание: XIII Международный съезд славистов (Люблина, 2003 г.): Доклады российской делегации. М., 2003. С. 432–447.
- Николаев 2011 – *Николаев С. Л.* Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. Верхневолжские (тверские) кривичи // Славяноведение. 2011. № 6. С. 3–19.
- Николаев, Старостин 1978 – *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Некоторые соответствия индоевропейских долгот и ударений // Конференция: Проблемы реконструкции (Тезисы докладов). М., 1978. С. 114–119.
- Николаев, Старостин 1982 – *Николаев С. Л., Старостин С. А.* Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982. С. 261–343.
- Николаев, Толстая 2001 – *Николаев С. Л., Толстая М. Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора с грамматическим очерком и образцами текстов. М., 2001.
- Николић 1972 – *Николић М.* Говор села Горобиља (код Ужичке Пожеге) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 19. Београд, 1972.
- ОСА – *Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- ОСУМ – Орфографічний словник української мови. Київ, 1975.
- Павловић 1982 – *Павловић Р.* Облици деκлинације и конјугације у говору Раче Крагујевачке (с посебним освртом на акценат) // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 28. Београд, 1982.
- Петков 1974 – *Петков П. И.* Еленски речник // Българска диалектология. Проучвания и материали. Т. 7. София, 1974.
- Пешикан – *Пешикан М.* Староцрногорски средњокатунски и лешански говори // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 15. Београд, 1965.
- Попов 1956 – *Попов К.* Говорът на с. Габаре, Белослатинско // Известия на Института на български език. 4. София, 1956.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными. Л., СПб., 1967–. Вып. 1–.
- ПРБЕ – *Паиов П., Първев Х.* Правописен речник на български език. София, 1975.
- РСХКЈ – Речник српскохрватског књижевног језика. 2 фототипско издање. Београд, 1990. Књ. 1–6.
- СБМ – Слоўнік беларускай мовы. Арфаграфія. Арфазпія. Акцэнтауацыя. Словазмяненне. Мінск, 1987.
- Седов 2002 – *Седов В. В.* Славяне. М., 2002.
- Симић 1972 – *Симић Р.* Левачки говор // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 19. Београд, 1972.
- Симић 1978 – *Симић М.* Говор села Обади у босанском Подрињу // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 24. Београд, 1978.
- Симић 1980 – *Симић Р.* Синтакса левачког говора. I. Употреба падежних облика // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 26. Београд, 1980.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л., СПб., 1965–. Вып. 1–.
- ССРНГ – Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского р-на Рязанской области) / Под ред. И. А. Оссовецкого. М., 1969.
- Стевановић 1940 – *Стевановић М.* Систем акцентуације у пиперском говору // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 10. Београд, 1940.

- Стевовић 1969 – *Стевовић И.* Шумадијски говор у Гружи с особитим освртом на акценте // Српски дијалектолошки зборник. Књ. 18. Београд, 1969.
- Стоилов 1905 – *Стоилов Х. П.* Ударението на Горно-джумайския говор // Известия на Семинара по славянска филология при Университета в София. Т. 1. София, 1905.
- Стойков 1967 – *Стойков Ст.* Банатски говор // Трудове по българска диалектология. Т. 3. София, 1967.
- Стойчев 1915 – *Стойчев К. С.* Тетевенски говор // Сборник за народни умотворения и народопис. Т. 31. София, 1915.
- Тер-Аванесова 2011 – *Тер-Аванесова А. В.* Счетная форма (нумератив) у существительных мужского рода в русских говорах по течению рек Пинеги и Выи // *Baltistica. Suppl. VII. Vilnius*, 2011. P. 263–284.
- Умленски 1965 – *Умленски И.* Кюстендилският говор // Трудове по българска диалектология. Т. 1. София, 1965.
- Хонселаар 2001 – *Хонселаар З.* Говор деревни Островцы Псковской области. Amsterdam; Atlanta, 2001.
- Böhtlingk – *Böhtlingk O.* Sanskrit Wörterbuch in Kurzerer Fassung. Delhi, 1998.
- Dybo 2002 – *Dybo V. A.* Balto-Slavic accentology and Winter's law // *Studia linguarum. M.*, 2002. № 3/2. P. 295–515.
- Dybo, Nikolayev, Starostin 1978 – *Dybo V., Nikolayev S., Starostin S.* A Tonalogical hypothesis on the origin of paradigmatic accent systems // *Estonian papers in phonetics*. 1978. Tallinn, 1978. P. 16–20.
- Gregor – *Gregor A.* Slovník nářečí slavkovsko-bučovického. Praha; Brno, 1959.
- Han. = Hanusz 1884 – *Hanusz J.* Über die Betonung der Substantiva im Kleinrussischen // *Archiv für Slavische Philologie*. Bd. 7. 1884.
- HJP – Hrvatski jezični portal. – <http://hjp.srce.hr/>.
- HHG – *Hamm J., Hraste M., Guberina P.* Govor otoka Suska // *Hrvatski dijalektološki zbornik*. Knj. 1. Zagreb, 1956.
- Honselaar 1997 – *Honselaar Z.* Следы окончания *-e* И. е. муж. *o*-склонения в одном современном гдовском говоре // *Russian linguistics*. Vol. 21, № 3, 1997. P. 271–274.
- HSF – *Deanović M., Maixner R.* Hrvatsko-srpski francuski rječnik. Zagreb, 1956.
- Кореčný – *Кореčný F.* Nářečí Určic a okolí. Praha, 1957.
- Kott – *Kott F. Š.* Česko-německý slovník. Praha, 1878–1893. Bd. 1–7.
- Kucała – *Kucała M.* Porównawczy słownik trzzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957.
- LKŽ – *Lietuvių kalbos žodynas*. Antras leidimas. Vilnius, 1941–2002. Цит. по: *Lietuvių kalbos žodynas* (t. 1–20, 1941–2002): elektroninis variantas / redaktorių kolegija: Gertrūda Naktinienė (vyr. redaktorė), Jonas Paulauskas, Ritutė Petrokienė, Vytautas Vitkauskas, Jolanta Zabarskaitė. Vilnius, 2005. – <http://www.lkz.lt>.
- L-S – *A Greek-English Lexicon* compiled by Henry George Liddell and Robert Scott / Revised and augmented throughout by Sir Henry Stuart Jones with the assistance of Roderick McKenzie and with the cooperation of many scholars. With a revised supplement. Oxford, 1996.
- Malina – *Malina J.* Slovník nářečí mistřického. Praha, 1946.
- M-E – *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin. Bd. 1–4. Riga, 1923–1925; *Endzelin J.* Ergänzungen und Berichtigungen zu K. Mühlensbachs Lettisch-deutsches Wörterbuch. Bd. 1–4. Riga, 1934–1938.

- Matejčík 1975 – *Matejčík J.* Lexika Novohradu. Bratislava, 1975.
- Nemanić 1883 – *Nemanić D.* Čakavisch-kroatische Studien // Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Bd. 104. Wien, 1883.
- Pleteršnik – *Pleteršnik M.* Slovensko-nemški slovar. Ljubljana, 1894–1895. T. 1–2.
- PW – *Lorentz F.* Pomoranisches Wörterbuch. Berlin, 1958–1983. Bd. 1–5.
- Rix et al., 2001 – Lexikon der indogermanischen Verben. Zweite Auflage / Hrsg. von H. Rix et al. Wiesbaden, 2001.
- Shrager 2011 – *Shrager M.-M.* Accentuation of masculine monosyllabic nouns of Susak speakers in New Jersey // *Baltistica* 2011. Suppl. VII. P. 207–225.
- SIW – *Lorentz Fr.* Slovinzisches Wörterbuch. St.-Petersburg, 1908–1912. Bd. 1–2.
- SSJ – Slovník slovenského jazyka. Bratislava, 1959–1968. T. 1–6.
- Strohal 1903 – *Strohal R.* Osobine današnjega delničkoga narječja // Rad JAZU. Knj. 153. Zagreb, 1903.
- Sychta – *Sychta B.* Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1967–1973. T. 1–11.
- Šlapelis – *Šlapelis J.* Kirčiuotas lenkiškas lietuvių kalbos žodynas. Vilnius, 1940.
- Trautmann – *Trautmann R.* Die altpreussischen Sprankdenkmäler. Göttingen, 1909–1910.
- Trávníček – *Trávníček F.* Slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Warsz. – *Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W.* Słownik języka polskiego. T. 1–3. Warszawa, 1952.

Рукописи

- Чуд. – русская церковнославянская рукопись «Чудовский Новый Завет» (XIV в.). Цит. по фототипическому изданию: Новый завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святого Алексея, митрополита Московского и всея Руси (издание Леонтия, митрополита Московского). М., 1892 (расписали В. А. Дыбо и С. Л. Николаев).
- Новг. – старорусская рукопись «Псалтырь лицевая» (1548 г.). Государственный исторический музей, Увар. 592 (см. [Зализняк 1985: 213]). (расписал С. Л. Николаев).
- Цел. – старорусская рукопись «Целебник с добавлениями» (кон. XVII – нач. XVIII в.). Государственный исторический музей, Музейск. 1226 (см. [Зализняк 1985: 232–233]) (расписал А. А. Зализняк).

Диалектные источники

- Б. Слат. – болгарский габарский белослатинский говор; цит. по [Попов 1956] (расписал Дж. Шаллерт).
- Бан. – украинский западнобуквинский говор с. Банилов-Подгбрный Сторожинецкого р-на Черновицкой обл., инф. Полянская Виорика Дмитриевна, 1933 г.р.; Константин Артемович, 1911 г.р.; Гаманюк Аглая Константиновна, 1914 г.р.; Харитон Ольга Арсентьевна, 1923 г.р.; Урека Фрозина Алексеевна, 1920 г.р. Зап. С. Л. Николаев, О. Т. Ковач, 1991 г.
- Банат – болгарский банатский говор; цит. по [Стойков 1967] (расписал Дж. Шаллерт).
- Баня-Березов – украинский гуцульский говор с. Баня-Березов Косовского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.

- Бен. – украинский ужанский говор с. Бенéди́ковцы Ужгородского р-на Закарпатской обл., инф. Мария Ивановна. Зап. М. Н. Толстая, 2008 г. (расшифровка М. Н. Толстой).
- Битля – украинский верховинский говор с. Битля Турковского р-на Львовской обл., инф. Мороз Мария Николаевна, 1931 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1991 г.
- Боб. – болгарский бобошевский говор; цит. по [Кепов 1936] (расписал Дж. Шаллерт).
- Бор. – украинский палеогуцульский говор с. Борóняво Хустского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Л. Рудницкая, 1989 г.
- Бринь – украинский восточногалицкий говор с. Бринь Галицкого р-на Ивано-Франковской обл., инф. Ткачівська Марія Іванівна, 1929 г. р.; Ткачівська Юстина Іванівна, 1929 г. р.; Дрогомерецька Текла Миколаївна, 1910 г. р.; Мосляк Анна Дмитр., 1939 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Брод – украинский боржавский говор с. Брод Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Ломáга Михаил Иванович, 1921 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Бруст. – украинский изолированный говор с. Лопухóв (Бру́стуры) Тячевского р-на Закарпатской обл., инф. Баран Анна Иосифовна, 1948 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г.
- Быстр. – украинский восточногалицкий говор с. Бýстрица Надворнянского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Зеленчук Мария Онуфриевна, 1940 г. р. Зап. О. А. Абраменко, 1996 г.
- В. Ст. – украинский ужанский говор с. Верхня Стúжица Великоберезнянского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. О. А. Абраменко, М. Н. Толстая, 2008 г.
- в.-фрак. – болгарские восточнофракийские говоры; цит. по [Младенов, Кодов 1935] (расписал Дж. Шаллерт).
- Вел. – украинский палеогуцульский говор с. Велýтин Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Цифра Мария Николаевна, 1947 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1989 г.
- Вел. Копаня – украинский мараморощинский говор с. Велика Копаня Виноградовского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.
- Влс. – украинский верховинский говор с. Волосянка Сколевского р-на Львовской обл., инф. Со́кіл Ярослава Василівна, 1952 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1998 г.
- Выр. – великорусский заонежский говор д. Вырозеро Медвежьегорского р-на Карелии. Зап. А. В. Тер-Аванесова.
- Г. Дж. – болгарский благоевградский (горноджумайский) говор; цит. по [Стоилов 1905] (расписал Дж. Шаллерт).
- Гавр. – русский южноторопецкий говор д. Гаврýлово Торопецкого р-на Тверской обл., инф. Григорьева Зинаида Максимовна, 1934 г. р. (с 1960 г. живет в Пóбже). Зап. О. А. Абраменко, 1995 г.
- Ганьковица – украинский боржавский говор с. Ганьковица Свалявского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.
- Гдеш. – украинский западногалицкий говор с. Гдéшичи Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Про́коп Ольга Владимировна, 1928 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.
- Горов. – русский северносмоленский говор д. Горовáтка Жарковского р-на Тверской обл., инф. Климова Татьяна Семеновна, 1922 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1998 г.
- Гружа – сербскохорватский штокавский грузский говор; цит. по [Стевовић 1969] (расписал С. Л. Николаев).
- Дельн. – сербскохорватский чакавско-кайкавский горанский говор с. Дельнице; цит. по [Strohal 1903] (расписала Г. И. Замятина).

- Деул. – великорусский говор с. Деулино Рязанского р-на Рязанской обл., цит. по [ССРНГ] (расписал С. Л. Николаев).
- Довге – украинский боржавский говор с. Дóвге Свальявского р-на Закарпатской обл., инф. Михалюк Мария Ивановна, 1929 г. р. Зап. М. Н. Толстая, А. И. Рыко, 2001 г. (расшифровка М. Н. Толстой).
- Дуд. – русский южноторопецкий говор д. Дудкино Западнoдвинского р-на Тверской обл., инф. Москалёва Мария Игнатьевна, 1922 г. р. (живет в с. Ильинó). Зап. О. А. Абраменко, 1995 г.
- Дус. – украинский боржавский говор с. Дусина Свальявского р-на Закарпатской обл. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.
- Елена – болгарский еленский говор; цит. по [Петков 1974] (расписал Дж. Шаллерт).
- Ем. – белорусский северновитебский говор д. Емельяники Полоцкого р-на. Витебской обл., инф. Снеткова Нина Васильевна, 1940 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1996 г.
- Заб. – русский селигерский говор д. Заболотье Осташковского р-на Тверской обл., инф. Смирнова Нина Павловна, 1925 г. р. (с помощью Кашулиной Софьи Ивановны, 1921 г. р., и Елагиной Марии Федоровны, 1922 г. р.). Зап. А. И. Рыко, 1997 г. (запись только слов потенциальной а. п. d).
- Заг. – украинский боржавский говор с. Загáтье Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Лендял Анна Андреевна, 1927 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Зал. – русский северноторопецкий говор д. Залёсье Холмского р-на Новгородской обл., инф. Алексеева Антонина Николаевна, 1933 г. р. Зап. О. А. Абраменко, А. И. Рыко, 1996 г.
- Ирл. – украинский боржавский говор с. Ирлява Ужгородского р-на Закарпатской обл., неизвестные информанты. Зап. О. А. Абраменко, М. Н. Толстая, 2008 г.
- Ихт. – болгарский ихтиманский говор; цит. по [Младенов 1966] (расписал Дж. Шаллерт).
- Кер. – украинский ужанский говор с. Керецкí Свальявского р-на Закарпатской обл., инф. Греча Мария Николаевна, 1925 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.
- Клим. – украинский говор с. Климовица Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Малейко Михаил Антонович, 1926 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Коб. – украинский гуцульский говор с. Кобаки Косовского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- Ком. – русский северносмоленский говор д. Комарóво Жарковского р-на Тверской обл., инф. Хомякова Мария Никитична, 1927 г. р. Зап. Ф. Р. Минлос, А. И. Рыко, 1998 г.
- Кондраково – восточнорусский говор д. Кóндраково Муромского р-на Владимирской обл., инф. Сухорукова Екатерина Ивановна, 1924 г. р. Зап. М. Н. Толстая, О. А. Абраменко, 1994 г.
- Корп. – русский селигерский говор д. Кóрпово Осташковского р-на Тверской обл., инф. Пикалёва Нина Осиповна, 1929 г. р.; Гарголина Ева Алексеевна, 1931 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1997 г.
- Корш. – русский центральнопсковский говор д. Коршíлово Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Анисимова Таисия Матвеевна, 1930 г. р. (живет в д. Барáново). Зап. А. И. Рыко, 1996 г.
- Косм. – украинский гуцульский говор с. Космач Косовского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- Кост. – русский центральнопсковский говор д. Костры́ Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Павлова Любовь Павловна, 1914 г. р., зап. М. Н. Толстая, Ф. Р. Минлос; Аб-

- рамова Клавдия Ивановна, 1926 г.р., Кóлосова Тамара Степановна, 1935 г.р., зап. А. В. Тер-Аванесова, 1996 г.
- КП – украинский гуцульский говор с. Кобылёцкая Поляна Раховского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1989 г.
- Красн. – украинский гуцульский говор с. Краснойлов Верховинского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Тимчук Петр Дмитриевич, 1931 г.р. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.
- Крыл. – украинский восточногалицкий говор с. Крылос Галицкого р-на Ивано-Франковской обл., инф. Мария Степановна, 1934 г.р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Кузн. – русский южноторопецкий говор д. Кузнецово Торопецкого р-на Тверской обл. (с восточной стороны Наговского озера), инф. Голубева Евгения Григорьевна, 1936 г.р. (живет в Бологове с 1960 г.). Зап. О. А. Абраменко.
- Кюст. – болгарский кюстендильский говор; цит. по [Умленски 1965] (расписал Дж. Шаллерт).
- Лабынки – южнорусский говор д. Лабынки Ленинского р-на Тульской обл. Зап. Г. И. Замятина и А. В. Тер-Аванесова.
- Левач – сербскохорватский штокавский левачский диалект; цит. по [Симић 1972; 1980] (расписала Г. И. Замятина).
- Леж. – русский восточнопсковский говор д. Лежакіно Локнянского р-на Псковской обл., инф. Александрова Евдокия Васильевна, 1934 г.р. (живет в д. Миритиницы). Зап. О. А. Абраменко, 1996 г.
- ЛШ – украинский мараморошский говор с. Ліпецкая Поляна Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Гобан Елена Юрьевна, 1938 г.р. Зап. О. А. Абраменко, 2001 г.
- Луг – украинский палеогуцульский говор с. Луг Тячевского р-на Закарпатской обл., инф. Полянчук Василина Ивановна, 1940 г.р. Зап. С. Л. Николаев, 1994 г.
- Луги – украинский гуцульский говор с. Луги Раховского р-на Закарпатской обл., инф. Павлюк Одарка Семеновна, 1937 г.р., и с. Усть-Говёрла того же р-на, инф. Богуняк Анна Николаевна, 1931 г.р.; Богуняк Анна Михайловна, 1965 г.р.; Юраш Мария Михайловна, 1967 г.р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.
- Лук. – белорусский говор д. Луково Малоритского р-на Брестской обл. Зап. В. В. Стасюк.
- Лукв. – украинский восточногалицкий говор с. Луквица Богородчанского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. Г. И. Замятина, 1991 г.
- Луч. – белорусский северновитебский говор д. Лучно Полоцкого р-на Витебской обл., инф. Дánченко Надежда Фёдоровна, 1932 г.р. Зап. А. И. Рыко, 1996 г.
- Любинцы – украинский западногалицкий говор с. Любинцы Стрыйского р-на Львовской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1989 г.
- Люта – украинский ужанский говор с. Люта Великоберезнянского р-на Закарпатской обл., инф. Миовканич Мария Михайловна, 1962 г.р.; Анна, 1929 г.р.; Лошак Мария, 1929 г.р. Зап. С. Л. Николаев, Е. Л. Рудницкая, 1989 г.
- Мал. – русский северноторопецкий говор д. Малашóво Холмского р-на Новгородской обл., инф. Максимова Елена Илларионовна, 1919 г.р. Зап. Ф. Р. Минлос, 1996 г.
- Малеш. – македонский малешевский диалект; цит. по материалам МДА (расписал Дж. Шаллерт).
- Миж. – украинский западногалицкий говор с. Миженéц Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Панків Юлия Николаевна, 1919 г.р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.
- Мистр. – чешский моравский мистржицкий говор, цит. по [Malina].

- Мокрая – украинский ужанский говор с. Мокрая Перечинского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1989 г.
- Мшан. – украинский западногалицкий говор с. Мшанец Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Гула Василий Стефанович, 1925 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1991 г.
- Мыза – русский центральнопсковский говор д. Мыза Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Емельянова Зоя Федоровна, 1932 г. р. (с 50-х годов живет в д. Бўкино). Зап. О. А. Абраменко, 1996 г.
- НБ – украинский боржавский говор с. Нїжний Бїстрый Хустского р-на Закарпатской обл., инф. Барна Христина Федоровна, 1935 г. р. Зап. О. А. Абраменко, 1995 г.
- Неб. – украинский восточногалицкий говор с. Небїлов Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- Негр. – украинский верховинский говор с. Нїгровец Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Росоха Николай Федорович, 1957 г. р. Зап. М. Н. Толстая, 2010 г. (расшифровка М. Н. Толстой).
- Нов. – украинский ужанский говор с. Новосїлица Перечинского р-на Закарпатской обл., инф. Янчик Анна Андреевна, 1938 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г.
- Новоград. – словацкий новоградский диалект; цит. по [Matejčik 1975] (расписал С. Л. Николаев).
- Новос. – украинский верховинский говор с. Новосїлица Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Ковальчук Ева Федоровна, 1921 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Обади – сербскохорватский штокавский говор с. Обади; цит. по [Симић 1978] (расписала Г. И. Замятина).
- Овин. – русский селигерский говор д. Овїнец Осташковского р-на Тверской обл., инф. Власова Раиса Ивановна, 1921 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1997 г. (запись только слов потенциальной а. п. d).
- Опака – украинский западногалицкий говор с. Опака Дрогобычского р-на Львовской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1989 г.
- Пер. – украинский восточногалицкий говор с. Перїгинск Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл., неизвестный информант. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- Печ. – украинский покутский говор с. Печенїжин Коломыйского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Соколішин Мария Ивановна, 1911 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.
- Пипери – сербскохорватский штокавский пиперский говор; цит. по [Стевановић 1940] (расписал С. Л. Николаев).
- Пуст. – восточнорусский говор с. Пустошá Шатурского р-на Московской обл. Зап. А. В. Тер-Аванесова.
- Разл. – болгарский разложский говор; цит. по [Молерови 1954] (расписал Дж. Шаллерт).
- Рача – сербскохорватский штокавский рачский говор; цит. по [Павловић 1982] (расписал С. Л. Николаев).
- Рем. – русский центральнопсковский говор д. Ремїниково Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Сидорчик Клавдия Федоровна, 1921 г. р. Зап. М. Н. Толстая, 1996 г.
- Реп. – украинский палеогуцульский говор с. Рїпедя (Reredea) провинции Марамуреш, Сигетский р-н Румынии. Инф. Popovič Slawka, 1967 г. р. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- РМ – украинский изолированный говор с. Рўсская Мокрая Тячевского р-на Закарпатской обл., инф. Горкавчук Магдалина Степановна, 1944 г. р. Зап. А. И. Рыко, 1995 г.

- Рог. – русский центральнопсковский говор д. Рогово Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Васильева Нина Александровна, 1928 г.р. (живет в д. Бўкино). Зап. Ф. Мин-лос, 1996 г.
- Рона – украинский палеогуцульский говор с. Рона-де-Сус (Rona-de Sus) провинции Мара-муреш, Сигетский р-н Румынии. Инф. Fangli Otilia, 1967 г.р. Зап. О. Т. Ковач, 1988 г.
- Ручьи – белорусский восточнополоцкий говор д. Ручьи Полоцкого р-на Витебской обл., инф. Дубовская Василина Петровна, 1922 г.р. Зап. О. А. Абраменко, 1996 г.
- Сали – сербскохорватский чакавский говор с. Сали на о. Дуги Оток. Запись Е. Э. Будов-ской.
- Сем. – украинский гуцульский говор с. Семакóво (Семакóва) Путильского р-на Черновиц-кой обл., инф. Безей Параска Дмитриевна; неопознанный информант; хутор Зеленый: Комарица Евдокия Семеновна; Ехтимий; хутор Малые Рошешни: Еремейчук Евдокия Юрьевна. Зап. С. Л. Николаев, О. Т. Ковач, 1987 г.
- Симон. – белорусский загородский говор д. Симоновичи Дрогичинского р-на Брестской обл. Материал записан С. Л. Николаевым от носителя говора к. ф. н. Ф. Д. Климчука.
- Син. – украинский верховинский говор с. Синевір Межгорского р-на Закарпатской обл., инф. Цимбóта Анна Степановна, 1940 г.р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1993, 1995 г.
- СинП – украинский верховинский говор с. Синевірская Поляна Межгорского р-на Закар-патской обл., инф. Бабичин Мария Степановна, 1954 г.р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1998 г.
- Скот. – украинский верховинский говор с. Скотáрское Воловецкого р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.
- Слэзы – русский центральнопсковский говор д. Слэзы Пушкиногорского р-на Псковской обл., инф. Васильева Ольга Григорьевна, 1926 г.р. Зап. О. А. Абраменко, 1996 г.
- Смехн. – русский северноторопецкий говор д. Смэхново Холмского р-на Новгородской обл., инф. Петрова Ольга Андреевна, 1933 г.р. (с 1953 г. живет в Залэсье). Зап. О. А. Абраменко, 1996 г. (к сожалению, не записан instr. sg., в котором есть «лишние» окситонезы у слов а. п. *d* и *b*).
- Смол. – болгарский смольский говор; цит. по [Кънчев 1968] (расписал Дж. Шаллерт).
- Смолян. – белорусский западнополесский говор с. Смоляница Пружанского р-на Брест-ской обл. Запись В. Н. Босака.
- Сопки – русский северноторопецкий говор д. Сопки Холмского р-на Новгородской обл., инф. Лукинá Татьяна Васильевна, 1932 г.р. Зап. А. И. Рыко, 1996 г.
- Ставн. – украинский ужанский говор с. Ставное Великоберезнянского р-на Закарпатской обл., инф. Бегені Мария Ивановна, 1930 г.р. (с 1949 г. живет в Верхней Стужице). Зап. О. А. Абраменко, М. Н. Толстая, 2008 г. (расшифровка М. Н. Толстой).
- станисл. – украинские станицлавские говоры; цит. по [Hanusz 1884].
- Стопч. – украинский покутский говор с. Стопчáтов Коломыйского р-на Ивано-Франков-ской обл., инф. Магóвка Мария Николаевна, 1958 г.р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Тол-стая, 1995 г.
- Сусак – сербскохорватский чакавский говор о. Сусак, цит. по [ННГ] (используется матери-ал из части статьи, написанной М. Храсте; расписала Е. Э. Будовская) и [Shrager 2011].
- Тет. – болг. тетевенский говор; цит. по [Стойчев 1915] (расписал Дж. Шаллерт).

- Тис. – украинский западногалицкий говор с. Тисов Долинского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Андрейків Юстина Іванівна, 1940 г. р. (ЮА); Василичко Анастасія Николаевна, 1927 г. р. (ВАН). Зап. С. Л. Николаев, 1988, 1993 г.
- Тор. – украинский верховинский говор с. Торунь Межгорского р-на Закарпатской обл.; цит. по [Николаев, Толстая 2001].
- ТП – украинский боржавский говор с. Тўрья Поляна Перечинского р-на Закарпатской обл., инф. Чаки Мария Михайловна. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.
- Трст. – сербскохорватский штокавский говор Трстеника; цит. по [Јовић 1968] (расписал С. Л. Николаев).
- Тур. – украинский восточногалицкий говор хут. Туровка Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Тынóк Леонид Леонович, 1966 г. р. Зап. С. Л. Николаев, Г. И. Замятина, 1988, 1991 г.
- Тышк. – украинский покутский говор с. Тышковцы Городенковского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Бабинский Федор Иванович, 1920 г. р.; Олена Миколаївна, 1923 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1990 г.
- Угля – украинский мараморошский говор с. Ўгля Тячевского р-на Закарпатской обл., неизвестный информант. Зап. Е. Э. Будовская, 1988 г.
- Феликс. – белорусский западнополюцкий говор д. Феликсóво Браславского р-на Витебской обл., инф. Пучинская Феврония Даниловна, 1935 г. р. (живет в соседней д. Браcлáвская Лука). Зап. М. Н. Толстая, С. Л. Николаев, 2003 г.
- Худл. – украинский боржавский говор с. Хўдлево Ужгородского р-на Закарпатской обл., инф. Романко Мария Михайловна, 1923 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Чапли – украинский западногалицкий говор с. Ча́пли Старосамборского р-на Львовской обл., инф. Кулакевич Мария Ильковна; Кулакевич Николай Михайлович, 1913 г. р.; Здрóв Мария Николаевна, 1912 г. р.; Гучок Мария Петровна, 1941 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1989 г.
- Черн. – украинский надсанский говор с. Черня́ва Мостисского р-на Львовской обл., инф. Параскевия Ивановна, 1911 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1991 г.
- ЧП – украинский боржавский говор с. Чёрный Пóток Иршавского р-на Закарпатской обл., инф. Шока Мария Васильевна, 1936 г. р.; Демчик Анна Васильевна, 1926 г. р.; Лендял Анна Васильевна, 1943 г. р.; Синитарь Мария Васильевна, 1924 г. р.; Скуба Гафия Ивановна, 1916 г. р.; Лендял Мария, 1913 г. р. Зап. Г. И. Замятина, 1993 г.
- Ших. – русский северносмоленский говор д. Шихотóво Гороватского с/с Жарковского р-на Тверской обл., инф. Башкирова Татьяна Леонидовна, 1923 г. р. Зап. М. Г. Шрагер, 1998 г.
- ШЛ – украинский мараморошский говор с. Ширóкий Луг Тячевского р-на Закарпатской обл., инф. Тánченец Василиса Стефановна, 1934 г. р. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.
- Ябл. – украинский гуцульский говор с. Яблоні́ца Надворнянского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Сáвчин Анна Дмитриевна, 1938 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г.
- Яв. – украинский гуцульский говор с. Яворóв Косовского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Бучóк Параска Петровна, 1926 г. р. Зап. С. Л. Николаев, М. Н. Толстая, 1995 г.
- Яр. – украинский ужанский говор с. Ярок Ужгородского р-на Закарпатской обл., инф. Микулич Анна Иосифовна, 1919 г. р.; Деревлянок Анна Андреевна, 1930 г. р.; Червеняк Анна Федоровна. Зап. С. Л. Николаев, 1988, 1994 г.
- Ясень – украинский восточногалицкий говор с. Ясень Рожнятовского р-на Ивано-Франковской обл., инф. Федорак Параска Васильевна. Зап. С. Л. Николаев, 1988 г.

М. Н. Толстая
(Москва)

Карпатоукраинские энклитики в южнославянской перспективе*

Владимиру Антоновичу Дыбо

Среди карпато-балканских схождения выделяется черта, касающаяся системного принципа организации языка, которой юго-западные украинские говоры резко выделяются из восточнославянского континуума и объединяются, в частности, с южнославянскими языками, а именно, грамматическая (так наз. вакернагелевская) система энклитик. На эту особенность юго-западных украинских говоров указывал еще Р. О. Якобсон [Jacobson 1935/1971]; в поле зрения более поздних западных исследователей попал гуцульский диалект [Franks, King 2000: 194–201].

1. Вводные замечания. Юго-западные украинские говоры относятся к группе славянских языков, для которых актуально так называемое правило Вакернагеля, сформулированное им для древних индоевропейских языков: энклитики, относящиеся к сказуемому, стремятся занять «второе место во фразе» – точнее, место в конце первой тактовой группы фразы. Если в первой тактовой группе фразы оказывается несколько энклитик, они образуют единый блок, причем порядок энклитик в блоке четко определен, и в соответствии с ним каждому классу энклитик может быть приписан определенный ранг; энклитика старшего ранга всегда предшествует энклитике младшего (см. [Зализняк 2008: 27]).

Традиционные правила постановки энклитик во фразе очень устойчивы и трудно поддаются заимствованию. Например, даже в современном русском языке, утратившем древнюю систему, оставшиеся ее «осколки» ведут себя традиционно: так, частица *бы* стремится к началу предложения и, с одной стороны, не может начинать фразу, с другой – находясь после глагола, не может быть отделена от него другими словами¹ – напри-

---

* Статья написана в рамках Программы Секции языка и литературы ОИФН РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики» (проект «Синтаксическая типология: сочинение, эллипсис, типология клитик и систем порядка слов»). Благодарю С. Л. Николаева и А. В. Циммерлинга за ценные замечания и помощь при подготовке статьи.

¹ Кроме частицы *ли*, также являющейся энклитикой (более старшего ранга): ср. *Согласились ли бы вы?*

мер, можно сказать *поискал бы ты как следует*, но не **поискал ты бы как следует*. Как показал А. А. Зализняк на материале Национального корпуса русского языка [Зализняк 2008: 268], точно так же сохраняет актуальность правило рангов энклитик: так, в настоящий момент в НКРЯ на 1171 пример порядка слов *ли бы* приходится лишь 7 примеров порядка *бы ли* (по текстам XIX–XXI в., при этом в XIX в. – ни одного примера *бы ли*).

Славянскими энклитиками группы сказуемого являются, во-первых, энклитические частицы, во-вторых – изменяемые энклитические формы личных и возвратного местоимений и служебных глаголов. Как отмечал Р. О. Якобсон, «энклитики-частицы, подчиняющиеся правилу Вакернагеля, существуют во всех славянских языках, в то время как не все языки применяют это правило к изменяемым энклитикам» [Jakobson 1935/1971: 16]. Ниже идет речь именно об изменяемых энклитиках².

Как следует уже из самого правила Вакернагеля, для изучения энклитик более существенны их синтаксические свойства (поведение в предложении), чем их просодический статус³. Р. О. Якобсон считал, что фонетическая безударность энклитик является следствием их синтаксических свойств, которые определяются их подчиненным грамматическим статусом: «Мейе справедливо подчеркивает факт, что именно служебный характер этих слов является ключевым фактором для этого правила. Каждое слово этой категории является определением, не являясь определяемым. Оно не несет фразового акцента, поскольку является подчиненным и никакое другое слово не зависит от него: его безударный характер, таким образом, – синтаксического происхождения. Порядок слов свидетельствует о разных формах и оттенках отношений между словами; служебное слово, являясь абсолютно подчиненным, не может претендовать на исполъ-

---

² К ним причисляется также **se*, в современных языках часто трактуемое как возвратная частица.

³ В подавляющем большинстве работ, посвященных «вакернагелевским» энклитикам, рассматривается именно их поведение в предложении (порядок слов), независимо от их просодических свойств; для изучения энклитик по письменным неакцентуированным источникам такой подход оказывается единственно возможным. De facto правило Вакернагеля «переворачивается» и используется как определение энклитик: слова, выполняющие «вакернагелевское» синтаксическое условие, признаются энклитиками. В последнее время рядом исследователей (А. А. Зализняк [2008], А. В. Циммерлинг [Zimmerling 2009] и др.; ср. также [Толстая 2000]) было отмечено, что в отдельных языках множество слов, являющихся фонетическими энклитиками, и множество слов, синтаксически подчиняющихся правилу Вакернагеля, не обязательно совпадают, поэтому следует различать фонетические и синтаксические энклитики. В настоящей статье рассматриваются именно синтаксические энклитики.

зование различных значимых оппозиций, которое определяет свободный порядок слов; этим объясняется энклитичность служебного слова и его фиксированное место во фразе» [Jakobson 1935/1971: 16].

Справедливость суждения Якобсона подтверждается историей формирования систем славянских энклитик: в различных языках энклитиками становились краткие формы местоимений и служебных глаголов, со временем утверждаясь на «вакернагелевском» месте в предложении. В старославянском языке энклитиками, подчиняющимися правилу Вакернагеля, были «союзы *бо, же*, вопросительная частица *ли*, дательный падеж личных местоимений *ми, ти, си* и винительный падеж местоимения 3 лица *и, љ, ља, ља*» [Вайян 1952: 410]. Ряд других местоименных и глагольных форм Вайян называет «полуэнклитиками», поскольку в старославянских текстах сохраняются отдельные примеры употребления их в начале фразы: таковы местоименные формы вин. п. *ма, са, та, ны, вы*⁴, формы условного наклонения *бимь (быхъ), би...*; формы настоящего времени *љмь, љси...* как вспомогательные в составе перфекта [Вайян 1952: 176, 411–412]. В древнерусском языке эти категории слов уже функционируют как энклитики [Зализняк 2008: 32–38, 264 и др.]. То же наблюдается в языке древнейших сербских грамот (XII–XIII в.); в системе изменяемых энклитик к ним добавляются энклитические формы местоимений 3 л. ед. ч.: дат. п. *му, љи*, новый вин. п. м. р. *га* и служебные формы глагола *хтети* как показателя будущего времени [Павлович 2011: 39]. В XIV–XV в. в древнесербском вместо старых местоименных форм *ны, вы* в дат. и вин. п. начинают употребляться как энклитики формы *нам, вам, нас, вас* (см. подробнее [Толстая 1991]). В современном сербскохорватском языке к ним добавились также краткие формы местоимений род. п. (совпадающие по форме с вин. п.) *ме, те, га, је, нас, вас, их*.

История формирования энклитических форм в сербскохорватском языке непосредственно отразилась в истории их ранговой организации, т. е. порядка энклитик внутри блока. Для древнесербского языка основным принципом, определяющим порядок энклитик в блоке, считается относительная хронология их формирования, а именно, более старые по происхождению энклитики предшествуют более новым [Грицкат 1972:

⁴ Как полуэнклитики могут употребляться также формы местоимений *имь* (твор. ед. м./ср. р.), *ихъ, имь* (род./вин.] и дат. мн.); отмечаются также отдельные случаи употребления «в положении полуэнклитики» формы именительного падежа местоимения *вы* [Вайян 1952: 208, 411–412].

95]. Однако уже в древнейших сербских грамотах этот принцип нарушается рангом энклитических аористных форм глагола «быть» (*бити*) в составе сослагательного наклонения (*бих, би...*), предшествующих в блоке древнейшим местоименным энклитикам дательного падежа (тогда как энклитические формы презенса глаголов *бити* и *хтећи* следуют за местоименными энклитиками) (см. [Павловић 2011: 46; Толстая 1991: 202]).

2. Современная сербскохорватская система. В современном сербскохорватском языке все глагольные энклитики (кроме *је* – 3 ед. наст. глагола *бити*) имеют одинаковый ранг и предшествуют местоименным. Современная иерархия энклитик выглядит следующим образом: 1) *ли*; 2) глагольные энклитики – формы глаголов *бити* (кроме 3 ед. наст.) и *хтећи*; 3) местоименные энклитики дательного падежа; 4) местоименные энклитики винительного/родительного падежа; 5) возвратная частица *се* (*вин. п.); 6) 3 ед. наст. глагола *бити* [Синтакса 2005: 104; Brown 1993: 324, 339]. Таким образом, диахронически позднейшие глагольные энклитики, являющиеся грамматическими показателями глагольных форм или связками, оказываются ближе к началу предложения, чем менее грамматикализованные краткие формы местоимений.

По образцу старого противопоставления полных и кратких форм личных и возвратного местоимений дательного и винительного падежа (ср. ст.-слав. *мнѣ* – *ми*, *мене* – *ма*, *насъ* – *ны* и т. д.) в сербскохорватском развилось противопоставление кратких (энклитических) и полных (ударных) форм для большинства местоименных и глагольных форм, задействованных в системе энклитик (см. таблицу). Ударные формы употребляются под логическим ударением и в начале предложения, местоименные также в сочетаниях с предлогами.

Вне формального противопоставления полных и кратких форм остаются только формы аористной основы глагола *бити* в составе сослагательного наклонения и местоименные формы вин./род. п. мн. ч.

Энклитики, относящиеся к сказуемому, в предложении объединяются в блок⁵ и в нейтральном случае занимают место в конце первой тактовой группы предложения, точнее, клаузы (синтаксической составляющей, вершиной которой является глагол или связка)⁶. Если клауза начинается с союза или союзного слова, являющихся проклитиками (кроме соедини-

⁵ Исключения из этого правила редки, см. [Maretić 1899: 437].

⁶ Уточнение понятия клаузы применительно к синтаксису энклитик см. [Зализняк 2008: 12–15].

местоименные							
		Ед. ч.				Мн. ч.	
		кратк.		полн.		кратк.	полн.
1 л.	дат.	<i>ми</i>		<i>мѣни</i>		<i>нам</i>	<i>нѣма</i>
	вин./род.	<i>ме</i>		<i>мѣне</i>		<i>нас</i>	<i>нѣс</i>
2 л.	дат.	<i>ти</i>		<i>тѣби</i>		<i>вам</i>	<i>вѣма</i>
	вин./род.	<i>те</i>		<i>тѣбе</i>		<i>вас</i>	<i>вѣс</i>
		Муж. и ср. р.		Жен. р.			
3 л.	дат.	<i>му</i>	<i>нѣму</i>	<i>joj</i>	<i>нѣj</i>	<i>им</i>	<i>нѣма</i>
	вин./род.	<i>га</i>	<i>нѣга</i>	<i>je</i>	вин. нѣу, род. нѣѣ	<i>их</i>	<i>нѣих</i>
Возвр. мест.	дат.	[<i>си</i> – редк.]	<i>сѣби</i>				
	вин.	[<i>се</i> (частица)]	<i>сѣбе</i>				
глагольные							
		Лицо	Ед. ч.		Мн. ч.		
<i>бити</i> (основа наст. вр.)	1	<i>сам</i>	<i>jѣсам</i>	<i>смо</i>	<i>jѣсмо</i>		
	2	<i>си</i>	<i>jѣси</i>	<i>сте</i>	<i>jѣсте</i>		
	3	<i>je</i>	<i>jѣст(е), jѣ*</i>	<i>су</i>	<i>jѣсу</i>		
<i>бити</i> (основа аориста)	1	<i>бих</i>	[<i>бѣх</i>]**	<i>бисмо</i>	[<i>бѣсмо</i>]		
	2	<i>би</i>	[<i>бѣ</i>]	<i>бисте</i>	[<i>бѣсте</i>]		
	3	<i>би</i>	[<i>бѣ</i>]	<i>би</i>	[<i>бѣше</i>]		
<i>хтети</i>	1	<i>ћу</i>	<i>хѣћу</i>	<i>ћемо</i>	<i>хѣћемо</i>		
	2	<i>ћеи</i>	<i>хѣћеи</i>	<i>ћете</i>	<i>хѣћете</i>		
	3	<i>ће</i>	<i>хѣће</i>	<i>ће</i>	<i>хѣће</i>		

* Ударная форма *jѣ* употребляется только в вопросительных предложениях и ответах на них: *A: Je li tako? B: Je* [НПР].

** Ударные формы *бѣх, бѣ*... являются формами аориста и в современном языке неупотребительны; в составе сослагательного наклонения соответствующие формы никогда не бывают ударными.

тельных союзов *и, а, ни*), энклитики располагаются непосредственно после них, образуя так называемый проклитико-энклитический комплекс⁷, и таким образом оказываются в середине первой тактовой группы: *Сѣо*

⁷ О проклитико-энклитических комплексах в древнерусском и старославянском языке см. [Зализняк 2008: 72–78].

sam da te u Beogradu mnogo hvale ‘Я слышал, что тебя очень хвалят в Белграде’; *Stan vam ustupam, jer ću cele iduće godine biti u inostranstvu* ‘Я уступаю вам квартиру, так как весь следующий год буду за границей’; *Raspisali smo konkurs, ali se niko nije javio* ‘Мы объявили конкурс, но никто не записался’ и т. д. (примеры из [Klajn 2005: 261]). Современный сербскохорватский язык является «классическим» славянским примером языка с вакернагелевской системой энклитик, стремящихся занять место в первой тактовой группе фразы. При этом синтаксические энклитики всегда безударны, т. е. всегда являются и просодическими энклитиками.

3. Центральнoзакарпатская система. Типологически близкой к сербскохорватской оказывается система, представленная в центральнозакарпатских украинских говорах. В качестве примера мы рассматриваем синтаксическую систему изменяемых энклитик верховинского говора с. Синевир Межгорского района Закарпатской области⁸.

Состав и иерархия синтаксических изменяемых энклитик. Порядок рангов основных групп энклитик таков: 1) формы глагола *booti* (‘быть’) от основы аориста в сослагательном наклонении: *bim, bis’, bisme, biste; boo*; 2) *l*-формы глагола *booti* в составе формы плюсквамперфекта в сослагательном наклонении: *bool, boóla, boólo, boólr*; 3) формы 1–2 лица глагола *booti*⁹ от презентной основы в составе форм перфекта и в качестве связки при именном сказуемом: *(i)m, (i)s’, (i)sme, (i)ste* (в зависимости от исхода предшествующего слова – *xodíw-im, xodíla-s’, xodílr-sme*); 4) косвенные формы личных и возвратного местоимений: дат. *mI, tI, tu, jüj, sI, nam, vam, (j)im*; вин./род. *n’a, t’a, go, ji* (вин. также *ju*), (*s’a* – в сочетании с предлогами), *nas, vas, (j)ix*¹⁰; 5) возвратное *s’a*.

⁸ О просодическом статусе синтаксических энклитик в синевирском диалекте см. [Толстая 2000: 136, 142–143]. Материал записан в экспедициях Института славяноведения РАН под рук. С. Л. Николаева в 1993–2008 гг.

⁹ Ударные формы настоящего времени глагола *booti* 1–2 лица практически не употребляются. Отмечен пример *Ćom too túj jés’?* «Для чего ты тут находишься?» (реплика, обращенная к продавщице в магазине). Формы 3 лица *je, sut* употребляются только как полнозначные (в значении ‘есть, находится’).

¹⁰ Ранговая иерархия падежных форм местоименных энклитик неясна. Примеры энклитических блоков с двумя формами личных местоимений нам не встретились. Возможно, такие блоки избегаются; ср. пример, где две краткие формы местоимений не образуют блок: *No ta tám klíkalí yo, šoféoo totóó, jág yo privézlí mû ta kazálí šo tám yo klíkalí Buján* ‘Ну там звали его (коня), эти шоферы, когда его (коня) привезли ему (сыну), говорили, что там его звали Буян’.

Ранговый порядок изменяемых энклитик, таким образом, соответствует современному сербскому порядку, в котором глагольные энклитики также предшествуют местоименным.

Некоторые примеры:

U sés' svéter i c'vítu boo ti s'a nabrálo, jag bis' koróvi jšlá daváti 'В этот свитер и сенной трухи бы у тебя набралось, если бы ты пошла кормить корову'
no pak too bis' s'a túj vüddála dës' do kóyos' 'ну ты бы здесь вышла замуж за кого-нибудь'

Nó napríklat zastávila bis' n'a ščós' takóje robíti, ščo já ne robíla 'Ну, например, ты бы меня заставила что-то такое делать, что я не делала'

Toó úprw, ta too bis' s'a s'mijáv užé xót' iš čóyo 'Ты выпил, и ты уже готов смеяться над чем угодно'

No já lëgin', a too d'iwka. Ta xót'ila bim t'a wz'áti, a máma boo mi ne davála, obím t'a brála 'Ну (например) я парень, а ты девушка. И я бы хотела на тебе жениться, а мама бы мне не давала на тебе жениться'

No dëz' bim t'a wz'ála ta drool'ála ták, tručála 'Ну так бы я тебя взяла и толкала так, пихала'

Nó dáli bisme s'a móo dví w sút na čómus' 'Ну, подали бы мы две друг на друга в суд из-за чего-нибудь'

Voó biste kazáli ščo «prüšow pr'ámo», a já bim kazála – «právo prüšow» 'Вы бы сказали «пошел прямо», а я бы сказала – «право пошел»'

Kláli biste n'a stórožiti dës' ščós' kolo čóyos' 'Поставили бы вы меня сторожить где-то что-нибудь около чего-нибудь'

Ÿét-im s'a pomastíla 'Я вся выпачкалась'

Ták-im s'a napúdíla šo ón' izüwjála 'Я так испугалась, что мне даже плохо стало'

Nó ta ták-im s'a nóči bojála, jak oyn'á 'Ну так я боялась ночи, как огня'

Bo já robíla vüit trí ýódoó, vütkój mi s'a óči w ýólw zad'íli, taj vütkój-im s'a wčíla ýovoríti ta rúno-m robíla 'Потому что я работала с трех лет, с тех пор как (увидела свет), и с тех пор как училась говорить, я всё время работала'

Káže, ták-im upála ta ták-im s'a wbíla, šo níč-im s'a ne rožumíla, a dále-m s'a pročun'ála taj püšlá-m 'Говорит, я так упала и так ударилась, что ничего не сообщала, а потом я пришла в себя и пошла'

Narobíla-m s'a, ýrëbla-m učóra i nažárilo n'a sónce, to taká-m faradná 'Я наработалась, вчера гребла (сено) и солнце меня напекло, и я такая усталая'

Ták ščo vátow-im ýó móóla, takój boow tvérđo koorvánooj ta pobítooj 'Так что я его мыла ватой, такой он был сильно окровавленный и побитый'

снилистемися не онь файно 'вы не очень хорошо мне снились' (из письма)

A napúdíli ste s'a obá 'А вы оба испугались'

A sérce mi s'a tág boólo nadúlo jakós' 'А сердце у меня так раздулось как-то'

Nó, pak poкупáteļ d'vít sobí, jakí, cī l'úbit mu s'a, cī ne l'úbit – idé dále, ás mu s'a ne l'úbit 'Ну, покупатель смотрит себе, какие, нравится ли ему или не нравится – идет дальше, если ему не нравится'

A sníw jūj s'a o'téc' 'А ей снился отец'

Bo káže nám s'a vúttoo víd'ilo rás ščo Án'cna xoóža yorít, dále nam s'a víd'ilo ščo náša 'Потому что, говорит, нам оттуда сначала показалось, что Аньцина хата горит, а потом нам показалось, что наша'

Jakós' im s'a wdálo ták 'Как-то им так удалось'

Ščós' sī koróva vūmn'a wbíla 'Что-то корова ударила выменем (ударила себе вымя)'

Ta abo toťú dobre w zímī jag zaméřzne ta zakačáti do xoós obóó s'a rozméřzla obóó sī i kapústoo wz'áti 'Ну или эту (бочечку) хорошо зимой, когда замерзнет, вкатить в дом, чтобы она разморозилась, чтобы взять себе капусту'

Nó idé mi xlopčíšče w ármiĵu, ba dé bim sī málo kae s'ríbla doboóla, obóóm mu poklála 'Ну идет у меня парень в армию, да где бы мне немножко, говорит, раздобыть ругти, чтобы ему положить (в качестве оберега)'

Nó neščas'c'a boó yo róbito 'Несчастье бы его побило' (проклятие)

Xrézd boó yo wbíw 'Крест бы его убил' (проклятие)

Tá kážut: knýoo jūj s'a zal'ipíli, mnóyo mukóó jila, ta zal'ipíli jūj s'a knýoo, ta ne róbit jī žqlúdok 'И говорят (о корове): книжка (отдел желудка) у нее слиплась, много муки ела, и слиплась у нее книжка, и не работает у нее желудок'

A ják bolít, jak s'a ščós' püid nóxot' zad'íje, – cī zad'ílo vam s'a dákolí? 'А как больно, если что-то заденется под ноготь, – вам когда-нибудь задевалось?'

Káže malóój – jág boó nám, S'c'ópa, tréba, obóó w nas xoóža boóla taká obóó w n'új ne boólo kutá ta ne klála boó nas máma na kol'ína! 'Говорит младший – как бы нам, Степа, было нужно, чтобы у нас хата была такая, чтобы в ней не было угла и не ставила бы нас мама на колени!'

Cī bol'át vas nóyoo, cī bol'át vas róckoo 'Или у вас болят ноги, или у вас болят почки'

Отмечен пример употребления как энклитики формы творительного падежа местоимения 3 л. ед. ч. муж. р.: *píše nim s'a* 'им пишется' (о кардаше)¹¹.

В синевирском говоре в энклитической позиции употребляются также фонетически ударные формы служебного глагола плюсквамперфекта

¹¹ Ср. возможность употребления формы тв. ед. *имь* как «полуэнклитики» в старославянском [Вайян 1952: 411], а также мнение Р. Ротштейна об энклитичности этой формы в польском языке [Rothshejn 2003: 724–725].

в сослагательном наклонении, образуя при этом блок с другими энклитиками (см. подробнее [Толстая 2000]), ср.:

Ne wz'ála-m kljǫŋku, kaže, a dóbra bǫ bóla mǐ tepér' bóla 'Не взяла я клеён-ку, говорит, а она бы мне теперь пригодилась'

Bóya bǫ bóla-s' s'a bojála 'Побоялась бы ты Бога'

Ta dé bǫ bóli s'a d'ilǐ? 'Да куда бы они делись?'

Краткие и полные формы. В отличие от сербскохорватского, полные и краткие формы формально противопоставляются в синеви́рском говоре только у местоимений:

	1 sg.	2 sg.	3 sg.		Возвратное местоимение
			муж. и ср. р.	жен. р.	
вин.	<i>mené, na méne</i>	<i>tebé, na tébe</i>	<i>jojó, na n'óyo</i>	<i>jeji</i>	<i>sebé, na sébe</i>
вин. кратк.	<i>(na) n'a;</i> [редк.] <i>mn'a</i>	<i>(na) t'a</i>	<i>yo</i>	<i>ji, редк. ju;</i> <i>na n'u</i>	<i>(na) s'a</i>
род.	<i>mené, do méne</i>	<i>tebé, do tébe</i>	<i>jojó, do n'óyo</i>	<i>jeji, do néji</i>	<i>sebé, za sébe</i>
род. кратк.	<i>(u) n'a,</i> <i>(u) mn'a</i>	<i>(u) t'a</i>	<i>yo</i>	<i>ji</i>	<i>(u) s'a</i>
дат.	<i>męn'ǐ</i>	<i>tǫbí</i>	<i>jǫmú, ǐd n'ǫmu</i>	<i>jǫj, ǐd n'ǫj</i>	<i>sǫbí, ǐd sǫbí</i>
дат. кратк.	<i>mǐ</i>	<i>tǐ</i>	<i>mu</i>	<i>jǫj, редк. ji</i>	<i>sǐ</i>

Краткие формы местоимений винительного и родительного падежа свободно употребляются с предлогами¹² (при этом они могут быть как ударными, так и безударными):

Ják yǫd n'a svéter prrosǐlo, jaká rosá velíka bóla 'Как у меня свитер (оставленный на дворе) намок от росы, какая сильная была роса'

Bóže mǫj, kaže, Bóže, jednojó-m soóna mála, taj tót yǫd n'a umér, kaže 'Боже мой, говорит, Боже, один был у меня сын, и тот у меня умер, говорит'

čeres tébe ták na n'a jójkalǐ 'из-за тебя так на меня кричали'

Ta nús na konǐ soóra, a soór znájete, jak víter zavǐjav, ta ták na n'a ščǫz' zapáx 'И он вез на коне сыр, а сыр, знаете, как ветер на меня подул, то так на меня что-то пахнул'

¹² В современном сербскохорватском языке с предлогами обычно употребляются полные формы местоимений [Стевановић 1964: 311], в отличие от древнесербского, где с предлогами широко употреблялись энклитические формы, как и в других древних славянских языках (ср. ст.-слав., др.-рус. *на ма* и т. п., см. [Зализняк 2008: 36–37]).

Ta totó kážut réklik, na l'itó na s'a bráti, s kúrtoomi rukavámi 'И это называется реклик, летом носить, с короткими рукавами'

Qz mí na s'à w spít ščós' téploje 'Подлень снизу что-нибудь теплое'

ta ják s'a ubiráw, ta wz'áw na s'a s'oróčku náruboo 'и когда одевался, надел рубашку наизнанку'

ta mnóyo rás-im na s'a podívla 'и я много раз на себя посмотрела'

Sokotí, ne potoločí yüd n'á nitkoo! 'Осторожно, не перепутай мне нитки!'

Более того, сочетание кратких форм местоимений с предлогами участвуют в блоке энклитик (причем могут в позиции после управляющего глагола отделять от него возвратное *s'a*):

Moo kážete «imíw-iz' do n'á s'a yi ripl'ák» 'Мы говорим «ты прицепился ко мне, как репей»'

No ta kazáti boo boóti mámi, ščo wródit u t'a s'a wže xlopčíšče 'Ну и сказали бы маме, что у тебя уже родится мальчик'

Nó, napríklat rozđer u t'a s'a svéter 'Ну, например, у тебя порвался свитер'

Ne polučílo w t'a s'a ščós' 'У тебя что-то не получилось'

Ba too ščós' chóčeš oboó za t'a s'a pomolíla 'Да ты почему-то хочешь, чтобы она за тебя помолилась'

Ščóz' za t'a s'a yovorílo 'Что-то про тебя говорили'

No pak najímn'álo na t'a s'a ps'áčkoo 'Ну к тебе наприщеплялось псячки (род травы)'

S'ak'í w nas s'à ne zberájut, xrés'n'ata 'Такие у нас не женятся (между собой), крестнята (родные и крестные дети)'

Позиция после союза. Энклитики употребляются после некоторых союзов-проклитик:

Pak jak ti úpaw zúp, ták is' s'a i ostála ščerbá 'Ну если у тебя выпал зуб, так ты и осталась шербатая'

a súk – totó jak s'a vüdlómíw stówp ta oštáw s'a liš súk 'а сук – это когда отломилась ветка и остался только сук'

Vad' děs' peret stájn'i rosóopalo s'a, ta káe püdzbiráj, bo ják-is' porosóopála, jak is' nésla do stájn'i 'Или где-нибудь перед хлевом рассыпалось, и говорят, «подсобери, вон как ты порассыпала, когда несла в хлев»'

Já ne znáju, ci moo se písáti, ci ne písáti, aš isme písáti, nájdeš 'Я не знаю, писали мы это или не писали, если писали, найдешь'

Mostít s'a koróva, koj s'a chóce telíti 'Мостится корова, когда собирается телиться'

Однако постановка энклитики после союза-проклитики не является обязательной, ср.:

A jak s'ák pómísit s'a na vés'n'i, to c'vítom pošóopl'ut, ta skóro tám pag dále zarástat travá 'А когда так потопчут весной, то посыпают сенной трухой, и скоро там потом зарастает травой'

Vàt' jak šós' s'a dogovoríli 'Или если о чем-нибудь договорились'

aš tkós' s'a zayúbit 'если кто-то потеряется'

koj ríže s'a wts'ák tel'á, ta kájut «lába s tel'átri», «tel'áča lába» 'когда режут так теленка, то говорят «нога теленка», «телячья нога»'

После ряда союзов-проклитик, в частности, *i, a, ta, taj, bo*, энклитики никогда не ставятся.

Таким образом, отличия синевириской системы от современной сербскохорватской таковы:

в отношении инвентаря и синтаксиса изменяемых энклитик:

– отсутствие энклитических форм глагола «хотеть» и форм 3-го лица настоящего времени глагола «быть» (в составе перфекта и в качестве связки при именном сказуемом);

– свободное употребление кратких форм местоимений в сочетании с предлогами;

– противопоставление полных и кратких форм только у местоимений;

– видимое избегание конструкций с двумя энклитическими формами личных местоимений;

– спорадическое употребление в качестве энклитики формы творительного падежа местоимения 3 л. ед. ч. муж. р.;

– синтаксическая энклитичность перфектных форм глагола *booti* в составе форм сослагательного наклонения;

в отношении просодических свойств энклитик:

– синтаксические энклитики могут быть ударными (постоянно или окказионально).

Можно отметить, что по сравнению с сербскохорватским языком синевириский говор пошел по пути «синтаксизации» системы – расширения круга местоименных и глагольных форм, выступающих как синтаксические энклитики (сочетания кратких форм местоимений с предлогами, спорадическая энклитичность местоимений творительного падежа, синтаксически энклитичные формы служебного глагола плюсквамперфекта в сослагательном наклонении). При этом просодический статус этих форм оказывается более свободным – синтаксические энклитики в некоторых условиях могут принимать на себя ударение (или даже просто быть ударными, как в формах плюсквамперфекта); при менее развитой фор-

мальной оппозиции полных и кратких форм их противопоставление как ударных и безударных не является строгим. Остается строгим лишь запрет на употребление энклитик в начале фразы и после некоторых союзов-проклитик (в частности, *i, a, ta, taj, bo*); в этой позиции всегда употребляются полные (ударные) формы.

Фундаментальным принципом, объединяющим синевирийский говор с сербскохорватским языком, остается закон Вакернагеля, по которому энклитики стремятся занять место в первой тактовой группе фразы. При этом наблюдаются следующие общие черты:

- развитая система местоименных и глагольных энклитик;
- невозможность употребления соответствующих форм в качестве проклитик в начале фразы;
- объединение энклитик в блок;
- жесткий порядок энклитик внутри блока;
- тождественные принципы ранговой организации изменяемых энклитик (глагольные – местоименные – возвратное *se);
- невозможность употребления синтаксических энклитиков после соединительных союзов *a, i*.

4. Другие славянские языки. На восточнославянской территории вне юго-западных украинских говоров, как известно, система изменяемых местоименных и глагольных клитик полностью утрачена. В болгарском и македонском языках изменяемые клитики, как правило, не могут располагаться дистантно от управляющего глагола, в македонском при этом возможна их постанова в начале предложения. В польском тяготение энклитик к началу предложения ослаблено; кроме того, местоименные и глагольные энклитики не обязательно образуют блок, а ранговая организация внутри блока не является жесткой [Franks, King 2000: 162]. Кроме сербскохорватского, языками, где энклитики тяготеют ко второму месту в предложении («вакернагелевскими»), считаются словенский, чешский и словацкий [там же: 248]. В словенском и чешском, однако, возможно употребление соответствующих форм в качестве проклитик: слн. *Si ga videl?* ‘Ты его видел?’; *Ga ne poznam* ‘Я его не знаю’ [Marušič 2009: 1–2]; чеш. *Se ví* ‘Конечно (= это известно)’; *Jsmе se domnívali, že je kompletní* ‘Мы сомневались, что он полный’ [Hana 2007: 70]. Наиболее близким к сербскохорватскому (и центральнокарапатским диалектам), таким образом, оказывается словацкий язык.

Синтаксис энклитик в словацком литературном языке отличается от сербскохорватского, в частности, двумя чертами: 1) возможна постановка энклитик после соединительных союзов *i, a, aj*: *A som sa ho spytal* ‘А я его спросил’ (то же возможно в словенском после союза *in*); 2) иной порядок энклитик в блоке – возвратное *sa* предшествует энклитическим формам косвенных падежей личных местоимений: *Dnes by som sa mu to bal povedat* ‘Сегодня я бы побоялся это ему сказать’ (этим же свойством обладают и остальные «вакернагелевские» языки – словенский и чешский¹³) [там же: 42, 45, 105, 129–131, 134, 139].

5. Карпатоукраинские изоглоссы. Оказывается, что эти же черты показывают также диалектные различия внутри карпатоукраинских говоров. В центральнозакарпатском синевирском диалекте проклитико-энклитические комплексы с союзами *i, a*, а также *ta, taj* и *bo* невозможны; порядок энклитик в блоке, как уже было сказано, соответствует сербскохорватскому. Однако в **ужанских говорах** (украинских говорах в Закарпатской области западнее Мукачева и на территории Словакии восточнее Снина и р. Лаборец) энклитики свободно помещаются после союзов *i, a, aj, ta, taj, bo*, ср.:

A já joyó nawč'ila, jag iděz na rǒbótu, c'í na slúžbu, dé by ni jšǒw, i sa perekrestítw ‘А я его научила – как идишь на работу, или на службу, куда бы ни шел, и перекрестился’ (с. Ставное Великоберезнянского р-на Закарпатской обл.¹⁴).

Остальные примеры взяты из текстов (расшифровок магнитофонных записей), опубликованных в [Лешка, Шішкова, Мушинка 1998]¹⁵ (рассматривался только материал говоров с разноместным ударением):

n'an'ko byv |duže |xvoryj |ta z'me xo't'ili za to|bov za|hnati tele|gram ‘Папа очень болел, и мы хотели послать тебе телеграмму’ (Убля) [XVIII]

múj |l'ubyj |synu |pismom ot' t'a dús|tala a|jem |dobrí porozu|míla šos' mi p|sav ‘мой дорогой сын, письмо от тебя я получила и хорошо поняла, что ты мне писал’ (там же)

¹³ В чешском языке энклитика *ti*, предшествующая возвратной частице *se* и трактуемая в [Franks, King 2000: 105 сл.] как «безаргументный датив», на самом деле является частицей *ti* (см. о ней в древнерусском языке [Зализняк 1993: 298–308; 2008: 32]).

¹⁴ Запись О. А. Абраменко и автора, 2008 г. Обращает на себя внимание ударность союза; ср. ниже еще несколько таких примеров.

¹⁵ Запятая, употребляющаяся в этом издании в качестве знака мягкости, заменена на апостроф. В квадратных скобках указывается номер страницы издания.

bo to ¹*bylo v den* ¹*a jem tu* ¹*to* ¹*vid* ¹*ila* ‘потому что это было днем, и я это видела’ (Убля) [5]

¹*vun sa na* ¹*n'a tak popoze* ¹*rav* | ¹*taj n'a* ¹*tak...* ‘он на меня так посмотрел и меня так...’ (Убля) [9]

a v košicoh ¹*štiri* ¹*dny-m ne* ¹*byv* | ¹*taj n'a* ¹*vipi* ¹*sali* ¹*domu* ‘а в Кошицах я не пробыл и четырех дней, и меня отпустили домой’ (Новоселиця) [17]

¹*pujde sa do l'isa* ¹*a sa* ¹*vyberat* ¹*ja* ¹*lic'a* ‘идут в лес и выбирают сосну’ (Новоселиця) [28]

no... ¹*prive* ¹*li* ¹*jo* ¹*ho* | ¹*toho* ¹*xlopa* | ¹*ta ho* ¹*hos* ¹*t'at* ¹*i napu* ¹*vavud* ¹*i* ¹*hos* ¹*t'ad* ¹*ho* ‘ну... привели его, этого парня, и угощают, поят, угощают его’ (Новоселиця) [36]

¹*taj si* ¹*po* ¹*kuriv* ‘и покурил себе’ (Новоселиця) [50]

¹*dosta sa* ¹*vže* ¹*toh* ¹*dy* ¹*i na* ¹*pudiv* ¹*aj sa* ¹*zradovav* ‘он тогда перепугался, но и обрадовался’ (Новоселиця) [57]

|| *a* ¹*vna* ¹*zaz* ¹*jag* ¹*jo* ¹*ho* ¹*vvid* ¹*ila* ¹*i mu* ¹*sa* ¹*zradovala* ¹*i hovo* ¹*rila* | ¹*že* ¹*by* ¹*šov* ¹*ud* ¹*n'uj* || ‘а она опять, как его увидела, (и) обрадовалась ему и говорила, чтобы он шёл к ней’ (Новоселиця) [60]

a my sa ¹*všyk* ¹*i* | ¹*kul* ¹*ko* ¹*naz* ¹*i šlo* | ¹*ta z'me* ¹*sa* ¹*rozyšli* ¹*po be* ¹*reznum* ‘а мы все, сколько нас шло, разошлись по Березному’ (Улічне Криве) [82]

¹*abo mi* ¹*hrošy* ¹*za* ¹*žen* ¹*te* | ¹*bo mi* ¹*treba* ¹*to* ¹*ty* ¹*hrošy* ‘но деньги мне пришлите, так как мне нужны эти деньги’ (Ковбасов) [100]

¹*tag-em* ¹*ču* ¹*vala* | ¹*že* ¹*v* ¹*čexax* ¹*da* ¹*vut* ¹*šat'a* | ¹*ta-jem* ¹*zuxa* ¹*bila* ¹*tyx* ¹*troj* ¹*d'iti* ‘так я слышала, что в Чехии дают одежду, и я оставила этих троих детей’ (Ковбасов) [127]

¹*vvečaru* ¹*v* ¹*xat* ¹*i* ¹*kolo* ¹*stola* ¹*z'me* ¹*si* ¹*d'ili* | ¹*a z'me* ¹*či* ¹*itali* ¹*knišku* ‘вечером в хате мы сидели за столом и читали книжку’ (Ковбасов) [130]

¹*vz'a* ¹*la* ¹*žy* ¹*voj* ¹*vody* ¹*a mu* ¹*sa* ¹*t'ilo* ¹*zaz* ¹*vžylo* ‘взяла живой воды, и его тело опять ожило’ (Ковбасов) [186]

¹*vni mu* ¹*s* ¹*t'a* ¹*li* ¹*holov* ¹*taj* ¹*ho* ¹*zač* ¹*li* ¹*kropiti* ¹*žy* ¹*vov* ¹*vodov* ‘они отрубили ему голову и стали его поливать живой водой’ (там же)

ta ¹*pag* ¹*-ez* ¹*me* ¹*namo* ¹*loli* ¹*v* ¹*mlin* ¹*ci* ¹*vu* ¹*sa* | ¹*a-z-me* ¹*pak* ¹*tu* ¹*to* ¹*da* ¹*li* ¹*kysnuti* ‘и мы намальывали в мельничке овса и ставили это бродить’ (Руніна) [193]

a my ¹*tu* ¹*to* ¹*znali* ¹*na* ¹*terti* ¹*a* ¹*zla* ¹*diti* | ¹*a z'me* ¹*pom* ¹*šili* ¹*v* ¹*misc* ¹*a z'me* ¹*ha* ¹*lušky* ¹*navar* ¹*rili* ‘И мы это умели натереть и приготовить, и мы мешали в миске и наваривали галушек’ (там же) [194]

a molo ¹*dij* ¹*pri* ¹*šov* | ¹*taj* ¹*ho* ¹*posa* ¹*dili* ¹*za* ¹*stiil* ‘и пришел жених, и посадили его за стол’ (Звала) [198]

¹*išli* ¹*z'me* ¹*za* ¹*ty* ¹*m* ¹*pišni* ¹*kom* ¹*a z'me* ¹*pri* ¹*šli* ¹*(o)* ¹*d* ¹*pu* ¹*ti* ‘мы шли по этой тропинке и пришли к дороге’ (Нижня Яблінка) [203]

¹*doxtor* ¹*pri* ¹*lo* ¹*žyv* ¹*kist* ¹*it* ¹*kosti* ¹*taj* ¹*sa* ¹*zros* ¹*lo* ‘доктор приложил кость к кости, и срослось’ (там же)

По крайней мере в некоторых ужанских говорах соответствующие формы могут употребляться в непосредственном начале клаузы после паузы. Ср.:

nadyšov jeden xlapec | sa pro'siv na v'üs 'подошел один парень, попросился на телегу' (Звала) [201]

ta hvar'u: «mavu dva» || sa za'smijali 'и говорю: «У меня есть два» – они засмеялись' (Новоселиця) [13]

našov tam jen'noho | sa meno'vav domek 'нашел там одного, его звали Домек' (Ковбасов) [96]

teper' xlope | sa vbol'ikaj || jdež iz nami 'теперь, парень, одевайся, пойдешь с нами' (Ковбасов) [178]

xto ti toj' rady dav | n'a včistiv od ne'čistoho duxa 'кто тебе дал такой совет, очистил меня от нечистого духа' (Ковбасов) [173]

ta'kyj voja čog byv || ho zada'vili v tuj lad' i to'ho vojač'ka 'такой был солдатик, его задавили в этом кузове, этого солдатика' (Новоселиця) [15]

vni nam da'li je'nnoho xlopa provoža'r'a | z'me puš'li na krakov 'они нам дали одного парня-проводжатаго, мы пошли к Кракову' (Новоселиця) [22]

to sa kytica klikalo | sa župa klikalo 'это называлось *kutiца*, называлось *жуна*' (Улічне Криве) [90]

ji vže ho tam baby položyli na pez by sa hriv | by mu bylo teplo 'и его (хлеб) уже там бабы клали на печь, чтобы ему грелся, чтобы ему было тепло' (Руніна) [191]

Что касается порядка энклитик в блоке, то ужанские говоры показывают колебания во взаимном расположении возвратного *s'a* (*sa*) и энклитических форм личных местоимений. Возвратная энклитика обычно стоит после местоименной энклитики дательного падежа:

vže mi sa privid'ilo že kurit 'мне показалось, что он курит' (Убля) [7]

jag-em l'hav | ta so'bi dumam | šo mi sa bude sniti 'когда я ложился, то думаю себе, что мне будет сниться' (Новоселиця) [12];

solomov mi sa nexot'ilo kryti 'соломой мне не хотелось крыть' (Улічне Криве) [68]

potrebno mi sa fotografo'vati 'мне нужно фотографироваться' (Ковбасов) [96]

ne'd'ila i s'ato mi sa pla'tilo 'за воскресенье и праздник мне платили' (Ковбасов) [102]

duže mi sa pol'u' bilo 'мне очень понравилось' (Ковбасов) [106]

uže mi sa perexo't'ilo 'мне уже расхотелось' (Звала) [273]

tag mi sa vyreklo 'так у меня вырвалось (сказалось)' (Звала) [281]

i tag mu sa stalo 'и так с ним случилось' (Новоселиця) [57]

i tag me'ne | znajete | obma'nuv | že ja mu sa pri'znav 'и так мне, знаете, задурил голову, что я ему признался' (Улічне Криве) [78]

ta š'i mu sa ma'lilo (Улічне Криве) [82] ‘и еще ему было мало’
hlu'boko mu sa poklo'niv ‘низко ему поклонился’ (Ковбасов) [132]
ta ki slyzu mu sa ka'čavud' do l'i licami ‘такие слезы у него катятся по щекам’
 (Ковбасов) [180]
t'ilo mu sa zro'slo ale kral' byv mirt'vyj ‘тело его срослось, но король был мертвый’ (там же)
zrobid' jim sa da'gde ta'koj hn'iz'do ‘им сделают где-нибудь такое гнездо’ (Новоселиця) [31]
mali z'me paru o'večog | roste'kli nam sa | ‘была у нас пара овец – разбежались у нас’ (Ковбасов) [109] и т. д.

Однако отмечены и обратные примеры:

xto sa ne lenit' | ta sa mu ze'lenit' ‘кто не ленится, у того зеленеет’ (Ковбасов) [126]
ta malin'ko sa mi pruver'nulo (там же) ‘и немножко мне *провернулось*’ (Улічне Криве) [82]
tak sa mi xo t'ilo spati ‘мне так хотелось спать’ (Нижня Яблінка) [203]
a tak jak šov tan'co'vati | lem virgalo sa mu na tum ‘а когда шел танцевать, это на нем колыхалось’ (Ковбасов) [157]

Местоименные энклитики винительного (и родительного) падежа в говорах Ковбасова и Нижней Яблонки оказываются после возвратной энклитики:

tam sa n'a vyvidali jak šo s kot'rym transportom pujdu ‘там у меня расспросили, каким транспортом я поеду’ (Ковбасов) [100]
pros'at' sa n'a ‘спрашивают меня’ (Ковбасов) [95]
na a sa n'a jeden prosi: «a ci majte vy pi'n'az'i?» ‘Ну а у меня один спрашивает: «А деньги у вас есть?»’ (Ковбасов) [134]
prosit' sa n'a š'čim-ez'me tu prišli ‘как спрашивает у меня, с чем мы сюда пришли’ (Ковбасов) [136]
prosit' sa ho: «de tu je lad'i'slav danko?» ‘спрашивает у него: «Где тут Ладислав Данко?»’ (Ковбасов) [121]
čom sa bojiš raka? – ne bij sa ho ‘Что ты боишься рака? Не бойся его’ (Нижня Яблінка) [202]

В других говорах такие примеры не встретились; отмечены примеры обратного порядка:

bo pro'siv n'a sa tam je'den ... doxtor ‘потому что спрашивал у меня там один ... доктор’ (Убля) [9]
nebo ju t'a sa ‘я тебя не боюсь’ (Новоселиця) [36]

Колебания в порядке энклитик в ужанских говорах, как и употребление энклитик после союзов *i*, *a*, *ta*, *taj*, *bo*, могли бы легко объясняться влиянием словацкого языка. Однако сходные явления отмечаются в противоположной, восточной, части карпатоукраинской территории – в **гуцульских говорах**¹⁶. У гуцулов возможна постановка энклитик после союзов *ta*, *taj*¹⁷, *bo*, ср. в диалектных записях В. Шухевича [Szuchiewicz 1908]:

mni sy prysnyło, szo ja choť iv padaty w wodu, taj sy topyty ‘мне приснилось, что я чуть не упал в воду и не утонул’ (Hołowy) [11]

A win pryszov domiv, sper sy na stiv taj sy zadumav ‘А он пришел домой, оперся на стол и задумался’ (Jasienów Górny) [60–61]

A d’iwczynna ta wže stala jeho žinkov, taj prychoďyt do neho, taj sy pytajet: Szczo tobi kazav pan? ‘А эта девушка стала его женой, и приходит к нему и спрашивает: «Что тебе сказал пан?»’ (Jasienów Górny) [61].

Ywan ne був mudryj, ale wisczun, wyn znaw, szo pip ho chce stratyty taj sy ny bojyn ‘Иван был не умный, а провидец, он знал, что поп его хочет погубить, и не боялся’ (Hołowy) [91]

tut buy wasz taj nasz Boh, ta sy бороły, ta nasz Boh duzczyj ‘тут был ваш и наш Бог, и они боролись, и наш Бог сильнее’ (Kosmacz) [229]

Ja by z wamy pyszła, ta odnako win by nas podohonyv taj by witratyv ‘Я бы с вами пошла, но он нас догонит и погубит’ (Hołowy) [230]

a Ywan kaze do nych: Ne jdy tut, bo sy wtopymo! ‘А Иван говорит им: Не ходи сюда, мы утонем!’ (Hołowy) [91]

A czož dryżysz? – Bo sy boju twoho konyka j pesyka! ‘А что ж ты дрожишь? – Боюсь твою лошадку и собачку!’ (Żabie-Ylcia) [124]

Zaraz, zaraz, bo sy wbuwaju ‘Сейчас, сейчас, я обуваюсь’ (Jaworów) [162]

Win ji piznav a wona jeho ne piznawala, bo sy ne nad’iwala, aby sy win widtyw werniv ‘Он ее узнал, а она его не узнавала, потому что не надеялась, что он оттуда вернется’ (Hołowy) [175]

¹⁶ Мы не разбираем здесь систему гуцульских энклитик, заметно отличающуюся от прочих карпатоукраинских обликом и составом энклитических форм (например, энклитика 1–2 лица наст. вр. глагола «быть» *smu(h)*, возможная энклитичность форм глагола «иметь» в составе будущего времени – *mu, meš, met...*, ср. [Franks, King 2000: 197], и др.), а также общую проблему места энклитик в предложении. Возможно, тяготение энклитик к началу предложения в гуцульских говорах ослаблено по сравнению с другими карпатоукраинскими; однако разнородность материала (рассмотренные гуцульские тексты не являются точной фиксацией непосредственной диалектной речи, т. е. расшифровками магнитофонных записей) не позволяет сделать надежных выводов об этом.

¹⁷ В гуцульских говорах постановка энклитик после союзов *ta* и *taj* отмечается только при однородных членах предложения.

В романе П. Шекерика-Доникова «Дідо Иванчик» [Шекерик-Доників 2007], написанном на гуцульском диалекте (автор происходил из с. Головы нынешнего Верховинского р-на Ивано-Франковской обл.; см. статью Н. П. Лесюка в настоящем сборнике), встречается постанова энклитики *си* после союзов *тай* и *бо*:

У свето ци в неділю посидет из своїми жінками дома, тай си разом попестет ‘В праздник или в воскресенье посидят со своими женами дома и вместе поласкают друг друга’ [193]

Иванчіка виддавна покорчувало тудя до них скочіти: шош провідіти, признати тай си й ниодного навчіти ‘Иванчика давно подмывало туда к ним отправиться: что-нибудь проведать, прознать и многому научиться’ [173]

а він уникав вид челіди, бо си устидав їх ‘а он сторонился людей, потому что стыдился их’ [143]

А старші, то вже ни ходили, бо си боєли ‘А старшие, те уже не ходили, потому что боялись’ [321] и др.

Место возвратного *су* в блоке по отношению к энклитическим формам личных местоимений в просмотренном гуцульском материале не определяется правилом рангов.

Энклитические местоимения дательного падежа, находясь перед управляющим глаголом, как правило, предшествуют возвратному *су*:

в материалах В. Шухевича:

Majetok, szo mi su wdawav, zabrav z sobov ‘имущество, которое ему причиталось, забрал с собой’ (Hołowy) [254]

ziyl mi su wczunulo ‘ему стало жаль’ (Kosmacz) [273]

у П. Шекерика-Доникова:

Я це нираз чюю, тай нічьо ми си ни діет ‘Я это часто слышу, и ничего мне не делается’ [43]

З людьми, то завжди ми си добре жило ‘С людьми – так мне всегда хорошо жилось’ [275]

Так ми си добре виддечіли, шо мало ми й ребра ни поломили ‘Так со мной хорошо расплатились, что едва не поломали мне ребра’ [154]

тай з ними на очех їх чоловіків вироб’ев, шо лиш му си хотіло ‘и с ними на глазах их мужей вытворял всё, что только ему заблагорассудится’ [275]

Ни бійкоси, Иванчіку, чій ти си нічо ни станет з цього переполоху, бо я годна вид него тебе злічити ‘Ну-ка не бойся, Иванчик, наверняка ничего с тобой не будет от этого перепуга, потому что я могу тебя от него вылечить’ [398]

Таких примеров в исследованном материале находится около 20. Противоположный пример всего один:

Та схий си ти кат став, шо так єс жєсно завыла, єк голоден вовк? ‘Кой черт с тобой случился, что ты так ужасно завыла, как голодный волк?’ [448]

В позиции после управляющего глагола возвратное *су* может как предшествовать энклитикам дательного падежа, так и следовать непосредственно за глаголом, оказываясь перед ними:

Забери ми си з перед ичь, абих те й ни видів ‘Прочь с моих глаз, чтобы я тебя и не видел’ [Шекерик-Доників 2007: 25]

Клюню ти си скнайнишиє тай вид широго серця прошу: отвори ми дорогу ‘Нижайше тебе кланяюсь и от всего сердца прошу: открой мне дорогу’ [там же: 181]

Раз ти кажу, пуста сурде, забери ми си з-перед хати! ‘Говорю тебе, пустая сурда, уберись от моей хаты!’ [там же: 435]

бо знаю, шо тоти поганини виддєчютси ми за це ‘потому что знаю, что эти мерзавцы рассчитаются со мной за это’ [там же: 253]

бо я вже й без тебе нев ни страбував через то, шо вна дуже остудна, мерзитси ми своїм ротом ‘потому что я и без тебя ею пренебрегал оттого, что она очень противная, отвратительна мне своим ртом’ [там же: 395]

А тепер заберайси ми з хати ‘а теперь убирайся из моего дома’ [там же: 463]
але захотило си ми wody руту ‘но ему захотелось выпить воды’ (Hołowu) [Szuchiewicz 1908: 214]

При более редкой комбинации возвратного *су* с энклитиками винительного падежа чаще отмечается препозиция *су* (независимо от положения по отношению к управляющему глаголу):

My тебе пропускаєм, але абис sy ho zapytav, жyk dowho ты memo ces plit deržyty ‘Мы тебя пропускаем, но ты его (обязательно) спроси, как долго нам еще держать этот забор’ (Hołowu) [Szuchiewicz 1908: 65]

Usi wony sy ho pytaly, kuda jdet? ‘Все они спрашивали его, куда он идет’ (Hołowu) [там же: 113]

Pytajet sy ho Trykamii: Ty szo za oden? ‘Спрашивает его Трикамень: Ты кто такой?’ (Hołowu) [там же: 167]

бо ніхто си те вже ни напудив! ‘потому что никто тебя не испугался!’ [Шекерик-Доників 2007: 190]

Тай та проклетя лісна, зчєзла би від усіх добрих людий тай від тебе, сину, пудно си те опелюскала ‘И та проклятая лесовица, пропала бы от всех добрых людей и от тебя, сынок, страшно к тебе прицепилась’ [там же: 430]

так шо навіть си го й ни запитаю ‘так что даже его и не спрошу’ [там же: 374]

Нутрохе си мнє, молодого, побліки наїли (из свадебной песни) [там же: 241]

Обратные примеры:

Pip chotiv ho sy zbuty, a nijak ne mih ‘Поп хотел избавиться от него, но никак не мог’ (Hołowu) [Szuchiewicz 1908: 90]

Czorty ho sy pytajut: Szo to tak hutyt? ‘Черти его спрашивают: «Что это так шумит?»’ (Hołowy) [там же: 112]

Декую ти, фіявочко, шо мне си питаси ‘Спасибо тебе, фіявочка, что меня спрашиваешь’ [Шекерик-Доників 2007: 227]

6. Заключение. Таким образом, по отношению к синтаксису изменяемых энклитик в карпатоукраинской области к югу от Карпат могут быть выделены по крайней мере три группы говоров – центральнозакарпатская, ужанская и гуцульская; при этом центральнозакарпатская группа показывает более строгую систему как в отношении ограничений на постановку энклитик после союзов, так и в отношении четкой ранговой организации внутри блока энклитик.

В отношении положения энклитик во фразе это напоминает ситуацию в южнославянских языках, в ареале которых выделяется твердый «центр» – образцовый «вакернагелевский» сербскохорватский штокавский массив – и «периферия»: на западе – близкий к сербскохорватскому словенский язык, отличающийся, в частности, возможностью употребления изменяемых клитик в начале фразы, и болгарский и македонский языки на востоке, где место изменяемых клитик в предложении ограничено контактной позицией по отношению к управляющему глаголу. При этом центральнозакарпатский синевирский говор объединяется с сербскохорватским языком по таким чертам синтаксиса энклитик, как запрет постановки их в абсолютном начале клаузы и после союзов *i, a*, а также принцип ранговой организации энклитик, в соответствии с которым возвратная энклитика **se* всегда следует за личными местоименными энклитиками.

Соотношение систем «вакернагелевских» славянских языков и рассмотренных карпатоукраинских говоров в отношении трех черт синтаксиса энклитик может быть огубно представлено в следующей таблице:

	серб.-хорв.	ц.-закарп.	ужанск.	гуцульск.	словацк.	чеш.	словен.
энклитики в начале фразы	–	–	+	–	–	+	+
энклитики после соединительных союзов <i>i, a, (taj, bo)</i>	–	–	+	–(+)	+	–	+
место <i>*se</i> по отношению к личн. мест. энкл.	2	2	2/1	2/1	1	1	1

Литература

- Грицкат 1972 – *Грицкат И.* Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд, 1972.
- Зализняк 1993 – *Зализняк А. А.* К изучению языка берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А.* Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 191–318.
- Зализняк 2008 – *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008.
- Лешка, Шішкова, Мушинка 1998 – *Лешка О., Шішкова Р., Мушинка М.* Розповіді з Підкарпаття. Українські говірки східної Словаччини. New York; Praha; Київ, 1998.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. – <http://www.ruscorgora.ru> .
- Павлович 2011 – *Павлович С.* Дистрибуција енклитика у старосрпским повелема и писмима XII и XIII века // *Зборник Матице Српске за филологију и лингвистику*. [Књ.] 54/2. Нови Сад, 2011. С. 31–52.
- Синтакса 2005 – *Пипер П., Антонић И., Ружић В., Танасић С., Поповић Љ., Тошовић Б.* Синтакса савременога српског језика: Проста реченица / У редакцији Милке Ивић. Београд, 2005.
- Стевановић 1964 – *Стевановић М.* Савремени српскохрватски језик (граматички системи и књижевнојезичка норма): Увод. Фонетика. Морфологија. Београд, 1964.
- Толстая 1991 – *Толстая М. Н.* Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // *Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо: Тезисы докладов*. М., 1991. С. 201–205.
- Толстая 2000 – *Толстая М. Н.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // *Балто-славянские исследования 1998–1999*. [Вып.] 14. М., 2000. С. 134–143.
- Шекерик-Доників 2007 – *Шекерик-Доників П.* Дідо Иванчік. Верховина, 2007.
- Browne 1993 – *Browne W.* Serbo-Croat // *The Slavonic Languages* / Ed. by Bernard Comrie and Greville G. Corbett. London; New York, 1993. P. 306–387.
- Franks, King 2000 – *Franks S., King T. H.* A Handbook of Slavic Clitics. New York, 2000.
- Hana 2007 – *Hana J.* Czech Clitics in Higher Order Grammar. Dissertation ... D. Ph. The Ohio State University, 2007.
- HJP – Hrvatski jezični portal. – <http://hjp.srce.hr/> .
- Jackobson 1935/1971 – *Jacobson R.* Les enclitiques slaves // *Jacobson R.* Selected Writings. The Hague, 1971. Vol. 2. P. 16–22.
- Klajn 2005 – *Klajn I.* Gramatika srpskog jezika. Beograd, 2005.
- Maretić 1899 – *Maretić T.* Gramatika i stilistika hrvatskoga ili srpskoga književnog jezika. Zagreb, 1899.
- Marušič 2009 – *Marušič F.* Positioning Slovenian Clitics. – http://www.ung.si/~fmarusic/pub/marusic_2009_clitics_SLS_3_11.pdf .
- Rothstein 1993 – *Rothstein R.* Polish // *The Slavonic Languages* / Ed. by Bernard Comrie and Greville G. Corbett. London; New York, 1993. P. 686–758.
- Szuchiewicz 1908 – *Szuchiewicz W.* Huculszczyzna. Lwów, 1908. Т. 4.
- Zimmerling 2009 – *Zimmerling A.* Clitic particles and the typology of 2P languages // *Cambridge Occasional Papers in Linguistics*. 2009. Vol. 5.

II

А. А. Плотникова
(Москва)

Карпатские традиции в балканской перспективе: этнолингвистический аспект

В настоящее время, когда при исследовании традиционной народной духовной культуры широко применяются этнолингвистические методы¹, стало возможным углубленное изучение различных карпатских культурных феноменов, особенно тех, которые находят отражение в соответствующих языках и диалектах. Поскольку карпатская культурно-языковая общность объединяет генетически разнородные традиции, ее осмысление базируется на уже разработанных подходах к такого типа общностям, а именно на изучении балканского языкового союза (далее – БЯС) и балканской картины мира (БКМ)². Балканская перспектива при исследовании карпатских культурно-языковых явлений важна не только в плане методологии, но и как важная составляющая тех работ, которые направлены на поиск карпато-балканских культурно-языковых параллелей, а также на возможности интерпретации их возникновения, так как большое число таких соответствий традиционно связывается с процессами заселения славянами Балканского полуострова, с движением балканских народов на север (с «валашской колонизацией» XIV–XVI вв.), с перекрестными влияниями в языке и народной культуре.

В российской этнолингвистике глубоко укоренились ареальные методы исследования явлений народной культуры³ – как имеющих отражение в языке (культурные термины, обрядовая лексика и др.⁴), так и не находящих такового, в том числе существующих на уровне текстов (былички, баллады или их отдельные мотивы, вербальные клише и др.), ритуально-магических действий и предписаний и т. д. Архаичность этих фрагментов культуры давно не вызывает сомнения, сопоставление их на генетически единой основе способствует реконструкции древних форм народной культуры в плане языка, а также символики и семантики самих явлений, иллюстрацией тому служит пятитомный

---

¹ Подробнее в работах: [Толстая 2010, Плотникова 2004].

² См. об этом, например, в: [Цивьян 1990, Клепикова 2003].

³ Подробнее см. [Плотникова 2004].

⁴ См. [Толстая 1989].

этнолингвистический словарь «Славянские древности» [СД]. Ареальные методы исследования как продолжение опытов картографирования в этнографии и культурологии⁵ в этнолингвистике не только получили статус иллюстраций распространения тех или иных явлений народной культуры, но и стали инструментом изучения балканославянских ареалов в плане их выявления и взаимодействия⁶. Этнолингвистические карты показали различные конфигурации балканославянских ареалов, тенденции к их расширению в определенных направлениях и различный пространственный охват – с включением северобалканской (румынской) зоны⁷, а также – албанской⁸, греческой⁹.

Ареальное этнолингвистическое изучение балканославянских, и шире – южнославянских традиций, с одной стороны, и собственно балканских (языки и диалекты, составляющие БЯС) – с другой, на сегодняшний день имеет основательную базу для сопоставления полученных в этой области фактов с карпатскими этнолингвистическими данными. Поэтому при изучении карпатских традиций (румынской, западноукраинской, словацкой, венгерской) был применен этнолингвистический вопросник, задействованный ранее при полевом исследовании балканского ареала [Плотникова 1996]. Опора на единую программу, созданную по принципу «от значения к слову»¹⁰, обеспечивает надежную сопоставимость результатов.

Карпатские данные собирались по этнолингвистическому вопроснику в Южных Карпатах (Мунтения, Олтения, Горж, Мехединц в Румынии)¹¹, в Восточных Карпатах (Закарпатье на Украине)¹², в Западных Карпатах (Орава и Верхний Грон в Словакии, венгры Гонта в Словакии, горный массив Баконь в северо-

⁵ См., например, сборники XX в. на эту тему: «Ареальные исследования в языкознании и этнографии» (Л., 1977; Л., 1983), «Проблемы картографирования в языкознании и этнографии» (Л., 1974).

⁶ Подробнее см. [Плотникова 2004: 250–721].

⁷ [Плотникова 2010].

⁸ См. полевые этнолингвистические исследования северной и южной Албании А. Н. Соболева и Дж. Юллы [Юллы, Соболев 2002; Юллы, Соболев 2003].

⁹ Эти исследования начаты в работах К. А. Климовой, см. например, [Климова 2008].

¹⁰ Ср. иные лексические вопросники того же типа в лингвистических атласах, охватывающих генетически разнородные языковые традиции, например, МДАБЯ (*Домосилецкая М. В., Жугра А. В.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб., 1997).

¹¹ Экспедиции Н. Г. Голант, А. А. Плотниковой в Румынии (2006–2010 гг.).

¹² Экспедиции А. А. Плотниковой, Е. С. Узенёвой на Украине (2007–2010 гг.).

западной Венгрии)¹³. Наиболее полно этнолингвистические данные по вопросу, изначально ориентированному на балканославянские ареалы, удалось собрать в Южных Карпатах (румынские села). Этот результат был ожидаем, однако число румынско-южнославянских культурно-языковых соответствий превзошло даже самые смелые предположения. Исключительно важными стали этнолингвистические сведения, собранные в Закарпатье (Межгорский район и Гуцульщина), поскольку в данном случае высоко число карпато-балканских культурно-языковых соответствий, а их региональная дифференциация (Верховина Межгорского района / Гуцульщина) отражает противопоставленность центрального / периферийного ареалов Южной Славии. Словацкие и венгерские этнолингвистические полевые данные также как пополняют лингвогеографический перечень так называемых «карпатизмов»¹⁴, так и расширяют общую картину ряда балкано-карпатских соответствий («карпато-балканизмов»)¹⁵.

Южные Карпаты. Значительная часть этнолингвистического материала, собранного в Мунтении, Олтении и Мехединце (Румыния), соотносится с балканославянскими, и шире – балканскими, данными. Экспедиция 2009 г. в села Половрадзь и Бае-де-Фьер (Горж, Румыния)¹⁶ расширила представления о традиции румынской Валахии (в данном случае – олтянской). В этом регионе был зафиксирован обряд посещения первого гостя в канун Рождества, причем ритуальные действия основного участника обряда (это должен быть обязательно мужчина) соответствуют традиционным действиям известного в балканосла-

¹³ Экспедиции Е.С. Узенёвой, М.М. Валенцовой в Словакии (2008–2009 гг.), Д.Ю. Анисимовой – в Венгрии (2009–2010 гг.).

¹⁴ Ср. толкование термина «карпатизм» С.Б. Бернштейном и Г.П. Клепиковой: «В практике синхронных, в том числе лингвогеографических, исследований “карпатизмы” – это в с е специфические элементы, характерные для языков (resp. диалектов) к а р п а т с к о г о ареала, независимо от их происхождения (или непосредственного источника иррадиации)» [Бернштейн 2000: 232–233].

¹⁵ По поводу термина «карпато-балканизм» уместно напомнить его принятое в лингвистике толкование: «...очевидно, что при изучении карпатской ситуации с учетом балканского материала, т.е. в масштабах карпато-балканского лингвистического пространства, целесообразно использовать термин “карпато-балканизмы”...» – с той существенной оговоркой, что «в диахронических исследованиях следует различать как “карпатизмы” – элементы, происхождение которых локализуется в карпатской зоне, так и “балканизмы” – общекарпатские элементы, вошедшие в языки ареала в результате миграции балканского населения в средние века к северу от Дуная» [Бернштейн 2000: 233].

¹⁶ Участники экспедиции – А.А. Плотникова, Н.Г. Голант.

вянских традициях «полазника»: гость кочергой шевелит горящие угли, чтобы «дому сопутствовала удача», чтобы обеспечить процветание (*spor*) дома («Как не гаснут угли в печи, так пусть не гаснет “спор” дома!»). Там же отмечен редкий для Олтении новогодний обходной обряд парней «с плугом» (*cu plúgu*), когда участники (*plugări*) идут с настоящим плугом по улицам села, проводя борозду, по снегу или по земле. Этот обряд имеет соответствия в ритуалах имитации пахоты у южных славян («кукерские» обряды на Масленицу у болгар и на западе Южной Славии – у хорватов и словенцев). В Горже зафиксирован другой новогодний обычай, называемый *sorcova* (из болгарского)¹⁷, и широко известный в восточной части южнославянского культурно-языкового континуума, где он обозначается развитой терминологией от ⁺*surva*. В данном случае новыми полевыми данными подтверждается непрерывность карпато-балканского ареала обычая и обозначающей его терминологической лексики. Не столь частые для области Горж обходы «калушаров» были представлены в с. Половрадзь как танцы приходящих из других сел участников *cu călúșu* («с кобылкой»), этот обряд имеет продолжение на территории Болгарии (болг. *калушари*), где, как и в румынской традиции, он исполняется на Троицу. Само наименование Троицкой недели *Rusălii*, а также бытующие в Горже запреты работать в это время (*dăcă lucrăzi în Rusălii, te pocăște* – «если работаешь на Русалии, тебя изувечит») обнаруживают многочисленные параллели в балканославянских региональных традициях. Типичные для карпато-балканского ареала сведения из Половрадзя о весенних обычаях *babele* (первые 9 дней марта, когда гадают о погоде по характеру разных женщин в селе), о мартовских нитях (*mărțișoare*) имеют аналогии в разных частях балканославянского и балканского континуума: при этом мартовский период, называемый «бабы», фиксируется в имеющем четкие границы македонском ареале (включая южные зоны восточной Сербии и западной Болгарии), «мартеницы» известны на всей территории Болгарии, Македонии, Греции, Албании (наименования обрядовой реалии преимущественно происходят от названия месяца марта во всех языках).

К общебалканским явлениям в сфере семейной обрядности, подробно записанной в Горже, следует отнести обычай повторного погребения покойного, называемого *a două mormântare, remormântare, dezgropare*, которое проводится через семь лет после смерти. Могилу вскрывают, вытаскивают из нее гроб, проводят заупокойную службу в церкви (гроб с останками стоит одну ночь в церкви), затем гроб снова несут на кладбище, вынимают из него кости, кро-

---

¹⁷ [Плотникова 2011].

пят их маслом и вином и складывают в мешок из белого полотна. Типичные балканские сюжеты о рождении «в рубашечке» ребенка со сверхъестественными способностями реализуются в Горже через представления о рождении «в шапочке» (*cu tichie*) младенца, который будет необычным человеком в течение всей жизни: более удачливым, более смелым, а также сможет чудесным образом открыть любую дверь.

В сфере народной мифологии очевидны балканские параллели к зафиксированным в Горже мифологическим персонажам, предсказывающим судьбу ребенка: *ursătóri(le)*, *ursitóri(le)* или *ursătoáre(le)*, прихода которых в виде трех женщин в белых одеждах ожидают на третью ночь после рождения ребенка. Их нельзя увидеть, однако можно услышать их голоса, либо услышать разговор этих существ может мать ребенка или повитуха, по некоторым сведениям – любой человек, который находится в той же комнате, что и ребенок. Готовясь к приходу демонов судьбы, жители с. Половраджь ставят на стол угощение – хлеб, вино и фруктовую водку, а также различные предметы, указывающие на желаемые качества ребенка – книгу, карандаш, ручку (чтобы он преуспел в учебе), клещи или др. инструменты (чтобы он был хорошим хозяином) и т. д. Хлеб с сахаром и вино на следующее утро делят между тремя детьми. Подобные контексты «встречи» мифологических существ, предсказывающих судьбу новорожденного, известны и в сербской, и в болгарской, и в греческой традициях, а и даже у словенцев.

Общевалканские мотивы отмечены и в отношении мифологических персонажей, которые именуются жителями Горжа *ăle sfinte*, *cèle sfinte* (букв. ‘те святые’) или *sfintele* ‘святые’. По полевым данным из с. Половраджь, эти персонажи водят хороводы на холмах, и в тех местах, где они танцевали, на земле можно увидеть круги, образованные высохшей травой или часто растущими мелкими грибами. Танец этих существ, как и место, где можно увидеть их следы, обозначается терминами *hóră* или *joc* (оба термина обозначают танец, причем первый известен широко на Балканах). Нередко упоминалось, что *ăle sfinte* танцуют в тех местах, где зарыты клады. Встречается и представление о том, что на это место нельзя наступать. Человек, оказавшийся в полночь поблизости от того места, где танцуют *ăle sfinte*, и услышавший их голоса (пение), сойдет с ума или будет парализован (для обозначения подобного заболевания в Горже употребляется выражение *te poceá* (букв. «тебя калечит», «тебя уродует»). Записана и локальная румынская версия, согласно которой существа, голоса которых, услышанные ночью, могут стать причиной болезни, именуются *éle* (букв. «они» – pl. f.), тогда как *ăle sfinte* – добрые духи и никакой опасности

для людей не представляют¹⁸. Для ареальных исследований карпато-балканского континуума важной стала также фиксация в Горже сведений о мифологических существах, называемых *băbiț(e)*, – демонах болезни в облике безобразных женщин (или мужчин), нападающих на ребенка и вызывающих его плач. О ребенке, который не может спать и постоянно плачет, говорят: *lovește din băbiț* «его бьют “бабицы”». Причиной этого считалось то, что мать ребенка нарушила какой-либо из запретов, существовавших для рожениц, например занималась прядением до истечения шести недель после родов, выходила во двор (особенно ночью) и т. д. В данном случае восточносербско-западноболгарский ареал наименований *бабице* ‘демоны болезни новорожденного и / или роженицы’ (подробнее см. [Плотникова 2006]) находит важные ареальные соответствия на территории Румынии. Более точная ареальная картина, показывающая конфигурацию ареалов, в дальнейшем поможет освещению вопроса о причине бытования термина в этой зоне: как факта славянского влияния на романскую традицию либо как результата вторичного южнославянского влияния в Средние века в области Южных Карпат. Многие вопросы происхождения тех или иных явлений в терминологической лексике народной духовной культуры и соответствующих контекстах ее функционирования могут быть прояснены только при картографировании материала, собранного в Карпатах по густой сетке.

Этнолингвистическая экспедиция в коммуну Поноаре, область Мехединц в юго-западной Румынии, проведенная Н. Г. Голант в 2010 г., позволила обнаружить большое число не отмеченных ранее при полевом обследовании румынской зоны обычаев и поверий, сходных с южнославянскими: обычай встречи первого гостя (преимущественно в день св. Варвары) – вошедший должен какое-то время посидеть неподвижно, чтобы наседка спокойно высидивала яйца (специальный термин, обозначающий первого посетителя, отсутствует); ритуал первого доения через хлеб в форме кольца в день св. Георгия (аналогично в восточной Сербии и Болгарии). Кроме того, были записаны реликты уже встречавшегося ранее обычая повторного погребения – поминки по истечении семи лет (*potana de 7 ani*). Соответствует сербским быличкам о чуме легенда об избавлении села от чумы, представляемой как безобразная старуха, для которой изготовили «рубаху чумы» и получив которую чума ушла (в память о событии из легенды празднуется *vinerea ciumei* ‘пятница чумы’). Отмеченные в Мехединце наименования *hala*, относимые к прожорливому человеку

¹⁸ См. также статью Н. Г. Голант по полевым исследованиям народной мифологии в Горже [Голант 2010].

или животному, дикому или домашнему (*mānīncă sa o hală* ‘жрет, как хала’), соотносятся с балканославянскими поверьями о прозорливости летающего и уничтожающего урожай змея, именуемого *hala* (серб., болг.), ср. также значения лексемы в южнославянских диалектах: ‘прозорливый человек’, ‘прозорливое существо’.

Восточные Карпаты. В 2010 г. было продолжено этнолингвистическое обследование области Верховины в Закарпатье (Межгорский район). Экспедиция в села Колочава и Негровец на р. Теребля¹⁹ значительно дополнила сведения об этой зоне и показала некоторые различия между колочавскими и торуньскими народными представлениями в рамках одной традиции. Отмечена локальная диалектная лексика вместе с соответствующими экстралингвистическими контекстами, в которой выделяются наименования, характерные для других традиций карпатского ареала: *крэчун* (*кречун, кричун*) ‘новогодний каравай’, *куррайстра* ‘первое молоко коровы’, *нанашка* ‘крестная мать’, *нанашко* ‘крестный отец’, *копыле* ‘незаконнорожденный ребенок’ (считавшийся счастливым в делах), *урочиты* ‘сглазить’ (ср. балканские аналоги перечисленной лексики); собственно «карпатизмы» по исключительной локализации данной терминологической лексики на Карпатах: *дводушник* ‘ходячий покойник’²⁰, *борсоканя* (*борсоганя*) ‘ведьма’, *борсокун* ‘колдун; человек, способный превращаться в волка’ (другое название – *воукун*)²¹, «карпатизмы» по происхождению: *шаркань* ‘дракон’ (из венг.; огромный змей якобы в настоящее время лежит в земле под Колочавой и близкими селами: «голова в Негровце, а хвост – в горах»).

В этих селах записаны многочисленные варианты былички с мотивом распознавания в волке человека-оборотня по куску платья женщины в зубах (аналогичным у балканских славян – сербов и болгар). Мифологические рассказы о встрече с нечистой силой отражают те функции демонических существ, которые типичны для балканского ареала: ведьма седлает человека (*борсокане се на тобі носили* – о человеке со странностями); *ночник, блудник* заводит человека в лесу, «идет» с ветром; *повітруля* в виде опасного ветра, вихря уносит человека; колдун вызывает бурю и др.

Западные Карпаты. Во время этнолингвистической экспедиции в е н г е р с к о е село Ипойфедемаш (2009 г.) Д. Ю. Анисимовой записаны обряды

¹⁹ Участники экспедиции – А. А. Плотникова, Е. С. Узенёва.

²⁰ См. [СД 2: 29-31].

²¹ Подробнее о карпатской лексике, связанной с **bosor* венгерского происхождения см. [Усачева 2008].

первого посещения дома специальным гостем – пастухом (*pa:stor*) – в день св. Игната и на Рождество, имеющие много общего с балканскими: ветку, с которой приходит пастух-«полазник» в дом, называемую здесь *apro:sent* ‘мелкий святой’, *csorda:sh kut'a:ja* ‘собака пастуха’, ею пастух бил хозяйку по ногам, «чтобы та была бодрой (букв. ‘свежей’)»; затем эту ветку ставили в угол комнаты и оставляли до Святков. Здесь же зафиксированы и сведения о двух помолвках («малой» – *kishlagzi* ‘малая свадьба’, *kendöva:lta:sh* ‘обмен платками’ и «большой» – *ke:zfogo:* ‘держание за руки’, *kendö:laka:sh* ‘обживание платков’), о повторном погребении покойного и др.²²

Из области народной мифологии венгерской деревни особо следует отметить венг. *šarkan*’ – летающий змей, который появляется летом в туче вместе с громом и молниями; у змея три хвоста, которыми он бьет по земле и уничтожает урожай (с. Ипойфедемаш, зап. Д. Ю. Анисимовой), что соответствует сербско-болгарскому мотиву «пожирания» урожая змеем, приводящим в село градоносные тучи и непогоду (серб., болг. *ала*, макед. *ламја*). Важно отметить, что лексема *šarkan*’ венгерского происхождения в том же значении прочно вошла в соседние культурно-языковые традиции карпатского ареала (з.-укр. *шаркань*, словац. *šarkan*’) и севернобалканской зоны (рум. *șărkan*, хорв. славон. *šarkanj*). Мифологический персонаж, называемый *šarkanj*, отмечен в народных поверьях и нарративах северной части Южной Славии – в славонских селах Хорватии, в бачских селах Сербии. По данным Архива «Этнологического атласа Югославии», хранящегося в Университете в Загребе, «na zemlji svako područje ima svog šarkanja koji međusobno vode borbu. Onaj koji izgubi, na njegovom području tada pada led (tuča)» [каждой участок на земле имеет своего «шарканя», и они борются между собой. Во владениях того, кто проиграл битву, выпадает град] (с. Вашка, р-н Слатины; Arhiv EAJ, сJ 324). Встречается и близкий карпатскому мотив о том, что атмосферным демоном – змеем – управляет особый мифологический персонаж, подобный предводителю ветров, колдуну, «чернокнижнику»: «Šarkan – zmaj koji živi pod oblacima. Kad ide jako velik crn oblak obično su ranije stariji govorili ide šarkan. Na šarkanu jaše černoknjažik. Ako šarkan zamotne repom – ruši sve za sobom» [«Шаркань» – змей, который живет под облаками. Когда идет очень большая черная туча, обычно раньше старики говорили, что «идет шаркань». На шаркане едет верхом «чернокнижник». Если шаркань махнет хвостом, то уничтожает все после себя.] (с. Селенче, р-н Бача; Arhiv EAJ, dM 423). Как представляется, само *наименование* ⁺*šarkanj* в качестве обозначения мифического змея – погодного демона – формирует

²² См. статью Д. Ю. Анисимовой в настоящем сборнике.

особый карпато-балканский ареал, который в своей «балканской» части охватывает лишь паннонские области (север Южной Славии).

Этнолингвистическая экспедиция в села Шашка и Дюлакеси (горный массив Баконь в северо-западной Венгрии) Д. Ю. Анисимовой в 2010 г. позволила провести сопоставление с уже собранными данными, а также выявить специфические черты терминологической лексики и народной духовной культуры, бытующей в Западных Карпатах. Жители обоих близко расположенных высокогорных сел – Шашки и Дюлакеси²³ – говорят на задунайском диалекте венгерского языка (существенно отличающемся от палочкого диалекта, репрезентант которого – с. Ипойфедемаш). У задунайских венгров, как и у палочких, зафиксирована сходная терминологическая лексика духовной культуры: *Kara:chon* ‘Рождество’, *kerest* ‘крест’, *vi:zkerest* ‘Крещение’ (праздник), *na:s* ‘свадьба’, *komata:l* букв. ‘тарелка кумы, крестной’ (угощение для роженицы), *bosorka:n* ‘ведьма’ и др. Отсутствует лексема *sha:rka:n* ‘дракон’, известная в этом значении в палочких селах, *bosorka:njok* в значении ‘нечистая сила, действующая в период святок’, *morva:n* ‘каравай, который невеста получает перед свадьбой’, *druzha:k* ‘сваты, отправляемые в дом невесты’ и др. Как и у палочких венгров, отмечены имеющие много общего с балканскими обряды первого посещения дома специальным гостем – пастухом (в Шашке – на Новый год): пастух несет ветку *apro:sent* ‘мелкий святой’, которым он бьет в первую очередь хозяйку дома и далее всех женщин в доме, чтобы те «были свежими (букв. ‘свежими’)». Вместе с тем ряд обходов имеет аналоги у западных славян и в западноевропейских традициях: *bethleHEMEZE:sh* – обход деревни с макетом пещеры и маленькими фигурками, символизирующими Христа, деву Марию и волхвов; *buchu* ‘прощание’ – местный праздник села, связанный с окончанием жатвы; *regöle:sh* – детские обходы с благопожеланиями на Масленицу (Дюлакеси) и др.

В с л о в а ц к и х селах Верхнего Грона (экспедиция 2009 г.) записаны поверья о предсказательницах судьбы ребенка, называемых *sudički*; тексты с мотивом кругового танца, исполняемого женскими мифологическими персонажами (в данном случае – ведьмами, которых можно увидеть в день св. Люции через отверстие в специально изготовленном стульчике); верования и былички о женских персонажах, совпадающих и по основным характеристикам, и по

²³ По сведениям Д. Ю. Анисимовой, в Шашке (село впервые упоминается в конце XIV в.) в настоящее время проживает около 312 аутентичных венгров и около 50 венгров с немецкими фамилиями; в Дюлакеси (основано в XIII веке) – 750 аутентичных венгров и около 50 цыган.

наименованию с южнославянскими (словац., серб., хорв., словен. *vila*). Более полно было обследовано с. Гельпа²⁴, где были выявлены ставшие уже традиционными при полевом обследовании карпатизмы в лексике народной культуры: *polaznička* ‘новогоднее деревце, елка’, *Kračun* ‘Рождество’, *šarkan* ‘змея летающий’ и др. Ряд отмеченных в селе признаков культурно-языковой традиции имеет аналогии в более широком карпато-балканском ареале: *vila* – женский мифологический персонаж, сходный с южнославянским мифологическим персонажем *вила* (записаны былички о круговом танце персонажей, об их следах в виде круга вытопанной травы, о способностях погубить с помощью танца заблудившегося в лесу или в горах мужчину и пр.), особенностью данной традиции можно считать контаминированный образ «полевой русалки» (*polna vila, rusalka*), живущей в поле и появляющейся до выпадения росы. В плане карпато-балканских соответствий показательны также наименования мифологических персонажей и соответствующие, известные и на Карпатах, и на Балканах, поверья: славизм (от **sqd-*) *sudički* – предсказательницы судьбы ребенка при рождении (ср. карту распространения наименований от **sqd-* у славян на Балканах [Плотникова 2004: 694–711]); романизм *striga* ‘ведьма’, характерный для карпато-балканского ареала в целом²⁵.

* * *

Этнолингвистические экспедиции в Карпаты и основанные на собранных материалах научные изыскания направлены на введение в научный оборот большого числа данных, собранных по единой программе, на выявление общих карпатских и карпато-балканских явлений в народной культуре и корреспондирующей лексике и фразеологии, на сопоставление полученных этнолингвистических данных с результатами уже созданных лингвистических атласов (ОКДА и КДА) и исследовательских работ, посвященных отдельным темам из сферы традиционной народной культуры и обслуживающей ее лексики. Карпатистика как особая сфера знаний, а также в комплексе с балканистическими штудиями (что представляет собой уже сложившуюся традицию при изучении явлений в карпатских традициях, см., например, [Клепикова 2008: 357–361]) содержит значительный и далеко не востребованный потенциал как в плане синхронного изучения культурно-языковой ситуации на Карпатах и Балканах, так и в плане реконструкции славянских и шире – индоевропейских древностей.

²⁴ См. статью М. М. Валенцовой в настоящем сборнике.

²⁵ См. [Клепикова 1996].

Литература

- Бернштейн 2000 – *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Голант 2010 – *Голант Н. Г.* Балканские элементы в мифологических представлениях жителей Юго-Западной Румынии (по материалам экспедиции в коммуну Половраджь, жудец Горж, область Олтения) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. Вып. 10. СПб., 2010. С. 153–159.
- Клепикова 1996 – *Клепикова Г. П.* Семантика карпато-балканского **Str-Ig-* в свете характеристики некоторых мифологических персонажей («компонент д в и ж е н и е») // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 114–126.
- Клепикова 2003 – *Клепикова Г. П.* Карпатское языкознание и «Общекарпатский диалектологический атлас» // *Studia Slavica Hung. Budapest*, 2003. № 48/4. С. 357–374.
- Клепикова 2008 – *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13. Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 349–379.
- Климова 2008 – *Климова К. А.* Новогреческая мифологическая лексика в сопоставлении с балканославянской: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Плотникова 1996 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. (Перевзд. М.: 2009).
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2006 – *Плотникова А. А.* Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 12. Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 7-19.
- Плотникова 2010 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическое исследование румынских Карпат в балканской перспективе // Адаптация народов и культур к изменениям природной сферы, социальным и техногенным трансформациям. Программа фундаментальных исследований Президиума Российской Академии наук. М., 2010. С. 460–467.
- Плотникова 2011 – *Плотникова А. А.* Балканославянская культурная лексика: дериваты от *surva // Славянский мир в третьем тысячелетии. М., 2011. С. 292–298.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004; Т. 4. М., 2009.
- Толстая 1989 – *Толстая С. М.* Терминология обрядов и верований как источник реконструкции древней духовной культуры // Славянский и балканский фольклор. М., 1989. С. 215–229.
- Толстая 2010 – *Толстая С. М.* Семантические категории языка культуры. Очерки по славянской этнолингвистике. М., 2010.
- Усачева 2008 – *Усачева В. В.* Этнокультурная и этноязыковая интерференция в карпатском регионе // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. М., 2008. С. 139–157.

-
- Цивьян 1990 – *Цивьян Т. В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Юллы, Соболев 2002 – *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский тоскский говор села Лешня (краина Скрапар): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. Marburg; Lahn, 2002.
- Юллы, Соболев 2003 – *Юллы Дж., Соболев А. Н.* Албанский гегский говор села Мухурр (краина Дибыр): Синтаксис. Лексика. Этнолингвистика. Тексты. München, 2003.
- Arhiv EAJ – Архив «Этнологического атласа Югославии» (хранится на философском факультете Университета в Загребе).

К. А. Климова
(Москва)

Карпато-балканские параллели в народной мифологии (*нереида* и ей подобные персонажи).

В различных карпато-украинских и карпато-словацких регионах зафиксирована информация о мифологических персонажах (далее – МП), названия которых связаны с семантикой ветра, передвижения по ветру, пребывания в ветре, а экстралингвистический контекст (народные верования, былички) отражает представления о «ветреной» ипостаси рассматриваемых МП.

В словаре «Славянские древности» указываются производные от корня *-ветер-* лексемы, характерные для карпатского ареала: укр. *ветреник* – вредоносный демон, укр. *поветрули*, при полете которых поднимается ветер, укр. *витрэньця* – красивая молодая женщина с длинными золотисто-зелеными волосами, быстро переносимая на большие расстояния, при исчезновении которой поднимается сильный ветер (Ивано-Франковская обл.), *vitornik* или *vitroplavec* – чародей-волшебник (Словакия) [СД 1: 359].

В лексике закарпатской Верховины (западная Украина) были зафиксированы лексемы *litavica* и *povitruľ'a* – прекрасная женщина с длинными волосами, летающая вместе с ветром и доводящая до безумия мужчин – как по характеристикам своего внешнего облика, так и по ряду других признаков (функции, места пребывания и т. п.) имеет много общего с южнославянскими женскими МП (серб., мак. *вила*, *самовила*, болг. *самовила*, *самодива*) и аналогичными румынскими (*iele*, *dînsele*, *frumoase*) и неславянскими балканскими МП (алб. *zanët*, греч. *Νεράιδα*) [Плотникова 2009: 215].

В новогреческой традиционной культуре существуют особые представления, связанные с ветром, что выражается в многочисленных названиях мифологических персонажей, восходящих к корню 'ветер', а также в народных представлениях о МП, так или иначе связанных с этим природным явлением. В северной Греции демонов, вызывающих вихрь, называли *Ανεμικά* [anemika] – 'ветренные' (ср. р. мн. ч.), а в Наусе этим же словом, но в женском роде – *Ανεμικές* [anemikes] – обозначали нереид, которые, как считалось, живут в вихре [Μλουσιμτοῦκης 1983: 91]. В греческой Македонии существовали поверья об особых вредоносных женских мифологических персонажах, также называемых *Ανεμικές* [anemikes], которые, согласно поверьям, активизировались в мар-

те [Λουκόπουλος 1917: 113]. Возможно, представления об этих демонах были связаны поверьями о первых опасных днях марта, *Δρίμιες*, распространенными в Греции повсеместно [Климова 2009: 175]. В Этолии термином *Ανεμικό* [anemiko] обозначали женскую болезнь, сопровождающуюся общей слабостью и бледностью, причиной заболевания считали вредоносное воздействие МП, и лечились от этой болезни специальной травой *ανεμόχορτα* [anemohorta] – ‘ветряная трава’ [Λουκόπουλος 1938: 53]. В с. Эратира в греческой Македонии зафиксирован термин *ανιμί* [animi] ‘вихрь – воплощение нечистой силы’ [Зайковские 2001: 178].

Согласно греческим представлениям, ветер, и особенно вихрь (*ανεμοστρόβιλος*) так или иначе связан с nereидами (nereида появляется в виде вихря, перемещается с помощью вихря, насыпает вихрь, танцует в вихре, nereиды играют свадьбу в вихре) [Климова 2004: 169]; nereида дует и создает вихрь, который могли называть *νεραϊδοφύσημα* [neraidofisima] ‘дуновение nereиды’ [Οικονομόπουλος 1999: 166]. С этими поверьями можно также соотнести такие термины как *ανεμοχορεύτρα* [anemohoreftra] – ‘танцующая в ветре/с ветром’ и *ανεμοκυκλοπόδα* [anemokykloroda] – ‘окруженная ветром’, которыми обозначают женщину, оставившую мужа и детей ради другого мужчины, или неверную жену, которая «при первой возможности торопится изменить мужу» [Οικονομόπουλος 1999: 40], так как считалось, что на такое поведение женщины повлияли nereиды, лишившие ее разума (ср. русское «ветренная женщина»). Здесь можно наблюдать перенесение на человека функции nereид «заманивать юношей и вступать с ними в связь» и характерного мотива о непрочности брака nereиды с человеком (юноша крадет платок nereиды, подчиняя ее себе, женится на ней, у них рождаются дети, но потом nereида выпрашивает спрятанный платок или находит его, бросает мужа и детей и снова отправляется жить к другим nereидам) [Климова 2004: 176–177, 180].

В «Греческом фольклорном словаре» Х. Икономопулоса описывается довольно много слов, содержащих корень *-αεμ-*, а также *-αερ-* (имеющий значение ‘ветер’ или ‘воздух’), и тем или иным образом связанных с представлениями о демонах в виде ветра. Одной из наиболее интересных является лексема *αερογκάστρομα* [aerogastroma] – ‘ветряная беременность’ или ‘воздушная беременность’; ложная беременность. Считалось, что женщина, у которой случилась ложная беременность, «вступала в интимную связь с демоном» [Οικονομόπουλος 1999: 32]. В этом слове корень *-αερ-* можно было бы интерпретировать не как ‘ветер’, а как ‘воздух’, то есть как ‘ничто’, метафорическое описание отсутствия явления, однако этой лексеме, встретившейся нам только один раз

в словаре Х. Иконопопулоса, соответствует другой вариант названия мнимой беременности от рассматриваемого корня *-ανεμ-* ('ветер'), который не имеет значения 'воздух', – *ανεμογάστρι* [anemogastri]¹. Слово *ανεμογάστρι* активно используется в новогреческом языке как в прямом [Οικονομόπουλος 1991: 40], так и в переносном значении (о каком-либо явлении или событии, которого долго ждали, о котором много говорили, но которое так и не произошло, например, об обещаниях предвыборной кампании²). В словаре также упоминается слово *ανεμόγαλα* [anemogala] – 'ветряное молоко'; «свернувшееся от мастита или застоя в груди молоко (красноватого цвета и непригодное для кормления младенца)» [Οικονομόπουλος 1999: 40]. Известно, что согласно народным поверьям, наиболее опасными для роженицы мифологическими персонажами представляются nereиды, которые, в частности, могут «отнимать» у роженицы молоко. В Эпире, в деревне Фурка, верили, что роженица должна трижды в день есть особым способом приготовленный мед с добавлением целебных

¹ Стоит отметить, что в современном греческом фольклоре есть некий тип анекдотов на эту тему, где употребляется слово *ανεμογάστρι*, но «объясняют» это название тем, что в животе у женщины находится не ребенок, а воздух. Например: «Катиньо и Михальос – пара. Катиньо, возможно, беременна.

– Михальос, я, по-моему, беременна.

– Ты уверена, Катиньо? Нам сейчас не время обзаводиться детьми, у нас финансовые трудности.

– Я просто так думаю, но схожу и к врачу для полной уверенности.

Врач: – Катиньо, ты не беременна, а ребенок – не ребенок, а воздух.

– То есть, доктор, это была «ветряная беременность»?

– Да, Катиньо!

Через некоторое время радостная Катиньо звонит мужу на работу. Он работал в автосервисе. Она просит какого-то механика позвать Михальоса к телефону, но того не было на месте.

Тогда радостная Катиньо говорит коллеге своего мужа:

– Когда придет Михальос, скажите ему, что ребенок был не ребенок, а воздух.

Вечером расстроенный Михальос говорит своей жене:

– Ну зачем ты так сказала моему коллеге?

– А ты не обрадовался, Михальос, что я не беременна?

– Обрадовался, но после того, что ты ему сказала, мне все кричат: «Эй, Михальос, не подойдешь, шину не накачаешь?»

См. http://www.jokes.gr/view_joke.html?c=70&a=3531&page=104.

² Например см. <http://www.ppol.gr/fullarticle.php?id=1608>, а также http://ta-nea.dolnet.gr/print_article.php?e=A&f=18628&m=N64&aa=1.

трав и трижды перекрещивать соски, чтобы у нее не «забрали» молоко *Αερικά*³. Чтобы не потерять молоко, женщины носили на шее особый оберег, цветной полудрагоценный камень – *ανεμολίθαρo* [anemolitharo] ‘ветряной камень’ [Οικονομόπουλος 1999: 40]. Можно предположить, что в этих словах – *ανεμόγαλα* и *ανεμολίθαρo* – составляющая ‘ветер’ (ср. упомянутое выше название *Ανεμικές*), указывает на наличие представлений о неких вредоносных демонах (возможно, nereидах), являющихся персонификацией ветра, которые могут «забрать» у роженицы молоко. Считалось, что эти вредоносные демоны были опасны не только для роженицы, но и для новорожденного, и для ребенка вообще, что также отразилось в народных названиях болезней: *ανεμοπύρωμα* [anemopiroma] ‘ветряное воспаление’, рожа, рожистое воспаление [Οικονομόπουλος 1999: 40] или воспаление уха, флюс⁴; *ανεμοσίρισμα* [anemosirisma] ‘утаскивание ветром’, смерть ребенка; *ανεμονέρι* [anemoneri] ‘ветряная вода’, вода из источника, где живут nereиды, которую нельзя давать ребенку, иначе он заболит [Οικονομόπουλος 1999: 40]. Безусловно, мотивация использования корня со значением ‘ветер’ в этих словах могла иметь реальные причины: лицо больного или ухо воспаляется из-за того, что «ему надуло» ветром, «его продуло», маленькие дети тоже часто умирали от простуды, от того, что их «продуло» ветром, но, во-первых, в народном сознании причина этих заболеваний всегда четко обозначена как мифологический персонаж (nereида, «ветренные») а во-вторых, традиционные способы лечения этих болезней, помимо использования традиционных оберегов от нечистой силы, представляют собой заклятие (*το ανεμοπύρωμα ζορκίζουν*), запугивание (*φοβίζουν το ανεμοπύρωμα*) болезни, а иногда даже просто название имени болезни – «ветряное воспаление», то есть, таким образом, установление ее причины⁵.

У славянских народов ветер может выступать как самостоятельный мифологический персонаж, с ним также связан целый ряд демонов, имена которых восходят к слову ‘ветер’: макед. *ветроштини* ‘нечистая сила, причиняющая вред человеку’ [Плотникова 2002: 137]. Особая связь с ветром или вихрем женских персонажей южнославянской демонологии типа «вила» («самовила», «самодива», «юда») также неоднократно отмечалась исследователями и даже выделялась в качестве одного из главных признаков этого персонажа. В Болгарии,

³ <http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>

⁴ <http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>

⁵ <http://www.egrigoros.gr/book/a41.asp> и <http://www.fourka.gr/PortletID,MagikiGiatrosafia,Lang,en.jsp>

Македонии и Сербии вилы отождествляются с вихрем, появляются, танцуют в нем и т. д. [Плотникова 2004: 204–206]. Конкретнее, в Болгарии связь вихря и вилы проявляется в том, что вихрь является ипостасью вилы (причем иногда отдельно указывается место появления вихря-вилы – перекресток, гора) [Георгиева 1983: 114, 117, 130]; самодива создает вихрь [Георгиева 1983: 114], самодивы или юды играют и смеются в вихре [Георгиева 1983: 117]; в болгарских народных песнях вихри описываются как сестры самовил (в сюжете, где самовила призывает сестер-вихрей помочь ей в битве во Стояном, и побеждает его) [Георгиева 1983: 117]. Иногда оговаривается, что этот МП появляется в виде вихря только днем, в то время как ночью она предстает в виде самодивы [Георгиева 1983: 114]. Отождествление вихря и вилы в народных представлениях болгар проявляется и на лингвистическом уровне – И. Георгиева пишет, что во многих местах в Болгарии «вихрушката и така се нарича, самовила, самовиличка, юда» [Георгиева 1983: 117]. С другой стороны, самодиву называют *ветрогонка*, *ветрища*, *вихрогонка* [БМ: 305]. Создателем ветра, помимо вилы, мог считаться и орел, особенно «кръстат орел». Так, И. Георгиева, ссылаясь на Л. Каравелова⁶, приводит следующую любопытную быличку, в которой орел-производитель вихря опосредованно связан с вилкой: одна женщина ночью на Русальной неделе пошла в поле, где встретила самодив, которые шептали⁷ над глиняной миской. Завидев женщину, те испугались и убежали. «Но жената била любопитна и отворила паницата, макар една самодива да ѝ забранила. В паницата видяла рошава глава, над която стоял кръстат орел. И главата, и орелът духали из паницата и произвеждали вихрушки. Орелът се обърнал към жената и духнал и тя се вкаменила» (Но женщина была любопытна и отворила миску, хотя самодива ей это запретила. В миске видит она лохматую голову, на которой строил орел-могильник. И голова, и орел дули из миски и создавали вихри. Орел обернулся к женщине, дунул, и та окаменела) [Георгиева 1983: 117]. Персонификацией ветра может также служить *кръсташ* («крест») – зооморфная кукла с четырьмя крыльями⁸ [Георгиева 1983: 46] или ламя: «когда ламя взле-

⁶ Каравелов Л. Записки за България и българите. София, 1933, с. 47

⁷ В оригинальном тексте употребляется глагол *бъбря*, который часто используется для обозначения магического «шептания», «бормотания», например при заговоре (по устному сообщению И. А. Седаковой).

⁸ «В одрински села на Бъдни вечер срещу Коледа правят камила от различни кърпи и парцали и я носят по къщите, дето им дават хляб, сирене, пари. Та камила има четири криле и се нарича кръсташ. Като я донесат в някоя къща, момичета и момчетата плашат с нея стопанина и пеят:

тает, поднимается сильный вихрь, который вырывает с корнями вековые деревья, поднимает на воздух копны сена и людей» [Георгиева 1983: 89]. В восточной Болгарии верили, что в вихре пребывают души умерших [Георгиева 1983: 130]. Из прочих МП создание вихря приписывается хале (але), «глухому старцу», «слепой бабушке», св. Илье или Господу [БМ: 76]; дьяволу, змею, верили, что в вихре «играют караконджоли, играют таласьми» [Колев 1980:78].

Аналогичные поверья о ветре, вихре и его связи с МП бытуют в Сербии [СМР: 63, 71], а в словаре сербской мифологии встречаются лексемы, производные от 'ветер': *ветровњак* и *вјетрушница*. Словом *ветровњак* обозначали, с одной стороны, мифологического предводителя грозовой тучи, происходящего из души покойника [СМР: 63], а с другой стороны, человека-защитника села, во время сна которого его душа покидает тело и борется с демонами непогоды [Зечевић: 148]. Термином *вјетрушница* обозначали женщину (ведьму), душа которой во время сна (подобно МП, называемому *ветровњак*) покидает тело и вредит другим людям [СМР: 71].

Таким образом, при изучении внутренней формы названий мифологических существ, связанных с концептом «ветер», обнаруживаются параллели в греческом, южнославянском и карпатском ареале, выходящие за пределы лексического уровня, так как не только имена аналогичных МП имеют сходную этимологию, но и представления о этих персонажах также во многом по-

---

Петре, ветре,
не кърши върбе,
не троши врата,
не губи харман.

Ако селото е по-голямо, правят по няколко кръстаха, които се бият помежду си. На тия кръстахи дават различни имена: Страшко, Белчо, Горньо, Резко, а с тия имена отъждествяват имената на ветрове»

(В одринских селах в Сочельник накануне Рождества делают верблюда из разных тряпок и лоскутков и носят ее по дому, дети дают ей хлеб, сыр, деньги. У этого верблюда четыре крыла, и называется он «крест». Когда его заносят в дом, мальчики и девочки пугают им хозяина и поют:

Петр, ветер,
не ломай вербу,
не бей ворота,
не губи гумно.

Если село побольше, делают несколько «крестов» и устраивают между ними бои. Этим «крестам» дают разные имена: Страшко («страшный»), Белчо («белый»), Горньо («горный»), Резко («резкий»), и с этими именами отождествляют названия ветров).

хожи: это существа преимущественно женского пола, похожие на южнославянскую *вилу* или греческую *нереиду*, так или иначе связанные с ветром (живущие, танцующие или перемещающиеся в нем, насылающие вихрь и т. д.).

Литература

- БМ – Българска митология. Енциклопедичен речник. София 1994.
- Георгиева 1983 – *Георгиева И.* Българска народна митология. София, 1983.
- Зайковские 2001 – *Зайковская Т., Зайковский В.* Этнолингвистические материалы из Северной Греции (с. Эратира, округ Козани) // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 7. М., 2001. С. 152–181.
- Зечевић 1981 – *Зечевић С.* Митска бића српских предања. Београд, 1981.
- Колев 1980 – *Колев Н.* Народни представи и вярвания за вихрушката // Въпроси на етнографията и фолклористиката. София, 1980. С. 77–86.
- Климова 2004 – *Климова К. А.* Нереиды в традиционной культуре Греции // Доклады российских ученых. IX конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2004. С. 164–183.
- Климова 2009 – *Климова К. А.* Что такое *дрίμεις*? // Доклады российских ученых. X конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. СПб., 2009. С. 172–178.
- СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–4. М., 1995–2004.
- СМР 1970 – Српски митолошки речник / Сост. Кулишић Ш., Петровић П. Ж., Пантелић Н. Београд, 1970.
- Плотникова 2002 – *Плотникова А. А.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян. // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 128–154.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004
- Плотникова 2009 – *Плотникова А. А.* Народная демонология Закарпатья в этнолингвистическом аспекте (география ближайших параллелей) // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: Материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. С. 215–216.
- Λουκόπουλος 1917 – *Λουκόπουλος Δ.* Σύμμεκτα λαογραφικά Μακεδονίας // Λαογραφία. Τ. ΣΤ. Εν Αθήναις, 1917
- Μπουσμπούκης 1983 – *Μπουσμπούκη Α. Δ.* Αυθεντικές ιστορίες παραφυσικών φαινομένων από την Πίνδο. Αθήνα, 1983
- Οικονομόπουλος 1999 – *Οικονομόπουλου Χ. Θ.* Ελληνικό λαογραφικό λεξικό για τη μάνα και το παιδί. Αθήνα, 1999

О. В. Чёха
(Москва)

«Звезды скину на поднос и луну на землю»: греко-славянские параллели в быличках о колдуньях

Небесные светила представляются людям необыкновенно могущественными, наделяются способностью определять судьбу человека и предсказывать изменения в жизни целого народа: повсеместно на Балканах лунное затмение предвещает несчастья мусульманскому миру, а солнечное – христианскому (см., например, [Μέγας 1941: 144, Вражиновски 1998: 50, Vukanović 1986: 457, Ђорђевић 1958: 45, Филиповић 1949: 204]). Одновременно с этим ночные светила оказываются необычайно уязвимыми: из песен и быличек мы узнаем, что находятся люди, которые спускают луну и звезды на землю и крадут или пытаются их украсть.

В свое время мотив «похищения» звезд рассматривался Н. И. Толстым на материале сербской эпической песни «Бунт против “дахий”», в которой говорится, что

*... Турци Биограци ...
у тепсију зв'језде поваташе
да гледају небеске прилике,
што ћењима бити до пошљетка.
Око ње се састаше дахије...*

*... Турки Белградцы ...
в сосуд звезд нахватали,
чтобы увидеть небесные знаменья,
что будет с ними до их последнего часа.
Около сосуда собрались дахии ...*

[Толстой 1996:40].

Как следует из приведенного отрывка, турки собирают звезды в сосуд, чтобы узнать свое будущее. Пророчество оказывается неутешительным – звезды предсказывают победу христиан, и действительно «дахии» терпят впоследствии поражение.

Цитируемый текст представляет исключительный интерес, поскольку в его сюжете одновременно реализуются два сценария «похищения» небесных светил. Первый вариант – *ведьма снимает с неба звезду и помещает (прячет) ее в горшок* – представлен в украинской, (реже) южнорусской и польской традициях; второй – *ведьма (иноверец) спускает с неба луну, чтобы задать ей вопрос*, – необычайно популярен в фольклоре болгар, македонцев, на юго-западе Сербии и в северных областях Греции (Эпире, Фессалии, Македонии, Фракии). При этом тексты о «краже» ночных светил отличаются не только и не

столько ареалом распространения. Греческие и болгарские рассказы представляют собой законченные истории, расцвеченные подробнейшими описаниями того, как именно и с какой целью ведьмы «спускают» луну; рассказчик либо оказывается прямым свидетелем ворожбы, либо же получает информацию из вторых рук – является родственником, соседом, односельчанином того, кто лично видел ведьму, разговаривающую с луной. Украинские сообщения, напротив, лаконичны и разрозненны, почти никогда не содержат пояснений, зачем ведьмы воруют звезды (реже – луну) и прячут их в кувшины; место рассказчика занимают безличные «говорят», «верят» и т. п.

Тем не менее греческие, болгарские, украинские тексты можно и нужно рассматривать в общем контексте, потому что, во-первых, в их основе лежит единое представление о способности ведьм повелевать космическими стихиями, в частности – «спускать» с неба звезды и луну; во-вторых – и это представляется особенно важным – в записываемых на Балканах текстах появляется новый мотив – луна, спускаясь с неба, превращается в корову (теленка) и ведьмы выдаивают ее, изготавливают из лунного молока «зелья», а также отбирают молоко у чужих коров. Принимая во внимание отсутствие этого мотива в ранних (греческих) текстах, его стоит признать заимствованным, признав – оглядеться в поисках возможного источника заимствования, оглядевшись – заметить сходство при описании случаев «молочной» магии, связанной с доением луны, у греков и балканских славян и у украинцев, в традиции которых отбирание молока является главной функцией ведьмы, которой к тому же приписывается способность похищать звезды и луну. Не исключено, что наличие общих функций (метеорологическая магия, управление ходом небесных светил) у украинской ведьмы и балканской (болгарской и греческой) колдуньи послужило предпосылкой для переноса на последнюю «молочной» функции с последующим развитием представления о способности ведьмы доить луну, спуская ее с неба. Возможно, что архаический славянский мотив, связанный с функцией ведьмы отбирать молоко, у балканских славян трансформировался и оформился в отдельный сюжет – о доении ведьмой месяца.

Ведьма снимает с неба звезду и помещает (прячет) ее в горшок. Как отмечалось выше, сообщения о том, что ведьмы способны снимать звезды с неба и прятать их в горшки, кувшины, кадушки и пр., характерны, прежде всего, для украинской традиции [Афанасьев 1994: 454–455; Гринченко 1901: 160–161; Лебедев 1890: 8; Метлинский 1843: 72], реже для южнорусской [Власова 1998: 72]. В ряде случаев речь идет не о звездах вообще, а о вечерней и утренней

звезде (т. е. планете Венера), как, например, в следующем рассказе о ведьмах – Сорочихе и Устье, – спрятавших звезды в погребе и тем самым вызвавших засуху в селе:

Сорочиха стара на вінику, а Устя Риштакка на помилі <...> литіли до Усті у верх і нисли у руках зірничці (утриню и вичірню) <...> Хто начав розказувать, що вона диржала у погрібі, у пічуриці, надавлинні каминюкою, а 'к (а як) напали її усі люди того хутора, так вона і пустила їх [Дикарев 1903: 157].

Также Мошинский [Moszyński 1967: 463] приводит волыньское сообщение о ведьме из Мирослава, которая в чулане под горшком прятала утреннюю звезду, что также привело к длительной засухе.

Как правило, сообщения о краже звезд лаконичны: «Верят простолюдины, что <...> они (ведьмы) снимают солнце, луну и звезды, прячут в кувшины, отчего и затмение бывает» (курск.) [Дмитрюков 1831: 255]; «Ворует (ведьма) с неба звезды и хмары и держит их в горшке на мысныку, отчего бывают темные ночи и бездождье» (гор. Валки, Харьков. губ.); «Летом, когда падают звезды, говорят, что это ведьма берет их и прячет к себе в кувшины» [Сементовский 1845: 98]. Записано всего несколько текстов, описывающих, каким образом ведьмы «снимают» звезды – стягивают их на землю, опутывая их нитками, оставшимися на ткацком станке:

Долго ведьмы придумывали способ снимать с неба «зори», и наконец наихитрейшая из них открыла ларчик, догадавшись, что «талька», оставшаяся недомотанною с субботы на неделю, будучи украдена с «мотовила», есть наивернейшее средство для этой цели. Зная этот секрет, ведьмы невидимо входят в те дома, где есть такие тальки, и, сняв их с мотовила, уносят с собою, издеваясь над неловкостью поселянок. Но и поселянки стали хитры. Не успев в субботу домотать тальку, они снимают ее с мотовила и прячут за иконы, имея в виду подобным действием предупредить воровку-ведьму. Похитив тальку, в ясную летнюю ночь ведьма летит с нею в небо, обвязывает зори и, спустившись на землю, стягивает их осторожно, пока не пробьет полуночный час. Кто видит падающую звезду, тот крестясь молится: «Свят, свят, свят, Господь Бог при этой заре» [Киев.ЕВ 1880: 5–6].

Якби на святий вечер баба напругла півторак (ба, коли не встигне!) і вийшла на двір и закинула на дивничку (така дзвезда, жо так лихтит, найборше сходить), тоби і звідтам з неба. Стыгнула, сховала би в горшукі і тримала цілий рік (може на то, аби світила – поясняє оповідач). Одна раз так зробила: стыгнула ту дивничку з неба і сховала в горщок. А мала таку кухарку і та каже: «ой, я подивюсьи, шо там є...» І відхилила дробок покришку, а дзвезда

но шурнула звідтам тай каже: «Дькую ти, жо с мі видобула с тої неволі» (Львов) [Пастернак 1929: 321–352]¹.

В приведенных рассказах почти всегда отсутствует мотивировка кражи звезд ведьмами. В тех же случаях, когда она присутствует – «может, затем, чтобы светила?», «отчего бывают темные ночи и бездожде», – она допускает самое широкое толкование, вплоть до того, что ведьма стягивает звезды исключительно из вредности, чтобы людям было темно или чтобы в село пришла засуха. Впрочем, в одной из украинских быличек содержится намек на то, что обладание звездой усиливает магическую силу ведьмы:

У одного чоловіка була мати видьма. От вона раз сняла с неба зирку и зробылась собакою. Той чоловік выйшов ночью надвір и баче – чужа звырына по двору ходе <...> Вин як схвате сокиру та як трахне – так ий и одрубав лану. На другый день лыжыть его мате та квохче на печи без руки [Українці 1991: 456].

На существование причинно-следственной связи между «силой» ведьмы и ее способностью снимать звезды указывают также следующая запись из Полтавы: «О, вона тямуща! Вона зыры знимае, их перечищае и знову у неби вставляе!» [О, она знающая! Она звезды снимает, их перечищает и опять вставляет] [Белецкий-Носенко 1840: 177].

В этой связи особого внимания заслуживает случай в «одном полковом городе» на Полтавщине (запись из г. Прилуки), где в начале XIX века казаки и их жены хотели сжечь жену полковника, которая якобы сняла с неба звезду, засушила ее в горшок, а горшок закопала в ключе у Никольского монастыря для того, чтобы жена гетмана оставалась бесплодной [там же].

Ведьма (иноверец) спускает с неба луну, чтобы задать ей вопрос. Источником признается греческая традиция – сообщения о сведении на землю луны и (реже) звезд отмечаются там с древних времен. В Византии² способность

¹ Также вариант: *Жила собі одна жинка <...> вона була видьма, а до неї ходыла одна дивка учытысь ткаты. А ця видьма була така, шо знімала з неба зирочки. От вона зняла одну зирочку и посадыла иї в глечик и по-ставыла пид покуть, а дивци приказала, шоб вона его не розвязувала. Видьма кудысь тышла, а дивка не втер-пыла, розвязала глечик – зирочка выскочыла и хто й зна, де дилась. Було ж тоди дивци вид видьмы!* [Українці 1991: 484].

² См. у Евстафия Антиохийского (†337 или 346): «Пустые рассказы, сохранившиеся у пьяных старушенок, о том, что из-за чьей-то ворожбы [луна] со своего места снимается и опускается; аввы Нила († около 450) в письме софисту Никотихону: «*Не заметил, чародей!*» Отвечу тебе вздорной [фразой] безумных женщин и мужчин, полагающих,

спускать луну приписывалась ведьмам и еретикам³. В Болгарии, кроме того, верят, что луну спускают не только ведьмы, но и турецкие муллы [Сакар 2002: 233], цыганки [Капанци 1985: 262] или вlahи [БНМ 1999: 234].

Описание ритуала. В фольклоре современных греков встречаются рассказы о том, как ночью в полнолуние ведьмы выходят во двор / на перекресток / на мост / в поля и там, сидя верхом на валике от ткацкого станка, «читают и заговаривают» [Л.А., ар. 3806] раскручивая в руке валик [Ibid., ар. 3358], и «разными жестами» [Ibid., ар. 2959] приказывают луне сойти на землю; идут на гумно и спускают луну лопатой, которой выгребают золу из печи; взбираются на плуг и при помощи «шайтанов» стягивают с неба луну, чтобы околдовывать (буквально – «ошайтанивать») людей. В подборке материалов из Эпира, приводимых в статье Д. Бенекоса [Venekos 1992], содержится развернутое описание интересующего нас ритуала: ведьмы с распущенными волосами, одетые в белые сорочки и «не имея при себе никаких амулетов», в полнолуние танцуют на гумне, играют на музыкальных инструментах, говорят на непонятном языке и жестами приглашают луну спуститься; когда же «огромных размеров» луна опускается на землю, они угощают ее сладостями⁴ и выспрашивают имена других ведьм, а также, как околдовать нужного им человека; затем с большим трудом поднимается луна опять на небо.

Болгары считают, что ведьма должна спустить луну непременно на воду, поэтому для подобного колдовства ей требуется река, родник, колодец или, в крайнем случае, котел, где в воде, налитой через сито, варятся травы. Несмо-

что какая-то ворожба скрывает луну, случись ей побагроветь или затмиться, и нарушает ее привычный ход, и кричащих в один голос: *Не заметил, чародей!*» и др. [Πολίτης 1921: 159].

³ Например, в тексте анафемы, накладываемой на тех, кто сочувствовал учению афинган (IX–XII вв.): «Предаю анафеме призывающих разных демонов, из которых первые зовутся Сору, Сохан и Архе, и через них, якобы, луну к себе привлекающих и расспрашивающих ее о том, что им потребно» [Πολίτης 1921: 159].

⁴ Другой приманкой для луны оказывается «волшебная пита» – когда луна спускается, чтобы поесть, ведьмы хватают ее (греческие исследователи проводят параллель между новогреческой питой и жертвенными лепешками для луны [πέμματα Σελήνης], которые – по свидетельству Алкифрона – готовила фригийская колдунья для своих снадобий, или жертвенными лепешками [πέμματα, πόπανα], обычными подношениями луне и боги-ням Луны, Гекате и Артемиде) [Πολίτης 1921: 159]. В Болгарии рассказывали, что тесто для такой питы колдуньи замешивали на росе, смочившей их рубашку во время катания по полям.

тря на то что для греков такое представление нетипично⁵, возможно, именно греческий материал объясняет, почему болгарские ведьмы отдадут предпочтение воде:

*Когда <...> колдунья прикажет ему спуститься, месяц спускается, потому что не может поступить иначе, но спускается с такой злостью, что пробивает дыру на том месте, где упадет, и крушит все, что окажется рядом. И через эту яму месяц убегает, а через другую дыру, которая откроется в другом месте, снова поднимается на небо (фессалийск. Αράχοβα) [Πολίτης 1965: 131–132]*⁶.

Хорошей иллюстрацией болгарских представлений о лунной магии являются записи Д. Маринова, сделанные им в Монтане (северо-западная Болгария): в глухое время суток, за полночь, совершенно нагая колдунья выходит из дома на гумно и возвращается обратно – то с пучком травы или цветов, то с котелком воды, то с ситом. Луна, до того спокойно сиявшая на небе, начинает после махинаций колдуньи мутнеть, темнеть и, наконец, совсем исчезает с небесного небосвода, в то время как на гумне становится светло, как днем. Луна падает с неба в сито, колдунья ее поднимает в сите над котелком с водой, разговаривает с ней, а затем ее освобождает. Луна медленно поднимается на небо, но светит уже мутным светом, и это объясняется ее усталостью от проделанного пути. Того, кто со стороны увидит описанные махинации, ждет безумие, сумасшествие, немота, а то и смерть [Толстой 1996: 41]. Об опасности оказаться свидетелем колдовства с луной говорят и греческие источники:

Когда какой-нибудь колдунье нужно навести сложные чары, она обращается к месяцу и приказывает ему ответить ей. Если он не отвечает, колдунья насильно спускает его с неба, садится на него верхом, топчет его, пинает и истязает всяческими способами, чтобы он исполнил ее желание и рассказал ей то, что она хочет узнать. Однако часто месяц сопротивляется, не слушается ее. А от мучений и истязаний, которым подвергается, ревет, и рев этот многие слышали, особенно ненастной ночью. И с тем, кто это услышит, если только он сам не колдун, приключится большое несчастье – с ума может сойти, или оглохнуть, или ослепнуть.

---

⁵ За исключением единичного сообщения из Загоры (Эпир), зоны активных (в прошлом) греко-сербских кон-тактов, о том, как «ведьмы верхом на хомуте спускают колдовством месяц на реку и делают зелья» [Venekos 1992: 33].

⁶ На Парнасе по этому поводу показывали источник Каркаро (< диал. карκάρι ‘яма’), образовавшийся на том месте, где луна ушла под землю [Μουτσόπουλου 1991: 308].

Это оттого происходит, что, когда колдунья мучит месяц, к ней являются дьяволы и кружатся вокруг, выпрашивая разрешения навредить людям. И горе тому, кому случится оказаться поблизости, если даст [дьяволам] такое разрешение колдунья [Πολίτης 1965: 131–132].

Мотивировка колдовских действий. Главным образом речь идет о любовной и (реже) лечебной магии, что соответствует мнению греческих исследователей, считающих любовную и метеорологическую магию основными «специализациями» ведьмы, в отличие от колдуна, которому приписывается способность повелевать духами.

Верят, что при помощи лунной магии ведьма может найти девушке жениха (потому, по народным представлениям, дочери колдуний всегда *καλοπατριμένες* – удачно вышедшие замуж); сделать так, чтобы будущие свекр и свекровь полюбили невестку (Касторья). См. в этой связи следующую запись из Касторьи (северная Греция):

Помню, как-то раз там, в Дуццо [р-н Касторьи], брат моей жены в самую рань пошел убирать табак. Наткнулся на голую старуху. Та вертелась кругом-кругом и колдовала, чтобы месяц спустить. Он ее принял за нериду, но человек он был благородный, не испугался. А та с месяцем разговаривала. «Чем это ты там занимаешься», спрашивает ее. Молчит. Он ее схватил за волосы, а она – ну совсем голая. Говори: «Я пытаюсь месяц спустить, чтобы подоить». – «И месяц спускается?» – «Спускается.» – «И кто ж его видит?» – «Я», – отвечает старуха. – «А голая ты почему?» – «Я голая, как месяц, чтобы спустить его. Не выдавай меня. Я это для благого дела делаю, чтобы девушек замуж взяли». Она колдовала там [Л.А., ар. 3806].

Другим благим делом, совершаемым колдуньями и луной – как это следует из былички, рассказанной Илией Папаяни, является исцеление больных. Илия, будучи еще девочкой, подсмотрела, как деревенская ведьма, Боцкара, лечит больного Лазаря Карачива:

Колдунья вышла на середину дороги, одетая только в рубашку, и, высоко подняв руки, начала мычать, звала месяц спуститься. Только мычала и поднимала руки как можно выше, я это все помню. И действительно, скоро месяц опустился, это и мы видели, низко опустился. И сразу Лазарь выздоровел. Болель, которая его держала, вышла из него и вошла в мула, который обезумел вместо того, кто обрел разум. Когда народ увидел выздоровевшего Лазаря и взбесившегося мула, то изумился. Уставшая Боцкара не могла поднять месяц и в конце концов пришлось ей испражниться и съесть от своих нечистот, и тогда месяц поднялся высоко на небо [Л.А., ар. 1128].

В Македонии рассказывают также, что месяц «сводили» женщины, у которых не «держались», умирали, дети. Причем занимались этим не ведьмы, а сами отчаявшиеся матери и их родственники:

Она ему [деду рассказчика] была сноха, и моя мать ему была сноха, но младшая сноха. Та – старшая сноха, и не держались у нее дети. И она со своей сестрой и моим дедом свалили месяц, а потом как начали его поднимать, страх, заговаривали, заговаривали, не могли месяц поднять. Это ночью делают. С заговорами. <...> Теперь у нее три сына и дочка (Конопиште) [Вражински 1998: 65].

Единичны рассказы о том, что колдунья «сбрасывала» луну только для того, чтобы продемонстрировать свое искусство, хотя фиксируются и такие:

Нашелся однажды человек, который не верил. Тогда говорит колдунья, бабка: «Раз ты мне не веришь, я тебе месяц спущу⁷». Тогда пошла бабка к шелковице и, взявшись за ствол шелковицы, начала произносить какие-то слова и совершать какие-то движения – дело было ночью, – и из-за этого месяц опустился на крыши домов [А.А., ар. 2960].

Как правило, спуская месяц, ведьмы желают увеличить свою магическую силу. В Гевгелии такие колдуньи, *месечарки*, спускали луну со словами «Јас сум теле, ти си крава» [Я – теленок, ты – корова], чтобы стать невидимыми, а, закончив свои дела, возвращались на прежнее место, произносили: «Јас сум жена, а ти месечина; јас сум доле, ти си горе!» [Я – женщина, ты – месяц; я – внизу, а ты – наверху!] – и обретали свой первоначальный облик [Ђорђевић 1958: 37–38]. В греческой Фракии (Ираклея) записано сообщение о том, что некая Митрица «собираясь колдовать, для того, чтобы добиться успеха, спускала месяц заклинаниями из Соломоновой книги» [Σταμούλη Σαράντη 1938: 265].

Отдельную группу нарративов составляют рассказы о том, как **ведьмы спускают луну в виде коровы и доят ее**⁸. В Болгарии рассказывают, что при

⁷ Ср. со следующей угрозой ведьмы (афинская запись): *Να σου κατεβάσω γω τ'αστέρι, που να το δής σα μελίσσοκόφινο, που να στολίρει ο νοός σου!* [Спущу тебе звезду, и как увидишь ее наподобие пчелиного улья, так затмится твой разум!].

⁸ В фольклорных текстах мотив доения луны ведьмами и ее отождествление с коровой нередко переплетается с мотивами происхождения лунных пятен или самой луны. Например, рассказывают, что пятна на луне поя-вились оттого, что колдуны, заставляя вернуться луну на небо, бьют корову по животу палкой, которой чистят печи [Πολίτης 1921: 160]. В Банате в пятнах на месяце видели котел с молоком и верили, что затмения происходят в то время, когда ведьмы это молоко пьют [Телбизови 1963: 175]. В северо-

помощи лунного молока ведьма могла отвадить от женщины летающего змея или выпечить тяжелобольного. Однако в большинстве случаев ведьмы руководствуются менее благородными целями: варят приворотные зелья, наводят порчу, отбирают молоко у чужих коров и урожаем с полей:

Колдуньи, а иногда и колдуны, спускают луну с неба в виде коровы и доят ее. Из этого молока они изготавливают разного рода сильнодействующие снадобья, главным образом, чтобы приворожить мужчину или женщину (Фессалия, Локрида) [Πολίτης 1965: 131];

На [лунном] молоке [колдуньи] замешивают хлеб и что-то выпекают, чтобы навести порчу на человека. Подбрасывают [хлебец] туда, где этот человек пройдет, или под порог его дома, чтобы он перешагнул (Фракия) [Μουτσόπουλου 1991: 308];

Теперь, если у нее есть какая-то обида на тебя, и у нее есть корова <...> то придет к тебе и отберет молоко, возьмет его. Идет к месяцу, сваливает месяц на землю, чтобы отобрать у тебя [молоко], сбросит месяц на землю и тогда молоко заберет у коровы. Поэтому там ни молока нет, ничего (Битуше) [Вражиновски 1998: 61];

Колдунья, когда в мае отелится у нее корова, берет послед и завязывает в тряпку, которой вычищают печь, потом до восхода солнца идет в поле, спускает месяц, доит его и таким образом забирает спор и дает своим животным. Все колосья опадают, а она живет себе припеваючи. (Кономио, Фракия) [Σταμούλη Σαράντη 1938: 265].

Нередки упоминания о том, что, опустив луну на землю, ведьме не хватает силы вернуть ее на небо. Быличка из Тсорлу объясняет это тем, что ведьму увидели. Если луна не вернется на небо, «миру наступит конец» (Кардица, Фессалия), потому ведьмы вынуждены идти на крайние меры – испражняться и есть свои нечистоты:

восточных Родопах записана легенда о том, как ведьма превратила луну в корову. С тех пор колдуны способны «сваливать» месяц с неба и выдаивать из него молоко:

Когда-то луна ярко светила и была недалеко от земли. В одну из ночей какая-то бабка пошла в чужой дом отбирать молоко у коровы. Бабка эта была колдуньей. Но из-за того, что луна ярко светила, бабка боялась, что ее заметят, и она, взяв воловьью лепешку, ударила луну по лицу. Луне стало очень больно, и она пошла к Бог жаловаться. Но бабка наложила на нее заклятье и превратила ее в корову, чтобы ее молоком колдуньи могли наводить самые сильные чары. Там, где это проклятье достигло луну, она остановилась, не дойдя до Бога. С тех пор колдуньи спускают луну, превращают ее в корову и отбирают у нее молоко (Асеновград) [Родопи 1994: 11].

Катерина Тсолакена колдовала, спускала месяц и доила его, пока не запоют петухи. Соседка ее подкараулила и увидела, как та [месяц] спустила и доила. Закричал петух, начало рассветать, а месяц мычал, как мычит вол, и не в силах был подняться вверх. Поскольку ее увидели, то не могла она поднять [месяц], и вынуждена была сходить по большому, съесть это, и тогда месяц поднялся.

В тот день месяц был красный-прекрасный, будто покрытый кровью, и колдунью эту отправили в Родосто на суд. Ее высекли, и от побоев она умерла. Когда она умерла, изо рта у нее выползли червяки (Тсорлу, Фракция) [Σταμούλη Σαράντη 1938: 265].

До недавнего времени некоторые люди, когда хотели сделать что-то плохое тому, кого они ненавидели (например, когда хотели отобрать урожай с его земли, или [желали], чтобы издохла домашняя скотина), то спускали на землю луно. И получалось у них это не без помощи колдуний, которые знали способы. И жило тогда девять ведьм.

Однажды, как рассказывают, спустили они луно, которая появилась в облике большого теленка и непрерывно «мычала», а когда спускали ее, то сотрясалась вся земля. Сделали колдунии то, что им было надо, но не могли поднять луно обратно на небо. А если бы не смогли, то наступил бы свету конец. Сдались они, принялись его заклинать, своими словами упрашивать, но ничего не изменилось. Тогда, чтобы у них что-нибудь вышло, они решили съесть «нечистой [досл. – навозной] еды». Одна из ведьм сказала, что надо бы зажарить и съесть ослиную печень. Съели, но – ничего. Вторая говорит: собачьи внуртренности, и каждая что-то свое предлагает, но ничего у них не получается. После долгих раздумий решили они съесть «человеческих нечистот», но, хотя и это сделали, все равно не смогли вернуть луно на ее место.

Потом, когда увидели ведьмы, что не поднимается луна, измазали ее коровьим навозом. Потому, говорят, мы сейчас видим посередине [диска] луны что-то темное, наподобие облака. Это следы навозной лепешки, оставленные ведьмами. Все это мне рассказала старуха, 103 лет, Мария Скрета из моей деревни Лазарина около Кардицы, которая сейчас занимается колдовством и говорит, что это случилось тогда, когда она была ученицей девяти ведьм (записано в 1964 г. в Лазарине (около Кардицы) Василики Манкули, студенткой 3-го курса Янинского ун-та) [ΛΑΙ 1964–1967: 47].

Также хотелось бы привести один болгарский текст, в котором помимо прочих мотивов, уже встречавшихся в предыдущих рассказах, содержится примечательная деталь – после дойки месяц превращается в седобородого стари-

ка. В быличке рассказывается, как прохожий попросился на ночлег в дом и хозяйки пустили его с уговором не подсматривать за тем, чем они будут заниматься ночью. Но он, конечно, подсмотрел:

Поглядел – а месяц стал теленком и светит, светит так, что больно на него смотреть. Женщины вытащили какой-то котел, теленок расставил ноги, а они принялись доить его. И всё продолжали доить и приговаривать, пока не наполнили котел. Когда выдоили все молоко, месяц из теленка превратился в белобородого старика, сел на стул, и побавровел, как кровь. Тогда женщины снова принялись шептать и читать заклинания, чтобы поднялся месяц обратно на небо. Читали, читали, а месяц сидел на стуле как вкопанный – даже не пошевелился. Тогда старшая из женщин сказала той, что помоложе: «Давай-ка, дочка, давай! Видно, что без этого не поднимется!» А молодая ей отвечает: «Я не буду, пусть он хоть останется здесь!» – «Ну, ты снова будешь меня заставлять пачкать душу». Сказав это, старуха сходила по нужде и потом лизнула своих нечистот. Тогда месяц, который сидел на стуле, начал потихоньку подниматься на небо, но оставался кроваво-красным <...>. Тогда женщины пошли к мужчине и начали ему объяснять: «Мы – мать и дочь, обе кормим грудью, колдовали и выдоили месяц». Наутро женщины наполнили молоком рог, дали его мужчине и сказали: «Если заболеешь, попей этого молока. Какая бы ни была боль, сразу же пройдет» [Ковачев 1914: 35–36].

* * *

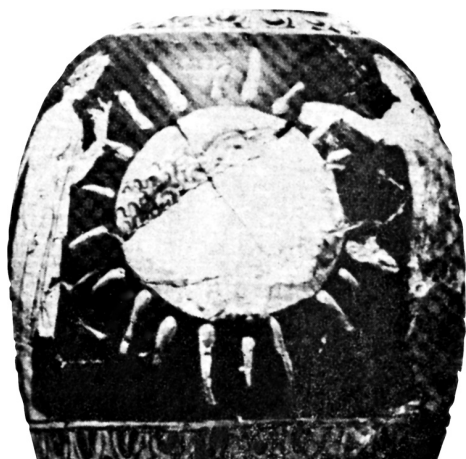
Рассмотренные выше примеры позволяют сделать несколько более общих замечаний.

1. Античные источники, в которых описываются случаи «лунной» магии, сообщают о способности греческих ведьм спускаться с неба луну и с ее помощью (или же с помощью полученной от нее информации) околдовывать нужных им людей. При этом подчеркивается, что луну способна опустить только очень сильная ведьма. В новогреческих, болгарских, македонских и сербских текстах содержатся указания на то, что луна наделяет ведьм магической силой: они становятся невидимыми, получают возможность отбирать молоко у чужих коров, урожай с полей, наводить порчу на людей и т. д. В современных текстах сохраняется указание на то, что лунной способны управлять те ведьмы, которые обладают большой магической силой, которой, однако, часто не хватает для того, чтобы вернуть ее обратно на небо. В украинских текстах кража звезд идет, как правило, к засухе, так что речь, видимо, идет о метеорологической магии. Тем не менее и эти тексты содержат указание на то, что лишь «знаю-

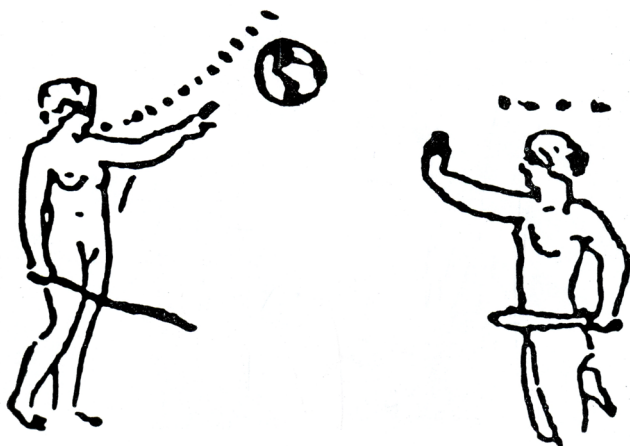
щие» ведьмы способны протирать звезды на небе и вставлять обратно. В одном из украинских примеров ведьма становится собакой, сняв с неба звезду, из чего можно сделать вывод, что кража звезд увеличивает ее магическую силу, точно также как и в случае со спусканием на землю луны. Наконец, из полтавской записи о суде над полковницей следует, что народное сознание устанавливает причинно-следственную связь между якобы совершенной кражей звезды и бесплодием жены гетмана – в Македонии, как мы помним, луну спускали и снова поднимали на небо женщины, у которых либо не было детей, либо дети умирали в младенчестве. При этом украинские сюжеты о краже звезд не имеют очевидно выраженных параллелей к балканским «звездным» сюжетам: как правило, на Балканах ведьма производит манипуляции не со звездой вообще, а с личной звездой конкретного человека, чтобы навредить ему (болгарская вештица топит звезду человека в источнике, греческая колдунья забивает в нее гвоздь). Если в песнях ведьма крадет звезды, она их крадет вместе с луной («Луна у нее на коленях, / Звезды полой собирает» [Толстой 1996:41]), существующее (редкое) представление о том, что ведьмы спускают созвездие Плеяды в виде курицы (ср. болг. *Кокошка*, греч. *Πουλιά* [Курица] ‘Плеяды’), следует считать новообразованием, частным заимствованием мотива лунного «дискурса» (представления о том, что ведьмы спускают луну в виде коровы).

2. Несмотря на то что уже в древности луна представлялась рогатым животным (коровой или быком), представление о том, что ведьмы спускают и доят луну, появляется в греческой традиции сравнительно поздно, и, очевидно, под влиянием южнославянской традиции. Показательны в этом плане античные греческие и современные болгарские изображения (всего известно четыре таких изображения) ведьм, занимающихся лунной магией и спускающих луну: в первом случае мы видим женщин, отдающих приказание луне, во втором – сцену доения луны.

Косвенно о славянском заимствовании свидетельствуют греческие тексты. Во-первых, такого рода тексты распространены в зонах активных греко-славянских контактов (Фракия, Македония, Эпир); во-вторых, в текстах нередки упоминания о каких-то «пришлых магах» (часто носящих славянские имена), подчеркивание того, что «местные этим заниматься не будут»: «луну – в виде буйволицы или красной коровы с белым животом – спускают только какие-то пришлые люди (маги), а из местных жителей ни один на это не пойдет. Ведь известно, что маг, выпив лунного молока, проваливается в глубокий сон, и тогда в его тело через ноздри и рот заползают всяческие гады» (Амали, вост. Фракия) [Πολίτης 1921: 160]. Последнее сообщение обнаруживает парал-

Ликий (конец V в. до н. э. Хранится в Британском музее). Справа и слева представлены две человеческие фигуры, которые своими чарами уже почти спустили месяц. В центре изображен полный диск луны, хорошо различима ее голова, обращенная вправо. (*Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*. Vol. 2, 2. 1984., P. 913, pic. 674, 43).

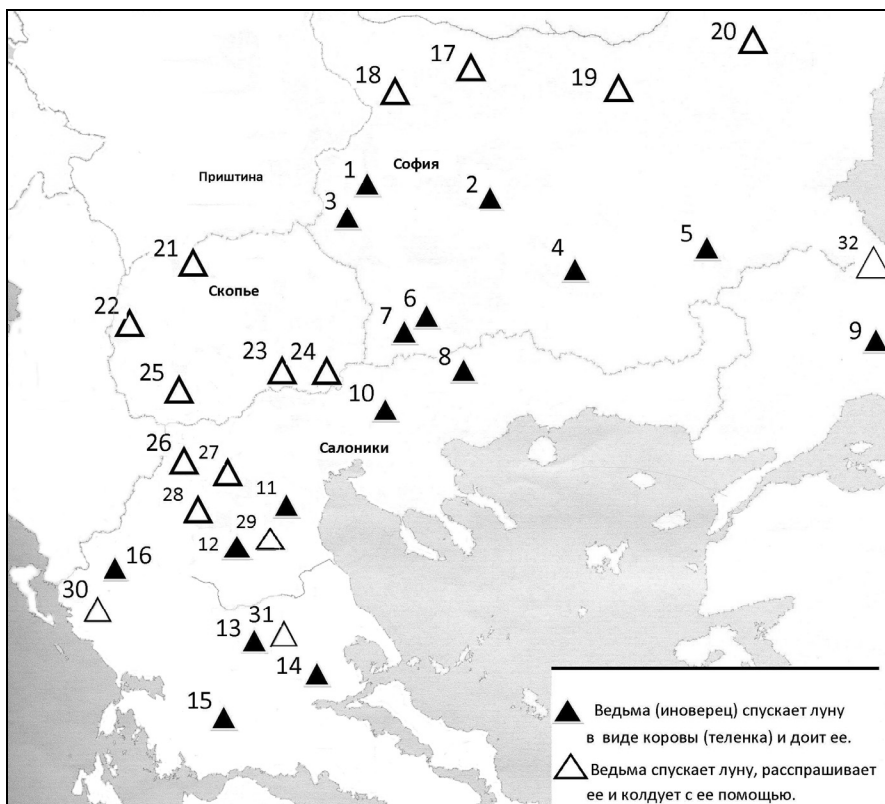
Изображение на черепке вазы, представляющее двух обнаженных колдуний. Одна держит в правой руке посох, другая – меч, и обе обращаются к луне с заклинаниями: [ΚΛΥΘ]ΟΙ ΠΟΤΝΙΑ ΣΕΛΑ[ΝΑ] и ΚΑΛΗ ([ПУСТЬ ВНЕМ]ЛЕТ ВЛАДЫЧИЦА ЛУ[НА] и БЛАГАЯ). (*Solomon Reinach. Répertoire des vases peints grecs et Étrusques*. Vol. 2, p. 319; Vol. 3. Pic. 44).

Изображение ведьмы, доящей месяц, который обратился в корову с багрово-красным языком, из церкви св. Пророка Ильи (XIX в.) в с. Бураново, Болгария. (прорисовка)

Изображение колдуньи, доящей дьявола вместо месяца, в церкви св. Архангела Михаила, с. Лешко, Болгария. Фотография В. Димитрова.

Ареал распространения представлений о ведьмах, спускающих и доящих луну

Список населенных пунктов: 1. с. Райнцы, обл. Перник, ю.-зап. Болгария; 2. г. Панагюриште, обл. Пазарджик, средняя юж. Болгария; 3. с. Мазарачево, обл. Костендил, зап. Болгария; 4. г. Асеновград, обл. Пловдив, юж. Болгария; 5. с. Браница, обл. Хасково, средняя юж. Болгария; 6. с. Рибново, зап. Родопы, ю.-зап. Болгария; 7. с. Долен, зап. Родопы, ю.-зап. Болгария; 8. с. Калапот (греч. Πανόρατα), дем Прототσάνη, греческая Фракия; 9. с. Τσόρολυ (турец. Çorlu), вост. Фракия; 10. с. Зарово (греч. Νικόπολη), дем Λαυκάδα, греч. Македония; 11. с. Сарантопоро, ном Λάρисσα, Фессалия; 12. с. Палиокастро, ном Κοζάνη, зап. Македония; 13. с. Лазарина, ном Καρδίτσα, Фессалия; 14. область исторической Локриды; 15. область исторической Этолии; 16. с. Витца, ном Ιωάννινα, Эпир; 17. с. Кнежа, обл. Плевен, средняя сев. Болгария; 18. г. Монтана, сев.-зап. Болгария; 19. с. Ресен, обл. Велико-Тырново, центр. Болгария; 20. сев.-вост. Болгария (капанци); 21. с. Кучково, община Гьорче Петров, Македония; 22. с. Битуше, община Маврово и Ростуша, Македония; 23. с. Конопиште, община Кавадарци, Македония; 24. г. Гевгелия, Македония; 25. с. Вирово, община Демир-Хисар, Македония; 26. с. Дендрохори, дем Кастория, зап. Македония; 27. с. Гермас, дем Кастория, зап. Македония; 28. с. Αργος Ορεστικό, дем Кастория, зап. Македония; 29. с. Ктени, с. Сисанином Κοζάνη, зап. Македония; 30. с. Кристалопиги, ном Ιωάννινα, Эпир; 31. с. Каналья, ном Καρδίτσα, Фессалия; 32. г. Адрианополь (болг. Одрин, тур. Edirne), вост. Фракия.

лели с полесским (украинским и белорусским) материалом – на Волынщине и Гомельщине рассказывают истории о том, что после смерти ведьмы, отбирающей молоко у коров, в ее могилу / в гроб сползаются гады, чтобы сосать из нее украденное молоко:

[Была в соседнем селе ведьма] *коровы все ходыла ў ночы дойшла. Потим заслабила и умэрла. И лэжала на покути. Потим взяли ии ў труны и повэзлы на могылкы. И настилькы нализло на нэйи змицў, шчо батюшка казал, ўжэ скількы хоронў, такога шчэ не бычыў. И закопалы ии скоршэ* (с. Любязь Любешевского р-на Волынской области., 1985, зап. И. О. Васюкова [Виноградова, Левкиевская 2010: 248–249].

3. Материал о происхождении на Балканах мотива о превращении луны в корову и доении ее ведьмами сводится к локализации мотива в балканославянском ареале: узкая локализация мотива у южных славян (см. карту) и наличие контактной зоны с греческой традицией (греческие представления возникают под сильным славянским влиянием).

4. Единичным можно считать карпатский пример на интересующую нас тему о ведьме, хранящей в доме в стеклянных сосудах солнце и луну:

І прийшов [Коньтюфiть] iд туй хижi, де Гиньджiбаба бувала, котроi був мiсяць i сонце. А i дома не було <...> сонце в стеклянуй шкатулi було, а мiсяць у другуй; то скрузь скло свiтило, i усе видно ся було уд того. I вун того взяв, а вночи почав утiкати (зап. в 1896 г. от Пилипа Опаленика в Ворочовi Унгварської) [Гнатюк 2001: 252].

Литература

- Афанасьев 1994 – *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. М., 1994. Т. 3.
- Белецкий-Носенко 1840 – *Белецкий-Носенко П.* Лингвистические памятники поверий у малороссиян // Полтавские губернские ведомости. 1840. № 23. С. 167–171; № 24. С. 175–177.
- БНМ 1999 – Българска народна медицина: Энциклопедия / Ред. М. Георгиев. София, 1999.
- Виноградова, Левкиевская 2010 – Народная демонология Полесья: Публикация текстов в записях 80–90-х годов XX века. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2010.
- Власова 1998 – *Власова М.* Русские суеверия: Энциклоп. словарь. СПб., 1998.
- Вражиновски 1998 – Народна митологија на македонците: Етнографски и фолклорни материјали / Редакција Т. Вражиновски. Скопје; Прилеп, 1998. Кн. 2.

- Гнатюк 2001 – *Гнатюк В.* Казки Закарпаття. Ужгород, 2001.
- Гринченко 1901 – *Гринченко Б.Д.* Из уст народа. Малорусские рассказы, сказки и пр. Чернигов, 1901. (Земский сборник Черниговской губернии. 1900. № 12).
- Дикарев 1903 – *Дикарев П. П.* Посмертні писання Митрофана Дикарева з поля фольклору й мітології // Збірник фільологічної секції Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1903. Т. 6. Укр. 1; С. 218. Укр 1. С. 470.
- Дмитрюков 1831 – *Дмитрюков.* Нравы, обычаи и образ жизни в Судженском уезде, Курской губернии // Московский телеграф. 1831. Ч. 39. № 10. С. 255–271; № 11. С. 359–377.
- Ђорђевић 1958 – *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави. Београд, 1958.
- Капанци 1985 – Капанци. Бит и култура на старото българско население в североизточна България. Етнографски и езикови проучвания. София, 1985.
- Ковачев 1914 – *Ковачев Й.Д.* Народна астрономия и метеорология // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (Сборник за народни умотворения и народопис). София, 1914. Кн. 30. С. 1–85.
- Киев.ЕВ 1880 – *Краснокутский А. С., свящ.* Со слов сельской бабки // Киевские епархиальные ведомости. 1880. № 26, ч. неоф. С. 5–6; Киевская епархия.
- Лебедев 1890 – *Лебедев А.* О борьбе духовных властей в бывшей епархии белгородской с суевериями // Киевская старина. 1890. № 1. С. 1–21.
- Метлинский 1843 – *Метлинский А.* Дополнение к Замечаниям [о праздниках у малороссиян К. Сементовского] // Маяк. 1843. Т. 11; Кн. 21, отд. 3. С. 71–74.
- Пастернак 1929 – *Пастернак Я.* Звичаї та вірування в с. Зіболках, Жовківського повіту. Матеріяли до етнології. Т. 21–22. Ч. 1. Львів, 1929. С. 321–352.
- Родопи 1994 – Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.
- Сакар 2002 – Сакар. Етнографско, фольклорно и езиково изследване. София, 2002.
- Сементовский 1845 – *Сементовский А.* Очерки малороссийской демонологии // Киевские губернские ведомости. Прибавление. 1845. № 14, 5 апр. С. 98–100.
- Телбизови 1963 – *Телбизов К., Векова-Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина (Сборник за народни умотворения и народопис). София, 1963. Кн. 51.
- Толстой 1996 – *Толстой Н.И.* Мифологическое в славянской народной поэзии: месяц в горшке, звезды в посудине // Живая старина. 1996. № 2. С. 40–41.
- Українці 1991 – Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. Київ, 1991.
- Филиповић 1949 – *Филиповић М. С.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. Београд, 1949. Књ. 61.
- Benekos 1992 – *Benekos D. S.* Die Mondmagie in Epiros // *Πνευματικά χρονικά*. Т. 30. Σ. 31–46.
- Moszyński 1967 – *Moszyński K.* Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Т. 2: Kultura duchowa. Cz. 1.

- Vukanović 1986 – *Vucanović T.* Srbi na Kosovu. Vranje, 1986. T. 2.
- Μέγας 1941 – *Μέγας Γ. Α.* Ζητήματα ελληνικής λαογραφίας // Επετηρίς του λαογραφικού αρχείου. Εκδόσιμνη επιμελεία του διευθυντού του αρχείου. Αθίνα., 1941–1943. Τριτο έτος.
- Μουτσόπουλου 1991 – *Μουτσόπουλου Ν. Κ.* Οι Μαϊστρες της Μακεδονίας και της Θράκης // ΣΤ΄ Συμπόσιο Λαογραφίας του Βορειοελλαδικού Χωρού. Πρακτικά. Θεσσαλονίκη, 1991. Σ. 293–322.
- Πολίτης 1921 – *Πολίτης Ν. Γ.* Ό Ήλιος κατά τους δημώδεις μύθους. Η Σελίγη κατά τους μύθους και τας δοξασίας του ελληνικού λαού. Οι περί αστέρων και αστρισμών μύθοι // *Πολίτης Ν. Γ.* Λαογραφικά σύμμεικτα. Αθήνα, 1921. Τ. Β΄
- Πολίτης 1965 – *Πολίτης Ν. Γ.* Μελέται περί του βίου και της γλώσσας του ελληνικού λαού. Παραδόσεις. Αθήνα, 1965. Τ. Α΄–Β΄.
- Σταμούλη Σαράντη 1938 – *Σταμούλη Σαράντη Ε.* Παραδόσεις της Θράκης // Θρακικά. 1938. №7.
- Πετροπούλου 1943 – *Πετροπούλου Δ. Α.* Λαογραφικά Σκεπαστού Αν. Θράκης, 186–217 // Αρχείον του Θρακικού λαογραφικού και γλωσσικού θησαυρού. Εν Αθίναίς. 1943–1944. Τ. Γ΄.
- ΛΑΙ – Χειρόγραφα Λαογραφίας. Θεσσαλικά. Φοιτητών Φ. Ιωαννίνων. Σειρά 1–3. 1964–1967. Εδρα Λαογραφίας, καθ. Δ. Λουκάτος.
- Λ.Α. – Χειρόγραφον Λαογραφικού Αρχείου.

В. Васева
(София, Болгария)

Погребальный обряд болгар Румынии (полевые наблюдения 90-х гг. XX века)

Болгарское население, компактно проживающее на территории современной Румынии, давно изучается наукой. Еще в начале XX в. подробные сведения о тамошних болгарских селах дает Густав Вайганд [Weigand 1900], отметивший в своем «Дакорумынском лингвистическом атласе» (карта № 67), что он открыл во время полевых исследований 67 населенных пунктов с болгарским населением на территории Олтении и Мунтении¹: в жудеце (округе)² Долж – 8 населенных пунктов, в области Олт – 11, в жудеце Телеорман – 18, в жудеце Дымбовица – 3, в жудеце Илфов – 25, в жудеце Яломица – 2. Болгары проживают в 9 румынских городах: Александрии, Бузэу, Браиле, Васлуе, Джурджу, Олтенице, Плоешти, Текуче, Хуши. Есть болгары и среди жителей Бухареста [Weigand 1900]. По данным регистра Валашского княжества, в 1838 г. насчитывалось 11 652 болгарских семьи (около 100 тысяч человек). В Олтении и Мунтении, на территории Валахии, болгары проживали в 160 селах и 26 городах.

В начале XX в. (1906, 1908 и 1918 гг.) болгарский лингвист и этнограф Стоян Романски провел полевые исследования в болгарских селах на территории Румынии; ученый составил описание 37 населенных пунктов, в которых проживали болгары (Архив Романского – Научный архив БАН, ф. 130). По данным его исследований, в 1917–1918 гг. на территории княжеств Валахии и Молдавии в 157 селах и городах проживало около 200 тысяч болгар. Рукописные материалы Ст. Романского содержат сведения о болгарских поселенцах в некоторых населенных пунктах, в которых теперь проживает только румынское население. Это села Боанта, Дылга, Караула, Марачина, Мирза, Палилула, Джулешти, Домнешти, Драгомирешти и др. Другое крупное исследование, посвященное болгарскому населению Румынии, было проведено диалектологом М. Младеновым. Он занимался изучением этих территорий с 1962 до 1975 г., посетив 35 сел, но его исследование охватывает в целом 95 населенных пун-

---

¹ Западная и восточная области Валахии. – *Примеч. переводчика.*

² Жудец – административно-территориальная единица Румынии первого уровня. Жудецы делятся на города и коммуны. – *Примеч. переводчика.*

тков. В работе М. Младенова «Болгарские говоры в Румынии» использованы материалы, собранные в 17 населенных пунктах, не упомянутых в труде Г. Вайганда. Диалекты, носителями которых являлись румынские болгары, разделены Младеновым на две группы: западную (видинско-ломский, козлодуйский, белослатинский, марашский и плевенский говоры) и восточную (никопольский, мизийский, павликянский говоры) [Младенов 1993].

Сегодня болгары в Румынии имеют статус национального меньшинства. Конституция Румынии с 1991 г. предусматривает права и свободы для национальных меньшинств, а румынский закон о выборах с 1992 г. предоставляет представителям их организаций занимать одно депутатское кресло в парламенте (палате депутатов). Так, в 1990 и 1992 гг. депутатом от болгарского этнического меньшинства стал Карол Иванчов (банатский болгарин). С 1993 г. в качестве консультативного органа при Правительстве Румынии ведет работу Совет по вопросам национальных меньшинств. Согласно закону, румынские болгары имеют право на создание собственных обществ и культурных организаций. Поэтому 31 декабря 1989 г. в Тимишоаре был учрежден «Болгарский союз в Банате» с филиалами-обществами в селах Стар Бешенов, Винга, Брештя, Дента и городах Тимишоара, Арад, Сынникаулау-Маре и Дета. 7 января 1990 г. в Бухаресте было создано «Болгарское культурное общество», а 24 мая 1992 г. учреждено общество «Братство», преемник одноименного общества, существовавшего с 1892 г. до конца Второй мировой войны. Печатным изданием Болгарского культурного общества в Бухаресте стала газета «Болгарская денница» («Българска зорница», 1990–2000 г.), которая с 1992 г. является также и газетой «Братства». В «Братство» входят 6 обществ из сел Брэнешти, Валя Драгулуй, Бэлени-Сырби, Стар Бешенов и городов Бухарест, Бойнешти, Калараш и др. [Нягулов 1999: 305 сл.]. Сегодня преемником «Братства» является «Болгарский демократический союз Румынии» с центром в Бухаресте (председатель – Лука Велчов).

Мое исследование, посвященное погребальному обряду румынских болгар, основывается на материалах, собранных мной в период с 1993 по 1997 гг. на территории нескольких румынских сел, где сегодня проживают потомки тех болгар, которые переселились сюда в XIX в. Это болгары-католики из сел Чопля и Попешти-Леордени (недалеко от Бухареста), Винга и Дудешти Веки (прежнее название – Стар Бешенов) в Банате, а также православные болгары, проживающие в селах Вэрэшти, Брэнешти, Алунишу (прежнее название – Броскурия) и Валя Драгулуй возле Бухареста, селе Бэлени-Сырби рядом с румынским городом Тырговиште и селе Извоареле (прежнее название – Гауричу)

рядом с Александрией³. Опросы проводились на болгарском языке, однако респонденты часто спонтанно переходили на румынский язык – билингвизм в этой среде распространен в течение вот уже полутора веков.

Одним из главных отличий румынской и болгарской погребальной обрядности является следующее: у румын погребение совершается на третий день после смерти, и гроб с телом покойника две ночи стоит в доме. По болгарской традиции, погребение тела совершается на следующий день после смерти – обычно сразу после полудня. Это различие отражено в специфике погребального обряда банатских болгар и отмечается в более ранних исследованиях. Так, например, в румынских селах, где проживают банатские болгары, похороны проходят через 36 или 48 часов после смерти, а в селах на территории Болгарии, где также живут банатские болгары, – через 24 часа независимо от возраста покойника [Телбизов, Телбизова 1963: 236].

Мои исследования в 90-е гг. XX в. показали, что в среде болгар-переселенцев на румынской территории при совершении погребального обряда наблюдались различные тенденции, следование которым зачастую определялось случайными обстоятельствами или особенностями календарного периода; однако чаще всего тело предавалось земле на третий день после смерти, после двух ночей бдения над покойным, который все это время находился в доме (сёла Алунишу, Брэнешти, Чопля). В с. Валя Драгулуй нам рассказали, что сейчас всё зависит от финансовых возможностей семьи: бедные семьи хоронят родственников на следующий день, а более обеспеченные – на третий день после смерти (ААГ). В Брэнешти, если человек умер во время поста, его также хоронят на следующий день (НП). Пожилая католичка из Попешти-Леордени рассказала, что мужа она хоронила на третий день, а свекровь – на следующий день после смерти, так как она умерла Великим постом и ее спешили похоронить до Лазаревой субботы (ПБ).

Во всех селах, где проводились опросы, до сего дня строго следят за тем, чтобы какое-либо домашнее животное не перепрыгнуло через тело покойного.

---

³ Исследование проводилось в рамках двустороннего договора о научном сотрудничестве между Этнографическим институтом при Болгарской академии наук (София) и Институтом этнографии и фольклора им. Константина Брэилу при Румынской академии наук (Бухарест). Название трехлетнего проекта – «Изучение общин переселенцев по обеим сторонам р. Дунай» (1993–1995 г. и 1996–1998 г.). Все интервью хранятся в личном архиве автора в аудиоформате. Неоценимая помощь в проведении полевых исследований была оказана членами Болгарского общества «Братство» (Бухарест), преемником которого является «Болгарский демократический союз Румынии».

Респонденты часто говорят о том, что запирают кошек – тогда они не смогут перескочить через гроб с телом (села Алунишу, Вэрэшти). Существует поверье, что, если это произойдет, мертвец превратится в демоническое существо, называемое *стафия* (Вэрэшти), *стригой*⁴ ‘живой мертвец’ (Алунишу, Брэнешти), *некурато* ‘нечисть’ (Брэнешти), *пучит* (Валя Драгулуй), *лепирник*, *опир* (Извоареле), будет по ночам приходить в дом и беспокоить родных (ФЯ, МЯК).

Особенно четким является представление о том, что ночью мертвеца нельзя оставлять одного; возле него всегда находятся взрослые, пожилые люди, чаще всего – одна или несколько женщин. Также строго запрещается оплакивать покойного в ночное время. В некоторых местах ворота дома, в котором стоит гроб, как и входная дверь, оставляют открытыми. Они открываются сразу после наступления смерти и закрываются после погребения; но такой традиции следуют только в теплое время года (Алунишу). Двери открыты до вечера (Извоареле) или до того момента, когда все вернутся с кладбища (Валя Драгулуй). Католики из Попешти-Леордени также отворяют двери дома и калитку (*уратница*) сразу после смерти и закрывают вечером, когда все расходятся после поминок (ПБ). Кое-где вместе с дверями открывают и окна, поворачивают зеркало к стене или накрывают его полотенцем, выливают воду из всей посуды в доме и наполняют посуду водой заново (Брэнешти). Банатские болгары оборачивают зеркало черной тканью, «чтобы покойник не увидел себя в зеркале» (*да ни се видъ мъртвия у огледалото*), и открывают окна, чтобы душа покинула дом (Винга). Выливание воды из посуды в доме – практика, повсеместно распространенная среди православных болгар, живущих на территории Румынии. Воду выливают в чистое место и сразу же (или уже после похорон) наливаю свежую воду (Извоареле, Валя Драгулуй). В некоторых селах это делается после того, как покойника вынесли из дома. Тогда открываются окна и двери, «чтобы покойник вышел» (*да излезе мъртвия*, Бэлени-Сырби). В других домах в селе выливают воду, когда похоронная процессия пройдет мимо. Тогда открывают калитку, выливают воду на дорогу и после этого приносят в дом свежую воду (Алунишу). В с. Бэлени-Сырби существует поверье, что воду во время похорон выливают на дорогу, чтобы пошел дождь (*за да вали дъжд*) (СД).

Во всех исследованных румынских селах вечером или в течение двух ночей, пока тело еще не погребено, в дом покойного собираются люди со всего села. Обычно это взрослые, пожилые родственники и соседи, однако в некото-

---

⁴ В статье румынское происхождение терминов погребальной обрядности у румынских болгар специально не оговаривается. – *Примеч. ред.*

рых селах обязательно присутствие молодежи и даже детей. По рассказам большинства информантов, на такие ночные бдения ходят в основном женщины, а из мужчин приходят обычно друзья и ровесники покойника-мужчины (в селах Вэрэшти, Чопля). В Брэнешти вечером в доме покойного собираются все родственники и соседи, включая детей (МК). В Алунишу нам рассказали, что рядом с покойным обычно остаются более молодые, которые могут провести всю ночь без сна. Одна 80-летняя информантка вспоминала, что, будучи моложе, она ходила в дом покойного на всю ночь, а сейчас у нее уже не хватает сил на такие бдения (АнгС).

У болгар принято особенно тщательно охранять покойника ночью. Это делают родственники или посторонние взрослые люди, которые не должны оставлять комнату без света. В качестве дополнительной меры против перевоплощения в вампира используют покров или специальное полотенце, смоченное в вине, которым накрывают лицо покойного на ночь [арх. Евтимий 1942: 5, 11; Генчева 1946: 12; Цанков 1969: 107]. То же самое делают банатские румыны [Maluckov 1985: 235].

У румын обычай охранять тело усопшего с момента его смерти до погребения имеет развернутый характер: ночные бдения над телом превращаются в своеобразное обрядовое действие, сопровождаемое на севере страны (Молдавия, Буковина и часть Трансильвании) погребальными играми с масками [Vladutiu 1973: 409; Pop 1976: 173; Burada 1978: 142–143; Fochi 1976: 159–163; Vrabie 1970: 253; Burada 1882: 18–26; Marian 1995: 128–148; Stahl 1939: 294–296]. Ночные бдения над усопшим здесь совершаются в течение двух ночей, пока тело находится в доме. Обряд представляет собой охранительные действия расширенного характера с соблюдением общих запретов (не передавать ничего над телом и не давать домашним животным перепрыгивать через него). В ночных бдениях принимают участие множество односельчан, в особенности парни и девушки, которые являются основными участниками обрядовой игры. Во время ночного бдения принято пить вино и есть, но настоящей поминальной трапезы нет. Тем, кто приходит ночью на бдение, наливают стакан вина, дают кусок хлеба или мамалыгу. Более распространенной практикой у румын является совершение вечером в доме покойного церковного обряда, включающего окуривание тела ладаном [Васева 1990: 122, 125–127; Васева 1995: 101].

Согласно народным представлениям, такие обрядовые действия совершаются для того, чтобы не произошло перевоплощения покойного, а кроме того, они рассматриваются как последнее совместное присутствие усопшего рядом с живыми. Поэтому эти действия направлены на то, чтобы доставить своео-

бразное удовольствие покойному. Прежде всего это находит выражение в обрядовом веселье у румын.

В исследованных болгарских селах Румынии рассказывают, что, собираясь на ночные бдения в дом покойного, все женщины берут с собой еду – хлеб, вино, закуску к вину, яблоки, растительное масло, круглые обрядовые хлебцы, рис, сахар. Еду, принесенную из дома, женщины раздают друг другу у гроба. Один информант охарактеризовал эти действия таким образом: еда, раздаваемая женщинами рядом с телом покойного, предназначена для их усопших родственников. Существует поверье, что покойного у ворот кладбища встречают другие мертвецы, чтобы получить от своих близких переданную через него еду (МК). Придя в дом, люди обычно зажигают свечи, кладут цветы и тихо разговаривают между собой, вспоминая события из жизни покойного, в том числе и пережитое вместе с ним, а женщины рассказывают друг другу о своих повседневных заботах и обмениваются принесенной из дома едой. В Брэнешти цветы, принесенные усопшему, выносят на ночь из дому, чтобы «тело покойного не испортилось» (*да не се развали умрялото* – НП).

Неукоснительно соблюдается следующий обычай. Ровно в полночь все садятся за поминальную трапезу, на которой едят и пьют то, что приготовила семья покойного: *А на тия от къщата, те трябва да направят една манджа* [Ну а те, что в доме, должны приготовить еду] (Алунишу, ФВ). *Газдата на къщата слага синията отън след полунощ* [Хозяин сразу после полночи выставляет во дворе трапезный столик] (Брэнешти, МК). К этой поминальной трапезе женщины, пришедшие на бдение, также приносят кушанья – колбасу (*мезелури*), тарелки с орехами, жареную картошку. Каждая приносит, что может, и кладет на стол (Алунишу). Блюда всегда подбираются с учетом церковного календаря: во время поста готовится постная еда, в другое же время – скоромная. Летом поминальная трапеза часто проходит во дворе (*на приспата* – Брэнешти), однако рядом с покойным обязательно остаются одна или несколько женщин, которым приносят еду с общего стола. У гроба в течение всей ночи сидят от 5-6 до 10 человек, которые остаются рядом с усопшим до самого утра, в то время как остальные люди приходят в разное время, участвуют в общей ночной поминальной трапезе после полуночи и могут уйти сразу после ее окончания. Кто-то приходит специально на полуночную поминальную трапезу, а в Брэнешти из-за стола встают и расходятся по домам на рассвете. Ночная поминальная трапеза называется *синия*, *слагам синия* букв. ‘ставить трапезный столик’ (Брэнешти, Валя Драгулуй) или *синие* (Попешти-Леордени). Слово *синия* было зафиксировано католическими священниками-иностранцами

в двух селах недалеко от Бухареста, где проживают болгары-католики из области Свиштова в Болгарии, и отмечено как характерное для болгар-павликиан [Grigore 2007a: 230; Grigore 2007b: 253].

В католических селах ровно в полночь от лица всех присутствующих читается молитва об усопшем. Женщины покрывают тело покойного целиком (включая лицо) шелковым платком: *Па на дванаесе часа ноцтъ го прекрием с пешкире буранджик* [И в двенадцать ночи мы накрываем его полотенцами «буранджик»] (ТГ). После этого хозяева выставляют в память о почившем кушанья – *мазница* (баница), хлеб *козунак*, ракию, вино или пиво, а также кофе. Иногда поминки рядом с усопшим заканчиваются весело – люди рассказывают друг другу смешные истории из жизни покойного (сёла Чопля, Алунишу – (ИБ, Дм, АнгС). В Попешти-Леордени родственники усопшего после того, как накроют его тканью (*буранджик*) в полночь, раздают на улице лепешки, хлеб, котлеты, голубцы, колбасу, маслины, *мазници* (баницы), наливают вино и ракию (ПБ, ИК). В банатском селе Винга в течение двух вечеров в дом покойного приходят посидеть все родственники и соседи; они тихо разговаривают между собой и *молят Бога* (совместно читают молитвы). В полночь окуривают ладаном поминальный стол, разламывают и раздают всем большую горячую лепешку с брынзой (если нет поста), пьют вино и ракию. От лепешки должен откусить каждый, «чтобы она попала к покойному» (МР) (*да се намери на мъртъвия*).

В большинстве румынских сел, где проживают православные болгары-переселенцы, также рассказывают о приготовлении лепешки, которую вечером разламывают в горячем виде на куски и съедают рядом с покойным. В селе Алунишу, например, после каждения еды женщины разламывают у гроба горячую *литийку* и едят ее, макая в еду (АнгС). В с. Валя Драгулуй горячий «хлеб умершего» (*питата на умрялуту*) разламывают на куски и едят с маслинами (в пост) или с брынзой (если нет поста) (ААГ). В Брэнешти также вечером рядом с гробом разламывают хлеб и раздают понемногу всем пришедшим (НП). В Извоареле (недалеко от Александрии) после того, как умирает родственник, вечером пекут особую лепешку *пътник* – «путник», разламывают ее на куски, макают в вино и угощают всех пришедших. Если время позднее, то лепешка печется из пресного теста; если же еще не стемнело, готовят лепешку из дрожжевого теста и, обмакнув ее куски в вино, раздают присутствующим (ФЯ, МЯК). В с. Алунишу горячий хлеб (*туртенце*) разламывают на крышке только что изготовленного гроба. Его макают в вино и окуривают вместе с гробом, а затем раздают всем присутствующим (АнгС).

Важной частью погребального обрядового комплекса у православных болгар является приготовление обрядового хлеба. Обычно приготовлением теста занимается одна из женщин – вдова, пожилого возраста, «бережёная» (*дето се варди*, т. е. без менструаций и не ведущая половую жизнь). Вымывшись и переодевшись в чистую новую одежду, она замешивает тесто. Она же подготавливает закваску и украшает (*посфори*) хлеб печатью-«просфорником». В Брэнешти и Извоареле особый обрядовый хлеб выпекается сразу после того, как человек умирает. Хлеб ломают на куски горячим, так, чтобы от него еще шел пар: «воздух бы выходил, как душа» (*да излезе аер като душата*), – и поливают вином, «потому что оно – кровь Господа» (*че то било кръвта на Господя*). Женщины, находящиеся в доме, берут по куску и едят вместе с кутьей.

Православные болгары обязательно готовят кутью (*коливо*) для поминок. Кроме того, в Брэнешти выпекают еще три хлеба, которые называются *пряворничка*, – один круглой формы и два овальных. Один хлебец разламывают прямо у печного отверстия; его кладут в сосуд (*талар*) с вином и небольшим количеством пшеницы, после чего все присутствующие откусывают от него по кусочку. Другой хлебец, разламываемый по пути, отдают детям – вместе с горящей свечой (*вощенка*) и коливом на нем. *Пряворнички* пекут не только при совершении погребального обряда – их приносят на каждую заупокойную службу (*парастас*) в церковь. Эти хлебцы обязательно кадят, иногда на них делают украшения при помощи специальной печати-«просфорника» (*плескуры*). Другие хлебцы называются *главичка*, *арангелче*, *плескура*. *Главичка* выпекается в виде двух соединенных между собой караваев – «Михаила» и «Гавриила». Этот хлеб приносят в церковь, где священник его благословляет и раздает вместе с освященными хлебами (*попа прави анафора да се миросват*). *Арангелче* имеет крестовидную форму (МК).

В Извоареле одна женщина печет хлеб и для погребения, и для поминок (*помана*). Сначала выпекается хлеб *пътник*. Его пекут вечером, сразу после того как человек умирает, затем разламывают на куски, макают в вино и сразу же раздают всем присутствующим. Если нет поста (*благо е*), то режут курицу и готовят немного супа (*чорбица*); если же время постное, то приготавливают фасоль, перец, «собираются, кладут еду вниз, на землю, потом кадят ее и едят – те, кто в доме помогает» (*па се сберат и турат долу на земята, па го прекадят и го изядат тия, дето служат в къщата*). Другие хлебцы – *главичка*, *посфаричка*, *кръстаж*, *ляп*. *Главичка* – большой хлеб, украшенный крестом и 9 шариками из теста, окруженными калачиками (*ковриджи*). *Кръстаж* – хлеб в форме креста, а *ковриджи* («бублики, калачи») имеют отверстие посередине.

Хлебцы кладутся один на другой: *Кръстажа се тура върху главичката и отгоре ковриджите и една кълка пиле, патица или друга мръвка, ако е благ ден* [Кръстаж кладут на главичку, а сверху – ковриджи и куриная ножка, или утинная, или другое мясо, если день не постный]. Всё это вместе называется *главичка*. На похоронах *главичка* и *стъклянка* с вином складываются в плетеную корзину (*кошник*), которую одна из женщин несет впереди погребального шествия. Рядом с ней идет какой-нибудь мужчина – он несет *коливо* (вареную пшеницу с сахаром и орехами, реже – с кофе). *Главичку* отдают священнику после отпевания, после того как он покадит ее и *коливо* (ФЯ, МЯК) [Васева 1997: 107].

В с. Алунишу такие хлебцы называют *къпицел* (< рум., то же, что и *главичка*), *липийка*, *прискура*. *Липийку* украшают 9 отпечатками «просфорников», затем разламывают на куски и макают в вино с сахаром; *прискуру* – 4 отпечатками, а *къпицел* украшают 5 отпечатками и крестиком. Эти хлебцы пекутся на поминки. Всегда также готовят и кутью – *колива* (ФВ).

В с. Врэшти также пекут *просури*, а один такой хлебец кто-нибудь из женщин разламывает на куски и, окунув в мед, раздает вечером всем после возвращения с кладбища (АндСт).

Вера в то, что душа «питается» паром от горячей лепешки, который поднимается от разламываемого горячего хлеба, созвучна с представлениями о душе-воздухе (рум. *aer*), воздухе, невидимом для живых людей (Брэнешти, МК). Широко распространено представление о том, что душу забирает архангел (Михаил), саблей вытаскивая ее из тела (Брэнешти, Бэлини-Сырби, Извоареле): *Арангел зема душата, през устата излиза с форма на дете, малко, както като го родиш. Арангел го тегли, със сабя я вади – видела съм го в манастирята на мунтето на стената* [Арангел берет душу, она через рот выходит в виде ребенка, маленького, новорожденного. Арангел ее вытаскивает саблей – я это на стене в монастыре в Бузэу видела] (МК); *Арангел зима душите и нелития взема душите на зреините* [Арангел души забирает, а нечистый забирает души грешников] (ФЯ, МЯК). Распространено также поверье, что человек, умирая, «собирает душу» (*бере душа*) (Брэнешти), и, когда душа из него выходит, надо, чтобы рядом с ним горела свеча или лампада, чтобы он мог видеть (*да умре със видело* – СД) (Бэлини-Сырби, Извоареле, Валя Драгулуй). Если человек умер без свечи, то в Извоареле в церковь приносят живого петуха «Христу» (*на Риста*). В Страстную пятницу священник отдает петуха кому-нибудь из прихожан или забирает себе. В церкви зажигается свеча в память об умершем в темноте.

В этом же селе сохранились воспоминания о старинном обычае, извещавшем о смерти в селе: «Женщины ревут громко на улице, чтобы все узнали, что человек умер – рано-рано, чтоб все услышали» (*Жените ревьт силно навън да известат, че има умрял, заран рано да чуят хората* – ФЯ, МЯК).

В некоторых селах во время ночного бдения рядом с телом женщины шили ткань, которой должен был быть покрыт покойник. Это, впрочем, делалось лишь тогда, когда сам человек при жизни не успевал приготовить все необходимое к смерти. В с. Алунишу в течение всей ночи женщины шьют «полотно для глаз» (*платното за очите*). Для этого используются белые, красные и синие нити, переплетенные между собой «крестиком». Разноцветными нитками вышиваются 9 крестов, причем последняя нить остается незакрепленной, незавязанной (ФВ). В Брэнешти во время ночного бдения «чистая» женщина-вдова пришивает к белой ткани, которая покроеет тело усопшего, два куска ткани у плечей, называемые «крылья». *Крилете на платното ги ушиват при варденето на умрелия – една жена чиста, вдовица. Тя седи там, ѝ даваш конци и тя ги шие* [Крылья пришивают, когда мертвого стерегут, – чистая женщина пришивает, вдова. Сидит там, ей даешь нитки, она ими и шьет] (МК).

Во всех обследованных селах сохраняется такая традиция: пожилой человек еще при жизни приготавливает все необходимое для погребения. На чердаке обычно хранятся доски для гроба, в сундуке – «смертная одежда» и ткань, которой будет покрыт усопший. Несколько информантов рассказали, что приготавливали доски для своих гробов, несмотря на то что сейчас все продается в готовом виде, потому что «гробы дорогие» (АндСт, АнгС, ПЛ). Пожилая католичка из Попешти-Леордени хранит помимо всего еще и каменный крест для своей могилы (ПЛ). Мужчины также готовят одежду для погребения – костюм, шляпу (*палария*) и погребальную ткань (АндСт). Некоторые из опрашиваемых женщин рассказали, что хранят «на смерть» (*за умряло*) свадебную рубашку (МК, ФЯ, МЯК) или какой-нибудь подарок от посаженной матери, платок или платье, которое не носят и хранят в гробу (*кошчуго*) (ААГ). Мужчины реже хранят на случай смерти рубашку или какую-нибудь другую «венчальную» одежду (Извоареле). В некоторых селах существует обычай хоронить с обручальным кольцом на пальце (Брэнешти, Извоареле).

В селах Валя Драгулуй и Алунишу на голое тело усопшего под верхнюю одежду надевают особую рубашку: *Една риза се прави, отпред да не се вижда срамтата. Тая риза е неговата, той се завардва с нея да не ги е срам. Тая риза я заливат с вино и с малко улей накръст и я опушват*. [Рубашку надевают, чтоб срамоты не было видно. Это покойника рубашка, она его защищает, всё

прикрывает. Эту рубашку заливают вином и растительным маслом и окуривают ладаном]. Рубашку шьют из белой ткани. В наши дни отверстие для головы на рубашке прорезается ножницами, а раньше ткань поджигали огнем свечи, и затем разрывали горловину руками (Валя Драгулуй). В селе Алунишу под одеждой покойного надевают специальную нешитую рубашку – *приризник, ризник* – белую ткань с отверстием для головы, вырезанным ножницами. Называют ее «рубашкой Господа Иисуса Христа» (*ризата на домну Исус Христос*). Она должна «спереди срамоту прикрывать, а сзади быть короче» (*отпред да покрива срамотиште, отзад е по-късо*) (ФВ, АнгС).

На нижнюю рубашку сверху надевают новую, красивую одежду; сверху тело покрывают тканью, которой «оборачивают глаза покойнику» (*дет му загъват очите*) перед тем как положить его в гроб. На ткани вышит крест, у мужчин – синими и белыми нитками, у женщин – красными и белыми. При прощании с умершим эту ткань целуют там, где у него ноги. На лоб покойного кладут полоску ткани – «венчик» (*венчило*); на «венчике» нитками тех же цветов, в зависимости от пола усопшего, вышиты 9 крестиков. К крестикам пришиваются монетки (*банчета*) (Валя Драгулуй). Покойника накрывают полотном – *платно през очите* (Алунишу), *платното за умрялу, пынза* ('полотно') *за очите* (Брэнешти), *покрив, покров* (Извоареле) из домотканого белого полотна.

В Брэнешти такое смертное покрывало (*платното за умрялу*) вышивают «зигзагом» – белыми, синими или красными нитями (этот стежок называется *пикня на вола* 'как вол мочится'), крест-накрест из одного угла в другой. *От краката до главата се гужда един плат и после се гуждат крилете на раменете, от друг плат, рязан на две. Крилете на платното ги ушиват при варденето от една жена чиста, вдовица* [Ткань – с ног до головы, а потом еще к плечам крылья пришивают, из другого полотна, которое режут на два куска. Крылья пришивает чистая женщина, вдова]. После того как тело покрывают тканью, внизу, у ног, ткань слегка разрывают, «чтобы, как пойдет, путь был свободным» (*да има свободен път вече, като тръгне*). Покрывало не режут, а именно рвут – руками или же с помощью пламени свечи. Когда тело уже накрыто полотном (*платноса се умрялото*), священник крестообразно поливает его маслом и вином. Это происходит уже перед тем, как гроб опускают в могилу. Лоб усопшего накрывают белой лентой (*орар*), «расшитой крестиками, а сверху «чукуруки» крепят, они как бабочки по форме (*пошита с кръстове и се гужда по едно чукурче като папарудка*). На ткани закрепляют 9 «чукуруков» и пришивают к ним мелкие румынские монеты (*бан, мартурие*). Такую

ленту кладут в изголовье покойного сразу после того, как, оmyв тело, его помещают в гроб. Лоб усопшего накрывают ею перед тем, как опустить гроб в могилу (МК, НП). В Извоареле тело накрывают куском домотканого полотна (*покрив*); ткань также не разрезают, ее опаляют огнем свечи, а после разрывают руками. Если покрывало узкое, то сшивают два куска ткани, а «крылья» отсутствуют. На голову кладут *венец*, углы которого украшены монетками (*банче*); ткань расшита синими и белыми нитками (если усопший – мужчина) или красными и белыми (если это женщина). Ее подшивают черными нитями, а посередине вышивают черный крест. *Обичея е такъв – както е била на Господ короната да спи, тъй и нашите глави да имат* [Обычай такой – как у Господа была корона, когда он спал, так и у нас должна быть]. В этом селе *венец* кладут на лоб уже тогда, когда тело готовят к прощанию в доме покойного (ФЯ, МЯК).

Болгары-католики в селах под Бухарестом также облачают тело усопшего в новую, нарядную одежду и накрывают сверху куском белой ткани (как правило, покупной), украшенной кружевом и вышивкой. В руки покойного кладут четки. Православные болгары в этой же местности вкладывают в руки икону (Дудешти). В Винге в ноги усопшему с одной стороны кладут полотенце, а с другой – платок для рук, «чтоб вытирался, такой обычай» (*да се трие, тъй е обичая*). Рядом с телом под полотно кладут щепоть соли, завязанную в платочек. Гроб закапывают вместе с этой солью (МР). Вспоминают, что в Чопле до 40-х гг. XX в. всех женщин хоронили в национальной болгарской одежде (*костюм национал*), которую женщина сама должна была сшить и хранить для смертного часа. Мужчин так не хоронили, потому что им одежду покупали в городе. Женщины ткали на домашних станах (*дузени*) длинные полотенца из шелковой ткани (*буранджик*), богато украшали их, ими покрывали тела усопших сверху. В селах Чопля и Попешти-Леордени образцы такой ткани сохранились до наших дней (ИБ, ДМ, ПБ). У банатских болгар в жаркую погоду было принято вливать в рот умершего камфару, «чтобы покойник не кипел» (*да не ври умрелия*), а на глаза, чтобы они не открывались, класть по монете (МР).

Везде сразу после омовения тела усопшему связывают руки и ноги, чтобы тело оставалось в определенной позе; иногда челюсть подвязывают платком, чтобы рот был закрыт, и вливают немного алкоголя (Чопля). Ноги связываются полотенчиком *кръпче* (Винга, Чопля), синим полотенцем (Брэнешти), черной лентой или веткой дикой ежевики, «чтоб домой не вернулся» (*за да не си дои, Извоареле*); иногда такое полотенце (*батиста*) кладут между ног покойного (Винга). Перед тем как гроб опустят в могилу, священник читает молитву «на

развязывание» (рум. *de dezlegare*); ноги после этого развязывают и полотенце отдают мужчине или женщине (в зависимости от пола усопшего). Распространено мнение о том, что такие полотенца используют в черной магии. Поэтому их особенно берегут, следя за тем, чтобы их никто не украл. Ноги развязывают, «чтобы он смог пройти мытарства» (*да мой да тръгне на вамата* – рум. *vata* ‘таможня, мыт’), «чтобы никто его не мог остановить» (*да не мой да бъде спрен*) (Чопля, ТГ).

Важным этапом в подготовке к погребению тела является изготовление гроба и деревянного креста, а также выкапывание могилы. В отличие от приготовления поминальной трапезы, эта работа мужская. Гроб называется по-разному: *ковчег* (Бэлени-Сырби), *кошчуг* (Алунишу, Попешти-Леордени, Чопля), *трон* (Извоареле), *ракла* (Вэрэшти, Винга). Деревянный крест называют *кукла* (Извоареле), *кръс* (Бэлени-Сырби). Гроб и крест обычно изготавливаются плотником, которого родственники покойного позвали на погребение. Он делает гроб и вырезает крест во дворе, из специально приготовленных досок, пока в доме омывают и переодевают мертвеца, готовят обрядовый хлеб, кушанья и пр. Раньше плотник не получал денег за эту работу – только подарки. Нельзя было отказать в подобной услуге, когда кто-то умирал. В Извоареле для гроба снимали мерку с помощью палочки, тростника, который затем клали в гроб. После того, как гроб готов, его украшают – *го пишат* ‘расписывают’ (Бэлени-Сырби), оборачивают синей бумагой (и для мужчин, и для женщин) (Алунишу). Больше всего деталей, касающихся изготовления гробов, я узнала от информантки из Извоареле, супруги сельского гробовщика. По ее словам, в *троне* у изголовья справа оставляли отверстие, «окошко» (*джамче*), чтобы в гроб попадал воздух и «чтоб душа выходила» (*да се аресисва, да праи аер, да излиза душата*). Когда гроб был готов, на его крышку клали полотенце и ставили поминальные кушанья: две миски – с похлебкой (*чорба*) и прочими угощениями, *ляп* (хлеб), немного вина, «ну и кадили это все, а потом мужчины вместе с мастером на крышке ели (*на го прекадят, на го разчупат там с майстора и още мъже из къщи, на ядат на капака*). После того как покойного обмоют и положат в гроб, рядом с ним прямо в гроб высыпают просо, а ноги завязывают веткой ежевики (ФЯ, МЯК). Повсеместно готовый гроб кадят. В с. Алунишу также вспоминают о трапезе на крышке гроба (после того как гроб готов, но тело в него еще не положено). Горячий хлебец (*туртенце*) кадят одновременно в гробом, затем разламывают на куски и, обмакнув в вино, раздают присутствующим (АнгС). В наши дни гробы покупают готовыми, вместе со всем необходимым для погребального обряда.

Когда гроб готов, в него кладут тело усопшего и начинается подготовка к прощанию с покойным. Открытый гроб ставят на середину комнаты на *одър* (Алунишу), стол (Попешти-Леордени), длинный стол (*дълга трапеза*) (Винга), на доски, укрепленные на стульях. В гроб кладут тростник (Брэнешти), щепки, оставшиеся от гробовых досок (Винга), палочку, с помощью которой снимали для гроба мерку (Извоареле), старую одежду усопшего (Дудешти) или его новую одежду (Брэнешти).

В Извоареле на дно гроба обязательно кладут посконное (конопляное) покрывало, так как «конопля (пакля) – это борода Господа» (*кълчишката е брадята на Господ*). Сверху кладут подстилку и простыню, а в изголовье – простую подушку (*перна* – Алунишу), *перинче* (Винга), *возглан'ца* (Чопля). Обычно ее набивают цветами, которые женщины приносят ко гробу. Цветы не перевязываются ниткой (Алунишу), и среди них обязательно есть базилик (при православном погребении). Также подушку набивают старой одеждой (Чопля) или одеждой, снятой с человека после его смерти (Извоареле), щепками от гробовых досок (Чопля, Винга), бумагой. Подушку нельзя набивать шерстью (Вэрэшти) и особенно – пухом и перьями: *Казват, чи ако седи мъртавия повече у пуха, угрява, на почни да се надува* [Говорят, если пух положить, покойник нагреется и раздуется] (Винга). Поэтому подушку набивают гниющим материалом – коноплей, паклей (Вэрэшти), мякиной (Попешти-Леордени, Чопля), соломой (Дудешти).

Везде православные болгары кладут деньги либо в карман усопшего, либо в гроб, чтобы он смог заплатить долги и откупиться. То же делают и банатские болгары-католики (Винга), в то время как в католических селах под Бухарестом такой обычай осуждается духовенством и потому не практикуется. Один раз нам рассказали о том, как «оставляют удачу» в доме (это часто встречается у болгар). В Извоареле в платок насыпают пшеницы и кладут в гроб рядом с усопшим. Когда же священник прочитает над телом молитвы, платок развязывают, а пшеницу бросают на чердак (*на тавана в хранъта*), чтобы из дома «не ушло благополучие» (*да ни се земе споръ*). В этом же селе во время выноса тела, если покойник – человек относительно молодого возраста, одна из женщин расстегивает пуговицы на одежде вдовца или вдовы, для того чтобы те смогли еще раз создать семью (ФЯ, МЯК).

Могилу выкапывают в день погребения, так как считается плохой приметой оставлять могилу на ночь пустой. Копают обычно или 4 человека (Брэнешти, Валя Драгулуй, Вэрэшти, Алунишу), или 3–5 человек (Извоареле), родственники и друзья покойного. Они приносят инструменты, опустив их и держа че-

ренком назад. На руки мужчинам повязывают полотенца (Извоареле), приносят еду и питье (Алунишу). Вместе с мужчинами к месту, выбранному для могилы, идет одна из женщин, чтобы показать, где копать. Она приносит с собой огонь и ладан, кадит место будущей могилы и зажигает свечу (Брэнешти). Если, копая могилу, мужчины находят кости другого покойника, эта женщина собирает их, моет, кладет в белую суму и оставляет рядом с могилой, чтобы потом положить их покойнику в ноги (Вэрэшти). В селе Алунишу женщина кадит кости, приносит их в церковь и, после того как священник в церкви прочитает над ними молитву, кладет в ноги усопшему. Принято следить за тем, чтобы через выкопанную могилу не перескочила кошка или собака, иначе покойный превратится в вампира (*стригой*), нечистого (*некурато*) (Брэнешти). Мужчинам, выкопавшим могилу, в доме усопшего дарят полотенца, дают миску с кушаньями, а после того как тело опускают в могилу, еще и ткань, с помощью которой они опускали гроб (*платното дето му давали пътьо*) (МК). Длина этой ткани – 9 локтей, она узкая; подпалив огнем, ее разрывают на две части. Одна часть ткани поддевается под изголовье гроба, а другая – под противоположный конец. Таким же образом мужчины делят две части ткани на 4 куска, из которых каждый берет себе по одному (Брэнешти, Извоареле). В наше время гроб опускают в могилу на веревках (Вэрэшти, Чопля).

Выносят из дома тело ногами вперед. После этого пол в комнате, где стоял гроб, одна из женщин-вдов (Бэлени-Сырби, Алунишу) или девочка (Извоареле) подметает в направлении к двери, за это им дарят подарок. Над тем местом, где стоял гроб, и над порогом совершаются обрядовые действия. Сразу же после выноса тела здесь разбивают кувшин, водой из которого поливали тело во время омовения (Брэнешти, Алунишу). В течение 6 недель эти места кадят каждый день, а на то место, где лежала голова усопшего, ставят горящую свечу или лампаду (также на 6 недель). Здесь же готовят большую поминальную трапезу сразу после погребения. У банатских болгар старая женщина сразу же после выноса тела приносит каравай хлеба и кладет его на длинный стол, где стоял гроб (Винга). Туда же ставят миску с едой, клубок пеньковых веревок (*кълбе кълчища*, с их помощью обжигают гроб на третий день после смерти) (Бэлени-Сырби), камень и горящую свечу (Извоареле).

Существует поверье, что душа остается в доме до 6 недель; поэтому на окне для нее оставляют сосуд с вином, поскольку «душа ночью приходит попить» (*душата иде ноще да пие*) (Бэлени-Сырби). Сосуд с вином и сосуд с водой ставят на окно или лавку у стены (Извоареле), вешают под потолок (Валя Драгулуй) или привязывают к столбу перед домом (Алунишу, Чопля). На высокое

место в доме ставят тарелку с мукой и сосуд с водой, «чтоб приходила душа есть и пить» (*идва душата да яде и пие*); если вода испарилась, говорят, что душа выпила воду, а если мука лежит неровно, как будто ее кто-то разрыл, говорят, что «душа в муке искупалась» (Брэнешти). В Брэнешти на место гроба кладут 25 столовых предметов (*за 24-те вами и една Господьовата* [24 – за мытарства и одна – Господу]), которые после поминок раздают «за умершего» (*за умрелото*). Люди верят, что этими предметами усопший «расплачивается», проходя через мытарство (*вама, въма*), которых всего 24. К каждому предмету лентой (*батиста*) привязаны свеча и мелкая монетка (*бан*). На похоронах всю эту посуду кладут в корзину вместе с обрядовыми хлебцами (*прескурамата, главичката, арангела, коливата*) и на отпевании в церкви кладут умершему в изголовье. По возвращении с похорон посуду раздают вместе со свечами и монетами, но перед этим обязательно кладут всё это на место гроба (МК). Среди румын широко известно поверье о небесных мытарствах, через которые проходят души умерших по пути в потусторонний мир. С ними связан ряд обрядовых действий [Marian 1995: 286–292; Pop 1968: 86; Васева 1990: 189 сл.].

Еще один обряд, совершающийся на пороге во время выноса тела и являющийся широко распространенным у румын, не характерный для болгарского обрядового комплекса, зафиксирован в трех румынских селах, где живут потомки болгарских переселенцев. Речь идет о живой курице, которую дарят «через порог» или «под гробом». Этот обычай характерен для румынского обряда, совершающегося в юго-западной части жудеца Телеорман (живую курицу дарят над порогом при выносе тела), в Марамуреше (курицу дарят во дворе, перед тем как погребальное шествие отправится на кладбище); но встречается он и в украинской части Карпат [Велецкая 1968: 198; Larionescu 1982: 150–156; Васева 1990: 173 сл.]. Когда гроб проносят через двери, болгары с. Извоареле держат в руках курицу (если усопший мужского пола, то петуха), тарелку с едой, каравай, кувшин вина, горящую свечу; всё это отдают под гробом через порог ребенку – мальчику или девочке (в зависимости от пола усопшего) (ФЯ, МЯК). В с. Алунишу перед тем, как нести гроб на кладбище, берут курицу, моют ей лапы и дарят вместе с двумя караваемы и свечой человеку одного пола с усопшим. Всё это делается для души умершего (АнгС). В Вэрэшти во время выноса гроба родственнику усопшего одного с ним пола дарят цветок в горшке (например, герань), живую курицу и полотенце. В тот момент, когда носилки с гробом (*носилото*) выносят со двора, одна из женщин перебрасывает через дом и разбивает пустой глиняный горшок со словами: *У тъз къца немой има веще едно умряло* [В этом доме пусть не будет еще одного покойника] (АндСт).

После похорон поминки совершаются в определенные дни после смерти: на третий, девятый, сороковой день, на третий, шестой, девятый месяц, в годовщину смерти и до седьмого года включительно. На поминках раздают одежду и еду за упокой; к поминальному столу приглашают родных и близких усопшего. До сорокового дня одна из вдовых женщин каждое утро кадит могилу и каждый день приносит воду для усопшего. Утром после похорон (болгары называют такое утро *третинами*) несколько женщин отправляются на кладбище с тремя хлебами; они окуривают могилу (*го опушат умрялото*) и хлебцы, один из которых отдают целиком, а два других разламывают и раздают всем тем, кого встречают на кладбище и на обратном пути. В других селах на могилу с утра приносят только коливо (*коливото дъ царъна* 'коливо земли'). После возвращения с кладбища устраивают поминки (*помана, синия* – Валя Драгулуй, Алунишу). *Синия* обязательно устраивается в доме покойного после возвращения с кладбища (Бранешти). У банатских болгар женщины ходят утром на кладбище в нечетном количестве. Они приносят «благословленную воду» (*благословена вода*), молятся о душе умершего и отдают могильщику еду, оставшуюся после погребения и поминок. Каждая из женщин при этом по одному разу ударяет в колокол (*дзонте*) кладбищенской церкви и громко кричит: *Фалмис⁵, мамо, съм дошла да те видя, чакай ме; Фалмис, како; Фалмис, дедо* [Здравствуй, мама, пришла тебя проведать, жди меня; Здравствуй, (старшая) сестра; Здравствуй, дедушка] и пр. (Винга).

Только в двух известных нам румынских селах с болгарским населением проводится «обжигание» могилы. В с. Бэлени-Сырби на следующее после похорон утро к могиле приходят три женщины, которые приносят цветы, чеснок, паклю и огонь из дома. В полном молчании они кадят могилу, сажают чеснок, складывают вокруг могилы паклю, ту самую, которая после выноса тела из дома лежала на месте гроба, и поджигают ее (СД). В Извоареле паклю сжигают до восхода солнца по очереди 5 женщин, которые не разговаривают между собой. Последняя разбивает глиняный сосуд о *куклу* (крест). Одна из женщин закапывает в четырех углах могилы по одной головке чеснока, по одному веретену с пряжей и втыкает в эти места по восковой свече (ФЯ, МЯК). В обоих селах говорится, что женщины «ходят обжигать могилу» (*да опалят гроба*).

Одним из важных элементов поминального обряда является приношение определенного количества воды в несколько домов после похорон, а затем «вы-

---

⁵ *Фалмис* – *Фалим Иисуса* – приветствие банатских болгар-католиков, используемое ими вместо обычного приветствия.

пускание или освобождение воды для покойника» (*пукане* или *освобождаване на водата*). Обычно это делается на сороковой день. Обычай называется «развязать ему воду» (*да му отвържат водата*), «сделать помин» (*да изпраши поманата* – Алунишу), «сделать воду» (*да изпраши водъта* – Извоареле, Алунишу), «пустить воду» (*пуцат водата* – Бэлени-Сырби), «вылить ему воду» (*му изливат водата* – Валя Драгулуй), «разлить ему воду» (*му разливат водата* – Вэрэшти), «вылить воду покойника» (*дезлягаш водата на умрелия* – Брэнешти). По народным поверьям, в загробной жизни покойному нужно много воды, поэтому его родственники старательно соблюдают этот обычай, чтобы «обеспечить» усопшего водой. Такой обычай являет нам одно из самых больших отличий болгарского погребального обряда от румынского. Болгары «обеспечивают» покойника водой, поливая могилу, в то время как румынский обряд получил гораздо более широкое развитие, превратившись в целый комплекс, последней составляющей которого стало «выпускание воды» [Васева 1990: 271 сл.; Васева 1991: 3–9; Васева 2001: 19–21].

Обрядовое приношение и выливание воды было зафиксировано во всех исследованных нами болгарских селах на территории Румынии, за исключением сел, где живут болгары-католики (Винга и Дудешти Веки в Банате, Чопля и Попешти-Леордени под Бухарестом). Этот обряд, распространенный во всех селах с православным болгарским населением, заимствован у румын и особенно популярен в этих местах. В Вэрэшти старая женщина разносит после похорон «воду для покойника» (*вода за умрялото*) по трем домам, а на сорок пятый день «его воду» выливают в р. Элештеу. Смысл этого обряда выражен в словах информанта Андрея Стоева: *Сига той е слободен* [Теперь он свободен]. На реку отправляются 5–6 женщин, каждая из которых несет в руках какой-нибудь предмет – *мисиуне* (котелок, кувшинчик, ладан, свечи, еду) (АндСт).

В Брэнешти вдова за определенную плату ходит кадить могилу до 6 недель. Она же, возвратясь с кладбища, приносит в свой дом и два других дома по ведру (рум. *galeata*) воды, набранную из своего колодца. Через 6 недель «вода покойника выпускается» (*се пуска водата на умрелия*): женщина зажигает 4 восковые свечи, ставит их по углам колодца, зачерпывает из него воду и выливает по 3 ведра на 4 стороны света, начиная с востока. Всего таким образом на землю рядом с колодцем выливается 12 ведер. После этого одна из женщин дома покойного дарит этой женщине подарки и платит деньги (НП). В селе Валя Драгулуй также нанимают вдову для того, чтобы она кадила могилу в течение 6 недель и носила «воду для покойника». Каждение совершается еще

до рассвета, после чего женщина приносит три ведра (*галети*) воды в три дома и выливает их в пустую емкость. Эта вода считается «чистой» и предназначена для души умершего, поэтому ею можно поливать цветы и использовать в домашнем хозяйстве. На шестой неделе «воду покойника» выливают в колодец на кладбище. После этого женщина, носившая воду, наполняет до половины 44 ведра и выливает воду из них на землю; вылив ведро, она тут же кладет на это место камешек. Таким образом, образуется горка из 44 камешков и овражек (*брягче*), куда стекает выливаемая из ведер вода. Сюда ставят зажженные восковые свечи (*вощеници*). Иногда у кладбищенского колодца собираются несколько вдов, чтобы вылить воду для разных покойников. Поэтому, перед тем как этот обряд начинается, женщина из семьи умершего оставляет на четырех углах колодца деньги для вдовы, которая носила воду именно для «её» покойного. После выливания воды деньги также раздают и детям, приглашаемым специально по этому поводу (ААГ).

О наличии специального свидетеля (*мартор*) при «выпускании воды для покойного» говорят в сёлах Алунишу и Извоареле. В селе Алунишу в субботу после погребения устраивают большие поминки (*помана маре*), и на них «ему открывают воду» (*му отвържат водъта*). Если раньше обычно воду для умершего носила вдова, то сейчас это обычно делает маленькая девочка. В день «открывания воды» (*отвързването*) во дворе накрывают стол и устраивают обед для родственников и соседей.

После ухода гостей девочка три раза обходит вокруг стола и выливает рядом с ним воду из двух кувшинов. Количество вылитой воды отмечают специальной палочкой (*рабош*). Три раза она отдаёт эту палочку свидетелю со словами: *Си мартор, че носих вода* [Ты свидетель, что я носила воду], на что тот отвечает: «Да». Диалог повторяется три раза во время каждого обхода вокруг стола. После этого хозяйки дома вознаграждают девочку и свидетеля. На кладбищенский колодец в этот день обычно не ходят (АнгС). В других селах (Бэлени-Сырби и Извоареле) для измерения количества приносимой и выливаемой воды также используется *рабош*. Так как в этих селах воду выливают прямо на кладбище, палочку втыкают в землю рядом с могильным крестом и украшают цветами (ФЯ, МЯК, СД) [Васева 2001: 23].

В Извоареле, однако, существует обычай совершать этот обряд еще при жизни – в том случае, если у человека «нет детей, которые бы это сделали, когда он умрет». Выливание воды, чтение заупокойных молитв, раздача одежды и посуды происходят при жизни человека. В наши дни уже при жизни начинают изготавливаться и могильные кресты (*камъци*) (ФЯ, МЯК).

В с. Валя Драгулуй был зафиксирован интересный обряд: во время засухи устраивают большие поминки в память о всех покойниках, живших недалеко друг от друга, в одном квартале (*махала*). Этот обычай отражает древние мифологические представления о связи усопших с плодородием и непосредственно с небесной влагой, дождем. Напомним, что в с. Бэлени-Сырби, в то время как по селу идет погребальная процессия, из домов на дорогу выливают воду *за дъжд* [чтобы пошел дождь]. Жители с. Валя Драгулуй практикуют следующий обряд: *Като не вали дъжд, две, три или повече жени от махалата ходят по къщите. Всяка хваща по една улица и събират кой каквото даде – брашно, мас, улей, да направят за ядене. Или някой даде пари, та купуват месо да направят помана. И по еднаж направят и дрехи за Дяда Господа и ги раздават на един чияк, по-така сиромаш. На пътьо правят трапеза и, който ще, отаде, иде и попа да чете и слугува. Там на масата му дават и дрехите на бедния човек и той облича нещо от тях – мож само палария на главата да гуди. Като се наядат, след това вадят с галята вода от кладенеца и се заливат с вода, особено децата, че да удари дъжд. После всеки си взима съдовете, дете е занесъл на поманата, умива ги и си отива в къщи* [Когда нет дождя, две, три женщины или больше ходят по соседним домам. Каждая «отвечает» за одну улицу; собирает по домам еду – муку, сало, растительное масло, чтобы стол приготовить. Если кто-то дает денег, женщины мясо покупают. Также еще шьют одежду для Деда Господа, которую какому-нибудь нищему отдают. Устраивают поминки. Кто хочет, приходит, и батюшка приходит молитвы читать. Там же за столом ему одежду отдают для бедных, он что-нибудь на себя надевает, иногда только шапку. Когда наедятся, зачерпывают воду ведром из колодца и обливаются водой, особенно дети. Чтобы дождь пошел. Потом каждый берет свою посуду, моет ее и идет домой] (ААГ) [Васева 2001: 24].

* * *

Проведенные исследования погребального обряда болгарских переселенцев на территории Румынии указывают на наличие множества элементов, в большей степени характерных для румынской погребальной традиции. Эти обычаи, вероятно, были заимствованы у болгарских предков, долгие годы живших в Румынии в близком соседстве с румынами. Обычаи такого рода следующие: погребение на третий день после смерти; коллективное ночное бдение над телом усопшего, в котором участвуют дети и молодежь; общая поминальная трапеза после полуночи; наименование савана «полотном для глаз»; пере-

дача курицы в дар при выносе тела; вера в 24 мытарства, через которые душа проходит по дороге на тот свет; обрядовое «ношение и пускание воды мертвеца» и др.

Литература

- Архив Романски – Научен архив БАН, фонд 130 к (Архив Ст. Романского), архивна единица 64, 65, 104, 105.
- Васева 1990 – *Васева В.* Сходства и различия в погребалните обичаи на българи и румънци (края на XIX – началото на XX в.): Дис. София, 1990.
- Васева 1991 – *Васева В.* Някои аспекти на обредите при помен у българи и румънци // Българска етнология. 1991. № 2. С. 3–9.
- Васева 1995 – *Васева В.* Наблюдения върху съвременната обредна система на три български села в Румъния // Българите в Средна и Източна Европа. София, 1995. С. 96–102.
- Васева 1997 – *Васева В.* Обредни хлябове при погребение и помен (българо-румънски паралели) // Хлябът в славянската култура. София, 1997. С. 94–113.
- Васева 2001 – *Васева В.* Адаптивност на погребалните обичаи на преселническите общности (на българите в Румъния и власите в България) // Българска етнология. 2001. № 4. С. 10–28.
- Велецкая 1968 – *Велецкая Н. Н.* О некоторых ритуальных явлениях языческой погребальной обрядности (к анализу сообщения Ибн-Фадлана о похоронах «русса») // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968. С. 192–212.
- Генчева 1946 – *Генчева Н.* Семейни обичаи, народен календар (Плевенски окръг). АЕИМ, № 180.
- Евтимий 1942 – *Евтимий, арх.* Нехристиянските обичаи при погребенията в нашите градове // Годишник на Софийския университет – Богословски факултет. 1941/1942. Т. 20. № 4. С. 1–20.
- Младенов 1993 – *Младенов М.* Българските говори в Румъния. София, 1993.
- Нягулов 1999 – *Нягулов Бл.* Банатските българи. София, 1999.
- Телбизови 1963 – *Телбизов К., Телбизова М.* Традиционен бит и култура на банатските българи // Сборник за народни умотворения и книжнина. Кн. 51. София, 1963.
- Цанков 1969 – *Цанков Г.* Духовна култура и фолклор на гр. Павликени: Дипломна работа. Архив «Цветана Романска», Софийский университет им. св. Кл. Охридского, № 36/69 г.
- Burada 1882 – *Burada T.* Datunele poporului român la înmormântare. Iași, 1882.
- Burada 1978 – *Burada T.* Priveghiul la morți // Opere. Vol. 3. București, 1978. P. 141–144.
- Fochi 1976 – *Fochi A.* Datini și eresuri populare de la sfârșitul secolului al XIX-lea. București, 1976.

- Grigore 2007a – *Grigore I.-C.* Repere etnografice // Cioplea. Doua veacuri de istorie / Coord. D. Dobus. București, 2007. P. 211–254.
- Grigore 2007b – *Grigore I.-C.* Oameni acestor locuri // Catolicii din Popești-Leordeni. Istorie și credința / Coord. D. Dobus. București, 2007. P. 203–273.
- Larionescu 1982 – *Larionescu S.* Funcția și structura ceremonial funebre românești: Teza de doctorat. București, 1982.
- Maluckov 1985 – *Maluckov M.* Rumuni u Banatu. Novi Sad, 1985.
- Marian 1995 – *Marian S. Fl.* Înmormântarea la români. București, 1995.
- Pop 1968 – *Pop M.* Mitul marei treceri // Folclor literar. Vol. 2. Timișoara, 1968. P. 79–90.
- Pop 1976 – *Pop M.* Obiceiuri tradiționale românești. București, 1976.
- Stahl 1939 – *Stahl H. H.* Nerej. Un village d'une region arhaïque / Dirigee par H. H. Stahl. Vol. 2. Bucarest, 1939.
- Vlăduțiu 1973 – *Vlăduțiu I.* Etnografia românească. București, 1973.
- Vrabie 1970 – *Vrabie G.* Folclorul. Obiect, principii, metodă, categorii. București, 1970.
- Weigand 1900 – *Weigand G.* Bulgarische Siedlungen in Rumanien // Globus. 1900. 78. № 8, 1 September.

Список информантов

- АнгС – Ангелина Стайку, 80 лет, с. Алунишу, 1995 г., зап. В. Васева.
- АндСт – Андрей Стоев, 70 лет, с. Вэрэшти, 1995 г., зап. В. Васева.
- ААГ – Анжела Ангел Гецу, 75 лет, с. Валя Драгулуй, 1995 г., зап. В. Васева.
- ДМ – Димитър Марков, 62 года, с. Чопля, 1997 г., зап. В. Васева.
- ИБ – Иосиф Банчо, 64 года, с. Чопля, 1997 г., зап. В. Васева.
- ИК – Иосиф Калмен, 46 лет, с. Чопля, 1995 г., зап. В. Васева.
- МК – Мария Караджака, 63 года, с. Брэнешти, 1993 г., зап. В. Васева.
- МР – Мария Ронков, 72 года, с. Винга, 1996 г., зап. В. Васева.
- МЯК – Мария Янку Камен, 70 лет, с. Извоареле, 1993 г., зап. В. Васева.
- НП – Николина Павел, 72 года, с. Брэнешти, 1995 г., зап. В. Васева.
- ПЛ – Паулина Лорин, 80 лет, с. Попешти-Леордени, 1995 г., зап. В. Васева.
- ПБ – Петра Буйя, 72 года, с. Попешти-Леордени, 1995 г., зап. В. Васева.
- СД – Сафта Дан, 63 года, с. Бэлен-Сырби, 1993 г., зап. В. Васева.
- ТГ – Тереза Гостин, 63 года, с. Чопля, 1997 г., зап. В. Васева.
- ФВ – Флорика Василе, 66 года, с. Алунишу, 1995 г., зап. В. Васева.
- ФЯ – Флоаря Янку, 65 лет, с. Извоареле, 1993 г., зап. В. Васева.

Перевод с болгарского Е. А. Терентьевой

О. В. Трефилова
(Москва)

Народная мифология из Твырдицы (Болгария, Верхняя Фракия)

Болгарские этнографы начиная с 1974 г. издали несколько ценных монографических исследований в серии «Этнографические исследования Болгарии» («Етнографски проучвания на България»), посвященных той или иной этнографической области Болгарии: «Добруджа» (1974), «Пирински край» (1980), «Капанци» (1985), «Пловдивски край» (1986), «Софийски край» (1993), «Родопи» (1994), «Странджа» (1996), «Ловешки край» (1999) и «Сакар» (2002). Серия была завершена сборником «Сакар». Таким образом, считается, что все регионы Болгарии описаны. Однако представляется, что несколько регионов все-таки не были охвачены, среди которых, например, северо-западная и средняя восточная Болгария (области Велико-Тырнова, Габрова, Сливена, Стара-Загоры, Ямбола). В частности, в настоящее время практически отсутствуют полноценные этнографические исследования болгарской Фракии и ее подбалканской части.

Отчасти эти пробелы восполняются благодаря полевой работе ученых Института славяноведения РАН, см., в частности, [Узенёва 2004]. Этнолингвистическое изучение г. Твырдицы Сливенской области – еще одна попытка восполнить недостающую информацию из этого региона.

Город Твырдица (Твърди́ца) Сливенской области Болгарии расположен в Северной Фракии (Верхне-Фракийская низменность) в 40 км от Сливена. Твырдица является центром общины Твырдица¹; статус города получила в 1960-е гг., когда в ее состав в качестве квартала вошло соседнее село Козарево. В настоящее время в Твырдице проживает 6900 жителей². До сих пор Твырдица и Козарево разделены в сознании жителей, чему служит и их географическая разделенность: Козарево находится на небольшом расстоянии от Твырдицы. В Твырдице и Козареве имеются свои церкви (св. Петки и св. Архангела Михаила соответственно), которые в настоящее время объединены в один при-

---

¹ Община Твырдица включает 10 населенных пунктов: два города – Твырдица и Шивачево и восемь сел – Сбóриште, Ориза́ри, Червена́ково, Близна́ец, Сýрцево, Бо́ров дол, Бя́ла пала́нка и Жы́лт бряг.

² Согласно сведениям 2011 г., помещенным на сайте общины Твырдица: <http://www.tvarditsa.org/index2.php?lang=bg&page=17>.

ход вместе с церквами четырех соседних населенных пунктов – Шивачево, Оризари, Сбориште и Боров дол; на приход из шести населенных пунктов с центром в Твырдице с недавнего времени поставлен один священник. Несмотря на статус города, Твырдица по своему укладу, традициям, материальной культуре ближе к селу. В 1950-е гг. говор Твырдицы был объектом изучения болгарских диалектологов; описание говора см. в [Стойков 1958]. Надо сказать, что описанный Ст. Стойковым говор сохраняется практически в неизменном виде до сих пор.

Диалектологическое и полное этнолингвистическое описание Твырдицы требует отдельного исследования, которое в настоящее время возможно благодаря записям, сделанным в 2006 и 2008 гг. по вопроснику [Плотникова 1996]³. В настоящей статье будет представлен мифологический аспект народной культуры Твырдицы.

Народные мифологические верования балканских славян можно разделить на две группы, представив их как 1) не приуроченные к календарю и 2) так или иначе связанные с календарным циклом. Это деление удобно, но достаточно условно, так как часто память о мифологических персонажах, в том числе и «календарных», остается на уровне языка, в частности фразеологии, и ни в сознании носителей, ни в меморатах не связывается с календарными обрядами. Кроме того, часть «некалендарных» демонов является неотъемлемой частью нарративов о семейных обрядах и в то же время самостоятельными мифологическими персонажами, как, например, демоны судьбы.

Очевидно, что наиболее полно мифологическая часть вопросника [Плотникова 1996]⁴ будет представлена на сербо-болгаро-македонском пограничье. В Твырдице, как и ожидалось, отсутствует ряд поверий, связанных с разнообразными ипостасями «нечистых» покойников и их детей; с демонами, пожирающими солнце; комплекс поверий о борьбе воздушных демонов, *Германе* (*Джермане*) – предводителя грозовых туч; сильно редуцированы поверья о демонах, происходящих от душ «нечистых» покойников, и поверья о водных демонах. Твырдичане отдают себе отчет в том, что у них не существует поверий о жертве – замурованной тени, однако хорошо знают этот сюжет из поэзии.

---

³ Благодаря всех моих информантов – гостеприимных и отзывчивых людей, беседовавших со мной, а также администрацию города и общины Твырдица за благожелательность и содействие в работе.

⁴ Семантическая часть вопросника А. А. Плотниковой, в том числе посвященная народной мифологии, представлена в настоящем сборнике в статьях Н. Г. Голант и Д. Ю. Анисимовой.

Для Твърдицы, однако, неплохо восстанавливаются поверья, связанные со змеями, лесными девами-«самодивами», персонификациями болезней. Правда, поскольку Твърдица является подбалканским городом и находится в подножии гор Стара-Планина, ожидалось, что лесные духи будут представлены полнее. Их же практически нет, если не считать «самодив». Подтвердила ожидания разветвленная система наименований движений воздуха от названий мифологических персонажей, и это, очевидно, связано с географическим положением и климатическими особенностями этой местности. Северная граница Твърдицы проходит по гребню Стара-Планины, лес и горы – неотъемлемая часть жизни и занятости населения. Что касается климатических особенностей, то для Твърдицы характерен так называемый ветер «бора»: воздух, проходящий через горный массив Стара-Планины (Балкана) в направлении североюг, сталкивается с горной преградой, резко спускается в Верхне-Фракийскую низменность, отчего образуются потоки ветра, дующего с очень высокой скоростью, и вихри. Ветер здесь называют твърдиченским (то же самое, что и «сливенский ветер» в Сливене – одном из самых ветреных городов Болгарии). В этих местах случаются вихри, метели, снежные бури, часты ураганные ветры⁵.

Мифологические представления, не связанные с календарем. Для обозначения «оживших» покойников в Твърдице известен единственный термин – *вампир*. Соответственно, действие воплощения называется *вампириясам* ‘превращаться в вампира’. Как и в целом в Болгарии, а особенно в ее восточной части, превращение в вампира связывают с нарушением правил бдения над покойником перед его погребением: вампиром может стать человек, гроб с которым перепрыгнула кошка. Несмотря на то что информантами отрицается возможность того, что кошка может перескочить гроб, а также то, что когда-либо в селе существовал вампир, однако существуют поверья, что вампир может приходить к живым людям и беспокоить их, например каждую ночь стучать в окно. Чтобы избавиться от его посещения, нужно его обругать (ЮБЛ); для предотвращения встречи с ним используют чеснок, окуривают помещение ладаном, кропят святой водой: *Вампирясва чувек, който е прескочен от котка. Утива в блиските си, може да утид’е и в другит’е* (ДПИ) [Вампиром становится человек, через которого перепрыгнула кошка. Ходит в дом к своим близким, может ходить и к другим]. Лексема *вампир* используется

⁵ Известны древние письменные свидетельства о том, что в этих местах черепичные крыши укрепляют бульжником. Так делают и поныне.

в идиомах в значении ‘некрасивый, страшный, неприятный человек’, например *дърт вампир* ~ ‘старый черт’ (о человеке).

Одна из моих собеседниц сказала, что знает и слово *върколак* – человек, который во время полонолуния превращается в волка, однако верифицировать эту информацию не удалось (возможно, что это знание приобретено посредством чтения художественной литературы). Ср.: одна из информанток предположила связь лексемы *върколак* с *дръколак* (ЮБЛ)⁶.

Только в составе идиом записана лексема *устрел*: *Устрела да те хване* [Чтоб тебя схватил «устрел»], *Устрелосване* [«кустреляние» (действие)]; *Недей стой на устрела*⁷ [Не стой на «устреле»] (ТПС).

В Твърдице, по-видимому, не существует представлений о духах, происходящих от «нечистых» покойников – некрещеных детей, умерших рожениц. Термин *лауса*, *лафуса* употребляется только в отношении роженицы (это основной термин), запрет оставлять сушиться детские пеленки на улице после заката также объясняется расплывчато: могут навредить злые духи (*зли духуви*) или «самодивы».

Духи природы. Самодиви. Они представляются как девушки в белой одежде (в *бяла премяна*), с крыльями. С одной стороны, в рассказах информантов о «самодивах» чувствуется скрытая цитата из стихотворения Христо Ботева (1846–1976) «Хаджи Димитър»; иногда они прямо цитируют стихотворный фрагмент:

Настане вечер – месец изгрее,
звезди обсият сводът небесен;
гора зашуми, вятър повее, –
балканът пее хайдушка песен!
И самодиви в бяла премяна,
чудни, прекрасни, песен поемнат, –
тихо нагазят трева зелена
и при юнакът дойдат, та седнат.
Една му с билки раната върже,
друга го пръсне с вода студена,
трета го в уста целуне бърже, –
и той я гледа, – мила, засмена!

⁶ Другая огласовка – *дракалак* ‘колючий кустарник’ < *драки* ‘растение держи-дерево (*raliurus aculeatus*)’, семейство крушиновые.

⁷ Значения лексем *устрел* и *устрелосване* неясны самим информантам.

С другой стороны, рассказы о «самодивах» вполне соответствуют представлению о них в восточной Болгарии: *Наврѣмету самудивите клáдели о́гън на балкáна, но нѣкуй не ги е видял* (ЮБЛ) [Когда-то самодивы разжигали костер в горах, но никто их не видел]. Самодивы танцевали особый танец типа бы-стро́го хоровода *самудѣвску хорó*. Место, на котором они танцевали, называлось *самудѣвску игрище*. До сих пор в горах существует местность, называемая *Самудѣвската пуляна* ‘Самодивская поляна’. Устойчиво представление, что самодивы появлялись после 12 часов ночи и исчезали к рассвету, а также то, что их можно встретить у реки: *Самудивит’и през нуцтѣ душилѣ, играли, играли, спуснали крилата и си излезле на рассѣване, т’е си излизат, не можеш вѣче да ги видиши* (ЮБЛ) [Самодивы ночью пришли, танцевали, танцевали, опустили крылья и ушли на рассвете; они уходят, уже их невозможно увидеть].

В говоре существует слово *урадѣсал, урадѣсван’е*, однако связь его с поверьями о самодивах утеряна. Оно не обозначает ‘наступить на место, где танцевали самодивы’ и даже ‘заболеть’. У слова развилось новое значение: ‘случайно что-либо найти’ (как хорошее, так и плохое). Также записана лексема *удурма* ‘какая-то болезнь’, *удурдѣсва* ‘заболеть этой болезнью’, но, имеет ли слово генетическую связь с попаданием человека на место пребывания самодив, неизвестно.

Как уже было сказано, в Твърдице отсутствуют поверья о лесных духах – господствующем в лесу существе, живущей в горах дикой женщине.

Существуют отрывочные сведения о духах – хранителях локусов. В основном это змеи. Как правило, дух, охраняющий дом, представляется в виде огромного ужа (болг. *смок*), которого никто никогда не видит, но которого при этом нельзя убивать. Если этот змей покажется на глаза людям, значит, следует ожидать несчастья в доме. Если по незнанию человек убьет этого змея, его ждет неминуемая смерть. Несчастья обрушиваются и в том случае, если убить змея – хранителя поля. Записана следующая топонимическая легенда: *Йма, д’ѣт ти ка́зах, местнуста́ Бѣлия ка́мък, тувá са вóди кату, ка́зва, че е билó истина, ама то шѣ е билó мно́гу рани гудѣни. Едѣн чувѣк имал нѣва, там ималу но́гу гуля́м смок, и той ходил’и му нóсил мля́ку. Убáче чувѣка умѣра и не предал тувá нѣцу на синовѣт’и си. Кузáту синовѣти ут’ува́т да работ’ат нѣвата, ви́ждат тос смок и го убѣват. Кату убѣва смóка, пóчва така́ва гуля́ма грат да вали́, и то на самáта нѣва, и па́да някъкъв гуля́м ка́мък. И оттáм нóси местнуста́ и сигá Бѣлия ка́мък. Вóди са истина* (ДПИ) [Есть, как я тебе сказала, местность Белый камень, считается, говорят, что это правда, но это было очень

давно. У одного человека было поле, и там обитал очень большой змей (уж), и он [человек] ходил и носил ему молоко. Однако человек умер и не передал этого [знания] своим сыновьям. Когда сыновья пошли работать в поле, они увидели змея и убили его. И когда убили змея, начался такой сильный град, и то на самом поле, и упал большой камень (град?). И с тех пор местность и сейчас Белый камень. Говорят, что это правда].

Змей, охраняющий земельные наделы, называется *синурник*. О его связи с метеорологией неизвестно.

По-видимому, не имеют названия и духи, охраняющие клады. Клад, который охраняет дух, называют *прукълнáто имáн'е* 'проклятый клад', так как считается, что в этом же месте покоится убитый из-за этого клада человек (дух этого человека не имеет названия).

Змей – мифический любовник. Когда-то существовало предание, что в пещерах около Твырдицы живет змей. Записаны поверья и песня из Твырдицы о любви змея и девушки:

*Мáма на Рáтка думаше:
«Ратки мо мила мáмина,
Óрата, Рáтки, ¸ортуват,
Змей лóббиш, змéя ша зéмаш».*

*Дóкату дума издумá,
дóкату дума изричé,
силни ветрувэ дунале,
буйни даждувé плиснале,
Рáтка из óблак отвéле.
Рáтка на змéя приставá,
На змéя булка ша ставá,
Рáткина клéта мáйчица,
Тя на Рáтка думаше:
«Рáтки ма мила мáмина,
Ти кат при змéя отиваш,
Мéне на кому́ оставяш?» (НКП)*

Мама Радке говорила:
«Радка милая мамина,
Люди, Радка, говорят,
(Что ты) змея любиш, за змея
пойдешь замуж».

Как она речь сказала,
Как она речь изговорила,
Сильные ветры дунули,
Буйные дожди полили,
Радку в облако забрали.
Радка к змею уходит жить,
Радке змею невестой быть.
Радкина горемычная мамочка,
Она Радке говорила:
«Радка милая мамина,
Ты, уходя ко змею,
На кого меня оставляешь?»

В одном из нарративов рассказывается, что сельская девушка повесилась, оставив предсмертную записку о том, что причина ее поступка в том, что ее любит змей и от этого невозможно избавиться.

Особого внимания заслуживают лексемы, связанные с обозначением движений воздуха. Это *хала*, *юда*, *фъртуна*, *вирушка*. Часть из них связаны с названием воздушных демонов на Балканах, но почти утратили с ними мифологическую связь, превратившись в семантические или культурные балканизмы (о них см. [Плотникова 2006]).

Хала: 1) сильный, ураганный ветер; 2) человек, который много работает: *Бре! Гуляма хала!*; *Работи кату хала* (ЮБЛ) [Ну и ну, вот так «хала»; Работает как «хала» ~ работает как вол].

Юда – сильный ветер: *страшина юда*. На народные представления наложились и христианские аллюзии: *Силен вятър, сравняват с Юда Искариотска: подмами хубаву време, и изведнъш започва силен вятър* (ЮБЛ) [Сильный ветер, сравнивают и Иудой Искариотской (sic!): соблазнит хорошей погодой, и внезапно начнется сильный ветер].

Фъртуна (< лат.) – снежная буря, метель, непогода зимой.

Вирушка – вихрь, закручивающийся ветер. Несмотря на то что нет поверий, что в вихре живут демоны, считается, что человека, попавшего в «вирушку», ждет несчастье, урон физического плана: *Кату гу завърти вирушката, гу спулети нещю – или шь услепей, или...* (ДПИ) [Если его закрутит вихрь, что-нибудь с ним случится: или ослепнет, или...]. Отчасти такие представления связаны с историей знаменитой болгарской ясновидящей Ванги, которая девочкой попала в вихрь и потеряла зрение, но этот мотив является общеболгарским и, шире, общеполканским, см., в частности [Плотникова 2003: 235–236 и карта № 1]. Также записано поверье, что если около какого-то дома наблюдается *вирушка*, значит, только что там кто-то умер, т. е. что в виде закручивающегося воздуха может выходить душа (ТПС).

Среди метеорологических поверий выделяется способ остановки града: *За градушка: койту е истрсака, да зѐми от тая бучка да глѣтне, щяло да спре* (ДПИ) [О граде (как остановить): последний рожденный ребенок должен взять от града зернышко и проглотить, тогда град перестанет]. Данный способ остановки града актуализирует оппозицию *первый–последний*⁸.

Среди балканизмов, связанных с демонами-змеями, записана лексема *ламя* (*ламя*). Однако в отличие, например, от «халы» *ламя* осознается как сказочный

⁸ Ср. с записью из северо-западной Болгарии (с. Долна Мелна, Трынский край, 2009 г., соб. зап.), где функции остановки дождя, разгона облаков и т. п. выполняет первородный сын (он должен произвести действия с топором – положить его острием вверх, чтобы «зарезать» дождь, действия с горячей головней, вынутой из очага, чтобы «обжечь» солнце», и т. п.).

змей. Функции же «лами» и представления о ней утрачены, и ламя встречается только в выражениях *Яд'э кату ламя*; *Гуляма си ламя!* [Ест, как «ламя»; Большая ты «ламя»!] (о прожорливом человеке).

В Твырдице находим ожидаемые для восточной Болгарии представления и термины для демонов судьбы. Это *ури́сници* – три женских персонажа, которые приходят в первую или третью ночь к новорожденному ребенку и определяют ему судьбу (*ури́сват дет'эту*). Считается, что истинная судьба та, которую ребенку определила третья *ури́сница*. Устойчивым является выражение «*Тый го ури́сала ури́сницата*» [Так ему определила «орисница»]: *Ури́сници. Че ги уш ималу едно време. «Тый го ури́сала ури́сницата». Казвалу, че три жені невидими съ явяват върху дет'эту същцата вечер кат съ руді. <...> Трэтата каквоту кáже, така шъ стáн'е с дет'эту* (ДПИ). *Затвóрник, хайдúтин, прóськ. Не се сърдэте, сърдэте съ на ури́сницата, кáкту гу ури́сала ури́сницата* (ЮБЛ) [«Орисницы». Что вроде они были когда-то: «Так ему нарекла “орисница”». Говорили, что три женщины невидимые являются над ребенком в тот же вечер, как он родился. <...> Третья как скажет, так и будет с ребенком. Заключение, разбойник, нищий. Не сердитесь, сердитесь на «орисницу», как ему нарекла «орисница».]

Орисниц следует встречать (задабривать) чем-нибудь сладким. Задабривают сладким также домовых демонов (записано, что нужно поставить миску с сахаром дома), а также *болезни*. Несмотря на то что табуистические термины для болезней *сла́дки, мэдени* и т. п., по сведениям информантов, отсутствуют, однако в произвольно составленном заговоре одна наша собеседница просила болезнь уйти из тела ребенка, обращаясь к ней: *Сла́дичку, мίличку, напусні тувá тя́ло!* [Сладкая, миленькая, покинь это тело!] (ТПС).

Также записано, что множество болезней лечили, задабривая их медом. Так, при ветрянке (*Ба́ба Ша́рка*) следовало намазать перед дверью с внешней стороны медом: *Кугáто ша́рка има, и тря́бва да замáжеш утпрéт със мет да си утíва булестъ пу мёт, мэд'ена. <...> Утпрéт пред вратáта. И кугáту утíва, то минáва прес тáзи мэд'ена пътэчка булестъ му и тя да си утíва. «Да си утíва мэд'ена и слáтка»* (ЮБЛ). *Знам, че им* [на децата] *дават слáтку, и там не са гóтви, не са пържи* (ДПИ) [Когда ветрянка, нужно намазать спереди медом, чтобы ушла болезнь по меду, медовая. <...> Спереди перед дверью. И когда уходит, то идет этой медовой дорожкой болезнь и чтобы она ушла: «Чтобы ушла медовой и сладкой». Знаю, что им [детям] давали варенье, и там нельзя готовить, нельзя жарить]. Медом с содой лечили *ба́бици* – молочницу на

языке новорожденного (другой способ, более старый: мать протираала ему язык своей косой). Также хлебом с медом задабривали чуму в *Чуминд'ен* (день св. Харлампия), об этом см. ниже.

Кроме указанных терминов для персонифицированных болезней записаны также: *бяс* 'бес (болезнь животных)', *вѣнкъшината болес* 'эпилепсия', способов лечить которые не было. О последней нет сведений, что она от нечистой силы. Также известна болезнь, когда человека посещает невидимое существо и давит ему на грудь, термин отсутствует.

Среди персонажей нечистой силы вообще выделяется только *дѣвул*. Во множественном числе (*дѣвули*) употребляется редко, другая форма – *дѣвуліи* – означает 'пакости'. Однако лексема *дѣвул* служит для обозначения не только дьявола, но и хитрого человека; ср. также *дѣвуліт* (о веселом, подвижном человеке). Так, в частности, в Твырдице очень распространены прозвища. Изучение прозвищ может вылиться в отдельное исследование: каждый человек или семья имеют прозвище. Среди них – *Дѣвула*, т. е. хитрец, ср. также распространенную в Твырдице происшедшую от прозвища фамилию *Шейтанов* (*шейтан* 'дьявол' < тур.), носителям которой также приписываются такие качества, как хитрость и изворотливость.

Только в идиомах можно встретить названия водных демонов, например *Тартур* (*Голям си Тартур!*, т. е. хорошо руководишь), а также страшилищ, которыми пугают и пугали детей: *Баба-Яга*, *Турбалѣн* (пугали также медведем и цыганкой). Одна информантка сказала, что *Турбалан* ей представляется как маленький человечек с большим мешком, в который он сажает детей.

Женщин, занимающихся колдовством, в Твырдице называли *магѣсница* или *магѣбсница*, новый термин – *вѣщица*. Записаны воспоминания о том, что в прежнее время ведьмы в Юрьев день (6 мая) ходили отбирать урожай, существуют упоминания о магических действиях при помощи луны: вещь должна переночевать при лунном свете (*да преноцѣва на месечината*), о «спускании» луны с неба.

Ворожей и гадалок называют *гледѣчка*, для знахарки, лечащей заговорами, используют только лексему *баба*. Термин *баячка* и под. отсутствует, но используется глагол *баѣи*, *баѣви* 'заговаривать'.

Естественно, существуют термины, обозначающие сглаз как результат (*уруки*, *уруки*) и как действие (*урчѣсван'е*, видовая пара *урчѣсвам–урчѣсам*) непреднамеренной порчи. Термин *урчѣсвам* является «реверсивным»: это и 'сглазить', и 'подвергаться сглазу'. Соответствующие значения имеют при-

частие *урчáсал* и прилагательное *уручлív*: ‘человек, который сглазил’ и ‘человек, которого сглазили’. В связи с этим наблюдается разное глагольное управление: *урчáсвам ня́куго* [сглазить кого-л.], *урчáсвам от ня́кого* [подвергаться чьему-л. сглазу]. Такая ситуация характерна для болгарской диалектной терминологии сглаза в целом.

Причины и способы предотвратить сглаз разнообразны. Причиной сглаза может быть встреча с плохим человеком (*лóша срéца* ‘плохой человек’), случайный взгляд человека с сине-зелеными глазами, зависть, удивление – *пучúда*, радость – *да са зарáдваш на не́цу*; *пучúдил са на така́ва хубус* [порадоваться чему-нибудь; удивился такой красоте]; также считается, что подвергнуться сглазу может человек, у которого «слабый ангел» (*на ко́йту му е слáп а́нгела*). Способы предотвратить сглаз – красная нитка, синяя бусинка, заговоры, в частности заговаривание углей, обряд с расплавлением свинца (*лéен 'е куришúм*) и т. д.

Среди *амулетов, защищающих от порчи*, используют амулет *мускá*, он представляет собой треугольную тряпочку, в которую завернуты разные апотропеи – лечебная трава, камушек, песок и др. Его следует носить за пазухой или на шнурке на шее. Эти амулеты делает турецкий мулла (*хóжа*) или турчанка-гадалка (*кадъна*). В Твырдице нет мечети, к *хóжам* ходят в другие сёла.

Мифологические представления, связанные с календарным циклом. Среди *«календарных» демонов* в первую очередь выделяются мифологические персонажи, появляющиеся в определенные, опасные календарные периоды. С этими периодами связаны запреты на работу, некоторые виды деятельности и др. Для Балкан это святочная неделя, первая неделя Великого поста (*Тодорова неделя*), неделя после Троицы (*Русалната, Русалската неделя*). В Твырдице нет представлений о демонах, которые появляются на *Тодорову неделю* и во время «Русальной» (*Русáлската*) недели⁹.

Главные «календарные» демоны – это существа, которые, по поверьям, появляются в ночное время в святочный период (*мръсни дни* ‘грязные дни’), – *каракóндзели* и *таласъми*. Верили, что «каракондзел» обитает около водных источников (у реки), что ночью он может ездить на людях. Записана быличка, как одна женщина видела «каракондзела» у реки ночью. Так же как и «каракондзел», «таласым», по поверьям, появляется в ночное время. В настоящее время лексема *таласъм* употребляется и для обозначения «календарного»

⁹ *Русáлската неделя* связывается исключительно с семантикой глагола *изрусявам* (сов. вид *изруся*) ‘гнить (о плодах)’. На этой неделе нельзя брызгать и поливать деревья, чтобы не сгнили их плоды (*да не се изрусí – да не пáдне плуд* – МНС).

демона, и в идиомах подобно лексеме *вампир* в значении 'нечто страшное, некрасивое'. Отсюда *таласъм* – мифологический персонаж, которым также пугают детей: *Таласъм – плашат някугу. Има пувэрие, че таласъм ходи нощину време и плаши хората: «Ходиши кату таласъм», «Гони ть таласъм» – плашилгу* (ДПИ) [Таласым – пугают кого-нибудь. Есть поверие, что таласым ходит ночью и пугает людей: «Ходишь, как таласым» (т. е. ночью), «За тобой бежит таласым» – пугают]. Зафиксировано в Твырдице и прозвище *Таласъм* [Стоянов 2007: 340].

Наряду с представлениями о демонах, появляющихся в ночное время, существуют «календарные» персонифицированные демоны болезней. Так, в Твырдице до сих пор отмечается *Чуминд'ен* (день св. Харлампия, 10 февраля) и день св. Власия (11 февраля), в которые производят ритуальные действия, чтобы обезопасить себя и скот от болезней: в *Чуминд'ен* раньше от чумы, а сейчас *чума* связывается просто с эпидемией, тяжелой болезнью, в день св. Власа – от «власа». В *Чуминд'ен* женщины пекут хлеб, намазывают его медом и относят в поле. До сих пор почти все пекут хлеб и в теплом виде раздают его вместе с медом:

1. *Чуминд'ен. Излизат на кбра. Всяка си носи питка, зелен боп, халва, тръгват да бягат и ф едни тръни се връщат да хран'ат чумата, да не се връща при хората. На Чуминд'ен мес'ят питка и я раздават на хората за здраве. Свети Харалампи и Чуминд'ен е едно и същю* (МНС, ПМГ) [Чумин день. Идут в поле. Каждая несет хлеб, стручковую фасоль, халву, бегут и в колючки (кладут), возвращаются, чтобы накормить Чуму, чтобы она не возвращалась к людям. На Чумин день пекут хлеб «питка» и раздают людям за здоровье. Святой Харлампий и Чумин день – это одно и то же]. От 94-летней информантки (МНС) записан рассказ о том, как во время чумы умер ребенок, и его пошел хоронить отец. Матери не разрешалось идти: слышали, как за ней шла Чума.

2. *Чуминд'ен. Свети Харалампи. Да нахраним Баба Шарка и Чумата. Питка с мет съ прави. Купуват слатки нещя и ги ядят да не хване шарката* (ТПС) [Чумин день. Святой Харлампий. Накормим Бабу Шарку и Чуму. «Питку» с медом делают. Покупают сласти и ядят их, чтобы не схватила ветрянка].

3. *Чуминд'ен, мес'ят питки за здраве на животни'ти чумата да не влиза, да не ги тръика. Да има здрави животни, здрави и ступани. Чуминд'ен е февруари месец, но си мисля, че има още един път. Власувд'ен се празнува февруари месец. 10–11 февруари. Които имат животни, прав'ят хляп и мет за здраве на животнит'и. Св. Харалампи, свети Влас – те са един до друг, поч-*

ти заедно съ празнуват. Трябва него д'ен да се внимава, како шь съ даде, да съ пази многу [животно] како яде, да не му флиза нецу у устама, не трябва да работи женска работа, като ядът, да не получават нецу ф устама, да не му запрэ ф устама, и то се казва «влас» (ДСС) [Чумин день, пекут «питки» за здравие животных и чтобы Чума не приходила, чтобы их не трясла. Чтобы были животные здоровы и хозяева. Чумин день в феврале. 10–11 февраля. У кого животные, готовят хлеб с медом за здравие животных. Св. Харлампий, св. Влас – они один рядом с другим, почти вместе отмечаются. Нужно в этот день быть осторожным, (смотреть), что даешь животному, когда ест, чтобы ему в рот не входило, нельзя делать женскую работу, когда ядят [животные], чтобы им в рот не влезало что-то, чтобы не застревало у них во рту, и это называется «влас»].

Лексема *чума* в Твырдице, как это обычно в Болгарии, активно употребляется в проклятиях: *Чумата ша та земе, качи го од мене* (ДПИ) [Чтоб тебя чума забрала, забери это от меня]. В проклятиях также встречается и *трэска* 'лихорадка': *Трэска да ть утресэ!* (ДПИ, ЮБЛ) [Лихорадка чтоб тебя трясла!].

Выделяются верования и соответствующая фразеология, связанные с персонификацией праздников. Непосредственно со сменой зимы и лета ассоциируется празднование симметричных праздников, названных по именам святых, – *Атанасувд'ен*, день св. Афанасия (и «парный» ему *Андонувд'ен*, день св. Антония, 30 и 31 января по ст. ст.), и *Ённовд'ен* (Рождество Иоанна Предтечи, 7 июля, ныне – 29 июня). С ними связаны выражения, в которых эти праздники персонифицируются и маркируются как поворот к лету (зиме). О дне св. Афанасия: *Атанас гелди – и йас гелди* (ДПИ, ИВА) [Афанасий пришел – и лето пришло (< тур.)]. *От Атанасувд'ен кладът огън навънка – няма страшину* (ДПИ) [С Афанасия можно разжигать огонь вне дома, ничего страшного]. Тюркская формула не всегда ясна информантам: *Атанас гелди, и зимата гелди – «Атанас утiва, и зимата утiва»* (ИЗИ) [Афанасий «гелди» и зима «гелди» – Афанасий уходит и зима уходит]. О дне Рождества Иоанна Крестителя: *Ённовд'ен, казват: «Ёню намятал ямурлука и заминавал да посреща, да донiса, да доведжда снега». И казват: «Дoде ли Ённовд'ен, вeче се гласiм за зiма»* (ДПИ) [Энв день, говорят: «Энэ накнул бурку и пошел встретить, принести, довести снег». И говорят: «Пришел Энв день, уже готовимся к зиме»].

Балканские календарные мифологические представления о смене времен года, наступлении весны отражаются в легенде о «мартовской старухе»¹⁰, в кото-

¹⁰ Подробнее см. [Плотникова 2004: 121–129].

рой, в частности, рассказывается о том, откуда произошло названия месяца марта (*мáрта*, ж. р.) и первого марта, *Ба́ба Ма́рта*. (В этот день повязывают *ма́ртеници* – сплетенные из белой и красной шерстяных ниток шнурки, заканчивающиеся кисточкой, – людям (на руку), молодняку скотины, на дверь дома, на ворота, на хлев.)

*Ено́ вре́ме ба́ба Ма́рта – оттáм но́си íмету ма́рта – билá момá тъс Ма́рта. И хубаву... áма вéче кат душлó ма́рта, налí билó пролетѣ. Ё́маме ена́ мэснус, тѹ́ка Бѣ́лке ка́мън'е, наго́ре у балка́на. И ѱ вѣ́кале: «Ма́рто, о́щи е рано, зѣ́ма е о́ще!» – «А-а, – ре́кла, – ма́рта же́на́ и ас сѣ́м же́на́, шѣ са упрáвиме!» Уба́че ка́ту утишлá дотáм и кат стáнал такѣ́ф голя́м стѹт, и сѣ́чко замрѣ́зналу и сѣ́ убѣ́рналу на ка́мъни. И ка́мънит'и там. [Соб: Какво правила Марта, защо отишла в балкана?] Ка́рала уфцѣ́ да ги пасѣ́ – тѹ́ка е́но́ вре́ме уфцѣ́т'и апрѣ́л мэсе́ц вече ги искáрват у балка́на, дукáт сѣ́ поже́не, и там стѹт ф кѣ́ра. «Марта же́на и ас сѣ́м же́на». Не сѣ́ плáшат от ма́ртата, ма́ртата е кат же́нит'е: пугледнѣ́, засмѣ́ла сѣ́; погледнѣ́, ядо́сала сѣ́ (ДПИ) [Давным-давно баба Марта – отсюда название *марта* – была девушкой Мартой. Ну ладно... да уже как пришел март, ведь была весна. У нас есть одна местность здесь, Бѣ́лке ка́мыне, высоко в горах. И ей (Марте) сказали: «Марта, еще рано, зима еще!» – «А, – сказала, – марта (месяц) женщина и я женщина, договоримся!» Однако когда она пошла туда, как ударил такой сильный мороз, и всё замерзло и превратилось в камни. И камни эти там. [Соб: Зачем Марта пошла в горы?] Выгнала овец на выпас – здесь когда-то овец выгоняли в апреле месяце в горы и, пока не закончится жатва, там спали (пастухи) в поле (в шалаше). «Марта женщина и я женщина». Не боятся марта, март – как женщина: посмотри, засмеялась; посмотри, рассердилась].*

Персонифицируется не только март, но и другие месяцы, в частности январь и февраль. Так, февраль как месяц, переходный от холодного времени года к теплomu, представляется в виде младшего брата января, а его начало и конец сравниваются с горшком, в котором и кипит, и замерзает пища: *Февруáри вѣ́кал: «Ас да не мѣ́ е срам од ба́ти – януáри мэсе́ца. Налí му е ба́ти, щóто е по-голя́м. От ена́та странá гѣ́рнету ша ври, од дру́гата щѣ́ замрѣ́зва» (ДПИ) [Февраль сказал: «Чтоб мне не было стыдно перед старшим братом, – ведь (январь) ему старший брат, – с одной стороны горшок будет кипеть, с другой – замерзатъ»].*

Определенное место среди календарных обрядов занимает окациональный обряд вызывания дождя, в котором также отразились народные верования, характерные для Балкан. Так, в Твырдице существует ритуал *пипиру́да*

букв. ‘бабочка’: девушки, одетые в национальные костюмы, в венках из плюща и с носовыми платками в руках, обходят село и поют песню, стегая себя по бедрам платочками:

*Питируда лята,
Във вудá са мята,
И се Бóгу моли:
«Я дай, Бóже, я дай,
Я дай, Бóже, я дай
Ситен дрéбен дъждец,
Нека да се рóди
Гóлям берéкет»* (ДПИ)

Бабочка летает,
В воду нярыет
И Богу молится:
«Дай-ка, Боже, дай-ка,
Дай-ка, Боже, дай-ка
Мелкий-мелкий дождик,
Пусть родится
Большой урожай».

В этот день «Богу» режут и варят жертвенное животное: *кóл 'ът курбáн на Бóга*.

С целью вызвать дождь в Твырдице нет обычая хоронить куклу Германа, однако этот ритуал фиксируется в соседних селах, где благодаря активной деятельности фольклорных коллективов и сельских домов культуры он воспроизводится с большой тщательностью и точностью. В частности, глиняную куклу непременно делают с большим фаллосом, поют песни, в которых оплакивается Герман, ритуал фиксируют на видео. В Твырдице как центре общины издан буклет, в котором описана реконструкция этого обычая. Однако простые жители Твырдицы этого обычая не знают.

Особые мифологические верования отмечаются у твырдичан в связи с сезонным (весенним) поминовением предков. В Твырдице зафиксированы верования, что на Пасху (*Велигд 'ен*) отпускают, «распускают» (*ну́скат, распу́щат*) мертвых и на Троицкую родительскую субботу (*Черéшувата задúшница*) их снова «собирают» (*прибúрат*). Верования о пребывании предков на земле от Великого четверга или Пасхи до Вознесения или Пятидесятницы широко распространены в карпато-дунайском ареале (благодаря записям из Твырдицы можно говорить о карпато-дунайско-фракийском ареале) и у восточных славян, подробнее [Агапкина 2002: 267–268; Трефилова 2008: 248]. Затем в течение семи последующих четвергов (*Велики четвъртъци*) поминают умерших. Таким образом, в этот период четверги замещают обычную для поминовения у балканских славян субботу: *Велики четвъртъци, кугáту не съ рáботи кърска рáбота, дуби́тък не са упряга. Има ено́ нещю, кугáту ги распу́скали. Има едiн периóт, кугáту ги распу́скали. И пóсле кáзват: «Мъртвите са прибúрат».*

Душите излізали и после пак ги прибірали (ДПИ) [Великие четверги, когда нельзя работать в поле, запрягать скотину. Есть такое, когда их «распускают». Есть период, когда их «распускают». И потом говорят: «Мертвые возвращаются». Души выходили, и потом снова их собирали]. В Твырдице также есть единичное упоминание о том, что мертвых «отпускают» в Великий четверг (*Червѣната задушница* букв. ‘красная родительская суббота’, в этот день красят яйца для умерших), а Троицкая родительская суббота, *Черешувата задушница*, всегда маркируется как *задушница по Спасу* *в’ен* ‘родительская суббота после Вознесения’. Таким образом, «собрание» умерших приурочивается к Вознесению: *По Велигд’ен умрелите распускат, распуштит ги. Нали дѹха им изліза и трѣзват си по кѣщит’е. А пѣк те ги такѡват, прибірат на едно място. След Велигд’ен. Слет Спасу в’ен ф сѣбота* (ДПИ) [После Пасхи умерших отпускают, распускают их. Их дух выходит, и они отправляются по домам. Их-то, такое, собирают в одном месте. После Пасхи. После Вознесения в субботу]. «Помогают» умершим «вернуться», подметая могилу веткой грецкого ореха, словно бы подгоняя душу: *Распушнат’и мѣртви. Горе някъде ги дѣржат, после ги пушкат да се виждат с блискит’е. След Велигд’ен ги пушкат и на Спасу в’ен ги прибірат с брехува шу̀ма. Да изметѣи грѡба. На Черешувата задушница* (ТПС) [«Распускают» мертвых. Высоко где-то их держат, потом их отпускают, чтобы они увиделись с близкими. После Пасхи их отпускают и на Вознесение их собирают веткой ореха. Нужно подмести могилу. На «Черешневою» родительскую субботу].

Информанты

ДПИ – Дánка Пѣткова Ива̀нова, 1933 г. р., образование 8 классов.

ДСС – Дѣнка Стánкова Стоя̀нова, 1940 г. р., среднее образование, урожай. с. Козарево.

ИВА – Ива̀н Вла̀дов Ар̀бов, 1943 г. р., среднее специальное образование.

ИЗА – Ива̀н Зла̀тев Ива̀нов, 1941 г. р., среднее образование.

ИЙС – Ива̀н Йорда̀нов Стоя̀нов, 1932 г. р., среднее образование.

НКП – Николѝна Кой̀чева Пѣткова, 1940 г. р., урожай. соседнего села (ныне города) Шивачево, среднее образование, закончила школу в Твырдице, с начала 1960-х гг. сноха в Твырдице.

МНС – Мари́я Не́йкова Свети́ева, 1914 г. р., образование 3 класса.

ПМГ – Пе́на Ма̀ркова Ге́нчева, 1937 г. р., образование 8 классов.

ТПС – Татя̀на Пѣткова Стоя̀нова, 1962 г. р., среднее специальное образование.

ЮБЛ – Ю́лия Бранисла̀вова Ла̀зарова, 1935 г. р., высшее образование.

Литература

- Агапкина 2002 – *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- Плотникова 1996 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.
- Плотникова 2003 – *Плотникова А. А.* Южнославянские персонажи типа *вила* в свете «балканского» на Балканах // Славянское и балканское языкознание. Человек в пространстве Балкан. Поведенческие сценарии и культурные роли. М., 2003. С. 228–248.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2006 – *Плотникова А. А.* Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 12: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М., 2006. С. 7–19.
- Стойков – *Стойков Ст.* Говор села Твърдицы (Сливенской околии в Болгарии) и села Твардицы (Молдавской ССР) // Статьи и материалы по болгарской диалектологии. М., 1958. Вып. 8. С. 3–63.
- Стоянов 2007 – *Стоянов Т.* Твърдица в миналото. Б. м. [Болгария], 2007.
- Трефилова 2008 – Гагаузская терминология народной духовной культуры в северо-восточной Болгарии. Семейная обрядность // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой / Ин-т славяноведения РАН; Отв. ред. А. А. Плотникова. М., 2008. С. 232–270.
- Узенёва 2004 – *Узенёва Е. С.* Этнолингвистические материалы из центральной Болгарии (село Дылбоки, область Старой Загоры) // Исследования по славянской диалектологии. [Вып.] 10. М., 2004. С. 268–353.

Е. С. Узенёва
(Москва)

Словацкая народная традиция в свете полевых этнолингвистических исследований карпато-балканской зоны¹

Как известно, Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА) своим появлением обязан Международной комиссии по изучению народной культуры Карпат (МККК), созданной по инициативе польских этнографов в 1959 г. Именно этнографы, главным образом польские и словацкие, обратили внимание на карпатский культурный комплекс и на тот факт, что население этой зоны, говорящее на разных языках и принадлежащее к разным этническим группам, имеет много общего в материальной и духовной культуре, в том числе в фольклоре. Благодаря их усилиям этнография Карпат выделилась в качестве самостоятельного раздела этнографии Европы².

В рамках Советской национальной комиссии МККК работали и лингвисты, специализировавшиеся в области карпатского языкознания. Теоретиком и идейным вдохновителем советских карпатистов был проф. С. Б. Бернштейн, определивший лингвистические задачи карпатистики и сформулировавший понятия *карпатизмов* и *балканизмов*. Он писал: «Исследователь интерференции языков карпатского ареала имеет дело прежде всего с к а р п а т и з м а м и, т. е. с теми тождествами различного происхождения, которые в разной степени объединяют эти языки и противопоставляют их языкам и диалектам соседних территорий (севернее Кавказских гор и восточнее Днестра). Общие элементы (карпатизмы) – различного происхождения, они формировались в течение весьма длительного времени» [Бернштейн 2000: 204]. Ученый выделяет элементы дакского, гетского, кельтского, латинского, греческого, германского и славянского происхождения. Славянские слова, по мнению С. Б. Бернштейна, относятся не только к общеславянскому фонду, но и характеризуют типичные особенности южнославянских языков, поскольку основную роль в карпат-

---

¹ Работа выполнена в рамках Программы ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей», проект «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе».

² Предварительные результаты исследований этнографов были представлены, в частности, в сборнике [ОКДА 1976].

ской миграции славян играли именно те племена, которые позднее стали базой южнославянских народов.

Однако языки и диалекты карпатского ареала имеют и другие сходства – это наличие так называемых балканизмов, которые С. Б. Бернштейн характеризует как «общие элементы, которые принесены в области к северу от Дуная беженцами от турецкого ига, болгарскими крестьянами, ремесленниками, купцами, а также балканскими пастухами славянского, албанского, романского и греческого происхождения... Таким образом, среди славянских, романских, греческих тождеств необходимо различать древние элементы (т. е. собственно к а р п а т и з м ы) и б а л к а н и з м ы» [Бернштейн 2000: 205].

А. А. Плотникова, анализируя материалы по традиционной культуре румын, собранные ею в экспедициях, выделяет общие элементы для румынской и балканославянской традиций, а в некоторых случаях и для балканских неславянских традиций, и неизвестные вне карпато-балканского ареала, как «балкано-карпатизмы» [Плотникова 2008: 18–19], т. е. «общие для макрзоны элементы», в терминологии Г. П. Клепиковой [Клепикова 2008: 361].

Экспедиции в Словакию задумывались нами как часть полевых исследований в рамках проектов Программ фундаментальных исследований РАН³. Данная работа предполагала «расширение территории полевого обследования по вопроснику «Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала» на север, т. е. планировалось охватить часть карпатского ареала (Румынию и западную часть Украины)... и восточнославянской карпатской традиции (юго-западная Украина)» [Плотникова 2008: 13].

Основной задачей этнолингвистических экспедиций было продолжение карпатолингвистических исследований в области традиционной духовной культуры, возможное выявление карпатизмов и балкано-карпатизмов в данной сфере. Была проведена апробация указанного вопросника [Плотникова 1996] на материале новой, западнославянской традиции (в данном случае словацкой) на территории Карпат. Подобные исследования по этнолингвистической программе с использованием методики сбора данных, разработанных в рамках московской этнолингвистической школы, в частности для изучения языка и культуры балканских славян, в Словакии проводились впервые. Основное внимание

---

³ Проект «Карпато-балканский диалектный ландшафт: язык и культура во взаимодействии» (рук. А. А. Плотникова), поддержанный Программой фундаментальных исследований Президиума РАН (2006–2008). Исследования были продолжены в процессе работы над новым проектом «Карпатская культурно-языковая общность в балканской перспективе» (рук. А. А. Плотникова) в рамках Программы ОИФН РАН (2009–2011).

в работе уделялось культурно-языковым традициям словацких регионов, специально собиралась диалектная терминологическая лексика и корреспондирующие явления народной духовной культуры словаков.

Настоящая статья посвящена анализу материалов, собранных автором статьи в ходе экспедиций в различные районы Словакии, главным образом на территории Карпат⁴: это сёла Быстричка, Бела и Блатница в области г. Мартина, Турчанский регион, Средняя Словакия, горный массив Малая Фатра⁵; село Зуберец, регион Орава, Средняя северная Словакия на границе с Польшей и Бескидами⁶; сёла Гельпа и Шумиак, регион Верхний Грон, область Гельпианское Подолье, Западные Карпаты Словакии (2009 г., совместно с М. М. Валенцовой)⁷.

Турчанские и оравские диалекты, распространенные в обследованных нами селах, принадлежат к северной группе среднесловацких говоров [Štolc 1994: 63–68], которые выявляют наибольшее схождение с южнославянскими диалектами [Куркина 1992: 209–210]. Диалект Гельпы также принадлежит к среднесловацкому типу и относится к погронской подгруппе зволенских говоров [Štolc 1994: 86]. К сожалению, во время интервью информанты, желая выглядеть образованными, часто говорили на литературном словацком языке, поэтому не всегда удавалось зафиксировать диалектные термины.

О некоторых селах (Бела, Зуберец, Гельпа) написаны коллективные монографии, посвященные в большей степени их истории, природе, ремеслам, основным занятиям населения, в частности пастушеству, и лишь отчасти затрагивающие традиционную культуру и обычаи [Turec 2004; Belá – Dulice 2006; Kuchtiak 1993; Heľpa 1999; Nohronje 1974].

Село Быстричка – равнинное село, расположенное у реки Турец вблизи г. Мартин, а с. Блатница лежит у подножия гор Малая Фатра. Сёла Бела, Зуберец и Гельпа относятся к среднесловацкому горному типу сел, основанных на так называемом «валашском праве»⁸. Начиная с XVII в. «валашские» пастухи

⁴ Пользуясь случаем, выражаю искреннюю признательность коллеге Зузанне Профантовой, научному сотруднику Этнографического института САН в Братиславе, за помощь в организации всех экспедиций.

⁵ 2007 г., совместно с Веркой Седлаковой, научным сотрудником Матицы Словацкой, и Ханной Зеленовой, научным сотрудником Этнографического музея в г. Маргине.

⁶ 2008 г., при содействии директора Этнографического музея под открытым небом Зуберец-Брестова Рихарда Яноштина.

⁷ Полевые материалы представлены в статье М. М. Валенцовой в настоящем сборнике.

⁸ Подробнее о заселении территорий на основе валашского (пастушеского) права, в частности в Гельпе, см. [Heľpa 1999: 16–17].

постепенно стали заниматься земледелием и наряду с разведением скота стали выращивать кормовые культуры. Эти сёла отличает пастушеский способ ведения хозяйства, известный на всей территории западных Карпат и сохранившийся почти до середины XX в. Сочетание пастушеского и земледельческого типов культур нашло отражение также в традиционной одежде, пище, строительстве, фольклоре и народных обычаях.

Этнолингвистический вопросник в разных селах заполнен неравномерно, поскольку многие обряды утрачены или нам не удалось их зафиксировать. В целом традиционная культура обследованных нами сел в трех регионах соответствует типу, обозначенному этнографом Зузанной Бенюшковой, подробнее о культуре словацких регионов см. [Veňušková 2005] (см. карту № 1). Влияние на систему обрядов оказала, безусловно, и религия. В разных регионах Словакии вместе нередко живут католики, протестанты и евангелисты. Сильных различий в традиционной культуре групп разной религиозной направленности не наблюдалось. В настоящее время не все праздники отмечаются, хотя жители часто о них помнят. Среди календарных обрядов, обычаев и верований сохранились преимущественно те праздники, которые приурочены к основным датам церковного календаря. Обряды семейного цикла представлены достаточно полно. Разнообразны и мифологические представления словаков в исследованных селах. Более всего в этом отношении выделяется Зуберец на Ораве, где мы зафиксировали наибольшее число наименований и типов мифологических персонажей.

При анализе собранного материала (в качестве сравнения) мы использовали данные карт ОКДА и Этнографического атласа Словакии (EAS). В Этнографическом атласе основное внимание уделено картографированию обрядов и ритуалов, их наличию/отсутствию, времени исполнения, особенностям, составу участников, атрибутам. Лишь в редких случаях приводится название персонажа, например: Раздел XII. Свадьба. Карта 12. «Снимание венка и чепченье невесты» (совершает действие *družba, družica, starejsia, krstna matka, ženich*). В других случаях фиксируются термины, обозначающие ритуальное действие, например: Раздел XII. Смерть. Карта 23. «Названия оплакивания» (*plakat', vikladat', nariekat'*). Наши материалы, в отличие от ОКДА и EAS, предлагают не только термины (если они есть в локальной традиции), обозначающие сами обряды, персонажей и реквизит, отдельные верования и представления, но и широкий контекст их функционирования.

В некоторых случаях данные наших экспедиций уточняли и дополняли сведения указанных атласов. Например, в с. Бела в обл. Мартина мы записали

термин *narekat* 'оплакивать покойного', а на карте EAS в этом регионе отмечается термин *vikladat*, что расширяет представления о локализации термина.

Карта № 1 'Рождество' 4 выпуска ОКДА выявляет четкие ареалы распространения терминов типа *Cráčún* в венгерских, румынских и молдавских диалектах. Граница их распространения проходит условно по южной границе Словакии с Венгрией (см. карту № 2). Нам удалось зафиксировать данный термин в с. Гельпа, расположенном в самом центре Словакии. Он отсутствует в ОКДА (с. Гельпа не вошло в число обследованных пунктов в Средней Словакии по объективным причинам). Наличие термина *Cráčún* на этой территории отводит верхнюю границу распространения термина далее на север средней Словакии.

На карте № 2 одним из картографируемых элементов является маленькая елка *po(d)laznicka*, подвешиваемая к потолку на Рождество, или ветка, с которой ходили колядовать. Эти лексемы на карте указаны, главным образом, на территории юга Польши (см. карту № 3). Наши сведения дают дополнительный материал для этой карты: в Гельпе отмечен термин *polaznička*, обозначающий елку, подвешиваемую над столом в Рождество. В Зубереце записан термин *polazniky* 'длинный прут/прутья, с которыми приходил в дом пастух'. Данный репрезентант семемы «полазник» не присутствует на карте. Есть такие значения, как 'мужчина, который первым приходит с поздравлениями на Сочельник, Рождество, Новый год'; 'колядующий'; 'небольшая елка, которую подвешивают под потолком на Рождество'; 'животное, которое вводили в дом на Рождество, Новый год'. Таким образом, материалы этнолингвистических экспедиций уточняют ареал бытования термина.

1. Карпато-балканизмы.

(1) Некоторые карпато-балканские параллели выявлены нами в календарной обрядности среднесловацких сел. К ним мы относим рождественский обряд посещения дома человеком мужского пола с веткой/прутом, которым бьют «для здоровья» людей или скот. В балканской традиции широко известен персонаж *полазник* [Усачева 1977], первый посетитель на Новый год, Рождество, приносящий удачу, счастье в дом на будущий год.

В Зубереце дома посещал пастух, получавший вознаграждение за работу. Он приносил с собой длинные прутья (*polazníky*) ракиты, на концы которых приплетали колосья освещенных злаков, овса и ячменя. Эти прутья оставались в доме до весны, когда ими выгоняли скот на пастбище в первый раз. Ср. болгарские обрядовые кизилловые прутьи *сурвачки*, которыми дети ударяли домочадцев в Новый год, и румынские «оплодотворяющие» палочки, кото-

рые использовали при совершении новогоднего обряда *sorcova* [Плотникова 2008: 16].

В с. Бела в обл. Мартина существуют поверья о человеке, который должен посетить дом первым в канун Нового года и принести счастье на будущий год, но нет термина. Считали, что женщина приносит несчастье, а мужчина – удачу (Зуберец). В с. Бела эту функцию выполнял пастух или служитель костела *boženik*, который входил в группу рождественских «коледников», среди гостей были также звонарь, глашатай, гробовщик. *Boženik* носил прутик с крючком на конце, с которым пасли стадо летом, и бил девушек, чтобы те были здоровы и не болели (обл. Мартина).

В Гельпе в Рождественский сочельник (24.12), называвшийся *Vilija* или *Štedrý deň*, с утра мальчики обходили село с благопожеланиями. Вместо них обходы мог совершать и цыган. Следили за тем, чтобы первым в дом вошел мальчик или мужчина. Рождественское деревце, елочка, называлось «полазничка» (*polaznička*), ее подвешивали к потолку над столом.

О рождественском полене, сжигаемом в очаге, в Гельпе неизвестно. Но раньше здесь был обычай: когда человек первый раз приходил с визитом в дом, хозяин давал ему полено, чтобы гость встал на него на колени и помолился – в качестве приветствия; потом гостю подносили чарку спиртного и хлеб-соль.

На Новый год в Гельпе также действовал запрет приходить в дом первой женщине, ибо это означало несчастье в течение всего года. Поэтому с раннего утра по домам ходили парни и мужчины с благопожеланиями.

(2) К балкано-карпатским параллелям мы относим представления о демонах судьбы, поверья о которых характеризуются рядом признаков (приход трех женщин на третью ночь после рождения ребенка, их угощение, подготовка трапезного столика и пр.). Одним из наиболее ярких моментов культурной традиции села Гельпа являются представления о демонах судьбы, столь распространенные на Балканах (болг. *орисници*, болг., макед. *наречници*, серб. *суђеници*) [Плотникова 2004: 694–711] и записанные А. А. Плотниковой в ряде румынских сел (румын. *ursători(ie)*) [Плотникова 2008: 16].

Судички (*sudičky*) в Гельпе – это мифологические персонажи, которые, как говорили, когда-то давно определяли судьбу ребенка при рождении (давали ребенку при рождении «в веночек»). Считалось, что у каждого есть судьба, каждый человек должен испытать то, что ему суждено в жизни. Когда человек умирал, говорили, что нить его жизни прервалась.

Упомянем здесь, что подобные представления и сходный термин, образованный от того же корня *суд-*, были зафиксированы нами в украинских Карпа-

тах во время экспедиций (в Прикарпатье – с. Устерики и Закарпатье – с. Прислоп). В этих селах верили, что сразу после рождения ребенка у окна дома являлись «ангелы» и определяли ему судьбу (с. Прислоп, Закарпатье; *судци судэли* – с. Устерики). Записано несколько быличек, в том числе о смерти ребенка, достигшего семилетнего возраста, как и предсказывалось, на забитом колодце. Подобные сюжеты нам часто встречались в ходе полевой работы в различных регионах Болгарии, ср. [Седакова 2007: 221].

(3) Большой интерес для нас представляет мифологический персонаж «вила». Данная лексема имеет широкое распространение у южных славян (словен., хорв. *vila*, серб. *вила*, болг. *самовила*) [Плотникова 2004: 614. Карта № П-3-1а]. У чехов данная лексема имеет значение ‘мифическая, сказочно прекрасная женщина’ [БЕР 1: 147].

У словаков персонаж «вила» имеет большие сходства с восточнославянской русалкой, что подтверждают данные Голуба из Бошацкой долины [Holuby 1958: 361] и картотека словаря словацких говоров Института языкознания им. Л. Штура в Братиславе, где нам удалось найти информацию о том, что *vila* – это незамужняя девушка, будущая невеста, умершая в период церковных «огласок» перед свадьбой (ср. то же – Средняя Словакия, Липтовские Слячи [KSN 1998: 510]. Вил часто видели танцующими (обл. Тренчина, сев.-зап. Словакия). В с. Бела (обл. Мартина) нами записан рассказ о вилах (*vily*), которые собирались ночью на мосту и танцевали. В тексте из с. Завод, расположенного вблизи Братиславы, вилы предстают девушками в белом одеянии (их всего шестеро), танцующими круговой танец типа коло, называемый ими *žabčí tanec* (ср. поверья о ведьме, превращающейся в жабу). После встречи с вилами героя былички, старика, нашли в глухом лесу, среди колючего кустарника, где он чуть не погиб от ран и холода [Vužeková 2007: 38–39].

Словацкая «вила» – это антропоморфный женский персонаж, молодая незамужняя девушка, красивая, с дивным голосом, распущенными волосами, носящий белые одежды, который мог появляться в полночь у воды, где «вилы» танцевали. Они могли быть опасны для неженатых парней и рожениц, не получивших очистительную молитву в костеле, что сближает их с южнославянскими *самовилами*. В наших записях «вилы» совпадают по функции с ведьмами (*стригами*), которые также собирались на мосту над водой для танцев, но только в ночь на Люцию, 13.XII (с. Бела). В Румынии отмечены сведения о женских мифологических существах, которые оставляли после своих танцев следы на траве в виде кругов [Плотникова 2008: 16] (ср. болг. *самодивско хорище, игрище*).

В с. Шумиац, вблизи Гельпы, нами также записаны былички о *вилах*. Считалось, что, если холостой парень заблудится в лесу или в горах, *вилы* могли его «утанцевать» насмерть. Танцевали они круговой танец, после которого трава была утоптана по кругу. Согласно народным представлениям, существует *polna vila* (информант определяет ее как *rusalka*), живет в поле, появляется до выпадения росы, затем исчезает, превращаясь в туман. Отмечается связь вилы с атмосферными явлениями (вихрь, дождь, туман).

(4) В селе Гельпа нам удалось зафиксировать возможные следы легенды о «мартовской» старухе, отправившейся пасти коз в горы и замерзшей там, широко известной в балканском регионе (и шире) [Плотникова 2004: 121–133]. В селе есть скала под названием Баба (*Baba*), внутри которой было большое отверстие, поскольку когда-то там были шахты. Говорили, что, когда человек идет туда первый раз (пасти скот), он должен «старой бабе жопу/дыру облизать». Вероятно, здесь мы имеем дело с остатками когда-то бытовавшей легенды о старухе, которая окаменела. Мотив петрификации также характерен для Балкан. Отмечен он нами и в гуцульском селе Устерики в Прикарпатье. Отметим, что топоним *Baba hora* ‘старуха гора’ известен в одной из частей региона Орава [Веňušková 2005: 104].

II. Карпатизмы.

Материал исследованных сел Средней Словакии позволяет нам выделить не только балкано-карпатизмы, но и собственно к а р п а т и з м ы, т. е. термины и явления, не встречающиеся за пределами карпатской зоны. К таким понятиям ученые относят, в частности, персонаж ведьма и обозначающий его термин *босорка* (карп.-укр., словац., морав., венг., пол.). Одной из характерных черт этого персонажа является двоедушничество, т. е. наличие двух душ, позволяющее человеку «жить» после смерти [СД 1: 241–242].

(1) Для обозначения ведьмы в исследованных селах встречаются различные термины: *striga*, *bosorka*, *vila* (обл. Мартина), *striga*, *bosorka* (Гельпа), *striga*, *bosorka*, *bohinka*, *bohíňa* (Зуберец)⁹, последний персонаж характерен для западнославянской мифологии (Польши и сопредельных пограничных этнических зон [Виноградова, Толстая 1994: 20], что здесь не является случайным: Орава – это северные области Словакии на границе с польскими Бескидами).

Богинка в Зубереце, однако, совмещает в себе признаки нескольких персонажей: ведьмы, так как, по поверьям, она ходила в лунные ночи и отбирала

---

⁹ О происхождении и семантике терминов *босорка* и *богинка* в карпатском регионе см. статью В. В. Усачевой [Усачева 2008].

молоко у коров, и лесного духа, поскольку жила в лесу и могла причинить вред путнику. *Богинки* обитали в густых лесах, болотистых местах и горном озере. Были красивы, молоды, имели детей и мужей. Их отличительным признаком были огромные груди. Знамениты были «склонностью» к воровству: забирали здоровых детей, меняя их на своих больных *bohinčatia*, и различные предметы быта (записан рассказ о *богинке*, укравшей сапоги и пойманной на месте преступления). В селе рассказывали об одной молодой женщине, которую украли *богинки*, чтобы она ухаживала за их детьми. Однажды ее встретил один человек у горного озера, где она стирала белье. Женщина попросила его передать ее мужу, чтобы принес ей яйца от черной курицы и мак, с помощью которых она хотела убежать: *богинчата* будут играть яйцами и не расплачутся, а когда побег откроется, *богинки* будут собирать разбросанный мак и не догонят ее. Муж все сделал, но убежать женщине не удалось – *богинки* ее убили [Kuchtiak 1993: 26].

(2) Интересно, что некоторые информанты подчеркивали тот факт, что *богинки* обладают двумя душами («двоедушники») – типичный карпатский мотив, ср. также сведения из Гельпы, Верхний Грон, где были известны люди с двумя сердцами – *l'udi s dvomi srdciami* – [Нейра 1999: 198].

В Зуберце мы также записали рассказ о девушке «с двумя сердцами», которая спала в своей кровати дома, а по утрам просыпалась взмыленной и уставшей и говорила, что по ночам она «путешествовала» в другие села и веси. По рассказам информантов из Гельпы, в селе была женщина по фамилии Супкова, у нее якобы было два сердца, люди ее забросали камнями, выгнали в поле и там сожгли заживо. Она творила зло людям и, по всеобщему мнению, была ведьмой, колдовала. Говорили, что у нее два сердца: когда ее сожгли, из огня потом выскочили два кошки.

Striga, как правило, – это ведьма, отбирающая молоко у коров куском ткани, сквозь которую его процеживают. Появлялась в доме после отела коровы. Она могла превращаться в жабу (Турец, Орава) или кошку (Зуберец, Гельпа). Записан рассказ о том, как жаба скакала ночью вокруг коня, после чего он был весь в пене, будто на нем катались, и с заплетенной гривой. Случилось это в том месте, где «*струги* ходили» (с. Бела).

Ведьма в Гельпе (*striga, bosorka*) – это женщина, которая имела особую силу и способности. Были такие ведьмы, которые постоянно носили завязанную на пальце нитку, как кольцо, – так они поддерживали свою силу. Ведьма имела особенную внешность: у нее было черное лицо, темная кожа, черные глаза, которыми она могла сглазить. Ведьма не могла умереть, пока не передаст кому-

нибудь свои способности, для чего кто-либо должен был подать ей руку. Этот человек наследовал ее способности, но он мог и не знать о том, что он мог потом колдовать (*čarovat'*).

Согласно материалам А. А. Плотниковой, лексема *striga* в значении 'ведьма' встречается также на юго-западе Словении [Плотникова 2004: 646. Карта № II-3-3]. В статье Г. П. Клепиковой, посвященной семантике карпато-балканского +*StrIg-*, приводятся данные о бытовании на Балканах форм с начальным *str-*, которые зафиксированы в арумьских диалектах и Черногории (*strigna* 'злая женщина'), а формы на *štr-* отмечены в хорватских диалектах в значении 'ведьма, злая женщина' и в албанском 'колдунья' [Клепикова 1996: 116]. Если лексемы, образованные от +*StrIg-*, имеют соответствия в карпатском и отчасти балканском ареале, то ареал распространения слов с корнем +*bosork-* ограничивается Карпатами (см. карту к ст. Г. П. Клепиковой) [там же: 126]¹⁰.

(3) К карпатизмам мы относим и термин *чорнокнижник*, обозначающий человека, управляющего тучами и ливнями, урожаем и плодородием, нередко летающем на змее [СД 2: 29–31].

Большая часть собранных нами быличек посвящена ночным существам, сбивающим путников в ночи или днем: *svetlonoci*, *svetla noc* (Зуберец, Бела). Информаторы указывали определенные места, где «водило», «гукало» «уху-у»: у старой вербы, на болотистом месте, у ручья, на мосту, в горных лугах. Там ночью появлялись огоньки, которые якобы указывали дорогу идущему, после чего он поутру оказывался далеко от того места, куда шел, весь мокрый. Иногда в таких местах появлялись дикие звери (медведь, олень). Записаны рассказы о встрече с животным (быком) в 12 часов ночи в лесу, после чего потерявшиеся волы явились взмыленные от пота, будто на них кто-то ездил верхом (с. Дубове). В Зубереце рассказывали, как разъяренный бык напал на запоздавшую в пути женщину и ехал на ней верхом.

Иногда персонажей с подобными функциями в Зубереце называют *černo-kňažnik*. Он являлся с образе монаха в плаще с капюшоном и «водил» по лесу заблудившегося человека. Данный термин характерен для украинско-карпатского региона, где, однако, *чорнокнижниками* называли колдунов, управляющих бурей, тучами (с. Торунь, Закарпатье, зап. А. А. Плотниковой, Е. С. Узенёвой 2008 г.).

---

¹⁰ Подробнее о лингвоэтнокультурном комплексе, объединенном термином +*bosor-*, в карпатской диалектной зоне см. [Усачева 2008].

В Беле и Гельпе известно слово чернокнижник (*čarnokňažník*), хотя о самом персонаже ничего не рассказывают. В более ранних материалах из Гельпы, опубликованных в сборнике Горегронье, отмечается, что *čarnokňažník* – сверхъестественный персонаж, схожий с вещуном (*veštec*), т. е. ученым чародеем. Появляется в черном длинном одеянии с большой книгой под мышкой. Он повелевает тучами и бурей, а там, где он ударит своим бичом, бьет гром. Он летает на змее (*šarkaň*), у которого широкий мощный хвост [Horehronie 1974: 334].

(4) В Гельпе Рождество (25.12) и весь рождественский период называется Крачун (*Kračun*). Данный термин также можно отнести к типично карпатским явлениям.

Кроме вопросника А. А. Плотниковой, ориентированного на сбор лексики традиционной культуры, мы собирали лексику по семантическому вопроснику (73 вопроса), составленному Г. П. Клепиковой на основе данных ОКДА, одним из составителей которого она являлась, для Лексического вопросника Малого диалектологического атласа балканских языков (МДАБЯ) и содержащему вопросы, выявляющие грецизмы, латинизмы, турцизмы, славизмы и субстратные элементы в изучаемом говоре [Домосилецкая, Жугра 1997: 70–73].

В селах вблизи Мартина и в Зубереце отмечены турцизмы: *papuče* ‘тапочки’, *čičmi* ‘высокие сапоги’, *dochan* ‘табак’ и др., в с. Бела зафиксированы субстратные лексемы (*cap, vatra*). В Гельпе есть отдельные латинизмы (*kurastra, fortuna*), турцизмы (*čičmi, papuče, dohan*) и субстратные элементы (*cap, kopile, vatra*).

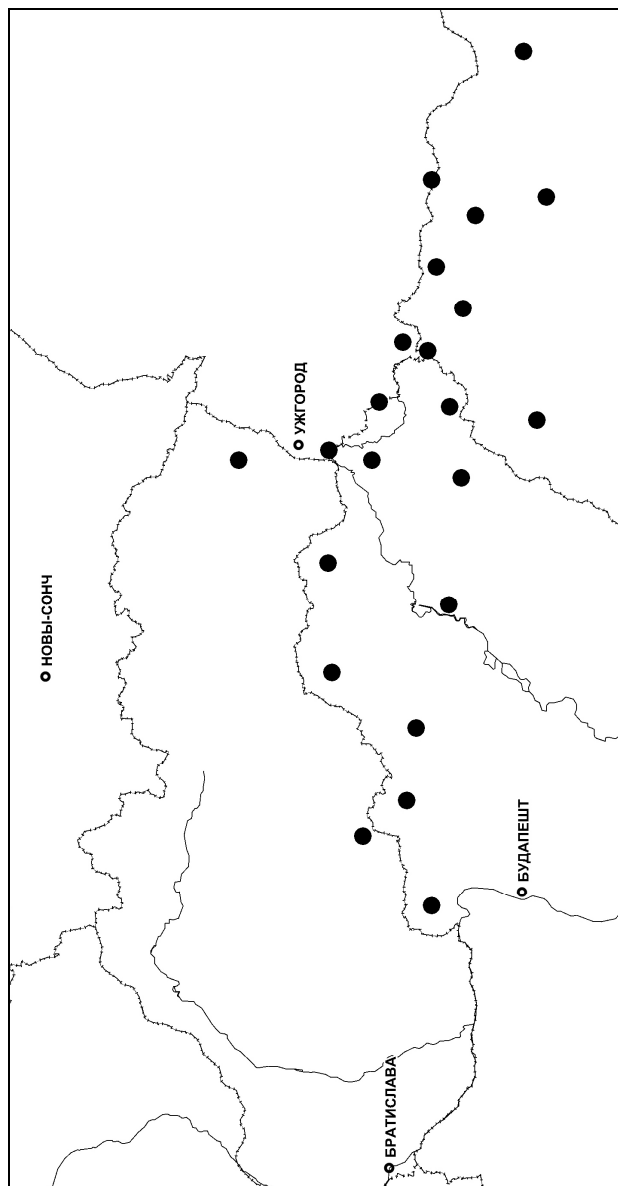
Одним из ярких лексических балкано-карпатизмов, зафиксированных нами, является лексема *vatra* [Клепикова 1991]. В Зубереце и в обл. Мартина это слово обозначало большой костер, который зажигали высоко в горах, где были пастбища для овец. На Ораве костры возжигали в день Ивана Купалы в трех местах на вершинах гор в округе села. Парни собирали старые деревья, хворост, мусор и жгли огни, спускали с вершин горящие колеса, а девушки перепрыгивали через костер. Обряд назывался *palenie Jana*.

Таким образом, мы видим, что даже выборочное обследование зоны словацких Карпат дает видимые результаты, т. е. метод выбора для анализа отдельных сел-репрезентантов территориальных диалектов достаточно эффективен. Нами выявлены отдельные балкано-карпатизмы, как лексические, так и этнокультурные (*полазник*, демоны судьбы, следы легенды о «мартовской старухе»), и собственно карпатизмы (*Крачун, босорка, стрига*, «двоедушники»). Вопрос о происхождении этих явлений – предмет отдельного исследования.

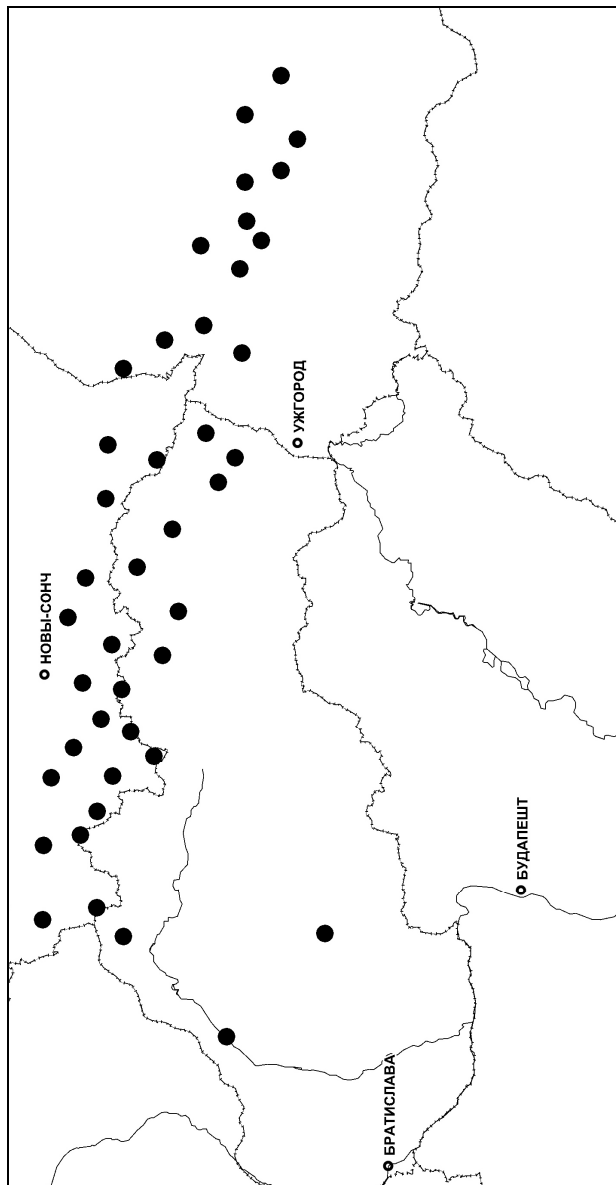

Карта 1. Обследованные регионы Словакии:

1 — Турец; 2 — Орава; 3 — Верхний Грон

Карта 2. Распространение лексемы *Краичун* 'Рождество'
(по материалам карты № 1 'Рождество' 4-го выпуска ОЖДА)

Карта 3. Распространение лексем с корнем ⁺rolazn-ik
(по материалам карты № 2 4-го выпуска ОКДА)

Литература

- БЕР – Български етимологичен речник. Т. 1. София, 1971.
- Бернштейн 2000 – *Бернштейн С. Б.* Лингвистические аспекты карпатистики // *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000. С. 203–208.
- Виноградова, Толстая 1994 – *Виноградова Л. Н., Толстая С. М.* К проблеме идентификации и сравнения персонажей славянской мифологии // Славянский и балканский фольклор. Верования, текст, ритуал. М., 1994. С. 16–43.
- Домосилецкая, Жугра 1997 – *Домосилецкая М. В., Жугра А. В.* Малый диалектологический атлас балканских языков. Лексическая программа. СПб, 1997.
- Клепикова 1991 – *Клепикова Г. П.* Южнославянский компонент в «Общекарпатском диалектологическом атласе» // *Studia Slavica.* К 80-летию Самуила Борисовича Бернштейна. М., 1991. С. 78–85.
- Клепикова 1996 – *Клепикова Г. П.* Семантика карпато-балканского +*Str/Ig-* в свете характеристики некоторых мифологических персонаей («компонент движение») // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 114–126.
- Клепикова 2008 – *Клепикова Г. П.* Очерки карпатской диалектологии: Предисловие. Введение // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 13: Славянские диалекты в ситуации языкового контакта (в прошлом и настоящем). М., 2008. С. 349–379.
- Куркина 1992 – *Куркина Л. В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Ljubljana, 1992.
- ОКДА 1976 – *Общекарпатский диалектологический атлас.* Лингвистические и этнографические аспекты. Кишинев, 1976.
- Плотникова 1996 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996.
- Плотникова 2004 – *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
- Плотникова 2008 – *Плотникова А. А.* Карпато-балканский диалектный ландшафт – новые перспективы: язык и культура во взаимодействии // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. М., 2008. С. 10–25.
- СД – Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995; Т. 2. М., 1999; Т. 3. М., 2004; Т. 4. М., 2009.
- Седакова 2007 – *Седакова И. А.* Балканские мотивы в языке и культуре болгар. М., 2007.
- Усачёва 1977 – *Усачёва В. В.* Об одной лексико-семантической параллели (на материале карпато-балканского обряда «полазник») // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста. М., 1977. С. 21–76.
- Усачёва 2008 – *Усачёва В. В.* Этнокультурная и языковая интерференция в карпатском регионе // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. М., 2008. С. 158–179.

- Belá – Dulice 2006 – Belá – Dulice. Vlastivedná monografia obce / Zost. Univ. prof. PhDr. Imrich Sedlák. Martin, 2006.
- Beňušková 2005 – *Beňušková Z.* Tradičná kultúra regiónov Slovenska. Bratislava, 2005.
- Bužeková 2007 – *Bužeková T.* Za horama, za vodú... L'udové rozprávania z obce Zavod. Senica, 2007.
- Holuby 1958 – *Holuby J. E.* Národopisné práce / Zost. J. Mjartan. Bratislava, 1958. S. 361–369.
- EAS – Etnografický atlas Slovenska. Bratislava, 1990.
- Heľpa 1999 – Heľpa. Vlastivedná monografia obce. Ján Podolák a kolektív. Matica slovenska, 1999.
- Horehronie 1974 – Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu / Ed. J. Mjartan. Diel 2. Duchovná kultúra. Bratislava, 1974. S. 245–340.
- KSN 1995 – Krátky slovník nárečia slovenského Oravského podľa Antona Habovštiaka. Krivá; Bratislava, 1995. (Vychadza v edícii Krátkych slovníkov základných slovenských nárečí Slovenskej krajiny a jej okolia ako 3. diel).
- Kuchtiak 1993 – *Kuchtiak I., Mat'kuliak K.* Pod Roháčom žijem... Zuberec. Pozprávanie o prírode živote a ľuďoch zo Zuberca. Zuberec, 1993.
- Štolc 1994 – *Štolc J.* Slovenská dialektológia. Bratislava, 1994.
- Turec 2004 – Z ľudovej kultúry Turca / Pančuhová E., Mintalová Z. a kolektív. Žilina, 2004.

М. М. Валенцова
(Москва)

Этнолингвистическое обследование словацкого села Гельпа на Верхнем Гроне¹

Село Гельпа расположено в области Верхний Грон (Horehronie), в восточной части Верхнегронской долины, которая называется Гельпянское подолье. С севера долина ограничена покрытыми лесом гребнями Низких Татр (Кралёвогольские Татры), с юга – крутым склоном Муранской планины, являющейся частью Спишско-гемерского карста Словацкого рудогорья. С административной точки зрения Гельпа относится к округу Брезно, Средняя Словакия. Через село протекает вторая по величине река Словакии – Грон.

Гельпа относится к горному типу сел, основанных на так называемом «валашском праве». С оседлостью к первоначально полукочевому образу жизни «валашских» пастухов постепенно, начиная с XVII века, добавлялись земледельческие элементы, прежде всего разведение скота и выращивание кормовых культур. Пастушеский способ ведения хозяйства, выступающий в почти тождественных формах на всей территории западных Карпат, сохранился в некоторых бытовых и культурных проявлениях почти до XX века. Симбиоз пастушеского и земледельческого типов культур отразился также в традиционной одежде, кухне, формах народного строительства, в изобразительном искусстве, фольклоре и народных обычаях.

Регион Верхнего Грона в целом и село Гельпа в частности давно привлекали внимание этнографов и лингвистов, историков культуры и фольклористов и достаточно хорошо описаны. Наиболее полный материал о материальной и духовной культуре собран в монографиях «Верхний Грон» (1974) [Horehronie], «Народ, живущий в предгорьях Татр» (1978) [Lud pod Tatrami], «Гельпа» (1999) [Hel'pa] и ряде других исследований. Вместе с тем данный регион еще не изучался в русле карпато-балканских сопоставлений, поэтому во время экспедиции в с. Гельпа, которая состоялась 1–5 мая 2009 г., было проведено обследо-

---

¹ Участники экспедиции – М. М. Валенцова и Е. С. Узенёва – выражают искреннюю благодарность сотруднице сельской управы Марии Кемковой (Mária Kemková), которая помогла собрать информантов, устроить быт в селе, а также показала замечательные окрестности Гельпы, в том числе источник, от которого берет начало р. Грон.

дование по программе этнолингвистического вопросника [Плотникова 2009], ориентированного на балканославянский ареал. Целью экспедиции было выявить возможные схождения и общие элементы в народной культуре и терминологической лексике Карпат и Балкан, чем было обусловлено особое внимание к вопросам с балканской тематикой. В опросе участвовало 11 информантов, главным образом в группах².

Полевое обследование подтвердило факт, что обряды, обычаи, магические действия и знания о демонологических персонажах продолжают забываться. Вместе с тем основное ядро этих знаний, собственно духовная и магическая суть обрядов и верований, сохраняется, трансформируется лишь оболочка, внешние атрибуты, отношения, события (например, вследствие порчи на свадьбе не кони встают как вкопанные, а машина глохнет; не болезнь насылается на человека, а неудача при поступлении в вуз). В качестве дополнения и уточнения полевых записей в данной статье использовались печатные материалы – указанные выше монографии, которые даются далее более мелким кеглем и со ссылкой на источник.

Диалект Гельпы принадлежит к среднесловацкому типу и относится к группе зволенских говоров (погранская подгруппа). К сожалению, при опросе и в разговоре с «чужими» информанты постоянно переходили на литературный словацкий язык, поэтому не всегда удавалось фиксировать диалектное произношение терминов. Более последовательно местный говор отражен в материалах монографии «Гельпа».

Народный календарь³

В день св. Андрея (*Ondreja*, 30.11) девушки гадали о замужестве. После пошителей все шли к дому, где жил парень по имени Андрей, и трясли забор, приговаривая: «Андрей, Андрей, сею тебе коноплю» (*Ondreju, Ondreju, konopä ti seju*). Хороший человек отвечал из дома: «Всем вам в течение года выйти замуж!», а нехороший желал: «Чтоб вы все переспали!» (то есть желал внебрачных связей).

² Нам рассказывали: Марта Вилемова, 1948 г. р., Марта Гилкова, 1949 г. р., пани Ангела, 1935 г. р., Катарина Трачицова, 1942 г. р., Марта Олшиакова, 1944 г. р. (образование 8 классов), Эмилия Оравникова, 1942 г. р., Анна Симанова, 1946 г. р., Йозеф Симан, 1942 г. р., Маргита Мартинцова, 1950 г. р., Павол Мартинец, 1948 г. р., Мария Малашикова, 1951 г. р. У всех, кроме М. Олшиаковой, начальное образование.

³ Авторы разделов «Календарные обычаи и обряды» и «Трудовые и юридические обычаи» в монографии «Гельпа» при их написании опирались на материалы полевых исследований Гельпы в 1998 г.

Еще одним способом гадания было бросание горшков (*hrnce metat'*) в двери дома, где жил неженатый парень. Девушки при этом произносили: “Ondreju, Ondreju, kopore ťi seju” [Андрей, Андрей, сею на тебя коноплю] и ждали, что им пожелают из дома: «Выйдешь замуж!» или «Переспшишь». Также трясли заборы, приговаривая: “Plot'e, plot'e trasiem ťa, svätý Ondrej, prosím ťa, daj mi tejto noci znat', s kým budem pred oltárom stát'” [Забор, забор, трясу тебя, святой Андрей, прошу тебя, дай мне этой ночью знать, с кем я буду перед алтарем стоять] [Heřpa: 200].

В дни св. Николая (6.12), Люции (13.12) и в Сочельник (24.12) запрещалось приходиться первой в дом женщине, чтобы в течение года не билась посуда. Поэтому рано утром по домам ходили мальчики или мужчины с благопожеланиями. С дня св. Люции начинались так называемые «ведьмарские» дни (*strigôňské dni*), когда временно зло становилось сильнее добра. Поэтому ради оберега натирали чесноком двери дома, двери хлева, чтобы ведьма не отобрала молоко у коровы. Если в доме творилось неладное, хозяин забивал в колоду гвоздь, ударяя каждый день по одному разу, веря, что ведьма обязательно придет под каким-нибудь предлогом [там же].

В день св. Люции (13.12) девушки снова гадали о замужестве: варили галушки из украденной муки, причем принести муку надо было молча – просто вбегали в чужой дом, брали муку и бежали обратно. Галушки замешивали на воде. Каждая девушка писала пять записок, на каждой из которой было имя парня, залепляла их в тесто и бросала в кипящую воду. Первую всплывшую галушку девушка вынимала и читала выпавшее имя, веря, что такое же имя будет у ее будущего мужа. Другой способ гадания о замужестве – каждый день от Люции до Рождества надкусывать яблоко, а по дороге на рождественскую мессу есть его. Увидев первого встречного, спросить его имя – такое же имя будет у будущего мужа.

На Люцию ставили в воду, которую приносили с речки во рту, веточку черешни: считали, что если она распухнет к Рождеству, то девушка выйдет замуж в этом году [Heřpa: 200].

Все 12 дней до Рождества изготавливали магические предметы: мастерили табуреточку и плели бич, с помощью которых на рождественской мессе можно было увидеть всех сельских ведьм [там же].

В день св. Люции по домам ходили женщины, завернутые в белые покрывала, с гусиным крылом в руках и молча обметали дома – «выметали все болезни из дома». Собеседницы уточняли, что это делалось раньше, при их матерях.

Верили, что для того, чтобы быть счастливым, надо в полночь нарисовать на перекрестке освященным на Крещение мелом круг, разложить костер

и сжечь в нем черного кота. Когда всё сгорит, останется одна косточка, которая приносит счастье. Ведьмы же ничего не могли сделать человеку, находящемуся в магическом круге, потому что не могли перейти через нарисованную мелом черту.

До сих пор сохранился обычай записывать, какая погода была 12 дней от Люции до Рождества – верили, что такими будут 12 месяцев наступающего года [Неґра: 200].

Сочельник (24.12) – *Vilija* или *Štedrý deň*. Мальчики с утра обходили село с благопожеланиями. Это мог быть и цыган, главное, чтобы первым в дом вошел мальчик или мужчина. Девушки ходили по селу и пели. Вечером молодежь собиралась в дом, где обычно проходили посиделки (*priatky* ‘супрядки’) – хозяйка пускала молодежь потанцевать и повеселиться, но в 11 ночи забава кончалась, надо было вымыть и вычистить всю комнату и успеть на службу в костел.

Вспоминали, что когда-то давно в каждом доме клали под стол сноп, обвязывали ножки стола цепью – чтобы семья держалась вместе. Хлеб – *pletenec* – круглый, сплетенный как коса, лежал под скатертью, пока не придет священник, туда же, под скатерть, клали чеснок и деньги. «Плетенец» полагалось освятить 3 раза (на Рождество, Новый год и Крещение). На стол ставили разные крупы, рис, орехи, фасоль. Если в семье кто-то умер в прошедшем году, для него ставили пустую тарелку, но это было не обязательно, чаще просто поминали его. От каждого рождественского кушанья немного отделяли и относили скоту. Ели рыбу (карпа), маковые и ореховые пироги. Рождественское деревце, елочка, называлось «полазничка» (*polaznička*), ее подвешивали к потолку над столом.

О рождественском полене, сжигаемом в очаге, неизвестно. Но был обычай: когда человек первый раз приходил с визитом в дом, хозяин давал ему полено, чтобы гость встал на него на колени и помолился – в качестве приветствия; потом гостю подносили чарку спиртного и хлеб-соль.

До ужина не подметали, чтобы не вымести из дома счастье. В порог хлева втыкали топор со словами: «Чтобы была болезнь скота зарублена» (*Žebi bula choroba na statok zarubana*). На праздничный стол клали: буханку хлеба, которая лежала до конца рождественских праздников – чтобы семья была вместе; чеснок, который оберегал от болезней и всего злого; деньги, которые должны были обеспечить достаток; а также зерно, мед, облатки и все кушанья, которые подавались в доме в течение года. Верили, что тот, кто первым отойдет от стола,

первым умрет, поэтому сначала из-за стола вставал самый старый член семьи. Еду с рождественского стола носили также скоту, натирали двери хлева чесноком ради оберега. Потом хозяин посылал девушку за дровами: если их будет парное количество, то девушка в течение года выйдет замуж. После рождественской мессы ходили с благопожеланиями (*vinšovat'*) цыгане, пастухи и молодежь [Heġpa: 201].

Рождество (25.12) и весь рождественский период называется Крачун (*Kračun*).

На Рождество мальчики ходили с благопожеланиями к крестным родителям. С утра совершали обходы также парни с «Вифлеемом» (*betlehemci*) и произносили благопожелания [Heġpa: 202].

На Новый год снова действовал запрет приходить в дом первой женщине, ибо это означало несчастье в течение всего года. Поэтому с раннего утра ходили по домам парни и мужчины с благопожеланиями. Не ели мяса птицы – чтобы счастье из дому «не улетело». С Нового года и до Крещения (*Tri krále*) по домам ходил священник с благопожеланиями (*po kol'ad'e*) и освящал дома [там же].

Сретение (2.02) – Громницы (*Hromnice*). Во время мессы освящали свечу, которая так и называлась – «громничная». Ее зажигали во время грома, бури, пожара – в качестве оберега, давали ее в руки умирающему или ставили рядом, если он уже не мог держать ее.

Верили, что только «громничная» свеча, освященная 12 раз (в течение 12 лет), будет светить во время трехдневной тьмы, которая должна прийти в последний год [Heġpa: 203].

Масленицу (*fašiangy*) праздновали весело – ходили из корчмы в корчму. Говорили: *Fašangy sú čortovo sviatky* [Масленица – это чертовы праздники]. Масленицу считали большим праздником и самым лучшим в году. Гуляли 3 дня, с воскресенья до вторника. В эти дни запрещалось прясть и шить – считалось, что это «безумные» дни (*šalené dni*); не делали ничего, только пили и ели. Село обходили ряженые, веселились, собирали сало. Известна, например, маска «Глупый Яно» – это женщина в мужской одежде, с кривой палкой и мешком за спиной, также была маска «Смерть», маски-травести, просто ряженые в вывороченных кожах. Молодежь в народных костюмах раньше ездил на телеге, теперь юноши и девушки обходят село пешком и собирают продукты (водку, сало, деньги, колбасу). Вечером устраивали угощение. В настоящее время сельсовет дает деньги на общее угощение, которое проходит на центральной

площади, где варят гуляш, жарят «шишки» (пончики). Во вторник «хоронили контрабас» (*pochovávala sa basa*). Оплакивали его, что не будет больше играть. Ряженный священником окуривал его кадиллом. Масленица заканчивалась Пепельной средой (*Popolná streda*), когда начинался пост. Священник рисовал прихожанам пеплом крестик на лбу в знак того, что человек из праха сотворен, в прах и обратится (*Prach si a na prach si obrátiš*). В соседнем селе Шумьяц мыли горшки от скоромной пищи и все 40 дней не ели мяса, а в Гельпе такой строгий пост не соблюдается.

На Масленице женщины пили «на высокий лен». Забавы сначала устраивались в доме, где проходили посиделки, потом переместились в корчму. Среди ряженных – Черт, Смерть, Соломенное чучело с вертелом. В Пепельную (*Popolcovú*) среду начинался пост, все горшки, в которых варили мясо, выносили на чердак [Heřpa: 203].

В Мареново, 4-е воскресенье (*Marejnová nedeľa*) или Смертное, 5-е воскресенье (*Smrtná nedeľa*) Великого поста ходили по селу с куклой Мареной, сделанной из соломы и одетой в старую одежду, с пением: *Morena, Morena, d'e tá zanesieme? Tam dolu u mlyna, tam ťa zahodíme...* [Морена, Морена, куда тебя занесем? Туда, к мельнице, там тебя выбросим...] Кукла символизировала уход зимы и приход весны. Зелень в село не вносили.

На Благовещенье (*Matky Božej*, 25.03) не работали, в костеле служили мессу. Это обязательный (*prikazany*) праздник⁴, «но не такой уж святой». Но в саду все же не работали.

В Вербное воскресенье (*Kvetná nedeľa*) священник освящал вербовые веточки – *bahnetky* – и раздавал их прихожанам. Их носили также на могилы близких. Хранили в течение года дома, а на следующий год старые ветки сжигали, новые приносили.

Освященные вербы служили оберегом перед пожаром, наводнением и другими стихийными бедствиями, их клали на окна против бури, носили на могилы, затыкали на поле при первом севе. Раньше в Вербное воскресенье выносили

---

⁴ «Приказные», т. е. назначенные церковью, праздники в Словакии: Непорочного Зачатия Девы Марии (8.12.), Рождество Иисуса Христа (25.12.), Девы Марии Богородицы (1.1.), Богоявление (6.1.), Пасха, Вознесение, праздник Божьего Тела и Крови, Свв. Петра и Павла (29.6.), Успение Богородицы (15.8.), Всех святых (1.11.), а также все воскресенья. В эти дни верующие должны участвовать в богослужении, избегать тяжелой работы, которая препятствует душевному и телесному отдыху и радости.

чучело Морены, символизировавшее конец зимы и приход весны. С чучелом танцевали, а потом с пением несли с холма Голый верх вниз через село на скалистый берег Грона, откуда бросали его в реку; вернувшись на Голый верх, устраивали там угощение [Heġra: 203].

В Чистый четверг (*Zelený štvrtok*) девушки ходили умыться на реку или источник, «пока птицы не начнут петь», просили воду смыть все грехи и неправедности. На звонницах костелов переставали звонить в колокола – объясняли это тем, что «это как бы Иисус умер» (*to Pan Ježiš jako zomreu*). Вместо колоколов верующих сзывали битьем в колотушки. Мальчики ходили по селу с маленькими трещотками [Heġra: 204].

Великая пятница (*Veľký piatok*) – самый грустный день года, даже орган не играл. Рано утром ходили купать в реке коней – для их здоровья и очищения. Люди тоже умывались, чтобы не болеть, особенно в источниках, где били ключи, говоря, что «обмываются раны Иисуса» (*Ježišovi sa rany zmyvajú*) [там же].

В Белую субботу (*Biela sobota*), т. е. субботу перед Пасхой, вновь начинали звонить колокола, в костеле освящали воду, которую люди брали домой и использовали в течение всего года. Мужчины, работавшие в лесу, также брали с собой эту воду, в лесу молились и стучали по деревяшке перед началом работы и после нее. Во время звона колоколов все бежали к ручью и к колодцам умыться, чтобы быть здоровыми и свежими весь год. Купали в реке коней и других животных, женщины кропили водой домашний скот. Вечером «сжигали Иуду» (*pálili Judáša*): на улице раскладывали костер, в котором сжигали прошлогоднюю вербу [Heġra: 204–205].

В пасхальное воскресенье после мессы ходили друг к другу в гости, дома был праздничный обед. Кушанья не освящали и не добавляли в них ни капли святой воды [Heġra: 205].

В пасхальный понедельник мужчины обливают женщин, мальчики – девочек. Объясняют традицию тем, что женщины, пришедшие ко гробу Христову, увидели, что его там нет, и стали разносить весть о его воскресении, а охранявшие гроб римские воины обливали их водой, разгоняли и били.

В понедельник было обливание (*oblievačka, kúpačka*): парни обливали девушек и женщин. Во вторник – стегание (*šibačka*): девушки стегали парней, которые приходили их обливать, младшие девочки стегали мальчиков [Heġra: 205].

Св. Юрий (24.04) в Гельпе отмечался только мужчинами – выпивкой в корчме. В соседнем селе Дольна Легота св. Юрий считался большим праздником.

С Юрьевым днем связывалось гадание: сколько дней до Юрия гремит гром, на столько дней позже придет весна. Также замечали, с какой стороны первый

раз загремит гром – по этому судили, будет ли следующий год счастливым или несчастным [Heġra: 206].

На св. Марка (25.04) раньше обходили с процессией поля и освящали озимые посевы. Во время молебна срывали стебелек жита и носили его целый год в молитвеннике, чтобы Бог благословил урожай.

Перед 1 мая жгли костры на Голом верхе (*Holý vrch*), за костелом. Молодежь носила туда колеса, шины, жгла их там и пела.

Крестовые дни (*Križové (prosebné) dni*) – три дня, понедельник, вторник и среда перед Вознесением Господним, во время которых ходили поочередно к большим крестам, поставленным в начале села, в верхнем конце села и на центральной площади. Во время этих дней запрещалось вываривать (кипятить) белье и стучать пестом для стирки, потому что «вроде как небеса открыты» (*že sú jako ňebesá otvorenie*) [Heġra: 206].

Вознесение (*Vstúpenie*) – 40-й день после Пасхи, Пятидесятница (*Turice*) – 50-й день после Пасхи. Через неделю после Туриц – праздник Святой Троицы (*Trojici*).

На Турице срубали в лесу и приносили в село «май» – березки или лиственницу. Большой (общий) «май» не ставили. Если парень испытывал серьезные чувства к девушке, то вбивал перед ее домом 2 «мая», красивой девушке ставили и 4 «мая», плохой девушке вообще не ставили деревца. Когда деревца высохнут, из них делали метлы – дорогу подметать.

Основной обычай – «вбивание маев» (*bitie májov*). В субботу вечером парни ехали на возу в лес, срубали около 30 березок и всю ночь «вбивали», устанавливали их перед домами своих девушек. При этом пели: *Stavaj d'ievko hore, bijeme ti maje, ke' hore ňestaŇeš, maje ňedostaŇeš* [Вставай, девушка, поднимайся, мы вбиваем тебе май, если не встанешь, май не получишь]. Деревце ставили также перед костелом. Через 3 дня деревья убирали, хозяйки резали из веток веники. Главного, центрального мая в Гельпе не ставили и не ставят [Heġra: 207].

На праздник Божьего Тела (четверг после Святой Троицы) ходила церковная процессия, и снова ставили «май» – по пути процессии, а также девушкам [там же].

На Яна (*na Jana*, 24.06) жгли костры (*svatojanské ohne*). Мальчики их перепрыгивали, показывали свое удалство, а девочки нет, боялись, чтобы юбка у них не сгорела. На Яна также собирали цветы и мыли травяным отваром волосы. В эту ночь, по поверьям, цвел папоротник, считалось, что тот, кто его найдет, будет счастливым.

В день Иоанна Крестителя (*Jána Krstiteľ'a*) ломали ореховые ветки и затыкали их в щели дома, вокруг окон – чтобы в дом не ударил гром. До Яна собирали лекарственные травы, которые в это время имели большую лечебную силу. До войны не было традиции возжигать костры на Яна, обычай появился перед войной и был заимствован из окрестных сел [Heľpa: 208].

Успение Девы Марии (*Panny Márie Nanebovzatie*, 15.08). В честь этого праздника освящен местный костел.

На Бартоломея (*Bartolomeja*, 24.08) если видели змею, убивали ее, мотивируя это тем, что «она кого-то укусила и теперь только просила смерти» (*ten dakoho uhrizou, ten už sa žiadau zabít*) [Heľpa: 208].

Праздник Всех святых и день Душичек (*Všech svätých, deň Dušičiek*, 1.11 и 2.11) – календарные поминальные дни.

Семейная обрядность. Родины

Беременную называли *samodruhá, v druhom stave, tehotná*. Ей нельзя танцевать, чтобы пуповина не обвилась вокруг шейки ребенка, нельзя смотреть на мертвеца, долго и пристально смотреть на собаку или кошку – иначе ребенок будет такой же. Если беременная испугается чего-нибудь и в это время дотронется до себя, у ребенка на этом же месте будет родимое пятно. Если украдет что-нибудь – это тоже отразится на ребенке. В селе живет человек с красным родимым пятном на лице – говорят, это потому, что его отец ударил мать, когда она была беременна, и пятно это похоже на след от руки. Беременной запрещалось смотреть на пожар (иначе ребенок родится с красным пятном на лице), на покойника, на больных детей, детей с изуродованными лицами, потому что ребенок будет иметь те же уродства. Если кто-нибудь пристально засмотрится на беременную, то может «отобрать» ребенка, может произойти выкидыш, потому что это недобрый взгляд. Если беременная сама хотела выкинуть ребенка, это называлось *dieťa odbardiť*.

Беременной (*samodruhá, v druhom stave, v tiaži*) запрещалось смотреть на людей с уродствами (чтобы этих изъянов не было у ребенка), на покойника (чтобы ребенок не был бледным), на больных. Если беременную ударят по лицу, у ребенка на том же месте будет пятно; чтобы избежать этого, женщине рекомендовали заложить большой палец за пояс. Беременная не должна есть рыбу, иначе ребенок будет сопливым и будет плохо пахнуть. Чтобы дети были красивые, ей следовало есть орехи. Выкидыш называли *odišlo jej* (отошло у нее) о спровоцированном выкидыше говорили – *odohnala* (отогнала), о родах – *z'ahla* (слегла, родила) [Heľpa: 187].

После родов роженица (*post'elkyňa, z'lahla, šestonediel'ka*) лежала за занавеской в углу (*bola zaplachtena v kúte*). Кума носила ей целую неделю угощение, роженица сама не готовила. В первый день приносили ей в угол (*za plachtu*) водку (*pálenku*) и сухие рожки с маком, на второй день – суп, отбивные, цыпленка – каждый день разную еду: куриный бульон, лапшу, пироги, блинчики, молоко, и, конечно, всегда была водка, что послужило основой для шуточного выражения: *Z'lahla, opila sa, spadla* [Родила, напилась, упала]. До церковного очищения (*vádzka*), во время которого роженица со свечой обходила алтарь, ей запрещалось выходить ночью из дома, а в течение дня – за пределы двора.

Баба-повитуха (*baba, čo chodila babit', pôrodná baba*) приносила полотно, которым отгораживали постель роженицы и ребенка от остального пространства избы. В углы этой занавески завязывали узелки с чесноком для охраны от сглаза, ведьм и всего «злого». В середине занавески ткань была более редкой – чтобы роженица могла видеть, что делается в комнате. До крещения ребенка (обычно в первое воскресенье после рождения) и церковного очищения – *vacki* (во вторник или четверг после крещения ребенка) роженица не могла покидать дом, так как над ней имели власть полудницы, она могла бы заблудиться [HeĽpa: 188].

Девушка, родившая до замужества, называлась *prespanka, kurva*, а ее незаконнорожденный ребенок – *najdúch, kopl'*. Если такая девушка-мать выходила замуж, то шла к венцу без венка или уже в чепце.

Незамужняя мать на церковное очищение не ходила. Встреча на улице с такой женщиной считалась обычно несчастьем, говорили, что в работе не будет везти, так что предпочитали вернуться домой. Внебрачный ребенок, в отличие от матери, считался счастливым [HeĽpa: 188–189].

Ребенок, родившийся «в рубашке» («в чепчике, в шапке» – *v čerčeku, v čerpi, v čiarke*) – считался счастливым. Эту пленку потом снимали с головы и высушивали, а когда ребенок шел в школу, давали ему с собой на счастье. «Чепец» носили и на крещение, старались «покрестить» его 9 раз (подкладывали тайком и чужому ребенку в одеяльце). Когда ребенок родился, не говорили, что он родился «в рубашке», но если кто-то был счастливым, то говорили: «Да, он родился в рубашке».

Также счастливым считался ребенок, который родился с зубом.

Тот, кто первым заметил этот зуб, не должен был об этом говорить вслух, иначе это означало бы для ребенка, наоборот, смерть [HeĽpa: 189].

Счастье ожидало и того, кто родился в воскресенье. Но если ребенок родится в воскресенье во время звона колоколов, призывающих на службу, он не будет таким счастливым. Несчастливым считался ребенок, рожденный, прежде всего, в пятницу; называли и другие «несчастливые» для рождения дни: четверг, субботу, вторник. Но в целом верили в судьбу: «кто счастливый, тот и будет счастливым».

Детское место называлось «постелькой» (*postielka*), его надо было закопать в землю. На вопрос, откуда появляются дети, отвечали, что аист принес (*Bo-cian priniesol diťa*).

Празднование крещения – это «радостник» (*radostnik*). Его отмечали широко и торжественно, если родился мальчик. Отец очень радовался первому сыну. А если рождалась девочка, то просто говорили, что родился ребенок (*Dievča bolo dieťa*. «Čo máte?» – «Majú dieťa», ale «Joj, majú chlapca!» *To bolo hrdo*). Раньше крестных выбирали по социальному статусу и положению: кто богатый, с тем и кумились независимо от того, нравился ли он матери ребенка или нет. Они на всю жизнь потом были связаны. Кумовья друг другу «выкали» и «оникали» (говорили друг другу «вы», друг о друге – «они»).

Придя с окрещенным ребенком из костела, говорили: «Вы дали нам язычника, мы принесли вам христианина» (*Dali ste nám pohanča, doniesli sme kresťanča*). Клади подушку на пол (или на стол), сверху – красное полотенце, на него – ребенка, и крестная мать говорила: «Кто больше любит ребенка, пусть его заберет». Кто был ловчее, отец или мать, тот и брал его на руки. Кумовья давали роженице деньги (клали в одеяльце ребенку), приносили одежду для ребенка, иногда и коляску покупали.

В день перед крещением кума и еще одна женщина приносили приданое – вещи для ребенка (*rucho*), в день крещения – миску с крупой или рисом (7–9 кг), по краям которой было уложено 21 яйцо – непарное количество, чтобы ребенок был счастливым, а сверху – копченый сыр (*oštepok*), под который клали деньги; также приносили кувшин вина и кувшин водки. Кума несла ребенка в костел, при этом следили, чтобы она вошла с некрещеным ребенком, язычником (*pohančatom*), через сакристию (ризницу), а не через костел, «иначе он будет ведьмаком» (*lebo bude z ňeho striga*). На крестины ходил звать гостей сам отец, гости приносили с собой угощение – кто что мог (пироги, ветчину, водку, курицу); бабу-повитуху сажали на почетное место, ее задачей было веселить гостей [Неґра: 189–190].

Если в семье умирали (не держались) дети, то окрещенного ребенка передавали через окно, чтобы он был более счастливым. Также меняли ребенку крестных. Не давали то же имя, которое было у умершего ребенка.

Мать кормила ребенка грудью долго, даже тогда, когда он начинал ходить. Нередко и трехлетний ребенок подсаживался со стульчиком к матери и сосал грудь. Чтобы отучить его от груди, мать посыпала ее перцем, приправами, прикрепляла на грудь щетку. Но если уж раз отлучили от груди, больше не прикармливали.

Не стирали на реке и не били пестом пеленки девочки столько дней, сколько лет не хотели, чтобы у нее была менструация [Heľpa: 190].

Отмечали «первый зуб» ребенка (*prvý zub*). Кто первым его заметит, должен дать денег – на счастье. А после года стригли волосики – чтобы они росли длинными и густыми, но уже не отмечали.

Свадьба

Молодые люди присматривались друг к другу на посиделках, на забавах, которые бывали по воскресеньям. Если парень и девушка нравились друг другу, семьи договаривались о свадьбе. Но они должны были быть одного социального уровня. Говорили, «лен со льном, а конопля с коноплей» (*ľan s ľanom a konopä s konopiami*). Свататься (*na pytačky*) приходил кто-либо из семьи, говоря: «Мы пришли к вам, потому что у вас есть яловица на продажу». Отвечали: «Действительно есть, и такая красивая. А у вас что?» – «У нас хозяйство, так нам бы ваша яловица очень пригодилась» и т. п. Те, что были победнее, приходили просить «гуску». Когда родители были согласны поженить детей, начинали договариваться о свадьбе, записывали в костеле «оглашение» (*ohlášky*). Девушку о согласии не спрашивали. Когда она уже считалась невестой, она должна была ходить к свекрови мыть и чистить щеткой деревянные полы – чтобы показать, какая она работница, потому что ленивую невестку никто не хотел. А будущая свекровь пекла для угощения сдобный пирог, кекс, который тогда был редким лакомством.

На «оглашение» (трижды – в течение 3 недель) ходили сначала в белом, потом в красном, последний раз в черном. «Оглашение» есть до сих пор, но в костел уже не ходят в народном костюме.

В чужие села девиц выдавали редко, потому что это означало, что в своем селе девушка никому не нужна. Это был большой стыд [Heľpa: 192].

Другой формой сватовства были «оглядины» (*vohlady*), перед которыми женщины из родни парня выясняли у родителей девушки, не пойдет ли она за их жениха. После предварительного согласия следовала помолвка, или *robeňie istoti*. Практиковалось также сватанье невесты ее родственницами (замужней сестрой, теткой или другими свахами) – *nikačky* (букв. ‘предложение’). Если они

получали согласие со стороны жениховой семьи, молодые люди встречались на рукобитье (*rukovinách*) [Неґра: 192].

О приданом договаривались при обручении или уже между «оглашениями». Если парень шел в семью невесты (*za prístavka, priženil sa do nevestinej rodiny*), то он тоже получал что-то в качестве приданого (одежду, постель, скот, деньги) [Неґра: 192].

В предсвадебную неделю к невесте приходили дружки, крестная, другие женщины (только не вдовы, иначе это сулило несчастье), приносили перья, клали деньги в перины. В субботу снова сходились женщины «к приданому» (*gu ruchu*) [Неґра: 193].

Жених (*mladý ziat'*) и невеста (*mladucha*) звали своих друзей, которые были «дружками» на свадьбе (*družka* (f), *družba* (m)). Кумом на свадьбе был крестный отец девушки или парня.

«Старейшим» был крестный отец жениха, «старейшей», или первой дружкой, была дочь жениховой крестной матери или сестра жениха. Дружком был сын невестиной крестной или невестин брат. Дружки носили на шляпах перья, у остальных участников свадьбы на одежде были прикреплены веточки пихты или мирта [Неґра: 192–193].

После второго оглашения молодые и дружки ходили звать на свадьбу: «Такие-то просили вас позвать, чтобы вы пришли на свадьбу». На свадебный пир каждая хозяйка пекла и приносила с собой в корзинке пироги и булочки. Их на свадьбе было много разных видов.

В субботу перевозили приданое (*rucho sa vozilo*), было очень красиво, шумно и весело. Молодежь приезжала к невесте «за перинами» на конях. Перины и подушки охраняли пожилые женщины, которые били парней, дружков, по рукам мутовками, поварешками, говоря, что за приданое надо заплатить. Начиналась шуточная потасовка – пока жених не давал денег. Тогда одни начинали переносить постель на повозку, а другие тащили вещи обратно. Но сначала на повозку ставили сундук с одеждой молодой, его накрывали красивым покрывалом, а сверху уже клали перины. Кони были украшены цветами и белыми платками. На телеге было и деревце, елочка, украшенное бумажными бантиками, лентами. В доме с ним еще танцевали, а потом выбрасывали.

Приданое было сложено в кладовой, там же сидела женщина и пряла. Когда парни-дружки приходили за перинами, она жаловалась, что ей много пришлось поработать, и требовала заплатить. Дружки пытались украсть постель, а жених потом их выкупал. Когда приданое было погружено на повозку, где уже стояла невеста, дружки и крестная с выпечкой и свадебным деревцем, мать невесты

трижды обходила повозку и кропила ее святой водой. За нею шел жених и шелкал бичом [Heřpa: 194].

При перевозке приданого ведьмы могли наколдовать (*čarovat*) молодым, перебросив что-нибудь через воз. Тогда молодые плохо жили вместе. Иногда вредоносный предмет клали на дорогу, так что кони вставали, не могли двинуться дальше или, наоборот, могли понести. Ведьмы делали это украдкой, чтобы никто не видел, что они клали и когда.

Перед входом в дом жениха невесту спрашивали: *Ľvesto, ňvesto, čo si nam prišesla?* [Невеста, невеста, что ты нам принесла?]. Она отвечала: *Šťesťa, zdravia, hojného boskoho požehnaŕia* [Счастье, здоровье и много Божьего благословения].

Вечером накануне венчания у невесты собирались дружки (девушки и парни), приносили угощение, устраивали забаву и игры, здесь же все вместе и ночевали на соломе, постеленной на полу.

В день венчания, в воскресенье, невесту одевали, убирали, посадив на ведро с водой, на которое клали пест для стирки белья, после одевания быстро выбегали вылить воду из ведра, чтобы у молодой были легкие роды. За невестой приходил жених. И жених, и невеста прощались с родными перед отходом из дома. По воспоминаниям стариков, раньше на венчание ходили в кожухах независимо от того, было ли холодно или тепло. В костеле перед алтарем невеста должна была первой наступить на ногу жениху, чтобы во всем иметь верх над ним. Если во время венчания гасла свеча, это означало, что либо жених, либо невеста в скором времени умрет. При выходе из костела молодых осыпали деньгами – чтобы они были богаты. Свадебная процессия двигалась в дом невесты, где было приготовлено угощение. Перед отъездом к жениху невеста снова просила прощения у родителей, благодарила их за воспитание [Heřpa: 193–194].

При входе в дом свадебные гости отламывали себе по кусочку свадебного хлеба. Это был круглый белый пирог (*pletenec*), гладкий, без украшений, с медом и изюмом. Пирогом угощали женщины (не вдовы), чтобы молодые были счастливы. В течение свадьбы невесту не крали, не подменивали. К полуночи вся свадьба со свечами переходила в дом жениха, где невеста «летала» (*lietala*), т. е. ходила по лавкам, трижды обходя стол, а потом танцевала первый танец со свекром.

В доме жениха невеста принимала от свекрови свадебный пирог – *pletenec*, который старейший вешал на гвоздь, вбитый в потолочную балку. После полуночи снимали венец (*parta*) с головы невесты: ее сажали посреди комнаты, старший дружку трижды спрашивал, может ли он снять венец или он должен будет ей голову снять. Снятый ножом венец также вешали на потолочной балке на

нож, заткнутый рядом с пирогом. Следовало расплетание косы невесты и проводы молодых на брачное ложе. Старики вспоминали, что в давние времена невеста должна была первую ночь спать с дружкой [Heġpa: 194–195].

Молодые спали либо в кладовой, либо в передней комнате, в зависимости от величины дома жениха. Когда-то дружка и дружка оставались с молодыми на ночь, сторожили молодых. Честность невесты не проверяли.

На следующий день, в понедельник, собирались у молодой, рядились, забавлялись, ходили по селу – шли завивать невесту (*že idú čepčit tú mladuchu*). Надевали чепец в доме у жениха. Молодую сажали на ведро воды, на которое клали пест, мужские штаны (*chološne*), под ведро молодой клал для своей жены деньги.

Завивала невесту (*zavijanie, čepčenie nevesty*) крестная мать, которая дарила ей чепец. Часто при завивании невесту подменяли другими женщинами, более старыми, спрашивая у жениха, нравится ли ему молодая и хочет ли он такую жену? Наконец приводили настоящую невесту, и молодые исполняли танец [Heġpa: 195].

После окончания обряда молодая шла со свекровью «сеять жито» (или овес) на навозную кучу – ради хорошего урожая: свекровь сеяла, невеста поливала. Затем молодой на коне привозил родителей невесты.

Теща приносила подарки, чтобы невеста одарила ими новую семью [Heġpa: 195].

После этого опять ставили угощение, танцевали. Когда-то у молодой было полотенце, на которое ей давали деньги, когда она танцевала «танец с платком» (*šatkovú tanec*).

Во время «танца с платком» гости бросали деньги в платок невесты, а она угощала их пирогами. В это время рядились, играли в игры: «подковывали» женщин и «брили» мужчин щепками. Раньше свадьба продолжалась три дня. В последние десятилетия исполняется лишь малая часть из описанных обрядов и обычаев, которые к тому же изменились и по форме, и по содержанию. Венчание перенесено с воскресенья на субботу, свадьба длится один день и обычно проводится в ресторане [Heġpa: 195].

Похороны

Когда человек тяжело умирает, ему ничем не можешь, оставляли всё, как есть. Верили, что в момент агонии (*ked' koná*) человек видит тех родственни-

ков, которые умерли до него: он обнимает, гладит или отгоняет кого-то, кого обычные люди не видят. При покойнике молятся, поют духовные песни, зажигают свечу.

При умирающем нельзя громко плакать и причитать, чтобы он не опечалился, покидая этот свет, и чтобы его душа не возвращалась. После смерти закрывали зеркало черным платком («чтобы не показывался» – в связи с представлением о том, что, если умерший увидит себя в зеркале, его душа будет возвращаться), останавливали часы («его время остановилось»). Если у покойного оставался открытым один глаз, считалось, что в скором времени кто-нибудь за ним последует [Heřpa: 196].

Под гроб ставили воду, оставшуюся после варки яиц. Домашние шли ночевать к соседям, около тела оставались 1–2 человека молиться. Душа усопшего находится на земле три дня, пока его не похоронят, но ее нельзя увидеть. Потом душа идет либо в чистилище, либо в ад – куда заслужит (*Duša ide do očistci albo do pekla – kam zaslúži*).

Через покойного можно было передать привет ранее умершим или отправить их вещи на «тот» свет: одна женщина положила в гроб палочку, которую забыла положить в гроб умершему мужу, другая – обручальное кольцо матери. В гроб бросали иголку, которой шили вещи для похорон, ее нельзя было оставлять в доме. Гроб выстилали полотном, покойника одевали в новую одежду, сверху его не накрывали. Над мертвым плакали (*vykladali*), например: *Jož, čo si ma nechal opustenú, čo ja budem robiť...* [Ой, что ж ты меня оставил одну-единешеньку, что же я буду делать...]. Раньше громко плакали, теперь потихоньку. В других местах Словакии были плакальщицы (*plačky*), которых нанимали за плату, и они оплакивали покойного 3 дня.

После обряжения покойника (*nebožtik*) подметали и убирали дом. Пока тело лежало в доме, запрещалось подметать и готовить пищу. Воду после обмывания тела выливали на то место, где никто не ходит, или на навозную кучу. О смерти кого-либо из сельчан сообщал звон колокола: два удара – умерла женщина, три удара – мужчина. По ребенку звонили маленьким колоколом, который назывался *umieračik*. Чтобы не бояться покойника, советовали взять его за руку и сказать: «Прощай, дедко, прощай!» (*Zbohom, d'edko, zbohom*). Пока покойник был в доме и в ночь после похорон в доме всегда горели свечи или лампы [Heřpa: 196–197].

Самоубийц хоронили на кладбище, но у ограды, с краю, священник их не отпевал, похороны были очень скромные. Потом всю семью осуждали, называ-

ли висельниками. Известно выражение, что земля не принимает таких покойников, но их всё же хоронили.

Если умирал парень или девушка, то похороны устраивали как свадьбу (*ako keby bola svadba, ako sobáš*) – девушке надевали белую одежду, как невесте, парню украшали шляпу пером, звали музыкантов и устраивали всё так, как на свадьбе. Клади яблоко (в гроб ?), делали венок, на подносе несли красный платок, пели песни. Гроб несли молодые люди в народных костюмах.

Гроб молодой девушки несли шесть парней, одетых как дружки на свадьбе, а во главе процессии шел «жених», который нес подушечку, на которой лежала сломанная свеча. Гроб умершего молодого парня несли шесть девушек-«дружек», а во главе шла «невеста», которая несла тарелочку, покрытую красным платком, с веночком, зеленой веточкой и яблоком. На похоронах молодых людей играла музыка, исполнялись танцевальные мелодии, например чардаш как свадебный танец [Heřpa: 198].

Когда умирал ребенок до крещения, то его, по крайней мере, кропили «святой» водой и осеяли крестом – вместо крещения – считалось, что ему этого хватало. Давали ему имя. Хоронили во время вечерней молитвы, на краю кладбища; иногда хоронили на могилах предков, сверху, в неглубокой яме. Считалось, что ребенок уже крещеный. Сейчас и в роддоме медсестры, если видят, что ребенок плох, то перекрещивают его и дают ему имя.

Выносили гроб из дома дети крестных (*krstňatá*), мужчины – женщину, женщины – мужчину. И на каждом пороге трижды касались гробом пола.

Во дворе церковный певчий от имени усопшего прощался с семьей и присутствующими, что называлось «благодарением» (*pod'akovanka*) и «прощанием» (*odberanka*)⁵ [Heřpa: 198].

Хоронили умершего головой на юг, ногами на север. Пока выкопанная для гроба яма не была засыпана, в селе не должна была справляться свадьба, иначе это сулило бы несчастное супружество. Хоронили на третий день после смерти, до полудня (в настоящее время хоронят после полудня, с 13 до 15 часов) [Heřpa: 197]. С кладбища шли на поминки (*kar*), за столом оставляли свободное место для покойника. Остатки еды раздавали нищим у костела. Верили, что на третий день после похорон душа умершего приходила прощаться. На 30-й день после погребения местный священник служил мессу по покойному [Heřpa: 198].

---

⁵ Действия и термины, аналогичные свадебному прощанию невесты при отходе из родного дома.

Одежду, в которой человек умер, сжигали. Поминки (*kar*) устраивали сразу после похорон (*už keď ho pochranili*), дома, подавали хлеб, сосиски, колбаски и жарили сладкие, посыпанные сахаром булочки – «шишки» (*šišky*). Водку пили все из одной рюмки. Следующие поминки устраивали на 30-й день, когда заказывали мессу, ходили помолиться на могилу, и на год – *výročná*. Траур по мужу носили два года, по другим членам семьи – год.

Траур (*smútok*) по покойному соблюдали год или два: «по отцу – девять месяцев, по свекру – полгода, по мужу – год». Человек в трауре должен был избегать веселья, танцев. Но приглашение на свадьбу во время траура не должно было отклоняться, с условием, что человек не будет участвовать в играх и забавах. Женщина в таком случае надевала вместо чепца, вышитого красным узором, чепец, вышитый белым [Heřpa: 199].

Мифология и демонология

О ходячих покойниках. Если снился умерший, значит, он не успокоился на том свете. Тогда ходили в костел, заказывали мессу, молились. Если это не помогло, надо было сказать: «Ты ушел, оставил меня тут, а теперь уходи туда, куда хотел идти, а меня оставь в покое», – и покойник больше не приходил. Говорили: «Это пока не было бирмования⁶, всякое могло показаться, всякие духи». Одна женщина шла ночью и встретила умершую соседку. «Когда встречаешь такое, нельзя с ним заговаривать, откликаться»⁷.

Умерший мог «возвращаться», если он остался кому-нибудь должен или кто-то был должен ему, если кто-то не простил ему провинности; умершая мать ходила ночью кормить грудью своего ребенка, умерший отец приходил такого ребенка хотя бы покачать [Nohrehronie: 331]. К опасным ходячим покойникам относятся ведьмы и ведьмаки, а также люди с двумя сердцами и моры, которые при жизни могли быть нормальными людьми и только после смерти становились демонами [Nohrehronie: 332].

Рассказывали быличку: четверо парней шли поздно вечером домой и решили попроситься по дороге на ночлег. Увидели мужчину и спросили его, не знает ли он, где можно переночевать. Тот ответил, что неподалеку живет одинокая женщина, она пустит. Молодые люди пришли, попросились ночевать, она пу-

⁶ У католиков *birmovanie* – обряд миропомазания, совершался над подростками 14–15 лет.

⁷ Несмотря на существующее миропомазание, обе информантки рассказали, что видели таких покойников.

стила, но предупредила: «Не знаю, сможете ли вы выдержать тут, я сама тут не сплю – хозяин мой умер, так ночью ходит пугать». Парни подумали, что делать нечего, вчетвером как-нибудь выдержат. Перед полуночью кто-то постучался в дверь – пришел тот же мужчина, что указал дом, с бритвой в руках и предложил: «Давайте буду вас брить». Боялись они, но один оказался смелый. Сел на стул, мужчина его побрил, и парень поблагодарил: *Ta, Pan Boh zaplat'* [Ну, пусть тебе Бог заплатит!]. «Ну, спасибо, – отвечал мужик, – а то я уже год хожу, чтобы мне сказали *Pan Boh zaplat'*». Оказалось, что это наказание для него было такое. Утром пришла хозяйка, и гости ей сказали, что они избавили ее от мучений, это муж ее ходил, чтобы ему сказали: «Пусть тебе Бог заплатит!»

Была распространена вера в возвращение душ умерших (*revenanti*). Как правило, «ходячими» становились покойники, которым забыли положить в гроб любимый предмет, или те, кто умер неестественной смертью (самоубийцы, мертворожденные дети, убитые), а также роженица, умершая до церковного очищения, невеста, умершая до свадьбы [Heġra: 199].

Люди с двумя сердцами. По рассказам информантов, в селе была женщина по фамилии Супкова, у нее якобы было два сердца, люди ее забросали камнями, выгнали в поле и там сожгли заживо. Она делала плохое людям, по всеобщему мнению, она была ведьмой, колдовала. Говорили, что у нее два сердца, потому, что из огня потом выскочили два кошки.

Помимо возвращающихся невидимых душ (которых можно было увидеть только во сне или определить присутствие умершей матери по тому, что качается колыбель новорожденного), к «ходячим» покойникам можно также отнести и «людей с двумя сердцами» (*ludia s dvomi srdciam*). В быличке рассказывается, что один такой покойник ходил в корчму выпить. Раз хозяин корчмы сказал его сыновьям, чтобы они заплатили долг за отца, на что те отвечали, что отец уже давно умер. Корчмарь пригласил их прийти вечером и убедиться самим. Действительно, вечером пришел отец, взял бутылку водки и пошел прочь. Его выкопали и, говорят, у него было два сердца [Heġra: 199].

Верят, что, когда умирает человек с двумя сердцами, одно сердце у него остается живым либо он долго мучается перед смертью, не может умереть.

Ведьмы и ведьмаки тяжело умирали, их агония сопровождалась вихрем, бурей, метелью. Если им не удавалось передать другому свои способности, они после смерти ходили пугать живых. Оберегом от них служили освященные предметы. Особенно опасными считались ведьмы и ведьмаки с двумя сердцами:

во время их смерти переставало биться одно сердце, а второе продолжало работать. Единственной защитой от них было сжечь труп [Horehronic: 330].

Вампиры. Известно только слово упырь (*upír*) из сказок и книжных рассказов. *Upiri bo boli čo pili krv. Tito upiri chodili po zámkoch* [Упыри – это те, что пили кровь. Эти упыри по замкам ходили].

О **волколаках** представления расплывчаты. Рассказывали, что когда у учителя застрелилась жена, то страшный волк убежал вверх по дороге, к кладбищу. Считали, что это застрелившаяся женщина превратилась в волка и убежала в лес.

Ведьма (*striga, bosorka*). Женщина, которая имела особую силу и способности. Были такие ведьмы, которые постоянно носили завязанную на пальце нитку, как кольцо, – так они поддерживали свою силу. Ведьма и выглядела особенно: у нее было черное лицо, темная кожа, черные глаза, которые могли сглазить. Ведьма не могла умереть, пока кто-нибудь не подаст ей руку. Этот человек после ее смерти наследовал ее способности. Он мог и не знать об этом, колдовство как бы переносилось на него, и он мог потом колдовать (*čarovat*).

Ведьмы ходили отбирать молоко. Оберегами от них служили соль и чеснок, которые клали под порог, а также святая вода. Чесноком также мазали двери. Верили, что ведьма не войдет в круг, очерченный мелом, освященным на Крещение (*trojkráľová krieda*). Ведьму можно распознать, пригласив ее: «Приди одолжить соли» (*Príd' si požičať soli*) – и женщина-ведьма действительно приходила утром.

Ведьмы чаще всего оборачивались кошками. Рассказывали быличку, как однажды отрубили лапку пойманной в хлеву кошке, а наутро соседка пришла домой с отрезанными пальцами на руке. В другой быличке хозяйка, у коровы которой пропадало молоко, ночью покалечила вилами в хлеве кошку, а утром жена органиста вернулась домой вся в ранах, и все уже знали, что она и есть ведьма.

Молоко отбирали с помощью ворожбы (*počarila, čáry-máry to boli*), при этом произносили: «Беру прибыль, но не всю» (*Berem požitok, ale nie šitok*). Рассказывали также быличку о том, как ведьмы ходили по лугу и тащили за собой полотно. Проходивший мимо человек увидел, как они колдуют, и тоже взял вожжи и стал ходить, приговаривая то же, что и они. Потом пришел домой, повесил вожжи на стену, и с них потекло молоко. Снова повторили, что всякое ведьмарство делалось, пока не начал практиковаться церковный обряд бирмования. После этого подобные случаи исчезли.

Ведьм можно было распознать, например, на Рождество: во время мессы их можно было увидеть танцующими за алтарем, если смотреть на них через дырку в табуреточке, сделанной без единого гвоздя в период от дня св. Люции до Сочельника. Чтобы остаться в живых, смельчак должен был убежать из костела до окончания службы и по дороге домой сыпать за собой мак – тогда ведьмы будут собирать мак и не догонят его (или: поскользнутся на маке). В противном случае ведьмы растерзали бы любопытного.

Распознать ведьм можно было на рождественской мессе в костеле, если принесешь с собой магический предмет, сделанный в течение 13 дней от дня св. Люции до Рождества (табуреточка, изготовленная без единого гвоздя, кнут, лепешка, огрызок яблока, которое ели в эти дни, и др.). Однако надо было уйти из костела раньше других и сыпать за собой мак – тогда ведьмы не догонят, потому что они должны будут собрать все маковые зернышки [Norehronie: 330].

Ведьмой (*striga*) или ведьмаком (*strigõñ*) называли человека, который вредил умышленно. Ведьмы были «врожденные» (если ребенок родился с зубом или с двумя сердцами) или обученные (учились у другой ведьмы либо перенимали колдовство, подав умирающей ведьме руку). Ведьмы и ведьмаки отбирали у коров молоко и вредили другими способами. Когда коровы шли на выгон, ведьмы собирали перед ними на лугу росу, говоря: «Беру прибыль, но не всю», так отбирали часть молока для себя. Также ведьмы колдовали в день Святого Духа, Божьего Тела и в другие дни, особенно если коровы, идя на пастбище, переходили через воду. Если ведьме удавалось получить молоко от чужой коровы, особенно если оно было после захода солнца перенесено через воду, или если корова недавно отелилась, то она могла испортить молоко, так что оно было с кровью, кислым, с запахом, тягучим и под. Чтобы избавиться от этого, молоко сбивали, стегали прутом, переливали через гвозди, лили на раскаленный предмет – тогда ведьма ощущала это как телесные мучения и под любым предлогом приходила в дом, где навредила [Norehronie: 328]. Из опасения перед ведьмами не давали из дома молока после захода солнца и женщине, которая живет на другой стороне реки. Если ей не могли отказать, то следовало хотя бы посолить молоко, веря, что тогда его нельзя будет использовать для ворожбы. Оберегом для молока служило также процеживание его через крапиву [Norehronie: 329].

Чтобы вернуть коровам молоко (исправить порчу – *odroboti*), надо было собрать травы (чистец, золототысячник), их отваром омыть вымя корове и вылить воду в водоворот. Человек, совершавший эти действия, не должен находиться один в хлеву, чтобы ему не стало плохо (*aby neprišlo zlò*). Когда исправляли порчу, ведьмаки приходили попросить колovorот или соль. Также против сглаза раскаляли конскую подкову, клали ее на порог хлева и лили на нее молоко. Помогало также окуривание скота по направлению от хвоста к рогам, по кругу [Heґра: 220].

Ведьмы могли вредить и другими способами. Например, считалось, что прячение в день св. Люции призывает ведьм. Из того, что пряжа в этот день напряла, ведьмы плели веревку и ею во время сна заводили женщину в воду и топили ее там. Широко известна быличка о Люции-ведьме, которую обманула хитрая пряжа [Norehronic: 330].

Мора (*mora*). Рассказывали также о морах, которые душили ночью детей в колыбели, иногда наваливались во сне на грудь и взрослым, не давая дышать. Мора – это та же ведьма. Она приходила в дом, где есть новорожденный. Проникала внутрь через замочную скважину, выворачивая кишки наружу, чтобы пролезть, и сосала ребенка в колыбели. Наутро грудь у ребенка была вспухшая, ее натирали чесноком, а чтобы мора не пришла в следующий раз, в замочную скважину вставляли нож или ножницы – чтобы проткнуть мору.

Морой мог стать ребенок, которого дважды отлучали от груди [Heřpa: 198].

Моры представляли особую категорию ведьм (чаще всего женщины, но бывали и мужчины). Морой можно было родиться или стать ею, если мать дважды отлучала ребенка от груди. Ведьмами-морами становились и старые девы, еще при жизни или после смерти, а также умершая до очищения роженица. Мора проникала в комнату через замочную скважину, для этого она перед дверью выворачивала свои внутренности и оставляла их на полу. Если их испачкать, смешать с половой, она не сможет их использовать и умрет. В доме мора наваливалась на спящего, обычно противоположного ей пола, и давила, морила, сосала грудь, так что наутро соски были твердые и воспаленные, некоторые моры высасывали у женщин молоко или сосали кровь. Чаще всего мора ходила в ночь с пятницы на субботу. Чтобы ей воспрепятствовать, надо было воткнуть в замочную скважину нож и сказать: «Приди завтра утром одолжить соли» – и мора должна была прийти – ее можно было узнать по черным губам или какому-нибудь другому знаку на лице или на руке. Для защиты от моры натирали грудь чесноком, втыкали в замочную скважину иголки, ножницы, кропили святой водой, клали на больного мучной мешок. Если распознать мору, она перестает ходить [Norehronic: 331].

Была в селе одна женщина по прозвищу Спишка (так ее звали, потому что она была из Восточной Словакии, из области Спиш), про которую говорили, что она была и ведьма, и мора одновременно. Она не могла умереть (*ani neskonala*) до тех пор, пока не передала свое колдовство (*strigôňstvo*) другому члену семьи. И этот порядок сохраняется до сих пор в той семье: когда кто-нибудь умирает, тот, кто подаст ему руку, перенимает колдовство. Эти люди применяют свои колдовские способности в делах, например однажды выиграли в суде несправедливое дело, положив метлу в печную трубу.

Вила (*vila*). На вопрос, что это за персонаж, рассказывали о *полуднице* (*poludnica*), которой пугали детей. Само слово *вила* известно только по сказкам. «Я столько ходила по лесам, по горам, никогда не видела ни полудницу, ни вилу. Я всегда шла и пела. Не знаю, может, разбегались все», – комментирует Катарина Трачикова. Вообще действительно, когда шли куда-нибудь, старались громко петь и кричать, чтобы все и вся разбежалось. А для защиты от нечистой силы всегда носили с собой святую воду или крестик, вера в охраняющую силу которых сильна.

Полудницей становилась роженица, которая умерла до церковного очищения. Тогда заказывали мессу, молились за нее. Такая мать после смерти ходила качать ребенка, если ребенок оставался жив. «Кормить не кормила, а сколько раз замечали, что колыбель качается, когда мать умрет – говорили, что это она приходит ребенка покачать».

Полудницей становилась также невеста, свадьбу которой уже «огласил» священник, а парень вдруг умирал. По мнению информантов, это случалось потому, что девушка оставалась в переходном состоянии: «Она уже не девушка и еще не женщина, так она и становилась полудницей». Это случалось между «оглашениями».

В языке сохранилось выражение: *Oj, aka si poludnica* [Ой, ты как полудница], относящееся к женщине, одетой неопрятно, кое-как, некрасиво.

Души «заложных» покойников. Если умирала роженица до очищения в костеле, считали, что она станет *полудницей* (см.).

Жива вера в то, что когда кто-нибудь повесится, начинается вихрь, три дня дует сильный ветер. Говорили, что злой дух ходит за тем человеком, который покончил жизнь самоубийством.

Некрещеный ребенок после смерти не попадает на небо, потому что у него нет имени, поэтому, если рождается слабый или больной ребенок, следовало его хотя бы перекрестить и дать ему имя. Без имени он как потерянный, с родовым грехом, он не будет среди ангелов. Кто рядом – хоть бы и сестричка в роддоме – должен перекрестить его и сказать: *Ak si dievča, tak bud' Eva, ked' si chlapec, tak bud' Adam* [Если ты девочка, так будь Ева, если мальчик, так будь Адам]⁸.

Если ребенок умирал некрещеным или в результате аборта, верили, что его душа плачет по ночам. Кто слышал этот плач, должен был произнести: «Если ты мальчик, будь Адам, если ты девочка, будь Ева. Я крещу тебя во имя Отца и Сы-

---

⁸ Информация непоследовательна вследствие разрушения данного сюжета, полнее изложенного в монографии «Гельпа» (см. ниже).

на и Святого Духа». Если ребенок родился очень слабым и не было уверенности, что он выживет, то его могла окрестить сама повитуха [Heġra: 190].

Про «дводушников» и воздушных демонов ничего не известно. Очевидно, реминисценции этого мотива отразились в поверьях о людях с двумя сердцами. Тучи и град разгоняли звоном костельного колокола. Во время большой бури зажигали «громничную» (сретенскую) свечу, кропили дом святой водой.

Вместе с тем, в селе известно слово чернокнижник (*čarnokňažník*), хотя о самом персонаже ничего не рассказывают.

Čarnokňažník – сверхъестественный персонаж, схожий с вешуном (*veštec*), т. е. ученым чародеем. Появляется в черном длинном одеянии с большой книгой под мышкой. Он повелевает тучами и бурей, а там, где он ударит своим бичом, бьет гром. Он летает на змее (*šarkaň*), у которого широкий мощный хвост, им он сбивает во время полета верхушки елок. Когда чернокнижник летит на своем змее над деревней, когда там звонят колокола, он должен сказать змее, что это собаки брешут, иначе бы змей всё село уничтожил. Существует быличка о том, как чернокнижник предупредил крестьян о надвигающейся буре. Спрятавшиеся люди видели в шелку, как чернокнижник хлопал своим бичом, и туда, где падал удар, бил гром. До сих пор на этом месте ничего не растет [Nohrehronie: 334].

Домовая змея (*domáci had*) почитается как царь дома. Кто ее убьет, будет несчастным или даже умрет. В каждом дворе есть домовая змея. Она как бы охраняет хозяйство. Живет во дворе, под домом. Специально ее не кормили. Одна из информанток вспомнила, что перед смертью ее отца на ступеньку дома выползла змея. Женщина не вспомнила, убили ли змею или прогнали, но не прошло и года, как отец умер.

Первый хозяин, умерший в новом доме, становился его хранителем. По преобладающим представлениям, он жил под очагом, откуда иногда выходил в обрете седой или белой змеи, по некоторым данным – с гребешком на голове, а за ним тянулся голубой пламень. Змея-хозяин очень любил сладкое молоко, поэтому всегда оставляли для него молоко на определенном месте. Он часто приходил к детям и вместе с ними ел из одной миски, никогда их не обижал. Если кто-нибудь убивал такую змею, умирал хозяин дома. По другим представлениям, домашняя змея жила на гумне или, как и ласка, в хлеву. Если ее убивали, умирал скот. В Гельпе рассказывали: «Из-под очага выходило что-то такое, как гусь. С гребнем, как белая змея, а повсюду за ней – голубой пламень. Заглянет в миску на столе – и назад. В каждом доме есть змея. Однажды отец убил около стола такую змею, которая выпила молоко из горшочка. А вечером пришел пастьх и сказал, что наша телка сдохла» [Nohrehronie: 334–335].

Зафиксировано также поверье о «змеином камне» (*hadí kameň*), который змеи «надували». Когда много змей собиралось в одном месте, под камнем, говорили, что они «выдувают камень» (*dmuchajú kameň*). Рассказывали также, что среди полевых змей есть одна главная, у которой корона на голове.

Судички (*sudičky*)⁹ – мифические персонажи, которые когда-то давно давали ребенку при рождении «в веночек», т. е. определяли судьбу. У каждого есть судьба, каждый человек должен испытать то, что ему суждено в жизни. Когда человек умирал, говорили, что нить его жизни прервалась.

Нечистая сила (*zlí duchovia*) могла показываться и пугать людей не только в антропоморфном виде (как маленький мальчик), но и в виде животных (например, в виде большого белого гуся) или в виде предмета, который за минуту до этого исчез из-под рук. В Гельпе рассказывали быличку, как девушки ночевали на сеновале и попросили тетку снаружи их закрыть – чтобы чужие не пришли. Вдруг ночью они проснулись и услышали топот копыт, будто бегут по улице кони, много коней, как целое войско. Запор сам собой открылся, и кони вошли в сарай, заржали и потом пропали. Всё село слышало их. А запор утром оказался закрытым (Nohrehronie: 333). Оберегом от нечистой силы служили корочка хлеба, чеснок и крещенский мел [Heřpa: 220].

Черт, дьявол, «нечистик» (*čort, diabol, ňečisňik, pekel'nik*) никогда не появляется в своем настоящем виде. Когда видят вихрь, говорят, что там *черти танцуют* или *черти женятся*. Когда черт идет к людям, он принимает человеческое подобие, но одно копыто у него всегда остается, по нему и можно определить черта [Nohrehronie: 333].

В быличке возница, ехавший на телеге, водвозил прохожего, у которого заметил копыта вместо ног. И всю дорогу он погонял коня словами: «Пошел, дам тебе хлеба!» – потому что черт боится хлеба [Heřpa: 219].

Цмок (*zmok*). Существо, которое вылуплялось из первого яйца, снесенного курицей, но очень маленького, которое человек должен был выносить девять дней за пазухой. Цмок выглядел как цыпленок, но мокрый, с него капала вода и он постоянно пищал. Спал с тем, кто его выносил. Хозяину он приносил деньги, зерно, хорошую еду и вообще всё, о чём тот его ни попросит. Носил на чердак деньги, пока он не рухнет. Цмок был злым духом, и избавиться от него можно было, только задав ему такую работу, от которой он бы треснул. Обидевшись на хозяев, цмок мог выгнать их из дому [Nohrehronie: 333].

---

⁹ Термин и контекст представляется заимствованным из чешской традиции и объясняется широким распространением чешских телевизионных программ и этнографических материалов.

Светёлки – ночные огоньки, которые указывали на закопанный клад.

Светёлка, светлонос (*svetielka*, pl., *svetiel'ko*, *svetlonos*, *svetlá noc*) – это злой дух, который ночью показывается за селом и заводит людей в воду, в болото, заставляет блуждать [Horehronie: 332].

Светлоносы уводили людей с дороги, когда те задерживались в пути на ночь, водили их по болотам и лугам. Считалось, что в этой ситуации помогает хлеб, брошенный в сторону [Heľpa: 219].

На вопрос, какими персонажами пугали детей, назвали *бабку*, *ведьму с палкой*, *Бобо*, которые забирали ребенка с собой.

Врачеватель, «травник» (*liečiteľ*, *bylinkár*) – это человек, обладающий долей магической силой, которая лечит. По большей части это мужчины. Они тоже могли колдовать (*čariť*), можно назвать их и ведунами (*vedma*), чародеями. Они зашептывали (*zariekajú*) болезни.

Сглаз. Сглазить (*uhraňčiť*, *urieknuť*) мог человек со злыми глазами, что было сразу видно. Сглаз не зависел от цвета глаз, «только такой взгляд был пронзительный, колючий, такое сверкание из глаз, как будто из них, из самой середины глаза, искрилось зло». Человека, у которого были сросшиеся брови, считали недобрый. С таким человеком надо было всегда держать ноги скрещенными и никогда не смотреть ему в глаза, чтобы не вступить с ним в контакт. В качестве защиты использовали святую воду, крест, четки (*patřky*, *ruženec*).

Особенно опасно, когда такой человек смотрит на ребенка, потому что он может сглазить (*pride zlé z očí*) – поэтому надо закрывать ребенка, не показывать чужим. Охрана от сглаза – освященная в костеле вода.

О порче говорили: *porobiť* ‘сделать’ (*porobila mi zle*), околдовать (*ona mi počarila*), порчу называли *porobenina*. Рассказывали быличку, как в одном доме стали случаться всякие напасти: корова сдохла, свинья сдохла, болезни навалились, всё пошло наперекосяк. В селе была женщина, которая знала, как снять порчу (*odrobiť*), и знала, как эту порчу найти. На указанном ею месте выкопали узелок, в котором были завязаны ногти, волосы и кости мертвеца. Полагают, это и была порча.

Другой случай: сын информантки ехал поступать в институт в Кошице. Когда он уехал, мать нашла под рогожкой около двери кость. И случилось так, что сын сдал экзамены, но его не зачислили (приняли только после апелляции). Отучился он 5 лет, написал дипломную работу, но ее ему не засчитали, так что он так и не закончил институт. Ни до, ни после этого случая кости у порога не было, хотя в доме жили собака и кошка.

«Есть такие люди, можно сказать, ведьмы, которые наводят порчу». Сестра информантки оставила раз ребенка в коляске, а мимо шла женщина из соседнего села, Шумьяца, и дала ребенку букетик цветов в руки – и вся жизнь ребенка была несчастной: он не ходил до 3 лет, женился, но ребенок оказался не от него, а от цыгана, потом попал в аварию, заболел испугом, а теперь ногу при-волакивает – всё оттого, что ведьма навела на него порчу (*počarila, porobila*). Поэтому настойчиво повторяют, что надо закрывать ребенка от чужих глаз.

Просто приход в неурочный час женщины, соседки мог трактоваться как порча. Во времена, когда мужчины ходили на целую неделю на заработки, пока хозяин был дома, ни одна чужая женщина не смела прийти в дом, иначе бы про нее подумали, что она ведьма и хочет навести порчу. Раньше считали, что если кто-нибудь по пути спросит, куда ты идешь, то можно возвращаться назад – счастья уже не будет. Не повезет, если дорогу перебежит черная кошка или перейдет дорогу женщина, родившая вне брака (*prespanka*).

Человек мог навредить другому человеку взглядом, если посмотрел ему прямо в глаза, и тот испугался. Как правило, взгляд чаще связывали с темным цветом глаз и сросшимися у переносицы бровями. Считалось, что человек делает это не специально, что он не отвечает за свой взгляд, поэтому он не обижался, если у него просили волос или частицу его одежды, чтобы окурить ими пострадавшего [Norehronie: 328].

Трудовые обычаи

С ноября начинались посиделки (супрядки). В одном доме собиралось 6-8 девушек, они пряли, шили – кому какую работу надо было делать. Каждый четверг нужно было «отпрядать», т. е. в благодарность прясть или шить для хозяйки дома. На супрядки приходили парни, с их приходом кончалась работа и начинались шутки, игры. Парни могли поджечь кудель девушке, а потом «валяли» (*valkali*) девушек: принесут круглое длинное бревно, которое хорошо катается, брали девушку – один за руки, другой за ноги – и катали по бревну, а третий мог еще бить по заднице. Ловкой девушке удавалось вырваться и убежать, а другая лежала как бревно, – потом они получали соответствующие прозвища.

Играли, например, в игру «Вверх по Грону – вниз по Грону»: к прядущим девушкам по очереди подходили парни и говорили: «Вверх по Грону, вниз по Грону, покупаем овес коням! Почем продаете?» Задачей девушки было не сказать «по 50» или «за 50», а только назвать цифру (в И. п.): 50, 100 или любую другую. Если девушка ошибалась (например, говорила: «по 50 крон»), она должна была дать залог – какую-нибудь свою вещь. В конце игры вытаскивали,

не глядя, полученные вещи (фанты) и назначали им «наказание»: «Что заслуживает этот грешник, чью вещь я держу в руках?» – «Пойти в такой-то дом и принести терновника». Другой назначали принести капусты и т. д. Девушка должна была выполнить, что ей назначено, любым способом – никого не интересовало, как она это сделает.

В день св. Люции устраивали «пряденую ночь» (*priadaná noc*), или, иначе, «мерили ночь» (*ket' meral'i noc*): девушки уже не пряли, к ним приходили парни, все вместе веселились, а ночью все вместе спали на соломе, постеленной на полу избы [Неґра: 200].

Ткачество. Когда-то ткали только из льна и конопли – из того, что выращивали, и из шерсти. В субботу после обеда кончали ткать, благословляли кросна, прикрывали станок полотном и оставляли, в воскресенье не работали.

Сновали на сновалке, по количеству пасм закладывая ширину полотна. Основу связывали в косу – «ключ» (*kl'úč*). Не каждый умел сновать, поэтому ходили в те дома, где были женщины, которые сновали для других. Во время снования не должно быть много народу – иначе может получиться ошибка – «конь» (*kvoňka*).

Во время навивания кросен на ось навоя клали хлеб – чтобы счастливо удалась работа. Когда оканчивали навивание, та, что держала основу, должна была быстро и высоко подпрыгнуть.

При начале работы благословляли кросна и говорили: «Пусть работа идет хорошо!», «Помогай Бог!» (*Nech mi to ide dobre! Pane Bože pomáhaj!*).

Если во время тканья придет чужая женщина и начнут рваться нитки, то женщины благословляли кросна и больше не ткали, или же выругаются и ткут дальше.

Сглазить можно было любую работу. Рассказали случай, когда информантка с подругой пекли пороги, а в это время пришла женщина, которая вообще очень редко выходила из дому, спросила, кому это они пекут, и ушла. После этого работа перестала ладиться: яйца выливались на ковер, ветер из открытого окна чуть не испортил начинку, лопнул стакан и кипяток разлился по всей кухне, забыли выключить батарею и калачи не остыли. «А потом говори, что не ходят ведьмы! – Знаете, но что-то случилось, она что-то сделала. – Навела порчу (*porobila*)!». Причину порчи видели в том, что у человека «злой глаз», или он позавидовал.

Пахота и сев. При первой пахоте на поле втыкали вербовые ветки (*bahnet-ki*), освященные в Вербное воскресенье, чтобы был хороший урожай. Пахаря, пришедшего с поля, обливали водой.

В посевное зерно хозяйка клала цветущие почки (барашки) освященной на Вербное воскресенье вербы, крошки с рождественского стола, кропила святой водой. В первую борозду на поле клали освященную вербу – для охраны от бури, запахивали в борозду куриное яйцо или остатки рождественского хлеба. По возвращении пахаря домой его обливали водой, чтобы был богатый урожай, быстро росли хлебы и чтобы он был здоров [Heĭpa: 209].

Когда сажали картошку, в последнюю ямку клали три картофелины и говорили: «Отец, Сын и Святой дух» – и благословляли поле.

Когда переходили в новый построенный дом, открывали двери и катили от двери до другого угла круглый хлеб – на счастье. Первой пускали в дом кошку, «что будто она должна умереть, – так чтобы кошка сдохла, а не умер хозяин. Кошка хранила хозяина».

Животноводство

Был обычай ничего не одалживать из дома в тот день, когда отелилась корова. Через день, когда корову начинали доить, варили молозиво, «курастру» (*kurastra*), и разносили по соседям – чтобы у коровы было много молока. Только после этого можно было отдавать (одаживать) что-то из дома.

Кроме коров держали свиней, овец (те, у кого большое хозяйство), коз (более бедные). Был пастух коров, пастух коз и пастух гусей. Овец выгоняли на горные пастбища с марта до октября. Туда же приходили стричь шерсть – два раза в год, весной и осенью.

Пастушеским праздником считали день св. Дмитрия, 26.10 – *Mitra*. К этому дню заканчивался выпас на горах (*salaš sa konči*). Овчары, 3-4 человека, называемые валахами (*valach*), доили овец. Главный пастух, бача (*bača*), овец не доил. Пастухи жили все время выпаса (почти полгода) в домике, называемым «салаш» (*salaš*), управлял которым *salašnik*. Тем хозяевам, овцы которых выпасались, давали молоко и сыр бесплатно, а чужим – продавали. Надоенное молоко заквашивали с помощью закваски, получаемой из овечьих желудков (*klak = syridlo*), собирали творог, из которого делали сыр, в том числе «оштепок» (*oštepok*) – тип сыра, который зрел под прессом в соленой воде. Из сваренной сыворотки получали «жинчицу» (*žinčica*), ценный молочнокислый продукт. На Троицу хозяева носили угощение пастухам (*turičnô*), состоявшее из водки, колбасы, сала.

Обычаи при купле-продаже скота: хозяин перед отходом на ярмарку благословлял скот, кропил его освященной водой, трижды перебрасывал над его головой соль, бичом рисовал в воздухе крест – всё это делалось ради хорошей про-

дажи. Не следовало вести корову на продажу на той же цепи, на которой она была привязана в хлеву, чтобы из дома не вынести всё благосостояние. Удачная сделка отмечалась выпивкой (*oldomáš*). Приведя домой новокупленную скотину, хозяин клал в ясли подушку и буханку хлеба, чтобы скот хорошо велся и был «круглым» (тучным) [Heľpa: 210].

Легенда о скале Баба

«Когда мы ходили на горные луга, там была такая дыра. Я туда яловицу водила, потому что коровам негде было пастись, и там была такая большая яма. Говорили, что когда человек идет туда первый раз, он должен старой бабе жопу облизать. Боже правый! И я шла первый раз с этой телкой и мой муж говорит: “Ты идешь первый раз, должна ей, – простите, – жопу облизать”. Такая была скала, скала называлась Баба, а внутри той скалы была большая дыра, когда-то там были шахты... Ну, так говорили» (*Keď sme chodili na hole, tak tam je jedna taká diera. Ja som tam jalovicu vodila, lebo sa kravy nemali kde pásť, a tam bola taká veľká jama. Hovorilo sa, že keď tam človek prvý raz ide, tak že musí starej babe rit' oblízať. Bože môj dobrý! A ja teraz som išla prvý raz s tou jalovicou a môj chlap mi povedal: «No ideš prvý raz! Musíš jej... – s prepáčením – ...rit' oblízať!» ...Taká bola skala, skala sa volala Baba. A vo vnútri tej skaly bola taká veľká diera, tam kedysi boli aj bane... No ale tak sa hovorilo...).*

Литература

- Плотникова 2009 – Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.
- Heľpa – Heľpa. Vlastivedná monografia obce / Ján Podolák a kolektív. Matica slovenska, 1999.
- Horehronie – Horehronie. Kultúra a spôsob života ľudu / Ed. Ján Mjartan. Bratislava, 1974.
- Diel 2: Duchovná kultúra (E. Horváthová). S. 245–340.
- Ľud pod Tatrami – *Olejník J.* Ľud pod Tatrami. Martin, 1978.

П. А. Бушув
(Москва)

Терминологическая лексика зимней обрядности лемков

Русины-лемки (далее – лемки) – самая западная группа русинов. Их исконными землями являются территории на северных склонах Карпат (первые документальные свидетельства о русинских поселениях относятся к XII–XIII вв. [Лемкин 1969: 56–79]). Географическое положение этого региона предполагает некоторую обособленность лемков от основной части русинов (территория к югу от Карпат). Именно изолированностью от основного языкового массива объясняются многочисленные влияния соседних языковых систем на язык лемков, например фиксированное ударение на втором слоге с конца. Кроме географических факторов важное значение имеет и то, что на протяжении столетий территории русинов входили в состав разных государств.

В первых русских летописях данный регион носит название «Червоная Русь» и впервые упоминается в «Повести временных лет». Под 6489 (981) годом записано, что князь Владимир присоединил «Перемышль, Червен и иные грады» [ПВЛ: л. 26]. В период феодальной раздробленности эти земли некоторое время входят в юго-западные княжества (Галицкое, Волынское), затем в результате их ослабления попадают под административный контроль соседних государств. В XIII в. западную часть региона (Угорская Русь, современная Закарпатская область Украины) контролирует Венгрия. В 1340 г. северо-западная часть Карпат (современные Лемковщина и Пряшевщина) входит в состав Польши. Южные Карпаты с 1359 г. становятся частью нового государства Земля Молдавская. К XIX в. практически весь регион вошел в состав Австро-Венгерской империи.

Очень важным этапом в истории Карпатской Руси является борьба православного населения с католизацией. Однако в результате постоянного религиозного гнета часть населения приняла греко-католическое вероисповедание.

После Первой мировой войны (и распада Австро-Венгрии) на данной территории было создано несколько национальных республик. Однако период их существования оказался довольно кратким. Между мировыми войнами регион делили между собой Венгрия, Польша, Чехословакия, а с 1939 г. и СССР.

Трагичными для лемков стали 1945–1947 годы: тогда население польской части Лемковщины было принудительно переселено в СССР и на «вновь об-

ретенные земли» западной Польши (т. е. Вроцлавское, Зеленогорское, Щецинское воеводства, Поморье). По разным оценкам, число переселенных колеблется от 70 до 400 тысяч.

После окончания Второй мировой войны первичная территория русинов разделилась на следующие части: 1) юго-восток Польши – Лемковщина, 2) северо-восток Словакии – Пряшевская Русь (Пряшевщина), 3) Закарпатская область Украины, западные склоны Карпат – Подкарпатская Русь (Угорская Русь), 4) север Румынии – Буковина, 5) восточные склоны Карпат – Галиция.

Важно отметить, что, несмотря на непростую историю, население региона всегда осознавало свою культурную и языковую общность, свидетельством чему являются многочисленные русинские культурные фестивали, например Лемковские ватры, собирающие русинов со всех концов света. Осознание такой общности отражается и в полевых записях: «Ми је русини-лемки, так ти повидам. Ми жијеме через гори од инших русинив, на пивнич. Мова в нас једна, вира в нас једна и звичаји једнь» [Мы – русины-лемки, так тебе скажу. Мы живем через горы от других русинов, на север. Язык у нас один, вера одна, обычаи одинаковые] (PP, POC).

Тема русинства была хорошо известна в России на рубеже XIX–XX вв., однако на протяжении всего XX в. не получала должного внимания со стороны научного сообщества. Лемки-русины известны еще меньше. Связанная с ними культурно-языковая проблематика представляет большой интерес для ученых в рамках как общеславянских исследований, так и проблематики микроязыков.

Однако сказать, что лемки совсем не изучены, было бы преувеличением. Существуют работы, описывающие лемков, их язык и культуру как с лингвистической, так и с исторической точек зрения.

Важными вехами в описании языка лемков являются работы А. Д. Дуличенко, П.-Р. Магочия, З. Штибера, Я. Ригера [Дуличенко 2005а; 2005б; Магочий 2006а; 2006б; Stieber 1982а; 1982б; Rieger 1995] и др.

Наряду с крупными научными трудами можно отметить большое количество местных изданий, публикующих статьи по краеведению и этнографии, воспоминания и заметки местных жителей, путешественников, ученых. Есть такие статьи и по святочно-новогодней тематике, опубликованные в журнале «Лемківщина», издававшемся лемковскими объединениями Канады и США, а также другие работы.

В статье П. Лопаты «Усна народна творчість про “Рожество” на Лемківщині» [Лопата 1989] представлен обзор колядки как основного жанра рождественского цикла, который оказал огромное влияние на развитие других фоль-

клорных жанров, связанных, в первую очередь, с земледелием и скотоводством. Автор выделяет два основных этапа в развитии лемковской колядки – до XIX в., когда колядка представляла собой обрядовый текст простонародного происхождения, и начиная с XIX в. – новый этап в развитии жанра – появление «церковно-духовной» колядки, описывающей рождение Иисуса Христа. Обновленный жанр получил широкое распространение, почти вытеснив архаическую традиционную колядку. В статье особенно интересны примеры колядок «старого» типа, почти исчезнувшие в настоящее время.

Чрезвычайно интересна статья Л. Тхир «Різдвяні звичаї в Явірнику» [Тхир 1989], также опубликованная в журнале «Лемківщина». Кроме описания трагичной истории села (6 мая 1947 г. после двухчасовых сборов все жители были переселены в западные и северные регионы Польши), его культурной, религиозной и общественной жизни начала XX в., Любомира Тхир приводит целый ряд микропонимов (названия частей села, полей, рек), а также прозвища семей, живших в с. Явирник. Основное внимание в статье уделено подробному описанию обрядовых действий накануне Богоявления – *Велиї*, в Рождество и в последующие праздничные дни. Автор приводит целый ряд календарных терминов; некоторые из них представляют интерес в рамках изучения всего карпато-балканского диалектного ландшафта (например, *країчун* – обрядовый хлеб из пшеничной муки с чесноком внутри, который на протяжении недели после Рождества лежал на столе и который съедали на Новый год). Очень интересны записанные автором колядки и пожеланий, однако записать такие варианты нам не удавалось. В данной статье приводятся такие примеры. В результате можно проследить различия в тематике и функциях жанра для разных возрастных групп исполнителей.

Статья В. Хомика «Звичаї та обряди лемків» [Хомик 1994] достаточно поэтично описывает обряды святочно-новогоднего праздничного цикла. Нельзя не отметить крайне редко встречающееся описание лемковских посиделок с гаданиями накануне дня св. Андрея. Автор воспроизводит магические формулы, дает текст подблюдной песни и описывает десять видов гадания, обряды Сочельника и Крещения, типичные для всей Лемковщины. В статье рассматриваются не частные традиции отдельных сел, а именно общенациональный набор обрядовых действий.

Статья М. Сывытского «Christmas in Lemkivshchyna» [Syvytskyi 1989] представляет собой попытку описания общелемковских ритуалов рождественского

цикла. Автор подробно описывает приготовления, предшествовавшие празднику начиная с Филипповского поста, и дальнейшие ритуалы вплоть до кануна Богоявления. Представляет интерес описание праздничного ужина в Рождественский сочельник. В статье приводятся названия традиционных блюд и другие примеры терминологической обрядовой лексики. Описаны основные этапы празднования первых трех дней после Рождества, отдельные фрагменты обрядов: умывание, гадания и колядование.

Кроме научных и популярных статей, целью которых является описание обряда и всей традиции в целом, большую ценность имеют очерки, святочные рассказы, рождественские истории, в которых этнолингвистический материал как бы «растворен». Однако такая подача материала очень ценна в плане понимания традиции изнутри. Примером таких произведений является рассказ Т. Переймы «Святый вечер у Заточинця» [Календар 1913].

Описывая терминологическую лексику традиционной духовной культуры лемков, нельзя обойти вниманием работу А. Бигуняка и А. Гойсака «Лемківський словничок» [Бигуняк, Гойсак]. Однако, говоря о словаре Гойсака, нужно иметь в виду, что существуют два словаря Гойсака – один «реально существующий» словарь Бигуняка-Гойсака, изданный в 1997 г. на Украине и содержащий более 2200 лексем, и «готовящийся (с 2008 г.) к публикации» словарь собственно Гойсака. К сожалению, единственным свидетельством о готовящемся к публикации словаре Гойсака является статья М. Алексеевой «Словарь Александра Гойсака как источник изучения лексики лемковских говоров». В этой статье автор характеризует издание Бигуняка-Гойсака 1997 г. как неудачное, упоминая о многочисленных искажениях Бигуняком основного авторского материала: «Данные словаря в его [А. Бигуняка] редакции подверглись значительным искажениям. Так, являясь носителем иного лемковского говора, Андрей Бигуняк многое изменил в записях с целью передать фонетические особенности своего родного говора. К подобным изменениям относится, например: наличие *в* на месте твердого *л* (*баваган* вм. *балаган*, *вавок* вм. *валок*, *вада* вм. *лада*, *вамнаш* вм. *ламнаш*)» [Алексеева 2008: 182] и т. д. Однако в предисловии к словарю Бигуняка-Гойсака самым тщательным образом оговорены этот и подобные случаи: «У селах Маластів, Пантна, Вірхня, Баниця, Ясунка, Крива, Вововец, Боднарка, Вапенне, Розділя, Свіржова, Мілана, Ріпник, Грабів, Заліська Воля і інші (повіти Горлиці, Ясло, Кросно, Сянок і інші), дієслово минулого часу однини не тільки чоловічого роду (ходив, пішов, писав, водив), але також жіночого і середнього роду закінчуються на -ва-, -во- (ходива, пішва, писава, водява). В іменниках та прикметниках перед голосними -л- переходить

в -в- (свово, моводий, свуга, своїк, ядвовец, весево). Проте в с. Висова, Горлицького повіту, навпаки, у всіх перелічених вище випадках, вимовляють дані слова через -л-, навіть дієслова минулого часу однини чоловічого роду (ходил, пішол, водил)». Очевидно, внесенные Бигуняком изменения не преследуют цель подменить локальный говор Гойсака своим локальным говором. Можно предположить, что Бигуняк стремился описать общелемковские лексемы с частотными для Лемковщины фонетическими особенностями, не упуская из виду исключений из общего правила.

Говоря о достоинствах материала, представленного в словаре Бигуняка-Гойсака, нужно отметить, что собиратели работали в украиноязычной среде и при этом отбирали слова, присущие исключительно лемкам, имеющие лемковские фонетические или словообразовательные особенности: «У даному словничку зібрано, звичайно, тільки частину тих розмовних лемківських слів, які рідко, або зовсім не зустрічаються в українській літературній мові» [lemko.org/lemko/slovnuk.html].

Материалы А. Гойсака, не опубликованные до сего дня, представляют собой, по-видимому, словарь говора одного лемковского села – Высова. А. Бигуняк, используя материал А. Гойсака, многое переработал и добавил. Основным достоинством редакторской и соавторской работы А. Бигуняка является то, что работа перестала быть словарем одного локального говора. «Лемківський словничок», изданный в 1997 г., можно рассматривать как одну из первых серьезных попыток лексической, фонетической (во вступительной части) и грамматической (приложение) кодификации малого славянского литературного языка.

Для этнолингвистического описания представляют большую ценность приложения словаря, в которых собраны присказки и частотные выражения, фразы, выражающие удивление, приветствия, названия месяцев, частей плуга, деталей телеги, ткацкого стана, конской упряжи.

* * *

В настоящей статье представлены результаты собственного исследования терминологической обрядовой лексики лемков-переселенцев.

Данное исследование в основном базируется на полевых записях, сделанных на территории западной Украины, где в настоящее время существуют населенные пункты с компактным проживанием лемков. Материал, на основе которого составлен предлагаемый ниже словарь, был собран в январе-феврале 2009 г. в Львовской области Украины в г. Борислав, г. Трускавец, г. Дрогобыч, пос. Сходница, с. Солунське.

Мы считаем необходимым разбить собранную лексику на более дробные тематические группы. Анализ материала позволяет выделить следующие тематические группы: день св. Андрея (13.XII) – *Андрыја*; канун Рождества (6.I) – *Вельја*; Рождество (7.I), день св. Марии (8.I), день св. Стефана (9.I) – *Риздв'ань с'вата*; Новый год (14.I) – *Новыј рик*; Канун Богоявления (18.I) – *Друга Вельја*; Богоявление (19.I) – *Јордан*; группа, охватывающая весь период колядования – *Кол'ада*. В рамках тематической группы лексика организована в алфавитном порядке. Словарная статья строится по принципу «краткая дефиниция + предметная (энциклопедическая) часть». Словарная статья включает в себя диалектные тексты с переводом, иллюстрирующие различные детали обряда. В конце каждого диалектного текста в скобках через запятую указываются село и информант: *Тато пишов виѣтко покормыв, давав отаву, то је сино писл'а другогa покосу, худоби, давав хлеба с сол'ју корови, коневи...* [Папа пошел, всех покормил, давал отаву, это сено после второго покоса, хлеба с солью давал корове, лошади...] (PP, PEC).

Термины и диалектные тексты даются в упрощенной фонетической транскрипции. Вводится обозначение мягкости – «t'» (кроме сочетаний согласного с переднерядным «и»), отдельно обозначается щелевой среднеязычный звук – «j». Фрикативный γ обозначается как «г», смычный взрывной заднеязычный (g) – «г». Особенностью системы вокализма лемковского диалекта является наличие звука «ы» заднего ряда, который будет обозначаться нами как «ъ». Акцентуационной особенностью диалекта является фиксированное ударение на втором слоге от конца, поэтому в транскрипции мы будем ставить ударение только в случаях, которые являются исключениями из этого правила.

Святочно-новогодний цикл праздников в селах Лемковщины начинался с дня св. Андрея. Этот праздник включает в себя четыре основных направления обрядовых действий: 1) обрядовые действия, представляющие собой обход домов с пожеланиями удачи и богатства; 2) обряд «полазник»; 3) гадания; 4) обрядовые бесчинства, нанесение ущерба хозяйствам соседей.

Следующий значимый праздник – день св. Николая (19.XII). Обряды этого дня имели сугубо внутрисемейный характер. В этот день св. Николай «оценивал» поведение детей за весь прошедший год и награждал их подарками. Кроме того, подарками одаривали друг друга и взрослые.

Следующим этапом святочно-новогоднего цикла был Рождественский сочельник (6.I). Этот день выделялся своей значимостью и обрядовой насыщенностью. Он завершал Филипповский пост и начинал череду рождественских праздников – *Риздв'аных с'ват*. В структуре обряда этого дня можно выделить

три основных этапа: 1) внесение и украшение ели; 2) подготовка всего домашнего хозяйства к праздничной трапезе; 3) праздничный ужин. Следует отметить, что праздничная трапеза являлась наиболее ярким и важным действием всего праздничного цикла. Все предметы (орудия труда), события (урожай, приплод), качества (здоровье), имевшие жизненно важное для семьи значение, упоминались либо сакрально обуславливались во время трапезы.

Рождество (7.I) в традиции лемковской духовной культуры в основном было церковным праздником. Поэтому и обряды, исполняемые в этот день, были немногочисленными. Обрядовые действия в этот день можно подразделить на 1) действия, связанные с продолжением и завершением праздничной трапезы, 2) обряд умывания, 3) обряд «полазник».

Первые три дня рождественских праздников являлись наиболее значимыми и выделяемыми. Так, кроме первого дня – собственно Рождества, праздновался второй день – св. Марии (8.I), а также третий день – св. Стефана (9.I).

В день св. Стефана из дома выносили рождественскую солому. В домах, где были девушки на выданье, этот день был особо значим, так как включал в себя элементы свадебного обряда.

Центром святочно-новогоднего цикла являлся день св. Василия, или Новый год (14.I). Кроме церковных обрядов обрядовые действия этого дня включали особый вид колядования – *посивáнн 'а*, а также обряд «полазник».

Завершение святочно-новогоднего цикла маркировал канун Богоявления (Крещения) (18.I). Обрядовые действия этого дня копировали обряды Рождественского сочельника, за исключением внесения в дом ели. Утром Крещенского сочельника происходило водосвятие. Хотя обряды кануна Богоявления во многом дублировали обряды кануна Рождества, все информанты отмечали его меньшую торжественность и важность. Обрядность Крещенского сочельника включает три основных аспекта: 1) освящение воды перед праздничным ужином – *надвечирр 'а*; 2) приготовление к праздничному ужину; 3) трапеза. Важным элементом обряда являлось *щедро́вание* – заключительный этап обряда колядования.

Последним праздником святочно-новогоднего цикла являлось Крещение (19.I). Большую роль в этот день играли церковные обряды, в основном связанные с водосвятием. Кроме обряда водосвятия можно выделить большой корпус обрядовых действий, связанных с завершением святочно-новогоднего цикла.

Крещение воспринималось как пограничное, переломное время и как завершение святок. В знак завершения святочного периода из дома удалялись все символы рождественских праздников: выносили сено, пролежавшее на

столе все святки, собирали с пола рождественскую солому, удаляли из дома рождественский сноп [Виноградова, Плотникова 1999: 668].

Обрядовая сторона праздника состоит из трех основных обрядов: 1) обряд освящение воды (церковный); 2) кропление хозяйства святой водой; 3) обрядовое умывание.

Колядование охватывало весь описанный период. Праздничные обходы начинались в день св. Андрея: участники обхода домов в награду за свои пожелания получали деньги и угощение. Собственно колядование начиналось после праздничной трапезы в Рождественский сочельник. Своего апогея колядование достигает в период святок (с Рождества до Богоявления). Обряд колядования можно разделить на три этапа: 1) собственно колядование (начиная с кануна Рождества), 2) *посивáння* (в Новый год), 3) *щедровáння* (в Крещенский сочельник и Крещение).

Именины, выпавшие на период святочно-новогоднего цикла, праздновались особо. В дни св. Марии, Стефана, Василия к носителям этих имен сходились не только родственники и соседи, но и колядующие. Именинника связывали лентой, полотенцем, подаренной одеждой и освобождали «в обмен» на угощение. Ритуальное связывание, по-видимому, указывает на возвращение к началу жизни человека, к его рождению, так как связанный человек символизировал спеленутого младенца. По поверьям лемков, люди, родившиеся в большие праздники, обладают особой судьбой. Они не обязательно счастливы в земной жизни, но они «счастливы у Бога». Особенно это касается людей, родившихся во время празднования рождения Спасителя.

Словарь

Андрыја – день св. Андрея (13.XII).

Андрыј, р. п. ед. ч. **-ја**, – день св. Андрея (13.XII).

Вси хрыстьянс'ки с'вата в нас бывы, с'ватого Андрыја быво, называлы Андрыја [Все христианские праздники у нас были, день св. Андрея был, называли Андрея] (РР, СВА).

Ворожба, и. п. мн. ч. **-бы**, – обрядовое магическое действие, связанное с предсказанием будущего, гадание.

Собравшись вместе гадать, вечером накануне праздника девушки устраивали *спадок* – совместное угощение. Перед началом трапезы старшая девушка – *газдын'а* – желает всем присутствующим счастья и скорого замужества. *А яке оно буде, то скоро гвидиме, як ворожиме* [А какое оно (замужество) будет,

скоро увидим, когда будем ворожить]. Девушки хором отвечают: *Нај буде щесливе!* [Пусть будет счастливым!].

После трапезы начинаются гадания.

Тарелеки. Каждая девушка по очереди идет в соседнюю комнату, где под три одинаковые тарелки кладут перстень, куклу, кнутик. Затем девушка выбирает свою судьбу. Перстень означает скорое и счастливое замужество, кукла символизирует *копырд'у* – внебрачного ребенка, кнутик – мужа-извозчика – *фирмана*.

Свечки. Приносят из колодца воду, наливают в таз. К щепкам прикрепляют свечки и опускают на воду. Девушка, чья свечка сойдется с другой, выйдет замуж.

Бобалькы. Из остатков теста скатываются продолговатые в палец толщиной куски – *бобалькы*, которые кладут на пол по два рядышком, после чего запускают кота. Какую «пару» кот съест, та поженится.

Фл'ашка. Девушки садятся вокруг *фл'ашки* – бутылки, которую раскручивает *таздын'а*. Бутылка, повернутая к девушке горлышком, означает скорое замужество, дном – расставание.

Кроме вышеперечисленных гаданий существовали гадания о характере будущего мужа по поленьям дров, извлекаемых из кучи. Также характер мужа определялся по тому, какую пищу выберет петух.

Особым гаданием было *вивкаты* – кричать на дворе. С какой стороны донесется эхо – оттуда будет муж.

Окончив гадания, девушки расходятся по домам, продолжая гадать в пути – сбрасывая сапожок (куда носок – там и жених); пересчитывая штaketины в заборе (парень – вдовец, парень – вдовец и т. д.).

Ворожыты, 1 л. ед. ч. -*жу*, – гадать.

Гадания в день св. Андрея были необычайно распространены в исследуемых селах. Этот день характеризуется особой интенсивностью гаданий и ворожбы по сравнению с другими днями исследуемого цикла. Наиболее распространенными гаданиями были девичьи гадания о судьбе и замужестве.

В нас дивчата ворожылы на Андрыја, пырогъ клалы, кота пускалы, як кит зјист' – тотa выјде замуж [У нас девушки гадали в день св. Андрея, клали вареники, кота запускали, если кот съест – та выйдет замуж] (МВ, ФНГ).

Јак де, а в нас на Андрыја ворожылы дивчата. Пеклы такы палянычкъ мален'ки, дивчына загадувала, де чија палянычка, и потим пускалы пса або кота: котру першу хопит' – та скориише замиж выјде. Сијаты јилы або л'он, або шо, так коло дорогъ сијалы – што по тим першыј пројде, хлопецъ чи

н'е [Где как, а у нас в день св. Андрея гадали девушки. Пекли такие булочки маленькие, девушка загадывала, где чья булочка, и потом выпускали собаку или кошку: какую быстрее схватит – та скорее замуж выйдет. Сеять ходили или лен, или что-то другое, так около дороги сеяли – кто первый пройдет, парень или нет] (МВ, ВОМ).

На Андрыја гилкъ в воду ставылы, ворожылы, як зацвите до с'ват, то верне с'а з вијны, а як засохне, то вин загинув [В день св. Андрея веточки в воду ставили, гадали: если зацветет к праздникам, то вернется с войны, а если засохнет, то он погиб] (РР, СВА).

Повазнык (полазнык), и. п. мн. ч. **-къ**, –1) персонаж, приносящий плодородие и счастье, 2) соответствующий ритуал посещения дома первым гостем в праздник. В святочно-новогодней обрядности Лемковщины П. – первый посетитель дома в день св. Андрея, Рождество, Новый год. Большинство информантов отмечает, что П. не приглашался специально. «Обряд известен не только славянам, населяющим Карпаты и Балканы, но и неславянским народам, с древних времен живущим в тесном контакте со славянами, например венграм, румынам, грекам, албанцам» [Усачева 1977: 21].

Обряд «полазнык» в день св. Андрея был распространен во всех исследуемых населенных пунктах.

Полазником обычно являлся молодой человек, красивый и здоровый. Его положительные качества магически обуславливали благополучие и здоровье в доме. Негативно относились к женщине-полазнику.

Повазнык – то на Андрыја, добре, як хвопец' [Полазнык – это в день св. Андрея, хорошо, если парень] (МВ, СДО).

В нас полазнык бив на Андрыја. Ту је [на Западной Украине] повазнык на Введеније, а в нас – на Андрыја бив. Мав буты хвопец', бажано, абы жинка в тој ден' до хаты не прыходыла. Навит' колы запрошувалы, якшо прыходыв, јого обов'азково гостылы [У нас полазнык был в день св. Андрея. Здесь полазнык на Введение, а у нас на Андрея был. Должен был быть парень, желательно, чтобы женщина в этот день в дом не приходила. Даже иногда приглашали; если приходил, его обязательно угощали] (МВ, ФНГ).

В нас полазныкъ ходылы на Андрыја, посивалы [У нас полазники ходили на Андрея, посеивали] (МВ, ЖОИ).

Посиваты, 1 л. ед. ч. **-ју**, – обходить дома с пожеланиями удачи и богатства.

Утром на св. Андрея группы парней обходили дома с разного рода пожеланиями. Иногда информанты называют подобные группы *посивачь*, т. е. так же, как группы колядующих на Новый год. Парни обсыпали дом зерном, а также

носили с собой небольшие резные палки-посохи, приготовленные заранее. Посох вручался хозяину дома с пожеланиями здоровья и приплода скотины в этом доме. В ответ хозяин одаривал гостей деньгами.

Посивач, и. п. мн. ч. **-чъ**, – участник обрядовых обходов в Новый год и, реже, в день св. Андрея. П. приходили в дом и рассыпали зерно, что символизировало приносимые ими счастье и удачу.

Вельја / С'ватѣј вечер (Рождественский сочельник)

Бан'ка, и. п. мн. ч. **-къ**, – стеклянное елочное украшение.

Б. была в некотором роде показателем состоятельности семьи, так как стоила довольно дорого. Семья считалась богатой, если на елке висело 5–6 Б.

Вельја / С'ватѣј вечер – Рождественский сочельник.

Называли Вельја або С'ватѣј вечер. И так, и так мама повидала. В тот ден постылы до першоју з'визды [Называли или Вельја, или С'ватѣј вечер. И так, и так мама говорила. В этот день постились до первой звезды] (РР, РЕС).

С'ватѣј вечер в нас дуже родынно с'в'аткували. Нас на С'ватим вечери быво тры родыны, напевно, трыци'ат' чоловик [Сочельник у нас очень семейно праздновали. Нас на Сочельник было три семьи, наверное, тридцать человек] (Р, ПГЯ).

На Вельју најперше јилы до старших, потим до мамыных родычив. А потим до нас, бо тато бѣв старшыј [В Сочельник сначала шли к старшим, потом к маминим родственникам. А потом к нам, потому что отец был старшим] (МВ, ЗМИ, СИВ).

Постылы зме цилыј ден', варылы зме вс'аки пистни стравы. Варылы дванац'ат' страв, а јак јуж малы сидаты до вечери, то мы ходылы хата в хату по сусидах и там мајже до рана сыдивы, спивалы зме, кол'адувалы [Мы постились целый день, готовили всякие постные блюда. Готовили двенадцать блюд, а когда уже должны были садиться ужинать, то мы ходили по домам, к соседям и там почти до утра сидели, пели, колядовали] (В, Г(П)АИ).

Бажано, жебы вс'а сим'ја в С'ватѣј вечер бѣва за стовом [Желательно, чтобы вся семья в Сочельник была за столом] (Ван, ГПМ).

Вечер'а – праздничный ужин в канун Рождества.

Обычно В. проходила у старших членов семьи, т. е. взрослые дети со своими семьями старались прийти к родителям. Если это было невозможно, устраивали обходы родственников и соседей.

В. начиналась и заканчивалась молитвой. Блюда ели в строго определенном (в каждом селе разном) порядке. Во время В. предписывалось хранить молча-

ние, а также запрещалось вставать до завершения ужина. Конец трапезы сопровождался множеством гаданий по тушению свечки, бряцанию ложками, бросанию обрядовых блюд в потолок.

Особое внимание уделялось столу, за которым проходила трапеза. Его посыпали зерном, укрывали сеном, под стол в особом порядке помещали орудия труда.

Важной частью В. являлись действия, целью которых было почтить покойных родственников и вообще предков. Существует два основных варианта обряда угощения покойных: 1) одновременное, т. е. подразумевается, что души усопших сейчас за столом и делят трапезу с живыми; 2) стол специально не убирают, чтобы души усопших пришли угощаться ночью.

Як засвѣтылы с'вичку, то с'е молылы. Мы гварылы лем «Отче наш». И сидалы вишѣткѣ, алы нѣхто не вставав, поки не поѣлы, мала право вставаты лем господын'а. Вишѣткѣ јлы з једној мыски [Когда зажгли свечу, молились. Мы говорили только «Отче наш». И все садились. Но никто не вставал, пока не поели. Могла вставать только хозяйка. Все ели из одной миски] (РР, РЕС).

Варылы вечер'у, ја знају, шо мама капушту варыла, кесельц'у таку з вивса, бул'бу. А кут'у варылы не з пшеныци, а з јачмин'у – панцакѣ. Грибы варылы, дванац'ат' страв мало быты. Пырогѣ, фасол'а, говунци. Најперше јлы чеснок, а потим рыбу, а потим хто јак хотѣв [Готовили ужин, я знаю, что мама капусту варила, кесельц'у такую из овса, картошку. А кутью варили не из пшеницы, а из ячменя – панцакѣ. Грибы варили, двенадцать блюд должно было быть. Вареники, фасоль, голубцы. Сначала ели чеснок, а потом рыбу, а потом кто что хотел] (МВ, ПЮМ).

На вечер'у сходылыс'а до најстаршых. Нас там быво пид сорок чоловик. И бабѣ'а нам всѣм, кожнѣј дытыни давала бувочку. Всѣ молылыс'а, зачынав дѣдо. Дѣдо с'вичку запал'ував, старшѣј в сим'ји. За вечер'ом ты не мав права слова сказаты и встаты до кѣнц'а. А јлы всѣ з одноји мыски. Кожному – выжска, обов'язково дерев'анна [На ужин собирались к самым старшим. Нас там было под сорок человек. И бабушка нам всем, каждому ребенку давала булочку. Все молились, начинал дед. Дед свечку зажигал, старший в семье. За ужином ты не имел права слово сказать и встать до конца. А ели все из одной миски. Каждому – ложка, обязательно деревянная] (МВ, ЗМИ, СИВ).

А мы всѣ јлы з одноји мыски. Потим друга страв – прыносылы другу мыску. А јак вставалы до вечѣри, то с'е молылы, об'азател'но. Всѣ в голос с'е молылы [А мы все ели из одной миски. Потом другое блюдо – приносили другую миску. А перед ужином обязательно молились. Все вслух молились] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

А перед вечереју мы кл'акалы вси, молылыс'а и знов сидалы за стив [А перед ужином мы все вставали на колени, молились и опять садились за стол] (Ван, ГПМ).

А јилы вси з одноји мыски [А ели все из одной миски] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

На вечер'у вси диты сходылыс'а до бат'кив. Дидо вмер скориише. А поки баба жыла, то вси диты, а јих быво семеро, вси сходылыс'а до бабы. Нас збыралос'а чоловик трыц'ат' [На ужин все дети сходились к родителям. Дед умер раньше. А пока бабушка жила, все дети, а их было семеро, все сходились к бабушке. Нас собиралось человек тридцать] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

Не можна ни в јакому рази дојусты мыску дочыста. Мусыт'с'е лышыты хот'одна бул'ба, выжка кесельци – такиј звычај був. То означало то, жебы завжды в хати страва быва [Нельзя ни в коем случае доесть всё. Должна остаться хоть одна картошка, ложка кесельци – такой обычай был. Это означало, чтобы всегда в доме еда была] (Мис, НАИ; Р, ПВС).

Ворожыты, 1 л. ед. ч. -жу, – гадать, ворожить.

Сочельник не был столь насыщен гаданиями, как день св. Андрея, и не осознавался как специальный день для гаданий. Однако масса гаданий связана со свечкой, горевшей за ужином, и ложками.

Повидалы, шо дивчата тымы бобал'камь годувалы або пса, або кота – то ворожылы так. Котра с'е перша отдаст? Котроји кит бобал'ку з'јив [Говорили, что девушки этими кусочками теста кормили собаку или кошку – это гадали так. Кто первая замуж выйдет? Та, чей кусочек теста кот съел] (РР, РЕС).

Дз'ад солом'аныј – то же, что и дидух.

Дидо – то же, что и дидух.

Дидух – праздничный рождественский сноп, торжественно вносимый в дом хозяином в Сочельник.

Сноп стоял на самом почетном месте (стол либо угол под образами) на протяжении всех праздников. Д. могли украшать лентами. Существует единичная запись, где сноп – *дз'ад солом'аныј* – антропоморфен: информант сплел из соломы чучело человека.

А то маје быты дидух – то је жытныј сноп велькиј. Тры разы перевеслом був перев'азаныј тој сноп, такиј довгий, и стојав в кути. Мав стојаты в кути, в нас называлы дидо. Тато входыв з снопом до хаты и казав: «Хрыстос с'е рождаје!» – и тоди вже сидалы до вечери [А это должен быть дидух – это большой ржаной сноп. Этот сноп был в трех местах перевязан перевяслом (соломенным жгутом), такой длинный, и стоял в углу. Должен стоять в углу, у нас

называли *дидо*. Отец входил со снопом в дом и говорил: «Христос рождается!» – и тогда уже садились ужинать] (МВ, ПЮМ).

Быв такиґ велькиґ сноп, и тоґ сноп называвс'а дз'ад солом'аныґ. Багато снопкив, зробылы одну вельку и называвс'а дз'ад солом'аныґ. То дл'а того, жебы на другиґ рик быв велькиґ урожаґ [Был такой большой сноп, и этот сноп назывался *дз'ад солом'аныґ*. Много снопов, сделают один большой и назывался *дз'ад солом'аныґ*. Это для того, чтобы на следующий год был большой урожаґ] (ВМ, ЖОИ).

Заносылы до хаты сноп, тепер повидаґут' «дидух», але мы то называлы околот – жытнїґ сноп. То велькиґ сноп, жытнїґ або вивс'аныґ, шо с'е вродыво, жебы ваднїґ був. Ставыс'а в кут. В кути був образ, а пид образом ставыс'а сноп [Заносили в дом сноп, теперь говорят *дидух*, но мы это называли *околот* – ржаной сноп. Это большой сноп, ржаной или овсяный, что уродилось, чтоб красивый был. Ставился в угол. В углу образ, а под образом ставился сноп] (Ван, ГПМ).

Тато приходыв до хаты, прыносяв с'ноп и повидав так: «Подаґ Биг на щест'а, на здоров'ја, на С'ватѳґґ вечир!» або: «Подаґ Биг на щест'а, на здоров'ја, на Вельїу! Жебы змо были здорови, жебы змо дочекалы другиґи Вельїи». А мама: «Даж Боже!», так трыґ раза. *Я пам'атам, шо пизнише в нас с'ноп лежав на столи, а на с'ноп квалы струцел'* [Отец приходил домой, приносил сноп и говорил так: «Дай Бог счастья, здоровья на Сочельник! Чтобы мы были здоровы, чтобы дожили до нового Сочельника». А мама: «Дай Бог!», так три раза. Я помню, что потом у нас сноп лежал на столе, а на сноп ставили *струцел'* (обрядовый хлеб)] (РР, РЕС).

Быв сноп, жоґ ставылы так в кут хаты [Был сноп, его ставили в углу] (Р, ПГЯ).

Зил'а с'вачене – освященные лекарственные растения.

А ше на Вельїу прыносялы до хаты зил'а с'вачене, квалы на креденс, на шафу, на подышїґе [полка для посуды]. *Зил'а – то ликарс'ки рослыны... звиробиґ, центорїґја...* [А еще в Сочельник приносили в дом *зил'а с'вачене*, клали на комод, на шкаф, на полку для посуды. *Зил'а* – это лекарственные растения... зверобой, центурия...] (МВ, ЖОИ).

Кут'а – одно из основных праздничных блюд Сочельника.

Примерно в половине обследованных сел кутья не была основным блюдом и стала употребляться относительно недавно. Обычно место кутьи в обряде занимала *кесельц'а*.

А ран'ше носылы кут'у з одноґи хаты до хаты. В мене сидимо, потим берут' кут'у, несут' до сусида чы до кого. Так с'е называло, шо нос'ат' кут'у

[А раньше носили кутью из дома в дом. У меня сидим, потом берут кутью и несут к соседу или к кому. Так называлось, что носят кутью] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

С'ваткујетс'а так: дванац'ат' страв, обов'јазково маје быты кут'а [Празднуется так: двенадцать блюд, обязательно должна быть кутья] (Ван, ГПМ).

Повазнык (полазнык), и. п. мн. ч. **-къ**, – персонаж, входящий в дом перед праздничным ужином в Рождественский сочельник.

Обряд П. в этот день был связан с пастушеством. Пастух либо член семьи, пасший свою скотину, вводил какое-либо домашнее животное (ягненка, козленка и др.) на некоторое время в дом.

Существует также единичная запись обряда П. в этот день в с. Ванивка, где в роли П. в Рождественский сочельник выступает человек.

Повидалы, же тот, хто був пастух вводиы якесе тел'атко або јагн'атко соби до хаты перед вечер'ом ище. Таке моводе шос'вводиы, жебы с'е вело, – не знам... То робыв тој в сим'ји, шо пастушыы [Говорили, что тот, кто был пастухом, вводил какого-нибудь теленка или ягненка к себе в дом еще перед вечером. Такое молодое что-то вводил, чтобы плодилось хорошо, – не знаю... Это в семье делал тот, кто пас] (РР, РЕС).

В нас не было такого, але ја чула, шо привод'ат'. Пса пускајут'перше, чы ката, чы козу [У нас не было такого, но я слышала, что приводят. Собаку сначала пускают, или ката, или козу] (МВ, ЗМИ, СИВ).

А так трохи перед Вельјом барана т'агнулы малого. Мален'кого на руках або старшыј сын прынис, або тато. А јак не – то козу [А так незадолго до вечера Сочельника барана тянули маленького. Маленького на руках или старший сын нес или отец. А если нет – то козу] (МВ, ЖОИ).

Вс'о обходжу, а тоди захожу до хаты и кажю: «На щест'а, на здоров'ја, на тој новыј рик!» А воны мени видповидајут': «Вытајмо, повазнык!» (То вы рахујетес'а јак повазнык?) *Та, ја јак повазнык прыјшов* [Все обойду, а потом захожу в дом и говорю: «Счастья, здоровья на этот новый год!» А они мне отвечают: «Приветствуем полазника!» (Это вы считаетесь полазником?) Да, я как полазник пришел] (Ван, ГПМ).

Повазнык (полазнык), и. п. мн. ч. **-къ**, – праздничный обрядовый хлеб, предназначенный для угощения скотины.

А перед тым пеклос'а такиј палазнык, јак иты до стајни, то каждиј худобыны дати кусок хлиба. То спец'ал'но дл'а худобы хлиб такиј пеклы, самыј простыј [А перед этим пекся такой полазник, как идти в хлев, то каждому животному дать кусок хлеба. Это специально для скотины такой хлеб пекли, самый простой] (РР, КЭО).

На стив мы ставымо повазнык, чы кажемо струцл'а, вин с'е называв повазнык. И в повазнык повереслом зв'азувалыс'а гроши [На стол мы ставим полазник, или говорим *струцл'а* (обрядовый хлеб), он назывался полазник. И к полазнику соломенным жгутом привязывались деньги] (Ван, ГПМ).

С'вачена вода – освященная вода.

Наличие С. в. в Рождественский сочельник нехарактерно для большинства исследуемых сел, кроме с. Ванивка.

В нас кропылы не тил'ки на Другу Вельју, но и на С'ватыј вечир. И ја також кропл'у с'ваченом водом и худобу и обходжу стајн'у и хату [У нас кропили не только в Крещенкий сочельник, но и в Рождественский. И я так же кроплю святой водой и скот и обхожу хлев и дом] (Ван, ГПМ).

Риздв'ань с'вата (три праздничных дня Рождества) (7.1–9.1)

Риздв'ань с'вата – три праздничных дня, первым из которых является Рождество – *Риздво* (7.1), вторым – день св. Марии – *Марији* (8.1), третьим – день св. Стефана – *Стефана* (9.1). В народном календаре в *риздв'ань с'вата* входит также и канун Рождества (6.1) – *Вельја* (см. выше).

Вороговаты, 1 л. ед. ч. *-ју*, – загадывать, гадать.

Але то мав буты хвопец', то и ту так се ворогујут', жебы тыл'ко на Риздво пријшов хвоп. То је лише. И ще се вороговалы, як ез пријшов такиј човек нежычлывыј. То тому, що жинка народылас'а нечыста, значыт', щос' нечысте прынысе [Но это должен быть парень, это и здесь так гадают, чтобы только мужчина пришел на Рождество. Это лучше. И еще гадали, если пришел такой человек невезучий. Это потому, что женщина родилась нечистая, значит, что-то нечистое принесет] (Л, РСМ).

Вымитне / вымитный ден' / вымитнь – обряд вынесения остатков рождественской соломы и сена в день св. Стефана.

В день св. Стефана во всех исследуемых селах был распространен обычай обходить рано утром дома, где жили молодые девушки, проверяя их трудолюбие и хозяйственность.

Выносилы солону в третј ден' с'ват, вымитный ден' то се называло. Так зранку-зранку выносилы, жебы хтос' не застав, переважно хвопци [Выносили солону на третий день праздников, *вымитный* день это называлось. Так рано-рано выносили, чтобы не застал никто, особенно парни] (РР, КЭО).

Вымитне – то хвопци ходылы по хатах до дивчат, јакио вона не встыгла позамитаты вже в хати, то смијалыс'а, шо вымитаты прыјшылы вони [Вы-

митне – это парни ходили к девушкам, если она еще не успела подмести, то смеялись, что подметать они пришли] (МВ, ЗМИ, СИВ).

На третїй ден' с'ват, де быва дивка, прыходывы хвонци, помагали вымитаты. Де быва дивка – прыходылы на вымитыны. То в нас так быво, в лемкив [На третий день праздников, где была девушка, приходили парни, помогали выметать. Где была девушка – приходили на *вымитыны*. Это у нас так было, у лемков] (МВ, ПЮМ).

Мама оповидава за вымитне, як вона дивком быва. Таке быво, шо на третїй ден' с'ват, на Стефана – вымитне. И рано хвонци ходывы там, де бывы дивчата моводи. Цилу нич ходывы и там с'а гостылы [Мама рассказывала, что, когда она девушкой была, такое было, что на третий день праздников, на Стефана – *вымитне*. И утром парни ходили туда, где были молодые девушки. Целую ночь ходили и там угощались] (РР, РЕС).

Заручънь – этап свадебного обряда, приходившийся на третий день рождественских праздников, когда выносили рождественскую солому.

Писл'а Риздва вже јилы в сваты. Заручънь. Сино в нас скоро выношувалы. То на смит'а јилы на заручънь. Як дивка не прыбрала, то мусыт' дивка ставыты горивку, бо не прыбрано. Пылы горивку и робылы говоренн'а, колы весилл'а робыты [После Рождества уже шли сваты. Сено у нас быстро выносили, поэтому на *смит'а* шли на *заручънь*. Если девушка не прибрала, то должна девушка ставить выпивку, потому что не убрано. Пили водку и договаривались, когда свадьбу делать] (В, ГОИ).

Марији – день св. Марии (8.1), второй день рождественских праздников.

Писл'а Риздва jde Марији, а потим Стефана [После Рождества идет день св. Марии, а потом день св. Стефана] (МВ, ФНГ).

Повазнык (полазнык), и. п. мн. ч. **-кь**, – обрядовый рождественский хлеб.

Во всех исследуемых селах существовал обряд выпекания рождественского хлеба. В селе Ванивка такой хлеб носил название П.

На столи стојит' повазнык, те саме, шо струцл'а, вин с'е повазнык называје. И в повазнык повереслом зв'азувальс'а гроши. Ја и тепер прив'јазују п'атку, жебы бѣв достаток в хъжи. А коло струцли кладу выжски, вони так лежат' цили с'вата, то значыт', жебы вс'а сим'ја була вкупи. Тота струцл'а з гришмы стојит' до Јорданс'ких с'ват, а потим тоти гроши виддају на офиру до церкви [На столе стоит *полазнык*, то же самое, что и *струцл'а* (обрядовый хлеб), называется *полазнык*. И к *полазнику* привязывали деньги. Я и теперь так привязываю, чтобы был достаток в доме. А около *струцли* кладу ложки, они так лежат все праздники, это для того, чтобы вся семья была вместе. Этот

хлеб с деньгами стоит до крещенских праздников, а потом эти деньги отдаю как пожертвования в церковь] (Ван, ГПМ).

Повазнык (полазнык), и. п. мн. ч. **-кѣ**, – первый посетитель на Рождество и связанный с этим приходом обряд.

В своей статье «Обряд “полазник” и его фольклорные элементы в ареале сербскохорватского языка» В. В. Усачева говорит о том, что «у украинцев, живущих в Карпатах, почти не сохранился данный обрядовый фольклор» [Усачева 1978: 28]. И действительно, по сравнению с южнославянской традицией лемковский обряд «полазник» почти не сохранил песен-пожеланий, заклинаний, поздравительных стихов. Приводящаяся ниже запись обрядового приветствия полазника единична.

(А полазныкѣ были на Риздво?) *Былы. Звидувалыс’а: «Отк’ел’ јез, повазныку?»* А повазнык отповидав: «З доброго, з веселого, щаслывого!» – таке... Але то мав буты хвонец’, то и ту так се ворогуют’, жебы тыко на Риздво пријшов хвон. То је лишиє [(А полазники были на Рождество?) Были. Спрашивали: «Откуда ты, полазник?» А полазник отвечал: «С доброго, с веселого, щастливого!» – так... Но это должен был быть парень, это и здесь так гадают, чтобы только на Рождество пришел мужчина. Это лучше] (Л, РСМ).

То на Риздво. Хто пријшов першыј, то јого полазныком называлы и вгощалы. И обов’язково шос’давалы – пампухи, печыво. Хлонец’ мав прыјты [Это на Рождество. Кто пришел первым, того называли полазником и угощали. И обязательно что-то давали – пончики, печенье. Парень должен был прийти] (РР, КЭО).

А полазнык – то першыј хлоп мав прыјты, јак зајде, то кажут’, шо добре. То и на Андрыја полазнык је [А полазник – это первым мужчина должен был прийти, если придет, то говорят, что хорошо] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

Обов’язково ходылы полазныкѣ, ходылы, так... [Обязательно ходили полазники, ходили, да...] (Р, ПВС, ПГЯ, ПНЯ).

Быв повазнык... точно ја тото не пам’атам, але знам, шо хотилы, жебы быва така добра л’удына. Хвонец’, або мушчына дорослыј. Жебы быв здоровыј, не јакис’ горбатыј, кривыј... Бо цивыј рик такіј буде. А јак прыјде јакис’ кул’авыј на ногу, то цивыј рик такіј будеш маты [Был полазник... точно я это не помню, но знаю, что хотели, чтобы был такой добрый человек. Парень или мужчина взрослый. Чтобы был здоровый, не какой-нибудь горбатый, кривой... Потому что целый год такой будет. А если придет какой-нибудь хромой, то целый год у тебя такой будет] (РР, РЕС).

На Риздво ходыт’ рано полазнык. И до ныншиш’ого дн’а ја на Риздво једу молодого, бы ми старыј не пријшов. Бажано, жебы мав гроши, быв здоровыј

и фажный! -Як ты багато хочеш!.. – И жебы гарный! То ја старајус'а запрошуваты до хаты. А јак прыходит' такиј – то не пуцу! [Утром на Рождество ходит полазник. И до сегодняшнего дня я на Рождество жду молодого, чтоб только старый не пришел. Желательно, чтобы был богатый, здоровый и хороший! – Как ты много хочешь!.. – И чтоб красивый! Так я стараюсь приглашать в дом. А если приходит такой – то не впущу!] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

Риздво – праздник Рождества Христова (7.1). Основными обрядовыми действиями этого дня были церковные обряды. Однако кроме церковной обрядности можно выделить 1) обрядовое умывание; 2) обряд «полазник»; 3) обряд вынесения рождественской соломы.

В Риздво з рана јилы до церкви, а то морозы бывы, карпатскъ морозы не таки, јак ту... [Утром на Рождество шли в церковь, а это морозы были, карпатские морозы не такие, как здесь...] (Л, РСМ).

На саме на Риздво мылыс'а вводом з копијкамъ. Куна копијок, и мылыс'а копијкамъ [На самое на Рождество умывались водой с монетами. Куча монет, и умывались монетами] (М, ЮЭМ).

Ранен'ко на Риздво јилы в церкву [Ранехонько на Рождество шли в церковь] (В, ГОИ).

С'мит'а (в сочетании *ходыты на с'мит'а*) – обряд утреннего обхода домов в день св. Стефана.

В обряде участвовали молодые парни, которые приходили в те дома, где были девушки на выданье. Иногда данный обряд являлся частью свадебного обряда как аналог русского «рукобיתья».

А потим у с'вата хвоци приходылы на с'мит'а, то вже на третј ден'. Јакишо дивчына не забрала, не вымела и не вынесла с'мит'а, то мусила ставыты горивку, а јак быво јуж чисто, то вони ставылы горивку. То ходылы на с'мит'а хвоци. [А потом в праздники парни приходили на с'мит'а, это уже на третий день. Если девушка не убрала, не вымела и не вынесла сор, то должна была ставить водку, а если было уже чисто, то они ставили водку. Это ходили на с'мит'а парни] (МВ, СДО).

Прыходылы кавалеры на смит'а, вымитаты смит'а. Бралы ту солому, сина, јилы, робылы перевесла зи соломы тоји, зо сина, и в сад, навколо обкручывалы кожне дерево тым перевеслом, тым шо зи стола, жебы дерева не померзлы [Приходили ухажеры на с'мит'а, выметать сор. Брала эту солому, сено, шли, делали из этой соломы, сена жгуты, и в сад, вокруг обкручивали каждое дерево этим жгутом, тем, что со стола, чтобы деревья не померзли] (МВ, ЖОИ).

А тото смит'а выносылы аж на третій јакосы ден' и палылы. Жебы ранен'ко, ранен'ко тото смит'а Марына выносыла, жебы с'а оддава до рока. Жебы ји хвопец' не застав на двори с тым смит'ам [А этот сор выносили как-то аж на третий день и сжигали. Чтобы рано-рано этот сор Марина выносила, чтоб выйти замуж в течение года. Чтоб ее парень не застал на улице с этим сором] (М, ЮЭМ).

Тој, шо мав с'а женыты с тов дивчынов, прыходыв с кол'егамъ на с'мит'а. И там вже договор'увалы с сватамы [Тот, который должен был жениться на этой девушке, приходил с товарищами на с'мит'а. И там уже договаривались со сватами] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

В нас скоро вымиталы тото с'мит'а – на Стефана. Вымиталы тото смит'а, бо казалы, де дивка је в хати, то тото с'мит'а треба выместы и з рана вынести ранен'ко, жебы хвопец', јакіј прыјде до тоји дивчыны, вже не застав того с'мит'а. Бо јак застав, то эле, то кажсе, шо дивка линыва, јак не встала з рана, не вымила с'мит'а, а в вечер не можна було вымитаты. А то сино выносылы до стајни, корови давалы [У нас быстро выметали этот сор – на Стефана. Выметали этот сор, потому что говорили, где девушка есть в доме, то этот сор надо вымести и утром рано вынести, чтобы парень, который придет к этой девушке, уже не застал этого сора. Потому что если застал, то это плохо, то говорят, что девушка ленивая, если не встала утром, не подмела сор, а вечером нельзя было подметать. А сено это выносили в хлев, корове давали] (МВ, ВОМ).

Сино в нас скоро выношувалы. И јак вынеслы, тото смит'а давалы квочци в гнздо, жебы курчата добри бывы [Сено у нас быстро выносили. И когда вынесли, этот сор давали наседке в гнездо, чтобы цыплята хорошие были] (В, ГОИ).

То сино јак выносылы, то складалы и казалы, шо теба квасты квочку на н'ого, шо куры будут'квокаты. Жебы курка квокала, тото св'атовечирн' сино треба в мишечку трыматы [Это сено когда выносили, то складывали и говорили, что теперь на него наседку надо. Чтоб курица квохтала, это сочельниково сено надо в мешочке держать] (МВ, ЗМИ, СИВ).

С'мит'ар, и. п. мн. ч. **-рѣ**, – один из участников обряда вынесения рождественской соломы, обходивших рано утром дома.

У нас тото робылы писк'а Рыздва. И с'а называлы с'мит'ары. С'мит'арив называлы, де там задумав женыты, то вин брав колегив својих и ранен'ко до с'вита вин заходыв до тоји својеји нареченој, абы ји застаты за с'мит'ам в хати... И тоди воны робылы пор'адок... А јак ји застаты, то почыналы лыка дерты з неји: шо то за газдын'а, шо пор'адок не поробленј в хати?! [У нас это делали после Рождества. И назывались они с'мит'ары. С'мит'арив назы-

вали, если где-то там задумал жениться, то он брал своих друзей и рано до рассвета приходил к этой своей нареченной, чтоб ее застать за уборкой сора в доме... И тогда они наводили порядок... А если ее застали, то начинали цепляться к ней: что это за хозяйка, если порядок в доме не наведен?!] (МВ, ФНГ).

Стефана – день св. Стефана (9.1), третий день рождественских праздников.

Струцл'а (струцел') – обрядовый рождественский хлеб, находившийся на столе с Рождественского сочельника до Крещения.

Та струцл'а мусива быты! Запышы: струцл'а мусива быты, бо лемкь то пеклы, такиґ хлиб закручаныґ [Так струцл'а должна была быть! Запиши: струцл'а должна была быть, потому что это лемки пекли, такой хлеб закрученный] (М, ЮЭМ).

А струцел' стојав до Јордану. И по Јордани виґтко тото збыраво. Ја знају, јуж струцел' був сухиґ. Јуж с'е не ризав добри, бо јуж с'е крышыв [А струцел' стоял до Крещения. А после Крещения все это собирали. Я знаю, что струцел' уже сухой был. Уже не резался хорошо, потому что уже крошился] (РР, РЕС).

Новыґ рик (Новый год)

Васыл'а и Маланки см. **Новыґ рик**.

Новыґ рик / Васыл'а и Маланки – день св. Василия, Новый год (14.1).

В исследуемой традиции содержательная основа праздника имеет в основном религиозный аспект. Существуют также некоторые обряды, связанные с магией начала-конца. Отсутствие четкого светского восприятия Н. р. в исследуемых селах можно объяснить тем, что они в разное время относились к разным государствам, где светский Новый год имел другую дату.

На Новыґ рик л'уды сьидили в хати, бо казали, шо то не вил'но јты. Жебы кому с' не зашкодыты, не быты палазныком, то сьидили вси л'уды в хати [На Новый год люди сидели дома, потому что говорилось, что нельзя идти. Чтобы кому-то не повредить, не быть полазником, поэтому сидели все люди дома] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

На Васыл'а јшлы до церкви, колы с'в'ашенник сказав, на јаку годину. А на столи с'вичка с'вительыс'а [На Василия шли в церковь, когда сказал священник, к которому часу. А на столе свеча горела] (В, ГОИ).

На Васыл'а вси јшлы до церкви, потим кол'адували. Де був Васыл', то прыходылы јого в'азалы [На Василия все шли в церковь, потом колядовали. Где был Василий, то приходили его связывать] (МВ, ЖОИ).

Повазнык (*полазнык*), и. п. мн. ч. **-кѣ**, – персонаж, первым приходящий в дом на Новый год, и связанный с ним обряд.

Новогодний обряд П. в основном имел те же особенности, что и соответствующие обряды в день св. Андрея и Рождество. П. должен быть мужчина, обладающий массой положительных свойств: красотой, здоровьем, богатством, удачей, веселостью и «легкой рукой». Нежелательным был приход в дом женщины либо злого человека.

Однако новогодний обряд имел и свои особенности. В частности, образ полазника в рассказах информантов частично, а иногда и полностью, сливается с образом *посивача*, персонажем обряда посыпания зерном.

А тоже на Новыј рик за повазныка бывы. Шобы тил'ки не пријшла дивчына або жинка, бажано, шоб мушчына. Бо с'е добре рик веде [А на Новый год тоже полазником были. Чтоб только не пришла девушка или женщина, желательно, чтобы мужчина. Потому что хороший год будет] (РР, ССА).

Полазныкѣ на Новыј рик идут', на Васыл'а и Маланки. Диты зерном посивајт' [Полазники на Новый год идут, на Василия и Маланки. Дети зерном посевают] (МВ, ПЮМ).

То с'е называло палазнык. Бо јак бы пишов до јакојус'хаты, и потом бы с'е јим не вело, то бы нарикалы: «А, пријшла, чы пријшов, а тепер нам с'е не веде!» [Это называлось полазник. Потому что если бы пошел в какой-нибудь дом, и потом им бы не везло, то жаловались бы: «А, пришла, или пришел, а теперь нам не везет!»] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

Полазнык в нас бив на Васыл'а. Першыј жебы пријшов до хаты моводыј гарныј хвончыс'ко и посијав тым, зерном. Тыж повидав: «На щест'а, на здоров'ја, на тој Новыј рик! Сију-посивају, з Новым роком вас витају!» И так вс'уды пшеныц'ом, јачмен'ом, вивсом россыпував. Давалыс'а полазнику пампухѣ, пончкѣ с'е называлы, јабка, хто бив багатыиј – то цукеркѣ [Полазник у нас был на Василия. Чтоб первым пришел в дом молодой красивый парень и посеял зерном. Также говорил: «На счастье, на здоровье, на Новый год! Сею-посеваю, с Новым годом вас поздравляю!» И так повсюду пшеницей, ячменем, овсом посыпал. Давали полазнику пончики, яблоки, кто был богатый – конфеты] (Ван, ГПМ).

Повазнык... за повазныка... та, на Васыл'а јак раз мав повазнык пријты. Повазнык прыходыв, винчував, виытко сијав зерно. А повазнык мусив быты хвон, бо јак баба, то с'е не вело... А так виытко с'а вело в сели. А јак ишла жинка, то казала: «Ја не иду за повазныка до вас!», а з рана взагали дома седывы [Полазник... за полазника... да, на Василия как раз должен был полазник

прийти. Полазник приходил, произносил благопожелания, везде сеял зерно. А полазником должен был быть мужчина, потому что если женщина, то не везло... И так везде было в селе. А если шла женщина, то говорила: «Я не иду к вам как полазник!», а с утра вообще дома сидели] (РР, РЕС).

Посиваты, 1 л. ед. ч. *-ју*, в сочетании *ходыты посиваты* – обряд посыпания зерном.

На Новый год группы молодежи – *посивал'нькъ* – совершали обходы домов. По-видимому, обряд является частью колядования, так как П. могли только после исполнения колядок. Обсыпание зерном хозяев, дома, двора сопровождалось специальными приговорами.

На Васыл'а јакисе повазнык бив, ја не пам'атам. Але ходылы посиваты, винчуваты. Зерном посыпалы: «Дай Боже щест'а, здоров'ја на Новыј рик! Жебы с'е вам родыло жыто, пшењыц'а, вс'ака пашныц'а, жебы коровы с'е дојилы, куры с'а неслы...» – таке говорылы, довге таке винчуванн'а быво. И шос'јим давалы, гроши або шо [На Василия какой-то полазник был, я не помню. Но ходили посевали, произносили благопожелания. Зерном посыпали: «Дай Бог счастья, здоровья на Новый год! Чтоб у вас уродилась рожь, пшеница, всякие злаки, чтоб коровы доились, куры неслись...» – так говорили, длинное такое благопожелание было] (РР, РЕС).

Ходылы, посивалы хвонци, пшењыц'ом, зерном [Ходили парни, посевали пшеницей, зерном] (МВ, ЗМИ, СИВ).

Посивачъ / посивальнькъ – участники обряда обсыпания зерном.

Обычно участниками данного обряда были не дети, а подростки или юноши. П. носили с собой специальные сумки с зерном, которое рассыпали, входя в дом.

Участников обряда одаривали деньгами, сладостями, рождественской выпечкой, яблоками.

Ходылы на Васыл'а посивачъ, зерном посивалы [На Василия ходили *посивачъ*, зерном посевали] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

(А посивачъ ходылы?) *Так, так, так... посивалы зерном, то полазнык робыв. А старалыс'а, бы хлоп прыјшов до хаты, а не баба. На Новыј рик тоти сивачи: «Сију, сију, посивају, з Новым роком вас витају, бы с'е вам родыла жыто-пшењыц'а, вс'ака пашныц'а, л'он – по колина, абы вас голова не болива* [(А *посивачъ* ходили?) Да, да... посевали зерном, это полазник делал. А старались, чтоб мужчина в дом пришел, а не женщина. На Новый год они говорили: «Сею, сею, посеваю, с Новым годом вас поздравляю, чтоб у вас уродилась рожь, пше-

ница, всякие злаки, лен – по колено, чтоб у вас голова не болела] (В, ГОИ).

На Васыл'а посивачь ходылы, винчувалы. То быво по-стародавн'ому, то не ходылы диты, то ходылы старши [На Василия посивачь ходили. Это было по-стародавнему, это не дети ходили, это ходили взрослые] (МВ, ФНГ).

То на Васыл'а ходылы посивал'нъкь, ходылы, зерном посивалы. Тоже јих гостылы [Это на Василия ходили посевальщики, ходили, зерном посевали. То же их угощали] (МВ, ВОМ).

Друга Вельја (Крещенский сочельник)

Друга Вельја / Другиј с'ватыј вечер – Крещенский сочельник (18.1).

Д. В. является начальным этапом завершения рождественских праздников. В системе обряда прослеживается частичное повторение обрядов Рождественского сочельника. «В в.-слав. традиции канун Крещения (5/18.1) терминологически смыкается с названием Рождественского сочельника и во многом повторяет рождественско-новогодние обычаи» [Виноградова, Плотнокова 1999: 668]. Все информанты отмечали меньшую важность и торжественность Д. В. по сравнению с Рождественским сочельником.

Называлы Друга Вельја. Перше, шо мало быты, то с'в'ачена вода, прыносылы рано з церкви. Прыносылы св'ачену воду и св'аченом водом тато кропыв по хати, по двори, обходыв вишытку своју господу, господарку [Называли Друга Вельја. Первое, что должно было быть, это святая вода, приносили утром из церкви. Приносили святую воду и отец окроплял дом, двор, все хозяйство] (РР, РЕС).

Друга Вельја – так само, јак С'ватыј вечер, тил'ки з с'ватоју водоју. Обкропл'увалы худобу, хату в середины, подвирр'а – вс'о [Друга Вельја – то же самое, что и Рождественский сочельник, только со святой водой. Кропили скот, дом внутри, двор – всё] (МВ, ПЮМ).

Ну а на Другу Вельју робылы таки тькъ, палки таки, щедриуькь. То робылы и јшлы в ноци, щедрувалы [Ну а на Другу Вельју делали такие палки для щедрования. Это делали и шли ночью, щедровали] (Р, ПГЯ).

Так само быво дванац'ат' страв, але вже так дуже строго не дотрымувалы [Так же было двенадцать блюд, но уже так строго не придерживались] (Р, ПГЯ).

То саме, шо робылы на першыј вечер, то и на другиј. Так само, дванац'ат' страв, мольмыс'а, вс'о так само [То же самое, что делали в первый Сочельник, то и во второй. Так же было двенадцать блюд, молились, всё так же] (МВ, ЗМИ, СИВ).

Друга Вельја – то вже каждый соби дома зрыхтував, вже не ходылы по хатах. Але тоже писно быво и варывы досыт'. Кут'у варылы [Друга Вельја – это уже каждый у себя дома готовил, уже не ходили по домам. Но тоже постное было и варили вдоволь. Кутью варили] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

На Другу Вельју – мајже так само. Дванац'ат' страв. Але најперше розлы-вајут' по килишкам с'вачену воду. И тоди повидам: «Хрыстос се хрыццаје!» – «В рици Јордан!» – видповидајем [На Другу Вельју почти так же. Двенадцать блюд. Но сначала разливают по рюмкам святую воду. И тогда говорю: «Хри-стос крещается!» – «В реке Иордан!» – отвечаем] (Ван, ГПМ).

Ризнылос'а хиба тым, шо перед вечер'еју јшлы на службу божу, бралы с'вачену воду. Тоту с'вачену воду треба быво прынесы до хаты, обијты ху-добу, покропыты навколо хаты. И до страв с'ваченоји воды. И перше за вечер'ју – то килишок с'ваченоји воды [Отличалось только тем, что перед ужи-ном шли на службу, брали святую воду. Эту святую воду надо было принести в дом, обойти скот, покропить вокруг дома. И в блюда святой воды. И первое перед ужином – это рюмка святой воды] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

Вечер'а – праздничный ужин в канун Богоявления.

Главной отличительной особенностью В. в канун Богоявления от В. в Рож-дественский сочельник было употребление святой воды. Святая вода являлась первым блюдом, за которым следовали остальные двенадцать (или меньше) блюд.

Также существовал обычай приготовления блюд к В. на святой воде.

Так само свичку свитылы, молылыс', але повидалы: «Дай Боже щаст'а, здоров'ја на Јордан!» А тоту жбанку з водом ставыв на стив коло струцли. И як быва вечер'а, як вечер'алы, то најперше зачыналы с св'аченој воды. Килишок и тарелычок дл'а душ тиж быв [Так же свечку зажигали, молились, но говорили: «Дай Бог счастья, здоровья на Крещение!» А этот сосуд с водой ставили на стол около струцли. И когда был ужин, когда ужинали, то начинали с святой воды. Рюмка и тарелка для душ тоже была] (РР, РЕС).

Надвечирр'а – обряд освящения воды утром в Крещенский сочельник.

То з рана јшлы до церкви, с'ватылы воду до вечери, то с'е называло надвечирр'а, шо пос'в'ачував воду до страв [Это утром шли в церковь, святили воду к ужину, это называлось надвечирр'а, когда святили воду к блюдам] (МВ, ФНГ).

Посиваты, 1 л. ед. ч. -ју, в сочетании *ходыты посиваты*, – обряд посыпания зерном, щедрование.

В нас ходылы посиваты не на Новыј рик, а на Другу Вельју. «Сију, вију, посивају, з Новым роком вас витају. Шоб вам родылас' пшењыц'а и вс'ака пашныц'а!» [У нас ходили посеять не на Новый год, а на Другу Вельју. «Сею, вею, посеваю, с Новым годом вас поздравляю. Чтоб у вас уродилась пшеница и всякие злаки!»] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

С'вачена вода – святая вода.

С. в. имела большое значение в обрядах кануна Богоявления: на ней готовили блюда к праздничному ужину, с нее начинали трапезу. Существовал обряд кропления С. в. хозяйства перед трапезой и даже вливания С. в. в колодец.

Перше с'е јшло до церкви, с'ватылы воду и на тиж води варылы вечер'у. И кропылы хату [Сначала шли в церковь, святтили воду и на этой воде варили ужин. И дом кропили] (МВ, ПНОМ).

Саме перше з рана јшлы до церкви, с'ватылы воду и на вечер'у мала быты вода с'вачена. Першоју пылы воду с'вачену [Самое первое утром – шли в церковь, святтили воду к ужину, должна была быть вода святая. Первой пили воду святую] (Р, ПГЯ).

С'вачена вода – то саме головне. Зачыналы с тотоји воды. Варылы јсты на с'вачениј воды [Святая вода – это самое главное. Начинали с этой воды. Варили есть на святой воде] (МВ, ЗМИ, СИВ).

А најперше, перед вечереју – с'вачена вода. И до страв добавл'алы с'ваченоји воды [А сначала, перед ужином, – святая вода. И в блюда добавляли святой воды] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

Хто маје студн'у, то јак прынесе з церкви воду, то обов'јазково вливаме до студни. И тут знов вс'о кропл'ат', и стајн'у, и хату. А на кожных двер'ах тато ставыв хрестык, жебы нечыста сыла не зашла. [У кого есть колодец, то когда принесет из церкви воду, то обязательно нальем в колодец. И тут снова все кропят и хлев, и дом. А на каждой двери папа ставил крестик, чтобы нечистая сила на вошла] (Ван, ГПМ).

Йордан (Богоявление или Крещение)

Йордан – Крещение (19.1).

На Јордан јшлы воду св'атыты. Ишов св'ашеннык, хоругвы неслы хвопци, и на ричку. Вырубувалы таку полонку, кирнычку таку и св'атылы. Потим воду набыралы и по хатах јшлы [На Крещение шли святить воду. Шел священник, хоругвы несли парни и на речку. Вырубали такую прорубь, колодец такой и святтили. Потом воду набирали и шли по домам] (РР, ССА).

На другий ден' жили на Йордан до церкви, и мама повидалы, шо с'ватылы на рици. Воду несли до дому и трымалы до другого року, она быва помична и дытыни, як хвора, и дорослым, и скотыни. То от вс'акъх врокив, як вмер хтос', то треба быво с'в'ачену воду, як вродыв [На другой день шли на Крещение в церковь, и мама говорили, что святили на реке. Воду несли домой и хранили до следующего года, она помогала и ребенку, если больной, и взрослым, и скоту. Это от всякого сглаза, если умер кто-то, то нужна была святая вода, если родил] (РР, РЕС).

На Йордан жиов с'в'ашенных по сели, а на переди, за два-тры хаты жили хвопци з дзвинками. Ну, ја як раз с'е народыв на Йордан, як с'в'ашенных прыйшов до хаты. Ще на Йордан обов'азково на рици воду с'ватылы. Лид прорубалы, хрест вырубувалы тај с'ватылы воду. А жили на рику з коругвами, перше несли вси стариши л'уды. Јевангелију нис најстаришый в сели чоловик [На Крещение шел по селу священник, а впереди, за два-три дома, шли парни с колокольчиками. Ну, а я как раз родился в Крещение, когда священник пришел в дом. Еще на Крещение обязательно на реке воду святили. Лед прорубали, крест вырубали и святили воду. А шли на реку с хоругвями, сначала несли все старшие люди. Евангелие нес самый старший в селе человек] (МВ, ЗМИ, СИВ).

Кс'ондз ходыв на Йордан, хаты с'в'атыв [Священник ходил на Крещение, дома освящал] (В, ГОИ).

Ковач/колач, и. п. мн. ч. **-чъ**, – обрядовая выпечка.

К. выпекались специально к завершающему этапу *коляды* для угощения колядующих.

Ковач – то называлы таки булочки. Јак ходылы винчуваты, то называлы ковачи, то пеклы специјал'но дл'а тых, кол'адныкив. «Мы ведем колача, будем на ним трубыты, царя Бога славыты!» [Калач – это называли такие булочки. Когда ходили винчуваты, то называли калачи, это пекли специально для колядников. «Мы ведем колача, будем на нем трубить, царя Бога славить»] (МВ, ЗМИ, СИВ).

С'вачена вода – святая вода.

С. в. – основной обрядовый атрибут праздника Крещения. Праздник начинался освящением С. в. и завершался окроплением хозяйства С. в. Кропить мог как священник, так и сам хозяин.

С. в., взятую на Крещение, хранили в течение целого года для разных нужд, в том числе и для лечебных целей.

От информанта из села Бортного записан обычай собирать С. в. 12 лет, доливая в специальный сосуд понемногу каждый год.

На *Йордан* з рана јшлы до церкви, с'ватылы воду. Брала коругвь, скинчылас'а служба – јшлы на реку с'ватыты воду. Потим пренесли воду до хаты и кажут': «Хрыстос с'е хрыцаје». И наливалы в фл'ашку и трымалы до другого року: *јак хворыј хтос' дуже або јак хтос' умер – то треба. Диты јак с'е родылы, то мама кропыла* [На Крещение утром шли в церковь, святити воду. Закончилась служба – брали хоругвь, шли на реку святить воду. Потом принесли воду домой и говорят: «Христос крещается». И наливали в бутылку и держали до следующего года: если кто-то очень больной или умер – то нужно. Когда дети рождались, мать окропляла] (МВ, ПЮМ).

В нас в сели с'ватылы воду в студни. Быва студн'а з брылив, брылы поставлени, и там с'ватылы воду, а там быво воды все повно. Циле село јшло до тоји студни, и в тиј студни с'ватылы воду [У нас в селе святити воду в колодце. Был колодец из камня, камнями обложен, и там святити воду, там воды всегда много было. Целое село шло к этому колодцу, и в этом колодце святити воду] (Р, ПГЯ).

Тоту с'вачену воду цилыј рик трымајемо. И вона с'е не зипсује [Эту святую воду целый год держим. И она не портится] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

Высикалы хрест на рици и с'ватылы воду. И з тоји реки јуж набыралы соби [Высекали крест на реке и святити воду. И из этой реки уже себе набирали] (Ван, ГПМ).

*А јак пос'ватылы воду, то облывалыс'а, так одын в другого горн'атком брызгав. Попылы и трымалы аж до следуючого року с'вачену воду зберигалы. В *Йордан* выливалы и брала свижу. А дехто брав и зливав потрохи в посудыну јакус' с каждого року потрошки. Так дванац'ат' рокив збырав, а потом выливав и зновá* [А как поставили воду, то обливались, один в другого кружкой брызгал. Попили и держали аж до следующего года святую воду сберегали. На Крещение выливали и набирали свежую. А кое-кто брал и сливал понемногу в посудину какую-нибудь каждый год понемногу. Так двенадцать лет собирал, а потом выливал и заново] (Б, ГОИ).

Кол'ада (период колядования от Рождества до Крещения)

Вертен – 1) обрядовое шествие в период Коляды; 2) участники этого шествия.

В. представлял собой шествие старшей группы молодежи. Одним из атрибутов обряда являлась *шопка* – импровизированные ясли (либо икона в оправе в виде яслей), иногда – з'визда.

Обычно участники В. загодя готовили сценарий, повествующий об истории рождения Христа. С таким мини-спектаклем участники В. обходили село и с разрешения хозяев устраивали в каждом доме представление.

В зависимости от спектакля были разные ряженые, однако такие персонажи, как Пастухи, Ангелы, Три Царя, Ирод, Смерть, Жид, Цыган и т. д., были обязательны.

Быв вертеп. Ту, в Схидныци, называлы «пастыри», а в нас то вертеп ходыв. Але мама повидала, шо з вертепом ходылы таки стариши хвопци. И оны малы цилу ту, як мы гнеска называм, сценариј. Мав быты Ирод, Жыд быв, Цыган миг быты, бо вин завше мав шос' вкрасты. А як чорт быв, то завше дивчата втикалы, бо јим робылы збъткь, цыпалы... [Был вертеп. Здесь, в Сходнице, называли «Пастыри», а у нас это вертеп ходил. Но мама говорила, что с вертепом ходили такие парни постарше. И у них был, как мы сейчас называем, целый сценарий. Должен был быть Ирод, Жид, Цыган мог быть, потому что он всегда должен был что-то украсть. А если черт был, то всегда деушки убегали, потому что к ним приставал, щипал] (РР, РЕС).

Ој, як вертеп ходыв! Робылы вертеп такиј. И зараз ше ход'ат' [Ой, как вертеп ходил! Делали такой вертеп. И сейчас еще ходят] (МВ, ЗМИ, СИВ).

Ходылы вертепы, по-нашому то вертеп, а по-мисцевому – пастыри. Ходыв вертеп са з'виздом. Чорт, Баба-јага, Ангелы, Ирод, Жыд, Смерт с косов [Ходили вертепы, по-нашему это вертеп, а по-местному – пастыри. Ходил вертеп со звездой. Черт, Баба-Яга, Ангелы, Ирод, Жид, Смерть с косой] (В, Г(П)АИ, ГАИ).

В нас в Ванивци то вертеп называлы. Вертепы ходылы с шопков, шопку носылы два Ангелы, то је јасла, де Хрыстос с'е вродыв. З'визда крутывас'. А там вже Ирод, Цари, Смерт, Чорт... [У нас в Ванивке это вертеп называли. Вертепы ходили с шопкой, ее носили два Ангела, это ясли, где Христос родился. Звезда крутилась. А там уже Ирод, Цари, Смерть, Черт] (Ван, ГПМ).

Ироды ход'ат' – обрядовое шествие в период коляды. См. **Вертеп**.

Такое название праздничного обрядового шествия было характерно в традиции с. Ванивка.

Бывы вертепы. Але в нас то называлы «Ироды». Казалы: «Ироды ход'ат'». Перебыралыс'а, та... [Были вертепы. Но у нас это называли «Ироды». Говорили: «Ироды ход'ат'»] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

Кол'ада – 1) период колядования от Рождества до Крещения; 2) песня, исполняемая колядующими в период от Рождества до Крещения.

В нас Коляда се почынала вечером на Вельју и јила до Јордана [У нас Коляда начиналась вечером в Сочельник и продолжалась до Крещения] (РР, РЕС).

А кол'ады ти сами бывы, шо в нас [в МВ], шо в Ванивци. Одни и ти сами с покон выку: «Бог предвичный», «Нова радист' стала», «По вс'ому с'виту», «Во Вифльјеми», «Бог с'а рождаје»... [А колядки были одинаковые, что у нас, что в Ванивке. Одни и те же испокон века: «Бог предвичный», «Нова радист' стала», «По вс'ому с'виту», «Во Вифльјеми», «Бог с'а рождаје»] (Ван, НОН, ГЯМ, ЗЛВ; МВ, МВМ).

Та кол'ады таки сами, јак и ту. То вс'о једнак'е было. «Бог предвичный», «Во Вифльјеми», «Дывнаја новына» – о таке спивалы в нас в церкви [Да колядки такие же, как здесь, это всё одинаковое было. «Бог предвичный», «Во Вифльјеми», «Дывнаја новына» – вот такое у нас пели в церкви] (В, ГОИ).

Кол'адуваты, 1 л. ед. ч. **-ју**, – 1) обходить дома с пожеланиями благополучия в составе праздничных шествий; 2) исполнять песни-колядки.

Колядование обычно совершалось разными возрастными группами – младшей (*носивачь*) и старшей (*вертен*).

Кол'адувалы на С'ватыйј вечир [Колядовали в Рождественский сочельник] (МВ, ПЮМ).

А там кол'аднькъ бигалы кол'адуваты тид викна. А за кол'аду гроши давали. Наш дидо мав склеп, то вин першыы кол'адныкам давав паперови гроши [А там колядники бегали колядовать под окна. А за колядку деньги давали. У нашего деда был магазин, так он первым колядникам давал бумажные деньги] (Р, ПГЯ).

Кол'адньк, и. п. мн. ч. **-къ**, – участники праздничных обрядовых шествий в святочный период.

Название К. являлось общим для всех колядующих. Так называли и старших колядующих (*вертен*), и младших (*носивачь*).

Кол'адныкы перебрани ходылы [Колядники переодетые ходили] (В, Г(П) АГ, ГАГ).

Кол'аднькъ ходылы. Моглы казаты: «Ироды ход'ат'». А *вертен* – то взагали цивыј ансамбл' иде [Колядники ходили. Могли сказать: «Ироды ходят». А *вертен* – это вообще целый ансамбль идет] (Ван, ГПМ).

Шопка – атрибут обрядового шествия *вертен*.

Миниатюрная модель пещеры (*стайни*), в которой родился Спаситель. Иногда выполнялась в виде лемковской церкви. Внутри были глиняные фигурки всех участников события – Спасителя, Богоматери, св. Иосифа, пастухов, царей, животных.

То робывы таку стајенку. Таку, в јакіј Хрыстос с'а вродыв [Это делали такую пещерку. Таковую, в какой Христос родился] (РР, РЕС).

Сокращения¹

Села

Б – Бортне
В – Вапенне
Ван – Ванивка
Л – Лосье
М – Маластов
МВ – Мацына Велька
Мис – Мисцова
П – Петруша Воля
Р – Роздилля
РР – Ропица-Русская

Информанты

БАЯ – Бодак Ярослав Антонович, 1934 г.р., В.
БСМ – Бык (Рахиль) С.М., 1924 г.р., П.
ВЯН – Валь (Гнатък) Ярослава Николаевна, 1928 г.р., МВ.
ВОМ – Валь Ольга Максимовна, 1938 г.р., МВ.
ГИВ – Гавриляк Иван Васильевич, 1936 г.р., РР.
ГОИ – Гавриляк Оксана Ивановна, 1963 г.р., РР.
ГОИ – Галушак Ольга Ивановна, 1929 г.р., В.
ГАЛ – Герман Анна Львовна, 1923 г.р., МВ.
ГДМ – Герман Дмитрий Михайлович, 1925 г.р., МВ.
ГМВ – Герман Мария Васильевна, 1944 г.р., МВ.
ГЯМ – Гичва (Начас) Янина Мефодиевна, 1946 г.р., Ван.
ГПМ – Годжик Петр Михайлович, 1938 г.р., Ван.
ГОИ – Гончак Осип Иванович, 1930 г.р., Б.
Г(П)АИ – Гоц (Пронь) Анастасия Игнатъевна, 1926 г.р., В.
ГАГ – Гоц Андрей Игнатъевич, 1940 г.р., В.
ДЕЕ – Дубленич Екатерина Евгеньевна, 1962 г.р., В.
ЖБМ – Желем Богдан Михайлович, 1942 г.р., МВ.
ЖНМ – Желем Надежда Михайловна, 1945 г.р., МВ.
ЖОИ – Желем Осип Игнатъевич (1935–2010), МВ.
ЗЮЮ – Загирская (Свыщ) Юлия Юрьевна, 1952 г.р., МВ.
ЗМИ – Загирская (Смакула) Мария Ивановна, 1941 г.р., МВ.
ЗОЮ – Загирская (Федыщева) Ольга Юрьевна, 1941 г.р., МВ.

¹ Информанты, родившиеся после переселения, здесь отнесены к селам, в которых жили их родители до 1945 г.

- ЗЛВ – Заяц (Мизык) Любовь Васильевна, 1958 г. р., Ван.
КНФ – Качмарчык Надежда Федоровна, 1939 г. р., МВ.
КЭО – Косык (Федорчак) Эмилия Осиповна, 1936 г. р., РР.
МВМ – Мизык Владимир Макарович, 1956 г. р., МВ.
МОВ – Микулич Олег Владимирович, 1980 г. р., Р.
НОМ – Начас Олег Николаевич, 1944 г. р., Ван.
НАИ – Несторьяк Анастасия Игнатъевна, 1927 г. р., Мис.
ПНМ – Прибыло Николай Михайлович, 1943 г. р., МВ.
ПЮМ – Прибыло Юлия Михайловна, 1932 г. р., МВ.
ПВС – Пыж Василий Степанович, 1926 г. р., Р.
ПГЯ – Пыж Галина Яковлевна, 1930 г. р., Р.
ПНЯ – Пыж Николай Яковлевич, 1936 г. р., Р.
РАИ – Рахиль Андрей Иванович, 1934 г. р., МВ.
РСМ – Ренчковский Степан Михайлович, 1942 г. р., Л.
РЕС – Русинко Елена Степановна, 1943 г. р., РР.
РЯП – Русинко Ярослава Петровна, 1948 г. р., РР.
СДО – Смакула Дарья Осиповна, 1926 г. р., МВ.
СИВ – Смакула Иван Васильевич, 1936 г. р., МВ.
ССА – Спивак (Бай) Стефания Александровна, 1928 г. р., РР.
СВА – Спивак Василий Александрович, 1922 г. р., РР.
СЕА – Спивак Емельян Александрович, 1930 г. р., РР.
ФМГ – Фец Николай Гилярович, 1939 г. р., МВ.
ФОГ – Фец Осип Гилярович, 1936 г. р., МВ.
ШЛН – Шабан Лев Николаевич, 1960 г. р., МВ.
ШМИ – Шопа (Прибыло) Мария Игнатъевна, 1933 г. р., МВ.
ЮАМ – Ющак Антонина Михайловна (1928–2009), М.
ЮЭМ – Ющак Эмилия Михайловна, 1930 г. р., М.

Литература

- Алексеева 2008 – *Алексеева М. М.* Словарь Александра Гойсака как источник изучения лексики лемковских говоров // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Г. П. Клепиковой. М., 2008. С. 180—187.
- Бігуняк, Гойсак – *Бігуняк А. В., Гойсак О. Г.* Лемківський словничок (<http://lemko.org/lemko/slovnyk.html>).
- Виноградова, Плотникова 1999 – *Виноградова Л. Н., Плотникова А. А.* Крещение (Богоявление) // Славянские древности: Этнолингв. словарь: В 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 2. М., 1999. С. 667–672.
- Дуличенко 2005а – *Дуличенко А. Д.* Малые славянские литературные языки (микроязыки) // Языки мира. Славянские языки. М., 2005. С. 595–615.

- Дуличенко 2005б – Дуличенко А.Д. Славянские литературные микроязыки. Вопросы формирования и развития. Таллин, 1981.
- Календар 1913 – Календар Русского народного союза в Америке на 1914 г. Jersey, 1913.
- Лемкин 1969 – Лемкин И. Ф. История Лемковины: В 5 ч. Нью-Йорк, 1969.
- Лопата 1989 – Лопата П. Усна народна творчість про «Роздество» на Лемківщині // Лемківщина. 1989. Рік 11. Ч. 4 (43). С. 2–4.
- Тхир 1989 – Тхир Л. Різдвяні звичаї в Явірнику // Лемківщина. 1989. Рік 11. Ч. 4 (43). С. 4–9.
- Магочий 2006а – Магочий П. Р. Народ ниоткуда. Торонто, 2006.
- Магочий 2006б – Магочий П. Р. Русинский язык: достижения последнего времени и предстоящие задачи // Славянские литературные микроязыки и языковые контакты: Материалы междунар. конф. Тарту, 2006. С. 207–222.
- ПВЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Вып. 1: Повесть временных лет. Л., 1926–1928. (www.izbornyk.org.ua).
- Усачева 1977 – Усачева В. В. Об одной лексико-семантической параллели. (На материале карпато-балканского обряда «полазник») // Славянское и балканское языкознание. Карпато-восточнославянские параллели. М., 1977. С. 21–76.
- Усачева 1978 – Усачева В. В. Обряд «полазник» и его фольклорные элементы в ареале сербскохорватского языка // Славянский и балканский фольклор. Генезис. Архаика. Традиции. М., 1978. С. 27–47.
- Хомик 1994 – Хомик В. Звичаї та обряди лемків // Лемківщина. 1994. Рік 16. Ч. 4. С. 4–7.
- Rieger 1995 – Rieger J. Słownictwo i nazewnictwo lemkowskie. Warszawa, 1995.
- Stieber 1982a – Stieber Z. Atlas języków dawnej Lemkowszczyzny. Т. 1–3. Łódź, 1956–1964.
- Stieber 1982b – Stieber Z. Dialekt Lemków. Fonetika i fonologia. Wrocław, 1982.
- Syvtytski 1989 – Syvtytski M. Christmas in Lemkivshchyna // Лемківщина. 1989. Рік 11. Ч. 4 (43). С. 22–24.

III

Н. Г. Голант, А. А. Плотникова
(Санкт-Петербург, Москва)

Этнолингвистические материалы из Мунтении (округ Бузэу, села коммун Мерей, Мынзэлешть, Пьетроаселе, Скорцоаса)

Экспедиционные этнолингвистические материалы из Мунтении, собранные по вопроснику А. А. Плотниковой [Плотникова 1996], представляют собой очередной опыт презентации того, как балканские мотивы и концепты актуализируются в румынской традиции, по праву рассматриваемой исследователями Карпат и как севернобалканский ареал¹. Выбор региона Бузэу для подобного полевого изучения был обусловлен стремлением исследовать пояс предгорных районов южных Карпат (Вранча, Бузэу, Прахова, Арджеш, Вылча, Горж и др.)².

В 2007–2008 гг. были проведены две экспедиции в регион Бузэу: в село Сэрата-Монтеору (коммуна Мерей) с однодневным выездом в более удаленное село Дара, относящееся к соседней коммуне Пьетроаселе (октябрь 2007)³, и села Меледик и Трестиоара коммуны Мынзэлешть (январь 2008) с выездом в село Мынзэлешть той же коммуны⁴. Село Сэрата-Монтеору находится на расстоя-

---

¹ См., например, работы С. Б. Бернштейна [Бернштейн 2000], Г. П. Клепиковой [Клепикова 2003].

² На сегодняшний день помимо региона Бузэу по данному этнолингвистическому вопроснику обследованы районы Вылчи (Н. Г. Голант), Горжа (Н. Г. Голант и А. А. Плотниковой), Арджеша (А. А. Плотниковой) и Мехединца (Н. Г. Голант); опубликованы в полном объеме вопросника материалы из Вылчи см. [Голант 2008].

³ Собиратель материала – д. ф. н. А. А. Плотникова (Институт славяноведения РАН), участник экспедиции – д-р Константин Секара (Институт этнографии и фольклора Румынской Академии). Пользуясь случаем, приношу благодарность К. Секара, директору Института этнографии и фольклора чл.-кор. Сабине Испас и сотруднику Румынской Академии г-же Татьяне Опреску за оказанную организационную и научную помощь в работе.

⁴ Собиратель материала – к. и. н. Н. Г. Голант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург. В полном объеме вопросника материалы из Вылчи см. [Голант 2008].

нии около 22 км от столицы округа – города Бузэу и в 9 км от коммуны Мерей. Специфика обследования села Сэрата-Монтеору состояла том, что данное село можно отнести к так называемым «туристическим» селам: наличие минеральных источников, уникальной в Европе нефтяной вышки, мест археологических находок эпохи неолита и бронзы, дворцового комплекса графской семьи Монтеору, с чьей фамилией связана вторая часть названия села (с 1895 г.; первая – по одноименной реке Сэрата ‘соленая’), а также и остатки «дома разбойников» (пещеры в горах)⁵, бежавших от турок и спрятавших в окрестностях многочисленные клады, которые ночью на Пасху «играют» огнями, и т. д. Вместе с тем успех данной экспедиции в «туристическом» селе, как представляется, был связан с существованием параллельных и практически не пересекающихся⁶ уровней традиционной культуры: культурно-исторического, который актуализируется при появлении в селе туристов, отдыхающих и т. д., и собственно народной традиции, которая существует совершенно самостоятельно и естественным образом включает обрядовые и мифологические контексты (семейную и календарную обрядность, народную мифологию и др.), при этом многие сведения можно считать уникальными по сохранности ритуально-магических действий.

Коммуна Мынзлешть расположена на севере округа (жудеца) Бузэу, в области Валя Слэникулуй, на склонах Восточных Карпат, на расстоянии около 55 км от столицы округа – города Бузэу, в бассейне реки Бузэу. Основными занятиями населения традиционно являлись садоводство, огородничество, заготовка леса, в меньшей степени – животноводство. В настоящее время делаются первые попытки организации экотуризма.

В ходе экспедиций, состоявшихся в 2007–2008 гг., опрос велся по указанной выше программе, переведенной предварительно Н. Г. Голант на румынский язык⁷. В ходе бесед с информантами собирались материалы по календар-

---

⁵ О «доме разбойников» нам рассказала г-жа Марчела Марин, автор книги о селе «Сэрата-Монтеору. Туристическая информация», Buzău, 2007.

⁶ Исключение составляют народные легенды и исторические нарративы о жизни графских семей, их родовых поместьях и т. п. Так, например, сама фамилия графов Монтеору трактуется информантами как Мунтеору, т. е. *munte de aur* «золотая гора» (гора, откуда добывают нефть), в связи с легендой о том, как делили данные земли пришедшие сюда будущие богатые владельцы поместий.

⁷ Авторы выражают глубокую благодарность за помощь, уточнения и дополнения в переводе, сделанные этнографом О. Хедешан (ныне – декан факультета филологии, истории и теологии Университета Тимишоары, Румыния).

ной и семейной обрядности, по трудовым обычаям и по народной мифологии. Опрос проводился на литературном румынском языке. При сборе лексического материала вопросы строились главным образом по принципу «от значения к слову» («Как у вас называется...?»), причем особое внимание уделялось поиску лексикализованных номинаций, другими словами – терминологической лексике народной духовной культуры. Для уточнения семантического объема полученных лексем информантам предлагались и вопросы «от слова к значению». Также задавались дополнительные вопросы, касающиеся календарной обрядности и мифологии, из разделов «Темы для бесед», которые позволили собрать достаточно полные сведения об этих явлениях духовной культуры обследованных коммун.

Лексическая и экстралингвистическая информация, известная во всех обследованных селах региона Бузэу, не содержит специальных географических помет (указаний на село), например *câșlégi* ‘святки’, *deóchi* ‘сглаз’, *descántec* ‘заговор’ и т. д. В случаях различий в терминологической лексике и сопровождающих этнолингвистических контекстах включаются специальные пометы, расшифрованные в списке сокращений в конце статьи.

При передаче зафиксированных этнолингвистических данных – лексики, фразеологии и диалектных текстов – сделана попытка отразить фонетические и иные особенности местного говора.

І С Народный календарь (обряды, обычаи, верования)

1. ДЕНЬ СВ. АНДРЕЯ (30.XI/13.XII)

1.1. Название праздника: *Sfântu Andrei*, *Sânt Andrei* (Мынз.), *sărbătoarea lupilor* ‘праздник волков’ (С.-М. – Бышч.).

Празднуется для защиты овец от волков: в этот день не работают с шерстью, чтобы волки не напали на овец (Граб., Бышч.). Считается, что св. Андрей дает волкам еду (С.-М. – Граб.).

Распространен обычай помещать в воду ветки деревьев (яблони, груши, вишни, мирабели, сирени) и в землю – зерна пшеницы (С.-М., Бышч., Мел., Изв.Д.)⁸. По тому, дадут ли ветки почки, прорастут ли зерна, делают выводы том, будет ли благополучным предстоящий год (Мел., Изв.Д.). Считается, что, если эти зерна проклюнутся до Рождества, это предвещает изобилие в доме; если ветки распустятся в течение зимы – произойдет какое-либо радостное со-

⁸ Эти ветки могут использоваться на Новый год в обряде «битья “сорковой”» (С.-М., Бышч.).

бытие. И наоборот: однажды зимой 2006 г. ветки, поставленные информанткой в доме в воду, не распустились, и в том же году умер ее отец (Изв.Д.).

Вечером накануне св. Андрея было принято (в 50–60-е гг. XX в.) «рисовать» чесноком круги на окнах и дверях домов, а также на дверях помещений для скота, натирать им порог дома, «чтобы не вошли злые духи» (*să nu intră dūhurile réle*) (Мынз.). Обычай вечером в канун дня св. Андрея натирать окна и двери чесноком «от всякого зла» («чтобы не прошел дьявол») сохраняется до сих пор (С.-М., Граб.). Считалось, что чеснок может защитить людей и скот от таких существ, как «стригой» (*strigói*), «вырколаки» (*vârcoláci*) (Мынз.). Одна из жительниц с. Мынзэлешть рассказала о человеке, живущем в соседней коммуне, который в ночь на св. Андрея и в ночь на св. Иоанна (24 июня) играет на бучуме, чтобы разрушить чары ведьм, собравшихся у воды.

Существует представление о том, что на св. Андрея вырастает некая «дурная трава» (*iárbă réá*), с помощью которой можно открыть любой замок. Ее якобы приносит еж туда, где дверь оставлена открытой. (Мел.).

В ночь на св. Андрея выполняют различные магические действия, связанные с любовной ворожбой и произнесением любовных заговоров (*descântece de dragoste*), устраиваются девичьи гадания о замужестве (Мынз.). В частности, в эту ночь было принято оставлять стебельки базилика (*busuióc*) у воды (если несколько девушек гадали вместе, каждая связывала свои стебельки ниткой другого цвета). Считалось, что, если наутро стебли базилика покروются инеем, их хозяйку ждет счастливое замужество, если инея не будет – замужестве ее ожидает бедность. Этим же способом гадали и на Крещение (*Boboteáză*) (Мынз.). Еще одно девичье гадание о замужестве (*aflărea ursitei fêtelor*), также приуроченное к ночи на св. Андрея, осуществлялось следующим образом: одной из девушек завязывали глаза, после чего она называла какое-либо число и шла вдоль забора, помещая руку на каждую из досок забора. Если доска, порядковый номер которой совпадал с названным числом, оказывалась ровной, красивой, считалось, что парень, за которого этой девушке предстоит выйти замуж, будет красивым и здоровым. Если среди пересчитанных досок забора оказывался столб, считалось, что будущий муж будет занимать какой-нибудь административный пост (Мынз.).

1.2. Угощение для медведя в этот день: нет.

1.2. доп. Одна из информантов упоминала, что во времена ее детства (50 – 60-е гг.) в Мынзэлешть приходили цыгане-«медвежатники» (*ursari*) с дрессированным медведем, и тогда женщины старались украдкой отрезать клоч медвежьей шерсти, которой затем окуривали своих детей, чтобы передать им часть

силы медведя, несмотря на то что медведь, по воспоминаниям информанта, был худым и измученным (Мынз.).

2. ДЕНЬ СВ. ВАРВАРЫ (4/17.XII)

2.1. Название праздника: *Sfânta Varvára*.

2.2. Приготавливаемое в этот день блюдо из семян различного вида: нет.

2.3. Человек, приходящий в дом и исполняющий различные ритуалы, чтобы в хозяйстве велись куры: нет.

3. ДЕНЬ СВ. НИКОЛАЯ (6/19.XII)

3.1. Название праздника: *Sfântu Nicolái* (Трест.), *Sfântu Neculái* (С.-М., Мел.), *Sfântu Nicoláe* (Мел.), .

Св. Николай считается самым старым из святых и покровителем детей. Утром в день св. Николая дети находят в своих ботинках подарки, положенные туда тайком их родителями (главным образом сладости). Накануне этого дня дети тщательно моют и чистят свои ботинки и ставят их у двери (вешают на дверь). (Мел., Изв.Д.). В этот день часто готовят рыбу, в том числе для того, чтобы раздать (*să împárte*) ее за упокой умерших по имени *Nicolae* (*Neculai*).

Со дня св. Николая до Сочельника (24 декабря) дети ходят по селу со звездой (*cu steáua*). Эти обходы совершаются группами по три-пять человек, в них принимают участие дети до 13–14 лет (Трест., С.-М.). Подобные обходы могут совершаться только на св. Николая (Мел.) или с середины декабря до Сочельника (Трест.), либо на св. Николая – с большой звездой, а в период до Рождества – с маленькой (С.-М.). Звезда, которую дети носят с собой, изготовлена из фольги и укреплена на палке; к центру звезды прикреплена маленькая икона. Во время обхода дети исполняют колядку:

Trei crai de la răsărit	Три короля с востока
Cu steaua au călătorit.	Путешествовали со звездой.
Ş-o văzu pă cum citim	И видели ее, как мы читали,
Până la Ierusalim.	До самого Иерусалима.
Acolo când au ajuns,	Когда они пришли туда,
Steaua nu li s-a ascuns ,	Звезда от них не спряталась,
Ca să văză pă Isus...	Чтобы они могли увидеть Иисуса...

(Трест.).

При обходе со звездой поют также:

Steaua se răsare,	Звезда восходит,
Ca o taină mare,	Как великая тайна,

Steaua strălucește	Звезда сияет
Și lumea vestește,	И людям (миру) сообщает,
Că... astăzi Sfânta Măria	Что сегодня святая Мария
Năște...	Рождает... (С.-М.).

По словам информантов, обычай хождения со звездой существовал в довоенный период, затем, в социалистический период, практически исчез, но в 1990-е гг. появился вновь (Трест., Мел.).

На св. Николая наряжают (*îmbrăcăm de la Sfântu Neculai*) елку конфетами, шоколадками, фруктами, электрическими гирляндами и сохраняют его до Нового года (С.-М.).

4. ДЕНЬ СВ. АННЫ (9/22.XII)

4.1. Название праздника: нет.

5. ДЕНЬ СВ. ИГНАТА (20.XII/2.I)

5.1. Название праздника: *Ignátu* (все), *Zlua pórcului* ‘день свиньи’ (Дара).

В день св. Игната принято резать свинью для Рождества (все). Игнат – это праздник свиней (*Ignátu éste sãrbãtoárea pórclilor*), в ночь на Игната свиньи, которые еще живы до тех пор, видят во сне кровь и ожидают ножа (С.-М. – Бышч.).

В ряде случаев устраивают угощение для тех, кто помогал хозяевам резать свинью – «поминки свиньи» (*romána pórcului*) (Мел., Дара). Этим людей угощают вареной цуйкой (*țuică fiartă*), жареной свиной и мамалгой. Это делается невзирая на то, что день св. Игната приходится на период поста (Мел.).

Свинья, которую режут в день св. Игната, называется «свинья Игната» (*pórcu de Ignát*). Существует обычай, согласно которому после того, как зарезанную свинью мыли и «перекрещивали» солью, дети и некоторые взрослые, которые были слишком худыми, по несколько минут сидели верхом на свинье, чтобы стать толстыми (Мел.).

5.2. Человек, первым приходящий в дом и приносящий счастье, здоровье, урожайный год и т. п.: нет.

5.3. Ветка, которую приносит «полазник» и кладет в огонь: нет.

5.4. Полно, возлагаемое в очаг накануне праздника: нет.

5.5. Ряженые, совершающие в этот день (и последующие дни) обходы: нет. В декабре (по одним сведениям – начиная с 15 декабря, по другим – со дня св. Николая) имеют место обходы со звездой, совершаемые детьми. (См. ДЕНЬ СВ. НИКОЛАЯ – 3.1.).

6. КАНУН СОЧЕЛЬНИКА

6.1. Название дня: нет (обычай резать свинью совершался в ДЕНЬ СВ. ИГНАТА, см. 5.1.).

7. СВЯТКИ

7.1. Название святочного периода (от Рождества до Крещения): *Câșlégi* (pl.)⁹.

7.2. Полночь в дни святок: нет лексемы.

7.3. Нечистая сила, действующая в этот период: нет.

7.4. Святочные ряженые, колядники: *ajunéi* (pl.) – букв. ‘канунщики’ (Мел.), *colindători* (pl.) – ‘колядовщики’ (те и другие колядуют в Сочельник) (С.-М., Бышч., Мел., Трест.).

Ajunéi – дети обоего пола, ходят по селу утром в Сочельник и исполняют под окнами домов колядку «Доброе утро» (*Bună dimineăța*), которую информанты иногда называют также «Дед Сочельник» (*Moș Ajun*, С.-М.):

Bună dimineăța la Moș Crăciun,	Доброе утро на Деда Рождество,
Bună dimineăța la Moș Ajun,	Доброе утро на Деда Сочельника,
Am venit și noi odăță	Мы пришли, один раз
La un an cu sănătate,	В году, с пожеланием здоровья,
Vucuroși să vă găsim	Чтобы найти вас радостными,
Cu pahăru plin de vin	Со стаканом, полным вина,
La poarta (?) pahărului	В отверстии (?) стакана
Floricea răului.	Цветок рая.
Bună dimineăța la Moș Crăciun,	Доброе утро на Деда Рождество,
Bună dimineăța la Moș Ajun!	Доброе утро на Деда Сочельника! (Мел.).

Обычай называется «ходить с Добрым утром» (*a umblă cu Bună dimineăța*) (С.-М., Мел.). Раньше хозяева дома давали участникам этого обхода грецкие орехи, яблоки, баранки (*covrīgi*), сладкую сдобу (*coláci*), которая имелаась в доме (или же сдобные булочки делали специально для этих колядующих), редко – деньги (С.-М.); сейчас им чаще всего дают деньги (*báni, bănuți*, pl.), но также угощают пирожными (*prăjituri*, pl.) или кусками кулича (*cozonác*) (Мел.).

Вечером в канун Рождества приходят «колядовщики» (*colindători*) – подростки постарше. Этот обычай называется «ходить с колядкой» (*a umblă cu colindu*). Угощение для колядующих – вино, кулич (*cozonác*), пирожные (*prăji-*

⁹ В этот период не бывает ни свадеб, ни поминок, не соблюдается пост по средам и пятницам.

túri) (Мел.). Нередко *colindători* – общее название для всех колядующих в канун Рождества (Трест., Бышч.).

7.5. Предводитель ряженных: *vățăcéł* (Мел.), *Moș* ‘старик’ (Трест.). Предводитель ряженных, называемый *vățăcéł*, совершает обходы с плугом на Новый год (Мел.). См. 9.4.

7.6. Колядующий, который произносит благопожелания: нет. Благопожелания произносят все участники группы по очереди во время новогоднего колядования – хождения с плугом (см. 9.4.).

7.7. Песня, исполняемая колядующими: *colind*. Кроме колядки «Доброе утро» (*Búna dimineáța*), см. 7.4.), в канун Рождества исполняются и другие колядки, в частности, «Господа превознесем» («*Domn, domn să-nălțăm*») (Трест.).

7.8. Пара ряженных в мужчину и женщину персонажей: *Bábă* (‘баба, старуха’) и *Unchiás* (*Unchéș, Moș*) (‘дед, старик’). Они используют маски (их изготавливают до сих пор) с зубами из фасолин или зерен кукурузы, носами из моркови и т. д. Это персонажи новогодних обходов.

7.9. Палка, посох, с которым ходят ряженные: *băț* (*béțe* – pl.) ‘палка’ либо *toiág* (*toiáguri* – pl.) ‘дубинка’. (Атрибуты ряженных, колядующих под Новый год, см. НОВЫЙ ГОД, 9.6.)

7.10. Место захоронения ряженных, убитых в бою между группами участников обходов: нет. Раньше случались стычки между двумя группами ряженных, совершавших обходы на Новый год, они бегали друг за другом с палками, однако до серьезных драк дело не доходило (по словам информантов, из-за того, что никто из ряженных не хотел быть узнанным) (Мел.). По некоторым сведениям, случается, что колядовщики-подростки (во время рождественских обходов) отбирают собранные деньги у колядовщиков из других групп более младшего возраста (Трест.).

7.11. Колядующие-дети: *ajunéi* (pl.) (Мел.), *colindători* (pl.) (см. 7.4.).

7.12. Обычай колядования детьми: *a umblá cu Búna dimineáța* («ходить с Добрым утром»). Дети (*ajunéi*) ходят по селу утром в Сочельник. (см. 7.4.).

7.13. Кизиловый (реже – дубовый, ореховый) прут, палочка, которую носит колядующий-ребенок: *sórcovă* (в новогодней обрядности, см. 9.6.).

8. СОЧЕЛЬНИК И РОЖДЕСТВО

8.1. Сочельник: *Ajúnu, Ajúnu(l) Crăciúnului, Ajún de Crăciún*.

8.2. Вечер Сочельника: *seára de Ajún*. По некоторым сведениям, вечером в Сочельник украшают елку (*podobéște brádu*) (Изв.Д.).

8.3. Рождество: *Crăciún*.

8.4. Ночь под Рождество: специального термина нет.

8.5. Дети, родившиеся в ночь на Рождество, а потому, по народным представлениям, способные распознавать нечистую силу: специального термина нет, однако существует представление о том, что такие дети (как и те, что родились в дни других больших праздников), являются удачливыми (*ai noróc*, букв. 'имеют удачу') (Мел.).

8.6. Сжигаемое в ночь под Рождество полено, дерево, пень: нет.

8.7. Обрядовый хлеб

8.7.1. Большой каравай – главный обрядовый хлеб, выпекаемый в Сочельник для ритуальной трапезы вечером в Сочельник или обеда на Рождество, в который замешиваются палочки, зерна (символы здоровья, урожая, домашних животных и т.п.) и/или монета с целью определения доли, счастья каждого члена семьи: нет.

На Рождество, как и на другие большие праздники, пекут кулич (*cozonác*). Также для рождественской трапезы пекут слоеный пирог (*plăcintă*), пирог с брынзой (*plăcintă cu brânză*) (все села). См. также **9.3.1.**

8.7.2. Большой каравай с украшениями на поверхности: нет.

8.7.3. Хлеб, предназначенный «в подарок новорожденному Богу»: нет.

8.7.4. Небольшие хлебцы, выпекаемые в форме животных, предметов хозяйства и орудий труда: нет (Мынз., Мел., Трест.). Выпекали плетенки с маком. Для девочек также готовили хлебцы-плетенки в форме куклы (*E exact ca o părușă*), для мальчиков – просто круглые плетенки (С.-М. – Граб.). В с. Сэрата-Монтеору делали рождественские хлебцы в форме домашних животных – коровы, овцы, козы, но не свиньи; проводили ножом полосочки по хлебу, называя это шерстью, «корове» делали «рога» и т.д. (С.-М. – Бышч.).

8.7.5. Хлеб с христианской символикой на поверхности: *câpete* ('голова'), *prescúră*. Выпекается для различных церковных праздников. Для его украшения используется вырезанная из камня (?) печать, именуемая *chistórníc*.

8.7.6. Хлеб, выпекаемый для одаривания колядующих: нет. Колядовщиков угощают кусками кулича (*cozonác*) и пирожными (*prăjitúri*, pl.), а также вином, но чаще всего одаривают деньгами (Мынз., Мел., Трест.).

8.7.7. Хлеб, выпекаемый для колядующих-детей: *coláci* (pl.). Сейчас их уже не выпекают. Колядовщиков-детей одаривают также грецкими орехами, яблоками, грушами, кусками кулича (*cozonác*), пирожными (*prăjitúri*, pl.), сушками (*covrigi*, pl.), блинами (*scovérgi*, pl.), пирогами (*plăcinte*, pl.).

8.7.8. Хлеб, выпекаемый для одаривания «полазника»: нет.

8.7.9. Хлеб, выпекаемый для вола (волов) в доме: нет.

8.8. Первый приход на Рождество, Новый год постороннего человека, самого хозяина в качестве «высокого гостя», почитаемого животного.

8.8.1. Человек, первым приходящий на Рождество (или Новый год) и приносящий дому счастье: лексемы нет.

Зафиксировано представление, что, если в день Нового года в дом первой приходит женщина, это дурной знак (*semn ráu*) (Мел.). На Новый год примечают: в зависимости от того, какого пола окажется первый посетитель, вошедший в дом на св. Василия, делаются выводы о том, какого пола будет большинство новорожденных телят, ягнят и др. (Трест.) Некоторые полагают, что возникновение приметы связано с тем, что наиболее вероятными первыми посетителями в этот день были девочки-исполнительницы обычая *Sórcova* (наиболее желательным для скотоводства и овцеводства считалось появление большего количества женского приплода). По другим сведениям, это гадание происходило в канун св. Василия – 31 декабря (Трест.).

Когда «первый посетитель» уходит, кто-нибудь из хозяев дома должен проводить его, чтобы зло, которое он мог принести с собой (если это человек с дурным нравом), не осталось в доме (Трест.).

8.8.2. Животное (вол, овца, конь, петух), которое вводят в дом на Рождество с целью способствовать счастью дома в следующем году: нет.

8.8.3. Процесс посещения дома человеком, приносящим счастье: нет.

8.8.4. Действия «полазника» с огнем, углями в очаге («ворошит», «разгребает» угли, огонь): нет. Первый пришедший на Рождество гость зажигает свечи, ему дают в каждую руку по куску съестного, вина или фруктовой водки («цуйки») (Дара).

8.9. Животное определенного вида, пола, возраста, которое режут и запекают для ритуальной трапезы на Рождество: для рождественской трапезы режут свинью (*porc*), пол, возраст, масть значения не имеют. На Рождество готовят голубцы со свиной (*sarmále*), колбасные изделия из свинины (*caltabóş, tóbă, lébăr*), свиной студень (*piftie*).

8.9.1. Голова запеченного животного, которую оставляют до Нового года: нет.

8.10. Костер, возжигаемый от св. Игната до Рождества каждое утро: нет.

8.11. Костер, возжигаемый на Рождество: нет. По словам собеседников из Сэрата-Монтеору, на Рождество разжигали костер во дворе дома или на улице из специальных дров, якобы защищающих от удара молнии («из ясеня и каких-то других»); за неимением их жгли елки (С.-М. – Бышч.).

9. НОВЫЙ ГОД

9.1. Название праздника: *Ánu Nóu* ‘Новый год’, *Sfântu Vasile* ‘св. Василий’, *Revelión*.

9.2. Обрядовая вечерняя трапеза в канун праздника: *másă de Revelión* ‘застолье для встречи Нового года’. Считается, что Новый год нужно встретить за столом с обильным угощением, в красивой одежде, с деньгами в кармане, чтобы год был благополучным; если предстоят важные экзамены – на столе в Новый год нужно держать книги (Мел.).

9.3. Обрядовый хлеб.

9.3.1. Большой каравай или слоеный пирог, выпекаемый для новогодней трапезы (или трапезы в канун Нового года), в который замешиваются палочки, зерна (символы здоровья, скота, урожая и т. п.) или/и монета с целью определения доли, счастья каждого члена семьи: нет. В некоторых селах готовили пирог (*plăcintă*), в который запекали записочки с именами парней и девушек для молодежных гаданий о будущем браке (С.-М. – Граб.).

9.3.2. Новогодний каравай без знаков для гадания: для новогодней трапезы выпекают кулич (*cozonac*), обычный хлеб (*pâine*).

9.3.3. Большой хлеб (часто из кукурузной муки), рисунок на котором делают трубочками из бузины (при выпечке получают шарики, скармливаемые затем скоту для здоровья): нет.

9.3.4. Хлеб (или каша) – дар медведю: нет.

9.3.5. Небольшие булочки, выпекаемые «за упокой души мертвых»: нет.

9.3.6. Небольшие хлебцы, предназначенные детям: нет.

9.3.7. Хлеб для одаривания колядующих: колядовщикам-детям дают булочки (*colăcei*, pl.), а также сушки (*covrigi*, pl.), яблоки, груши; взрослым – преподносят «цуйку» или водку и деньги.

9.3.8. Хлеб для вола дома: нет.

9.4. Обычай новогоднего колядования (с сопровождающими его ритуалами «пахоты», «посевания» и др.): *cu Plúgu* ‘с плугом’; *cu Pluguşóru* ‘с плужком’, либо *Pluguşóru* (‘плужок’, sg., опред. форма); *cu Sórcová* ‘с жезлом-сорковой’.

В канун Нового года (*Ajînu Ánului Nóu*) совершаются обходы «с плугом» (*cu Plúgu*), или «с плужком» (*cu Pluguşóru*). Участники обрядов «с малым плугом» (*cu Plúgu ăl Mic*) и «с большим плугом» (*cu Plúgu ăl Măre*) ходят в разное время, например, «с малым» – 30.12, с «большим» – 31.12. (Дара, С.-М.) или «с малым» – утром в канун Нового года, «с большим» – с полудня до вечера (С.-М.).

Участники обычая, именуемые «пflugари» (*plugári*, pl.) (Трест.), произносят следующую колядку:

A-a, a-a, di Anu Nou!	A-a, a-a, на Новый год!
Măine anu se-nnoiește,	Завтра год обновляется,
Plugușoru se pornește,	Плужок пускается в путь
Și începe a colinda (?),	И начинает колядовать (?),
Pe la case a ura.	По домам поздравлять.
Iarna grea, omătu mare	Зима суровая, снега много,
Semne bune anu are,	У года хорошие приметы,
Semne bune de belșug	Хорошие приметы на урожай,
Pentru brazda de sub plug.	Для борозды из-под плуга.
Doamne binecuvântează	Господи, благослови
Casa care o urează	Дом, который поздравляет
Plugușor cu patru boi,	Плужок с четырьмя волами,
Plugușor mânat de noi!	Плужок, который направляем мы! (Трест.).

Участники обряда – «пflugари» щелкали кнутами, танцевали с криками и гиканьем, музыкой и пели:

O-ho-ho-ho, ho-o-o-o...	O-xo-xo-xo, xo-o-o-o...!
Măine ánu se-nnoiește,	Завтра год обновляется,
Plugușoru se pornește,	Плуг выходит (принимается за работу),
Începe a cânta,	Начинает петь,
Pe (cã) la case a colinda,	По домам колядовать,
ha-ha-a-a...!	ха-ха-а-а...! (С.-М.)

Утром по селу ходят дети 10–12 лет (С.-М.). Иногда именно эти обходы называют «пflugок» (*Plugușóru*), в отличие «от большого плуга» (*Plúgu Máre*), в котором участвуют подростки от 14–15 лет и парни (С.-М.). В утреннем обычае могут участвовать и мальчики, и девочки (Трест.). У детей нет масок и костюмов; единственным их «реквизитом» являются колокольчики, привязанные к еловым веткам (Бышч., Трест.), реже – также и бич (С.-М.). Дети совершают обход небольшими группами, по 4–5 человек, а иногда и поодиночке. Они ходят только по своему селу, как правило не слишком удаляясь от дома. Произносят, выкрикивают под окном текст колядки «Плугушор» (*Plugușóru*) (С.-М. – Бышч.). В благодарность за поздравления детям дают яблоки, калачи, баранки или сушки, деньги.

С полудня и до позднего вечера совершают обход группы юношей (начиная с 14–15 лет) и молодых мужчин – это обряд, в котором имеют право участво-

вать и женатые. В группах по 10–15 человек¹⁰. Среди участников этих «взрослых» групп есть ряженные (*măscăți*): «старик» (*moș, unchiăș, unchêș*) и «старуха» (*băbă*) – эти персонажи непременно присутствуют в каждой группе плугарей (составляют пару: *moș și băbă* ‘дед и баба’, С.-М. – Бышч.). В ряде случаев в составе группы присутствуют также «коза» (*căpră*) и «козопас» (*căprăr*), «медведь» (*urs*) и «вожатый медведя» (*ursăr*), «цыган» (*țigán*) или «цыганка» (*țigăncă*) (С.-М., Мынз., Мел., Трест.), «черт» (*drac*) (С.-М.). Лица «старика», «старухи», «козы» и «медведя» скрыты масками, исполнители этих ролей стремятся остаться неузнанными. «Старик» и «старуха» одеты в традиционную одежду (мужскую и женскую соответственно) или в вывернутые наизнанку кожаные штаны (С.-М.), на них самодельные маски с носами из моркови, с зубами из фасолин или зерен кукурузы, в руках они держат палки, которыми могут слегка ударять друг друга, имитируя драку. Одевание «козы» сшито из козьих шкур, маска «козы» снабжена клацающими деревянными «челюстями». Одевание «медведя» также изготовлено из козьих шкур, которые имитируют медвежий мех. У «козопаса» и «медвежатника» масок нет. Лицо «медвежатника» может быть испачкано углем, для того чтобы имитировать смуглый оттенок кожи и сделать его похожим на цыгана. Подросток, изображающий «цыганку», ходит с куклой (*păpușă*), вероятно изображающей ребенка (Трест.). Действие обряда разворачивается во дворе каждого дома (С.-М.), а иногда и на дороге, если во дворе недостаточно места (Трест.). Один из исполнителей обряда, который не является ряженным, произносит текст колядки. Колядка сопровождается шелканьем бича и звоном колокольчиков. Участник группы, у которого в руках бич, обычно даже не входит во двор, остается за забором, так как ему нужно много места для того, чтобы размахивать бичом. Затем начинается танец (*hóră*), в котором участвуют все «плугари», кроме музыкантов; в танец вовлекают и хозяев дома. Традиционные музыкальные инструменты, сопровождавшие «хору» и представление ряженных, – флуер (*flúier*)¹¹ и чимпой (*cimpói*)¹², в последнее время также аккордеон. Танец «медведя» исполняется обязательно под аккомпанемент барабана (*tóbă*). Типичным для этого обряда музыкальным инструментом является также бухай (*buhái*) (букв. ‘бык’), имитирующий мычание быка. Бухай представляет собой односторонний фрикционный барабан, корпусом которого служит бадья, а мембраной – овечья шкура. В мембране

¹⁰ Единичная информация: раньше эти ряженные приходили с лошадьми или приезжали верхом (С.-М.).

¹¹ Деревянная продольная флейта.

¹² Вольтка.

проделано отверстие, сквозь него пропущен пучок конского волоса или шнур из конопляных нитей, за который тянут, чтобы извлечь из инструмента звук. В благодарность за поздравления участникам обхода дают деньги, угощают их водкой или «цуйкой». Один из исполнителей обычая носит на спине деревянный бочонок, в который хозяева домов наливают «цуйку» или водку (Трест.). Считалось, что у человека, по спине которого потопчется «медведь» (для этого больной специально ложился на живот), не будет болеть спина (Бышч.).

По некоторым сведениям, в настоящее время, как правило, участники той или иной группы ряженных заходят не во все дворы, а главным образом в те, хозяева которых их знают (в первую очередь тех, на ком нет масок) и хорошо к ним относятся. Однако еще в середине XX в. ряженные заходили ко всем подряд, хотя не все хозяева принимали их (Трест.). Нередко ряженные ходят и в соседние села. Некоторые информанты утверждали, что ряженные заходят во двор, не обращая внимания на возражения хозяев, если те не желают их принимать (Мел.). Встречались упоминания о том, что дети часто пугаются ряженных, убегают и прячутся от них. В прошлом нередко случались стычки между двумя группами ряженных, однако до серьезных драк дело не доходило.

Еще в середине XX в. ряженные ходили по дворам с настоящими волами, запряженными в плуг (Мел., С.-М., Дара). Они были одеты в традиционную одежду, в кармане держали пшеницу, «пахали», сеяли на вытоптанной площадке перед домом (*bățătură*), причем каждый год место площадки менялось, «плугари» (*plugári*) носили в кадке ель, украшенную разноцветными лентами (Дара). «Плугарям» давали только деньги и угощали вином (С.-М.). В настоящее время «с плугом» ходят цыгане (С.-М.).

Утром в первый день Нового года, на св. Василия, исполняется обычай *Sórcova* (обходы с *sórcova*). Дети приходили рано утром с прутьями яблони (либо ветками сирени, поставленными в воду на св. Андрея) или палочками, к которым приделаны картонные цветы из гофрированной бумаги (*sórcovă*)¹³, спрашивали разрешения начать обряд («*Primiți Sórcova!*» букв. «Примите Соркову!») и, услышав утвердительный ответ, начинали «сорковой» бить хозяев по спине и другим частям тела¹⁴, распевая колядку:

Sórcova véselă,

Să trăiți, să-mbătrâniți,

Веселая *Sórcova*,

Живите до старости,

¹³ Такие обрядовые изделия сейчас можно купить на рынке; если нельзя купить, то дают сыну или дочери три ветки яблони или сирени, давшие почки со времени, как их поставили в воду на св. Андрея (С.-М. – Бышч.).

¹⁴ Действие обозначается глаголом *a sorcovi* (*sorcovésc*).

Ca un măr, ca un păr,	Как яблоня, как груша,
Ca un fir de trandafir,	Как стебель розы,
Târe ca peâtra,	Крепкий, как камень,
Iúte ca săgeáta,	Быстрый, как стрела,
Târe ca fêru,	Крепкий, как железо,
Iúte ca oțelu,	Быстрый, как сталь.
...și la mulți ani!	...и многая лета! (С.-М. – Граб.)

Затем «посевали» – бросали пшеницу или рис с пожеланиями: «Многая лета!» (*La mulți ani!*), «Счастливого года...» (*Un an fericít...*), «Хорошего года, богатого года» (*Un an bun...bogát...*) и т. п. (С.-М. – Граб., С.-М.). Исполнители обряда получали мелкие деньги (С.-М.).

По словам информантов коммуны Мынзэлезть, в этих обходах участвуют только девочки, хотя однажды встретилось утверждение, что в последние годы в них принимают участие дети обоего пола (Трест.). Возраст исполнителей обычая – до 10–11 лет, они приходят в дома односельчан по двое-трое и ударяют по спине «жезлом», «палкой с букетом» (*sórcovă*) хозяев дома, исполняя колядку с пожеланиями здоровья и долголетия. Считается, что человек, которого ударят этим «жезлом» в первый день Нового года, уберется от многих бед и неприятностей (Мынз., Трест., Мел.).

В с. Дара *sórcovă* – три прутика айвы, связанные красными шерстяными тесемками; ударяя ими односельчан по спине (а также и животных в загоне, чтобы были живы-здоровы), дети пели:

Sórcova véselă,	Веселая <i>Sórcova</i> ,
Péste váră, primăvară,	Через лето, весну
Să trăiești, să bătrânești,	Живи, старься,
Ca un măr, ca un păr,	Как яблоня, как груша,
Ca un fir de trandafir,	Как ветка дикой розы,
Târe ca peâtra,	Крепкий, как камень,
Iúte ca săgeáta,	Быстрый, как стрела,
Târe ca fêru,	Крепкий, как железо.
Iúte ca oțelu...	Быстрый, как сталь...
La... și la mulți ani!	На... и многая лета! (Дара).

Цыгане ходили «с Василькой» (*cu Vasil'ca*) в течение первой недели Нового года (особенно – на третий день). Приходили и клали свиную голову, говоря, что это «Василька». Танцевали с початком кукурузы в руках, люди их принимали, давали им еду и выпивку (С.-М. – Граб.).

9.5. Новогодние ряженые: специального термина нет.

9.6. Деревянная палка, посох (обычно – кизиловая), с которой ходят ряженые, колядующие: *băț* (*béțe* – pl.) ‘палка’ либо *toiág* (*toiáguri* – pl.) ‘дубинка’ – атрибуты ряженных, ходивших «с плугом» (Трест.); *sórcova* – «жезл», «палка с букетом», «букет», с которым дети совершают обходы утром первого дня Нового года. *Sórcova* может быть покупной или изготовленной самостоятельно из еловых или грушевых веток и украшена цветной гофрированной бумагой и цветами из бумаги или пластика (см. также 9.4.).

9.7. Гадание с опусканием колец (или других предметов) в сосуд с водой: нет.

Новогодней ночью (*noáptea de Ánu Nóu*) девушки шли к спавшей скотине и пинали поочередно животных ногами в надежде, что они встанут. Девушка считала, через сколько лет выйдет замуж (сколько коров осталось лежать, столько лет она будет сидеть в девках) (С.-М. – Граб.).

Девичьи гадания также приурочены к другим зимним праздникам – дню св. Андрея и Крещению (Мынз.), см. 1.1. и 11.1.

10. КАНУН БОГОЯВЛЕНИЯ (5/18. I).

10.1. Название дня: *Ajúnu(l) Bobotézei*.

Встретилась информация, согласно которой вечером 5 января в некоторых семьях режут луковицу, делят половинку на 12 листков, на каждый из которых помещают некоторое количество соли. Эти 12 листков, каждый из которых символизирует один из месяцев года, помещают на окно. Если в одном из листков – «чаш» (*sípră*) скапливается вода – значит, данный месяц будет дождливым, если вода отсутствует – месяц будет засушливым (Трест.).

10.2. Обычай обхода домов девушками, «прогоняющими» злых духов: нет.

11. БОГОЯВЛЕНИЕ или КРЕЩЕНИЕ (6/19. I).

11.1. Название праздника: *Boboteáză(-a), zúua de Boboteáză*. В этот день в церкви берут святую воду (*agheáză, aiáză*) и просфоры (*anáfură*). Эту святую воду держат в доме целый год, ею поят больных, кропят скот, домашнюю птицу, кропят дом в случае возникновения каких-либо проблем и т. д. (все). Освящение воды (*slújbă de agheáză*) происходит во дворе церкви, в прошлом могло происходить на льду озера (Трест.), на реке Бузэу, в которую бросали крест (Дара). Выходя из церкви, священник взмахивает руками в ту сторону, откуда дует ветер, чтобы зима была мягкой (Дара).

Существует представление о том, что, если в этот день тепло и солнечно, год будет засушливым и неурожайным, а если мороз – урожай будет богатым.

На Крещение чаще бывает мороз, существует выражение «крещенский мороз» (*Géruł Bobotézii*).

В этот день в зависимости от того, какой дует ветер в то время, когда святят воду, делают прогнозы о том, каким будет год. Если дует южный или юго-западный ветер (*aústru*), считается, что будет засуха (или проливные дожди), если северо-восточный (*criváțu*) – год будет урожайным (Трест.).

Девушки с утра несли базилик к колодцу и тогда умывались (С.-М. – Бышч.). Гадали с веточками базилика (*busuióc*): накануне этого дня привязывают его к расчёске (гребню) красной нитью, чтобы увидеть во сне суженого (*ursítul*) (Мел.).

Встречается представление о том, что вечер этого дня – время собраний ведьм (Мынз.).

11.2. Обычай обхода домов процессией парней или красиво одетых девушек: нет.

12. ДЕНЬ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ (7/20. I).

12.1. Название праздника: *Sfântu Ión*. Церковный праздник. По некоторым сведениям, в этот день разбирают и выносят из дома новогоднюю елку (*brad*) (Изв.Д.).

12.2. Ряженые, совершающие в этот день обходы домов и пугающие селян: нет.

13. «БАБИН» ДЕНЬ, или ДЕНЬ Св. Доминики (8/21. I).

13.1. Название праздника: нет.

13.2. Ритуальное приглашение повивальной бабки в дом на праздник: нет.

13.3. Дар повивальной бабке – предмет в форме фаллоса и др.: нет.

14. ДЕНЬ Св. Афанасия (18/31. I)

14. Название праздника: (*Sfântu*) *Tănáse de ciúmă* (Дара).

14.2. Следующий день, когда соблюдается множество запретов, чтобы не заболеть, не умереть: нет.

15. ТРИФОНОВ ДЕНЬ (1/14. II)

15.1. Название праздника: нет.

16. СРЕТЕНИЕ (2/15.II):

16.1. Название праздника: *Întâmpinárea dómnului*. Церковный праздник. Ходят в церковь, раздают коливо (*colívă*) за упокой усопших.

17. СИМЕОНОВ ДЕНЬ (3/16. II)**17.1. Название праздника:** нет.**18. ХАРАЛАМПИЕВ ДЕНЬ (10/23. II)****18.1. Название праздника (празднуется во избежание болезней):** *Trei Sfinți Arhiredi* ‘Три святых архиерея’ (Трест.). Связь праздника с болезнями не отмечается.**19. Св. Власий (11/24. II)****19.1. Название праздника («коровий праздник» и др.):** нет.**20. ПРИХОД ВЕСНЫ – ПЕРВОЕ МАРТА****20.1. Название дня:** *întâi mǎrtie* ‘первое марта’.**20.2. Украшение из разноцветных ниток, которое носят в этот день на руке, на одежде, привязывают животным и т.д.:** *mǎrțișór(-u)* (sg., n.; pl. *mǎrțișoáre(le)*, Мел.; *mǎrțișóri(le)*, С.-М.). Мэрцишор состоит из двух перевитых шелковых или, реже, хлопчатобумажных нитей – красной и белой (или двух красных и двух белых; трех белых и трех красных, делается их в виде шариков-цветочков и привязывается к монетке, Дара). Носят его на руке (*pǎ mǎnǎ*), на шее (*la gât*) или на груди (*pǎ piépt*), в настоящее время – чаще всего на груди. Мэрцишор обычно дарят парни девушкам (мальчики девочкам), дети – родителям. В настоящее время мартовские нити обычно покупают, в прошлом – изготавливали дома, дети иногда изготавливают их сами. Носят их только девушки (девочки) и женщины (С.-М., Мел.). Их вешают также на шею молодяку домашних животных (ягнятам, телятам), овцам (С.-М.). Готовят теленка тоже к первому марта, говоря: «Вот (тебе), теленок, кое-что красивое на шею» (*Hái, vițel, ceva frumós la gât*) (С.-М.). Пожилые женщины повязывают 1 марта мэрцишор на руку, чтобы у них плодилась домашняя птица, сажают фасоль, огурцы с повязанным на руке мэрцишором, чтобы завязывались плоды (С.-М.).

Считается, что желательнее носить это украшение-оберег в течение всего марта, а затем, сняв, повесить на куст шиповника (*mǎcés*) (Мел.) или повесить на шиповник тогда, когда он расцветает (С.-М. – Бышч.), тогда девушка будет счастливой (Дара). Раньше повязывали также 9 марта на дерево или на крест на кладбище (С.-М.).

Существует легенда о происхождении этого украшения-оберега: «Говорят, что была поляна (опушка), полная подснежников, в давние времена. Турки и татары будто бы убили какую-то девушку (девушек), и кровь смешалась с бе-

лыми подснежниками. Поэтому носят мартовскую нить (*de aceéa se poártă mărțișoru*)» (Мел.).

21. ПЕРВЫЕ или ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАРТА (3 дня или 9–12)

21.1. Название первых (последних) дней марта, связанное с резким похолоданием в эти дни и легендами о рассерженной «бабе Марте» (или другом весеннем месяце), взявшей взаймы несколько дней у зимних месяцев: *Bábe(le)* ‘старухи’, *Zilele Babei*, *Zilele bábelor* ‘старухины дни’ – с 1 по 9 марта (*nóuă bábe* ‘девять баб’). Имеется представление о том, что есть *Bábele nói* ‘Новые старухи’ и *Bábele véchi* ‘старые старухи’, но точно назвать даты информанты затрудняются (Мел.).

В период с 1 по 9 марта каждая женщина из села выбирает себе одну «бабу» (*își alége o Bábă*), т. е. один день. В зависимости от погоды, которая стоит в этот день – «плохая баба» (*Bába rea*) или «хорошая баба» (*Bába bună*), – окружающие делают выводы о том, какой является эта женщина (С.-М., Бышч., Мел.). «Насколько день погожий, таково и сердце человека, если идет дождь и снег, холодно, таков и человек в душе» (С.-М.). «И выбирает себе каждая женщина один день, и говорят о соответствующем дне: “Смотри(те), говорят, такой-то день был непогожим, она плохая (злая)...”» (*Úite, zic, zíua cutáre a fost urátă, e réa...*) (Мел.). По некоторым сведениям, «бабу» женщина выбирает в зависимости от того, каким по счету ребенком в семье она была: если первым, то выбирает 1 марта, и т. д. (С.-М.).

Жители сел знают легенду о бабе Докии (молодые – из школьной программы): «Баба Докия – говорят, что это была женщина, у которой было очень много (домашних) животных, и она отправилась с ними на горное пастбище (*și a plecát cu éle la păscút pe munte*), и у нее было девять кожухов (*și avea nouă cojoace*). И она сбрасывала каждый день по кожуху, потому что стало теплеть...» (Мел.). Потом установился мороз, и она замерзла (Дара). Говорят: «Баба Докия с девятью кожухами» (*Bába Dóchia cu nouă cojoácele*) (Дара, С.-М., Бышч.); «на девятый день баба сбросила все кожухи» (С.-М. – Бышч.). Если дети много одежды на себя надевали, их дразнили: «Смотри-ка, баба Докия, ты оделась...» (*Iá vézi Bába Dóchia, te ai îmbrăcát*) (Дара).

21.2. Живущие в воде мифические существа в образе женщин, которые активизируются в три первые, три средние или три последние дня месяца марта (а также в первые дни августа): нет.

21 доп. Существует представление о том, что с 1 марта змеи начинают выбираться на поверхность (*încep să iásă șerpíi*). Существует представление

о том, что в течение всего марта нельзя произносить слово «змея» (*șarpe*), чтобы не встретиться со змеей (Мел.).

22. СОРОК МУЧЕНИКОВ (9/22.III)

22.1. Название дня: *Mucenici(i)*, *Măcenici(i)* ‘Мученики’, *ziua Măcenicilor* ‘День мучеников’, *Ziua de Măcenici* ‘День мучеников’, (*ziua de*) *Patruzéci de Sfinți* ‘(день) Сорок(а) святых’, *Patruzéci de Mucenici* ‘Сорок мучеников’, также: *Patruzeci și Patru de Mucenici* ‘Сорок четыре мученика’ (С.-М., Граб.), *Patruzéci și pătru de Sfinți* ‘Сорок четыре святых’ (С.-М.).

Имеется легенда о сорока детях (?), которых погрузили в ледяную воду, чтобы вынудить отречься от веры в Иисуса Христа, и обещали в том случае, если они это сделают, поместить их в теплую воду (Мел.).

Распространен обычай выпивать в этот день сорок четыре стакана вина (С.-М., Мел., Граб.).

22.2. Костер в этот день: *foc* ‘огонь, костер’¹⁵. В этот день (до восхода солнца, С.-М. – Граб., Дара) в каждом дворе жгут костер из соломы и мусора, для того чтобы прогнать «злых духов» (*spiritele réle*) (Мел.), «чтобы только добро шло в дом» (*ca să meargă deci bine la casă*) (С.-М.), потому что от этого костра «убегают злые силы из сада» (*fúge rélele din grădínă*) (С.-М. – Бышч.). Такие костры раньше назывались «кострами бабы Докии» (*fócur 'le lúi Bába Dóchia*)¹⁶, прыгая через костер, говорили: «Пусть уйдет болезнь от меня» (*Să plăce boála de la míni*) (С.-М.). Дети прыгают через костер, чтобы «исчезло всё зло» (*dispáre toáte rélili*) (Трест.), взрослые, затем дети прыгают через костер три раза, чтобы огонь защитил их от зла, после чего детям дают кусочки вареного теста, называемые «мученики» – *mucenici* (С.-М. – Граб.). Костер разжигают перед тем, как варить «мученики» (С.-М.).

Перед тем как разжигают костер, одна из женщин дома зажигает тряпку из хлопка и обходит кругом все постройки, окуривая их, чтобы змеи не заползали во двор. Прячут вилы (*fárcă*) для сена, прячут прялку (*fárcă*), чтобы не видеть их в этот день (Граб.). Обходят три раза дом с огнем от костра и говорят: «Господи Боже, помоги (чтобы было) добро в доме... (чтобы) все (зло) ушло, не приближалось к дому, чтобы был дом чистым, светлым...» (*Doámne, Dumnezéule, ajútă în bine la căsă, să... de réle, di toáte céle... să se dúcă, să nu se aprópie de*

¹⁵ *Foc*, *-curi* ‘огонь, пламя, костер’ (рум. лит.).

¹⁶ Информант связывает разжигание этих костров со Страстной неделей (în Săptămâna Măre) (С.-М.).

casă, să fie casa curată, luminată...) (С.-М.). Окуривают не только дом, но и домашних животных, птицу, «чтобы убирались змеи, чтобы уходило зло» (*ca să fugă șerpii, să fugă relili*), обходя три раза дом с углями и ладаном, приговаривают: «Господи, помоги нам и убереги от зла наш дом» (*Doámne, ajută ne și păstrezi rélele de la casa noastră*) (Дара). Окуривают дом в четырех углах лучиной в форме хвоста, чтобы разбегались змеи, ящерицы, мыши (С.-М.).

22.3. Булочки, калачики (не более 40), выпекаемые на праздник: *mucenici(i)* (Трест., Мел., С.-М. – Граб.), *măcenici(i)* (Трест., Мел., С.-М., Бышч., Дара), *măcinici(i)* (С.-М.) ‘мученики’ (pl.). Их должно быть сорок штук (Мел.) или, по другим сведениям, сорок четыре (Трест., Дара). Представляют собой кусочки вареного теста (из муки и воды, без дрожжей), имеют форму восьмерок (*ópturi*), сдобрены сахаром, корицей и толчеными грецкими орехами (всё это добавляют в воду, в которой варятся «мученики», или посыпают сахарной пудрой и толчеными грецкими орехами уже готовые изделия; подают на тарелках с густой сладкой орехово-лимонной подливкой)¹⁷. Изделия раздают в память об умерших родителях (*ímpărtem pένtru părínți, pένtru mórți*) (С.-М.). Их не едят, пока не раздадут. Большую часть их съедают дети.

О тех детях, которые не приходят в этот (или в следующий?) день в школу, говорят: «Он прилип к горшку, так как его мать сварила “мучеников”» (Мел.). Известно четверостишие:

Mucenic legát de oală,
 Ve ce n-ai venít (?) la școală?
 – N-am venít că n-am putút,
 Mi-a gămás mucenic în gát.

Мученик, прилипший к горшку,
 Почему ты не пришел в школу?
 – Я не пришел, потому что не мог,
 У меня застрял «мученик» в горле.

(Изв.Д.).

В этот день угрожали плодовым деревьям – шли к фруктовому дереву, которое не давало плодов, с ножом и с небольшим количеством теста, трижды делали надрез и говорили: «Если в этом году не принесешь (плодов), я тебя срублю! Я тебя оставляю еще на это лето, если не принесешь плодов – срубим тебя» («*Dácă ánu ásta nu fáci... te tái! Te mái las în vára ástă, dácă nu rodéști, hái să te táiám*»). В эти надрезы помещали тесто от «мучеников» (С.-М. – Граб.). Мать мазала детей тестом по лицу, а они, в свою очередь, оставляли его на фруктовых деревьях, чтобы те давали плоды в новом году (С.-М.).

¹⁷ Такие «мученики» являются типичными для Мунтении. Изредка встречаются также выпечные хлебные изделия, называемые «мученики» (Трест.).

23. БЛАГОВЕЩЕНИЕ (25.III/7.IV)

23.1. Название праздника: *Blagoveșténie, Blagoveșt'énie, Blagovișténie* (Мынз., Мел., Трест.), *Bunaveștíri* (С.-М., Дара). Считается, что тем, кто родился в этот день, сопутствует удача (*noróc*).

23.2. Костер в этот день: нет.

24. ПЯТНИЦА ПЕРЕД ЮРЬЕВЫМ ДНЕМ

24.1. Название дня («растительная пятница» и др.): нет.

25. ГЕОРГИЕВ (ЮРЬЕВ) ДЕНЬ (23.IV/6.V)

25.1. Название праздника: *Sfântu Gheórghe*. В этот день отдают овец на летний выпас (Дара)¹⁸. Считается, что в этот день появляются мифические существа *iéle* (см. IV С, 5 «Народная мифология») и все нечистые духи (*toáte dúhurile necuráte*), и что в этот день некоторые женщины занимаются ворожкой (*fac vráji (vréji)*), бродя обнаженными, с распущенными волосами по холмам. Они собирают травы и «причиняют зло» домашним животным (С.-М., Мел.). Для защиты от злых духов (*spíritele (duhur 'le) réle*) в этот день помещают ветки шиповника у входа в загон для скота (*la întrárea-n grajd*). Шипы этого растения якобы «ловят» злых духов (Изв.Д.). На ворота загона кладут шиповник, чтобы ведьмы не забрали молоко у овец, коровы, козы; в этот день «те, кто умеет» могут отобрать молоко у домашних животных (Дара). Для защиты от ведьм (*cóntra la vrájiitoare*), отбирающих у скота молока и насылающих на него болезни, в канун праздника на двери и ворота ветки любых колючих растений – шиповника, боярышника, акации (С.-М.). Также помещают в доме листья бука (С.-М. – Бышч.), на окно – вербу (*sálcii*), листья грецкого ореха (Дара).

25.2. Праздничный каравай: нет. Каравай (*colác*) пекут только в тех семьях, один из членов которых носит имя Георге. Каравай несут в церковь (Трест.).

25.3. Хлеб в форме кольца (через который совершается первое доение): нет.

25.4. Жертвенное животное: нет. См. 40. доп.

25.5. Первое доение: *prímul muls* 'первое доение'. Связь его с днем св. Георгия установить не удалось. Существует обычай, согласно которому со дня

¹⁸ По словам информантов из других сел, выгон овец на горное пастбище (*la stánă*) не связан с каким-либо праздником (С.-М., Трест.). Пастушеский сезон начинается около 20 мая; так было и в прошлом (Трест.), «где-то после Пасхи», когда «трава получше» (С.-М.).

св. Димитрия (*Sfântu Dumitru*) до дня св. Георгия скот пасется свободно (например, овцы здесь круглый год находятся на подножном корму), а со дня св. Георгия нужно следить, чтобы животные паслись только на участках, принадлежащих их хозяевам. (Мел.).

25.6. Следующий день: нет названия, нет ритуалов.

26. ДЕНЬ СВ. ИЕРЕМИИ (1/14.V)

26.1. Название праздника: нет.

26.2. Обрядовая зелень, которой украшают в этот день двери, окна: нет.

27. ДЕНЬ СВ. КОНСТАНТИНА И ЕЛЕНЫ (21.V/3.VI)

27.1. Название праздника: *Ziua Sfinților împărăți* ‘день святых императоров’; *Co(n)stantin și Eléna*.

27.2. Участники обрядовых игр и шествий, совершаемых в этот день: нет.

27 доп. В с. Трестиора на этот день приходится один из храмовых праздников (второй – в день св. Димитрия) – *hreámu biséricii* ‘храм церкви’, *práznic, práznicu Constantin și Eléna*.

28. ДЕНЬ СВ. ВАРФОЛОМЕЯ (11/24.VI)

28.1. Название праздника («громобойный, градовый день»): нет.

29. ДЕНЬ СВ. ВИТА (15/28.VI)

29.1. Название праздника: нет.

30. ИВАНОВ ДЕНЬ (24.VI/7.VII)

30.1. Название праздника: *Drăgăică(-a), Sânziéne(le)*.

На Дрэгайку (*la Drăgăică*) многие жители коммуны и других близлежащих населенных пунктов отправлялись (и отправляются до сих пор) на ярмарку (*târg, bálci*) в Бузэу (все). В прежние годы туда приезжали ремесленники и торговцы из различных удаленных от Бузэу районов, например из Марамуреша, театральные труппы, цирк. По одним сведениям, ярмарка длится две недели (Изв.Д.) или двенадцать дней (Мел.) и Иванов день приходится на середину этого периода (Мел., Изв.Д.), по другим – ярмарка начинается 24 июня и длится восемь дней (Трест.).

В этот день появляются, собираются женские мифологические существа *sânziéne(le) – zânele bune* ‘добрые «зыны»’ (Мел., Изв.Д., С.-М. – Граб.). Они якобы собирают растение с белыми цветами, которое называется *drăgăiciuță*,

обладает приятным запахом и расцветает именно в этот день. Девушки плетут из этих цветов венки, так как считается, что ношение такого венка сделает кожу лица чистой (Трест.). Если тебя окликнут в эту ночь и ты ответишь, то не проживешь долго (С.-М. – Граб.). См. также **Народная мифология, 5.1.**

Ночь накануне Иванова дня считается подходящим временем для магических действий («на любовь» и «на ненависть»), для произнесения любовных заговоров (С.-М., Граб., Бышч., Мынз.); рано утром в этот день собирают растения, которые используют для приворота (их добавляют в еду). Заговор на любовь осуществляется в ночь на Иванов день (*noapte de Sânziene*) рядом с каким-то растением (название выяснить не удалось), его совершают три женщины, раздевшись догола, при этом имитируется половой акт с этим растением (Мынз.).

По некоторым сведениям, в эту ночь ведьмы ворожат у воды. Ср. **1.1. ДЕНЬ СВ. АНДРЕЯ.**

30.2. Костер накануне этого дня: нет.

30.3. Обычай девичьих обходов полей с маленькой девочкой на плечах: нет.

30.4. Маленькая девочка – центральный персонаж детских обходов в этот день: нет.

30.5. Взрослая девушка – предводительница девичьих обходов в этот день, танцующая и поющая ритуальные песни: нет.

30.6. Гадание с предметами, опускаемыми в воду: нет.

30.7. Игра солнца в этот день: нет.

30 доп. Девушки собирают ночью травы, плетут венки и бросают их на крышу дома: если веноч падает, то это сулит скорое замужество, если веноч задерживается на доме, то и девушка остается незамужней (С.-М. – Граб.).

Передвижные праздники пасхального цикла

31. МАСЛЕНИЦА

31.1. Масленичная неделя: *Săptămâna Brânzei* ‘Сырная неделя’. В этот период не едят мясо (*lăsat de sec d'e carne* ‘оставление мяса’), употребляют большое количество сыра (*brânză*), молока и яиц, пекут пироги (*plăcinte*, pl.).

31.2. Последний день (или последняя ночь) масленицы: *Lăsata secului* (букв. ‘оставление сухого (пустого)'). В этот день пекут пироги с брынзой (*plăcinte cu brânză*) (Мел., Изв.Д.).

31.3. Ряженые на масленицу: нет.

31.4. «Мужской» персонаж, сопровождающий «женщину»: нет.

31.5. «Женский» персонаж процессии (мужчина, наряженный в женскую одежду): нет.

31.6. Палки, с которыми ходят ряженые: нет.

31.7. Масленичная кукла: нет.

31.8. Костер (или обычай возжигания костра и ритуалы, с ним связанные): нет.

31.9. Факел, который каждый парень в селе вертит в последний день (или на последней неделе) перед Великим постом: нет.

31.10. Огненные стрелы, которые пускают в последний день масленицы: нет.

31.11. Состязание, игра с подвешенным над столом яйцом, которое имеет право съесть тот, кто его ухватит зубами: нет.

31 доп. Существует запрет мыть голову в течение масленичной недели, так как считается, что из-за этого можно поседеть (Мел.).

32. ПОСТ календарный

32.1. Воздержание от употребления мяса, мясных и молочных продуктов, яиц, рыбы в определенные дни и периоды годового календарного цикла: *post(-u)*.

32.2. Название Великого поста: *Póstu Máre* 'Великий пост', *Póstu Pástelui*, *Póstu de Páști* 'пасхальный пост'. Распространен обычай, согласно которому те, у кого не хватает сил поститься в течение всего Великого поста, постятся только в течение его первой и последней недель (чаще всего так поступают пожилые люди). Некоторые соблюдают «черный пост» (*post négru*) по средам и пятницам в период Великого поста, т. е. вообще ничего не едят в эти дни (Мел., С.-М. – Бышч.).

В период Великого поста в церкви еженедельно по субботам проводятся заупокойные службы (*parastáse*, sg. *parastás*), каждую субботу готовится коливо (*colivă*). Весь Великий пост тот, кто хочет, носит каждую субботу коливо для мертвых (С.-М. – Бышч.).

32.3. Самодельный календарь, сделанный из картошки или лука с семью перьями, которые символизируют дни недели: лексемы нет, «календарь» из лука, относящийся к месяцам всего года, есть. Луковицу разрезают пополам и половинку делят (расслаивают) на двенадцать листков, которые символизируют двенадцать месяцев. Наблюдая, скапливается ли в том или ином листке вода (сок), делают вывод о количестве осадков в течение соответствующего месяца (Трест.). (Ср. КАНУН БОГОЯВЛЕНИЯ, 10.1.).

33. ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК (первый понедельник Великого поста)**33.1. Название дня:** нет.**33.2. Выпекаемый в этот день обрядовый хлеб в форме змеи:** нет.**33 доп.** В прошлом имелась «скоромная посуда» (*váse de dólce*) и «постная посуда» (*váse de post*). Перед началом поста всю «скоромную посуду» мыли и прятали и доставали «постную посуду». (Мел.).**34. ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА****34.1. Название недели:** *Săptămâna Măre* (Великая неделя) (С.-М. – Бышч.).**34.2. Название вторника на этой неделе, когда появляются мифологические персонажи «с того света»:** нет.**34.3. Название субботы на этой неделе:** *Sâmbăta lui Sfântu Toăder* ‘суббота св. Тоадера’, *Sfântu Toăder* ‘св. Тоадер’.

Известен обычай варить в этот день отборные зерна (початки) кукурузы с сахаром, есть их и кормить ими скот и домашнюю птицу. Это делается для того, чтобы обеспечить урожайный и благополучный год (Изв.Д., Мел.). По другим сведениям, в этот день варят зерна пшеницы (с той же целью) (Трест.).

Зафиксировано упоминание об обычае подрезать в этот день гривы коням или шерсть другим домашним животным – коровам, овцам (Трест.).

Ночью накануне субботы¹⁹ девушки мыли головы, опуская в чан несколько волосков из конского хвоста, чтобы их волосы отрастали такими же длинными, как конский хвост (С.-М.).**34.4. Мифологические существа, появляющиеся в это время в виде коней или наездников с хвостами:** нет.**34.5. Предводитель этих мифологических персонажей:** нет.**34.6. Ритуальный хлеб, который пекли для мифических коней:** нет.**34.7. Ряженые в это время:** нет.**35. ВЕРБНАЯ СУББОТА****35.1. Название праздника:** *Sâmbăta lui Lázăr* ‘суббота Лазаря’. Едят вареную кукурузу с пшеницей и несут коливо (*colivă*) в церковь (С.-М. – Бышч.).**35.2. Обычай обходов домов, исполняемый в этот день ряжеными – девушками или детьми:** нет.**35.3. Участницы (реже – участники) обходов в этот день:** нет.**35.4. Предводительница процессии:** нет.

¹⁹ Информант связывает этот обычай с Лазаревой субботой (*Sâmbăta lui Lázăr*) (С.-М.).

35.5. Пара обрядовых лиц, представляющих мужской и женский персонажи: нет.

35.6. Исполняемые участниками обряда песни: нет.

35.7. Хлеб, предназначенный для одаривания участников (участниц) обходов: нет.

35 доп. В этот день пекут пироги (*plăcinte*, pl.) (Мел.), «пирог Лазаря» (*plăcintă a lui Lázár*), который считается в этот день «полезным для здоровья» (С.-М.). Существует быличка, согласно которой св. Лазарь однажды залез на дерево, пытаясь понять, откуда исходит запах пирогов, упал с него (Мел.), разбился и умер (С.-М.). В этот день, как и каждую субботу Великого поста, готовят коливо (*colivă*) и несут его в церковь.

36. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

36.1. Название праздника: *Florii(le)* (букв. ‘цветущие’, ‘расцветшие’), *Duminica Floriilor* (букв. ‘воскресенье расцветших’).

36.2. Освященная ветка, которую приносят домой в этот день: *sâlcie*. Освященную ветку вербы, которую приносят в этот день из церкви, помещают в доме, на икону (все). Считается, что эта верба защищает от ударов молнии, от бурь, от града и т. д., поэтому ее жгут во время непогоды (Мынз., Мел., С.-М.), зажигая также и пасхальную свечу (С.-М., Бышч.), или же при приближении грозы втыкают в землю топор, на который вешают венок из освященной в этот праздник вербы (С.-М. – Граб.).

Считается, что такая же погода, как в этот день, должна быть и на Пасху.

36.3. Общесельский костер в этот день: нет.

36 доп. Именины у всех, кто носит «цветочные» имена: *Viorica* ‘фиалка’, *Zambila* ‘гиацинт’, *Flórea* (m.), *Florina*, *Florentina* и др. (Мынз., Мел., Трест.)

37. ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

37.1. Название недели: *Săptămâna Măre*, *Săptămâna Mări* ‘Великая неделя’, *Săptămâna Pătîmilor* ‘Страстная неделя’. В течение этой недели люди не должны есть крапиву (*urzici* pl.) и пить уксус (*oțet*), чтобы не быть злыми и не говорить ничего дурного. В этот период не употребляют в пищу и растительное масло (Мел.).

37 доп. Проводятся особые церковные службы – *dénii* (pl., sg. – *dénie*) ‘бдения’.

38. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

38.1. Название праздника: *Jói Măre*, *Jói Mări*.

38.2. Грозное существо женского пола, появляющееся в этот день, чтобы наказать неумелых прях: нет.

38.3. Выпекаемая в этот день лепешка для мертвых: нет. В этот день готовят коливо (*colivă*)²⁰, и вместе с вином и особым хлебом, украшенным изображением креста и именуемым *căpete* ‘головы’ или *sărindăr* (хлеб в форме креста, украшенного изображением круга), несут в церковь. Женщина, которая печет *căpete*, должна быть «чистой» (Мел.).

38.4. Пасхальные яйца (их готовят в четверг или в пятницу): *ouă roșii* букв. ‘красные яйца’. В прошлом яйца окрашивали с помощью натуральных красителей – кожуры диких яблок (*măr pădureț*) и душицы (*sovârv*) (Трест.). Здесь изготавливают также пасхальные яйца в технике батикования воском (*ouă (în)condeiate*) – рисунок наносят тонким слоем горячего воска с помощью пера, а затем окрашивают яйцо в красный цвет; рисунок при этом остается белым (С.-М., Трест.)²¹. По словам информантов, яйца можно красить начиная с четверга (С.-М.), в субботу (С.-М. – Бышч.), в любой день Страстной недели (Мынз., Трест.).

Известна легенда о женщине, которая поставила корзину с яйцами под крест, на котором был распят Иисус, и яйца окрасились его кровью в красный цвет. (Мел.).

38.5. Первое крашеное яйцо, которому приписывается магическая мощь (свойства оберега): нет.

38.5 доп. На Пасху утром девушки умываются водой, в которую кладут одно красное и одно белое яйцо, «чтобы быть белыми и красными весь год»; все домочадцы, умываясь, кладут в чан одно крашеное яйцо (*ouă roșu*, букв. ‘красное яйцо’), чтобы быть здоровыми (С.-М.).

39. ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

39.1. Название праздника: *Vineri Mări*, *Vinerea Mări* (Мел., Мынз.), *Vinerea Măre*, *Vinerea Păștelui* (С.-М.), *Vinerea Seacă* ‘Сухая пятница’ (Бышч.). В этот день считается желательным соблюдать «черный пост» (*post negru*), т. е. ничего не есть (Мел.). Запрет осуществлять приготовления к Пасхе – не пекут кулич, не красят яйца (С.-М. – Бышч.). Жгут костры на кладбище на могилах для умерших (*pentru morți*), чтобы у покойников был свет (*ca să aibă lumină*) (С.-М.).

²⁰ На все четверги во время Великого поста делают коливо «для мертвых» (С.-М.).

²¹ Такие пасхальные яйца удалось увидеть в с. Трестиора, в доме Георге и Вирджинии Стемате.

40. ПАСХА

40.1. Название праздника: *Păști(i), Păște(le), Învieře(a)*. Считается, что в ночь на Пасху (*noaptea de Învieře*) все умершие выходят на свои могилы, поэтому ни одна могила не должна остаться без свечи (Мел.). На Пасху в церковь приносят цветы. Проводится крестный ход. Со дня Пасхи до вознесения обычным приветствием является «*Cristós a-nviát*» («Христос воскрес»). На Пасху раздают поминальные дары – (*s-împărte la Păște*) (С.-М. – Граб.).

40.2. Хлеб, каравай, украшенный яйцом (яйцами): нет. Традиционной для этого праздника выпечкой является *păscă*, или *pășciță*, которую пекут из хлебного теста, смешанного с брынзой (или кладут брынзу сверху), иногда добавляют взбитое яйцо (С.-М.). Остатки пасхи считается желательным отдать домашним животным (коровам, овцам) (Мел., Изв.Д.). Также на Пасху, как и на другие большие праздники, пекут кулич (*cozonác*) (С.-М., Мынз.). Встречается также обычай выпекать на Пасху калачи в форме ягнѐнка (*coláci în fôră de miél*) (Изв.Д.).

40 доп. На Пасху принято резать ягнѐнка (реже – козленка, Дара). По словам некоторых информантов, те, кто не ест баранину, могут зарезать накануне Пасхи индейку (Мел.). Традиционное пасхальное блюдо – запеченные потроха ягнѐнка (*dróp(u) de miél*), которые подают с большим количеством зелени – лука, укропа, петрушки и др. Перед запеканием в фарш могут добавлять мелко нарезанные вареные яйца. Запекают массу, поместив в желудок ягнѐнка, на противне (Мел., Изв.Д.).

Говорят также, что первой пищей утром на Пасху должна быть рыба, «чтобы быть резвым, как рыбка» (*să fii iúte ca un păște*). После этого съедают яйцо (Мел.).

41. ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ПОСЛЕ ПАСХИ

41.1. Название недели: *Săptămâna Luminată* ‘Светлая неделя’. На этой неделе ходят на кладбище и раздают красные яйца и кулич (*s-împárt'e ouă rósii și cozonác*) (С.-М. – Бышч.). Существует представление о том, что на этой неделе открываются врата рая (*pórțile ráiului*). Единичная информация: на этой неделе весьма нежелательно умирать, так как умерший в этот период попадет прямо в ад (*iád*) (Мел.).

42. ПЕРВАЯ ПЯТНИЦА ПОСЛЕ ПАСХИ

42.1. Название дня: *Izvóru tătăduirii* букв. ‘источник исцеления’. В этот день освящают проточную воду (служба проводится у воды).

43. ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОСЛЕ ПАСХИ (Фомино воскресенье)

43.1. Название праздника: *Dumínica Tómiu*. В этот день раздают в церкви коливо, пасхи, куличи, крашеные яйца. В церкви проводится ночная (?) служба – *dénii*. В период между Пасхой и Фоминым воскресеньем не играют свадьбы (Мел.).

43.2. Песни, которые исполняют в этот день участники обходов домов: нет. Обходы в этот день не практикуются.

44. ПОНЕДЕЛЬНИК ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ПАСХИ

44.1. Название: *Păștele blajinilor* ‘Пасха блаженных’. По некоторым сведениям, празднуется ради тех, кто покончил жизнь самоубийством, в этот день ходят на могилы самоубийц (Мел., Изв.Д.).

45. СЕРЕДИНА ПЕРИОДА МЕЖДУ ПАСХОЙ И ТРОИЦЕЙ (25-й день после Пасхи)

45.1. Название дня: нет.

45.2. Обычай обхода домов детьми, которые собирают продукты для выпечки обрядового хлеба: нет.

46. ВОЗНЕСЕНИЕ (40-й день после Пасхи, четверг)

46.1. Название праздника: *Înnălțare(a)*, *Nnălțare(a)* ‘вознесение’, *Ispás*, *Înnălțarea Dómnului* ‘вознесение Господне’. Также называют *Ziua Eróilor* ‘день героев’ (Бышч.)²².

Приветствие, с которым люди обращаются друг к другу в этот день, – «Hristós s-a înălțát» («Христос вознесся»). Со дня Пасхи до Вознесения говорят «Cristós a-nviát» («Христос воскрес»), см. также **40.1.**, ПАСХА. С этого дня больше не едят пасхи (*pășcițe*) и крашеные яйца (Изв. Д.). В этот день раскладывают в доме и носят с собой листья грецкого ореха (Мел.).

46.2. Подношение соседям, пастухам в этот день: нет.

Тоже делают пасхи (*pășcițe*) для раздачи (*péntru-mpărțít*); делают маленькие пасхи (*pășcițe mici*) наподобие булочек с запеченной внутри брынзой (Бышч.).

46.3. Общесельский праздник, устраиваемый в лесу: нет.

46.4. Обходы сел с крестным ходом: *ieșire cu cruce*. Крестный ход совершается вокруг церкви.

²² Особенно отмечают те, у кого на фронте погибли отцы: раздают «маленькие пасхи» – булочки с брынзой (Бышч.).

47. ТРОИЦА

47.1. День св. Троицы, Пятидесятница (воскресенье): *Rusálii(le)*. В этот день люди кладут себе за пояс полынь (*pelín*), приносят ее в дом, чтобы «помог Господь» или чтобы человека не нашли «русалии» (*ca să nu te găsească rusálike*) (С.-М.), прикрепляют полынь на окна и двери (Дара). Листья грецкого ореха приносили из церкви и вешали в помещении (С.-М.).

Все три дня – воскресенье, понедельник и вторник – запрещается работать, чтобы избежать потерь в поле и не навредить домашним животным (С.-М. – Бышч.).

47.2. Духов день, Святой Дух – следующий после Пятидесятницы день: *a dóuă zi de Rusálii* ‘второй день русалий’.

47.3. Канун Пятидесятницы: *sâmbăta mórților* ‘суббота умерших’, *Móșii de vără* ‘летние старцы’, ‘летние предки’.

47.4. Название Троицкой (следующей после Пятидесятницы) недели: выяснить не удалось. *Rusálii*, по словам информантов, празднуются два дня.

47.5. Появляющиеся в это время мифологические существа женского пола, молодые, красивые, без одежды, с распущенными волосами до пояса (у румын – и как уродливые старухи): *rusálii*. На вопрос, кто такие *Rusálii*, информанты отвечали: «Это какие-то злые духи» (*Sînt niște spirite réle*), однако описать их не могли (Мынз., Трест., Мел.). Если работаешь в эти праздники, то говорят: «Тебя заберут русалии» (*că te iă rusáliile*) и «унесут куда-то» (*și te dúce*) (Бышч.).

47.6. Обходы ряженных, исцеляющих от болезней в это время: нет.

47.7. Предводитель участников обходов: нет.

47.8. Место погребения ряженных, убитых в бою между группами участников обходов: нет.

47.9. Причина болезни человека в это время: *te scătire Rusálii* («тебя вытряхивают *Rusálii*»), *te iă Rusálii* («тебя берут *Rusálii*») (Мел.). Считается, что это может случиться с теми, кто в эти дни стирает белье или вытряхивает половики (*scătură preș*). Рассказывают о женщине, которая вытряхивала половики на Троицу, из-за чего поднялся ветер и поднял ее на небо, а затем она упала на землю (Мел.). По некоторым сведениям, аналогичные запреты соблюдаются в течение трех первых четвергов после Троицы (Изв.Д.).

47.10. Лечебное растение, цветущее в это время: нет. В дни празднования Троицы (*Rusálii*) принято раскладывать в доме и носить за поясом полынь (*pelín*), так как ее не любят существа, называемые *Rusálii* (Мел.), и листья грецкого ореха (*frúnze de nuc*) (Изв.Д.).

47 доп. В с. Жгяб на Троицу отмечается храмовый праздник (*hreamu bisericii*).

48. ЛЕТНИЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ

48.1. Обряд вызывания дождя, во время которого участники (участницы) обходят дома, совершая ритуальные действия: *Paparúďă(-a)*²³. Исполняется в третий четверг после Пасхи (этот день именуется *Ziua Paparúzi* – Мел.). В этот день мальчики обливают девочек водой; желательно, чтобы те промокли насквозь. Говорят, что, если в этот день промокнешь, – будешь счастливой (удачливой) (*ái noróc*). Некоторые информанты не видят связи этого обряда с вызыванием дождя (Мел.).

По другим сведениям, в обряде участвуют дети обоого пола в возрасте до 12 лет, которые поливают друг друга водой (*se pǎpǎruzește cu apă*). Этот обычай, который исполняется летом, сохраняется до сих пор, но никакого значения, по мнению информанта, не имеет. Дети, участвующие в нем, одеты в обычную одежду. (Трест.).

В с. Сэрата-Монтеору этот обряд исполняют цыгане, которые поют: «*Paparúďă, Rúďă...*», прося Господа, чтобы пошел дождь. Есть сведения, что они приходят за два или три дня перед Пасхой, осыпают двор пшеницей, молятся и проговаривают: «Дай, Боже, дождь, чтобы были пшеница и хлеб» (*Dă, Doámne, plói să făcă gráu și pâine*) (С.-М.).

48.2. Участники обряда вызывания дождя: нет лексемы.

48.3. Основной персонаж процессии – девочка, украшенная зеленью, которая танцует перед домами, в то время как ее поливают водой: нет.

48.4. Участники обходов вызывания дождя, собирающие дары: нет.

48.5. Кукла из глины или соломы, которую «хоронят» (закапывают или бросают в воду) с целью вызвать дождь: *Caloián* (С.-М., Граб.). Всё село выходило, чтобы устроить похороны Калояна. Из глины делали маленького человечка, клали его на дощечку, туда же клали много цветов, двое парней несли «Калояна», один нес крест. Шли с попом (с дьяконом из церкви), как похоронная процессия, к реке (или к месту, где оставалась в результате засухи вода) и пускали (бросали) «Калояна» по воде с крестом, зажигали свечу, имитируя похороны – все женщины и старики рыдали по-настоящему, кричали, причитали (*jeleáu*):

²³ Нередко обряд вызывания дождя с куклой «Калоян» также может называться *Paparúďă*: «*Paparúďă* у нас, когда нет дождей. Мы делали... Калояна (*Caloián*)» (С.-М. – Граб.)

Caloiéne, -Iéne, -Iéne,	Калоян, -ян, -ян,
Deschidă porțile,	Открой ворота,
Să curgă ploaiele,	Чтобы потекли дождинки,
Că di când n-a mai plouă,	Потому что с тех пор, как не было дождя,
Tot pământu s-a crăpăt,	Вся земля потрескалась,
Și iarba s-a uscăt...	И трава высохла... (Граб.) ²⁴ .

В Сэрата-Монтеору «похороны Калояна» устраивали дети 10–12 лет: лепили из глины человечка, клали на доску или в коробку («гроб»), украшали цветами, причитали по нему, один изображал попа, другой – дьякона, делали остановки на пути «похоронной процессии», Калояна бросали в речку, пели: «Калоян, Калоян... Приходи с дождями к нам...» (*Caloiéne, Caloiéne... Vino cu plóiele péste noi...*), после «похорон» справляли поминки (*făceam pománă*) на реке, принося еду к воде, «потому что похоронили Калояна» (*că am înmormântat ră Caloiánu*); иногда «поминки» готовили пожилые люди, но ели дети. По словам некоторых информантов, обычай утрачен после 1944 г.

48 доп. Обливали, окатывали водой из ведра беременных женщин, чтобы пошел дождь (С.-М. – Граб.).

С целью вызывания дождя проводятся церковные службы у колодцев (Изв.Д.).

49. ДЕНЬ КОЗЬМЫ И ДАМИАНА (1/14. VII)

49.1. Название праздника: нет.

50. «ГОРЯЩИЕ» ДНИ (между 15/28.VII и 20.VII/2.VIII)

50.1. Название дней: нет.

51.2. «Живой» огонь, добываемый трением сухих веток (для обновления огня в очаге в эти дни или для других обрядовых целей): нет.

51. ДЕНЬ СВ. ИЛЬИ (20.VII/2.VIII)

51.1. День св. Ильи, борца с дьяволом: *Sfântu Ilie*.

51.2. Св. Илья (повелитель грома, бог солнца): *Sfântu Ilie*.

51.3. Громы и молнии, которыми св. Илья (или Бог) борется с дьяволом: *trăsnetu* ‘гром’, ‘бич’. Существуют представления о св. Илье, изгнавшем чертей (*dráci*, pl.) из рая. Считается, что он ездит на огненной колеснице (*cărúță de foc*) и щелкает бичом (*bici*), отчего гремит гром. Полагают, что св. Илья точно не знает, когда его день. Если бы он знал свой день, сделал бы «истребле-

²⁴ Текст, по мнению информантки, неполный.

ние» (*prăpăd*) – наводнение, бурю (С.-М. – Бышч.). По словам информантов, в день св. Ильи или в ближайшие к нему дни обычно бывают грозы²⁵ (слышишь на св. Илью гром – бери топор, втыкай в землю, и небо прояснится, С.-М.)²⁶. В этом случае говорят, что св. Илья злится. Если на св. Илью бывает гроза, то высыхают (Мел., Бышч., С.-М.) или лопаются (Дара) грецкие орехи; высыхают и грецкие, и лесные орехи (С.-М.). Запрет сердиться в этот день, чтобы не навредить себе (С.-М.). После дня св. Ильи якобы уходят «в свое гнездо» змеи (С.-М.).

Существует обычай пробовать в этот день грецкие и лесные орехи (С.-М., Бышч.): если в этот день они хорошие, то будут весь сезон хорошими (С.-М.). Девушки гадали о будущем счастье в замужестве: подходили к грецкому ореху спиной и срывали орех, разбивая его там же и рассматривая внутренности – сухой не сулил удачи (С.-М. – Граб.).

В этот день раздавали яблоки и вареную кукурузу (С.-М.).

51.4. Петух, которого приносили в этот день в жертву: нет.

51 доп. Следующий после Ильина дня день, по некоторым сведениям, именуется *Pălii* (Трест.)²⁷.

52.1. ПЕРВЫЕ ДНИ АВГУСТА (3, 9, 12)

52.1. Название первых («несчастливых») дней августа, в течение которых якобы активизируется нечистая сила: нет.

53. ПРЕОБРАЖЕНИЕ (6/19.VIII)

53.1. Название праздника: *Schimbărea la făță* букв. ‘изменение в лице’, *Pobrájă(-a)* (*Pobréjă(-a)*), *Pobreájenă(-a)*, *Pobreajin* (?) ‘Преображение’. После Преображения перестают купаться, так как в этот день «олень мочится в воду» (*sé pişe cêrbu-n apă*), и вода остывает (Трест., Мел., Бышч.). Также считается, что после этого дня не бывает гроз (Трест.).

54. ДЕНЬ СВ. БОГОРОДИЦЫ (15/28.VIII)

54.1. Название праздника: *Sfânta Maria Măre* ‘Великая святая Мария’ (Мынз., Мел., Трест.), *Sânta Maria* ‘Святая Мария’ (С.-М. – Бышч.), *Sfânta Maria* (Дара), *Adormirea Máicii Dómnului* ‘Успение Божьей Матери.

54 доп. В Сэрата-Монтеору и в Даре это храмовый праздник (*Hrámu bisericii* ‘праздник церкви’). Идут в церковь, устраивают службу, затем застолье.

²⁵ Тем же (громом и молниями) опасен и день св. Петра (29.06) – *Sfântu Pétru* (С.-М.).

²⁶ Так же поступали в любой день, услышав гром (С.-М.).

²⁷ Ср. *a păli* (-esc) – ‘жечь’.

55. СИМЕОНОВ ДЕНЬ (1/14.IX)**55.1. Название праздника:** нет.**56. «МАЛАЯ» БОГОРОДИЦА (8/21.IX)****56.1. Название праздника:** *Sfânta Maria Mică* ‘Малая святая Мария’ (Мынз., Мел., Трест.), *Sânta Maria Mică* (С.-М. – Бышч.), *Năsterea Măicii Dómnului* ‘Рождение Божьей Матери’.**57. ВОЗДВИЖЕНЬЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА (14/27.IX)****57.1. Название праздника:** *Nălțarea Sfintei Crúci*, *Înnălțarea Sfintei Crúci* ‘поднятие святого креста’, *Ziua Crúcii* ‘День креста’. Пастухи возвращаются с овцами с гор, в села, и раздают овец тем, у кого их взяли; хозяева забирают своих овец – *răvășitu oilor* (букв. ‘раскидывание овец’) (С.-М. – Бышч.).**58. ДЕНЬ СВ. ПЕТКИ – ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ (14/27.X)****58.1. Название праздника:** *Vinerea Măre* ‘Великая пятница’, *Sfânta Paraschiva* ‘св. Параскева’.**58.2. Основное (жертвенное) блюдо праздника:** нет.**59. ДЕНЬ СВ. ДИМИТРИЯ (26.X/8.XI)****59.1. Название праздника:** *Sfântu Dumitru*. В прошлом, по некоторым сведениям, этот день являлся днем закрытия пастушеского сезона (*răvășirea, alésul la oi*). В этот день «ломают летнее пастбище» (*se spârge stâna*) (С.-М.). Пастухи спускались с гор, возвращали овец хозяевам, совершался расчет (Трест., Дара). В настоящее время всё это происходит значительно раньше – 29 августа, в день св. Иоаны (*Sfânta Ioána*) (Трест.). См. также **25.5. ГЕОРГИЕВ ДЕНЬ**.**60. «МЫШИНЫЙ» ДЕНЬ (27.X/9.XI)****60.1. Название дня, празднующегося, чтобы в доме не было мышей:** нет. См. **22.2**.**61. «ВОЛЧЬЯ» НЕДЕЛЯ (или 3, 5, 7, 9 дней, празднующихся в честь волка)****61.1. Первый день – день св. Мрата (11/24.XI):** выяснить не удалось. Существует представление о том, что в январе волки спускаются с гор и спариваются. Считается, что в этот период без крайней необходимости лучше не выходить со двора (Мел.). Существует день, когда соблюдается запрет на прячение, чтобы волк не съел овец, однако выяснить точную дату не удалось (Мел.).

61.2. Седьмой день недели (периода), когда волки должны быть разогнаны: выяснить не удалось.

61.3. Дни «волчьей» недели (периода): выяснить не удалось.

61.4. Наиболее опасный в этот период предводитель волчьей стаи: выяснить не удалось. Существует представление о «самом старом» волке (*al mái bătrán*), которого якобы нужно окликнуть, когда идешь охотиться на волков, после чего он завоет, и тогда можно стрелять (Трест.).

61 доп. Полагают, что св. Петр (*Sfântu Pétru*) является покровителем волков и распределяет между ними будущую добычу (Трест.). Волки – это собаки святого Петра (*lúpii sînt cáinii Sfântului Pétru*): когда их зовет святой Петр, они идут по лесу (С.-М.).

62. ЗИМНИЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ (или РОЖДЕСТВЕНСКИЙ) ОБХОД «ВОЛЧАТНИКОВ»

62.1. Обычай обхода домов мужчинами с волчьей шкурой, чучелом волка и т. п.: нет.

62.2. Участники обходов с волчьей шкурой, чучелом волка и другими «волчьими» атрибутами: нет.

63. СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК, «СЛАВА», КУРБАН

63.1. Название семейного годового праздника: *práznic(-u)*. В качестве главного семейного праздника отмечают именины главы семьи (святой, в честь которого назван этот человек, считается покровителем семьи (*ocrotitóru familiei*, Изв.Д.), или же день святого, которого супружеская пара выбирает при венчании (об этом спрашивает священник) (Мел.). В этот день варят и раздают коливо, а также сладости (пирожные) и устраивают в доме однодневное застолье, на которое приглашают гостей.

63.2. Вечер накануне праздника: нет.

63.3. Ночь накануне праздника: нет.

63.4. Первый день праздника: нет.

63.5. Второй день праздника: нет.

63.6. Третий день праздника: нет.

63.7. Последний день многодневного праздника: нет.

63.8. Повторное празднование в честь того же святого: нет.

63.9. Дополнительный праздник в честь другого святого-помощника: нет.

63.10. Обрядовые лица, совершающие обход домов и собирающие рацию для праздника: нет.

63.11. Главный гость на празднике: нет.

63.12. Каравай, обрядовый хлеб на празднике: *colác* (для именин, его несут в церковь).

63.13. Ритуал преломления, рассечения каравая: нет.

63.14. Ритуал высказывания благопожеланий, тостов со словами благодарности святому-покровителю дома: *urári* ‘тосты’.

63 доп. В определенные дни календаря проходят праздники разных сел, также называемые *práznic*, или *hrámu biséricii* ‘храм церкви’. См. **27 доп.;** **47 доп.;** **54 доп.**

II С Хозяйственные обряды и обычаи

1. ПАХОТА И СЕВ

1.1. Хлеб, который готовят для первого дня пахоты и едят в поле: нет.

2. ЖАТВА

2.1. Двойной колос (два колоска на одном стебле): нет ответа.

2.2. Хлеб, который оставляют на недожатой ниве: нет обычая.

2.3. «Борода», пучок из последних колосьев в поле, украшенный цветами, красной нитью и т. п.: нет обычая.

2.4. Праздник жатвы: нет обычая.

2.5. Праздник по окончании молотьбы: нет обычая.

3. ЖИВОТНОВОДСТВО

3.1. Первое молоко у коровы: *corástră* (Мел., Изв.Д.), *colástră*, *colóstru* (Трест.). Встречается обычай выливать это молоко под дерево или в реку (Изв.Д.).

Некоторые хозяйки, когда впервые доят корову, повязывают ей на хвост что-то красное (*cevá róșu*), чтобы ее не слезили (*să nu deoáche*). Затем эту красную нитку вместе с базиликом и некоторым количеством ладана закапывают в загоне для скота под камнем (Мел.).

3.2. Праздник стрижки овец: лексем нет. Овец стригут один раз в год, весной. В определенный день все хозяева, которые держали овец на горном пастбище, отправлялись туда и стригли овец – это было что-то вроде праздника. Стрижка овец занимала, как правило, один, максимум – два дня. День выбирал чабан (Изв.Д.).

4. СТРОИТЕЛЬСТВО

4.1. Первый огонь в новом доме: нет.

4 доп. Знаковым моментом в строительстве нового дома является возведение крыши. Когда кроют крышу, тот, кто это делает, устанавливает на ней крест (*crúce*), украшенный цветами и полотенцем, и издает громкий крик (*se chiúie*), чтобы Бог берёг этот дом (Мел., Изв.Д.). Построенный дом освящают (*se fáce sveštánie*). Все помещения священник кропит святой водой (*aiázmă, agheázământă, apă sfințită*) с помощью базилика (*busuióc*). Проводится специальная служба, на которой присутствуют все соседи (Мел., Изв.Д.).

III С Семейная обрядность

1. РОЖДЕНИЕ

1.1. Бездетная, бесплодная женщина: *steárpă* (этот термин употребляется и по отношению к домашним животным).

1.2. Беременная женщина: *însărcinată, borțoasă* ‘пузатая’, *greá* ‘тяжелая’.

1.3. Роженица: *lăuză* (все); также: *chéndelă* (Дара). До истечения сорока дней после родов роженица считалась «нечистой» (*spurcată* – букв. ‘испорченная’) и должна была соблюдать ряд запретов, в частности не могла ходить за водой, печь хлеб, давать поминальную милостыню (*pomană*), не должна была выходить со двора и т. д. На седьмой день после родов мать и ребенка мыли святой водой, и после этого она могла готовить еду (Трест.). До этого еду в дом приносила повитуха или родственники (Трест.). По другим сведениям, святую воду из церкви приносили в дом сразу после родов, и роженица должна была умываться ею каждый день (Мел.). После шести недель роженица шла с ребенком в церковь, где священник проводил ритуал очищения – *curățenie* (С.-М.).

1.4. Повивальная бабка, акушерка: *moáșă*. После того как повитуха купает ребенка, она получает в подарок мыло (*săpún*) и полотенце (*prosóp*) (Мынз., Трест, Мел.). Находится три вечера в доме с роженицей, уходя от роженицы, бросает на нее горсть земли; в день крещения ребенка повитухе дарят кашемировую ткань или фартук (Дара).

1.5. «Сорочка» (околоплодный пузырь), в которой рождаются некоторые дети, считающиеся «счастливыми» или наделенными свойствами демона: *tichie* ‘шапочка’.

1.6. Детское место, послед: *cása copilului* ‘дом ребенка’, *placéntă* (второе – новое).

1.7. Обрядовый хлеб – первое угощение на второй день после родов, на которое зовут женщин: нет. Сразу после рождения ребенка или в тот день, когда могли, приходили женщины, приносили роженице съестное, «цуйку»

(С.-М.). Через три дня в дом приходят женщины с подарками (чепчик, пеленка; роженице приносят бутылку вина, хлеб, джем) (Дара). Запрещено приходить «нечистой» женщине (т. е. спавшей с мужем), потому что ребенок покроется прыщами (С.-М., Дара).

1.8. Обрядовый хлеб – второе (или единственное) угощение для женщин на третий день после родов: нет.

1.9. Крошенный в воду с растопленным жиром хлеб в качестве угощения для женщин на третий день после родов: нет.

1.10. Праздник по случаю рождения ребенка, на который гости приносят подарки, как правило, обрядовый хлеб (в день крещения или спустя одну-две недели): *botéz* (все), *cumătrîe*, *cumătru märe* (Дара). Обрядовый хлеб не приносят.

1.11. Угощение, которое гости приносят для роженицы: нет.

1.12. Подарки новорожденному ребенку (обычно – хлеб в день крещения): *dăruri*, *cadouri*. В качестве дара для ребенка гости приносят деньги, детскую одежду или обувь.

1.13. Женщина, посещающая роженицу и новорожденного и приносящая подарки: нет лексем.

1.14. Обычай, связанный с первыми шагами ребенка: *se tăie piédeca* (букв. ‘перезаают пути’) – проводят ножницами в воздухе перед ногами ребенка, чтобы он ходил, не спотыкаясь. Это делает мать или кто-то из членов семьи. В с. Дара ритуал сопровождается диалогом: если ребенок плохо ходит, то режут полотно с ткацкого стана и один спрашивает: «Что ты там делаешь?» (*Ce faci acólo?*), а «режущий пути» отвечает: «Режу путики такого-то или такого-то» (*Tai pédeca a cutărichii, sáu lu cutărică*) (Дара).

1.15. Ребенок, дважды отлученный от груди, в будущем – человек с дурным глазом: *întórs de la făță*, *întórs de la piépt*, *întórs de la sán* ‘возвращенный от груди’ (Трест., С.-М., Граб., Дара). Существует представление о том, что такой человек обладает способностью к сглазу: *ăla te deoáchii* («он тебя сглазит») (Трест., С.-М., Граб.). Обладает способностью сильно сглазить – *de rúpe pămántu* (букв. ‘так, что рвет землю’) (Дара).

1.16. Ритуал первой стрижки волос ребенка: *luátu mófului copilului* (букв. ‘взятие чуба ребенка’), *tăiatu mófului* (букв. ‘срезание чуба’) (С.-М., Бышч.), а также: *tăie moř* («срезает чуб»), *tăie móřu copilului* («срезают чуб ребенка»), *iá nářa móřu copilului* («крестная мать берет чуб ребенка») (Мынз., Трест, Мел.), *se iá móřu* (букв. ‘берется чуб’) (С.-М., Дара). Ритуал проводится, когда ребенку исполняется год. Первую стрижку выполняет крестный отец ребенка (*nař*) или

крестная мать (*náṣǎ*). К волосам ребенка прикрепляют деньги с помощью воска (четыре монеты располагают на голове крестообразно), а затем срезают их вместе с волосами. Ребенку желают здоровья. Крестный или крестная по этому случаю преподносят ребенку подарок. В с. Дара перед «отрезанием чуба» на голове ребенка ломают лепешку (*se rúpe túrta*). Печет хлеб повитуха (*moáṣǎ*), крестная мать (*náṣǎ*), и его режут на четыре части и кладут на голову вместе с деньгами (Дара).

В настоящее время к этому ритуалу бывают приурочены гадания о будущей судьбе ребенка (ранее проводившиеся как определение судьбы ребенка при его рождении, чтобы «помочь» демонам судьбы определить хорошую судьбу ребенка, см. **Народная мифология, 10.1**): на поднос рядом с ванночкой ребенка кладут разные предметы (книгу, тетрадь, ручку, карандаш, деньги, кольцо, конфеты, шоколад и др.), наблюдая за тем, что выберет ребенок в качестве символа будущей судьбы (С.-М.).

1.17. Дети, родившиеся в один и тот же месяц, но в разные годы от одной матери, а потому связанные узами жизни и смерти на всю жизнь: *lunátici*. Если один из них умирает, то другой несет в его дом тарелку с едой, помяная его (С.-М.); при погребении одного из них сыплют три раза немного земли из вырытой могилы другому на спину, «чтобы оставшемуся в живых не было тоскливо», «чтобы они нашли друг друга на том свете» (Дара). Если один из них женится, то оба ломают на свадьбе коромысло, каждый делает своей половинкой знак креста в воздухе, затем перебрасывают части коромысла через крышу дома (Дара).

1.17. доп. В ответ на этот вопрос иногда рассказывают о «крестных братьях» (*fráṭi de crúce*) – таковыми становятся дети, которых крестили одновременно. Считается, что именно между «крестными братьями» существует особая связь. (Жг. – Мел.).

1.18. Дети, родившиеся в один и тот же день недели от одной матери: нет лексемы.

1.19. Внебрачный ребенок: *copil din flóri* букв. ‘ребенок из цветов’, *pripás* (pl. *pripásuri*, n.) ‘приплод, приплудный’.

2. СВАДЬБА

2.1. Посиделки – вечерние собрания девушек, женщин, молодежи: *șezători* (pl.; sg. – *șezătoáre*) ‘посиделки’, *cláci* (pl.; sg. – *clácă*) ‘помочи по выполнению каких-либо работ’ (*clácă de tors* ‘помочи по прядению’, *clácă de cusút* ‘помочи по шитью’). Во время этих помочей, на которые приходили

и парни, рассказывали друг другу сказки (*povęști, bǎsmi*) (pl.), устраивали угощения, пили «цуйку», в ряде случаев устраивали танцы. Начиная с середины XX в., общение молодежи могло также происходить на танцах в клубе (*cǎmin*); знакомились на танцах (*la hórǎ*). В 50-е – начале 60-х гг. девушки отправлялись туда небольшими группами в сопровождении матери одной из них.

2.2. Кража невесты: нет термина. Говорили: *a furátǎ fáta lu cutáre* («он украл дочь такого-то»), *fáta lu' cutáre a fugít cu bǎiátu lúu cutáre* («дочь такого-то сбежала с сыном такого-то»). Явление в прошлом было достаточно распространенным. Жених мог украсть невесту без предварительной договоренности с ней (40-е гг. XX в.) (Жг. – Мел.). Чаще похищения происходили с согласия девушки. В таких случаях молодые селились в доме кого-либо из родственников или в доме родителей парня (если против этого брака возражали только родители девушки). Как правило, через некоторое время после похищения все семьи приходили к соглашению; «примирение» (*impǎcǎciúne(a)*) происходило в доме родителей девушки (Жг. – Мел.).

2.3. Венчание в доме без свадебных обычаев: лексемы нет, хотя явление известно. Застолье (довольно скромное) происходило в доме, в нем участвовали только ближайшие родственники и посаженные родители. Церковное венчание и регистрация в «примэрии» происходили и в этом случае.

2.4. Молодая, венчавшаяся без свадебных обычаев: нет термина. О такой новобрачной говорили *áu luát-o cam haimaná* «ее взяли нищей» (Трест.), *eá a fost furátǎ* «она была украдена».

2.5. Сваты из родственников жениха, посредники, отправляемые в дом невесты: *peřitóri*. В дом девушки приходит сам парень со своими родителями и кем-то из соседей.

2.6. Уговор о помолвке (или знакомство парня и девушки с целью женитьбы): *peřit, cére fáta* («просят девушку»).

2.7. Помолвка (в случае, если она единственная): *logódnǎ* (С.-М., Мел., Трест., Мынз.), *logódnǎ* (Жг. – Мел., С.-М., Дара). Помолвка могла иметь место вечером того же дня, что и сватовство. Во время помолвки составлялся список приданого (*foáie de zestre*), в котором отец девушки перечислял, какое имущество он намерен выделить дочери. Этот список вручали жениху. Также во время помолвки договаривались о дне свадьбы. Свадьба, как правило, происходила вскоре после помолвки (например, через две недели).

2.8. Первая («малая») помолвка: нет.

2.9. Дар просватанной девушке: нет.

2.10. Основная помолвка, где оговариваются подробности предстоящей свадьбы: нет.

2.11. Каравай, который получает невеста на основной помолвке (или перед свадьбой): *colác*. Вопрос о наличии каравая на помолвке прояснить не удалось.

2.11. доп. Один каравай невеста ломает на части во время танца, когда утром перед свадьбой идет за водой (*la ápǎ*) или, по другим сведениям, во время танца со свадебной елью (см. 2.23). Еще один каравай невеста получает непосредственно перед свадьбой, когда в ее дом приходит жених со свитой и ей вручают свадебную ель. Она привязывает каравай к верхушке свадебной ели вместе с бутылкой вина (Трест.).

2.12. Помолвленная девушка, обрученная, будущая жена: *mireásǎ*.

2.13. Парень после помолвки, обрученный, будущий муж: *ginericǎ*, *gínere*.

2.14. Предсвадебное посещение семьи жениха или невесты, где стороны договариваются о подарках: нет. О подарках договариваются во время помолвки.

2.15. Жених, мужчина в день свадьбы: *ginericǎ*, *gínere*.

2.16. Невеста, женщина в день свадьбы: *mireásǎ* (все), *míre* (Дара).

2.17. Новобрачные: *tíneri* ‘молодые’, *dói tíneri* ‘двое молодых’, *nói căsătoríți* ‘новообрачные’, *tíneri căsătoríți* ‘молодые супруги’.

2.18. Свадьба: *núntǎ*. В прошлом и венчание, и основное свадебное застолье происходили в воскресенье, в настоящее время, как правило, происходит в субботу.

2.19. Центральный обрядовый персонаж на свадьбе (от семейства жениха): *nun*, *naș*, *nínu ăl máre* – посаженный отец. Его также называют «старостой» (*stárostele*) свадьбы (С.-М.)²⁸.

2.20. Второе почетное лицо на свадьбе: *sócru máre* (букв. ‘большой свекор’, отец жениха), затем по порядку значимости – *sócru mic* (букв. ‘малый свекор’, отец невесты) (С.-М.)²⁹.

²⁸ Одним из важных персонажей свадьбы является также посаженная мать – *núnǎ(-a)*, *násǎ(-a)* (Мынз., Мел., Трест.).

²⁹ Важную роль играет также *chemǎtór(u)* (от глагола *a chemá* – ‘звать’). Их обычно бывает двое, один со стороны жениха, другой – со стороны невесты. Они созывают гостей на свадьбу, передвигаясь по селу верхом или пешком. Один из них несет с собой флягу (*plóscǎ*) с вином, другой – с «щуйкой» (*túicǎ*), этими напитками они угощают потенциальных гостей. Во время свадебного застолья они наливают гостям спиртное (Мынз., Мел., Трест.).

2.21. Свадебный персонаж, функция которого – веселить, смешить участников: нет.

2.22. Свадебное знамя: нет.

2.23. Свадебное дерево: *brad*. Обряд подготовки свадебной ели, именуемый *la brad* (букв. ‘на ель, к ели, около ели’), происходит вечером накануне свадьбы (в прошлом – в субботу, в настоящее время – как правило, в пятницу). Свадебная ель бывает украшена двумя ленточками (*pánglici*) – синей ленточкой жениха и красной ленточкой невесты, а также цветами из гофрированной бумаги. Ель несут в свадебной процессии. По приходе жениха со свитой в дом невесты ель вручают невесте со словами: «Госпожа невеста, примите прекрасный дар, прекрасную ель» (*Coână mireasă, poftim un dar frumós, brad frumós*), и она привязывает к верхушке ели каравай (*colác*) и бутылку вина. После этого «танцуют ель невесты» (*joacă brádu mirésii*), танец невесты (*hóra mirésii*) в доме невесты: молодожены в центре, двое или четверо парней – вокруг с елями в руках (С.-М., Мынз., Трест.); по некоторым сведениям, во время этого танца невеста ломает каравай (Мынз., Трест.). См. также **2.11 доп.** Каравай и бутылка вина, которые привязаны к верхушке свадебной ели, достаются тому, кто снимет свадебную ель с шеста (Мынз., Мел., Трест.). После венчания ель устанавливают на деревянном шесте (высотой около 5 м) во дворе того дома, где происходит свадебное застолье, делает это тот, кто принес ель из леса. Кроме того, небольшими елями (*brázi*) украшают ворота домов родителей жениха и невесты и посаженного отца: прибавают четыре елки прибавают к воротам жениха, две – к воротам невесты, две – у посаженного отца (С.-М., Дара); ели нельзя снимать в течение года, затем из них делали прялку (Дара). Всего для свадьбы приносят из леса 10–12 елей. За ними отправляются в лес двое друзей жениха. Затем молодежь украшает свадебную ель (в доме жениха), при этом имеет место застолье со спиртным (Мынз., Трест.)³⁰.

2.24. Фата, покрывало невесты: *voálă, vol, vâl (vălul mireșii)*. Фату на невесту надевает одна из подруг – «наиболее достойная девушка» (*o fătă măi destóinică*) (Трест.). В конце свадебной церемонии с невесты снимали фату и повязывали ей платок (*baticu, basmă*) (С.-М., Мынз., Мел., Трест.). Музыкант в это время играет «песню невесты» (*cântecul mirésii*). Существует обычай набрасывать фату на одну из присутствующих девушек. Считается, что после этого девушка вскоре выйдет замуж (Мынз., Трест.).

³⁰ Один из информантов, Георге Марку из Трестиоары, упоминал о том, что в Брашове, где ему пришлось побывать на свадьбе, роль свадебных деревьев выполняют березы (*mestéeni*).

2.25. Ребенок, которого сажают на коня невесты или дают в руки, чтобы она его три раза подняла вверх: нет³¹.

2.26. Начальный комплекс свадебных ритуалов: *pregătirea brădului* («подготовка свадебной ели»), *împodobeá brádu* («украшали ель»). Это делается в субботу накануне свадьбы, в доме жениха. В этом событии принимает участие большое количество людей (парни и девушки).

2.27. Свадебный хлеб, каравай: *colác* ‘каравай’, *pâinea miresii* ‘хлеб невесты’ (С.-М.). Большой плетеный каравай, который лежит на подносе, его ломают после вечернего застолья (в ночь свадьбы) и раздают девушкам на выданье, чтобы они поскорее вышли замуж, обычно это делает невеста (С.-М.). См. также 2.11. доп., 2.23.

2.28. Свадебный пир: *mása máre* (Мел., Трест., Мынз.), *mása a máre* (Трест.) ‘большое застолье’, *dáru* ‘дар’ (м., опред. форма) (Трест.). Имеет место в воскресенье, как правило в доме жениха после венчания. Во время этого застолья новобрачным преподносят дары.

2.28 доп. Застолье, происходившее в пятницу вечером в доме посаженного отца, – *védre*. Некоторые ходили на *védre* и на застолье в субботу (когда наряжали свадебную ель), а на основное застолье (*mása a máre*) в воскресенье, «к дарам» (*la dáru*) уже не приходили, так как там нужно было одаривать молодых (Трест.).

2.29. Дары невесте от жениха, посылаемые накануне свадебной церемонии: по некоторым сведениям, жених должен подарить невесте одежду и обувь. Специального термина нет.

2.30. Дары жениху от невесты: нет. Невеста одаривает только посаженных родителей и родственников жениха (рубашками, платками, шарфами и др.), общее название этих даров – *dáruri* (pl.; sg. – *dar*).

2.31. Приданое, имущество, которое дают невесте при выходе замуж ее родные (отметьте, есть ли разные названия для денег, вещей, земли и т. п.): *zéstre(a)*, *zestri* (термин употребляется для всех видов имущества, получаемых в качестве приданого).

2.32. Дары сватов молодым: *dáruri* (pl.) ‘дары’ (денежные подношения), *cadóuri* (pl.; sg. – *cadóu*) ‘подарки’ (вещи). Самый пожилой из музыкантов, руководитель музыкантов, собирает дары сватов и гостей (Трест., С.-М.) и объявляет о них во всеуслышание (Трест.). Затем идет танец невесты (*dánsu mirésii*),

³¹ При входе в дом жениха свекровь встречает их с бутылкой и вареньем (Дара), затем связывает шеи молодых полотенцем и затягивает их внутрь дома (Дара, С.-М.).

во время которого каждый танцующий с молодой также одаривает ее деньгами (С.-М.).

2.33. Символическая плата отца жениха за невесту во время свадьбы: нет.

2.34. Проводы молодоженов на первую брачную ночь: нет. Единичное свидетельство: утром после брачной ночи свекровь должна была танцевать с простыней, на которой видны следы ее «честности» (Мынз.), или с рубашкой невесты, надетой на елку (Дара)³².

2.35. Танцевать: *a juscá*.

2.36. Играть на музыкальном инструменте: *a cântá*.

2.37. Обрядовый танец («открытый» или «закрытый» круг): *hóră*. Существует *hóră de mánă* ‘хора, которую танцуют, взявшись за руки’, *hóră prinsă* ‘закрытая» хора’, *hóră desprinsă* ‘разомкнутая хора’. Свадебный танец – *nuneásca*, танец невесты – *sárba mireșii* (Дара).

3. ПОХОРОНЫ

3.1. Умиравший, человек в агонии: *tráge să moară*, *tráge se moáre* ‘умирает’ (Трест., С.-М. – Граб., Дара), *leșinát să moară* ‘изнуренный, чтобы умереть’ (Трест.).

3.2. Агония, предсмертные страдания: специального термина нет. Во время длительной агонии, чтобы облегчить страдания умирающего, следует положить ему в изголовье предмет, который тот при жизни взял без спроса, украл (С.-М. – Граб.). Предсмертные страдания испытывали люди, занимавшиеся ворожкой, и другие грешники (С.-М. – Граб.).

3.3. Умерший, покойник: *mort*, *răposát*.

3.4. Души умерших родителей, предки: *mórți(i)* ‘умершие’, *móși(i)* ‘старик, старцы, предки’ (последний термин употребляется также в наименованиях поминальных дней – *Móșii de vără* ‘летние старцы’, *Móșii de iárnă* ‘зимние старцы’).

3.5. Душа человека: *súflet*. Говорят, что душа умершего находится три дня на стрехе дома. Туда подвешивают в глиняном сосуде воду, и умерший (душа) приходит ее пить; воду все время подливают (С.-М. – Граб.).

3.6. Загробный мир, «тот свет»: *lúmea cealáltă*, *lúmea áláltă* (все), *lúmea de véci* (букв. ‘свет вечности’) (С.-М. – Граб.).

3.7. Ад: *iád*.

³² Нецеломудренную невесту утром сбрасывали с постели и прогоняли домой с музыкой, вслед ей кричали, оставляют ее у жениха или не оставят (Дара).

3.8. Рай: *rái*.

3.9. Похороны, погребение: *mormântáre, înmormântáre, îngropáre* (Мынз.), *mormântári* (С.-М. – Граб.), *decés* (Трест.).

3.10. Гроб: *coşciúg, sicriú* (первый термин более характерен для данной местности). Когда гроб изготовлен и принесен в дом, на него ставят четыре свечи в четырех углах (Мел., Дара) и на нем же сервируют трапезу, постную или скоромную – в зависимости от периода и дня недели (это могут быть голубцы (*sărmále*), чорба (*ciórbă*) и т. д.) (Мел.). В гроб кладут тряпку, которой мыли покойного, гребень, которым его причесывали, палку (*o prăjină*), которой измеряли покойного, трубку, прибор для бритья, зеркало, деньги (в карман покойному)³³. Иголку, которой шили одежду покойному³⁴, кладут ему под подушку, покойного тщательно стерегут, чтобы эту иголку не украли для магических действий ведьмы (С.-М. – Граб., Дара).

3.11. Могила: *mormânt, groápă*, второе название более старое (С.-М. – Граб., Дара). Копают утром в день похорон, каждый день в течение шести недель после захоронения могилу покойного окуривают ладаном. Тому, кто окуривал могилу, а также в многодетный дом или пожилым людям «чистая» женщина (вдова) приносит по ведру воды до восхода солнца в течение сорока дней – это поминальная милостыня (*potână*) (С.-М. – Граб.). Сохраняется обычай – в течение сорока дней каждое утро женщина-вдова приносит по два ведра воды в три дома или в два дома (С.-М., Бышч.). Та же женщина (или уже другая) окуривает каждый день могилу (С.-М., Бышч.); на могилу каждый день приходят с печеньем (*biscuiți*, pl.), сушками (*covrigi*, pl.) и свечой, – всё это нужно покойному (С.-М. – Бышч.). После сорока дней ведра (в прежнее время – бадью), в которых носили в дома воду, отдают в качестве поминального дара женщине или мужчине в зависимости от пола покойного (С.-М. – Бышч.).

3.12. Кладбище: *cimitir*.

3.13. Саван, риза, полотно, которым покрывают покойника: *giúlgju* (Дара), *pánză* (букв. ‘полотно’) (С.-М., Граб.), *pánza mórtului* ‘полотно покойника’ (Мынз.).

³³ Деньги кладут, потому что «нужно пройти те таможни (*vámele*)...» (Граб.), «чтобы он заплатил на таможнях, которые будет проходить» (*să-și plătească vămile pă úndi tréce*) (С.-М.). Деньги также бросают вслед за гробом с покойным во время трех остановок на пути похоронной процессии до церкви (С.-М. – Граб., Дара).

³⁴ Умершую до свадьбы девушку одевают в красные и белые одежды, но не в платье невесты, иначе «она на том свете будет бегать за женихом» (Дара).

3.14. Оплакивание покойника: *bócet*, ‘причитание’ (Мынз., С.-М., Граб.), *bocít* (Дара), *plâns* ‘плач’³⁵.

3.15. Женщины, которые оплакивают покойника: нет. Оплакивают жены мужей, матери – детей и т. д.

3.16. Хлеб, который едят при покойнике: нет³⁶.

3.17. Обрядовый погребальный хлеб, связанный с народными представлениями об архангеле Михаиле, забирающем душу умирающего: нет.

3.18. Хлеб «для мертвого»: нет.

3.19. Маленькие булочки без украшений: *colăcéi de pománă* ‘поминальные калачики (хлебцы)’. В настоящее время их не делают, в качестве поминальной милостыни (поминального дара) раздают сушки и др.

2.20. Поминальное блюдо из жита – кутья, коливо: *colívă*. Также: *colíva mórtului* («коливо покойного»), *colívă de țărână* (букв. ‘коливо праха’) (Дара). Коливо готовят из пшеницы (*grâu*) или из ячневой крупы (*arpăcás*) (Мынз.); смешивают пшеничку (*grăușor*), сахар (*zâhăr*), грецкий орех (*nucă*), добавляют лимон (*lămâie*), добавляют печенье, сверху делают крест из ядер грецкого ореха (Дара); готовят из пшеницы с грецкими орехами и приправами (С.-М.). Раздают на кладбище (С.-М. – Граб.) или в воротах церкви (С.-М., Дара) участникам погребения. Запрещается приносить остатки колива домой (Дара).

2.21. Поминальная трапеза в доме после погребения: *pománă* (все); *poméni(le)* (pl., С.-М. – Граб., Дара) На эту трапезу приглашаются все, кто присутствует на похоронах (Мынз., Дара); должно быть обязательно более семи человек, иначе «это уже не поминки», тогда идут с этой едой по домам (С.-М. – Граб.), или же на поминках присутствуют только специально приглашенные (С.-М.).³⁷

---

³⁵ *A bocí (bocésc), a plânge (plâng)* ‘оплакивать’ (Мынз.). *A jeli (-lesc)* ‘оплакивать’ (С.-М. – Граб.).

³⁶ Три или две ночи, пока покойный находится в доме, происходит бдение (*privéghi*), на которое люди приходят с вином, «цуйкой», пончиками (*gogóși*), куличом (*cozonác*), сушками (*covrígi*), печеньем (*biscuíți*), пирожными (*prăjitúri*) и другими угощениями, которые раздают присутствующим. Следуют выпить и съесть всё, что принесено. Устраивались (в основном – детьми) и игры около покойника (Граб.). Иногда подавали только два-три раза, пока сидишь около покойника всю ночь, – сушки (*covrígi*), печенье (*biscuíți*), но приходящие на бдение приносили свое угощение – бутылку, пышку и пр. (Дара).

³⁷ Для приготовления еды на поминках приходят «чистые» женщины (вдовы) (С.-М.); считается грехом есть на поминках самоубийцы (Дара).

2.22. Поминки, сопровождающиеся посещением могилы в течение года: *pománă*. Поминки справляют на третий день после похорон (*pomána di tréi zili*), через шесть недель (*pomána di șase săptămâni*), через девять недель (*pomána di nouă săptămâni*)³⁸, через год после смерти (*pomána di an*).

2.23. Поминки по истечении года со дня смерти: *pomána di an* (после этого поминки справляются ежегодно).

2.24. Поминальные дни в течение года: *Môșii de vără* ‘летние старцы’, или *Sâmbăta morților* ‘суббота умерших’ (суббота перед Троицей), *Môșii de iarnă* ‘зимние старцы’ (суббота накануне Рождественского поста), Великий четверг (*Jói Mări*). В эти дни раздают еду за упокой умерших³⁹. Раздают обычно коливо (*colivă*) и пакеты с калачами, печеньем, конфетами и т. д. Люди побогаче режут домашнюю птицу, готовят и раздают кушанья из мелко нарубленного мяса птицы (С.-М. – Граб.).

2.25. Обрядовый хлеб в форме креста на поминках: *căpete(le)* (pl. n.) ‘головы’ (*capetele(le)* ‘головки’ С.-М. – Граб.); *prescúrá(a)* (pl. – *prescúre* и *prescúri*). Первый, по-видимому, имеет форму креста (выпекают 9 хлебцев-просфор, С.-М. – Граб.), второй – форму креста, вписанного в круг (С.-М.). Хлеб *prescúra* обычно преподносится в дар священнику. Для придания нужной формы хлебу, именуемому *căpete*, используется фигурный камень сложной формы – *chistórníc*⁴⁰. Просфоры (*prescúri*) также делала с помощью печати женщина-вдова в церкви («чистая»); ей несли муку, масло (С.-М. – Граб.).

2.26. Маленькие булочки на поминках: *colăcéi de pománă* ‘поминальные хлебцы’.

2.27. Траур по покойнику: *dóliu*. Так называют и знак траура, который вывешивают на стене дома, где жил умерший. Близкие в знак траура обычно носят черную ленточку на груди или на руке (Мынз., Трест., Мел.), прикрепляют к груди белую салфеточку, кусочек белого полотна (в случае смерти ребенка?) (Дара).

2.28. Повторное погребение трупа: *remormântăre, reimormântăre*. Осуществляется через семь лет после смерти. Кости моют водой (вином и растительным маслом, С.-М.), помещают в мешок (*trăistă*) из белой ткани (Мынз.) или котомку (С.-М. – Граб.), саван (С.-М.), коробочку, мешочек (Дара) и снова захоранивают. Их закапывают в изножье гроба (С.-М.). Священник проводит службу, в доме покойного вновь устраивают поминки (*pománă*). В настоящее время обычай вскрывать могилу через семь лет после смерти исчезает; кости

³⁸ О поминках на девять недель – единичное упоминание (Герге Марку, Трест.).

³⁹ Действие обозначается глаголом *a împărți (împărțesc)* букв. ‘делить’, ‘разделять’.

⁴⁰ Такой камень удалось увидеть в доме Някши Ямандей (Жг. – Мел.).

перезахоранивают, если натыкаются на останки при выкапывании могилы. Но после семи лет устраивают большие поминки (*potâna mare*), раздают одежду в качестве поминального дара (*de potâna*) (С.-М.).

2.28 доп. По самоубийцам в этот момент впервые проводят заупокойную службу и справляют поминки. То же с младенцами, которые умерли некрещеными: их хоронят на кладбище, но без церковных обрядов; погребальная служба совершается лишь по истечении семи лет со дня смерти.

2.29. Надгробный деревянный памятник (опишите его форму): *crúce* ‘крест’. В прошлом кресты были деревянными, в настоящее время преобладают каменные (Мынз.). При погребении покойного должен быть сначала обязательно деревянный крест (*crúce de lemn*) (С.-М. – Граб., Дара)⁴¹.

2.30. Надгробный камень, плита (опишите его форму): нет реалии.

IV С Народная мифология

1. ВАМПИР и аналогичные ему демоны.

1.1. Ходячий мертвец в облике животного или человека, тени, большого кровавого мешка: *strigói* – «живой мертвец» в облике человека, *morói* – «живой мертвец» в облике животного, чаще всего – черной кошки или козы (Мынз.).

Считается, что умерший превратится в ходячего мертвеца в том случае, если в то время, когда он лежит в доме, через него перескочит кошка (Трест., С.-М., Бышч., Дара) или какое-либо другое животное (или животное пройдет под столом, на котором лежит покойник) (Мынз.). Если прошел кто-то под его гробом, он возвращается обратно (*a trecú cin 'evá pã sub coșciúgu lui, se întoarce înapóii*) (С.-М.). Корыто после обмывания покойного переворачивают и под корыто сажают кошку, чтобы она не проходила через покойного, иначе он «сделается стригоем» (Дара). Этим же объясняют обычай не оставлять покойника одного в то время, когда он лежит в доме (С.-М., Мынз.). Убирают также зеркала, когда покойник в доме, «чтобы он не увидел свое отражение и не превратился в вампира» (С.-М. – Граб.). Также считается, что «стригоем» может стать покойник, душа которого заблудилась и не нашла дорогу на небо; заблудиться она может в собственном доме, попав в какую-нибудь пустую посуду, поэтому в период, когда в доме лежит покойник, в пустые горшки помещают свечи, кладут куски мэлая (кукурузного хлеба) и т. д. (Мынз.).

⁴¹ На могилах умерших до брака девушки или парня ставят ели, украшенные сушками, сладостями (С.-М.).

Также «стригоем» может стать человек, умерший без исповеди (*nespovedít*), тот, кто при жизни занимался ворожбой, или тот, кто во время похорон стоял спиной к покойнику, а также некрещеный или мертворожденный младенец (Мынз.). Известны рассказы о покойниках, которых при «повторном погребении» находили перевернувшимися в могиле, с отросшими волосами, ногтями и т. д. (Мынз.).

Существует верование, что «стригой» по ночам зовет, окликает (*strígǎ*) живых, поэтому ночью ни в коем случае нельзя отзывать (Мынз.). Верят, что, если у тебя «послабее ангел» (*mái slab de ínger*), то мертвец придет и заберет тебя; если у тебя сильный ангел (*dácǎ éști táre de ínger*), то он (стригой) не приходит (С.-М.).

1.2. Ходячий мертвец в облике человека, покрытого шерстью: нет.

1.3. «Окостеневший» вампир – мертвец, приобретающий через 40 дней после смерти плоть и кровь, после чего живет среди людей: нет.

1.4. Дети, рожденные от вампира и обладающие способностью бороться с вампиром: нет достоверной информации. Единичное свидетельство из села Трестиоара: вдова якобы родила ребенка от покойного мужа, приходившего к ней после смерти (ребенок также называется *strigói*).

1.5. Вампир, который прячется в рогах или шерсти домашних животных, выпивая у них кровь: *strigói* (Трест.) Облик неясен.

1.6. Человек-вампир при жизни: *morói* (Мынз.). Встречается представление о том, что живым мертвецом-оборотнем (*morói*) после смерти становится человек, совершивший в жизни какой-либо тяжкий грех и никому не признавшийся в нем (Мынз.).

1.7. Действие превращения в вампира: *se transfórme în strigói* (Мынз.), *se fáce strigói* (С.-М., Дара).

2. ЧЕЛОВЕК-ВОЛК

2. Человек (или душа умершего), превратившийся в волка: нет.

3. ДЕМОН, ПОЖИРАЮЩИЙ СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ

3.1. Демон, «пожирающий» солнце или месяц и вызывающий затмение: *vârcolác* (sg.), *vârcoláci* (pl.) (С.-М., Мел., Трест.), *zvârcolac*, *zvârcolaci* (Жг. – Мел.). Пожирают луну (*mǎnâncǎ lúna*) и вызывают лунное затмение (С.-М., Мынз.). Считается, что они выглядят как змеи (*bǎlǎuri*, *șerpi*). Причиной того, что эти существа пожирают луну, считались грехи людей. Говорят, что в прошлом во время затмений каждый человек вспоминал все свои грехи (в первую очередь это касалось девушек, потерявших девственность до брака) (Мынз.).

4. ВЕДЬМА

4.1. Женщина, обычно преклонного возраста, обладающая сверхъестественными свойствами, которые использует для нанесения вреда людям (отбирает урожай, молоко у коров, насылает болезни, порчу, а также пьет кровь людей, поедает младенцев и т.д.): *vrăjitoáre*, в некоторых случаях – *descântătoáre* (ср. 15.2. ЗНАХАРКА). Этих женщин обвиняют в том, что они отбирают молоко у коров (*iáu mána la váci*), разлучают мужей с женами и т.д. (Мынз., С.-М., Бышч.). Существует представление о том, что колдунья первый кусок, который берет с тарелки, отдает дьяволу. Дьявол (черт) (*drac*) якобы сказал, что колдунья сильнее его (*vrăjitoárea íi mai táre ca el*) (Трест.). У женщин, которых считают ведьмами, не берут поминальную милостыню (поминальные дары) (*pománă*), их не приглашают помогать в приготовлении поминальных или свадебных застолий, так как опасаются порчи или приворота (Мынз.).

В качестве оберега от ведьмы следует вывернуть наизнанку один чулок или носок (С.-М. – Граб.). Чтобы защитить от ведьмы скот, на двери и ворота загонов вешали ветки колючего кустарника (*măřácín*) (С.-М.).

4.2. Соответствующий мужской персонаж: *vrăjitor*. Считается, что мужчины занимаются подобными вещами гораздо реже, нежели женщины.

4.3. Собрание, слет, «шабаш» ведьм: специальной лексемы нет. Считается, что они собираются в ночь накануне Ивана Купалы (*noáptea de Sânziéne*), вечером на Крещение (*seára de Boboteáză*) и в ночь на св. Андрея (*noáptea de Sfântu Andrei*). В это время они вместе делают заговоры на любовь (*descântece de drágoste*) и на отворот (*descântece de urát*). Собираются у проточной воды, лучшими местами считаются места впадения одной реки в другую, ручья в реку и т.д. – «где одна вода встречается с другой». (Мынз.) Также ведьмы могут встречаться ранним утром, когда на траве роса или иней (Мынз.).

4.4. Девушка-ведьма, способная к оборотничеству и мучающая по ночам людей, сдавливая им грудь: нет.

5. ВИЛА (приблизительный рус. перевод: *русалка*) и аналогичные ей мифологические персонажи.

5.1. Молодое существо женского пола привлекательной внешности, помогающее людям или приносящее вред: *éle(le)*⁴², *iéle(le)*, (Мынз.), *iéli(li)*

⁴² Термин представляет собой эвфемизм и может быть переведен как «они». В отличие от местоимения мн. ч. ж. р. *éle*, может употребляться с определенным артиклем: *élele*.

(С.-М., Бышч.) – только pl., *zâne* (С.-М. – Бышч.)⁴³. Существует представление о том, что эти существа очень красивы. Одеты в разноцветную одежду (С.-М. – Граб.). Считается, что наибольшую опасность представляют для мужчин (молдых и среднего возраста, красивых). Считается, что тот, кто слышит их голоса, может сойти с ума – это относится и к мужчинам, и к женщинам (Мынз.). Рассеянному человеку могли сказать: «Что, тебя ударили “еле”?» («Ce, ești lovit de iéle?»)). Считается, что они могут вызвать психическое расстройство, паралич, человек может утратить способность говорить (Мынз.). Когда эти существа поют в свой день (*Sânziéne* – 24 июня), набожный человек их может слышать, но им нельзя отвечать (С.-М. – Граб.). См. также **Народный календарь, 30.1.**

5.2. Танец этих персонажей: *jócu iélelor* (Мынз.), *o hóră* (С.-М. – Граб.). Танцуют ночью в группе (С.-М. – Бышч., Граб.).

5.3. Следы, место их пребывания: *cércu iélelor* ‘круг «их»’, *acolo a(u) jucát iélele* «там танцевали “еле” («они»)». Следы их пребывания представляют собой круги выжженной, сухой травы (Трест., Граб.), сгоревшей травы с нетронутым зеленым кружком посередине (Бышч.) или вытопанные до земли круги на траве (Мынз.).

5.4. Попадание человека на место, где танцевали, пировали эти персонажи: лексемы нет, однако есть свидетельства о том, что попадание на такое место опасно для человека.

5.5. Человек, возвращенный вилой (или вступивший с ней в половую связь), а потому обладающий сверхъестественными свойствами (неподвластный сглазу, способный вылечивать людей и т. д.): нет.

6. ВОДЯНЫЕ, ДЕМОНЫ ВОДЫ

6.1. Дух, демон воды: специальной лексемы нет. Встречается представление о том, что в водах местного озера живет демон (*démon*), нечистые духи (*dúhuri necuráte, dúhuri réle*) (Мел.) или *iéle* (Мынз.). Полагают, что озеро вблизи с. Меледик не имеет дна.

6.2. Предводитель водяных духов: нет.

6.3. Живущий на дне озера или моря змей-дракон (змея-дракон) с головой пса, с несколькими головами: нет.

6.4. Живущие в глубоких местах рек существа женского пола с распущенными волосами, с помощью которых они топят людей: нет.

6.5. Хозяин реки или колодца, происходящий от утопленника: нет.

⁴³ Последнее наименование известно из сказок: *zána ceá búnă* («добрая зына») помогает во всем, что происходит на земле (С.-М. – Бышч.).

7. ЛЕСНЫЕ ДУХИ

7.1. Господствующее в лесу мифологическое существо – красивая (или безобразная) женщина, способная превращаться в животных, копну сена или другие предметы: *Múma pădúrii* ‘мать леса’ (С.-М., Мынз., Мел., Трест.), *Máma pădúrii* (С.-М.), *feméia ceá reá* ‘злая женщина’, *máștera* (Чечилия Петреску, Мынз.). Господь дал ей дар знать целебные растения; она – защитница и покровительница всех полезных деревьев, кустов и плодов в лесу; считалось опасным ходить по ее тропинкам (тропа матери леса – *cărărea Múmiei pădúrii*), иначе «она выйдет навстречу», человек заблудится, не сможет выполнить намеченную в лесу работу (строительство загона, рубка деревьев, сбор трав и грибов и т. п.). Чтобы поход в лес был успешным, следовало оставить ей на тропинке монетку (раньше оставляли серебро и золото). Говорили: «Там тропа Матери леса, положим... серебряную монетку туда» (*Acólo-i cărărea Múmiei pădúrii, să púnem un... bănúț d'e argint acólo...*) (С.-М. – Граб.). По поверьям, она грызет древесину (С.-М.).

В настоящее время *Múma pădúrii* в ряде сел воспринимается как сказочный персонаж (Мынз., Мел., Трест.). Также термин употребляется для обозначения безобразной, неряшливой женщины (Мел. – Жг., Изв.Д.).

7.1. доп. Существует представление об обитающих в лесах злых духах (*dúhurile réle*), которых туда якобы посылают знахарки (*descântătoáre* – pl. и sg.), изгоняющие их из больных (Мынз.).

7.2. Дикая женщина, живущая в горах, пассивное существо, не причиняющее вреда людям: нет.

8. ВОЗДУШНЫЕ ДЕМОНЫ

8.1. Змей, дракон, невидимое существо, демон непогоды, приносящий град, тучи, уничтожающий, «пожирающий» посевы, урожай: нет.

8.2. Жертва, угощение для «алы»: нет.

8.3. Добрый демон, змей, дракон, защищающий свое село (поля, виноградники) от непогоды (или/и приносящий долгожданный дождь): нет.

8.4. Змей с головой человека (или способный превращаться в человека), летающий в виде вихря и вступающий в половые отношения с деревенскими женщинами: *zméu*. Змей выглядит как пламя и передвигается с огромной скоростью; тот, кто его видит, имеет впоследствии отклонения в поведении – *áre zméu* (букв. ‘он(а) имеет змея’) (Мынз.). Существовало представление, что змей может вернуть девственность потерявшей ее девушке, поэтому некоторые девушки пытались подманить змея. О девушке, которая имела дурную

репутацию, но тем не менее удачно выходила замуж, также говорили, что она «имеет змея» (Мынз.). Однажды удалось услышать рассказ о подобном существе женского пола, мучившем по ночам парня (Мел.). Полагали, что колдунья (*vrăjitoáre*) якобы может насылать змея, превращать человека в змея (Трест.).

8.5. Обладающий сверхъестественными способностями человек (возможно, рожденный от змея и обычной женщины), дух которого во время сна человека защищает село и урожай от непогоды: нет.

8.6. Вихрь – воплощение (и место пребывания) нечистой силы (например, танцующей вилы): нет представлений.

9. ДЕМОНЫ ДОМА, СТРОЕНИЯ, МЕСТА, ХРАНИТЕЛИ КЛАДОВ

9.1. Покровитель какого-либо места, строения, источника, колодца, дерева, надела земли: зафиксированы выражения – *șárpele fântâni* ‘змея колодца’ (Трест.), *dúhu fântâni* ‘дух колодца’ (Мынз.). Детей, чтобы они не заглядывали в колодец, пугали духом колодца, который может утащить их туда, потому что ему не нравится, когда его пытаются увидеть (Мынз.).

9.2. Дух какого-либо строения, хранитель дома, происходящий от тени человека (или самого человека), замурованной в стену строения: нет.

9.3. Змея-хранительница дома, живущая под порогом, очагом, в каменных стенах дома и т.д., приносит счастье дому: *șárpele căsei* (все), *șárpe di căsă* (Дара), *șárpe de căsă* (С.-М.). Считается, что в каждом доме живет такая змея. Обитает под порогом (Дара). Эта змея не ядовита. Есть представление о том, что, если убить такую змею, умрет кто-либо из живущих в доме (Мынз., Трест., Мел., С.-М., Граб.) либо сгорит дом, человек заболевает (С.-М.). Змея, делающая добро людям, живет в стенах дома, и по ночам слышатся звуки, напоминающие тиканье часов-ходиков; эта змея «с желтым брюшком и белыми ушками» ест вместе с детьми, ползает и играет с ними (С.-М. – Граб.).

9.4. Покровитель села: нет мифологических представлений (покровителем села считается святой, которому посвящена местная церковь).

9.5. Дух-сторож закопанного клада: *bălăur* (змея) (Мынз.), *diávol* (Мынз., Трест.).

9.6. Клад, охраняемый демоном покровителем: лексемы нет. Существует представление о том, что по ночам клады «играют» (*jucă comóri*, С.-М.; *joácă*, Мел.), особенно на Пасху (С.-М.). В ночь на св. Георгия (Мел.) можно было увидеть, как «порхает» огонь, пламя над землей; на месте клада – выжженная земля; по другим сведениям, увидевший огонь над кладом умирает (С.-М.). Считается, что многие клады прокляты (*blestemáte*) и что тот, кто выкопает

такой клад, будет парализован или умрет (Мынз.). «Проклятым» считается клад, который закапывают с «проклятием» («тот, кто его найдет, сделает то...»): если увидевший клад догадается, что именно нужно сделать, то сможет вытащить его из земли (С.-М.). «Чистый» клад (*comoáră curată*) – тот, который найден случайно, например при строительстве (Мынз.).

10. ДЕМОНЫ СУДЬБЫ

10.1. Женские мифологические персонажи, определяющие судьбу младенца: *ursitóri(le)*, (Трест.), *ursitoáre(le)* (pl., Мынз., Мел., С.-М., Граб.), *ursitoáre(a)* (sg., Дара). Их представляют в образе трех пожилых благообразных женщин (Мынз., Граб., Бышч.), одетых в черное (С.-М. – Граб.). По некоторым утверждениям, они приходят в первую ночь после рождения ребенка (Трест., Граб) или в одну из трех первых ночей после рождения (Мынз.), в третью ночь (С.-М., Дара). Их никто не видит (Дара). В настоящее время ребенок и его мать во время предполагаемого прихода этих существ, как правило, находятся в больнице, однако домочадцы (особенно в тех семьях, где есть пожилые люди) всё же накрывают для них стол, чтобы они предопределили ребенку добрую судьбу. На стол помещают угощения из молока, сыра, пироги (*plăcinte*, pl.), борщ (*ciorbă*), вино⁴⁴. У стола ставят три стула (Мынз.).

Демоны судьбы приходят к столу, поэтому на третий день устраивают «урситориле» (*face ursitóri(ile)*): красиво накрывают стол, кладут ручку, карандаш, книгу (чтобы ребенок учился по ней)⁴⁵, деньги, золото, одно яйцо. Кладут «им» еду, деньги, золото, потому что они предопределяют судьбу (*urséște*): каждая из трех высказывает свое предопределение, третья питает расположение к новорожденному (Дара). В случае жизненных неудач говорят также:

Ursitoarea mi-a fost bună,
da mintea mea a fost nebună...

Моя *ursitoárea* была хорошей,
Да мой разум был плохим
(ненормальным) (Дара).

Или: «Господи, Господи, не было у меня ни одной “урситоары” на этом свете» (*Doamne, Doamne, n-am avut nici o ursitoare pã lumea astã*) (Дара).

Известна быличка о сбывающемся, несмотря на обстоятельства, предопределении «урситоар». Пастух случайно оказался у женщины, которая родила,

⁴⁴ По словам Чечилии Петреску (с. Мынзэлезть), на столе не должно быть мясных блюд и «суйки» (последнее обстоятельство объясняется тем, что «суйка – дьявольский напиток»).

⁴⁵ В деревенских семьях шутят, что им (крестьянам) при рождении положили на стол только мотыгу, секатор, грабли (Дара).

и услышал пророчество одной из «урситоар», что он возьмет в жены родившуюся девочку. Пастух решил, что он не может на ней жениться, поскольку он уже взрослый, а она маленькая, и посадил ее на кол на заборе. Она выжила и не вышла замуж, пока не пришел ее сватать этот пастух, как сказала *ursitoárea*. И он спросил ее, что у нее за отметина. Тогда все выяснилось, и они поняли, что предсказание сбылось (Дара).

10 доп. Был когда-то обычай: на третий день приходили три старые женщины из села, которых называли *ursitoáre*, для них накрывали стол: ставили вино, клали карандаши, деньги, муку, кукурузу, пшеницу, чтобы ребенку сопутствовала удача во всем, чтобы они ребенку напорочили (*să urseáscă*), чтобы он был ученым, грамотным и т. д. Обычай называли *ursitoárea copílului* ~ ‘предопределение судьбы ребенка’ (С.-М.).

11. ДЕМОНЫ – ДУШИ заложных покойников

11.1. Дух некрещеного ребенка, в облике птицы летающий со свистом (плачем, криком) и причиняющий зло людям, особенно новорожденным и их матерям: нет. Полагают, что такой ребенок (или мертворожденный ребенок) может превратиться в вампира (*strigói*) (Мынз.).

11.2. Души умерших рожениц и беременных женщин: нет.

11.3. Самоубийца (висельник, утопленник) или его душа – проводитель градовых туч, облаков: нет.

12. ДЕМОНЫ БОЛЕЗНИ

12.1. Название любых болезней (особенно эпидемических) с целью их задабривания, налаживания отношений с ними: нет.

12.2. Злые демоны, появляющиеся при родах и приносящие болезнь матери и новорожденному: нет. В прошлом существовало представление, что чем тяжелее проходят роды, тем больше женщина очищается от грехов и тем счастливее будет жизнь у ребенка (Мынз.).

12.3. Название (персонификация) чумы, представляемой как старушка, молодая девушка, кошка: *ciútmă*. Чуму представляли в виде старой уродливой женщины, которая могла войти куда угодно. Признаком прихода чумы считался беспричинный лай собак. Чума приходила во время войн с турками (Мынз.).

12.4. Персонификация оспы: нет.

12.5. Персонификация скарлатины: нет.

12.6. Персонификация лихорадки, представляемой в облике женщины (или как-либо иначе): нет.

12.7. Персонафикация бессонницы, представляемой в виде ужасной зубастой старухи (или как-либо иначе): нет⁴⁶.

12.8. Злой дух, вселяющийся в человека (или пса) и вызывающий бешенство: *dráci* ‘черти’; человек, в которого они вселились, – *e îndrăcit* («обуреваем бесами»). Их изгоняют с помощью специальной церковной службы (Мынз.).

12.9. Заболевание от нечистой силы: *lovit de iéle* («(его) ударили “еле”») – нервное или психическое расстройство, паралич, потеря способности разговаривать (Мынз.); *áre zméu* (букв. ‘он(а) имеет змея’) (Мынз., Трест.), *áre zburător la cap* (букв. ‘у него (нее) крылатый змей в голове’ (С.-М.) – нервное или психическое расстройство.

12. доп. Записан рассказ о беременной женщине, которая убила щенка, и у новорожденной девочки долго была шерсть на теле. Повитуха объяснила причину появления шерсти – убийство щенка. От шерсти избавили ребенка с помощью заговоров и специальных ванн (Дара).

13. НЕЧИСТАЯ СИЛА (черти, дьяволы и под.)

13.1. Собирательное название нечистой силы, «дьявольщины»: *dráci* ‘черти’, *lúcruri diavoléști* ‘дьявольщина’.

13.2. Дьявол – покрытое шерстью грозное существо, совмещающее черты человека и животного, с рогами, хвостом, крыльями: *drac*, *náibă*, *diávol*. Существует представление о том, что некоторые люди продают души своих детей дьяволу (дети в этом случае умирают от неизвестной болезни), и получают взамен процветание дома. Считается, что в таком доме живут «чертики» (*drăcușóri*, pl.) и новые хозяева, приобретя такой дом, не могут в нем жить (Мынз.).

13.3. Ночные существа, способные превращаться в животных и сбивающие людей с пути: нет.

13.4. Невидимая злая сила, ночные существа, нападающие на людей, душащие их и едящие верхом: нет.

14. СТРАШИЛИЩА, ПУГАЛА

14.1. Старуха, забирающая непослушных детей: *joimăriță* (единичное упоминание, Жг. – Мел.); *Múma Pádúrii* (единичное упоминание, С.-М. См. также 7.1.).

⁴⁶ При коликах в животе ребенка купают в воде, взятой из реки, привязав к разным частям его тела куски ветчины (сала), трут тряпкой и заговаривают: «Иди в реку, худое мясо, иди в реку, худое мясо...» (*Hai la gârlă carne de slabă, hai la gârlă în carne slabă...*) Затем: «Иди домой, жирное мясо, иди домой, жирное мясо, я тебя принесла... я тебя...» (*(H)ai acasă, carne grasă, (h)ai acasă, carne grasă, io te-am dus... te am...*) (Дара)..

14.2. Персонификация Великого поста – старуха, забирающая не соблюдающих пост детей и требующая за них выкуп пасхальными яйцами: нет.

14.3. Страшилище в облике животного: *Babáu, Baubáu* (С.-М., Бышч., Дара). Страшилище наподобие волка, ребенка пугают: «Уйди оттуда, а то тебя съест Бабау!» (*Fúgi de acólo cǎ te mǎnǎncǎ babáu*) (Дара). Непослушным детям говорят: «Придет Бабау (Баубау) и тебя заберет...» (*Vin'e Babáu ŝi te iá...*) (С.-М.). Иногда при этом надевают на себя что-либо из меха, устрашающую одежду и какой-нибудь предмет (ведро, корзину) на голову (С.-М. – Бышч.).

14.4. Привидение: *stǎfie*. Существует представление о привидениях-невестах (*mirésii* – pl., опр. форма; sg. *miréasa*) в белых одеждах, которые появлялись в определенном месте в окрестностях с. Мынзэлешть (Мынз.).

15. ЗНАХАРЬ, ЗНАХАРКА

15.1. Знахарь, шептун, целитель: *vrǎciu, vrǎjitór*.

15.2. Знахарка, ворожея, шептунья, целительница: *descântătoáre* (*discântătoáre* – С.-М.). Плату знахаркам независимо от того, деньги это или продукты, не дают в руки, а кладут на пол (Мынз., Мел., Трест.).

16. МАГИЯ

16.1. Магические действия: *fǎrmec* (sg.; pl. *fǎrmec(e)le*), С.-М.: *fermici(li)*; *vrǎjǎ* ‘ворожба’ (sg.; pl. *vrǎji (vrǎji)*). Подходящим временем для черной магии считается полнолуние (*lúnǎ plinǎ*) (Мынз.).

16.2. Заговоры: *descântec, descântec de poceálǎ* ~ ‘заговор от уродства’, *descântec de deóchi* (заговор от сглаза), *descântec de abúbǎ* (заговор от нарыва), *descântec de speriat* (заговор от испуга), *descântec de ŝárpe* (заговор от змеи), *descântec de drágoste* (заговор на любовь), *descântec de urát* (заговор на отворот) и др.⁴⁷

Самыми распространенными являются заговоры от сглаза. Их знают не только знахарки, но и многие другие люди. Эти заговоры можно произносить в любое время суток, в любой день недели и в любое время года. Полагают, что заговоры от сглаза «крадут, а не учат» (Дара). Другие заговоры не произносили в период поста, большинство заговоров произносят по понедельникам, средам и пятницам.

⁴⁷ Глагол, обозначающий это действие, – *a descântá (descánt)*; иногда *a discântá (discánt)* (Дара).

Чтение заговора от испуга может сопровождаться таким магическим действием, как протаскивание человека (или его одежды) между частями разрезанного надвое (вдоль) ствола терновника (*cătină*) или какого-либо другого колючего растения. Такой ствол именуется «волчья пасть» (*gură de lup*). Обряд называется *trécerea printr-o gură de lup* («прохождение через волчью пасть»). Знахарки, которые его проводят, заранее выбирают дерево, кропят его святой водой и просят у него разрешения на это действие (Мынз.). Также для исцеления от испуга действенным средством считается питье воды из следа какого-либо животного (зачерпывать эту воду нельзя, нужно пить прямо из следа) (Мынз.).

Заговор «от змеи» сопровождается определенными действиями с прутьями орешника (*alún*); существует представление о некой связи между змеями и орешником и о том, что змеи боятся этого растения (Мынз.).

16.3. Околдовать любовными чарами: *a fermecát-o de drágoste* («ее околдовали любовными чарами»).

17. ПОРЧА, СГЛАЗ

17.1. Сглаз: *deóchi*.

17.2. Наносить порчу: *a deocheát*.

17.3. Человек, обладающий способностью к сглазу: *om căre deoáche* («человек, который может сглазить»). Эта способность приписывается человеку, дважды отлученному от груди (*întórs de la piépt, întórs de la țăță*) (Мынз., Мел., Трест., С.-М., Граб.): *ăla deoáche* («этот может сглазить») (Дара).

17.4. Подпасть под действие порчи: *a fi deocheát* (все); *ómul deocheát* «человек, которого сглазили» (С.-М., Граб.).

17.5. Результат действия сглаза, порчи: *deóchi*.

В качестве защиты от сглаза перед выходом из дома трижды дотрагиваются сначала до пятки, потом – до лба, себя и ребенка (*se iá din călcăi și dá în frunte*: букв. «берут с пятки и дают в лоб»), со словами: «Как не сглазить пятку, так не сглазить ребенка» (*Cum nu se deoáche călcăi, așa nu se deoáchii copilul*) (С.-М., Граб., Дара)⁴⁸.

Если кого-либо сглазили, следует снять с него сглаз (*trébuie să-i descánți*): берут одну серебряную монетку, кладут ее в кружку с водой, и туда же кладут три уголька из огня (или три спички, если нет углей). Если они останутся на дне – значит, его сглазили, и тогда читается заговор:

⁴⁸ Красивым, статным животным (корове, лошади) в качестве оберега от сглаза вешают на хвост, рога или шею красную ленточку (С.-М., Дара).

Ieși, deochi,	Выйди, сглаз,
De la ochi,	Из глаз,
De la... nas,	Из носа,
Ochi și sprâncene,	Глаз и бровей,
Să rămâne (cutărică, cum îl cheamă acolo)	Чтобы остался (такой-то, как его там зовут)
Curat, luminat,	Чистым, светлым,
Ca argintu strecurat,	как чистое серебро,
Râu (rău?) de la el a ieșit	Зло чтобы из него вышло,
Ș-a plecat,	Ушло
Ș-a rămas băiatul meu	И чтобы остался мой мальчик (сын)
Frumos și curat,	Красивым и чистым,
Ca argintu strecurat.	Как чистое серебро.

(С.-М. – Граб.)⁴⁹

Встречается следующий способ избавления от сглаза: нужно поймать синицу (*pițigói, chițigói*), нарисовать кровью крест на ее крыле и отпустить, читая заговор от сглаза: «Как улетает синица, так...» (Трест.)⁵⁰.

⁴⁹ Информант уточнила, что заговор длиннее, но она запомнила только это.

⁵⁰ В с. Мынзэleshть удалось переписать несколько заговоров из тетради местной учительницы начальных классов Чечилии Петреску, которая записала их от местных жителей.

De deóchi

Fúgi deóchi
Díntre óchi
Din zgârciul násului
Din făța obrázului
Să rămână (numele) curát, luminát
Ca argintul strecurát,
Cum Máica Precistá din cer l-a lását.

De deóchi

Sub o túfă de rachítă
Stă o fátă despletítă,
Cu un óchi de apă și únul de foc
Cum se stínge fòcul cu apă
Așá să se stíngă deóchiul
Díntre óchii lui (numele)
Să rămână curát, luminát

От сглаза

Беги, сглаз,
Из глаз,
Из носового хряща,
Из лица,
Чтобы остался (имя) чистым, светлым,
Как чистое серебро,
Как Пречистая Матерь его оставила.

От сглаза

Под кустом ракиты
Стоит (сидит) девушка с распущенной косой,
С одним глазом из воды, а другим – из огня,
Как гаснет огонь от воды,
Так чтобы погас сглаз
Из глаз (имя).
Чтобы остался он чистым, светлым,

18. АМУЛЕТ

18.1. Талисман, защищающий от порчи, сглаза, а также от демонов и болезней: *fir roșu* ‘красная нить’, ее повязывают на руку маленьким детям (Мынз., Мел., Трест.). Защитными свойствами, как считается, обладает также одежда красного цвета, например красные платья для девочек (С.-М.).

18.2. Металлическое (или из воска) изображение человека, части его тела, животного, которое приносят в церковь для исцеления от болезни: нет.

18.3. Магическая формула, записанная где-либо и охраняющая человека: нет.

IV Л Дополнительные (лексические) вопросы

1. **vurkolac – vârcolac* (Мынз., Трест., Мел.), *zvârcolac* (Мел. – Жг.).

3) ‘демон, пожирающий месяц’. Описать его информанты не смогли. (С.-М., Мынз., Трест., Мел.)

Ca argintul strecurát

De Mãica Dómnului lăsát.

Как чистое серебро,

(Каким) Божья Матерь его оставила.

(Записано от Марии Туряк, с. Бышчень коммуны Мынзэлезть)

De deóchi

Sub o túfă de rachítă

Șade o fátă-mpodobítă

Cu un ochi de gheață și cu únul de foc

Sări ál de gheață stínse p-ál de foc

Stíngă-se fôcul de la ínima lúi (numele)

Să rămână curátă, luminátă,

Ca Mãica Dómnului din cer lăsátă.

От сглаза

Под кустом ракиты

Сидит нарядная девушка,

С одним глазом изо льда, а другим – из огня,

Прыгнул ледяной (глаз), погасил огненный,

Погасни, огонь, в сердце (имя),

Чтобы осталась она чистой, светлой

Какой оставила ее Божья Матерь.

(Записано от Аурики Леу, с. Бышчень)

De abubă

Bubă, bubușoară

Făcu Mãică Precistă o pomană mare

Toate abubele și bubele le chemară

Numai abuba de la ...

Se supără și se mâníe

De vârř se-aplecă

De la (неразборчиво)...

От нарыва

Прыщ, прыщик,

Справляла Пречистая Матерь большие поминки,

Все нарывы и прыщи звала.

Только нарыв от...

Рассердился и разозлился

Сверху наклонился,

От (неразборчиво)...

(Записано от Стана Бешлиу, с. Валя Котоарей коммуны Мынзэлезть).

2.*striga – *strigói* (m.), *strigoáicǎ* (f.).

‘ходячий мертвец, вампир’. (С.-М., Мынз., Трест., Мел.)

3.*mora – *moroi*

3) ‘мертвец-оборотень’. (Мынз.)

4.*lamia – нет.

5.*(*h*)*ala* – *hálǎ(a)*.

Есть свидетельство, что словосочетание *hála lui ǎla* (примерный перевод – ‘чудовище от того’) может употребляться по отношению к внебрачному, рожденному в результате изнасилования или просто нежеланному ребенку, как выражение неприязненного отношения к его отцу (Жг. – Мел.).

6.*blavor – *bǎláur*

1) Змея с несколькими головами (С.-М. – Бышч.), в основном – из сказок (С.-М.). Святой Георгий (*Sfántu Gheórghe*) боролся с бэлауром (*cu bǎláuru*) (С.-М.).

3) Вид змеи (Трест., С.-М.).

7.*stihî – *stáfie* (pl. *stáfii*) ‘привидение’. (С.-М., Мынз.), *spáfie* (*spáfie*), pl. *spáfii* (*spáfii*) – ночные существа, пугающие людей (С.-М.)

8.*karakondzul – нет.

Информанты

Andronache Anica – *Андронаке Аника*, Сэрата-Монтеору, 1938 г. р., 4 класса. Родом из с. Грабичина (коммуна Скорцоаса). **С.-М. – Граб.**

Beşliu Valeriu – *Бешлиу Валериу*, с. Мынзлешть, 1973 г. р., учитель начальных классов в школе с. Трестиора, по совместительству директор краеведческого музея коммуны Мынзлешть. **Мынз.**

Iacob Voica – *Якоб Войка*, 1938 г. р., с. Трестиора. **Трест.**

Cătălin Steliana – *Кэтэлин Стеляна*, Сэрата-Монтеору, 1931 г. р., 4 класса. **С.-М.**

Cârstea Georgeta – *Кырстя Жоржета*, Сэрата-Монтеору, 1946 г. р., 8 классов. **С.-М.**

Cristea Doina – *Крестя Дойна*, Сэрата-Монтеору, 1941 г. р., 4 класса. Родом из с. Бышчень (коммуна Мынзлешть). **С.-М. – Бышч.**

Iamandei Neacşa – *Ямандей Някша*, 1941 г. р., с. Меледик (уроженка с. Жгяб). **Мел. – Жг.**

Marcu Gheorghe (Gică) – *Марку Георге (Джикэ)*, 1923 г. р., с. Трестиора. **Трест.**

Marcu Ecaterina – *Марку Екатерина*, Дара, 1923 г. р., 4 класса. **Дара.**

Moise Stefan – *Мойсе Стефан*, Сэрата-Монтеору, 1929 г. р., среднее техническое образование. **С.-М.**

- Nojiță Elena – *Ножица Елена*, Сэрата-Монтеору, 1941 г. р., 5 классов. **С.-М.**
- Petrescu Cecilia – *Петреску Чечилия*, 1951 г. р., с. Мынзлешть. Учитель начальных классов в школе с. Мынзлешть. **Мынз.**
- Săringar Dana Elena – *Сэриндар Дана Елена*, 1989 г. р., с. Меледик, среднее образование. **Мел.**
- Stemate Cheorghie (Gigi) – *Стемате Георге (Джиджи)*, 1944 г. р., с. Трестиоара. В прошлом – учитель истории в средней школе с. Мынзлешть, ныне – пенсионер. **Трест.**
- Stemate Virginia (Gina) – *Стемате Вирджиния (Джина)*, 1948 г. р., с. Трестиоара. В прошлом – учитель географии, затем – воспитатель детского сада в с. Трестиоара, ныне – пенсионерка. **Трест.**
- Toader Gianina – *Тоадер Джанина*, 1968 г. р., с. Извору Дулче коммуны Мерей, среднее образование. **Изв.Д.**
- Nicolae Zaharia – *Nicolae Zaharia*, Сэрата-Монтеору, 1922 г. р., 5 классов. **С.-М.**
- Ovidiu Zaharia – *Ovidiu Zaharia*, Сэрата-Монтеору, 1956 г. р., среднее техническое образование. **С.-М.**

Сокращения

- Бышч. – село Бышчень (коммуна Мынзлешть);
Граб. – село Грабичина (коммуна Скорцоаса);
Дара – село Дара (коммуна Пьетроаселе);
Жг. – село Жгяб (коммуна Мынзлешть);
Изв.Д. – село Извору Дулче (коммуна Мерей);
Мел. – село Меледик (коммуна Мынзлешть);
Мынз. – село Мынзлешть;
С.-М. – село Сэрата-Монтеору (коммуна Мерей);
Трест. – село Трестиоара (коммуна Мынзлешть).

Литература

- Бернштейн 2000 – *Бернштейн С.Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. М., 2000.
- Голант 2008 – *Голант Н.Г.* Этнолингвистические материалы из коммуны Мэлая, Румыния (жудец Вылча, область Олтения) // Карпато-балканский диалектный ландшафт. Язык и культура. Памяти Галины Петровны Клепиковой. М., 2008. С. 271-323.
- Клепикова 2003 – *Клепикова Г.П.* Карпатское языкознание и «Общекарпатский диалектологический атлас» // *Studia Slavica Hung. Budapest*, 2003. № 48/4. С. 357–374.
- Плотникова 1996 – *Плотникова А.А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 1996. Переизд.: М., 2009.

Д. Ю. Анисимова
(Москва)

Этнолингвистические материалы из венгерской деревни Ипойфедемеш, Словакия

Венгерская деревня Ипойфедемеш (словацкое название Ипельске Уляны) находится на юге Словакии, на южных склонах массива Корпона, на высоте 345 м над уровнем моря. Деревня относится к исторической области Гонт (бывший комитат Гонт, общий для Словакии и Венгрии), ближайший город – историческая столица Гонта, Ипойшаг (словацкое название Шаги), находится в 22 км к югу на берегу р. Ипой, которая впадает в Дунай. Расстояние до Братиславы – 160 км, расстояние до Будапешта – 80 км. Расстояние от Федемеша до ближайшей деревни Палашт (словацкое название Плаштовце, 2000 жителей) – 9 км, дорога была проведена в конце 1930-х гг. Федемеш – аутентичная венгерская деревня, в ней живет около 329 венгров и 34 словака, при этом венгерские жители Федемеша не являются переселенцами и живут в этих местах со времен основания деревни. Данная территория отошла к Словакии сначала после Трианонского договора и затем после Второй мировой войны.

Первое упоминание о Федемеше относится к 1259 г., деревню два раза сжигали – татары и турки, на своем настоящем месте она находится с XVI в. Во время Второй мировой войны территория, на которой находится Федемеш, была аннексирована Венгрией, фактически здесь проходила северная граница между Венгрией и Словакией. В 1970 г. в Федемеше было 670 жителей, сейчас их число сократилось вдвое и продолжает уменьшаться. Школу закрыли в 2006 г., дети ездят учиться в Палашт. По вероисповеданию жители Федемеша – исключительно католики, в деревне есть католический храм Святого Михая.

Жители деревни говорят на палощком диалекте венгерского языка, в фонетике, лексике и грамматике которого сохранилось много архаичных черт. Женщины старше 70 лет, как правило, монолингвальны, их языковая компетенция в словацком языке является сугубо пассивной и позволяет им понимать словацкую речь. Среди мужчин старшего поколения есть монолингвы, но есть также билингвы. Среднее и младшее поколение жителей Федемеша двуязычно и владеет как венгерским, так и словацким языками.

Опросник, по которому проводилось исследование, был переведен на венгерский язык в 2009 г. [Плотникова 2009]. Ряд сведений по истории Северной

Венгрии и исторической области Гонт можно найти в книге [Manga 1979]. Описанию палочкой народной традиции посвящена монография [Manga 1968], подробное описание палочкового свадебного обряда представлен в издании [Bakó 1987]. Отличие палочкой народной традиции от других венгерских представлено также в этнографических описаниях Т. Дёмётёр [Dömötör 1972, 1974].

Народная традиция Федемеша представляет собой типичную палочковую традицию, для которой, в частности, характерен ритуал переноса кровати во время свадебного обряда. В отличие от западновенгерской обрядности, в Федемеше отсутствуют ритуалы, связанные со сбором винограда, однако распространен обычай освящения пшеницы и надевания венков на кресты, а также пасхальный обычай сжигания соломенной куклы-киси. В традиции Федемеша отсутствуют представления о водных и лесных демонах. Широко распространены верования в Луцу (св. Люцию), а также в разного рода целительство и знахарство.

1 С Народный календарь (обряды, обычаи, верования)

1. ДЕНЬ СВ. АНДРЕЯ (30.XI/13.XII)

Название праздника: *Andra:sh napja*¹ ‘день Андрея’.

1.1 доп.

1) В этот день под кровлю вешали связку пшеницы вперемежку с рожью, затем били веревкой по кровле и смотрели, что упадет из-под нее. Если упадет пшеница – девушка выйдет замуж за богатого, рожь – девушка выйдет за бедного, упадет жук – девушка выйдет за бродягу.

2) Искали дом человека по имени Андраш, стучали ему в ворота и следили, в какую сторону залает собака. Считалось, что с этой стороны придет будущий муж.

3) В воду ставили ветку вишни и думали о суженом; если ветка зацветет до Рождества, то в текущем (наступившем) году у девушки будет свадьба.

4) Разыгрывали пьесы, обычно рождение Иисуса, или играли в веселые игры (Янчи кукурузное зерно), или читали стихи.

Угощение для медведя в этот день: нет.

2. ДЕНЬ СВ. ВАРВАРЫ (4/17.XII)

2.1. Название праздника: *Borba:la napja* ‘День Варвары’. В этот день под кровлю дома засовывали яблоко. В Рождество яблоко доставали из-под кровли

¹ Здесь и далее запись венгерских названий дается в фонетической транскрипции

и брали с собой на рождественскую мессу. Считалось, что это приносит счастье.

2.2. Приготавливаемое в этот день блюдо из семян различного вида: нет.

2.3. Человек, приходивший в дом и исполнявший ритуалы, чтобы в хозяйстве велись куры: названия нет.

2.3 доп. «Куриные» ритуалы с целью сохранения либо увеличения поголовья кур в хозяйстве исполнялись в день св. Игната перед Рождеством. См. 5.1.

3. ДЕНЬ СВ. НИКОЛАЯ (6/19.XII)

3.1. Название праздника: *Miklo:sh napja* 'день Миклоша'. В этот день разыгрывали спектакли – играли в епископа, чертей и грешников. Вечером ходил человек, ряженный Микулашем, он носил на спине большую корзину, с ним ходил человек, ряженный чертом Прампусом, у него был прут, и он бил этим прутом непослушных детей.

4. ДЕНЬ СВ. АННЫ (9/22.XII)

4.1. Название праздника: нет.

4 доп. 13 декабря *Luca napja* 'день Луцы' (день св. Люции). В этот день нельзя было прясть, шить (а то зашьешь курам зады) и печь хлеб. Кроме того, нельзя было зажигать огни в доме, а то Луца придет и навредит. Если огни не зажигать, она не найдет дом. Нельзя было ходить к соседям, чтобы не поджечь себе ноги.

5. ДЕНЬ СВ. ИГНАТА (20.XII/2.I)

5.1. Название праздника («Куриное Рождество» и др.): названия нет. В этот день под птиц сыпали стружку, чтобы они лучше неслись.

5.2. Человек, первым входящий в дом и приносящий счастье, здоровье, урожайный год и т. п.: специального названия нет, эту функцию выполнял либо *pa:stor* 'пастух', либо *kana:s* 'свинопас'.

5.3. Ветка, которую приносит «полазник» и кладет в огонь: *apro:sent* 'мелкий святой', *csorda:sh kut'a:ja* 'собака пастуха'. «Пастух» отдавал хозяйке ветку, она била «пастуха» этой веткой по ногам. Затем эту ветку ставили в угол стола и оставляли до святок. Либо пастух сам бил этой веткой хозяйку по ногам, приговаривая: «Будь свежей!»

5.4. Полено, возлагаемое в очаг накануне праздника: нет

5.5. Ряженые, совершающие в этот день (и в последующие дни) обходы: *koleda:lo:k* 'колядующие'.

6. КАНУН СОЧЕЛЬНИКА

6.1. Название дня («День убинения» – режут животное для рождественской трапезы, отметьте и другие названия): нет.

7. СВЯТКИ

7.1. Название святочного периода (от Рождества до Крещения): *apro:sentek* ‘мелкие святые’, *mindsentek* ‘все святые’.

7.2. Полночь в дни святок: нет названия.

7.3. Нечистая сила, действующая в этот период: специального названия нет. Информанты отмечали, что в эти дни активизируются *vampí:rok* ‘вампиры’, *bosorka:n'ok* ‘ведьмы’, *Luca* ‘Луца’.

7.4. Святочные ряженые, колядники: *koleda:lo:k*, *mashkara:k* (*mashkura:k*). Сам процесс колядования называется *harando:zni*, *gorongolni*, *men'bödözni*.

7.5. Предводитель ряженных: нет.

7.6. Колядующий, который произносит благопожелания: нет.

7.7. Песня, исполняемая колядующими: *koleda*, *kanta*.

7.8. Пара ряженных в мужчину и женщину персонажей: нет.

7.9. Палка, посох, с которым ходят ряженные: *horga:shbo:t* ‘палка с крючком’.

7.10. Место захоронения ряженных, убитых в бою между группами участников обходов: нет. Сам факт боев между группами ряженных информанты отмечали.

7.11. Колядующие-дети: *rengetö:k* ‘трясуны’.

7.12. Обычай колядования детьми: *osht'ahorda:sh* ‘ношение облаток’. При этом никаких облаток дети не носили, просто читали стихи и пели.

7.13. Кизилковый (реже – дубовый, буковый, ореховый) прут, палочка, которую носит колядующий ребенок: *apro:sent* ‘мелкий святой’, *sentvesső* ‘святой прут’. Он был березовым или ивовым.

7 доп. Есть поговорка «Ты собираешься (готовишься), как стул Луцы», т. е. медленно. С дня св. Луцы до Рождества делали маленький стульчик. В полуночную мессу его вносили в церковь и садились на него. Считали, что тот, кто садится на этот стул, может увидеть, где находится ведьма.

8. СОЧЕЛЬНИК и РОЖДЕСТВО

8.1. Сочельник: *Kishkara:chon* ‘малое Рождество’.

8.2. Вечер Сочельника: *Kara:chon'eshte* ‘вечер Рождества’.

8.3. Рождество: *Kara:chon*’.

8.4. Ночь под Рождество: нет.

8.5. Дети, родившиеся в ночь на Рождество, а потому, по народным представлениям, способные распознавать нечистую силу: нет.

8.6. Сжигаемое в ночь на Рождество полено, дерево, пень.

8.6.1. Сжигаемое под Рождество одно (или «главное» среди других полено): нет.

8.6.2. Полено, которое сжигают вместе с «главным бадняком»: нет.

8.6.3. Небольшие поленья («дети»), которые сжигают вместе с «главным бадняком»: нет.

8.6.4. Утолщенный конец полена – «голова»: нет.

8.6.5. Углубление в полене – «рот», через который «кормят» полено: нет.

8.6.6. Часть полена в том месте, где ствол сломался при рубке дерева: нет.

8.6.7. Человек, который торжественно вносит полено в дом: нет.

8.7. Обрядовый хлеб.

8.7.1. Большой каравай – главный обрядовый хлеб, выпекаемый для ритуальной трапезы в Сочельник или на Рождество, в который замешиваются палочки, зерна и / или монета с целью определения доли, счастья каждого члена семьи: нет

8.7.2. Большой каравай с украшениями на поверхности: *ma:kosh guba*. После мессы рождественский хлеб получал название *angval* ‘ангельская’ *guba*. В обрядовом хлебе часто бывает маковая начинка, украшения делаются из воска – либо кресты, либо яйца.

8.7.3. Хлеб, предназначенный «в подарок новорожденному Богу»: нет.

8.7.4. Небольшие хлебцы, выпекаемые в форме животных, предметов хозяйства и орудий труда: нет.

8.7.5. Хлеб с христианской символикой на поверхности: названия нет, реалы есть.

8.7.6. Хлеб, выпекаемый для одаривания колядующих: нет.

8.7.7. Хлеб, выпекаемый для одаривания колядующих детей: нет. Колядующим детям дарят яблоки.

8.7.8. Хлеб, выпекаемый для одаривания «полазника»: нет.

8.7.9. Хлеб, выпекаемый для вола (волов) в доме: нет. Скотине дают часть крошек с рождественского стола.

8.7 доп. «Нежирный» или постный обрядовый хлеб носит название *osht* '(j)a (облатка). Обрядовый хлеб часто называют *laposh* ‘листовик’.

8.8. Первый приход в дом на Рождество, Новый год постороннего человека, самого хозяина в качестве «высокого гостя», почитаемого живот-

го. Приходящие носили с собой *aprószent* («мелких святых»), т. е. ореховые прутья. Ими два раза били по ногам хозяина дома, говорили: «Будь свежим!» Хозяйку дома тоже били по ногам, чтобы она «была свежей», и говорили благопожелания. Прутьями также могли бить непослушных детей.

8.8.1. Человек, первым приходящий на Рождество: специального названия нет, эту функцию выполнял либо *juha:s* ‘пастух крупного рогатого скота’, *kana:s* ‘свинопас’, либо *pa:stor* ‘пастух’.

8.8.1 доп. «Пастухи» носили с собой небольшую железную корову, считалось, что это приносит счастье.

8.8.2. Животное (вол, овца, конь, петух), которое вводят в дом на Рождество с целью способствовать счастью дома в следующем году: нет.

8.8.3. Процесс посещения дома человеком, приносящим счастье: *ammenboldogza:sh*.

8.8.4. Действия «полазника» с огнем, углями в очаге: нет.

8.9. Животное определенного вида, пола, возраста, которое режут и запекают для ритуальной трапезы на Рождество: названия нет. Режут всегда свинью (*disno:* ‘свинья’, специального термина нет). Когда забивали свинью, ее держали за хвост, приговаривая: «Смейтесь, смейтесь, дети, будет толстое сало».

8.9.1. Голова запеченного животного, которую оставляют до Нового года: нет.

8.10. Костер, возжигаемый от дня св. Игната до Рождества: нет.

8.11. Костер, возжигаемый на Рождество: нет.

8 доп.

1) «Куриные» ритуалы с целью сохранения либо увеличения поголовья кур в хозяйстве исполнялись перед Рождеством. Данные ритуалы исполняли дети и женщины. Они катались по земле, приговаривая: «Так пусть валяются куры». Обычно за это они получали небольшое вознаграждение.

2) Перед Рождеством ходили ряженые с большими палками и просили солонину (сало), говорили: «Кто не даст сало, тому я проткну ребенка».

3) Хозяин дома в Сочельник торжественно вносил корзину со снопом сена, куда клали инструменты (обязательно молоток и цепи). Сначала их ставили на стол, и затем на время рождественских праздников помещали под стол.

4) В Рождество люди дарили друг другу облатки *osht'a*, которыми благословляли, только эти были больше обычных облаток, их пекли дома, и от них все откусывали. Считалось, что если у кого-то будут проблемы, тот, с кем он ел облатку, ему поможет.

5) Оставляли крошки с рождественского стола, которым приписывалась магическая сила (ими кормили скотину в случае болезни, они защищали от сглаза и т. п.). Когда дети заболели простудой, из этих крошек им на лопатки делали компрессы.

6) Под Рождество в воду клали яблоки и затем этой водой поили скотину, чтобы та была здоровой.

7) В Рождество ели чесночный суп и обязательно блюдо из капусты.

8) Иногда в Рождество гадали – писали на бумажках имена суженых и клали в вареники: считали, что девушка выйдет замуж за парня, имя которого написано на доставшейся ей бумажке; большое значение придавали порядку всплывания этих вареников (последовательность выхода замуж собравшихся девушек).

9. НОВЫЙ ГОД

9.1. Название праздника: *Silvester*, *U:je:v* 'Новый год'.

9.2. Обрядовая вечерняя трапеза в канун праздника: названия нет, реалья есть.

9.3. Обрядовый хлеб

9.3.1. Большой каравай или слоеный пирог, выпекаемый для новогодней трапезы (или трапезы в канун Нового года), в который замешиваются палочки, зерна (символы здоровья, скота, урожая и т. п.) или / и монета с целью определения доли, счастья каждого члена семьи: нет. Судьбу узнавали в Рождество либо по вареникам, либо по галушкам.

9.3.2. Новогодний хлеб без знаков для гадания: нет.

9.3.3. Большой хлеб без знаков для гадания (часто из кукурузной муки), рисунок на котором делают трубочками из бузины (при выпечке получаются шарики, скармливаемые затем скоту для здоровья): нет.

9.3.4. Хлеб (или каша) – дар медведю: нет.

9.3.5. Небольшие булочки, выпекаемые «за упокой души мертвых»: нет.

9.3.6. Небольшие хлебцы, предназначенные детям: нет.

9.3.7. Хлеб для одаривания колядующих: *cipo* – маленькие хлебцы, которые давали беднякам, чтобы те молились за покойников.

9.3.8. Хлеб для вола в доме: нет.

9.4. Обычай новогоднего колядования (с сопровождающими его ритуалами «пахоты», «посевания» и др.). *koleda:la:sh*.

9.5. Новогодние ряженые: *koleda:lo:k*, *maskara:k*.

9.6. Деревянная палка, посох, с которым ходят ряженные, колядующие: аналогично рождественскому: *horga:shbo:t* ‘крючковатая палка’.

9.7. Гадание с опусканием колец (или других предметов) в сосуд с водой: нет. Гадали по вареникам / галушкам с записками. См. **8 доп.**

9 доп. На Новый год особенно отмечали первого приходящего. Значение имел пол приходящего. Если первым пришел мужчина – будет счастье в доме, пришла женщина – не будет счастья.

10. КАНУН БОГОЯВЛЕНИЯ (5/18.I)

10.1. Название дня («день Крещения» и др.): нет.

10.2. Обычай обхода домов девушками, «прогоняющими» злых духов: нет.

11. БОГОЯВЛЕНИЕ, ИЛИ КРЕЩЕНИЕ (6/19.I)

11.1. Название праздника: *vi:zkerest* ‘водный крест’.

11.2. Обычай обхода домов процессией парней или красиво одетых девушек: нет.

12. ДЕНЬ ИОАННА КРЕСТИТЕЛЯ (7/20.I)

12.1. Название праздника: *Ja:nosh kerestelö: napja* ‘День Крестителя Яноша’

12.2. Ряженные (в старую одежду, козлиные шкуры), совершающие в этот день обходы домов и пугающие селян: нет.

13. «БАБИН» ДЕНЬ или ДЕНЬ СВ. ДОМИНИКИ (8/21.I)

13.1. Название праздника: нет.

13.2. Ритуальное приглашение повивальной бабки в дом на праздник: нет.

13.3. Дар повивальной бабке – предмет в форме фаллоса и др.: нет.

14. ДЕНЬ СВ. АФАНАСИЯ (18/31.I)

14.1. Название праздника: нет.

14.2. Следующий день, когда соблюдается множество запретов, чтобы не заболеть, не умереть: нет.

15. ТРИФОНОВ ДЕНЬ (1/14.II)

15.1. Название праздника: нет.

16. СРЕТЕНИЕ (2/15.II)

16.1. Название праздника: *djertjasentelö:* ‘освящение свечей’.

17. СИМЕОНОВ ДЕНЬ (3/16.II)

17.1. Название праздника: *Bala:zh napja* ‘день св. Балажа’.

18. ХАРЛАМПИЕВ ДЕНЬ (10/23.II)

18.1. Название праздника (празднуется во избежание болезней): нет.

19. СВ. ВЛАСИЙ (11/24.II)

19.1. Название праздника: нет.

20. ПРИХОД ВЕСНЫ – ПЕРВОЕ МАРТА

20.1. Название дня: нет.

20.2. Украшение из разноцветных ниток, которое носят в этот день на руке, на одежде, привязывают животным и т.д.: нет.

21. ПЕРВЫЕ или ПОСЛЕДНИЕ ДНИ МАРТА (3 дня или 9–12)

21.1. Название первых (последних) дней марта, связанное с резким похолоданием в эти дни и легендами о рассерженной «бабе Марте» (или другом весеннем месяце), взявшей взаймы несколько дней у зимних месяцев: нет.

21.2. Живущие в воде мифические существа в образе женщин, которые активизируются в три первых, три средних или три последних дня месяца марта (а также в первые дни августа): нет.

22. СОРОК МУЧЕНИКОВ (9/22.III)

22.1. Название дня: *Ned'ven marti:r* ‘Сорок мучеников’.

22.2. Костер в этот день: нет. Жители Федемеша подчеркивали: «Мы специально костров не жжем».

22.3. Булочки, калачики (не более 40), выпекаемые на праздник: нет.

23. БЛАГОВЕЩЕНИЕ (25.III/7.IV)

23.1. Название праздника: *D'umölcholto: Boldogasson'* ‘Богородица (досл. «счастливая, блаженная женщина»), прививающая фруктовые деревья’.

23.2. Костер в этот день: нет.

24. ПЯТНИЦА ПЕРЕД ЮРЬЕВЫМ ДНЕМ

24.1. Название дня («Растительная пятница» и др.): нет.

25. ДЕНЬ СВ. ГЕОРГИЯ (ЮРЬЕВ ДЕНЬ) (24.IV/6.V)

25.1. Название праздника: *sent D'ord' napja* ‘день святого Георгия’.

25.3. Хлеб в форме кольца (через который совершается первое доение):

нет.

25.4. Жертвенное животное: нет.

25.5. Первое доение: нет.

25.6. Следующий день: нет.

25 доп. 25 апреля, в день Св. Марка – *buzasentelő*: ‘освящение пшеницы’. С крестов снимали цветочные венки и вешали пшеничные.

26. ДЕНЬ СВ. ЕРЕМЕЯ (1/14.V)

26.1. Название праздника: нет.

26.2. Обрядовая зелень, которой украшают двери, окна: нет.

27. ДЕНЬ СВ. КОНСТАНТИНА И ЕЛЕНЫ (21.V/3.VI)

27.1. Название праздника: нет

27.2. Участники обрядовых игр и шествий, совершаемых в этот день:

нет.

28. ДЕНЬ СВ. ВАРФОЛОМЕЯ (11/24.VI)

28.1. Название праздника: нет.

29. ДЕНЬ СВ. ВИТА (15/28.VI)

29.1. Название праздника: нет.

30. ИВАНОВ ДЕНЬ (24.VI/7.VII)

30.1. Название праздника (день «сбора трав» и др.): *Ja:nosh napja* ‘день Яноша’ *Ja:nosh ma:kos* ‘маковый Янош’.

30.2. Костер накануне этого дня: нет.

30.3. Обычай обхода полей с маленькой девочкой на плечах: названия нет, обычай есть.

30.4. Маленькая девочка – центральный персонаж детских обходов в этот день: нет.

30.5. Взрослая девушка – предводительница девичьих обходов, танцующая и поющая ритуальные песни: нет.

30.6. Гадание с предметами, опускаемыми в воду: нет.

30.7. Игра солнца в этот день: нет.

Передвижные праздники пасхального цикла

31. МАСЛЕНИЦА

31.1. Масленичная неделя: *Farshanghe:t* ‘масленичная неделя’.

31.2. Последний день (или последняя ночь) масленицы: *la:n'okvasha:rnapja* 'воскресенье девушек'. В этот день веткой, которую принес «пастух», били детей, чтобы те страдали, как вифлеемские младенцы.

31.3. Ряженые на масленицу: *maskara:k, bambuja:zo:k.*

31.4. «Мужской» персонаж, сопровождающий «женщину»: *redito:.*

31.5. «Женский» персонаж процессии (мужчина, наряженный в женскую одежду): *bakkus.*

31.6. Палки, с которыми ходят ряженые: названия нет, ходят с перевернутыми метлами.

31.7. Масленичная кукла: нет.

31.8. Костер (или обычай возжигания костра и ритуалы, с ним связанные) в последний день масленицы: нет.

31.9. Факел, который вертят в последний день масленицы (или на последней неделе перед Великим постом): нет.

31.10. Огненные стрелы, которые пускают в последний день масленицы: нет.

31.11. Состязание в последний день масленицы, игра с подвешенным над столом яйцом (и / или другими предметами), которое имеет право съесть тот, кто его ухватит зубами: нет.

31 доп. Масленичное веселье проходило три дня. Костюмы украшали букетами. Лучшему танцору обязательно вручали яйцо. На третий день в десять вечера говорили: *Elvette:k a ciga:nyokto:l a gano:t* 'у цыган забрали гармонику', нельзя было играть на музыкальных инструментах.

32. ПОСТ КАЛЕНДАРНЫЙ

32.1. Воздержание от употребления мяса и др. скоромных продуктов в определенные периоды: *böjt.*

32.2. Название Великого поста: *nad'böjt* 'большой / великий Пост'.

32.3. Самодельный календарь, сделанный из картошки или лука с семью перьями, которые символизируют дни недели: нет.

32 доп. Постная пища называется «чистой» (*tista*)².

33. ЧИСТЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

33.1. Название дня: нет.

33.2. Выпекаемый в этот день хлеб в форме змеи: нет.

² Слово *tista* имеет славянское происхождение.

34. ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ВЕЛИКОГО ПОСТА

34.1. Название недели: нет.

34.2. Название вторника на этой неделе: нет.

34.3. Название субботы на этой неделе: нет.

34.4. Мифологические существа, появляющиеся в это время в виде коней: нет.

34.5. Предводитель этих мифологических персонажей: нет.

34.6. Ритуальный хлеб, который пекли для мифических коней: нет.

34.7. Ряженные в это время: нет.

34 доп.

1) Отмечалось название среды *hamvazo: serda* ‘пепельная среда’.

2) Вечером народ собирался на конце деревни, и все шли с песней к церкви, читая *ro:zhafüze:r* ‘резарий’. Начинали шествие от креста, стоящего на конце деревни, затем входили в церковь и там молились. После выхода из церкви молились на большой крест, стоящий на холме в направлении соседней деревни Келень. Затем процессия отправлялась на кладбище.

35. ВЕРБНАЯ СУББОТА

35.1. Название праздника: *vira:gsombat* ‘цветочная суббота’.

35.2. Обычай обхода домов, исполняемый в этот день ряжеными девушками или детьми: нет.

35.3. Участницы обходов в этот день: нет.

35.4. Предводительница процессии: нет.

35.5. Пара обрядовых лиц, представляющих мужской и женский персонажи: нет.

35.6. Исполняемые участниками обряда песни: нет.

35.7. Хлеб, предназначенный для одаривания участниц: нет.

36. ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

36.1. Название праздника: *vira:gvasa:rnap* ‘цветочное воскресенье’.

36.2. Освященная ветка, которую после праздника хранят в доме: нет.

36.3. Общесельский костер в этот день: в этот день был обряд сжигания соломенной куклы *kisi*. Ее делали из соломы возле домов девушки, поведение которых считалось благопристойным, и затем наряжали. При этом старались, чтобы кукла была как можно более уродливой и грязной. Ее привязывали на деревянный шест и с песнями выносили из деревни. На берегу ее еще раз передевали и затем сжигали, а пепел бросали в ручей.

37. ПРЕДПАСХАЛЬНАЯ НЕДЕЛЯ

37.1. Название: *nad'he:t* 'большая / великая неделя'.

38. ВЕЛИКИЙ ЧЕТВЕРГ

38.1. Название праздника: *nad'csütörtök* 'большой / великий четверг'.

38.2. Грозное существо женского пола, появляющееся в этот день, чтобы наказать неумелых пряж: нет.

38.3. Выпекаемая в этот день лепешка для мертвых: нет.

38.4. Пасхальные яйца (приготавливаемые в четверг или пятницу): *vörös toja:sh* 'красные яйца'.

38.5. Первое крашеное яйцо, которому приписывается магическая мощь (свойства оберега): нет.

39. ВЕЛИКАЯ ПЯТНИЦА

39.1. Название дня: *nad'pe:ntek* 'большая пятница'.

40. ПАСХА

40.1. Название праздника: *hu:shve:t* 'мясной грех'.

40.2. Хлеб, каравай, украшенный яйцами: нет.

40 доп. На Пасху процессия, возглавляемая священником, шла от церкви до конца деревни, и каждый нес перед собой обгоревший деревянный крест. Этот крест поджигали в Пепельную среду, и с него должно было опасть достаточное количество пепла.

41. ПЕРВАЯ НЕДЕЛЯ ПОСЛЕ ПАСХИ

41.1. Название недели: нет.

41 доп. В первую неделю после Пасхи был обычай поливать друг друга водой из ручья '*lo:cholni*'. Кроме того, парни носили пасхальные яйца '*pirosh toja:sh*' (досл. «красное яйцо») девушкам, которые им нравятся.

42. ПЕРВАЯ ПЯТНИЦА ПОСЛЕ ПАСХИ

42.1. Название дня: нет.

43. ПЕРВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ ПОСЛЕ ПАСХИ (ФОМИНО ВОСКРЕСЕНЬЕ)

43.1. Название праздника: нет.

43.2. Песни, которые исполняют в этот день участники обряда: нет.

44. ПОНЕДЕЛЬНИК ЧЕРЕЗ НЕДЕЛЮ ПОСЛЕ ПАСХИ

44.1. Название дня: нет.

44 доп. Первый понедельник после поста назывался Днем переодевания (*Öltözköde:sh napja*).

45. СЕРЕДИНА ПЕРИОДА МЕЖДУ ПАСХОЙ И ТРОИЦЕЙ (25-Й ДЕНЬ ПОСЛЕ ПАСХИ)

45.1. Название дня: нет.

45.2. Обычай обхода детьми, которые собирают продукты для выпечки обрядового хлеба: нет.

46. ВОЗНЕСЕНИЕ (40-й день после Пасхи, четверг)

46.1. Название дня: нет.

46.2. Подношения соседям, пастухам: нет.

46.3. Общесельский праздник на горе: нет.

46.4. Обходы села с крестным ходом: нет.

47. ТРОИЦА

47.1. День Св. Троицы, пятидесятница (воскресенье): *pünköshd*.

47.2. Духов день, Святой Дух – следующий после пятидесятницы день (понедельник): нет.

47.3. Канун пятидесятницы: нет.

47.4. Название Троицкой (следующей после пятидесятницы) недели: нет.

47.5. Появляющиеся в это время мифологические существа женского пола, молодые, красивые, без одежды с распущенными волосами: нет.

47.6. Обходы ряженных, исцеляющих от болезней в это время: нет.

47.7. Предводитель участников обхода: нет.

47.8. Место захоронения ряженных, убитых в бою между группами участников обхода: нет.

47.9. Причина болезни человека в это время: нет.

47.10. Лечебное растение, цветущее в это время: нет.

47 доп. На Троицу парни приносили из леса красивые деревца, привязывали на них ленты и ставили перед домом.

48. ЛЕТНИЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ

48.1. Обряд вызывания дождя, во время которого участники (участницы) обходят дома, совершая ритуальные действия: нет.

48.2. Участницы обряда вызывания дождя: нет.

48.3. Основной персонаж процессии – девочка, украшенная зеленью, которая танцует перед домами, в то время как ее поливают водой: нет.

48.4. Участники обходов вызывания дождя, собирающие дары: нет.

48.5. Кукла из глины или соломы, которую «хоронят» (закапывают или бросают в воду) с целью вызвать дождь: нет.

49. ДЕНЬ КУЗЬМЫ И ДЕМЬЯНА (1/14.VII)

49.1. Название праздника: нет.

50. «ГОРЯЩИЕ» дни (между 15.VII/28.VII и 20.VII/2.VII)

50.1. Название периода, недели, дней: нет.

50.2. «Живой» огонь, добываемый трением сухих веток (для обновления огня в очаге в эти дни или для других обрядовых целей): нет.

51. ДЕНЬ СВ. ИЛЬИ (20.VII/2.VIII)

51.1. День св. Ильи, борца с дьяволом: нет.

51.2. Св. Илья (повелитель грома; бог солнца): нет.

51.3. Громы и молнии, которыми Св. Илья (или Бог) борется с дьяволом: нет.

51.4. Петух, которого в этот день приносят в жертву: нет.

51.4 доп. В июле активизируется трехголовый *sha.rka:n*, который может навредить посевам.

52. ПЕРВЫЕ ДНИ АВГУСТА (3, 9, 12)

52.1. Название первых («несчастливых») дней августа, в течение которых якобы активизируется нечистая сила: нет.

53. ПРЕОБРАЖЕНИЕ (6/19.VIII)

53.1. Название праздника: нет.

54. ДЕНЬ СВ. БОГОРОДИЦЫ (15/28.VIII)

54.1. Название праздника: *nad'boldogasson'* 'большая Богородица', *buchu:parja* 'день прощания'.

55. СИМЕОНОВ ДЕНЬ (1/14.IX)

55.1. Название праздника: нет.

56. «МАЛАЯ» БОГОРОДИЦА (8/21.IX)

56.1. Название праздника: *kishboldogasson'* 'малая Богородица', *kisasson'* 'малая женщина', *saroshboldogasson'* 'грязная Богородица', праздник жатвы, информанты объясняют это название тем, что прежде жали с грязью.

57. ВОЗДВИЖЕНЬЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА (14/27.IX)

57.1. Название праздника: нет.

58. ДЕНЬ СВ. ПЕТКИ – ПАРАСКЕВЫ-ПЯТНИЦЫ (14/27.X)

58.1. Название праздника: нет.

58.2. Основное (жертвенное) блюдо праздника: нет.

59. ДЕНЬ СВ. ДИМИТРИЯ (26.X/8.XI)

59.1. Название праздника: нет.

60. «МЫШИНЫЙ» ДЕНЬ (27.X/9.XI после дня св. Димитрия)

60.1. Название дня, празднующегося, чтобы в доме не было мышей: нет.

60.2. Как называли в этот день мышей (табу): нет.

61. «ВОЛЧЬЯ» НЕДЕЛЯ (или 3, 5, 7, 9 дней, празднующихся в честь волка)

61.1. Первый день – день св. Мраты (11/24.XI): нет.

61.2. Седьмой день недели (периода), когда волки должны быть разогнаны: нет.

61.3. Дни «волчьей» недели (периода): нет.

61.4. Наиболее опасный в этот период предводитель волчьей стаи: нет.

62. ЗИМНИЙ ОККАЗИОНАЛЬНЫЙ (или РОЖДЕСТВЕНСКИЙ) ОБХОД «ВОЛЧАТНИКОВ»

62.1. Обычай обхода мужчинами с волчьей шкурой, чучелом волка: нет.

62.2. Участники обхода с волчьей шкурой, чучелом и другими «волчьими» атрибутами: нет.

63. СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК, «СЛАВА», КУРБАН

63.1. Название семейного годового праздника: нет.

63.2. Вечер накануне праздника: нет.

63.3. Ночь накануне праздника: нет.

63.4. Первый день праздника: нет.

63.5. Второй день праздника: нет.

63.6. Третий день праздника: нет.

63.7. Последний день многодневного праздника: нет.

63.8. Повторное празднование в честь того же святого: нет.

63.9. Дополнительный праздник в честь другого святого-покровителя: нет.

63.10. Обрядовые лица, совершающие обход домов и собирающие рацию для праздника: нет.

63.11. Главный гость на празднике: нет.

63.12. Каравай, обрядовый хлеб на празднике: нет.

63.13. Ритуал преломления, рассечения каравая: нет.

63.14. Ритуал высказывания благопожеланий, тостов со словами благодарности святому-покровителю дома: нет.

63. доп. В Федемеше было два отдельно празднуемых дня – день св. Яноша (22 июня) и день Св. Йожефа (Иосифа), 18 марта. Жители подчеркивали: «У нас вот так, а в Палаште (соседняя деревня) уже по-другому». Считается, что в день св. Яноша святой помог жителям деревни (отвел эпидемию и защитил от татар), а в день св. Йожефа этот святой защитил деревню от падежа скота. Еще один праздник – праздник покровителя церкви, св. Михая, его еще называют праздником прощания, в этот день люди ходят друг к другу в гости.

II С Хозяйственные обряды и обычаи

1. ПАХОТА И СЕВ

1.1. Хлеб, который готовят для первого дня пахоты: нет.

1.1. доп. Весной существует обычай освящения пшеницы – *buzaszentelő*:

2. ЖАТВА

2.1. Двойной колос: нет.

2.2. Хлеб, которой оставляют на недожатой ниве: нет.

2.3. «Борода», пучок из последних колосьев, украшенный цветами, красной нитью: нет.

2.4. Праздник жатвы: *saroshboldogasson'*. См. Народный календарь 56.1.

2.5. Праздник по окончании молотбы: нет.

2 доп. В октябре существует *terme:sa:lda:sh*, праздник освящения урожая. Каждый приносит часть своего урожая в церковь, и там урожаем освящают.

3. ЖИВОТНОВОДСТВО

3.1. Первое молоко у коровы: нет.

3.2. Праздник стрижки овец: нет.

4. СТРОИТЕЛЬСТВО

4.1. Первый огонь в новом доме: нет.

III C Семейная обрядность

1. РОЖДЕНИЕ

1.1. Бездетная, бесплодная женщина: *magtalan asson* 'женщина без семени'.

1.2. Беременная женщина: *va:rando:sh* 'ожидающая', *boldog* 'счастливая', *nehé:z* 'тяжелая'.

1.3. Роженица: *szü:lö:asson*'.

1.4. Повивальная бабка, акушерка: *szü:le:snõ:*.

1.5. «Сорочка» (околоплодный пузырь), в которой рождаются некоторые дети, считающиеся счастливыми или наделенными свойствами демона: *burok*. Поверий не отмечено.

1.6. Детское место, послед: *lepe:n* 'лепешка'.

1.7. Обрядовый хлеб – первое угощение на второй день после родов, на которое зовут женщин: нет. К женщине никого не пускали в течение десяти дней, потом был праздник первого посещения – с подарками.

1.8. Обрядовый хлеб – второе (или единственное) угощение для женщин на третий день после родов: нет.

1.9. Крошенный в воду с растопленным жиром хлеб в качестве угощения для женщин на третий день после родов: нет.

1.10. Праздник по случаю рождения ребенка, на который гости приносили подарки, как правило, обрядовый хлеб (в день крещения или спустя одну-две недели): *komafo:ga:sh* 'приношение кумы / крестной'.

1.11. Угощение, которое гости приносят для роженицы: нет.

1.12. Подарки новорожденному ребенку (обычно – хлеб в день крещения): *kola:ch* (хлеб), *korozhma* (все, кроме хлеба).

1.13. Женщина, посещающая роженицу и новорожденного и приносящая подарки: нет.

1.14. Обычай, связанный с первыми шагами ребенка, – выпекание хлеба или слоеного пирога, который раздают всем, чтобы ребенок был здоровым: нет.

1.15. Ребенок, дважды отлученный от груди, в будущем человек с дурным глазом: нет.

1.16. Ритуал первой стрижки волос ребенка: нет.

1.17. Дети, родившиеся в один и тот же месяц, но в разные годы от одной матери, а потому связанные узами жизни и смерти на всю жизнь: нет.

1.18. Дети, родившиеся в один и тот же день недели от одной матери: нет.

1.19. Внебрачный ребенок: *fatt'ü:* ‘лебедь’, *rosskorjött* ‘пришедший не вовремя’.

2. СВАДЬБА

2.1. Посиделки – вечерние собрания девушек, женщин, молодежи: специального названия нет.

2.2. Кража невесты: в последнее время ритуал кражи появился, но все отмечают, что раньше его не было.

2.3. Венчание в доме без свадебных обычаев: нет.

2.4. Молодая, венчавшаяся без свадебных обычаев: *fattjü:menn'asson'* ‘невеста-лебедь’. Символом девичьей чистоты считается розмарин. Если женщина выходит замуж второй раз / беременная, розмарин к нарядам не привязывают и, кроме того, женщина венчается без венка.

2.5. Сваты из родственников жениха, посредники, отправляемые в дом невесты: *druzhba:k*.

2.6. Уговор о помолвке (или знакомство парня и девушки с целью женитьбы): названия нет.

2.7. Помолвка (в случае, когда она единственная): *eljed'ze:sh* ‘запись, подписание’.

2.8. Первая (малая) помолвка: *kishlagzi* ‘малая свадьба’, *kendöva:lta:sh* ‘обмен платками’.

2.9. Дар просватанной девушке: специального названия нет, специальное название для подарочного платка – *va:lto:kendö:* ‘обменный платок’.

2.10. Основная помолвка, где оговариваются подробности предстоящей свадьбы: *ke:zfogo:* ‘держание за руки’, *kendö:laka:sh* ‘обживание платков’.

2.11. Каравай, который получает невеста на основной помолвке (или перед свадьбой): *laposh* ‘листовик’, *morva:n'*.

2.12. Помолвленная девушка, обрученная, будущая жена: *men'asson'* ‘выходящая женщина’, *menn'echke* ‘невестушка’. Есть разница в названии между девушкой до расплетения косы (уже после свадьбы) – *men'asson'* и после расплетения косы – *menn'echke*.

2.13. Парень после помолвки, обрученный, будущий муж: точно так же, как в день свадьбы.

2.14. Предсвадебное посещение семьи жениха или невесты, где стороны договариваются о подарках: нет.

2.15. Жених, мужчина в день свадьбы: *vö:lege:n'* ‘покупающий парень’.

2.16. Невеста, женщина в день свадьбы: *men'asson* ‘выходящая женщина’.

2.17. Новобрачные: *fiatalok* ‘молодые’.

2.18. Свадьба: *lagzi*.

2.18 доп. Широко распространены ритуалы с узнаванием невесты и с «подложной невестой». Перед тем как невеста выходит к жениху, ему показывают несколько человек, переодетых в свадебный наряд, и спрашивают, его ли это невеста. В роли подложной невесты часто выступает мужчина – один из друзей жениха. В завершение перед выходом настоящей невесты жениху показывают белую гусыню / курицу / кролика и спрашивают, не его ли это невеста.

2.19. Центральный обрядовый персонаж: *druzhba, vö:fej, vö:fen* ‘покупающая голова’, ‘главный покупающий’.

2.20. Второе почетное лицо на свадьбе, старый сват: *na:snad'* – от слов *na:s* ‘свадьба’ и *nad'* ‘большой, великий’.

2.21. Свадебный персонаж, функция которого – веселить, смешить участников: *so:solo*: ‘говорящий слова’.

2.22. Свадебное знамя: *lagziza:slo*: ‘свадебное знамя’.

2.23. Свадебное дерево: *rozmaringbo:t* ‘палка с розмарином’. Палку украшают большим красным яблоком сверху (при этом называют его *aran'alma* ‘золотое яблоко’, розмарином (им же украшали шляпу и пиджак жениха), и разноцветными лентами, обязательно красными и белыми.

2.24. Фата, покрывало невесты: *pa:rta*.

2.25. Ребенок, которого сажают на колени невесты, или дают в руки, чтобы она его три раза подняла вверх: названия нет, сам ритуал зафиксирован. Невесте уже после свадьбы дают подержать на коленях годовалого / двухлетнего ребенка, чтобы у нее были дети. Пол ребенка значения не имеет. После этого родители ребенка получают от невесты подарок.

2.25 доп.

1) После венчания, когда молодую встречают в новом доме, родители жениха должны помазать ей губы медом, чтобы у них была сладкая жизнь.

2) Родители жениха сопровождают молодую на кухню и дают ей помешать готовящееся блюдо поварешкой, чтобы посмотреть, умеет ли та готовить.

2.26. Начальный комплекс свадебных ритуалов: нет.

2.26 доп. Матери невесты связывают руки и говорят, что она заболела и не может готовить, она отправляется в угол, и затем ей дают денег.

2.27. Свадебный хлеб, каравай: *fehe:rkalach* ‘белый пирог’, *örömkala:ch* ‘пирог радости’. Сверху прикрепляют свечи и зажигают их. Его украшают раз-

ноцветными яйцами и цветами, сделанными из воска, также из воска изготавливают сам венок невесты.

2.28. Свадебный пир: специального названия нет, просто *vachora* ‘ужин’.

2.28 доп.

1) После свадьбы невеста сама уходит к родителям и возвращается к жениху только на свадебный обед.

2) Отдельно отмечается обычай *kont'olo*: – невеста во время ужина уходит, ей расплетают косу, завязывают пучок и на него надевают красный (обязательно красный) платок, после этого ее название меняется с *men'asson* ‘женщина на выданье’ на *menn'echke* ‘невестушка’ (досл. основа глагола «идти» + диминутив), и она может идти танцевать свадебный танец.

2.29. Дары невесте от жениха, посылаемые накануне свадебной церемонии: накануне церемонии дарят яблоки и платки.

2.30. Дары жениху от невесты: специального названия нет.

2.31. Приданое, имущество, которое дают невесте при выходе замуж родные (отметьте, есть ли разные названия для денег, вещей, земли и т. п.): *kelend'e* (кровать + постельное белье), отдельно отмечается ритуал переноса кровати (*n'o:sol'a*, брачное ложе) из дома невесты в дом жениха, кровать тоже считается подарком, сам ритуал называется *a:d'vitel* ‘перенос кровати’, *koro-zhma* (деньги для будущих детей).

2.32. Дары сватов молодым: специального названия нет.

2.33. Символическая плата отца жениха за невесту во время свадьбы: названия нет.

2.34. Проводы молодоженов на первую брачную ночь: *elha:la:sh*.

2.35. Танцевать: *ta:ncolni*.

2.36. Играть на музыкальном инструменте: отдельного названия нет. На музыкальных инструментах играли всегда цыгане.

2.37. Обрядовый танец («открытый» или «закрытый» круг): *men'asson'ta:nc* ‘танец невесты’, *fektete:sh* ‘укладывание в постель’. С невестой танцуют все, кроме жениха, и после танца дают ей за это денег. При этом сам жених с невестой не танцует или танцует в последнюю очередь. Только после этих танцев невеста может уйти спать вместе с женихом.

3. ПОХОРОНЫ

3.1. Умиравший, человек в агонии: *haldoklo*.

3.2. Агония, предсмертные страдания: *haldokla:sh*.

- 3.3. Умерший, покойник: *hallott*.
- 3.4. Души умерших родителей, предки: нет.
- 3.5. Душа человека: *lelek*.
- 3.6. Загробный мир, тот свет: *tu:lvila:g* ‘мир за границей’.
- 3.7. Ад: *pokol*.
- 3.8. Рай: *menn'orsa:g*.
- 3.9. Похороны, погребение умершего: *temete:s*.
- 3.10. Гроб: *koporso:.*
- 3.11. Могила: *si:r*.
- 3.12. Кладбище: *temetö:.*
- 3.13. Саван, риза, полотно, которым покрывают покойника: *lepel*.
- 3.14. Оплакивание покойника: *virrasta:sh* ‘завывание’, *elshirata:sh* ‘оплакивание’.
- 3.15. Женщины, которые оплакивают покойника: *shirato: asson'ok* ‘оплакивающие женщины’.
- 3.16. Хлеб, который едят при покойнике: названия нет.
- 3.17. Обрядовый погребальный хлеб, связанный с народными представлениями об архангеле Михаиле, забирающем душу умирающего: нет.
- 3.18. Хлеб «для мертвого»: нет реалии.
- 3.19. Маленькие булочки без украшений: нет реалии.
- 3.20. Поминальное блюдо из жита – кутья, коливо: нет реалии.
- 3.21. Поминальная трапеза в доме после погребения: *tor*.
- 3.22. Поминки, сопровождающиеся посещением могилы в течение года: нет.
- 3.23. Поминки по истечении года со дня смерти: нет обычая.
- 3.24. Поминальные дни в течение календарного года: нет обычая.
- 3.25. Обрядовый хлеб в форме креста на поминках: нет реалии.
- 3.26. Маленькие булочки на поминках: нет .
- 3.27. Траур по покойнику: *d'a:s*.
- 3.28. Повторное погребение: названия нет, обычай есть.
- 3.29. Надгробный деревянный памятник (опишите его форму): *kerest* ‘крест’.
- 3.30. Надгробный камень, плита (опишите его / ее форму): *shi:rkö:* ‘могильный камень’. Надгробные камни ставят в форме крестов с очень широкими перекладинами, это нечто среднее между плитой и крестом.

IV С Народная мифология

1. ВАМПИР и аналогичные ему демоны

1.1. Ходячий мертвец в облике животного или человека, тени, большого кровавого мешка: *vampî:r*. Он упоминался только одним информантом, вампир представлен в виде человека, и он только пугает людей, но не пьет кровь.

1.2. Ходячий мертвец в облике человека, покрытого шерстью (или в облике волка, пса): нет.

1.3. «Окостеневший» вампир – мертвец, приобретающий через 40 дней после смерти плоть и кровь, после чего живет среди людей: нет.

1.4. Дети, рожденные от вампира и обладающие способностью бороться с вампиром: нет.

1.5. Вампир, который прячется в рогах или шерсти домашних животных, выпивая у них кровь: нет.

1.6. Человек-вампир при жизни: нет.

1.7. Действия превращения в вампира: нет.

2. ЧЕЛОВЕК-ВОЛК

2.1. Человек, превратившийся в волка: нет.

3. ДЕМОН, ПОЖИРАЮЩИЙ СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ

3.1. Демон, пожирающий солнце, месяц и вызывающий затмение: нет.

4. ВЕДЬМА

4.1. Женщина, обычно преклонного возраста, обладающая сверхъестественными свойствами, которые использует для нанесения вреда людям (отбирает урожай, молоко у коров, насылает болезни, порчу, а также пьет кровь людей, поедает младенцев и т.д.): *bosorka*. Она ходит босиком, и ей никогда не холодно, информанты подчеркивали, что «у ведьм горят подошвы». Ведьмы собираются на деревьях, в кронах. Считается, что они забирают молоко у коров. Записан рассказ о женщине, которую считали ведьмой из-за того, что она очень быстро перемещалась из дома на работу и ее перерыв на обед длился не дольше пяти минут. Воплощением ведьмы также считаются лягушки. Когда детям шьют рубашки, их шьют швами наружу – считают, что в этом случае ведьмы запутаются и не заберут себе детей.

4.2. Соответствующий мужской персонаж: нет.

4.3. Собрание, слет, «шабаш» ведьм: нет.

4.4. Девушка-ведьма, мучающая по ночам людей: нет.

4 доп. Нельзя было давать / одалживать что-то в понедельник, особенно это касается воды. Считается, что в этом случае ведьмы заметят и унесут счастье.

5. ВИЛА (приблизительный рус. перевод *русалка*) и аналогичные ей мифологические персонажи

5.1. Молодое существо женского пола привлекательной внешности, помогающее людям или приносящее вред: нет.

5.2. Танец этих персонажей: нет.

5.3. Следы их пребывания: нет.

5.4. Попадание человека на место пребывания персонажей: нет.

5.5. Человек, возвращенный «виллой»: нет.

6. ВОДЯНЫЕ, ДЕМОНЫ ВОДЫ

6.1. Дух, демон воды: жители Федемеша отрицали существование водяных духов.

6.2. Предводитель водяных духов: нет.

6.3. Живущий на дне озера или моря змей-дракон (змея-дракон) с головой пса, с несколькими головами: нет.

6.4. Живущие в глубоких местах рек существа женского пола с распущенными волосами, с помощью которых они топят людей: нет.

6.5. Хозяин реки или колодца, происходящий от утопленника: нет.

6 доп. В Федемеше со скепсисом отнеслись к существованию каких бы то ни было водных духов. Несмотря на то что деревня называется Ипойфедемеш, жители всячески дистанцируются от реки Ипой и говорят, что у них совершенно другие привычки по сравнению с теми, кто живет на берегу реки.

7. ЛЕСНЫЕ ДУХИ

7.1. Господствующее в лесу мифологическое существо – красивая (или безобразная) женщина, способная превращаться в животных, копну сена и другие предметы: нет. Поверья о духах не зафиксированы. Люди, когда идут работать в лес или на виноградники, вешают на деревья недалеко от места работы венки и иногда кладут под них еду (яйца).

7.2. Дикая женщина, живущая в горах, пассивное существо, не причиняющее вреда чабанам: нет.

8. ВОЗДУШНЫЕ ДЕМОНЫ

8.1. Змей, дракон, невидимое существо, демон непогоды, приносящий град, тучи, уничтожающий, «пожирющий» посевы, урожай: *sha.rka:n'*.

Он появляется летом, в середине-конце июля, в том числе когда гремит гром и сверкают молнии, у него одна голова и три хвоста, этими хвостами он бьет по земле и уничтожает посевы.

8.2. Жертва, угощение для «алы»: нет.

8.3. Добрый демон, змей, дракон, защищающий свое село (поля, виноградники) от непогоды (или / и приносящий долгожданный дождь): нет.

8.4. Змей с головой человека (или способный превращаться в человека), летающий в виде вихря и вступающий в половые отношения с деревенскими женщинами: нет.

8.5. Обладающий сверхъестественными способностями человек (возможно, рожденный от змея и обычной женщины), дух которого во время сна защищает село и урожай от непогоды: нет.

8.6. Вихрь – воплощение (и место пребывания) нечистой силы (например, танцующей вилы): нет.

9. ДЕМОНЫ ДОМА, СТРОЕНИЯ, МЕСТА, ХРАНИТЕЛИ КЛАДОВ

9.1. Покровитель какого-либо места, строения, источника, колодца, надела земли: нет.

9.2. Дух какого-либо строения, хранитель дома, происходящий от тени человека (или самого человека), замурованной в стену строения: нет.

9.3. Змея-хранительница дома, живущая под порогом, очагом, в каменных стенах дома и т.д., приносит счастье дому: *falikid'o*: 'стенная змея'. Если змею убить, в доме будет несчастье.

9.4. Покровитель села: нет.

9.5. Дух-сторож закопанного клада: нет.

9.6. Клад, охраняемый демоном-покровителем: нет.

10. ДЕМОНЫ СУДЬБЫ

10.1. Женские мифологические персонажи, определяющие судьбу младенца: нет.

11. ДЕМОНЫ-ДУШИ заложных покойников.

11.1. Дух некрещеного ребенка, в облике птицы летающий со свистом (плачем, криком) и причиняющий зло людям, особенно новорожденным и их матерям: нет.

11.2. Души умерших рожениц и беременных женщин: нет.

11.3. Самоубийца (висельник, утопленник) или его душа – предводитель градоносных туч: нет.

11 доп. Записаны былички: блуждающие огни гнались за рассказчиком; огонь вырывался из окон дома, и это свидетельствовало о пребывании в доме мертвеца, огоньки-души умерших летали вокруг дома.

12. ДЕМОНЫ БОЛЕЗНИ

12.1. Название любых болезней (особенно эпидемических) с целью их задабривания, налаживания отношений между ними: нет.

12.2. Злые демоны, появляющиеся при родах и приносящие болезнь матери и новорожденному: нет.

12.3. Название (персонификация) чумы, представленной как старушка, молодая девушка, кошка: нет.

12.4. Персонификация оспы: нет.

12.5. Персонификация скарлатины: нет.

12.6. Персонификация лихорадки, представленной в облике женщины (или как-либо иначе): нет.

12.7. Персонификация бессонницы, представленной в виде ужасной старухи (или как-либо иначе): нет.

12.8. Злой дух, вселяющийся в человека (или пса) и вызывающий бешенство: нет.

12.9. Заболевание от нечистой силы: нет.

13. НЕЧИСТАЯ СИЛА (черты, дьяволы и под.)

13.1. Собирательное название нечистой силы, «дьявольщины»: нет.

13.2. Дьявол – покрытой шерстью грозное существо, совмещающее черты человека и животного, с рогами, хвостом, крыльями: *ördög*.

13.3. Ночные существа, способные превращаться в животных и сбивающие людей с пути: нет.

13.4. Невидимая злая сила, ночные существа, нападающие на людей, душащие их и едzące верхом: нет.

14. СТРАШИЛИЩА, ПУГАЛА

14.1. Старуха, забирающая непослушных детей: нет.

14.2. Персонификация Великого поста – старуха, забирающая не соблюдающих пост детей и требующая за них выкуп пасхальными яйцами: нет.

14.3. Страшилище в облике животного: нет.

14.4. Привидение: *kish:ertet*.

15. ЗНАХАРЬ, ЗНАХАРКА**15.1. Знахарь, шептун, целитель:** *kuruzhlo:*.**15.2. Знахарка, ворожея, шептунья, целительница:** *kuruzhlo:, javashasson'*.

15 доп. От болезней лечили при помощи соломы с крыши дома, головки стеблей называли «ноготками Бога», им приписывали чудодейственную силу. Магическая сила также приписывалась воде, которой кропили хлеб после выпекания, этой водой брызгали на девочек, чтобы те были «такими же мягкими, как хлеб».

16. МАГИЯ**16.1. Магические действия:** *vara:zhla:sh.***16.2. Заговоры:** *ra:olvasha:shok, megige:zeshek.***16.3. Околдовать любовными чарами:** нет.16. доп. гадать = '*jo:sholni*'.**17. ПОРЧА, СГЛАЗ****17.1. Сглаз:** *rossem.*

17.2. Наносить порчу: *rossemet vetni* 'бросить дурной глаз', *megi:jestetni* 'напугать', *a:rtatni* 'испортить'.

17.3. Человек, обладающий способностью к сглазу: *rossemii:*.**17.4. Подпасть под действие порчи, сглаза:** *megi:jedni* 'испугаться'.**17.5. Результат действия сглаза, порчи:** *a:rtata:sh.*

17 доп. Человека, который сглазил, обычно пытались угадать по воску, на капанному в воду, либо по углям. Угли клали в воду и перечисляли характеристики возможного вредителя, пока какой-то уголек не потонет.

18. АМУЛЕТ

18.1. Талисман, защищающий от порчи, сглаза, а также от демонов и болезней: нет.

18.2. Металлическое (или из воска) изображение человека, части его тела, животного, которое приносят в церковь для исцеления от болезни: нет.

18.3. Магическая формула, записанная где-либо и охраняющая человека: нет.

Информанты

Матилд Надь, 1921 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность).

Мария Яношка, 1942 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность).

Мария Конц, 1933 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность).

- Михай Конц, 1921 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность, демонология).
Мария Хейшер, 1953 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность).
Мария Штилла, 1923 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность, демонология).
Мария Ковач, 1940 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность).
Карой Прибрански, 1938 г. р., среднее образование (календарный цикл, демонология).
Ференц Гергей, 1930 г. р., среднее образование (календарный цикл, демонология).
Мария Велебни, 1933 г. р., среднее образование (календарный цикл, семейная обрядность, демонология).

Литература

- Плотникова 2009 – *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009.
Bakó 1987 – *Bakó F.* Palócföldi lakodalom. Budapest, 1987.
Dömötör 1972 – *Dömötör T.* Magyar népszokások. Budapest, 1972.
Dömötör 1974 – *Dömötör T.* A népszokások költészete. Budapest, 1974.
Manga 1968 – *Manga J.* Ünnepek, szokások az Ipoly mentén. Budapest, 1968.
Manga 1979 – *Manga J.* Palócföld. Budapest, 1979.

Научное издание

**Карпато-балканский диалектный ландшафт.
Язык и культура.
2009–2011. Вып. 2.**

Сборник статей

Ответственный редактор *А. А. Плотникова*

Компьютерная верстка и оригинал-макет:
В. И. Вовканец, М. Н. Толстая

Обложка:
М. И. Леньшина

Утверждено к печати Институтом славяноведения РАН

Подписано в печать 6.02.2012 г.

Формат 60x90. 28,5 п. л.

Тираж 300 экз. Заказ № 2637.

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095, С-Петербург, ул. Розенштейна, д. 21
Тел./факс: (812) 622-01-23
E-mail: 6220123@mail.ru